ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ В. Бондаренко

ЖЗЛ

ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Вячеслав Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нет в нашей стране более замалчиваемой, более оболганной, более проклятой и забытой войны, чем Первая мировая (1914—1918). Горька судьба ее героев. В силу исторических обстоятельств они не дождались ни юбилейных медалей, ни пенсий, ни музеев, ни вечных огней, ни цветов в день Победы…

Эта книга — скромная дань уважения тем, кто не вернулся с кровавых полей Галиции, Волыни, Польши, Литвы, Латвии, Белоруссии, над кем навсегда сомкнулись холодные воды Балтики или Черного моря.

Вниманию читателя представлены двенадцать очерков — кратких биографий людей, которые навсегда вписали свои имена в историю Первой мировой войны. Это выдающийся полководец и командир боевого корабля, сын великого князя и простой донской казак, первый в России летчик-истребитель и сестра милосердия, военный священник и лихой гусарский офицер… Жизнеописание каждого героя прослеживается в тесной взаимосвязи с судьбой России, отчего по прочтении складывается целостное представление о великой и трагичной эпохе.

Книга снабжена приложениями, из которых читатель узнает много полезного об организации и структуре Русской Императорской армии, воинских званиях и наградах.

- Вячеслав Бондаренко
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ:
  - АЛЕКСЕЙ БРУСИЛОВ:
  - ЛАВР КОРНИЛОВ:
  - НИКОЛАЙ ЮДЕНИЧ:
  - КОЗЬМА КРЮЧКОВ:
  - ОЛЕГ РОМАНОВ:
  - ОТЕЦ АНТОНИЙ (СМИРНОВ):
  - БРАТЬЯ ПАНАЕВЫ:
  - АЛЕКСАНДР КАЗАКОВ:
  - ПЕТР ЧЕРКАСОВ:
  - РИММА ИВАНОВА:
  - ЭКИПАЖ «ИЛЬИ МУРОМЦА-XVI»:
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - От «Русской Императорской» к «армии свободной России»: организация и структура Вооруженных сил России накануне и во время

Первой мировой войны
- «И были дружною семьею солдат, корнет и генерал…»: система воинских званий и чинов в русской армии и флоте накануне и во время Первой мировой войны
- От «Благородия» до «Высокопревосходительства»:
- «Украшают мундир золотых два крыла…»:
- «В воздаяние мужества и храбрости…»:

- ХРОНОЛОГИЯ основных событий на русском фронте первой мировой войны 1914-1918 годов[1]
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

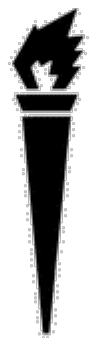
- notes
  - 1

Вячеслав Бондаренко
ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1642

(1442)

«Молодая гвардия», 2013

Автор сердечно благодарит за бескорыстную помощь и ценные консультации Г.Э. Введенского (Пушкин), С.В. Волкова (Москва), И.Н. Гребенкина (Рязань), В.Н. Суряева (Минск), Я.Ю. Тинченко (Киев), Ю. Тракшялиса (Вильнюс), О.И. Черкасову (Нижний Новгород), а также своих заочных друзей — постоянных посетителей форума

«Великая война 1914—1917. Форум истории и реконструкции, в особенности В.Л. Юшко, А.Н. Денисова, Д.К. Николаева, А.В. Шерстюка, А.Г. Папакина, Ю.Н. Бахурина, А.В. Каленова.

* * *

Посвящаю памяти русских воинов — героев Первой мировой войны

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель держит в руках книгу, посвященную событиям столетней давности. Последние залпы сражений Первой мировой войны отгремели в ноябре 1918 года. Давно переплавлены на металл старые орудия, танки и корабли, истлела ткань кителей и боевых знамен, затерялись в антикварных магазинах оплаченные когда-то кровью боевые ордена, время стерло с карты многие страны — участницы той войны… Народам Европы было суждено пройти через новые, еще более страшные испытания — и преодолеть их. За минувший век мир вокруг нас изменился, казалось бы, радикально.

И в то же время Великая война, как называли ее сто лет назад, остается удивительно «живым», близким к нам историческим событием. Стоит сделать лишь легкое усилие — и прикосновение к ней станет вполне возможным. Политологи и историки в один голос утверждают: современный мир со всеми его проблемами во многом порожден именно Первой мировой, а Вторая мировая стала ее логическим продолжением. Если будете путешествовать по шоссе Минск — Брест, остановитесь недалеко от Барановичей, и вы увидите рядом с трассой прекрасно сохранившуюся линию германской обороны 1916 года, а если пройдетесь по осыпавшимся, но отчетливо видимым остаткам вражеских окопов, под ногами у вас будут хрустеть ржавые, столетние осколки снарядов русских гаубиц. В сотнях семейных альбомов лежат пожелтевшие от времени, но до сих пор сохранившие четкость фотокарточки, с которых смотрят на нас наши прапрадеды — рядовые и унтер-офицеры, юнкера и генералы, свидетели и участники одного из самых страшных катаклизмов в истории человечества… В 1914—1917 годах в русскую армию было призвано без малого 16 миллионов жителей нашей страны. А сколько было тех, кто стоял у заводских станков и трудился в поле, тех, кто не спал ночей у операционного стола в лазарете, тех, кто жертвовал трудовую копейку на помощь фронту, тех, кто был сорван с родных мест войной и стал беженцем, тех, кто приютил таких беженцев?.. Так или иначе Первая мировая вошла в каждый дом, в каждую семью.

И одновременно, как это ни парадоксально, не было и нет в нашей стране более замалчиваемой, более оболганной, более проклятой и забытой войны, чем Первая мировая. Две революции, Гражданская, Великая Отечественная… И вот события 1914—1917 годов кажутся уже такими далекими, что впору объявить их никогда не существовавшими. А ведь были они, по историческим

меркам, совсем недавно. Поневоле задумываешься: неужели у нас такая короткая историческая память?.. Да нет, дело здесь в том, что память эту десятилетиями вытравливали и убивали. Потому что герои Великой войны сражались и умирали, как выяснилось, «не за те» идеалы. А значит, из героев мгновенно превратились в «золотопогонную сволочь» и «царских сатрапов». А война, на которой они проливали кровь за Отечество, была объявлена империалистической, антинародной, бессмысленной и позорной бойней…

Да, в истории Первой мировой множество скорбных и горьких для нас страниц — начиная с августовской катастрофы 1914-го и заканчивая Брестским миром. Да, прояви политики начала XX века больше мудрости, и этой войны вполне можно было избежать. Да, призванному в армию крестьянину или рабочему зачастую было непонятно, за какие такие «черноморские проливы» он должен умирать вдали от родного дома… Но были ведь в истории Первой мировой и массовый героизм, мужество, были сотни тысяч людей, ушедших на фронт добровольцами. Разве девальвируются со временем проявленные ими любовь к Родине и верность воинскому долгу?.. Разве зависят от того, на какой войне — победной или нет — были они проявлены?.. Пока мы не осознаем простую истину — в окопах Великой войны сражались и гибли наши с вами прадеды и прапрадеды, — мы не сможем утверждать, что ценим нашу историю и достойны своих предков…

В итоге Первой мировой наша великая страна, вместо того чтобы отпраздновать заслуженную, оплаченную миллионами жизней Победу, ушла в небытие, рухнув в хаос революций и Гражданской войны. Виновниками этого были и внутренние, и внешние враги России, но основная тяжесть вины лежит, как ни парадоксально, на ее «друзьях» по Антанте, интересы которых наша страна преданно защищала на протяжении трех лет. И в этом смысле результаты Первой мировой войны для России действительно могут считаться величайшей национальной катастрофой, расколовшей общество на долгие годы (эхо этого раскола слышно и сегодня). Но тот, кто утверждает, что России нечем гордиться в истории Первой мировой, либо намеренно лжет, либо заблуждается. Ибо сегодня мы по праву можем и должны восхищаться блестящими победами русской армии — такими, как Брусиловский прорыв, Сарыкамыш, Эрзерум, Галицийское сражение 1914-го, когда русские войска стояли на венгерской земле, оборонительная битва за Белоруссию в сентябре—октябре 1915 года, когда был сломлен наступательный порыв рвавшихся вглубь России немцев. Мы должны помнить

всех, кто не жалел жизни ради победы на фронте и в тылу. Мы должны отдать должное мужеству и стойкости Русского Офицера и Русского Солдата, отстаивавших свою Родину. И должны помнить о том, что привычное уху словосочетание «Великая Отечественная война» прозвучало впервые именно в 1914 году. Именно так она и воспринималась тогда в российском обществе. И сейчас перед нами стоит задача утверждения в массовом сознании облика Первой мировой войны не как «позорной и чуждой народным интересам бессмысленной бойни», а как войны святой, оборонительной, войны за свою Родину, войны, давшей нам множество героев, на чьих подвигах мы можем растить будущие поколения.

Тем горше была судьба этих героев. В силу исторических обстоятельств они не дождались ни юбилейных медалей, ни пенсий, ни музеев, ни вечных огней, ни цветов в День Победы… Их имена, заслуги и боевые награды были втоптаны в грязь и прокляты. Особенно активно этот процесс шел в СССР в 1920—1930-х годах, несмотря на то что тогда службу в Красной армии еще продолжали тысячи участников Первой мировой. Великая же Отечественная война, затмившая свою предшественницу и по размаху, и по жестокости, и по числу жертв, окончательно «списала» Первую мировую «в архив», и вплоть до начала 1990-х изучение этой войны оставалось уделом военных историков и немногочисленных энтузиастов, вынужденных действовать почти в подполье.

Почти столетие понадобилось, чтобы ситуация начала понемногу меняться к лучшему. В 1965—1966 годах появились первые памятники героям Первой мировой войны на территории СССР — скромные надгробия на братских могилах воинов, павших в Белоруссии. А начиная с 1990-х годов, после распада Советского Союза и смены идеологий, работа по увековечиванию памяти героев Первой мировой в постсоветских странах приобрела широкий размах, а где-то — и характер целенаправленной государственной политики. С каждым годом ширится деятельность по восстановлению имен безвестных воинов Первой мировой, снимаются документальные фильмы и выходят книги о ней, проводятся международные научные конференции, восстанавливаются заброшенные воинские погосты. Своеобразной вехой стал день 31 декабря 2012 года, когда Указом Президента России В.В. Путина день 1 августа был объявлен в Российской Федерации Днем памяти воинов, погибших в Первой мировой войне. И самое главное — растет число людей, изучающих ее наследие на всех уровнях, гордящихся своими славными предками. Возрожденные

Московское, Царскосельское и Минское братское кладбища 1914—1918 годов, посвященные павшим за Отечество воинам храмы-памятники в российском Гусеве (бывшем германском Гумбиннене), украинских Киеве и Ужгороде, белорусских Минске и деревне Забродье, многочисленные исследования, посвященные разным аспектам Великой войны, — словно свечи, зажженные в память тех, кто в свое время до конца выполнил свой долг… Автор надеется, что одной из таких «свечей» станет и эта книга — скромная дань уважения тем, кто не вернулся с кровавых полей Галиции, Волыни, Польши, Литвы, Латвии, Украины, Белоруссии, над кем навсегда сомкнулись холодные воды Балтики или Черного моря.

Книга содержит 12 очерков — кратких биографий людей, которые навсегда вписали свои имена в историю Первой мировой войны. Это выдающийся полководец и командир боевого корабля, сын великого князя и простой донской казак, первый в России летчик-истребитель и сестра милосердия, военный священник и лихой гусарский офицер… Разные люди, разные судьбы. Вклады, сделанные ими в нашу историю, далеко неравноценны и могут вызывать самые разные оценки. Кому-то уже посвящена огромная литература, в том числе и отдельные биографии в серии «ЖЗЛ», чье-то имя только сейчас начинает возвращаться из небытия. Объединяет их одно: в годы Первой мировой войны все они были готовы умереть за Отечество. Многие доказали это на деле… И если читатель проникнется уважением к нашим предкам — героям отдаленных временем битв, — автор будет считать свою миссию выполненной.

Все даты до 31 января 1918 года приведены по старому стилю.

Закончить предисловие хотелось бы перечислением тех людей, судьбы которых сподвигли автора на изучение истории Первой мировой войны. Это его предки, которые честно и до конца выполнили свой воинский долг перед Родиной:

Ананий Васильевич Максимович (1855—1929). Потомственный дворянин. Родился в Одессе. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, полковник, в годы Первой мировой войны — люблинский уездный воинский начальник, люблинский этапный комендант, с 20 октября 1917 года — елецкий уездный воинский начальник. Воевал на Юго-Западном фронте.

Награжден орденами Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 3-й и 2-й степеней. В 1918—1919 годах служил в Красной армии, в 1919—1920 годах — в Вооруженных силах Юга России. С 1920 года — в эмиграции

в Болгарии, умер и похоронен в селе Шипка.

Михаил Пантелеймонович Михайлов (1857 — после декабря 1917). Потомственный дворянин. Родился в Одессе. Участник Русско-турецкой и Русско-японской войн, генерал-майор, в годы Первой мировой войны — командир 1-й бригады 18-й пехотной дивизии, в ноябре 1916-го — апреле 1917 года — командующий 138-й пехотной дивизией. Воевал на Северо-Западном, Западном и Северном фронтах. За участие в боях награжден Золотым оружием «За храбрость», орденами Святого Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней с мечами, Святой Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней с мечами, Святого Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней с мечами, удостоен двух Высочайших благоволений. Дата и место смерти неизвестны.

Михаил Ананьевич Максимович (1884 — после июля 1917). Потомственный дворянин. Родился в Одессе. В годы Первой мировой войны — штабс-капитан, капитан 203-го пехотного Сухумского полка. Воевал на Северо-Западном и Западном фронтах. Дата и место смерти неизвестны.

Владимир Васильевич Чернецов (1888—1963). Личный дворянин. Родился в деревне Глуше Бобруйского уезда Минской губернии. Окончил ускоренный курс Владимирского военного училища 1 декабря 1914 года, в годы Первой мировой войны — прапорщик, подпоручик, поручик.

Иван Андреевич Скугаревский (1889—1961). Потомственный дворянин. Родился в деревне Красовщине Краснинского уезда Смоленской губернии. В годы Первой мировой войны — рядовой 66-го пехотного Бутырского полка. Воевал на Северо-Западном и Северном фронтах. Вместе с двумя сыновьями в звании рядового прошел Великую Отечественную войну.

Вечная им память.

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ: *«Природный воин, одаренный всем, что нужно руководителю…»*

Михаил Васильевич Алексеев родился 3 ноября 1857 года в семье обер-офицера русской армии Василия Алексеевича Алексеева и его жены Надежды Ивановны, урожденной Галаховой. По поводу места рождения будущего полководца споры идут до сих пор: по одной версии, он появился на свет в Тверской губернии, по другой — в Твери, по третьей — в уездном городе Вязьме Смоленской губернии. В пользу последней версии говорят воспоминания офицера С.Р. Нилова, опубликованные в журнале «Военно-исторический вестник» в 1966 году. В них Нилов описывает свою случайную встречу с Алексеевым и состоявшийся между ними диалог:

«— А вы откуда, капитан?

— Из Смоленска, Ваше высокопревосходительство.

— О, мы, значит, земляки».

А в мемуарах другого эмигранта, Н.В. Волкова-Муромцева, изданных в Москве в 1997 году, приводятся слова отца автора воспоминаний, смоленского помещика, об Алексееве: «Да, он наш, вязьмич, начал свою карьеру как босоногий мальчишка, продавал газеты. Он великолепный генерал».

Так или иначе, отец Михаила был по происхождению крепостным крестьянином, который попал под рекрутский набор и, честно отслужив положенный 19-летний срок, в том числе 12 лет в унтер-офицерском звании, сдал экзамены на офицерский чин. В 1855 году В.А. Алексеев принял участие в героической обороне Севастополя от англо-французских войск и на момент рождения сына был штабс-капитаном Казанского пехотного Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка.

С 1845 года первый же офицерский чин прапорщика в России приносил его обладателю права личного дворянства. Оно передавалось жене, но не детям, которые получали права потомственных почетных граждан. Именно такой статус и получил с рождением Михаил Алексеев.

Заметим, что история семьи Алексеевых вовсе не была каким-то редкостным исключением. Вопреки широко распространенному убеждению, сословные рамки в Российской империи были весьма «прозрачными», и образованному, умному

и предприимчивому человеку «из низов» сделать хорошую карьеру на службе, стать личным и потомственным дворянином было вполне возможно. Так, во время Первой мировой войны в рядах русской армии воевали генералы М.И. Шишкин, В.Н. Братанов и К.Л. Гильчевский, каждый из которых был сыном простого унтер-офицера.

Как и тысячи других офицерских русских семей, Алексеевы жили только на жалованье отца. Именно нехватка средств заставила мальчика прекратить учебу в Тверской классической гимназии после шестого класса. Способ «выйти в люди» для сына небогатого офицера был один — армейская служба: с марта 1869 года в России представитель любого сословия мог поступать на нее добровольно. И 22 ноября 1873 года 16-летний юноша, выдержав экзамены при штабе 16-й пехотной дивизии, поступил вольноопределяющимся 2-го разряда во 2-й гренадерский Ростовский Принца Фридриха Нидерландского полк (2-й разряд означал, что Алексеев — потомственный почетный гражданин по происхождению). Полк был расквартирован в Москве. Отслужив три месяца в унтер-офицерском звании и получив одобрение начальства, Михаил начал подготовку к вступительным экзаменам в Московское юнкерское училище. Как окончивший шесть классов гимназии, он сдавал только экзамен по русскому языку (от него требовалось «уменье свободно и правильно читать рукописи и печатные книги; уменье различать, на заданном примере, части речи и главнейшие их изменения; рассказать и написать кратко содержание прочитанного; правильно писать под диктовку»). И в сентябре 1874-го, справившись с испытанием, стал юнкером — сделал первый шаг на пути к офицерскому чину…

Юнкерские училища появились в России в 1864 году. На момент, когда Михаил Алексеев надел погоны юнкера, училищ такого типа в стране существовало 17 — пехотные Виленское, Московское, Гельсингфорсское, Одесское, Варшавское, Киевское, Чугуевское, Рижское, Казанское, Тифлисское, Санкт-Петербургское, Оренбургское, Ставропольское и Иркутское, кавалерийские Тверское и Елисаветградское, казачье Новочеркасское. Всего в них обучалось 2670 юнкеров-пехотинцев, 270 кавалеристов и 405 казаков. Именно выпускники юнкерских училищ составляли «костяк» русского офицерского корпуса в 1870—1900 годах.

Полный курс обучения в училище был рассчитан на два года. В младшем классе изучали общеобразовательные предметы: Закон Божий, русский язык, математику, историю и географию, воинские уставы. В старшем классе — русский язык, воинские

уставы, тактику, сведения об оружии, военную администрацию с необходимыми сведениями о способах обучения подчиненных, сбережении здоровья в войсках, военном судопроизводстве и военно-уголовных законах, некоторые сведения об артиллерии, полевую фортификацию, топографию. Для практического изучения воинской службы после первого курса юнкера распределялись по ближайшим частям. Юнкера старшего класса летом занимались в поле съемками, разбивкой и трассировкой окопов. После завершения учебы юнкера выпускались в полк, где производились в первый офицерский чин прапорщика.

Пехотное юнкерское училище уступало в престиже другим военным учебным заведениям Москвы. Его выпускник, в будущем Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вспоминал: «Училище размещалось в Лефортове, в Красных казармах — старинном двухэтажном здании с толстыми стенами, мрачными, пропускавшими мало света окнами, с большим коридором посередине, с асфальтовыми полами. По красоте и удобству оно далеко уступало расположенному на Знаменке зданию Александровского военного училища… Даже кадетские корпуса были в более благоустроенных зданиях, чем наше училище». Впрочем, не следует думать, что качество образования, которое будущие офицеры получали в юнкерских училищах, было ниже, чем, скажем, в училищах военных. Германский майор фон Теттау, посетивший в 1904 году некоторые части русской армии, в том числе и 125-й пехотный Курский полк, на 85 процентов укомплектованный выпускниками юнкерских училищ, отметил следующее: «Общество офицеров производило отличное впечатление людей хорошо воспитанных, как в смысле военном, так и житейском».

В 1897 году Московское пехотное юнкерское училище было преобразовано в Московское военное, а в 1906—1917 годах называлось Алексеевским военным училищем в честь наследника русского престола великого князя Алексея Николаевича.

В апреле—мае 1876-го 19-летний Михаил сдавал в училище выпускные экзамены, в июле был переименован в портупей-юнкера и откомандирован в полк. По прошению Алексеева им стал расквартированный в Витебске 64-й пехотный Казанский, где продолжал служить в чине майора его отец. Звание портупей-юнкера было промежуточным между юнкерским и офицерским: по выходе из училища портупей-юнкера получали особое жалованье в 100 рублей в год, имели право на серебряный офицерский темляк на холодном оружии и особый золотой шеврон, нашивавшийся углом кверху над обшлагом левого рукава. В полку на портупей-юнкеров налагались офицерские

обязанности, а по наложению взысканий они приравнивались к офицерам. По производству в первый офицерский чин им выдавалось 100 рублей на приобретение мундира.

Для Михаила Алексеева этот счастливый день наступил 1 декабря 1876 года — с открытием вакансии в полку он был произведен в прапорщики, приобретя тем самым права на личное дворянство. А уже меньше чем через год юный офицер получил боевое крещение на Русско-турецкой войне. Выступив на фронт из Витебска, 13 июля 1877 года 64-й пехотный Казанский полк переправился через Дунай и вступил на территорию Османской империи. 22 августа полк участвовал во взятии Ловчи (ныне — Ловеч, Болгария; в городе установлен памятник солдатам Казанского полка), а через неделю отличился во время штурма Плевны (ныне — Плевен, Болгария). Тогда казанцы, ведомые командиром полка полковником Михаилом Христофоровичем Лео, на глазах Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича овладели несколькими турецкими траншеями, и лишь отсутствие поддержки со стороны соседних частей помешало им развить успех. После тяжелого двухдневного перехода через Балканы полк 28 декабря 1877 года участвовал в Шейновском сражении.

Особо гордились офицеры и нижние чины 64-го Казанского полка тем обстоятельством, что всю Балканскую кампанию они проделали под руководством легендарного полководца М.Д. Скобелева — наводившего ужас на противника «Белого Генерала». Юному Михаилу Алексееву выпала честь некоторое время послужить ординарцем Скобелева. На память о днях освобождения Болгарии осталось у Алексеева ранение в ногу. А мужество офицера было отмечено сразу тремя боевыми орденами — Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненским оружием). 31 октября 1878 года за боевое отличие он был награжден также чином подпоручика. А всему 64-му пехотному Казанскому полку были пожалованы знаки на головные уборы с надписью: «За отличие в сражении при Шейнове 28 декабря 1877 г.». И это неудивительно, ведь в Болгарии казанцы проявили поистине массовый героизм. Так, за Плевну Знака отличия Военного ордена были удостоены 135 солдат, а за переход через Балканы и Шейново эта награда была вручена еще 79 бойцам.

До 5 июня 1879 года полк находился на территории получившей по итогам войны независимость Болгарии. С театра военных действий Алексеев вернулся в составе родного полка в Витебск, где прослужил еще четыре года. С июня 1883 года

местом стоянки полка стал Кобрин, а еще позже — Белосток, где специально для казанцев были построены новые казармы. Опытный офицер быстро рос в чинах — 25 января 1881 года за отличие по службе был произведен в поручики, 15 мая 1883-го — в штабс-капитаны, в течение двух лет, с октября 1885-го по октябрь 1887 года, командовал ротой в своем полку.

Осенью 1886 года на так называемых «царских» маневрах под Высоко-Литовском (ныне — Высокое, Беларусь) в присутствии Александра III и шефа полка великого князя Михаила Николаевича, командир полка полковник В.К. Жер лично представил штабс-капитана Алексеева знаменитому генерал-лейтенанту М.И. Драгомирову, с 1878 года руководившему Николаевской академией Генерального штаба. Это знакомство определило всю дальнейшую судьбу Алексеева. С этого момента офицер начал усиленно готовиться к поступлению в академию и спустя год сдал вступительные экзамены в это элитное учебное заведение, открывавшее перед выпускниками самые широкие перспективы… М.К. Лемке в своих воспоминаниях писал: «За долголетнюю службу обыкновенного строевого офицера Алексеев хорошо изучил русского солдата, сознательно и глубоко воспринял своей чуткой и простой душой богатство его духовных качеств, отлично узнал и русского офицера, убедившись на деле в его большой потенциальной силе. На себе самом и около себя Алексеев испытал и увидел недочеты военной организации, отражающиеся на спине солдата и на шее офицера совсем иначе, чем это кажется в штабных кабинетах. Таким образом, перед профессорами академии Алексеев предстал во всеоружии опыта и знания, которых так недостает громадному проценту молодежи, поступающей в академию сразу по истечении обязательного трехлетнего строевого стажа».

Академия Генерального штаба, с 1855 года носившая название Николаевской в память императора Николая I, существовала в России с 1832 года. Поступать в нее имели право офицеры всех родов войск в чине до штабс-капитана/штабс-ротмистра/подъесаула включительно. Отбор в академию был чрезвычайно строгим. Согласно воспоминаниям А.И. Деникина, «мытарства поступающих в академию начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание выражалось приблизительно такими цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400—500; поступало 140—150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50, то есть после отсеивания оставалось всего 3,3 процента».

В академии существовали младший и старший классы, а

также дополнительный курс. Ученики, окончившие оба класса по 2-му разряду, направлялись обратно в войска на прежние должности, а перворазрядники переводились на дополнительный курс, после чего получали очередной чин и по истечении двух лет службы в войсках причислялись к офицерам корпуса Генерального штаба. Их было совсем немного: так, в 1906 году на всю армию приходилось 350 генералов, 500 штаб- и 200 обер-офицеров-генштабистов.

Учеба в академии была очень напряженной. Будущие генштабисты должны были в совершенстве знать основные и вспомогательные военные дисциплины, особенности тактики и вооружения предполагаемых противников и потенциальных союзников России, владеть иностранными языками, блестяще разбираться в военной истории — словом, быть живой «военной энциклопедией». Выдерживали такую нагрузку далеко не все: история академии зафиксировала случаи, когда ученики в буквальном смысле слова лишались рассудка от колоссальных умственных и физических нагрузок.

Знания учащихся оценивались по 12-балльной шкале. В 1-й разряд зачислялись те, у кого «в среднем выводе из баллов по главным предметам не менее 10, а в среднем выводе из баллов по вспомогательным предметам — не менее 9». Михаил Васильевич Алексеев окончил академию с баллом 11,63 — первым по успехам. Достичь высшей 12-балльной отметки ему помешало противодействие единственного человека, относившегося к Алексееву предвзято, — ординарного профессора генерал-майора Н.Н. Сухотина. Но даже недоброжелательность Сухотина не помешала Алексееву получить Милютинскую премию — 1000 рублей, которыми награждался лучший по успехам ученик каждого курса. Кстати, одновременно с Алексеевым окончили академию многие в будущем известные военачальники Первой мировой войны — генералы К.Л. Гильчевский, Е.А. Леонтович, С.Д. Марков, С.С. Саввич, В.Е. Флуг.

13 мая 1890 года 32-летнему Алексееву был присвоен чин Генерального штаба капитана. В ноябре молодой генштабист получил свою первую должность в новом качестве — старшего адъютанта штаба 1-го армейского корпуса. Этот год стал для Михаила Васильевича счастливым в еще одном смысле: он связал свою судьбу с Анной Николаевной Щербицкой, которая родила ему трех детей — сына Николая и дочерей Клавдию и Веру.

В июне 1894 года Алексеев получил перевод по службе в канцелярию Военно-учетного комитета Главного штаба, где сначала был младшим делопроизводителем, а затем старшим. Там он был произведен в подполковники (30 августа 1894 года) и

полковники (5 апреля 1898 года этот чин дал офицеру права потомственного дворянства). С этого времени служба Алексеева была связана со штабной работой, если не считать цензового командования батальоном в лейб-гвардии Гренадерском полку (1900) и командования бригадой 22-й пехотной дивизии (1907).

Одновременно со службой в Главном штабе Алексеев преподавал на кафедре русского военного искусства Николаевской академии Генерального штаба, последовательно занимая должности экстраординарного (1898—1901), ординарного (1901—1904) и заслуженного ординарного (с 1904) профессоров. Об Алексееве-преподавателе один из его учеников, ставший впоследствии генерал-лейтенантом, А.П. Богаевский, вспоминал так: «Он остался таким же кропотливым и усердным работником, прекрасно излагавшим свой далеко не легкий предмет. Он не был выдающимся талантом в этом отношении, но то, что нужно нам было знать, он давал в строго научной форме и сжатом образном изложении. Мы знали, что все, что он говорит, — не фантазия, а действительно так и было, потому что каждый исторический факт он изучал и проверял по массе источников».

На протяжении трех лет, с августа 1900-го по май 1903 года, Генерального штаба полковник Алексеев был начальником оперативного отделения только что созданной генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, а затем занял должность начальника отдела Главного штаба. 28 марта 1904 года последовало производство в чин генерал-майора. Михаилу Васильевичу было в то время всего 46 лет.

Именно в это время окончательно сформировались присущий Алексееву стиль штабной работы и его характер. Сослуживцы характеризовали его так: «Алексеев — человек рабочий, сурово воспитанный трудовой жизнью бедняка, мягкий по внешнему выражению своих чувств, но твердый в основании своих корней; веселье и юмор свойственны ему скорее как сатирику; человек, не умеющий сказать слова с людьми, с которыми по существу не о чем или незачем говорить, военный по всему своему складу, природный воин, одаренный всем, что нужно руководителю, кроме разве умения быть иногда жестоким; человек, которого нельзя себе представить ни в какой другой обстановке, практик военного дела, которое знает от юнкерского ранца до руководства крупными строевыми частями; очень доступный каждому, лишенный всякой внешней помпы, товарищ всех подчиненных, не способный к интригам». Всех поражала память Алексеева: после нескольких часов изучения карт он был способен составить подробную директиву, где на память, не сверяясь с документами, обозначал расстановку на фронте каждого корпуса, дивизии и

полка.

Заслуги Алексеева в мирное время были отмечены орденами Святого Станислава 2-й степени (1892), Святой Анны 2-й степени (1896), Святого Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет службы (1900) и Святого Владимира 3-й степени (1901).

С началом Русско-японской войны М.В. Алексеев 30 октября 1904 года был по собственному желанию назначен генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии, которой командовал генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс.

Фронтовыми впечатлениями Алексеев откровенно делился с женой в письмах. Они содержат и невеселые размышления об увиденном. «Вообще наши начальники мало образованы в своем специальном военном деле и совершенно не подготовлены к управлению большими силами, — констатировал Алексеев. — Наши большие силы парализуются бесконечным исканием плана и в то же время отсутствием ясной, простой идеи, что нужно. Нет идеи, нет и решительности. Колебания и боязнь — вот наши недуги и болезни, мы не хотим рисковать ничем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяевами должны были бы и могли бы быть мы… Отсюда вытекают те боязливые задачи, узкие по содержанию, которые ставит себе Главнокомандующий, то мотание войск, которое совершается при первой вести о появлении там или там противника. Полководцу нужны: талант, счастье, решимость. Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Военного счастья нет, а решимость просто отсутствует, а между тем на войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать. Стремление к последнему ведет за собою то, что мы никак не выберемся из области взятия той или другой деревни, вместо постановки цели ясной, широкой, определенной и направления для этого сил достаточных. Мы уже богаты и при умении и смелости могли бы многое сделать». Подводя итоги увиденного, генерал заключал: «Будем просить Бога — да смилуется над нашей Родиной и просветит ум и дух того, в чьих руках и военная слава, и судьба государства; пониже — в конце концов не сдадут, а на своих плечах вынесут свое дело».

Не раз в ходе боевых действий М.В. Алексееву приходилось делать рекогносцировки под огнем противника. За проявленное мужество генерал-майор 23 ноября 1905 года был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени с мечами, а 23 апреля 1906 года — Золотого оружия с надписью «За храбрость». В том же году он был награжден и своей второй «звездой» — орденом Святой Анны 1-й степени.

27 сентября 1906 года генерал-майор Алексеев получил назначение на должность 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Он стал ближайшим помощником начальника ГУГШ генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына и, по мнению военного историка и теоретика Н.Н. Головина, «обладая громадным опытом стратегической работы и в то же время ученым стажем, представлял собою наиболее квалифицированного работника Большого Генерального штаба». На ГУГШ в то время была возложена серьезная обязанность — проанализировать ход Русско-японской войны, обобщить и учесть ее опыт в ходе планирования предстоящих кампаний.

Сослуживец и друг Алексеева генерал-лейтенант В.Е. Борисов вспоминал: «В 1907 году я встретился с Алексеевым в Главном Управлении Генерального Штаба. В это время осуществилось давнишнее стремление нашего Генерального Штаба выделиться из тяжелого плена в объятиях военно-административного Главного Штаба и отдаться всецело стратегической подготовке к будущей войне. Это удалось только после ряда поражений, испытанных нашей армией во время Японской войны. Первым нашим, независимым от военного министра, начальником Генерального Штаба был генерал Ф.Ф. Палицын. Алексеев был 1-м обер-квартирмейстером, я был 2-м. Алексеев ведал общим планом будущей войны. Я ведал развертыванием сил на западном фронте от Швеции до Румынии. Генерал Скерский был 3-м обер-квартирмейстером и ведал Кавказом и всей Азиатской Россией. Алексеев, несмотря на равное со мной и Скерским служебное положение, заменял для нас генерал-квартирмейстера (вместо бывшего им больного генерала Дубасова), так как Алексеев, состоявший до этого назначения Начальником оперативного отделения Главного Штаба, а во время Русско-Японской войны Генерал-Квартирмейстером Штаба 3-ей армии, знал ход всего стратегического делопроизводства и историю всех стратегических, организационных и военно-административных начинаний».

Однако плодотворная деятельность Михаила Васильевича в ГУГШ продолжалась недолго: 30 августа 1908 года он получил назначение на должность начальника штаба Киевского военного округа с оставлением в звании ординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба, а 7 октября 1908 года за отличие по службе был произведен в генерал-лейтенанты. Прощаясь с подчиненным, Ф.Ф. Палицын в особом приказе подчеркнул, что «вся предшествующая служба Алексеева отмечена верным и настойчивым служением его интересам армии» и что он «всегда брал на себя львиную долю работы и

стремился остаться незамеченным».

Перевод М.В. Алексеева в Киев был частью крупной реформы в армии — 13 ноября 1908 года Ф.Ф. Палицын лишился должности, ГУГШ был подчинен Военному министерству, а 2 декабря 1908 года Генштаб возглавил генерал от инфантерии В.А. Сухомлинов, относившийся к Алексееву крайне недоброжелательно (через год Сухомлинов стал военным министром).

В Киеве Михаил Васильевич прослужил четыре года. В должности начальника штаба округа он был удостоен ордена Святого Владимира 2-й степени (6 декабря 1911 года), после чего 12 июля 1912 года получил под командование 13-й армейский корпус. В его состав входили 1-я и 36-я пехотные дивизии, 2-я отдельная кавалерийская бригада, 13-й мортир-но-артиллерийский дивизион, 5-й тяжелый артиллерийский дивизион и 13-й саперный батальон. Дислоцировался корпус в родных местах генерала, на Смоленщине.

Конечно, в армии ссылки не бывает — бывает перемена места службы. Но для Алексеева, чей авторитет в Генеральном штабе в начале 1910-х годов был очень высоким, назначение в Киевский округ и 13-й армейский корпус были переводами с понижением. Тем более что буквально через десять дней после назначения Алексеева комкором произошел неприятный эпизод во время смотра на Бородинском поле — из строя вышел солдат и подал Николаю II прошение. Этим поспешили воспользоваться недоброжелатели Алексеева, обвинившие генерала в развале дисциплины в его корпусе. В вину Алексееву ставилось, в частности, то, что он ни разу не устроил церемониальный смотр своего корпуса, ссылаясь на необходимость войскам заниматься не этим «театром», а боевой подготовкой. «При крайне враждебном к нему отношении военного министра Сухомлинова и при ряде совершенно неподготовленных к своей важной задаче начальников Генерального штаба, Алексеев не мог иметь какого-либо решающего влияния в постановку общих стратегических вопросов», — с горечью констатировал в своих воспоминаниях генерал-лейтенант В.Е. Борисов.

Красноречивым примером недоброжелательного отношения к Алексееву высшего военного руководства страны служит эпизод, случившийся в марте 1914 года. Тогда освободился пост начальника Генерального штаба, и редактор журнала «Русская старина» генерал Воронов обратился к военному министру В.А. Сухомлинову:

— Все знающие русское военное дело люди просят, чтобы был назначен генерал Алексеев, который вполне этого достоин и

имеет на то все права.

— Генерал Алексеев не может быть назначен, — ответил Сухомлинов.

— Почему?

— Он не знает языков. Ну как же он поедет во Францию на маневры и как он будет разговаривать с начальником французского Генерального штаба?

Ошеломленный Воронов попробовал возразить:

— Никак не полагал, что назначение начальника Генерального штаба зависит от языка…

Но Сухомлинов резко оборвал собеседника:

— Вопрос решенный! Назначение генерала Алексеева не состоится…

Тем не менее даже в такой невыигрышной для себя ситуации Алексеев находил мужество сопротивляться тем тенденциям в развитии вооруженных сил России, которые он находил неверными. Так, в феврале 1912 года на Московском совещании начальников штабов военных округов он выступил с резкой критикой плана обороны, разработанного в 1910 году полковником Ю.Н. Даниловым, сменившим Алексеева в роли 1-го квартирмейстера ГУГШ. План Данилова базировался на ложной посылке, предусматривавшей одновременное нападение на Россию Германии, Австро-Венгрии, Швеции, Румынии, Турции, Японии и Китая при нейтралитете Франции. При этом русской армии, скученной в Белоруссии, отводилась исключительно пассивная роль. Высмеяв фантастический план Данилова, Алексеев указал, что русская армия достаточно сильна, чтобы действовать наступательно, и подчеркнул, что основные силы нужно сосредоточить против Австро-Венгрии. Правоту этого взгляда подтвердила разразившаяся Первая мировая война…

С началом боевых действий, 20 июля 1914 года, только что назначенный Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич попросил у Николая II разрешения забрать к себе в Ставку Ф.Ф. Палицына в качестве начальника штаба и Алексеева — в качестве генерал-квартирмейстера. Но в этом великому князю было отказано. Вместо этого М.В. Алексеев получил другой пост — начальника штаба только что созданного Юго-Западного фронта, развернутого «на базе» хорошо знакомого военачальнику Киевского военного округа. В состав фронта вошли 3-я (командующий — генерал от инфантерии Н.В. Рузский), 4-я (командующий — генерал от инфантерии барон А.Е. фон Зальца), 5-я (командующий — генерал от кавалерии П.А. Плеве) и 8-я (командующий — генерал от кавалерии А.А. Брусилов) армии — всего 38,5 пехотных и 20,5 кавалерийских

дивизий. В дальнейшем количество армий, входивших в состав фронта, неоднократно менялось. Основным противником фронта являлись вооруженные силы Австро-Венгерской империи.

Назначение не было неожиданным для Михаила Васильевича. Вся документация и карты были заранее им подготовлены и уложены в отдельный чемодан. Это позволило Алексееву выехать из Смоленска в Ровно, на «свой» фронт, уже через три часа после получения им телеграммы о назначении. Одновременно с отцом отправлялся на фронт и сын — 23-летний корнет лейб-гвардии уланского полка Николай Михайлович Алексеев. Кстати, всю войну он прошел в рядах действующей армии, категорически отказываясь от предложений перевести его в тыловую часть.

Главнокомандующим войсками фронта стал генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов. Старый знакомый Алексеева по Киевскому округу, он относился к нему с плохо скрываемой недоброжелательностью, называл «типичным офицером Генерального Штаба, желающим все держать в своих руках и все самолично делать, не считаясь с мнением начальника». И тем не менее Иванов был вынужден считаться с опытом и умом Алексеева, тем более что план первой же разработанной Михаилом Васильевичем фронтовой операции блестяще удался. В августе—сентябре 1914 года на Юго-Западном фронте развернулось ожесточенное сражение — так называемая «Первая Га-лицийская битва». В его результате пять русских армий общей численностью около 700 тысяч человек нанесли крупное поражение четырем австро-венгерским армиям и двум оперативным группам, чья численность превышала 830 тысяч человек. Линия фронта переместилась на территорию противника — русские войска захватили значительную часть Галиции, в том числе Лемберг (Львов), почти всю Буковину, осадили мощную крепость Перемышль и вышли к Карпатам. Русская армия в Первой Галицийской битве потеряла 230 тысяч офицеров и солдат, в том числе 40 тысяч пленными; австро-венгры — 400 тысяч человек, в том числе 100 тысяч пленными. Трофеями русских стали восемь знамен и 400 орудий. Маршал Франции Фердинанд Фош, оценивая вклад Алексеева в руководство войсками Юго-Западного фронта, замечал, что он «своим талантливым руководством сумел операцию, сложившуюся вначале неудачно, обратить в блестящую победу».

Воздавал должное Алексееву в своей капитальной «Истории Русской армии» и А.А. Керсновский: «Задача Алексеева была огромной и тяжелой. Он начал операцию с руками, связанными абсурдным стратегическим развертыванием. Трагичность его положения усугублялась еще тем, что старшие его сослуживцы и

начальники по Киевскому военному округу генералы Иванов и Рузский, в руках которых как раз и сосредоточился весь командный аппарат Юго-Западного фронта, проявили полное отстутствие стратегического кругозора и стратегического чутья. По своему положению начальника штаба генерал Алексеев мог только советовать и уговаривать, но он не мог самостоятельно приказывать… Таким образом, генералу Алексееву приходилось одновременно выправлять промахи Ю. Данилова, преодолевать инерцию Иванова, злую волю Рузского и В. Драгомирова и в то же время бороться с искусным, энергичным и предприимчивым Конрадом. Препятствия были бы трудно одолимыми и для Наполеона».

6 сентября 1914 года Михаил Васильевич Алексеев «за мужество и деятельное участие в подготовке успехов армий Юго-Западного фронта, увенчавшихся занятием Львова 21 августа 1914 года и оттеснением неприятельских сил за реку Сан» был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Спустя 18 дней за боевые отличия он был произведен в чин генерала от инфантерии. Надо сказать, что главкома фронта Н.И. Иванова наградили неизмеримо более щедро — 4 октября он получил орден Святого Георгия 2-й степени (став первым из шести кавалеров этой высокой награды за всю войну), а немного позже — уникальный орден Святого Владимира 1-й степени с мечами (такой награды не было тогда ни у кого в России). Причем Иванов был крайне недоволен тем, что этот орден ему привез флигель-адъютант императора, а не Николай II лично!..

Уже тогда, по итогам Первой Галицийской битвы, многие в армии высказывали мнение, что настоящее место М.В. Алексеева — в Ставке или, по крайней мере, во главе фронта. Но по-прежнему были в силе и его недоброжелатели, которые твердили, что Алексеев еще «молод» для роли главкома фронта и вообще слишком мало служил в строю, чтобы доверять ему такие ответственные посты!..

Дальнейшие бои на Юго-Западном фронте протекали для русской армии с переменным успехом. Начавшаяся в ноябре 1914 года Краковская операция была фактически сорвана Н.В. Рузским, а вторжение в Венгрию, на которое фронт в январе 1915 года получил санкцию Ставки, было отложено из-за тяжелого Праснышского сражения. Весеннее наступление в Карпатах закончилось разгромом двух австро-венгерских армий, но и русские войска понесли большие потери — около 200 тысяч человек убитыми и ранеными…

14 марта 1915 года Михаил Васильевич был назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, сменив

в должности заболевшего генерала от инфантерии Н.В. Рузского. «Назначение генерала Алексеева и в Ставке, и на фронте было встречено с восторгом, — отмечал в своих мемуарах протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский. — Я думаю, что ни одно имя не произносилось так часто в Ставке, как имя генерала Алексеева. Когда фронту приходилось плохо, когда долетали до Ставки с фронта жалобы на бесталанность ближайших помощников великого князя, всегда приходилось слышать от разных чинов штаба: “Эх, 'Алешу' бы сюда!” (Так некоторые в Ставке звали ген. Алексеева.). В Ставке все, кроме разве генерала Данилова и полк. Щелокова, понимали, что такое был для Юго-Западного фронта генерал Алексеев и кому был обязан этот фронт своими победами. И теперь, ввиду чрезвычайно серьезного положения Северо-Западного фронта, все радовались, что этот фронт вверяется серьезному, осторожному, спокойному и самому способному военачальнику». Впрочем, сам Михаил Васильевич на поздравления в связи с назначением отвечал: “Тяжкое бремя взвалили на мои старые плечи… Помолитесь, чтобы Господь помог мне нести его”».

В письме сыну на фронт генерал откровенно делился своими чувствами: «Тяжелое время переживаю, как результат неудач на Юго-Западном фронте. Передали мне от Иванова две армии, в которых вместо дивизий и корпусов были лишь жалкие остатки. Мерзавцы заняли часть наших территорий южнее Люблина и Холма. Собрав все, что мог, приостановил их движение, но со злобой смотрю на то, что 11 месяцев войны пошли насмарку. И опять мы около Красника, опять около Ополе. Повторение прошлого года и даже похожие тяжелые дни, которые отражались паникой и в Варшаве. Немного улеглось там, но еще не вполне. Но 11 месяцев назад все было впереди, а теперь… много пережито, и отдавать назад этим мерзавцам было тяжело. Трудно судить, кто виноват, но дел натворили неладных, как кажется, немало общими усилиями старших начальников. Войска расстроены сильно, и починить все это нелегко… Быть может, за все время войны не было для меня таких тяжелых дней и недель, как теперь переживаемые. Ведь мое хозяйство тянется от Риги через Августов, Прасныш, Сохачев, Раву, Радом, Юзефов, Красник, Красностав, Грубешов до Сокаля. 1000 почти верст. Не везде люди прочные и толковые… Живу верою в лучшее и хорошее впереди».

Летом 1915 года Северо-Западный фронт включал в себя целых восемь армий: 1-ю (командующий — генерал от кавалерии А.И. Литвинов), 2-ю (командующий — генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-ю (командующий — генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев), 4-ю (командующий — генерал от инфантерии

А.Е. Эверт), 5-ю (командующий — генерал от кавалерии П.А. Плеве), 10-ю (командующий — генерал от инфантерии Е.А. Радкевич), 12-ю (командующий — генерал от инфантерии А.Е. Чурин) и 13-ю, впоследствии переименованную в Особую (командующий — генерал от инфантерии В.Н. Горбатове кий). Генерал Ю.Н. Данилов писал: «По числу дивизий, свыше двух третей всех сил перешло в подчинение генералу Алексееву, на которого таким образом выпала роль не только непосредственно руководить большей частью наших вооруженных сил, но и выполнять наиболее ответственную часть общей работы».

Вскоре после назначения в штаб фронта, размещавшийся в польском Седлеце, прибыл из Барановичей Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. «Совещание происходило в то время, когда страшная гроза уже висела над нашим фронтом, — писал в воспоминаниях Г.И. Шавельский. — Северо-Западный фронт не успел вполне оправиться после январского несчастья; на Юго-Западном фронте начался отчаянный натиск неприятеля. Наши армии стояли безоружными; всего недоставало: и ружей, и пушек, и пуль, и снарядов. Было над чем задуматься. Великий князь ехал на совещание сумрачным, подавленным…

На обратном пути великий князь был неузнаваем. Задумчивость и скорбь исчезли.

— Вы повеселели. Слава Богу! — сказал я за обедом великому князю.

— Повеселеешь, батюшка мой, поговоривши с таким ангелом, как генерал Алексеев, — ответил великий князь. — Он и удивил, и очаровал меня сегодня, — продолжал великий князь, обращаясь к начальнику штаба. — Вы заметили, какая сразу разница во всем: бывало, что ни спросишь, либо не знают, либо знают кое-что, а теперь на все вопросы — точный ответ; все знает: сколько на фронте штыков, сколько снарядов, сколько в запасе орудий и ружей, продовольствия и одежды; все рассчитано, предусмотрено… Будешь, батюшка, весел, поговоривши с таким человеком!

Потом мы узнали, что в этот день великий князь перешел с Алексеевым на “ты”. Это была высшая великокняжеская награда талантливейшему военачальнику. За всю войну никто другой не удостоился такой награды».

Ситуация для русской армии в весеннюю кампанию 1915 года действительно складывалась не лучшим образом. Мощный удар австро-германских войск, нанесенных по Юго-Западному фронту, послужил началом так называемого Великого отступления русской армии на линию старой государственной границы.

Северо-Западному фронту Ставка устами Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича предписала оставаться на месте «на случай последующего нашего наступления вглубь Германии», но уже в первой половине месяца перспектива оставления левого берега Вислы отчетливо замаячила перед русской армией. Иначе ей грозил «польский мешок».

Из этого «мешка» силы Северо-Западного фронта сумели вырваться только благодаря полководческому таланту Михаила Васильевича Алексеева. Вовремя разгадав план противника, он сумел убедить великого князя в том, что приказ «Ни шагу назад!» станет губительным для армий фронта. С тяжелыми арьергардными боями русские покидали Польшу, но это было не паническое бегство, а достойное отступление. О сопротивлении наших войск можно судить по отзыву немецкого генерала Шварте: русское контрнаступление 13 июля он описывал как произведенное «по меньшей мере восемью корпусами», тогда как в реальности наступало только пять дивизий. Э. фон Людендорф в своих воспоминаниях свидетельствовал: «Предпринимались безрезультатные попытки окружить русских, а русская армия сравнительно благополучно уходила под нашим натиском, часто переходя в ожесточенные контратаки и постоянно пользуясь болотами и речками, чтобы, произведя перегруппировку, оказывать долгое и упорное сопротивление». И это несмотря на то, что нехватка вооружения и боеприпасов в русской армии возрастала буквально с каждым днем…

Единственным крупным промахом Алексеева-стратега, допущенным при осуществлении этого отступления, стала сдача крепости Новогеоргиевск (ныне Модлин, Польша). Вместо того чтобы эвакуировать эту крепость, Алексеев настоял на ее обороне. Генерал-лейтенант В.Е. Борисов вспоминал: «Во время борьбы в Польском мешке в первый раз у меня возник сильный спор с Алексеевым. Я… настаивал на очищении нами не только Ивангорода, Варшавы, но и Новогеоргиевска. Но Алексеев ответил:

— Я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали.

Последствия известны. Новогеоргиевск оборонялся не год, не полгода, а всего лишь 4 дня по открытии огня немцами, или 10 дней со дня начала осады. 27 июля 1915 года обложен, а 6 августа пал. Это произвело на Алексеева очень сильное впечатление». В Новогеоргиевске сдалось в плен 83 тысячи человек, в том числе 23 генерала и 2100 офицеров (причем комендант крепости генерал от кавалерии Н.П. Бобырь перебежал

к врагу), а в качестве трофеев противнику досталось 1204 орудия и более миллиона снарядов — и это в то время, когда каждый снаряд был в русской артиллерии на вес золота… Общие потери русской армии во время Великого отступления также были огромны — 2 миллиона 500 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, 2600 потерянных орудий. Враг захватил Польшу, Литву и Курляндию, не могло больше и речи идти о планировавшемся вторжении в Венгрию…

Позор капитулировавшего после десяти дней осады Новогеоргиевска был смыт героизмом гарнизона небольшой крепости Осовец, державшейся против превосходящих сил германцев 190 дней (!). Кроме гарнизона Новогеоргиевска, ни одна русская дивизия, с боями отходившая из Польши в Белоруссию, не попала в окружение. Ф. Кирилин, автор первого биографического очерка о М.В. Алексееве, так оценивал его роль в выправлении кризисной ситуации 1915 года: «Ум, опыт и неутомимая энергия Михаила Васильевича спасли в этот критический момент Россию. Он сохранил боеспособность Русского фронта… Заслуги генерала Алексеева, разбившего планы немцев уничтожить нашу армию, своевременно будут оценены историей». С ним солидарен и А.А. Керсновский: «На долю генерала Алексеева выпала исполинская задача вывести из гибельного мешка восемь армий — и это когда все сроки по вине Ставки были уже пропущены». Для сравнения подчеркнем, что в 1941 году ни один советский военачальник не смог организовать «стратегическое отступление» в рамках целого фронта…

О том, какие чувства испытывал М.В. Алексеев в дни Великого отступления из Польши, свидетельствует его письмо жене с фронта: «Быть может, было бы лучше, если бы я смотрел и переживал все это нервно, суетясь и волнуясь. Но сохранившееся совершенное спокойствие обостряет боль сознания своей беспомощности, заброшенности. Мой легкомысленный начальник штаба Гулевич живет мыслями, что неприятель понес такие потери, что дальше идти некуда и теперь конец. Я так смотреть не могу и не смею, не имею права, ибо могу погубить армию, дать подобие Мукдена, когда мне отрежут путь внутрь России.

Мне было бы легче, если бы я мог плакать, но я не умею теперь сделать и этого. Только тяжелый-тяжелый камень лежит на моей душе, на моем сознании. Нет, не всегда тягота посылается “по силам человека”, видимо, иногда суждено получать свыше сил. Быть может и вероятно, над моими действиями, мыслями, решениями нет Божьего благословения… Горькую чашу этого пью и я, и те, которых я шлю не в бой, а на убой, но я не имею права не сделать этого и без борьбы отдать врагу многое. Но средства

все истекают, а настойчивость богатого и предусмотрительного врага не ослабевает. Вот условия борьбы, над которыми глубоко задумываюсь…»

…3 августа на совещании Ставки Верховного главнокомандующего в Волковыске М.В. Алексеев предложил разделить Северо-Западный фронт на два — Северный и Западный. Главкомом Западного, штаб которого разместился в Минске, был назначен сам Алексеев, главкомом Северного (штаб в Пскове) — генерал от инфантерии Н.В. Рузский, у которого Алексеев в марте принимал Северо-Западный фронт. Западный фронт получил следующие задачи: «1) Прочно удерживать в своих руках Гродно-Белостокский район и фронт от верхнего Нарева до Бреста включительно; 2) Прикрывать пути по правому берегу Верхнего Буга к фронту Брест — Кобрин — Пинск — Лунинец». Кроме того, предписывалось «прочно удерживать крепость Брест и ее район». В тот же день М.В. Алексеев своей директивой объявил состав нового фронта. В него вошли 1-я (командующий — генерал от кавалерии А.И. Литвинов), 2-я (командующий — генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-я (командующий — генерал от инфантерии Л.В. Леш) и 4-я (командующий — генерал от инфантерии А.Е. Эверт) армии. Эти распоряжения Алексеева были одобрены Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Он отметил, что «не желает стеснять никакими указаниями» Алексеева.

Но август 1915-го был не только месяцем Великого отступления — он был еще и месяцем своеобразного «междуцарствия» в руководстве русской армии. 6 августа решение о возложении на себя обязанностей Верховного главнокомандования принял император Николай II. Но в должность он вступил только 23 августа. До этого числа Верховным оставался великий князь Николай Николаевич (о своем скором смещении он узнал только 20 августа). А император через военного министра А.А. Поливанова практически сразу же предложил М.В. Алексееву должность начальника штаба Верховного главнокомандующего (ту самую, которую великий князь Николай Николаевич просил для него еще в июле 1914 года)… А.А. Поливанов так вспоминал обстоятельства своей поездки 9 августа 1915 года к Алексееву: «В Волковыск прибыли, когда начинало темнеть. Командующий занимал маленький домик в центре города. Я не видел генерала Алексеева с мая. Озабоченный тяжелым положением своих войск, он был, однако, как всегда спокоен и сосредоточен. Он выслушал от меня известие о предстоящей ему обязанности обратиться в начальника штаба при Верховном Главнокомандующем —

государе, промолвив:

— Придворным быть я, наверно, не сумею…

При столь критическом положении нашего фронта, требующем непрерывного к себе внимания, генерал Алексеев признавал перемену высшего командования в данную минуту безусловно вредной».

Надо сказать, что Алексеев был не одинок в этом своем мнении. Когда 20 августа Николай II сообщил о своем решении возглавить армию членам правительства, восемь министров из тринадцати подали заявления об отставке в знак протеста. Это было связано, во-первых, с тем, что бывший Верховным с 1914 года великий князь Николай Николаевич пользовался немалой популярностью в армии и обществе, а во-вторых, с общим восприятием личности Николая II в стране. Критикуя его решение, члены правительства в резких тонах указывали, что «народ давно, со времен Ходынки и японской кампании считает Государя царем несчастливым, незадачливым», что Николай II никогда не был полководцем, а следовательно, русская армия под его водительством заранее обречена на поражение.

Однако все обстояло далеко не так однозначно, как представлялось министрам. Великий князь Николай Николаевич давно уже не был тем Верховным главнокомандующим, перед которым трепетали войска — и свои, и чужие. Еще в мае 1915 года он спрашивал Николая II, не хочет ли он назначить Верховным более способного человека. Особенно подкосили Николая Николаевича события лета 1915-го — отступление из Галиции, сдача без боя крупнейших крепостей: Новогеоргиевска и Ковно. Он отчего-то решил, что остановить противника можно будет не ранее чем под Курском и Тулой, то есть заранее соглашался отдать противнику всю Белоруссию и Смоленщину без боя!.. Так что оставить армию в ведении человека, потерявшего самообладание, плакавшего при известии о падении Ковно и оправдывавшего все неудачи фразой «Так Богу угодно», было подобно смерти.

Решение Николая II самому возглавить армию было для него весьма непростым. Обычно монархи возглавляли армии своих государств в преддверии победоносных походов, в ожидании лавров полководца. Николай II встал во главе Русской Императорской армии в момент величайшей опасности, нависшей над страной. Империя должна была сама справиться с наседавшим на нее врагом — ибо, к великому сожалению и негодованию русских, союзники ровно ничем не стремились облегчить участь России летом 1915 года…

Если бы английские и французские армии начали хотя бы

минимальное наступление на Западном фронте, германцы волей-неволей вынуждены были бы прекратить яростный натиск на Востоке. Активизируйся второй фронт — и битвы за Белоруссию могло бы и не быть, русская армия остановилась бы на границах Польши… Но англичане и французы, словно не замечая тяжелейшего положения союзников, стояли на тех же позициях, что и в апреле. Британский посол Д. Бьюкенен в августовском номере газеты «Новое время» даже дал специальное интервью, в котором объяснил причину бездействия своей армии: дескать, англичане накапливают снаряды, а когда их будет достаточное количество, тогда и ударят!.. На Италию, вступившую в войну на стороне Антанты, надежды тоже не было: место брошенных на итальянский фронт австрийских дивизий заняли германские…

Но, так или иначе, М.В. Алексеев, как и большинство военнослужащих, встретил назначение Николая II на пост Главковерха без сочувствия. «Надежда, что Император Николай II вдруг станет Наполеоном, была равносильна ожиданию чуда, — вспоминал Г.И. Шавельский. — Все понимали, что Государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, чем он доселе был: Верховным Вождем армии, но не Верховным Главнокомандующим; священной эмблемой, но не мозгом и волей армии… Армия, таким образом, теряла любимого старого Верховного Главнокомандующего, не приобретая нового. Помимо этого, многие лучшие и наиболее серьезные начальники в армии, по чисто государственным соображениям, не приветствовали решения Государя, считая, что теперь, в случае новых неудач на фронте, нападки и обвинения будут падать на самого Государя, что может иметь роковые последствия и для него, и для государства. Конечно, встречались и такие “патриоты”, которые, надрываясь, кричали, что решение Государя — акт величайшей мудрости. Но голос их звучал одиноко, не производя впечатления на массы».

Впрочем, приказы не обсуждаются. Должность главкома Западного фронта у Михаила Васильевича принял генерал от инфантерии А.Е. Эверт (в 1912-м именно его Алексеев сменил на посту командира 13-го корпуса). Таким образом, командовать новообразованным Западным фронтом Алексееву довелось всего две недели.

19 августа 1915 года Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал следующий приказ:

«Высочайшими указами Правительствующему Сенату 18 сего августа назначены: начальник моего штаба генерал от инфантерии Янушкевич — начальником по военной части Наместника Его Императорского Величества, а

главнокомандующий Западного фронта, генерал от инфантерии Алексеев, — начальником моего штаба. Объявляя о таковой Высочайшей Воле, повелеваю генералу от инфантерии Янушкевичу сдать занимаемую должность, а генералу от инфантерии Алексееву занять и вступить в таковую». В тот же день, сдав дела Эверту, Михаил Васильевич впервые приехал в белорусский город Могилёв, где уже 11 дней размещалась перебазировавшаяся из Барановичей Ставка Верховного главнокомандующего. Именно оттуда на протяжении августа 1915-го — ноября 1917 года шли приказы, координировавшие деятельность всех русских вооруженных сил. Могилёв стал военной столицей империи.

22 августа великий князь Николай Николаевич пригласил Алексеева на откровенную беседу. В комнате находился также протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский.

«— Я хочу ввести вас в курс происходящего, — неторопливо заговорил великий князь. — Ты, Михаил Васильевич, должен знать это, как начальник штаба, от отца Георгия у меня нет секретов. Решение государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава.

Императрица, очень честолюбивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война, он так и сделал, объявив себя Верховным Главнокомандующим. Совет министров упросил его изменить решение. Тогда он меня назначил Верховным. Как вы оба знаете, я пальцем не двинул для своей популярности. Она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это беспокоило, волновало и злило императрицу, которая всё больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа. К этому примешался распутинский вопрос. Зная мою ненависть к нему, Распутин приложил все усилия, чтобы восстановить против меня царскую семью.

Теперь он открыто хвастает: “Я утопил Верховного!” Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление и на членов императорской фамилии, и на Совет министров, и на общество. На государя подействовать старались многие. Говорила с ним его сестра, Ольга Александровна, — ничего не вышло.

Говорили некоторые великие князья, — тоже толку не было. Императрица Мария Федоровна, всегда очень сухо и холодно относившаяся ко мне, теперь стала на мою сторону. Она тоже просила государя оставить меня, но и ее вмешательство не

принесло пользы. Наконец, Совет министров, во главе с председателем, принял мою сторону. Государь сказал им: “Вы не согласны с моим решением, тогда я вас сменю, а председателем Совета министров сделаю Щегловитова”. Теперь беседует с государем великий князь Дмитрий Павлович, но, конечно, и из этого ничего не выйдет. Государь бывает упрям и настойчив в своих решениях. И я уверен, что тут он не изменит принятого. Я знаю государя, как пять своих пальцев. Конечно, к должности, которую он принимает на себя, он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, с своей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу. Пользы от ваших выступлений не может быть, — только сильно повредите себе. Иное дело, если государь сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть».

Так Алексеев, до того далекий от политики и борьбы придворных кланов, оказался посвященным в сложный клубок интриг, пропитывавших мир Ставки и императорского двора…

В половине четвертого утра 23 августа в Могилёв прибыл Николай II. Тогда же состоялся первый доклад М.В. Алексеева императору. Через день великий князь Николай Николаевич, назначенный наместником на Кавказе, покинул Ставку.

Функции начальника штаба Верховного главнокомандующего определялись утвержденным 16 июля 1914 года «Положением о полевом управлении войсками в военное время»: «Он есть ближайший сотрудник Верховного Главнокомандующего по всем частям и должен быть в полной мере осведомлен во всех его планах и предположениях… Он обязан представлять Верховному Главнокомандующему соображения о направлении военных действий и о мерах по их обеспечению… В соответствии с указаниями Верховного Главнокомандующего он разрабатывает и передает подлежащим войсковым начальникам распоряжения относительно ведения военных операций, также своевременно осведомляет их об обстановке и происходящих в ней изменениях… Все распоряжения Верховного, объявляемые начальником штаба словесно или письменно, исполняются как повеления Верховного… В случае болезни Верховного управляет всеми вооруженными силами его именем, а в случае смерти Верховного немедленно заступает на его место впредь до назначения государем нового Верховного, хотя бы главнокомандующие армиями фронтов и командующие отдельными армиями были старше его в чине». Впрочем, все это выглядело так красиво и четко только на бумаге. Алексеев прекрасно понимал, что с императором в роли Верховного главнокомандующего полномочия начальника его штаба будут

выглядеть крайне расплывчато и меняться в зависимости от ситуации. Так оно и случилось.

В Могилёв Михаил Васильевич прибыл с тремя офицерами, которым предстояло стать его ближайшими сотрудниками. Дольше всех Алексеев знал генерал-майора (с декабря 1915 года генерал-лейтенанта) Вячеслава Евстафьевича Борисова — с ним они вместе служили в 1882—1887 годах в 64-м пехотном Казанском полку, вместе окончили Академию Генштаба, а затем встретились в его Главном управлении. Там же Алексеев познакомился с полковником Александром Александровичем Носковым. С началом Первой мировой Алексеев забрал обоих к себе в штаб Юго-Западного фронта, соответственно генералом для поручений и начальником разведывательного отделения штаба. А генерал-майор Михаил Саввич Пустовойтенко с 1914 года был генерал-квартирмейстером штаба сначала Юго-Западного, а затем Северо-Западного фронта. Всем троим Алексеев доверял и на первом же докладе императору заявил, что может работать только с помощниками, которых уже хорошо знает. И хотя алексеевская «команда» никакого восторга у старожилов Ставки не вызвала, император занял сторону Михаила Васильевича. В итоге Пустовойтенко стал генерал-квартирмейстером штаба Ставки, Борисов — генералом для поручений при Алексееве, а Носков — штаб-офицером для делопроизводства и поручений.

Комплекс зданий, которые заняла Ставка, разместился на Губернаторской площади Могилёва (ныне Советская площадь). 25 августа 1915 года Николай II поселился на втором этаже дворца губернатора, а Алексеев занял две комнаты на втором этаже дома, где размещалось управление генерал-квартирмейстера (эти здания разделяли буквально сто шагов). На том же этаже жили Пустовойтенко и Борисов.

Полковник Генерального штаба В.М. Пронин так описывал императорскую Ставку: «На южной окраине Могилёва, на высоком и крутом берегу Днепра, откуда открывался прекрасный вид на заднепровские дали, стоял небольшой двухэтажный губернаторский дом. Здесь имел пребывание Государь Император во время своих приездов в Могилёв. Почти вплотную к этому дому, или как мы его называли — “дворцу”, примыкало длинное двухэтажное здание Губернского правления; в нем находилось Управление генерал-квартирмейстера, этого “святая святых” всей русской армии. Перед “дворцом” и Управлением была довольно большая площадка, обнесенная со стороны прилегавшего к ней городского сада и улицы железной решеткой… В ближайших аллеях сада и на прилегающей к площадке улице несли

дежурство чины дворцовой полиции и секретные агенты, которых мы называли “ботаниками”. Дабы не обращать на себя внимание, они, внешне сохраняя непринужденный вид, словно прогуливались, останавливались у дерева или цветочной клумбы и как бы внимательно их рассматривали, в то же время зорко следя за всеми прохожими и проезжими. Невдалеке, напротив Управления генерал-квартирмейстера, за садом, в большом здании Окружного суда, помещалось Управление дежурного генерала Ставки, во главе которого стоял генерал Кондзеровский».

К сожалению, в современном Могилёве сохранилось не так много зданий, связанных с деятельностью Ставки. В первую очередь это здание бывшего окружного суда, в котором размещались дежурный генерал, картографическая служба, охрана и фельдъегерская служба (сейчас — областной музей), отель «Метрополь», в котором жили чины штаба, а в начале сентября 1917 года временно содержался под арестом Л.Г. Корнилов (сейчас — ресторан «Империя»), отель «Бристоль», где жили представители союзников и находилось Офицерское собрание штаба (сейчас — Государственное училище культуры, на здании — мемориальная доска), здание городского правления (сейчас — Дворец бракосочетания). Сохранились здания Дворянского собрания, железнодорожный вокзал, городской театр. В 2008 году «с нуля» была восстановлена городская ратуша. Остальные здания погибли в 1943 году во время бомбардировки оккупированного Могилёва советской авиацией. Остатки руин были снесены уже в послевоенное время.

С переездом Ставки в Могилёв город был превращен в укрепленный лагерь. Императорскую Ставку обороняли отдельный авиационный отряд, отдельная артиллерийская батарея, батарея воздушной артиллерийской обороны и другие конные и пешие отдельные воинские подразделения. 1 февраля 1916 года был сформирован Батальон охраны Ставки Верховного главнокомандующего, 8 июня 1916 года переименованный в Георгиевский батальон для охраны Ставки. Все офицеры этого батальона были награждены орденами Святого Георгия, а унтер-офицеры и рядовые — георгиевскими крестами и медалями.

Рабочий день в Ставке был единообразным. Вставал Алексеев ежедневно в 8 часов утра. Уже через час все донесения, поступившие с фронта за ночь, наносились сотрудниками на карты, и генерал-квартирмейстер докладывал Алексееву обстановку. К 11.00 в кабинет Алексеева приходил император и заслушивал оперативный доклад начальника штаба. В первый раз Верховного вздумали было сопровождать министр

императорского двора и уделов граф В.Б. Фредерике и дворцовый комендант В.Н. Воейков, но Алексеев захлопнул дверь перед самым их носом, и впредь на докладе, кроме императора и начальника штаба, присутствовали только генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко и иногда дежурный штаб-офицер Генерального штаба.

Во время доклада Николай II сидел, Алексеев и Пустовойтенко стояли. Если требовалось разобраться в обстановке более предметно, Алексеев зачитывал текст оперативной сводки императору, а Пустовойтенко обозначал на карте местность и воинские соединения, о которых шла речь. Во время совещания в кабинете висел густой табачный чад — император курил одну сигарету за другой.

Работа в таком режиме продолжалась около часа. Затем Алексеев глазами показывал Пустовойтенко на дверь. Вторая часть доклада продолжалась примерно до половины первого и посвящалась новым приказам по армии, которые составлялись Алексеевым и подавались на утверждение Верховному.

Если император отсутствовал в Ставке, что случалось нередко, Михаил Васильевич ежедневно посылал ему отпечатанный на машинке доклад на больших листах специальной «царской бумаги». Доклад состоял из сводки данных истекшего дня и административной части.

В половине второго дня Алексеев отправлялся завтракать. Сначала его ежедневно приглашали к царскому столу, но этот официальный завтрак длился обычно долго, и Михаил Васильевич, ссылаясь на занятость, упросил императора разрешить ему выходить к высочайшему завтраку только два раза в неделю — по вторникам и воскресеньям. Николай II согласился, но место справа от него за столом всегда пустовало на случай, если Алексеев решит присоединиться к трапезе. После короткого завтрака в компании генералов и офицеров Ставки Михаил Васильевич отправлялся на прогулку с Пустовойтенко, а к 16 часам снова возвращался к работе — принимал многочисленных посетителей. М.К. Лемке так описывал типичный день начальника штаба Верховного: «Вчера у Алексеева был очень долго, больше часу, майор французской службы Ланглуа, привезший пакет от Жоффра; после него был начальник штаба Корпуса жандармов Владимир Павлович Никольский; потом Алексеев имел продолжительный разговор по прямому проводу из своего кабинета с Эвертом; позже был заведующий беженцами сенатор Зубчанинов. Прибавьте к этому еще человек двадцать генералов, офицеров и чиновников разного ранга — и вы получите самый обыкновенный день человека, который должен всех принять, со

всеми побеседовать, всем дать определенные ответы на их часто весьма неопределенные вопросы и вести все дело самого управления армией». В 18.00 следовал обед, после чего — снова штабная работа: подготовка текущих распоряжений, редактирование сообщений для прессы, общение по прямому проводу со штабами фронтов, составление шифрованных телеграмм. Вечерний доклад Верховному главнокомандующему, бывший обязательным в Ставке в 1914—1915 годах, был отменен. Спать Алексеев ложился, как правило, около часу ночи.

В случае экстренной надобности Алексеев имел право доклада Верховному главнокомандующему в любое время. Но таких случаев было всего два. Один из них описывает в своих мемуарах А.А. Носков: «19 сентября (1915 года. — В. Б.) утром шел обычный доклад генерала Алексеева царю, когда пришло первое сообщение из Минска о появлении отрядов германской кавалерии на севере Борисова (на восток от Минска), то есть в тылу командования Западного фронта. Эта телеграмма, ввиду ее важности, была показана генералу Алексееву в момент, когда царь уже покинул рабочий кабинет. Царь, который уже спустился на несколько пролетов по лестнице, повернул голову и, заметив, что Алексеев продолжает изучать телеграмму, немедленно возвратился и там, возле дверей кабинета, Алексеев показал царю текст телеграммы.

“Михаил Васильевич! Покажите мне это на карте!” — сказал царь, входя вновь в свой кабинет, где он и Алексеев пробыли еще около двадцати минут.

Царь вышел из кабинета заметно потрясенный, так как, вопреки обыкновению, он говорил громко и на ходу… Вечером того же дня царь вызвал во дворец генерала Алексеева, чтобы изучить ситуацию. Алексеев был вынужден огорчить царя еще более грозным известием: отряд германской кавалерии, силы которого были пока неизвестны, занял Борисов и перерезал железнодорожный путь возле этого города. В то же время сообщили, что германский цеппелин летал над железной дорогой Барановичи — Минск. Царь, давая соответствующие указания, проявил хладнокровие, не выказав внешне никакого беспокойства». Прорыв германской кавалерии был успешно ликвидирован.

Но, повторимся, такие случаи все же были из ряда вон выходящими. Обычно все экстренные распоряжения Алексеев отдавал самостоятельно и лишь потом докладывал о них императору. Такой порядок был введен именно при Николае II — в бытность Верховным великого князя Николая Николаевича любое распоряжение утверждалось им лично.

Сохранились многочисленные воспоминания современников, свидетельствующие о том, какой колоссальный объем работы был возложен на М.В. Алексеева. «Алексеев работает неутомимо, лишая себя всякого отдыха, — вспоминал подполковник М.К. Лемке. — Быстро он ест, еще быстрее, если можно так выразиться, спит и затем всегда спешит в свой незатейливый кабинет, где уже не торопясь, с полным поражающим всех вниманием слушает доклады или сам работает для доклада. Никакие мелочи не в состоянии отвлечь его от главной нити дела. Он хорошо понимает и по опыту знает, что армии ждут от штаба не только регистрации событий настоящего дня, но и возможного направления событий дня завтрашнего.

Удивительная память, ясность и простота мысли обращают на него общее внимание. Таков же и его язык: простой, выпуклый и вполне определенный — определенный иногда до того, что он не всем нравится, но Алексеев знает, что вынужден к нему долгом службы, а карьеры, которая требует моральных и служебных компромиссов, он никогда не делал, мало думает о ней и теперь. Дума его одна — всем сердцем и умом помочь родине.

Если, идя по помещению штаба, вы встретите седого генерала, быстро и озабоченно проходящего мимо, но уже узнавшего в вас своего подчиненного и потому приветливо, как-то особенно сердечно, но не приторно улыбающегося вам, — это Алексеев.

Если вы видите генерала, внимательно, вдумчиво и до конца спокойно выслушивающего мнение офицера, — это Алексеев.

Если вы видите пред собой строгого, начальственно оглядывающего вас генерала, на лице которого написано все величие его служебного положения, — вы не перед Алексеевым».

Протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский подчеркивал в своих мемуарах: «Генерал Алексеев нес колоссальную работу. Фактически он был и Верховным Главнокомандующим, и начальником Штаба, и генерал-квартирмейстером. Последнее не вызывалось никакой необходимостью и объяснялось только привычкой его работать за всех своих подчиненных. Кроме того, что все оперативное дело лежало на нем одном; кроме того, что он должен был вникать в дела всех других управлений при штабе и давать им окончательное направление, — он должен был еще входить в дела всех министерств, ибо каждое из них в большей или меньшей степени теперь было связано с армией.

Прибывавшие в Ставку министры часами просиживали у генерала Алексеева за разрешением разных вопросов, прямо или косвенно касавшихся армии. Генерал Алексеев должен был быть то дипломатом, то финансистом, то специалистом по морскому

делу, по вопросам торговли и промышленности, государственного коннозаводства, земледелия, даже по церковным делам и пр. Только Алексеева могло хватить на все это. Он отказался на это время не только от личной жизни, но даже и от законного отдыха и сна. Его отдыхом было время завтраков и обедов; его прогулкой — хождение в штабную столовую, отстоявшую в полуверсте от Штаба, к завтракам и обедам. И только в одном он не отказывал себе: в аккуратном посещении воскресных и праздничных всенощных и литургий. В штабной церкви, за передней правой колонной у стены, в уютном, незаметном для богомольцев уголку был поставлен аналой с иконой, а перед ним положен ковер, на котором все время на коленях, отбивая поклоны, отстаивал церковные службы, являясь к началу их, генерал Алексеев. Он незаметно приходил и уходил из церкви, незаметно и простаивал в ней. Молитва церковная была потребностью и пищей для этого редкого труженика, поддерживавшей его в его сверхчеловеческой работе».

Об этой стороне жизни генерала писал и М.К. Лемке: «Алексеев глубоко религиозен; он всегда истово крестится перед едой и после нее, аккуратно по субботам и накануне больших праздников ходит к вечерне и т. д. Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине».

Одним из определяющих характер Алексеева качеств, по мнению Г.И. Шавельского, было бескорыстие: «Находились люди, которые, особенно после революции, решались обвинять Алексеева и в неискренности, и в честолюбивых замыслах, и в своекорыстии, и чуть ли не в вероломстве. После семнадцатилетнего знакомства с генералом Алексеевым у меня сложилось совершенно определенное представление о нем. Михаил Васильевич, как и каждый человек, мог ошибаться, — но он не мог лгать, хитрить и еще более ставить личный интерес выше государственной пользы. Корыстолюбие, честолюбие и славолюбие были совсем чужды ему. Идя впереди всех в рабочем деле, он там, где можно было принять честь и показать себя — в парадной стороне штабной и общественной жизни, как бы старался затушеваться, отодвигал себя на задний план. Мы уже видели, как он вел себя в штабной церкви. То же было и во дворце. На высочайших завтраках и обедах, как первое лицо после Государя, он по этикету должен был занимать за столом место по правую руку Государя. Зато во время закуски, во время обхода Государем гостей, он всегда скромно выбирал самое незаметное место, в каком-либо уголку и там, подозвав к себе интересного человека, вел с ним деловую беседу, стараясь

использовать и трапезное время».

Отношения Алексеева и Николая II в начале их совместной работы были доверительными и теплыми. Сам Михаил Васильевич отзывался о Верховном так: «С Государем спокойнее. Его Величество дает указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам, что разрабатываешь эти директивы с полным убеждением в их целесообразности. Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним мы спелись. А когда уезжает Царь, не с кем и посоветоваться».

В свою очередь и Николай II, вполне трезво воспринимавший свои возможности в качестве полководца, оценил деловые и человеческие качества нового подчиненного чрезвычайно быстро — уже 27 августа 1915 года, через четыре дня после вступления в должность, он писал жене: «Не могу тебе передать, до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник!» Со временем чувство симпатии императора к Алексееву крепло. Так, 10 марта 1916 года в письме жене он отмечал, что «работа по утрам с Алексеевым занимает у меня все время до завтра, но теперь она стала захватывающе интересной». А флигель-адъютант императора полковник А.А. Мордвинов был убежден, что «Его Величество относился к генералу Алексееву с большей симпатией и любовью, чем к другим».

О почестях, которые оказывались Алексееву при выходе к царскому столу, уже говорилось выше. А на Рождество 1915 года Николай II присвоил Алексееву придворное звание генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества. Но Михаил Васильевич тогда с трудом уговорил императора… не делать этого. Николай II уступил его настойчивой просьбе, хотя и заметил: «Я все же буду считать вас своим генерал-адъютантом». И на Пасху 1916 года сам принес Алексееву генерал-адъютантские погоны и аксельбанты и в этот раз настоял, чтобы генерал принял их. Когда знакомые поздравили Алексеева, тот отозвался:

— Стоит ли поздравлять? Разве мне это надо? Помог бы Господь нам, — этого нам надо желать!

Однако мало кто обращал внимание на интересный факт — присвоение генерал-адъютантства стало единственной наградой, которую М.В. Алексеев получил на посту начальника штаба Верховного. Свой последний орден в Первой мировой — Белого орла — он заслужил в январе 1915 года (причем казенные знаки ордена ему так и не прислали). И после этого — ничего!.. А ведь были вполне полагавшиеся по статусу генералу от инфантерии ордена Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра

Невского и Святого Андрея Первозванного, были алмазные знаки к уже имевшимся у Алексеева наградам, не говоря уже о полководческих орденах Святого Георгия 3-й и 2-й степеней. И награждали ими куда менее значимых, чем Алексеев, личностей. Например, Н.В. Рузский, заслуживший нелестную славу «малодушнейшего из генералов», к примеру, в один день 23 августа 1914 года получил сразу два «Георгия» — 4-й и 3-й степеней. А вот Алексееву ни за спасение восьми армий в Польше, ни за стабилизацию фронта осенью 1915-го, ни за разработку наступательных операций 1916 года не досталось вообще ничего.

Впрочем, сам Михаил Васильевич, по-видимому, не придавал этому никакого значения. Об этом писал Г.И. Шавельский: «Человека, понимавшего Михаила Васильевича, гораздо более удивило бы, если бы последний стал жаловаться, что его забыли, его обошли, чем то спокойствие, которое он сохранял, когда другие, благодаря его трудам и талантам, возвышались, а он сам оставался в тени. Мне и в голову никогда не приходило, что Алексеев может обидеться из-за неполучения награды или может работать ради награды». Впрочем, иного мнения придерживался генерал В.Е. Борисов, отмечавший, что Николай II «не сумел с достаточной силой привязать к себе Михаила Васильевича и мало оказывал ему особенного внимания, недостаточно выделяя его, якобы, из других».

Конечно, было бы неверно утверждать, что Алексееву на должности начальника штаба Ставки не были присущи определенные недостатки, которые зачастую весьма ощутимо влияли на общую структуру управления действующей армией. Все знавшие генерала мемуаристы в один голос говорят примерно об одном и том же — Михаил Васильевич принадлежал к тому типу руководителей-перфекционистов, которые следуют правилу «Хочешь сделать хорошо — сделай сам». Утверждение «Перед хорошим начальником — чистый стол, потому что у него работают подчиненные» было явно не про него. Поэтому начальник штаба Ставки один выполнял функции, которые в идеале должны были быть распределены между добрым десятком генералов…

Слово Г.И. Шавельскому: «В деле, в работе он все брал на себя, оставляя лишь мелочи своим помощникам. В то время, как сам он поэтому надрывался над работой, его помощники почти бездельничали. Генерал-квартирмейстер был у него не больше, как старший штабной писарь. Может быть, именно вследствие этого Михаил Васильевич был слишком неразборчив в выборе себе помощников: не из-за талантов, он брал того, кто ему подвернулся под руку, или к кому он привык. Такая манера

работы и такой способ выбора были безусловными минусами таланта Алексеева, дорого обходившимися прежде всего ему самому». Ю.Н. Данилов подчеркивал, что характеру Алексеева «не чужда была некоторая нетерпимость к чужим мнениям, недоверие к работе своих сотрудников и привычка окружать себя безмолвными помощниками. Наличие этих недостатков сказывалось у генерала Алексеева тем отчетливее, чем расширялась область его деятельности».

Шавельскому и Данилову вторит генерал П.К. Кондзеровский: «Вследствие ли полной непригодности Пустовойтенко или же вследствие свойства своего характера, но ген. Алексеев вел лично всю главную работу Генерал-Квартирмейстерства. Дело это он поставил так, что писал собственноручно все оперативные телеграммы. Мне постоянно приходилось заставать его за тем, что, сняв очки с одного уха и наклонившись совсем близко левым глазом к бумаге, он писал своим мелким, “бисерным”, четким и ровным почерком длиннейшие телеграммы, которые затем приказывал передать Генерал-Квартирмейстеру Я думаю, он потому и держал на должности Генерал-Квартирмейстера генерала Пустовойтенко, что тот не высказывал никакого протеста против такого его обезличения, — всякий другой едва ли согласился бы играть такую жалкую роль». Ю.Н. Данилов отмечал еще один недостаток Алексеева: «Я бы прежде всего отметил у генерала Алексеева недостаточное развитие волевых качеств». А.А. Брусилов: «Его главный недостаток состоял в нерешительности и мягкости характера». В.Е. Борисов: «Главным недостатком Алексеева было отсутствие у него волевого характера и уступчивость в отношениях с лицами высшего командования, в особенности с главнокомандующими армиями фронтов, которые с ним почти не считались, тем более что они непосредственно подчинены были не ему, а самому верховному главнокомандующему». Приказать главкомам фронтов сделать то-то и то-то Алексеев попросту не имел права, поэтому зачастую ограничивался советами и рекомендациями. А уж следовать им или не следовать, каждый главком решал сам. Легко себе представить, какой разнобой царил зачастую в штабах фронтов, получавших одновременно противоречившие друг другу директивы Ставки и приказы собственного главкома. Настаивать же на проведении в жизнь своих идей, «продавливать ситуацию» авторитетом Алексеев не любил и не умел. Более того, будучи по натуре человеком деликатным, он был склонен улаживать даже мелкие конфликты миром. Так, когда его адъютант накричал на какого-то офицера и не согласился принести ему извинения, Алексеев лично извинился перед оскорбленным за выходку

адъютанта.

Другим слабым местом Алексеева было его стремление видеть во всех только хорошее, неумение «узнавать» нужных людей и проводить их на высокие должности. Таков был генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко, которого за глаза все звали «Пустоместенко». Когда жена поинтересовалась у Михаила Васильевича, почему он так держится за Пустовойтенко, он ответил:

— Больших людей нельзя брать с фронта — там они нужней, а я и с ними обойдусь.

Весьма странной фигурой в Ставке был также генерал-лейтенант В.Е. Борисов. «Есть один тип, который в штабе мозолит всем глаза, — писал о нем великий князь Андрей Владимирович, — это закадычный друг генерала Алексеева, выгнанный уже раз со службы за весьма темное дело, генерал Борисов, — маленького роста, грязный, небритый, нечесаный, засаленный, неряшливый, руку ему давать даже противно. Алексеев считает его великой умницей, а все, что он до сих пор делал, свидетельствует весьма ясно, что это подлец, хам и дурак… Наши неудачи на Карпатах — это всецело его вина… Но Алексеев слепо ему верит, и его не разубедить».

Необъяснимой ошибкой Алексеева стало «воскрешение» из небытия 67-летнего генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, чей авторитет в армии и стране после Русско-японской войны был крайне низок. После начала Первой мировой Куропаткин буквально рвался на фронт — обивал пороги начальства, засыпал его рапортами, умоляя доверить ему хотя бы дивизию. «Поймите меня! — писал Куропаткин. — Меня живого уложили в гроб и придавили гробовой крышкой. Я задыхаюсь от жажды дела. Преступников не лишают права умереть за родину, а мне отказывают в этом праве». Но великий князь Николай Николаевич словно не слышал жалоб Куропаткина. Алексеев же отнесся к просьбам старого генерала с пониманием («Жаль старика, да и не так он плох, как многие думают») и ходатайствовал за него перед императором. В результате в сентябре 1915-го Николай II доверил Куропаткину командование Гренадерским корпусом, а 6 февраля 1916 года — должность главнокомандующего армиями Северного фронта. Но после того как Куропаткин провалил мартовское наступление 1916-го, Алексеев разочаровался в своем протеже и, когда вернувшийся с Северного фронта Г.И. Шавельский передал ему от Куропаткина привет, раздраженно ответил:

— Баба ваш Куропаткин! Ни черта он не годится! Я ему сейчас наговорил по прямому проводу…

В июле 1916 года, после провала летнего наступления на

Северном фронте, А.Н. Куропаткин был снят с должности.

Главком Юго-Западного фронта Н.И. Иванов, вообще относившийся к Алексееву с плохо скрываемой неприязнью, характеризовал его так: «Алексеев, безусловно, работоспособный человек, имеет свои недостатки. Главное — это скрытность… Он никогда не выскажет своего мнения прямо, а всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается… Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик». Генерал Н.Н. Головин отмечал малую известность Алексеева среди солдат: «Солдатская масса его знала мало; в нем не было тех внешних черт, которые требуются малокультурным массам для облика героя. То же самое происходило и по всей стране: все мало-мальски образованные слои знали Алексеева, уважали и верили ему; народные массы его не знали совсем».

А вот каким видел Алексеева и вовсе далекий от него человек, Э.Н. Гиацинтов: «Алексеев — ученый военный, который никогда в строю не служил, солдат не знал. Это был не Суворов и не Скобелев, которые, хотя и получили высшее военное образование, всю жизнь провели среди солдат и великолепно знали их нужды. Алексеев — это канцелярский военный, профессор военных наук, но и только. Он равнодушно относился к солдатам и к их нуждам». Так воспринимал начальника штаба Верховного обычный фронтовой офицер-окопник. Такой отзыв расходится со словами генерала от кавалерии П.А. Плеве, утверждавшего, что армейские офицеры-строевики как раз видели в Алексееве «своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам».

Были у М.В. Алексеева и совсем уж откровенные недоброжелатели из придворных кругов. Они высмеивали простоту и демократичность генерала, незнание им застольного этикета, утверждали, что как только он лишится высокого поста, то тут же пропадет на армейских «задворках», и даже пустили про Алексеева злое присловье: «Посдавал все крепости немцам и получил повышение». Но Алексеев не обращал на это внимание. Он не раз говорил о том, что на высокую должность его назначили временно, чтобы выправить сложную ситуацию на фронтах, а когда дела наладятся, его уволят, чтобы победоносно завершить войну смог «свой» человек.

…Осенние месяцы 1915 года для Ставки выдались не менее тяжелыми, чем летние. В ходе оборонительного Виленского сражения русская армия, сдав противнику Вильно и мощную Ковенскую крепость, отступила вглубь Белоруссии, а германские мобильные соединения предприняли так называемый

Свенцянский прорыв — попытку кавалерийского «блицкрига». В течение нескольких дней вражеские конные разъезды проникли глубоко в тылы русской армии, над Московским и Петроградским направлениями нависла реальная угроза. По инициативе главкома Западного фронта А.Е. Эверта, поддержанной Алексеевым, на ликвидацию прорыва была брошена 2-я армия генерала от инфантерии В.В. Смирнова, благодаря энергичным и активным действиям которой прорыв был ликвидирован. Начиная с конца октября 1915 года театр военных действий начал постепенно стабилизироваться на линии Рига — Двинск (ныне Даугавпилс, Латвия) — Поставы — Барановичи — Пинск — Черновицы (ныне Черновцы, Украина). Германские войска окончательно выдохлись и больше не могли развивать наступление, а русские армии, нанеся противнику ряд ощутимых контрударов, начали возводить мощные линии обороны. Война на русском фронте приобрела позиционный характер, который в основном и сохранила на протяжении около двух лет. «По мере того как войска устраивались на новых линиях обороны и спокойная рука генерала Алексеева приводила все в порядок, настроение армии стало улучшаться», — отмечал военный историк Н.Н. Головин.

Основной задачей Ставки на рубеже 1915—1916 годов было пополнение обескровленной долгими оборонительными сражениями армии и преодоление «снарядного голода». Эта задача была успешно выполнена. Если в октябре 1915 года строевой состав армии составлял 870 тысяч человек, то в феврале 1916-го — уже 1 миллион 800 тысяч. Значительно улучшилось в 1916 году и боевое снабжение русских войск. Так, выпуск винтовок в сравнении с 1914 годом удвоился (с 55 до 110 тысяч в месяц), пулеметов — вырос в шесть раз (с 160 до 900 в месяц), снарядов малых калибров — в девять раз (с 70 до 665), снарядов калибра 76,2 миллиметра — в шестнадцать раз (с 100 тысяч до 1 миллиона 600 тысяч). Вырос и импорт оружия: в 1916 году Россия получила из-за рубежа 9428 пулеметов, 8 миллионов снарядов среднего и 1 692 тысячи — крупного калибра, 446 осадных орудий. У. Черчилль отмечал: «К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед этим была почти безоружной, которая в течение 1915 г. пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить — 60 армейских корпусов вместо тех 35, с которыми она начала войну».

К 1916 году в России встали под ружье 15 миллионов мужчин. Но в сопоставлении с другими воюющими странами эта

цифра вовсе не кажется такой уж огромной. Судите сами: в России воевало менее 9 процентов населения страны, в то время как в Великобритании — 13 процентов, а в Германии и Франции — по 20. Дошло до того, что в Германии в армию начали призывать 17-летних юношей, всерьез рассматривался вопрос о мобилизации женщин и о тотальной мобилизации всего населения от 15 до 60 лет. В январе 1916-го в Турции начали призывать 50-летних, в Австро-Венгрии — 55-летних… Ничего подобного в России не происходило даже близко. Только в феврале 1917 года в армию начали призывать 18-летних парней.

Третий год войны, 1916-й, стал для Российской империи годом тяжелых сражений, причем все они так или иначе находились в прямой зависимости от европейского театра военных действий. 1 февраля 1916 года во французском городе Шантильи состоялась межсоюзническая военная конференция представителей стран Антанты, на которой было решено предпринять совместное наступление на противника в июне. Однако Германия спутала эти планы, буквально через неделю после конференции в Шантильи навязав французам тяжелое сражение за крепость Верден. Уже 21 февраля представитель Франции при Ставке генерал П. По запросил помощи у России. Результатом стала продолжавшаяся с 5 по 18 марта Нарочская операция — попытка Западного и Северного фронтов прорвать линию германской обороны в Белоруссии и тем самым отвлечь внимание немцев от Вердена. Сражение шло в тяжелейших условиях — дождь вперемешку со снегом, минусовая температура… Русские войска проявили массовый героизм и самоотверженность, крупным успехом стало освобождение 8 марта города Поставы. Однако прорвать сильно укрепленную полосу обороны противника не удалось. 20 тысяч убитых, 65 тысяч раненых, 5 тысяч пропавших без вести — в такую цену обошлась русской армии помощь союзникам, оборонявшим Верден. Характерно, что в своем историческом труде «Верден» (1929) маршал Франции А. Петен не обмолвился о героях Нарочского сражения ни единым словом…

По итогам Нарочской операции 1 апреля 1916 года в Ставке было собрано совещание главкомов фронтов. По свидетельству А.А. Брусилова, руководил прениями Алексеев, Верховный же главнокомандующий лишь утверждал его предложения. Итогом совещания стала выработка плана нового летнего наступления. Главный удар в направлении на Вильно должен был наносить Западный фронт А.Е. Эверта, вспомогательный удар на Свенцяны доверили Северному фронту А.Н. Куропаткина, а демонстрационный на Ковель — Юго-Западному фронту А.А.

Брусилова. Но военная история распорядилась по-своему. Блестящий Брусиловский прорыв Юго-Западного фронта вошел в анналы Первой мировой войны как самая успешная наступательная операция, а вот наступление Западного фронта на Барановичи, от которого столько ждали, обернулось для русской армии тяжелейшими, но почти безрезультатными боями и огромными потерями…

Вторая половина 1916-го также не принесла России решающих побед. Ковельское сражение Юго-Западного фронта закончилось безрезультатно, не было использовано в полной мере и выступление Румынии на стороне Антанты. По мнению А.А. Брусилова, «произошло это оттого, что верховного главнокомандующего у нас по сути дела не было, а его начальник штаба, невзирая на весь свой ум и знания, не был волевым человеком». С Брусиловым был согласен и крупнейший военный историк А.А. Керсновский, который в своей «Истории Русской армии» со свойственной ему эмоциональностью писал: «Решение Ставки нанести главный удар Западным фронтом в самое крепкое место неприятельского расположения — и это несмотря на неудачу Нарочского наступления — было едва ли не самым большим стратегическим абсурдом Мировой войны. И то, что это решение было навязано союзниками, лишь отягчает вину русской Ставки перед Россией и русской армией. А когда не поддержанное Ставкой наступление Юго-Западного фронта уже успело захлебнуться, Ставка решила его развить и указала для главного удара опять-таки самое крепкое, единственно крепкое место вражеского расположения — Ковель!..

Вместо того чтобы управлять событиями, Ставка сама следовала за ними. Верховного руководства российской вооруженной силы не существовало».

Такой жестокий приговор, вынесенный М.В. Алексееву, можно оспорить по многим пунктам. Конечно, управление работой штаба Ставки было не под силу одному человеку, даже такому талантливому, как Алексеев. Он просто физически не мог вникнуть во все детали многочисленных операций, планировавшихся на гигантском, протянувшемся от Риги до Румынии, фронте. Конечно, его вина в том, что он не сумел (и, видимо, не очень стремился) подобрать себе умных, опытных и самостоятельных помощников, взявших бы на себя техническую часть работы. В каких-то вопросах Алексееву не хватало настойчивости, стальной воли полководца, умения возразить Николаю II и навязать ему свою точку зрения. В корне порочной была и система взаимоотношений Алексеева с главкомами фронтов, которые могли принимать или не принимать к

исполнению его советы и рекомендации. Наконец, нет сомнения, что Алексееву порой попросту не хватало полководческой фантазии для того, чтобы воплотить в жизнь казавшиеся ему авантюрными планы. Так, именно из-за его противодействия в апреле и октябре 1915 года не воплотилась в жизнь идея десантной операции против Константинополя, а в августе 1916-го не были использованы возможности только что вступившей в войну Румынии. Между тем в первом случае поражение Турции и Болгарии, а во втором случае — Австро-Венгрии было бы скорым и неизбежным.

И конечно, Алексеев был скован в своих решениях железными цепями союзнических обязательств, тяготевших над Россией. Оттого все победы нашей армии, даже самые блестящие, такие как Брусиловский прорыв, осуществлялись фактически не во имя России, а во имя интересов Антанты. Постоянная оглядка на союзников, исполнение всех их требований и вместе с тем неумение самим потребовать помощь тогда, когда она была необходима, действительно характеризовали все действия русской Ставки Верховного главнокомандующего.

Но винить в этом лично Михаила Васильевича Алексеева было бы несправедливо. В точно таких же условиях оказался бы на его месте любой военачальник, назначенный на пост начальника штаба Верховного в 1915 году. Работать практически в одиночку, имея крайне нечетко обозначенную компетенцию, зачастую исходя из интересов союзников, к тому же имея прямым начальником императора, было бы невероятно трудно даже гениальному полководцу.

Не следует к тому же забывать, сколько было сделано М.В. Алексеевым для выправления сложнейшей ситуации на фронте в 1915 году и для восстановления армии в 1916-м. Только благодаря его руководству вооруженными силами линия русского фронта смогла быстро «закаменеть» и местами оставаться неизменной в течение двух лет. О том, чтобы подпустить врага к Киеву, Минску, Москве, Петрограду, а тем более к Волге, тогда никто не мог и помыслить!..

Сам М.В. Алексеев, конечно, прекрасно осознавал щекотливость ситуации, в которой он находился. Видимо, именно неопределенность его положения и заставила генерала задуматься о том, насколько полезна для страны такая форма его деятельности и вообще — возможно ли выиграть войну, управляя войсками по существующей в России схеме.

Служивший в Ставке подполковник М.К. Лемке еще в октябре 1915 года подметил, что компетенция Алексеева становится весьма широкой и выходит за круг чисто военных проблем: «К

нач. штаба стараются попасть на прием разные высокопоставленные лица с просьбами взять на себя и то, и се, чтобы привести в порядок страну. Например, Родзянко просил его взяться за урегулирование вопроса о перевозке грузов. И постепенно, видя, что положение его крепнет, Алексеев делается смелее и входит в навязываемую ему роль министра с громадной компетенцией, но без портфеля». Естественно, что облеченный огромной властью генерал быстро оказался в центре внимания самых различных политических группировок, каждая из которых желала видеть в Алексееве «своего». Позицию самого Михаила Васильевича М.К. Лемке описывал так: «Как умный человек, Алексеев отнюдь не разделяет курс современной реакционной политики, чувствует основные ошибки правительства и ясно видит, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести».

Все чаще военачальника одолевали тяжелые мысли о будущем страны. Весьма показателен диалог, состоявшийся между М.В. Алексеевым и М.К. Лемке 16 марта 1916 года, сразу после неудачной Нарочской операции. Тогда, по свидетельству мемуариста, Алексеев произнес следующее:

— Армия — наша фотография… С такой армией можно только погибать. И задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать… Вот тогда мы узнаем, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором…

— Если этот процесс неотвратим, — возразил Лемке, — то не лучше ли теперь принять меры к меньшему краху, спасению самого дорогого, хоть нашей культуры?

— Мы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю хотя бы о моменте демобилизации армии? Ведь это же будет такой поток дикого разнуздавшегося солдата, который никто не остановит…

Читать подобные предсказания, с убийственной точностью сбывшиеся в 1917 году, сегодня жутко. Однако подобный пессимизм овладевал начальником штаба Верховного далеко не всегда. «Сидеть сложа руки» было не в его правилах, иначе Алексеев не предпринимал бы никаких шагов, а просто бездумно и слепо исполнял бы свои служебные обязанности…

По-видимому, сначала недовольство М.В. Алексеева вызывало

лишь сильное влияние, которое оказывали на Николая II его супруга, императрица Александра Федоровна, и Григорий Распутин. Генерал П.К. Кондзеровский запечатлел в мемуарах такую сцену: «Придя к генералу Алексееву с докладом, я застал его в страшно возбужденном состоянии, бегающим взад и вперед по его маленькому служебному кабинету. И тут он мне взволнованно сказал несколько слов о том, какое ужасное влияние имеет на Государя Императрица, как Она портит этим Государю и как вредит всему». А Г.И. Шавельский вспоминает о том, с какой охотой согласился Алексеев поддержать его разговор с Николаем II о вредном влиянии, которое оказывает на него Распутин.

Надо сказать, что императрица искренне пыталась наладить с Алексеевым контакт. Во время одного из посещений Могилёва она во время прогулки с генералом завела разговор о Распутине, убеждая Михаила Васильевича в том, что его посещение Ставки принесет армии счастье. Но Алексеев сухо сказал в ответ, что если Распутин появится в Могилёве, он немедленно подаст в отставку. Императрица резко оборвала разговор и ушла не простившись. По словам Алексеева, после этой беседы отношение к нему императора ухудшилось. Впрочем, из дальнейших событий видно, что доверия к своему начштаба Верховный не утратил.

Одновременно генерала беспокоил нараставший в тылу кризис, вернее, сразу несколько кризисов — политический, экономический, духовный. С 1915 года в России началось размежевание между фронтом и тылом, которое возрастало с каждым месяцем. Столкнувшись с невиданной доселе войной, с колоссальными жертвами и потерями, которые на фоне побед России XIX века казались ужасающими (отдали Варшаву, которой Россия владела сто лет!.. Германская армия стояла в Белоруссии!..), люди оказались неготовыми жить и работать по простому и логичному правилу: «Все для фронта, все для победы». Тем более что Россия, в отличие от большинства воюющих стран, не вводила (и не могла ввести — против этого восстала бы Государственная дума) военное положение в тылу. Так что военные заводы даже в разгар неудач на фронте могли преспокойно бастовать (в 1914 году в России бастовало 300 тысяч рабочих, в 1916-м — уже 2,2 миллиона), газеты — сеять слухи и панику, «земгусары» — рассказывать сплетни о Распутине, поэты — писать стихи наподобие «Еще не значит быть изменником — быть радостным и молодым, не причиняя боли пленникам и не спеша в шрапнельный дым» (Игорь Северянин)…

Со всем этим хаосом, по мысли Алексеева, должно было покончить Верховное министерство государственной обороны,

проект создания которого был подготовлен генералом 15 июня 1916 года. По мысли Алексеева, верховный министр должен был стать своего рода Верховным главнокомандующим тылом, а жизнь страны целиком и полностью должна была быть подчинена нуждам армии. Однако 28 июня Совет министров, собравшийся в Ставке, большинством голосов отклонил проект Алексеева. Михаил Васильевич убедился в том, что конструктивный диалог с действующим правительством вряд ли получится, и, видимо, дал это понять, так как императрица вскоре сообщила Николаю II: «Все министры чувствуют антагонизм с его (Алексеева. — В. Б.) стороны». Сам же Алексеев так отзывался о членах кабинета Б.В. Штюрмера: «Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают».

На фоне этих разочарований Алексеева все больше интересовали возможности хорошо знакомых ему представителей либеральной оппозиции. Главенствующие роли в ней занимали представители думского Прогрессивного блока и тесно связанные с ними руководители Военно-промышленного комитета (ВПК) и Союза земств и городов (Земгора). Глава ВПК А.И. Гучков был отлично знаком Алексееву еще с 1907 года, а лидеры Земгора князь Г Е. Львов и М.В. Челноков специально приезжали к нему в Ставку в январе 1916-го. Именно в либеральных кругах в течение второй половины этого года постепенно вызрела идея государственного переворота — а точнее, устранения правящего монарха и провозглашения императором цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Начиная с февраля Гучков обратился к Алексееву с целым рядом писем, в которых прямо обвинял правительство в измене и взывал к генералу: «Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом… Можете ли вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем». Тон этих писем явно говорил о том, что Гучков видел в Алексееве своего единомышленника…

Интересно, что узнавшая об этих письмах императрица Александра Федоровна сообщала мужу 18 сентября 1916 года: «Теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым, и он начинит его всякими мерзостями — предостереги его, это такая умная скотина, а Алексеев, без сомнения, станет прислушиваться к тому, что он говорит». В ответном письме император удивляется: «Откуда ты знаешь, что Гучков переписывается с Алексеевым? Я никогда раньше не слыхал об этом». Пригласив к себе Алексеева, Николай II поинтересовался,

переписывается ли он с Гучковым, и получил отрицательный ответ. Впрочем, Гучков вскоре сам обнародовал свое письмо Алексееву от 15 августа — видимо, затем, чтобы «сжечь мосты» за Алексеевым и подтолкнуть его к более решительным действиям. Да и императрица снабдила мужа копией письма Гучкова к Алексееву.

К этому времени отношение Михаила Васильевича к правящему монарху успело кардинально измениться. На смену добродушной фразе «С ним мы спелись» постепенно начало приходить понимание того, что человек, находящийся во главе России, не может руководить гигантской страной, ведущей страшную войну. Мало-помалу Алексеев стал воспринимать Верховного главнокомандующего чуть ли не как помеху в своей работе. М.К. Лемке, наблюдавший М.В. Алексеева в Ставке, свидетельствовал: «Царь немало мешает ему в разработке стратегической стороны войны и внутренней организации армии, но кое-что М.В. удается отстоять от “вечного полковника”… Многое Алексеев делает и явочным порядком, т. е. докладывает царю уже о свершившемся факте, и поневоле получает одобрение — иногда с гримасой, иногда без нее. Иное дело личный состав: здесь царь имеет свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминает, что назначениями хочет ведать сам. Разумеется, такое вмешательство в значительной мере мешает и меняет все дело, всю мысль, а результаты получаются плачевные. Алексеев понимает, что при царе как при главнокомандующем он не может рисковать, так как неудача задуманного им риска сделает ответственным за него самого царя. Последнее время Николай становится особенно упрям и подозрителен».

Эмоции, владевшие М.В. Алексеевым, явственно слышны в его отзыве о Николае II, сделанном 30 октября 1916 года: «Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и… спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим…» Здесь и раздражение, и гнев, и разочарование, и желание исправить ситуацию… Алексеев не раз пытался «достучаться» до императора, причем в весьма резких и откровенных выражениях («Ваше дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к погибели»), но никакой реакции не дождался. Перед Михаилом Васильевичем встал нелегкий выбор: оставаться верноподданным и мириться с тем, что, по его мнению, вело страну к краху, или же изменить присяге и стать участником заговора. Судя по тому, как развивались последующие события, Алексеев свой выбор сделал, хотя до

определенного периода предпринимал все усилия, чтобы сохранить хотя бы видимость лояльности к императору.

В 2003 году историком О.Р. Айрапетовым были опубликованы записи, сделанные М.В. Алексеевым для себя. В них военачальник попытался составить психологический портрет Николая II. Эти записи чрезвычайно важны для понимания того, как Алексеев относился к императору в последние месяцы его царствования…

«N человек пассивных качеств и лишенный энергии. Ему недостает смелости и доверия, чтобы искать достойного человека. Приходится постоянно опасаться, чтобы влияния над ним не захватил кто-либо назойливый и развязный. Слишком доверяет чужим побуждениям, он не доверяет достаточно своему уму и сердцу.

Притворство и неискренность. Что положило начало этому? Она — неискренность — развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой характера.

Ум. Ему не хватает силы ума, чтобы настойчиво искать правду; твердости, чтобы осуществить свои решения, несмотря на все препятствия, и сгибать волю несогласных. Его доброта вырождается в слабость, и она принуждает прибегать к хитрости и лукавству, чтобы приводить в исполнение свои намерения. Ему, быть может, вообще не хватает глубокого чувства и способности к продолжительным привязанностям.

Боязнь воли. Несчастная привычка держаться настороже. Атрофия воли.

Воля покоряет у него всё.

Умение владеть собою, командовать своими настроениями.

Искусство властвовать над людьми.

Чувствительное сердце.

У него было слабо то, что делает человека ярким и сильным.

В его поступках не было логики, которая всегда проникает в поступки цельного человека.

Жертва постоянных колебаний и не покидавшей его нерешительности.

Скрытность, лицемерие. Люди, хорошо его знающие, боятся ему довериться.

Беспорывистость духа. Он был лишен и характера, и настоящего темперамента. Он не был натурой творческой. Выдумка туго вынашивалась у него.

Душевные силы охотно устремлялись на мелкое. Он не был способен от мелкого подняться к великому. Не умел отдаться целиком, без оглядки какому-нибудь чувству. Не было такой идеи, не было такого ощущения, которые владели бы им когда-нибудь всецело.

Вместо упорного характера — самолюбие, вместо воли — упрямство, вместо честолюбия — тщеславие и зависть. Любил лесть, помнил зло и обиды.

Как у всех некрупных людей, у него было особого рода самолюбие, какое-то неспокойное, насторожившееся. Его задевал всякий пустяк. Ему наносила раны всякая обида, и нелегко заживали эти раны.

Эгоизм вырабатывает недоверие; презрение и ненависть к людям, презрительность и завистливость.

Была ли горячая любовь к Родине?

Началась полоса поражений, а за нею пришел финансовый крах. Становилось ясно, что не только потерпело банкротство данное правительство, но что разлагается само государство… Тем бесспорно, что обычными средствами помочь нельзя».

Итак, осознав, что Российская империя «разлагается» и что главным виновником этого разложения является глава государства, Алексеев следом за этим пришел к выводу, что «обычными средствами» исправить ситуацию невозможно. Но какие «необычные средства» он собирался использовать в таком случае?.. Точного ответа на этот вопрос нет, как не можем мы и сказать, когда именно М.В. Алексеев впервые задумался о себе как о потенциальном политическом деятеле. Возможно, это произошло в тот момент, когда великий князь Николай Николаевич поделился с ним своей догадкой о причинах отстранения с поста Верховного главнокомандующего; возможно, когда Алексеев впервые осознал, какая реальная власть сосредоточена в его руках. Безусловно, оказывали на начальника штаба Ставки сильное влияние и его ближайшие сотрудники, в особенности генерал В.Е. Борисов, щеголявший в Ставке своим «демократизмом» и даже к царскому столу не выходивший из «принципиальных соображений». Интересна в этом смысле дневниковая запись М.К. Лемке, сделанная 9 ноября 1915 года: «Вчера Пустовойтенко сказал мне: “Я уверен, что в конце концов Алексеев будет просто диктатором”. Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход… Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилий их не установишь… Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят каждое его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце… Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли около набитого дурака и мерзавца». В этом фрагменте М.К. Лемке сильно «забежал вперед», но атмосферу зреющего в Ставке заговора он вряд ли выдумал. А ведь это еще ноябрь 1915-го, и Алексеев возглавляет

штаб Верховного всего-навсего два месяца!..

А через год о заговоре, в котором был задействован Алексеев, разговоры шли уже далеко за пределами Ставки. В него так или иначе были посвящены все высшие военачальники России — некоторые разделяли цели заговорщиков, некоторые полностью контролировались их окружением. Как пишет в «Истории Русской армии» А.А. Керсновский, «на Северном фронте генерал Рузский — целиком во власти Юрия Данилова и Бонч-Бруевича — перешел в стан заговорщиков. На Западном фронте лояльный генерал Эверт и его начальник штаба незначительный генерал Квецинский зорко опекались генерал-квартирмейстером Лебедевым… Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов затаил в душе горькую обиду на Государя, оставившего без награды его знаменитое наступление. Заговорщикам не пришлось его долго упрашивать. На новоучрежденном Румынском фронте генерал Сахаров был в плену у своего штаба. Наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич находился в большой и плохо скрытой вражде к Государю и Государыне. Участие в заговоре он, однако, отклонил, предпочитая занять выжидательную позицию».

Не меньше сторонников заговора было и в высших правительственных кругах России. Более того, заговорщики даже не считали нужным особенно таиться. Так, согласно воспоминаниям князя А.В. Оболенского, в конце 1916 года он поинтересовался у Гучкова, насколько правдивы слухи о грядущем государственном перевороте. И услышал в ответ отнюдь не сбивчивые оправдания, а… обстоятельный рассказ о заговоре: «Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский… Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него». В качестве доказательства Гучков даже спросил Оболенского, не хочет ли он взглянуть на письма Алексеева. Возмущенный всем узнанным Оболенский рассказал о заговоре премьер-министру Б.В. Штюрмеру, а тот доложил обстоятельства дела императору. Но кончилось все тем, что Николай II «изволил указать Алексееву на недопустимость такого рода переписки с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к Монархии и Династии», а Гучкову запретили бывать в действующей армии (то есть в Ставке). И все!.. Даже после этого Алексеев продолжал пользоваться полным доверием Николая II!

По данным же А.Ф. Керенского, на 16 ноября 1916 года был намечен переворот, план которого разработали князь Г.Е. Львов и

М.В. Алексеев: «Они пришли к твердому выводу, что необходимо покончить с влиянием царицы на государя, положив тем самым конец давлению, которое оказывала на царя клика Распутина. В заранее намеченное ими время Алексеев и Львов намеревались убедить царя отослать императрицу в Крым или в Англию». В начале ноября Алексеева навестило в Ставке доверенное лицо Львова, причем произошла такая сцена: генерал, подойдя к настенному календарю, начал молча отрывать один листок за другим, пока не дошел до 16 ноября, показав таким образом дату переворота. Помешала осуществлению этого плана якобы только болезнь Алексеева.

Тяжелый приступ застарелой уремии действительно скрутил генерала и вынудил его 11 ноября 1916 года уехать на лечение в Севастополь. Естественно, на посту начальника штаба Верховного ему потребовалась временная замена, и должность принял командующий Особой армией генерал от кавалерии Василий Иосифович Гурко.

Его кандидатура многим показалась неожиданной — ведь у Алексеева был богатый выбор куда более заслуженных генералов фронтового уровня. Но при ближайшем рассмотрении все объяснялось просто — во-первых, Гурко был соучеником Алексеева по Николаевской академии Генштаба, а во-вторых, он заодно являлся и… старинным другом Гучкова. То есть был человеком, посвященным в заговор и вполне уверенным в его необходимости. Перед своим отъездом в Крым Алексеев долго инструктировал Гурко наедине. «О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной, которую они оба унесли в могилу, — писал адмирал А.Д. Бубнов. — Но факт тот, что с назначением Гурко появились неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры». Дальше Бубнов сообщает, что принимать эти «решительные меры» Гурко все же не стал: «Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью Царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению; или его в последнюю минуту остановило не изжитое еще традиционное верноподданническое чувство… трудно сказать. Но во всяком случае надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались».

Из этого пассажа следует, что у Алексеева явно был какой-то запасной «силовой вариант», исполнителем которого в случае чего намечался Гурко, однако осуществлен он не был. Любопытно, что Бубнов пишет о «неоправдавшихся надеждах

Ставки» на Гурко в весьма разочарованном тоне, а верноподданническое чувство называет «неизжитым». Это характеризует отношение к императору в Ставке в конце 1916 года…

Так или иначе, сыграть ключевую роль в военном перевороте, стать его действующим лицом № 1 В.И. Гурко суждено не было. Но на сцену заговора он еще выйдет в феврале 1917-го — именно Гурко «надавит» на императора и впервые заставит его задуматься об отъезде из Петрограда в Ставку, обернувшуюся для него ловушкой…

Была у Гурко, кроме «силового варианта», и другая, внешне мирная задача — подобрать и провести на руководящие должности в Ставке такие кадры, которые не подведут в решительный момент, то есть проделать всю техническую работу по обеспечению будущего переворота. Ради этого Алексеев пожертвовал даже старыми сотрудниками М.С. Пустовойтенко и А.А. Носковым, в которых был, видимо, не вполне уверен. Во всяком случае, еще 21 октября 1916 года в Ставке появился, а 6 декабря был официально утвержден в должности новый генерал-квартирмейстер — тоже давний друг Гурко и Гучкова генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, а 20 декабря — помощник начальника штаба, генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский. Причем Клембовский появился в штабе сразу же после связанного с убийством Распутина отъездом Николая II из Ставки. Что эти назначения совершались с ведома и одобрения Алексеева, сомневаться не приходится — даже находясь на больничной койке, Михаил Васильевич держал происходящее в Могилёве под контролем. С этого времени Ставка была полностью в руках проверенных «алексеевцев», которые одновременно были и «гучковцами»…

Между тем в Севастополе состоялась личная встреча М.В. Алексеева с Гучковым. В ее ходе генерал был посвящен в план заговорщиков: один из великих князей должен был адресоваться к императору с неким «обращением» (видимо, с просьбой добровольно уступить трон), после чего, в случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось задержать царский поезд на полпути между Ставкой и Петроградом и заставить Николая II отречься от трона, а в случае сопротивления устранить самодержца физически. В мемуарах А.И. Деникина встреча Гучкова и Алексеева описана так: «В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не

могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его определению, “и так не слишком прочно держится”, а потому просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовящегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

О «решительном отказе» Алексеева Гучкову говорит в мемуарах и А.Ф. Керенский. Однако тогда становятся необъяснимыми те перестановки, которые внезапно последовали в Ставке в декабре 1916 года. Зачем «готовить почву», проводить на высокие штабные должности нужных людей, если считаешь заговор вредным в принципе?.. Кроме того, весьма сомнительно, чтобы Брусилов и Рузский согласились на участие в заговоре, зная, что Алексеев его решительно не одобряет. Ну и самое главное: человек, считающий заговор вредным, сообщает о нем куда следует — хотя бы императору, против которого этот заговор направлен…

Куда более вероятен другой вариант: напрямую, открытым текстом Алексеев Гучкову помощи не пообещал, а возможно, даже и отказал в ней, использовав всю приведенную Деникиным риторику. А скрытым текстом или интонацией дал понять, что в случае переворота противодействовать ему не будет и все зависимое от него сделает. Это позволяло Алексееву в случае провала заговора остаться в стороне. Возможно, что Алексеев раскритиковал именно вариант Гучкова (арест императора в поезде) и предложил более сложную, но и более безопасную для себя схему, на которую Гучков в итоге и согласился.

Одновременно Ставка занималась и своим непосредственным делом — руководила войсками. В начале осени 1916 года Алексеев предложил всем главнокомандующим фронтами разработать план операции прорыва укрепленных позиций противника. В Могилёв эти планы поступили в ноябре. Командование Западного фронта считало, что главный удар кампании 1917 года нужно наносить на Виленском направлении: А.Е. Эверт мотивировал это тем, что вслед за освобождением Западной Белоруссии и Литвы возможно будет развить

наступление в Восточной Пруссии. Но В.И. Гурко решительно воспротивился тому, чтобы предоставить Западному фронту решающую роль в будущем году, и предложил сделать основным театром военных действий в кампании 1917 года Юго-Западный и Румынский фронты. 17—18 декабря 1916 года в Могилёве прошло большое совещание Верховного главнокомандующего и главкомов фронтов. На нем А.Е. Эверт категорически не согласился с предложением Ставки сделать главными фронтами следующего года Юго-Западный и Румынский. К Эверту присоединился главком Северного фронта Н.В. Рузский, полагавший, что его фронт должен наступать на Свенцяны. Временно замещавший Алексеева В.И. Гурко не смог настоять на своем, а Верховный главнокомандующий, по своему обыкновению, не спешил занять сторону кого-либо из присутствующих. Закончилось все тем, что в Петрограде был убит Распутин, и потрясенный Николай II спешно выехал из Могилёва в столицу. В результате никакого решения на совещании не приняли. В 1917-й русские фронты вступали, вообще не имея никаких планов на кампанию этого года!..

Только М.В. Алексеев внес в работу Ставки какую-то определенность, хотя и весьма своеобразную. 9 января 1917 года он предложил некий компромисс между планами Гурко, Эверта и Рузского — основной удар нанести на Юго-Западном фронте в направлении Львова, локальную операцию провести также на Румынском фронте и вспомогательные — на Северном и Западном. 24 января 1917 года этот план был одобрен императором, а в феврале командирам корпусов всех армий было предложено представить свои соображения не позже первой половины марта и исполнить все предварительные работы: наметить наблюдательные пункты, выбрать места для артбатарей, разработать планы связи, определить количество материалов и приступить к работам. Таким образом, фактическая разработка и подготовка наступательных операций 1917 года начались с конца февраля, приблизительно за четыре месяца до осуществления…

Но самое главное — на апрель 1917 года была запланирована Босфорская десантная операция, которая должна была поставить точку в боевых действиях Румынского и Кавказского фронтов. Ее следствием было бы падение Константинополя и выход из войны Турции, после чего последовал бы неизбежный крах Болгарии…

Однако осуществиться этому плану не было суждено. Март 1917 года стал водоразделом в истории Первой мировой войны на русском театре военных действий. После беспорядков в Петрограде 2 марта Николай II отрекся от престола, власть в стране перешла к Временному правительству. Это повлекло за собой грандиозные перемены как в жизни страны, так и в жизни армии.

Именно Февральский переворот 1917 года стал ключевым пунктом в истории Первой мировой войны для России. Именно к этому стремились как противники Российской империи, так и ее «союзники» по Антанте — в первую очередь Великобритания и США (Штаты вступили в войну вскоре после падения монархии в России, в апреле 1917-го). Ликвидация императорской власти в России дала возможность поставить у власти в стране правительство, которое изначально было послушной марионеткой в руках Запада и за восемь месяцев привело страну к краю пропасти, развалив буквально все сферы жизнедеятельности государства — и в первую очередь армию.

Зачем это нужно было нашим так называемым «союзникам»?.. Да затем, что союзниками их можно было назвать только в кавычках. Россия — победитель в Первой мировой войне — не устраивала никого: ни Великобританию, ни Францию, ни США. А между тем победное завершение войны Антантой в 1917-м приближалось стремительно, ресурсы Четверного союза таяли на глазах. О Босфорской десантной операции, после которой к России отошли бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы, уже говорилось выше. Венгерский государственный деятель И. Бетлен в 1934 году так описывал последствия Первой мировой войны в случае победы в ней России: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги».

Но такая картина категорически не устраивала «союзников» России. Следовательно, с развалом геополитического конкурента нужно было спешить. Затем и понадобилась так называемая «Февральская революция», которая на деле была хитроумно спланированной и тонко проведенной спецоперацией.

Естественно, было бы упрощением видеть в февральских событиях 1917 года только «руку Запада». Переворот никогда не удался бы, не находись Россия в глубоком духовном и идейном кризисе, не найдись в стране множества людей, искренне убежденных в том, что для победы в войне и дальнейшего процветания нужно «сделать все так, как у них», — то есть на Западе. В разрушении империи участвовали самые разные силы — от патриотически настроенных высших военных до пораженцев-большевиков, от всемогущих «общественников» до платных агентов Антанты, от недовольных правлением родственника великих князей до отупевших от постылого сидения в окопах рядовых…

В задачи этого очерка не входит подробное освещение вопроса подготовки Февральского переворота. Мы лишь заметим, что абсолютное большинство высших воинских начальников Русской императорской армии так или иначе были к нему причастны, и ликвидация монархии (или, по крайней мере, устранение правящего монарха) устраивала практически всех в стране, включая некоторых членов императорской фамилии. Очень характерна запись в дневнике генерала А.И. Спиридовича, описавшего «дух времени», царивший в Петрограде 20 февраля 1917 года, за три дня до начала того, что впоследствии назовут Февральской революцией:

«Об уходе Государя говорили как бы о смене неугодного министра. О том, что скоро убьют Царицу и Вырубову, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые, якобы, готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли Великого Князя Михаила Александровича будущим регентом». Далее Спиридович цитирует высказывания одного из членов Государственной думы: «Идем к развязке, все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции… Правительства нет… Императрицу ненавидят как сторонницу Германии… Кто пустил эту клевету, не знаю. Но ей верят. С Царицы антипатия переносится на Государя. Его перестали любить. Его уже НЕ ЛЮБЯТ… И все хотят его ухода… хотят перемены… А то, что Государь хороший, верующий, религиозный человек, дивный отец и примерный семьянин, — это никого не интересует. Все хотят другого монарха… И если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за Него никто не вступится».

Цели, которые преследовались различными группами заговорщиков, были разными, но никто из них не отдавал себе отчет в том, что он рубит сук, на котором сидит, и играет на руку

врагам страны — как тем, кто воевал против нее с открытым забралом, так и тем, кто изображал из себя преданного друга России…

Одним из таких заговорщиков, искренне желающих добра своей стране и верящих в то, что для этого необходимо устранение монарха, был генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. И, как это ни ужасно звучит, ничего экстраординарного в занятой им в начале 1917-го позиции не было. Напротив, было бы удивительно, если бы Алексеев продолжал оставаться ярым монархистом и искренне верил в государственные таланты правящего императора…

Вечером 17 февраля 1917 года Михаил Васильевич вернулся из Севастополя в Могилёв. Вернулся не выздоровевшим, а совершенно больным — лечение не помогло, его мучили боли в почках, температура временами поднималась до 39—40 градусов. Почему же Алексеев вернулся, вместо того чтобы лечиться дальше?.. Да потому что события начали развиваться стремительно, соратники по заговору известили его об этом, и его присутствие в Ставке было необходимо. В.И. Гурко начал играть свою партию несколько раньше — еще 4 января он выехал из Могилёва в Петроград, так что на протяжении полутора месяцев Ставка фактически оставалась без руководителя.

С какой же целью ехал в столицу Гурко?.. Формально — для участия в межсоюзнической военной конференции и переговорах о новых военных поставках. Но главная миссия генерала заключалась в другом — заставить императора вернуться в Могилёв. Ведь Николай II отсутствовал в Ставке с 18 декабря 1916 года, со дня убийства Распутина, а такого развития событий планы заговорщиков не предусматривали. Значит, нужно было любой ценой подтолкнуть Верховного главнокомандующего к отъезду в Ставку.

13 февраля Гурко побывал с докладом у императора, причем с докладом весьма необычным — ради него государь, славившийся своим благочестием, опоздал на богослужение в первый день Великого поста. А после внезапно заявил жене, что должен… выехать в Ставку. Удивленная Александра Федоровна уточнила, не может ли он остаться с семьей, на что последовал ответ: «Нет, я должен ехать». О содержании доклада В.И. Гурко известно из воспоминаний А.И. Деникина, который так передал слова Гурко: «13 февраля… я долго убеждал бывшего царя дать ответственное министерство. Как последний козырь я выставил наше международное положение, отношение к нам союзников, указал на возможные последствия, но тогда моя карта была бита». Другими словами, второй человек в армии убеждал своего

непосредственного начальника провести в стране крупнейшую политическую реформу, стращая в случае отказа немилостью союзников!..

Безусловно, такое, мягко говоря, странное поведение Гурко не могло не взволновать императора. Он понял, что Гурко высказывает не только свои мысли, но и, возможно, позицию всех чинов Ставки, а в этом случае личное вмешательство Верховного в ее дела было необходимо. Кроме того, у Николая II был еще один повод присмотреться к Гурко пристальнее. Слово министру внутренних дел России А.Д. Протопопову:

«В половине февраля царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В.И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)». Как бы вы, будучи Верховным главнокомандующим, отнеслись к подчиненному, который откровенно игнорирует ваши распоряжения и поступает так, как считает нужным он сам?.. Николай II даже не снял Гурко с должности…

Но своей цели настойчивый генерал все же не добился — шли дни, а император все не покидал Царского Села. Решающим аргументом, заставившим Николая II расстаться с семьей и отправиться в Могилёв, стала полученная им 19 февраля телеграмма от Алексеева. Видимо, узнав от Гурко, что император не торопится уезжать в Могилёв, Алексеев встревожился и начал действовать более активно. «Генерал Алексеев настаивает на моем приезде, — сказал император жене, получив эту телеграмму. — Не представляю, что там могло случиться такого, чтобы потребовалось мое обязательное присутствие. Я съезжу и проверю лично. Я не задержусь там дольше, чем на неделю, так как мне следует быть именно здесь». Итак, телеграмма «сработала» — авторитет Алексеева был в глазах императора велик, своему начальнику штаба он верил…

Решение государя отправиться в Ставку было полной неожиданностью для его окружения. Обстановка на фронте не требовала личного присутствия Верховного в Могилёве, план кампании на 1917-й был утвержден еще в конце января, положение в армии было вполне стабильным. А вот в столице, наоборот, было неспокойно, почему император и считал, что ему следует находиться именно в Петрограде. Дворцовый комендант В.Н. Воейков вспоминал: «Я знал, что Государь имел намерение ехать, но думал, что момент этот — не подходящий для его отъезда, и поэтому спросил, почему он именно теперь принял такое решение, когда на фронте, по-видимому, все спокойно,

тогда как здесь, по моим сведениям, спокойствия мало и его присутствие в Петрограде было бы весьма важно. Государь на это ответил, что на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам; касательно же здешнего положения Его Величество находил, что по имеющимся у министра внутренних дел Протопопова сведениям, нет никакой причины ожидать чего-нибудь особенного». В среду 22 февраля 1917 года в 14.00 императорский поезд отправился из Царского Села в Могилёв. Приехавший проводить брата великий князь Михаил Александрович «был очень доволен поездкой Государя» и усиленно убеждал его в том, что армия недовольна длительным отсутствием Верховного в Ставке и что решение ехать в Могилёв абсолютно верно. Днем раньше, 21 февраля, в Могилёв из столицы уехал и Гурко — его миссия была выполнена…

Мы не можем сказать с точностью, какие именно аргументы привели Алексеев, Гурко и великий князь Михаил, чтобы заставить императора выехать в Могилёв. Возможно, все они в той или иной форме сообщили Верховному правду — правду о том, что в Ставке и думских кругах зреет заговор. Может быть, Алексеев заявил, что главным заговорщиком является… Гурко, и в качестве доказательства привел факт невыполнения им приказов царя и дерзкий доклад 13 февраля… Вот только о своей роли в этом заговоре Алексеев умолчал. Ему было важно завлечь Николая II в западню, заставить его уехать из Царского Села. А о том, сколько сторонников к этому времени было у заговорщиков, свидетельствует выразительный эпизод, приведенный в воспоминаниях близкой подруги императрицы Ю.А. Ден: «Тетушка (которую всегда приводили в ярость сплетни, порочившие Государыню Императрицу) позвонила мне и попросила тотчас же приехать к ней. Я застала ее в чрезвычайно возбужденном состоянии.

— Рассказывают ужасные вещи, Лили, — воскликнула она. — Вот что я должна тебе сказать. Ты должна предупредить Ее Величество.

Затем уже более спокойным тоном продолжала:

— Вчера я была у Коцебу. Среди гостей было множество офицеров, и они открыто заявляли, что Его Величество больше не вернется со Ставки».

Узнав о том, что Николай II выехал в Могилёв, Алексеев наверняка вздохнул с облегчением — все шло по плану. А 23 февраля, на другой день после отъезда императора, в Петрограде внезапно начались массовые волнения — к вечеру число вышедших на улицы под лозунгом «Хлеба!» людей составило

около 90 тысяч человек…

Конечно, такое совпадение — отъезд императора в Ставку 22 февраля и начало мятежа 23-го — не было случайным. Но интересно, что такое развитие событий стало полной неожиданностью для большинства политиков страны. Л.Д. Троцкий в «Истории русской революции» отмечал: «23 февраля было международным женским днем (по старому стилю. По новому — 8 марта. — В. Б.). Его предполагалось в социал-демократических кругах отметить в общем порядке: собраниями, речами, листками. Накануне никому и в голову не приходило, что женский день может стать первым днем революции. Ни одна организация не призывала в этот день к стачкам». Ему вторит В.М. Чернов: «Ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями не смогли вывести на улицу петроградских рабочих». А вот думские оппозиционеры по поводу февральских массовых выступлений в Петрограде не писали ничего или отделывались в мемуарах невнятными фразами, потому что на самом деле были прекрасно осведомлены о том, кем именно направлялись события. Это были те самые «союзники» России по Антанте, заинтересованные не в совместных победных лаврах, а в поражении России в войне и дальнейшем распаде огромной страны…

Своего рода съездом этих антирусски настроенных сил стала межсоюзническая военная конференция, проходившая в Петрограде 19 января — 7 февраля 1917 года. Английскую делегацию на конференции возглавлял член военного кабинета Великобритании (и одновременно крупный банкир) виконт Альфред Мильнер. Этот «союзник» четырежды лично встречался с Николаем II и 4 февраля передал ему записку, в которой требовал создания в России «ответственного министерства», составленного из представителей думской оппозиции. Имелись у Мильнера и соображения по поводу дальнейших военных действий: так, он считал необходимым ввести в штаб Верховного главнокомандующего представителей союзников с правом решающего голоса и провести ротацию высших командиров русской армии с учетом мнения союзников. То есть России предлагалось попросту добровольно стать безвольным сателлитом стран Антанты. Английский министр иностранных дел А. Бальфур в беседе с военным обозревателем газеты «Тайме» полковником С. Репингтоном признал, что «монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал царю». К чести Николая II, он отверг требования Мильнера (правда, в весьма сдержанных выражениях), а 13 февраля не стал слушать и В.И. Гурко, который (по всей

видимости, по согласованию с Мильнером) добивался у императора того же самого. Но, не согласившись на наглые требования британских «союзников», император, сам того не зная, подписал себе приговор: убедившись в его неуступчивости, Мильнер дал отмашку на проведение в Петрограде спецоперации под названием «Февральская революция», на что было израсходовано более 21 миллиона рублей. Потому и начались в Петрограде массовые волнения, ставшие сюрпризом для политиков, потому и потребовалось немедленно вернуть в Ставку ничего не подозревавшего Верховного главнокомандующего…

Масштаб мятежа нарастал с каждым днем: 24 февраля в столице бастовало уже 170 тысяч человек, через день — 240 тысяч. 25 февраля противостояние бастующих рабочих и полиции стало вооруженным, к требованиям хлеба прибавились лозунги «Долой войну» и «Долой самодержавие». Столичные власти растерялись, меры, которые они предпринимали для подавления восстания, оказались смехотворными.

Но самое главное — в Петрограде уже не было императора, который мог бы отдать приказ немедленно расправиться с мятежниками!.. Теперь он был, сам не осознавая этого, полностью зависим от чинов Ставки, которые могли снабжать (или не снабжать) императора той информацией, которую считали нужной. Объяснялось это… заботой о Верховном. Когда флигель-адъютант императора полковник А.А. Мордвинов заметил, что императору не подают некоторых телеграмм, «кто-то из офицеров штаба ответил, что это делается нарочно, по приказанию Начальника штаба, так как известия из Петрограда настолько тягостны, а выражения и слова настолько возмутительны, что генерал Алексеев не решался ими волновать Государя».

Благодаря такой «заботе» жизнь в Ставке шла своим чередом. Внешне все оставалось по-прежнему, все положенные Верховному почести неукоснительно воздавались, и записи в камер-фурьерском журнале свидетельствуют, что распорядок дня Николая II был вполне обыденным. И узнал о волнениях в Петрограде император не от Алексеева, не из официальных источников, а от жены, с которой 24 февраля говорил по телефону. Но Александра Федоровна, находившаяся в Царском Селе и не осознававшая масштабов происходящего, сказала мужу, что ничего серьезного в столице не случилось, и 25 февраля повторила уже письменно: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать». Неудивительно, что император не придал особого значения этой информации, и дни 24—25

февраля снова прошли для него в обычном режиме: работа в штабе, автомобильная прогулка, посещение храма. «За завтраком некоторые по лицу Государя старались что-либо заметить, но напрасно, — вспоминал генерал А.И. Спиридович. — Государь ровен и спокоен, как всегда».

Правда, 25 февраля в 18.08 в Ставку пришла тревожная телеграмма от главного начальника Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С.С. Хабалова с описанием беспорядков, происходящих в столице. Верховный немедленно отправил Хабалову ответную телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Но Николай II не подозревал, в руках каких ничтожеств находилась судьба Петрограда в эти дни. Генерала Хабалова требование прекратить беспорядки… страшно расстроило: «Эта телеграмма, как бы вам сказать? Быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом… Как прекратить “завтра же”… Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало… Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “хлеба дать” — дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись “долой самодержавие” — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? Царь велел: стрелять надо… Я убит был — положительно убит!» Военный министр М.А. Беляев полностью поддержал Хабалова, сказав ему: «Ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы». Очевидно, что такие люди просто не могли подавить революцию в зародыше. Хабалов тем не менее на другой день отбил в Ставку телеграмму, завершавшуюся словами «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». Она (плюс цитированное выше письмо жены с упоминанием «хулиганского движения») успокоила императора…

А обстановка в Петрограде тем временем продолжала накаляться. Были отмечены первые случаи стрельбы по толпе, начались волнения в казармах запасных частей, столкновения войск с полицией. В ночь на 26 февраля премьер-министр князь Н.Д. Голицын обнародовал заранее заготовленный указ императора о роспуске Государственной думы. А несколькими часами раньше, после 17.00, Николай II получил (через Алексеева, разумеется) телеграмму из Петрограда от председателя Государственной думы М.В. Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие, топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся

доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

Но Николай II был склонен верить не Родзянко, а Хабалову, которому, как мы помним, недавно приказал усмирить беспорядки. Поэтому на телеграмму главы Думы он отреагировал так: «Опять этот толстяк Родзянко пишет мне разный вздор, на который я не буду ему даже отвечать».

Впрочем, именно во второй половине дня 26 февраля в Ставке произошло что-то, что приоткрыло Николаю II глаза на происходящее. Что именно это было, мы не знаем. Возможно, император пересмотрел свое отношение к «вздору» Родзянко, письмам и телефонному разговору с женой. Но, во всяком случае, он принял решение 28 февраля выехать из Могилёва в Царское Село — ведь там находилась императрица с болевшими корью детьми, а семья в жизни Николая II всегда была на первом месте.

Между тем телеграфисты Ставки в 22.22 приняли еще одну телеграмму от Родзянко: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжкого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно путем пролития крови мирных граждан, но которых, при повторении, сдержать будет невозможно. Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала. Рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве… Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия воодушевившись вновь верою в себя и своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет на светлый путь, и я ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед Его Величеством,

дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, Ваше Высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю вас о том от всей души. Председатель Государственной Думы Родзянко».

Текст этой телеграммы Алексеев сообщил императору утром 27 февраля. Утренний доклад начальника штаба Верховному главнокомандующему вылился в долгий разговор между ними, содержание которого известно из воспоминаний генерала А.И. Спиридовича: «Государь, никогда не позволявший Алексееву касаться внутренней политики, на этот раз долго беседовал с Алексеевым. На ответственное министерство Государь категорически не соглашался. Но с мыслью, что необходимо назначить особое лицо для урегулирования продовольственного и транспортного дела, Государь был согласен. Однако никакого окончательного решения относительно Петрограда принято не было».

В письме жене Николай II описал этот разговор таким образом: «После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен. Но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо». Это письмо, написанное вечером 27 февраля, свидетельствует об одном — на тот момент Николай II вполне доверял Алексееву и, более того, фактически поднял его в статусе до личного советника по государственным вопросам, в противном случае вряд ли он всерьез советовался бы с Алексеевым о чем бы то ни было да еще одобрял его позицию в частном письме.

Следом Алексеев сообщил императору еще две телеграммы — от Хабалова и военного министра Беляева. Информация от них была противоречивой — Хабалов требовал присылки надежных войск с фронта, а Беляев утверждал, что власти «сохраняют полное спокойствие». В 12.40 принесли очередную депешу от Родзянко: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства Внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается».

Надо сказать, что телеграмма Родзянко довольно точно описывала происходящее в столице. Именно 27 февраля в Петрограде случилось худшее: на сторону восставших начали переходить армейские части. В итоге в распоряжении впавшего в прострацию генерала Хабалова осталось около двух тысяч штыков и сабель при восьми орудиях, но никакого приказа они не получили. Тогда же депутаты Думы решили не исполнять постановление правительства о ее роспуске и создали Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Чуть позже «левые» думские депутаты организовали внешне оппозиционный Временному комитету Петроградский совет рабочих депутатов во главе с М. Чхеидзе. Разместились Временный комитет и Петросовет в одном и том же Таврическом дворце.

Родзянко, как мы уже видели, 26 февраля начал бомбардировать Ставку телеграммами, в которых настойчиво пытался «выбить» из императора то самое «ответственное министерство», которое еще 4 февраля требовал у него виконт Мильнер, а 13-го — генерал Гурко. Но мнение Родзянко для императора по-прежнему значило мало. Только получив в половине восьмого две тревожные телеграммы от Беляева, сообщавшего о том, что мятеж продолжается и ликвидировать его могут только проверенные фронтовые части, император по-настоящему поверил в то, что петроградские события приняли угрожающий оборот. По итогам вечернего доклада было решено откомандировать в Петроград для прекращения бунта и беспорядков три роты Георгиевского батальона по охране Ставки во главе со старым знакомым Алексеева по Киевскому округу и Юго-Западному фронту — генералом от артиллерии Н.И. Ивановым, который назначался командующим Петроградским военным округом. Небольшое количество вверенных ему войск смущать не должно — роты Георгиевского батальона должны были взять под охрану Царское Село, а для непосредственного подавления мятежа от Северного и Западного фронтов в столицу отряжались по бригаде пехоты и бригаде кавалерии.

На первый взгляд все выглядело логично — подавлять бунт отправляли кавалера ордена Святого Георгия 2-й, 3-й и 4-й степеней, боевого генерала с огромным опытом, отлично проявившего себя еще при подавлении кронштадтских беспорядков 1906 года, пользовавшегося безграничным доверием императора. В действительности же 65-летний Иванов давно уже не годился на роль решительного полководца, который замирил бы столицу. «Алексеев, долго служивший с Ивановым, знал это лучше, чем кто-либо, — отмечал А.И. Спиридович. — И почему он

провел это чисто военное назначение — является вопросом». Ответ на него прост: Алексеев заранее прекрасно знал, что Иванову поставленная ему задача в любом случае окажется не по силам.

Роты Георгиевского батальона, отряжаемые в распоряжение Иванова, также производили весьма внушительное впечатление — армейская элита, проверенные в боях офицеры и солдаты, каждый из которых имел самую почетную в русской армии награду. Но готова ли была эта элитная часть выполнять карательные функции? Ответ дает ее командир генерал-майор

69 И.Ф. Пожарский: он сказал своим офицерам, что в Петрограде приказа стрелять в народ он не отдаст, даже если этого потребует Н.И. Иванов…

С войсками, отряжаемыми с фронтов в Петроград, тоже внешне все обстояло благополучно. Всего в столицу должно было прибыть 50 тысяч опытных, закаленных боями и верных присяге фронтовиков, которые при умелом руководстве легко справились бы с вышедшими из-под контроля мятежниками. Северный фронт выделил 67-й пехотный Тарутинский и 68-й лейб-пехотный Бородинский, 15-й уланский Татарский и 3-й Уральский казачий полки, Западный — 34-й пехотный Севский и 36-й пехотный Орловский, 2-й гусарский Павлоградский и 2-й Донской казачий. Чуть позже к ним должны были присоединиться и части брусиловского Юго-Западного фронта. Все соответствующие приказы были Алексеевым отданы, и казалось бы, войска должны выступать с фронтов на подавление мятежа немедленно. Но ничего подобного не происходило. А.С. Лукомский в своих мемуарах пишет: «Насколько еще не придавалось серьезного значения происходящему в Петрограде, показывает, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов не торопились, а было приказано лишь “подготовить” войска к отправке». А.А. Брусилов сам запрашивал Ставку, можно ли уже отправлять эшелоны, и получил ответ от В.Н. Клембовского: «Только по получении от начштаверха особого уведомления». То есть отмашку должен был дать Алексеев лично. Заранее скажем, что части Юго-Западного фронта никакого «особого уведомления» так никогда и не дождались, а те полки, что наконец погрузились в эшелоны и двинулись на Петроград, до столицы так и не доехали — весть о свержении монархии застала войска в Луге, Пскове и Полоцке… То есть «торопились» на подавление мятежа они очень своеобразно. Случайно ли? Конечно же нет.

Тем временем в столице Родзянко уже вместе с премьер-министром несуществовавшего правительства князем Н.Д. Голицыным вместе упрашивали великого князя Михаила

Александровича возглавить подавление мятежа, объявить себя регентом, а формирование нового правительства поручить князю Г.Е. Львову. Нарушать данную брату присягу великий князь отказался, но отослал Николаю II телеграмму с просьбой создать правительство во главе с Львовым. О том же всю вторую половину дня 27 февраля просил императора Алексеев. «В течение второй половины дня ген. Алексеев, несмотря на повышенную температуру и озноб, несколько раз был с докладом у Государя и упрашивал его, во имя блага Родины и скорейшего успокоения народных волнений, последовать советам кн. Голицына и Родзянко и дать ответственное министерство, — вспоминал В.Н. Пронин. — На все эти просьбы Государь вначале не давал определенного ответа, а затем, после переговоров по прямому проводу с Царским Селом, послал телеграмму кн. Голицыну, в которой приказывал всему Кабинету Министров оставаться на своем посту и принять все меры к подавлению беспорядков… Вечером ген. Алексеев вновь был у Государя и просил Его даровать стране ответственное министерство. “На коленях умолял Его Величество”, — сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца: “не согласен”…»

Именно поздним вечером 27 февраля произошел «момент истины» в отношениях Николая II и его начальника штаба. Предоставим слово В.Н. Воейкову: «Я прошел к генералу Алексееву предупредить о предстоящем отъезде Его Величества. Я его застал уже в кровати. Как только я сообщил ему о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение и он, с ехидной улыбкой, слащавым голосом, спросил меня:

— А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?

Хотя я никогда не считал генерала Алексеева образцом преданности Государю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного в такую минуту ответа. На мои слова:

— Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить, — генерал Алексеев ответил:

— Нет, я ничего не знаю, это я так говорю. Я его вторично спросил:

— После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать, считаете ли вы опасным Государю ехать, или нет, — на что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ:

— Отчего же. Пускай Государь едет… Ничего…

После этих слов я сказал генералу Алексееву, что он должен немедленно сам, лично пойти и выяснить Государю положение

дел. Я думал, что, если Алексеев кривит душою передо мною, то у него проснется совесть и не хватит сил слукавить перед лицом самого Царя, от которого он видел так много добра.

От генерала Алексеева я прямо пошел к Государю, чистосердечно передал ему весь загадочный разговор с Алексеевым и старался разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах. Но встретил со стороны Государя непоколебимое решение во что бы то ни стало вернуться в Царское Село.

При первых словах моего рассказа лицо Его Величества выразило удивление, а затем сделалось бесконечно грустным».

Только тогда, поздним вечером 27 февраля, после доклада В.Н. Воейкова, Николай II осознал страшную истину: доверять своему начальнику штаба он больше не может. Удивление, затем бесконечная грусть… Буквально через несколько минут после этой сцены Алексеев сам появился у императора в кабинете и начал уговаривать его не уезжать в Царское. Зачем — понятно: появившись в столице, император может лично возглавить подавление мятежа и будет владеть всей полнотой информации, в то время как в Ставке он изолирован от внешнего мира и фактически беспомощен… Можно себе представить, с какими чувствами смотрел тогда Николай II на своего «косого друга», как он называл Алексеева!.. Возможно, император вспомнил в этот момент все предупреждения жены о переписке Алексеева с Гучковым, странный доклад Гурко двухнедельной давности, наглость английского виконта Мильнера… Все происходящее начало складываться для Николая II в единую картину. Но даже после этого он не предпринял ничего против Алексеева. Из соображений безопасности — теперь Николай II понимал, что Ставка контролируется «алексеевцами», которые в ответ на приказ о смещении начальника штаба могли арестовать императора, и тогда он не увидел бы жену и детей…

Именно из этих соображений во время доклада Николай II уже сам намеренно дезинформировал Алексеева — выслушал его просьбы и… согласился не ехать. Для вида. Об этом вспоминает В.М. Пронин: «Ген. Алексеев, перемогая болезнь, опять идет около 9 час. веч. к Государю и упрашивает его отставить свою поездку. “Слава Богу, Государь не уезжает, остается…” — радостно сообщил нам ген. Алексеев, возвратившись из дворца и направляясь в свою комнату… (Все вздохнули с облегчением)… Не успел я уснуть, как был разбужен шумом быстро мчавшихся по Днепровскому проспекту автомобилей. Посмотрев в окно, я заметил еще два автомобиля, полным ходом промчавшихся со стороны дворца по направлению к вокзалу. “Неужели Государь

все-таки уехал?" — мелькнула у меня мысль. И действительно, подходя утром на следующий день (28 февраля) к штабу, я уже не заметил дежуривших возле дворца и в сквере чинов дворцовой полиции… Мне стало ясно: Государь действительно уехал. Это решение Он принял окончательно поздним вечером и сообщил его ген. Алексееву почти перед самым отъездом». Точнее, в час ночи, когда Алексеев принес императору очередную депешу от Хабалова, сообщавшего, что «к вечеру мятежники овладели большей частью столицы». Выйдя из царского кабинета, генерал сказал флигель-адъютанту полковнику А.А. Мордвинову:

— Напрасно все-таки государь уезжает из Ставки. В такое время лучше оставаться здесь. Я пытался его отговорить, но Его Величество очень беспокоится за императрицу и за детей, и я не решился очень уж настаивать.

— Что же делать? — тревожно поинтересовался Мордвинов. Алексеев спокойно ответил:

— Я только что говорил государю, что теперь остается одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского Села и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мною уже сделаны, но, конечно, нужно время… Пройдет не менее пяти, шести дней, пока части смогут собраться. До этого с малыми силами ничего не стоит и предпринимать.

Спокойствие М.В. Алексеева может показаться удивительным, ведь император все-таки вырвался из Могилёва и едет в столицу. Но Алексеев знает: до столицы еще нужно доехать. Теперь дело за людьми, составляющими маршрут царского поезда (вместо кратчайшего 759-верстного маршрута Могилёв — Царское Село поезд пойдет кружным, длиной 950 верст), и за железнодорожниками, которые уже поддержали петроградских революционеров и могут задержать состав там, где это потребуется…

В два часа ночи император отправился в путь. У подъезда дворца могилёвского губернатора стояли два автомобиля. Пожав Алексееву руку, Николай II уселся в машину и отправился на вокзал. В 5.00 императорский поезд отбыл из Могилёва в Царское Село. И только в час дня 28 февраля, через 17 часов после того, как был отдан соответствующий приказ, отправился в столицу эшелон с тремя ротами Георгиевского батальона под командованием Н.И. Иванова.

Этот день, первый за всю историю Ставки, когда именно начальник ее штаба получил всю полноту власти в руки и мог распоряжаться дальнейшим ходом событий, стал для Алексеева своеобразным Рубиконом. Если накануне он еще вынужден был играть верноподданного, кланяться и унижаться перед человеком,

которого откровенно презирал, то теперь он мог наконец-то ощутить ту свободу действий, о которой мечтал уже давно. Именно тогда Михаилу Васильевичу Алексееву нужно было сделать свой окончательный выбор, выбор всей жизни: опомниться или же безоглядно примкнуть к тому новому государственному порядку, который на глазах рождался на свет.

Нет сомнения, что Алексеев колебался. Ведь Петроград — это не вся Россия, а восставшие в столице войска — это всего лишь распропагандированные запасные батальоны. Одной верной присяге дивизии с фронта хватит, чтобы навести в сошедшем с ума городе порядок. Совершенно неизвестно, как отреагирует на переворот остальная страна. Но верность «старому режиму» означала бы для Алексеева крах всех его честолюбивых планов, возвращение к опостылевшей работе в подчинении у людей, которые, как он считал, вели Россию к неизбежной гибели. И самое главное — Алексеев не был одинок. Вспомним запись из дневника генерала Спиридовича, сделанную 20 февраля: «Все хотят другого монарха». Уверенности генералу придавала поддержка главнокомандующих фронтами, которые в той или иной форме все высказывались за политические перемены в стране. Идея, которой Алексеев служил начиная со второй половины 1916 года (а возможно, и раньше), носилась в воздухе, она буквально пропитывала все вокруг, и отдельные верные императору и престолу люди погоды в стране не делали…

Окончательное решение Алексеев принял в ночь на 1 марта под влиянием очередной информации, полученной от Родзянко. Глава Временного комитета Думы уверял, что восставший Петроград войсками не усмирить и что стабилизировать ситуацию может только одно — немедленное отречение Николая II в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила. Как сообщил сам Родзянко членам Временного комитета, «генерал Алексеев примкнул к этому мнению». И 1 марта в час с четвертью из Ставки ушла телеграмма отряду генерала Н.И. Иванова, где Алексеев впервые назвал Временный комитет Временным правительством: «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска, примкнув к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство под председательством Родзянко, заседая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о необходимости монархического начала в России, о необходимости новых выборов для выбора и назначения

Правительства. Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий; переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работу. Воззвание нового министра путей сообщений Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию».

Копия этой депеши ушла всем главкомам фронтов. Именно этим документом начальник штаба Верховного главнокомандующего официально расписался в том, что признал власть Временного правительства и не собирается ликвидировать мятеж с помощью армии. Сообщая императору сводку событий в стране за минувшие сутки, Алексеев уже прямо навязывал Николаю II единственно возможное политическое решение: «Подавление беспорядков силою при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего Императорского Величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю Ваше Величество, ради спасения Родины и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет».

Между тем императорский поезд, который в пути дважды «заворачивали» революционные железнодорожники, вечером 1 марта прибыл в Псков, где размещался штаб Северного фронта во главе с генералом от инфантерии Н.В. Рузским. Тот сразу же сообщил императору, что проехать в Царское Село не удастся — Луга захвачена восставшими, в Петрограде хаос… С этого момента план заговорщиков вступил в завершающую стадию — император оказался в еще более надежной западне, нежели Ставка. Фактически Рузский взял Николая II в плен, поместив его в полный информационный вакуум. И весь вечер 1 марта между главкомом Северного фронта и императором продолжался разговор на все ту же пресловутую тему «ответственного министерства». Рузский, чувствуя себя хозяином положения, позволял себе топать ногами, стучать кулаком по столу и не раз обращаться к императору с фразой: «Ну, решайтесь!» Но, несмотря на колоссальное психологическое давление, Николай II возражал Рузскому «спокойно, хладнокровно и с чувством

глубокого убеждения». «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — говорил Николай II, — будут ли ответственны министры перед Думой и Государственным Советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело». Не поколебал его даже полученный в 22.20 из Ставки и составленный Алексеевым примерный текст манифеста об образовании «народного правительства» во главе с Родзянко…

Но в конце концов к 2 часам ночи Рузскому все же удалось выбить из главы государства то, что не удалось ни виконту Мильнеру, ни Гурко, ни Родзянко, ни Алексееву, — согласие на формирование нового правительства. Какие именно аргументы при этом использовал Рузский, неизвестно. Но скорее всего главком Северного фронта не постеснялся шантажировать императора благополучием его семьи. А поскольку связи с внешним миром у Николая II не было и реального положения дел он не знал, угрозы эти звучали вполне убедительно. В итоге император приказал вернуть на фронт следовавшие в Петроград войска, отряду Н.И. Иванова велел ничего не предпринимать, а в 5.00 отправил депешу Алексееву: «Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом».

Но этого для новоявленных властителей России было уже мало. Представители Временного комитета Госдумы находились под сильнейшим давлением своих «левых» коллег — Петроградского совета, который требовал более радикальных перемен в управлении страной. И глубокой ночью 2 марта, в 3.20, между главкомом Северного фронта и Родзянко начались полуторачасовые телеграфные переговоры, в ходе которых Родзянко сообщил, что идея «ответственного министерства» уже запоздала, «ненависть к династии дошла до крайних пределов» и что «грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича становится определенным требованием» момента.

Утром 2 марта Рузский познакомил Алексеева с содержанием своего ночного разговора с Родзянко, и в 9.00 по приказу Алексеева в переговоры с начальником штаба Северного фронта Ю.Н. Даниловым вступил генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский:

— Здравствуй, Юрий Никифорович. У аппарата Лукомский. Генерал Алексеев просит сейчас же доложить Главкосеву, что необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос свержения Государя с

престола. Уже более суток генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально и со стороны военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии. Это официально.

А теперь я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласиться, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет.

— Через час генерал Рузский будет с докладом у Государя и потому будить генерала раньше времени он не находит возможным, — ответил Данилов. — Генералу Рузскому было очень трудно убедить Государя дать ответственное министерство… Едва ли возможно будет получить от Государя определенное решение. Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе Государя с ответственным министерством перед народом, но, видимо, время упущено, и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение. Вот пока все, что я могу сказать. Повторяю, от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений.

— Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи, — заключил Лукомский».

Алексеев понял, что одному Рузскому вряд ли будет под силу уговорить императора отречься. Для этого необходимо было общее давление всех главнокомандующих фронтами. С этой целью А.С. Лукомский подготовил текст телеграммы, которую Алексеев 2 марта в 10.15 отправил всем главкомам, прося у них настоять на отречении императора.

Текст этой депеши гласил: «Его Величество находится во Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию — учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Гос. Думы образовать кабинет. По сообщении этого решения Главкосевом

председателю Гос. Думы, последний, в разговоре по аппарату в два с половиной часа 2-го сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Гос. Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича.

Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армий и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первый план хотя бы ценою дорогих уступок.

Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главкосева, известив Наштаверха.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армии от колебаний и возможных случаев измены долгу.

Армии должны всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. № 1872. Алексеев».

Итак, высшим военачальникам России предстояло решать, что для них дороже — возможность продолжать войну или правящий император. А тем временем в Пскове Рузский докладывал о своих переговорах с Родзянко Николаю II. Император внимательно прочел листы телеграмм, затем медленно отошел к окну. Рузский встал, но через минуту император предложил ему сесть и спокойно заговорил о своем отречении…

— Я рожден для несчастья… Я приношу России только несчастья… И еще вчера я понял, что манифест о даровании ответственного министерства не поможет. Если надо, чтобы я

отошел в сторону для блага России, я готов, но я опасаюсь, что народ этого не поймет. Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования. Меня обвинят казаки, что я бросил фронт…

— Может быть, манифест и поможет, — предположил Рузский. — Стоит подождать мнения Алексеева. Но спешу сообщить, что, по мнению генерала Лукомского, отречение неизбежно. Не забывайте, что ваша семья находится в руках мятежных войск, а дворец в Царском Селе захвачен…

В это время Рузскому подали телеграмму Алексеева № 1872. Главнокомандующий Северным фронтом зачитал ее вслух.

— Что же вы думаете, Николай Владимирович? — спросил император.

— Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрешения Вашего Величества обдумать эту депешу раньше, чем отвечать. Депеша циркулярная. Посмотрим, что скажут главнокомандующие остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка.

Император пристально и грустно взглянул на Рузского:

— Да и мне надо подумать…

Ответы от главкомов фронтов в Могилёв пришли через четыре часа. Определеннее всех за отречение высказались главком Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов и наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич. Главком Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт и фактический глава Румынского фронта генерал от кавалерии В.В. Сахаров (формально этим фронтом командовал король Румынии Фердинанд I) высказывались более витиевато, но в том же смысле.

Вечером 2 марта за отречение высказался также командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин (жить ему оставалось два дня — 4 марта Непенин будет убит матросами). Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак телеграмму Алексеева проигнорировал. А 3 марта в Ставку поступила депеша с выражением поддержки императору Ее направил командир Гвардейского конного корпуса генерал от кавалерии Гуссейн Хан Нахичеванский. Но Николай II, поблагодарив за верность, в ответной депеше попросил генерала подчиниться Временному правительству…

В 14.30 Алексеев переслал мнения главкомов фронтов из Могилёва в Псков, прибавив собственную просьбу: «Ваше Императорское Величество горячо любите родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный

исход из создавшегося, более чем тяжкого положения». За внешней почтительностью этих слов явственно слышится нетерпеливый тон облеченного властью человека, которому как можно скорее требуется единственно возможный ответ… Н.В. Рузский докладывал результаты опроса главкомов Николаю II в присутствии двух своих подчиненных — начальника штаба фронта генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова и главного начальника снабжений фронта генерала от инфантерии С.С. Саввича. Император, облаченный в темно-серую черкеску, курил сам и предложил курить присутствующим, но его примеру последовал только Рузский. Сначала он дал императору прочесть мнения всех главкомов, а затем коротко добавил, что для спасения России и династии остается один выход — отречение в пользу наследника. Император ответил:

— Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия.

— Ваше Величество, заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, — прервал его Рузский, — но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди.

— Хорошо, но только я прошу откровенного мнения… Ю.Н. Данилов сказал:

— Ваше Величество, вы можете не сомневаться в моих верноподданнических чувствах, но выше всего долг перед родиной и желание спасти отечество от позора, приняв унизительные предложения от желающего нас покорить ужасного врага и сохранить династию. Я не вижу другого выхода из создавшегося тяжкого положения, кроме принятия предложения Государственной думы.

— А вы такого же мнения? — спросил Николай II у С.С. Саввича.

— Ваше Императорское Величество, вы меня не знаете, но вы слышали обо мне отзывы от человека, которому вы верили. Я говорю о генерале Дедюлине… — Саввич страшно волновался и поэтому поспешил закончить прерывающимся голосом: — Я человек прямой, и потому я вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Данилов.

Наступило молчание. Император отошел к занавешенному окну. Примерно через минуту он негромко произнес «Я решился. Я отказываюсь от престола» и осенил себя крестным знамением. Поспешили перекреститься и генералы. Обратившись к Рузскому, Николай II сказал:

— Благодарю вас за доблестную и верную службу, — и

поцеловал главкома Северного фронта…

«Точно камень, давивший нас, свалился с плеч, — вспоминал этот момент Ю.Н. Данилов. — Минута была глубоко торжественная. Поведение отрекшегося императора было достойно всякого преклонения».

Вскоре в Ставку, на имя Алексеева, из Пскова ушла короткая телеграмма: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. НИКОЛАЙ».

По поручению Алексеева А.С. Лукомский и начальник дипломатической части Ставки Н.А. Баз ил и подготовили текст манифеста об отречении в пользу великого князя Алексея Николаевича, который Николай II подписал 2 марта 1917 года в 15.03. Поздним вечером в Псков прибыли представители Государственной думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин, и в их присутствии Николай II после недолгого колебания отрекся от престола также и за своего сына — на этот раз в пользу младшего брата, великого князя Михаила Александровича. Официальная версия гласит, что сделано это было после того, как придворный врач объяснил Николаю, что страдающий гемофилией цесаревич Алексей не проживет долго и царствовать не сможет. Однако болезнь, даже тяжелая, — не причина отказа от трона. Гораздо вероятнее, что Рузский снова начал шантажировать Николая Александровича судьбой его жены и детей. И тот, уже надломленный и вконец измотанный всем происходящим, согласился…

Несмотря на то что было уже без двадцати минут полночь, второй манифест тоже был помечен временем «3 часа дня». Одновременно император назначил главой правительства князя Г.Е. Львова, а Верховным главнокомандующим — великого князя Николая Николаевича. В час ночи поезд уже бывшего императора наконец-то выпустили из Пскова в Могилёв — Николай собирался передать дела в Ставке новому Верховному и через несколько дней выехать в Царское Село. В ту ночь бывшего государя впервые увидели плачущим. А в его дневнике появилась запись: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».

Однако на рассвете 3 марта Родзянко потребовал у Рузского и Алексеева не публиковать этот манифест, ссылаясь на якобы начавшийся в Петрограде солдатский бунт, участники которого требуют низложения всей династии Романовых. Алексеев поверил Родзянко и сообщил о новых обстоятельствах главкомам фронтов. В это время участники петроградского переворота без особых трудов уговорили отречься от прав на трон уже великого князя

Михаила Александровича. И отрекался он в пользу не кого-либо из родственников, а Временного правительства. Революция развивалась по куда более радикальному пути, чем замышляли российские заговорщики в 1916-м — теперь Россия лишалась не только конкретного императора, но и династии. Но ведь «думцы» во главе с Гучковым хотели «всего лишь» власти и более эффектной модели управления страной, а представители армии во главе с Алексеевым — победы в войне. У их зарубежных «союзников» и покровителей цель была абсолютно иной — полный крах России. И первой ступенькой к этому и должен был стать крах монархии…

3 марта в 20.20 поезд бывшего царя прибыл в Могилёв.

Выйдя на платформу, Николай подошел к Алексееву, обнял его и поцеловал. «Принял Алексеева в вагоне, — записал бывший император в дневнике. — В 9 с половиной перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко». На следующий день в 10 часов утра состоялся последний доклад Алексеева Николаю II. На нем присутствовали также А.С. Лукомский и В.Н. Клембовский. Последний так описал этот доклад:

«Сколько должно было быть силы воли у Государя, чтобы полтора часа слушать последний раз доклад о великой войне. Ведь Государь, нечего скрывать, относился к боевым операциям не только сознательно, но Он ими руководил и давал определенные указания Михаилу Васильевичу. И все это оборвать, кончить, помимо своей воли, отлично понимая, что от этого, наверно, дела наши пойдут хуже. Я даже задавал себе вопрос: что это — равнодушие или ясно осознанная необходимость порядком кончить свою роль перед своим штабом? Только перед тем, как оставить всех нас, Государь как будто заволновался и голосом более тихим, чем всегда, и более сердечным сказал, что Ему “…тяжело расставаться с нами и грустно последний раз быть на докладе, но, видно, Воля Божья сильнее моей воли”».

Что чувствовал в эти дни Михаил Васильевич Алексеев, глядя в глаза человеку, которому подчинялся столько лет? Раскаивался ли в содеянном?.. Уже задним числом генерал-лейтенант А.С. Лукомский приписывал Алексееву фразу, якобы сказанную им утром 3 марта: «Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграммы главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола». Однако если бы Алексеев на самом деле раскаивался, он никогда не поступил бы так, как поступил 4 марта. В этот день, будучи в Ставке и узнав об отречении брата,

Николай написал о своем согласии на вступление на трон сына и передал телеграмму об этом Алексееву для дальнейшей отправки в Петроград. Но Алексеев не только не отправил эту депешу в столицу, но и скрыл ее существование от всех. Генерал положил ее в свой бумажник и только в конце мая 1917 года передал как историческую реликвию А.И. Деникину…

Да и великий князь Александр Михайлович, приехавший в Могилёв 4 марта, никакого раскаяния в поведении генерала не заметил. «Генерал Алексеев просит нас присягнуть Временному правительству, — вспоминал великий князь. — Он, по-видимому, в восторге: новые владыки, в воздаяние его заслуг перед революцией, обещают назначить его Верховным Главнокомандующим… Мы стоим за генералом Алексеевым. Я не знаю, как чувствуют себя остальные, но я лично не могу понять, как можно давать клятву верности группе интриганов, которые только что изменили данной присяге».

7 марта от прикомандированного к Ставке товарища (заместителя) министра путей сообщения Н.М. Кислякова Алексеев узнал, что на следующий день в Могилёв прибудут четыре представителя Государственной думы с целью ареста бывшего императора. Никаких действий в ответ на это генерал не предпринял и даже не сообщил Николаю II о том, что его ждет. Раскаяние?.. Нет, никакого раскаяния Михаил Васильевич в те дни явно не испытывал…

Точнее всего роль Алексеева в ликвидации монархии в России описал 5 марта 1917 года генерал от инфантерии Н.И. Иванов: «Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы, Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более, что войска на фронтах стояли и теперь стоят спокойно, и никаких брожений не было. Да и главнокомандующие не могли и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева».

8 марта 1917 года бывший император навсегда покинул Ставку. Генерал Н.М. Дубенский вспоминал последнее посещение императором храма: «Многие плакали. Генерал Алексеев, вообще очень религиозный и верующий человек, усердно молился и подолгу стоял на коленях. Я невольно смотрел на него и думал, как он в своей молитве объясняет свои поступки и действия по отношению к Государю, которому он не только присягал, но у которого он был ближайшим сотрудником и помощником в эту страшную войну за последние полтора года. Я не мог решить, о чем молится Алексеев».

Перед отъездом Николай II захотел проститься со своим штабом. В 10.30 в большом зале здания управления дежурного

генерала собрались все офицеры и представители из солдат от всех частей и команд штаба — старые вахмистры, фельдфебели и старшие писари. «Государь Император пришел пешком, вместе с генералом Алексеевым, — вспоминал генерал П.К. Кондзеровский. — При входе Его Величества в зал я скомандовал “Смирно, господа офицеры!” и стал на свое место, на правом фланге своего управления. Его Величество, войдя и поклонившись всем, стал посередине и сказал всем теплые прощальные слова; затем сказал несколько слов генерал Алексеев. Мне они оба были хорошо видны, и я ясно видел, как слезы катились по щекам Его Величества. Плакал и генерал Алексеев. Я чувствовал, как какой-то комок подступает к горлу, что могу сейчас разрыдаться; глаза застилал туман. Государь стал всех обходить и прощаться со всеми, протягивая каждому руку и глядя каждому в глаза своим чудным, добрым взглядом… В зале все громче и громче слышались рыдания многих, которые не в силах были сдержаться. Слезы были буквально на глазах у всех.

Вдруг один офицер конвоец грохнулся во весь рост, ему стало дурно; затем другой, Георгиевского батальона. Нервы всех были напряжены до крайности.

Государь не смог окончить обхода всех и поспешно повернул к выходу, но, проходя мимо нижних чинов, Его Величество попрощался с ними; они тоже почти все плакали, особенно старики. Его Величество вышел, сел в автомобиль и уехал на вокзал в свой поезд. Это прощание произвело на всех неизгладимое впечатление». Н.М. Тихменев, также присутствовавший при этой сцене, уточняет, что в конце своего прощания с присутствующими к бывшему императору обратился Алексеев: «Навстречу ему выступил Алексеев, начал что-то говорить. Начала речи я не слышал, так как все бросились за государем и в зале поднялся шум от шаркания ног. До меня долетели лишь последние слова взволнованного голоса Алексеева: “…а теперь, ваше величество, позвольте мне пожелать вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни”. Государь обнял и поцеловал Алексеева и быстро вышел».

Но такое эмоциональное прощание нисколько не помешало Алексееву сообщить Николаю II весть от прибывшего из Петрограда думского депутата А.А. Бубликова: «Ваше Величество должны считать себя как бы арестованным». П.К. Кондзеровский пишет: «Генерал Алексеев сказал мне, что он попробовал протестовать, но ему ответили, что по этому поводу получены определенные указания. Сначала генерал Алексеев не хотел брать на себя передачу Его Величеству этого тяжелого поручения, но

потом решил, что Государю легче будет выслушать это от него, а не от комиссаров, и потому пошел доложить Его Величеству, что он должен считать себя арестованным». Николай II побледнел и отвернулся от Алексеева. Возможно, он пытался понять в эти минуты, какой же может быть глубина человеческого падения… А ведь Алексеев прекрасно знал о том, что царя арестуют, еще накануне и ни словом об этом не обмолвился!

Флигель-адъютант полковник А.А. Мордвинов запечатлел еще одну выразительную сцену на вокзале:

«— Вот до чего мы дожили, — вырвалось у меня в обращении к генералу Алексееву, пришедшему проводить Государя и стоявшему рядом со мной в коридоре вагона Его Величества…

— Это все равно должно было случиться, — после краткого раздумия, но уверенно возразил он мне, — если не теперь, то случилось бы потом не позднее, как через два года.

Что этим он хотел сказать?.. Почему упомянул об этом сроке?»

Наконец в 16.45 поезд, увозивший «как бы арестованного» Николая II из Ставки, тронулся. Генерал Н.М. Дубенский описал этот момент так: «Государь поднялся в свой вагон и подошел к окну, стараясь его протереть… Наконец поезд тронулся. В окне вагона виднелось бледное лицо Императора с его печальными глазами. Генерал Алексеев отдал честь Его Величеству. Последний вагон Царского поезда был с думскими депутатами; когда он проходил мимо генерала Алексеева, то тот снял шапку и низко поклонился». Сцена более чем красноречивая. Бывшему императору Алексеев отдает честь, а перед новыми хозяевами России снимает шапку…

Временное правительство наградило Алексеева за его участие в перевороте более чем щедро. Именно ему достался пост Верховного главнокомандующего русскими вооруженными силами. Впрочем, назначению Алексеева предшествовали политические интриги. Как мы помним, одним из последних своих указов Николай II назначил Верховным великого князя Николая Николаевича, уже занимавшего эту должность в 1914—1915 годах. 8 марта, буквально через несколько часов после отъезда Николая II из Ставки, великий князь прибыл из Тифлиса в Могилёв. Надо сказать, что его возвращение на пост Главковерха было встречено в армии с восторгом. Так, начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский 6 марта сообщал в Ставку: «Все верят в то, что Его Высочество даст сильную твердую власть в армии, а с нею порядок и победу».

Однако едва новый-старый Верховный успел отдать первый приказ по армии, как из Петрограда пришел документ за

подписью премьер-министра князя Г.Е. Львова о нежелательности дальнейшего пребывания великого князя в Могилёве. Николай Николаевич был страшно оскорблен (ведь он полностью поддержал Временное правительство во время переворота, а его не оценили!) и удалился в свое крымское поместье, сдав управление Ставкой Алексееву… Официально великий князь был снят с должности и уволен со службы 11 марта. В Ставке снова началось «междуцарствие».

Военный министр А.И. Гучков предложил на пост Главковерха кандидатуру Алексеева. Но против этого возразил М.В. Родзянко, неожиданно обвинивший Алексеева в… «тайном монархизме». 19 марта Временное правительство постановило: «Признать, что в интересах успешного ведения войны представляется мерой неотложного освобождения генерала Алексеева от обязанностей Верховного Главнокомандующего. Желательным кандидатом является генерал Брусилов». Но по настоянию Гучкова ситуацию все же разрешили «демократическим» способом, опросив по телеграфу 18 высших воинских начальников и попросив их… самим избрать Верховного главнокомандующего. В итоге 13 человек высказались об Алексееве в целом благоприятно, четверо — генерал от кавалерии А.А. Брусилов, генералы от инфантерии А.Ф. Рагоза, В.Н. Горбатовский и Ю.Н. Данилов — отозвались о нем без энтузиазма, подчеркнув безволие как основное качество характера Алексеева, а Н.В. Рузский от ответа вовсе уклонился, сославшись на то, что «выбор Верховного должен быть сделан волею правительства». В итоге «демократия» победила, и 2 апреля 1917 года М.В. Алексеев получил телеграмму из Петрограда: «Временное правительство назначает Вас Верховным Главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под Вашим твердым руководством исполнят свой долг перед родиной до конца».

О том, как приняли чины Ставки назначение Алексеева Верховным, свидетельствуют воспоминания Н.М. Дубенского: «Сдача Великим Князем верховного командования генералу Алексееву повергла всех в уныние, и стало ясно, что революция теперь не остановится и скорая погибель армии, а с ней и России, неизбежны. Ставка при этом хорошо понимала, что генерал Алексеев Верховным Главнокомандующим ни по своему характеру, ни по своим способностям, ни по системе своего труда, при котором он стремился одинаково внимательно разрешать и крупные и мелкие вопросы, быть не может».

Впрочем, такого мнения придерживались далеко не все. Еще до официального назначения Алексеева Главковерхом начали

происходить перемены и в самой Ставке: начальником ее штаба 11 марта стал генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский, который, как мы помним, еще с декабря 1916 года был помощником начштаба. Но уже через две недели Клембовский был назначен в состав Военного совета, а его преемником по настоянию Гучкова стал командир 8-го армейского корпуса, хорошо знакомый Алексееву генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин — один из талантливейших русских полководцев Первой мировой. В Могилёв он прибыл 25 марта, а официально вступил в должность 5 апреля. Пост генерал-квартирмейстера 15 апреля по приглашению Алексеева занял генерал-майор Яков Давыдович Юзефович, пришедший с должности начштаба 2-го кавалерийского корпуса. 12 мая он стал 1-м генерал-квартирмейстером, а должность 2-го генкварта получил хороший знакомый Деникина — командующий 10-й пехотной дивизией генерал-майор Сергей Леонидович Марков.

Надо сказать, что Алексееву не понравился приказной порядок, в котором был назначен в Ставку Деникин — в этом он увидел «опеку правительства» над Ставкой. Недоволен был и сам Деникин — боевой генерал, не имевший никакой склонности к штабной работе. В итоге на первых порах между Верховным и начальником его штаба возникла напряженность. А.И. Деникин вспоминал:

«25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым.

Алексеев, конечно, обиделся.

— Ну что же, раз приказано…

Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе — отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, “ну что же, будем вместе работать”…

Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса.

— При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявлю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев вдруг переменил тон.

— Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я

помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится — уйти на первую откроющуюся армию…

Расстались уже не так холодно».

В дальнейшем Алексеев и Деникин вполне сумели сработаться и сохранили теплые доверительные отношения до самой смерти Михаила Васильевича. Однако в целом новые сотрудники Ставки приняли присущий Алексееву авторитарный стиль работы в штыки. Начало этому положил еще А.С. Лукомский, который протестовал против такого порядка путем подачи Алексееву записок со своим «особым мнением», а В.Н. Клембовский даже поставил Алексееву условие, при котором он продолжит работу в должности начальника штаба Ставки, — невмешательство в круг его обязанностей. Теперь то же самое происходило с ближайшими помощниками Алексеева-Главковерха.

«Ранее Михаил Васильевич держал в своих руках все отрасли управления, — вспоминал А.И. Деникин. — Со значительным расширением их объема это оказалось физически невыполнимым, и мне уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всем, кроме… стратегии.

Опять пошли собственноручные телеграммы стратегического характера, распоряжения, директивы, обоснование которых иногда не было понятно мне и генерал-квартирмейстеру (Юзефович). Много раз втроем (я, Юзефович, Марков) мы обсуждали этот вопрос; экспансивный Юзефович волновался и нервно просил назначения на дивизию: “Не могу я быть писарем. Зачем Ставке квартирмейстер, когда любой писарь может перепечатывать директивы”…

И я, и он стали поговаривать об уходе. Марков заявил, что без нас не останется ни одного дня. Наконец, я решил поговорить откровенно с Михаилом Васильевичем. Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не разрешили.

— Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе; что вы, Антон Иванович, — совершенно искренно удивился Алексеев, в течение всей войны привыкший к определенному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальным.

Опять “конференция” втроем. После долгих дебатов решили, что общий план кампании 17-го года разработан давно, и подготовка ее находится уже в такой стадии, что существенные перемены невозможны, что детали сосредоточивания и развертывания войск, при современном состоянии их, — вопрос спорный и трудно учитываемый; что некоторые изменения плана

нам удастся провести; наконец, что наш уход… мог бы повредить делу и пошатнуть, и без того непрочное, положение Верховного. И поэтому решили потерпеть».

Первые приметы новой власти — два огромных красных флага на здании Ставки. Первые последствия «демократии» — армейские митинги… Впервые Алексееву довелось выступить на таком еще 4 марта, на могилёвской базарной площади. «Вид у генерал-адъютанта после непосредственного контакта с освобожденными солдатами был менее самоуверенный, чем утром», — вспоминал К.Д. Нилов. Возможно, именно тогда, при виде ревущей от восторга солдатской толпы, Михаил Васильевич впервые задумался о том, какие последствия могут быть у той самой «свободы», во имя которой он предал своего государя. Во всяком случае, известно, что Алексеев решительно протестовал против воплощения в жизнь печально знаменитого Приказа № 1 Петроградского совета — первого документа новой власти, касавшегося армии.

Создавался приказ, согласно мемуарам одного из членов Петросовета, следующим образом: «За письменным столом сидел Н.Д. Соколов и писал. Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал… Оказалось, что это работает комиссия, избранная Советом для составления солдатского “Приказа”. Никакого порядка и никакого обсуждения не было, говорили все».

Текст этого документа, сочиненного таким трогательно демократическим способом, гласил следующее:

«Приказ № 1.

1 марта 1917 г.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть

подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на “ты” воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов».

Этот приказ, в сущности, был отравленным кинжалом, направленным в спину русской армии. Обратим внимание на дату его публикации — 2 марта 1917 года, утренний выпуск газеты «Известия». То есть напечатан приказ был за полдня до отречения императора, а написан еще раньше, 1 марта. Монархия еще существовала, а новая власть, действуя по указке западных «союзников», уже торопилась внести хаос в жизнь русской армии, прекрасно понимая, что именно армия — становой хребет воюющей страны. И не случайно один из членов Петроградского совета меньшевик И. Гольденберг признался: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость… В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это —

надлежащее средство».

Впоследствии глава Временного правительства А.Ф. Керенский всячески открещивался от Приказа № 1 — дескать, сочинили его не во Временном правительстве, а в Петросовете, к нему и претензии. Но мемуары В.Н. Львова ясно дают понять, каково было отношение Керенского к пресловутому приказу. «Быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д Соколов и просит нас ознакомиться с содержанием принесенной им бумаги… — вспоминал Львов. — Это был знаменитый приказ номер первый… После его прочтения Гучков немедленно заявил, что приказ… немыслим, и вышел из комнаты. Милюков стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа… Я вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной… Керенский подбежал ко мне и закричал: “Владимир Николаевич, молчите, молчите!”, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь».

Такое поведение А.Ф. Керенского может вызывать удивление, если не знать, что именно он и был назначен западными «союзниками» на роль главного разрушителя России. С этой ролью Керенский блестяще справился…

Так или иначе, Приказ № 1, по определению одного из большевистских лидеров В.Г. Кнорина, «был той грамотой солдатских вольностей, которую ждала и прекрасно поняла и усвоила солдатская масса». Кстати, как именно солдатская масса «прекрасно поняла» Приказ № 1, следует из разъяснений, которые 24 марта был вынужден сделать военный министр: «Воинским чинам предоставлено право свободного посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако право свободы посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по-видимому, понято некоторыми солдатами». То есть солдатики вычитали из приказа то, что хотели вычитать. Свобода — и все тут.

Можно поинтересоваться: а какую власть Петроградский совет имел над действующей армией?.. Формально — никакой. Но такова была психология: раз уж столичный комитет что-то там постановил, значит, касается всей страны. Кроме того, 8 марта его продублировали уже специально для фронтов. От Приказа № 1 пришли в ужас и Алексеев, и новоиспеченный военный министр Гучков. Возмущались, негодовали, но… отменить не посмели, а всего лишь попытались ограничить его действие рамками

Петроградского военного округа. Но зачем, в таком случае, было печатать приказ, рассчитанный на один округ, в количестве девяти миллионов (!) экземпляров?.. «Столичная идея» якобы случайно, по упущению, а на самом деле вполне намеренно проникла в армию и стремительно распространялась повсюду. Распространялась примерно так: некий солдат, возвращаясь в часть из госпиталя или отпуска, слышал краем уха о каком-то приказе, согласно которому офицеры теперь не имели в полку никакой власти, а должны были подчиняться комитету. И привозил радостную весть в свой полк, где ее принимали на ура. Так произошло, к примеру, в 61-м Сибирском стрелковом полку, солдат которого Лихолетов был на митинге в Смоленской губернии, в городе Красное, «где, как обязательное, приняли Приказ № 1». Вернувшись в полк, Лихолетов тут же применил полученные знания на практике: первым делом попытался арестовать собственного командира, георгиевского кавалера полковника К.А. Травникова. А к чему это привело, свидетельствует телеграмма Травникова в штаб дивизии: «Мне и офицерам остается только спасаться, т. к. приехал из Петрограда солдат 5-й роты, ленинец. В 16 часов будет митинг. Уже решено меня, Морозко и Егорова повесить. Офицеров разделить и разделаться… Много лучших солдат и офицеров уже бежало».

В каждой части был создан свой комитет, причем этот процесс не контролировался никем — ни Ставкой, ни Военным министерством. Возглавляли комитеты, как правило, самые хваткие, горластые и бойкие солдаты (формулировка «нижний чин» была упразднена 5 марта 1917 года). Иногда комитеты использовали и офицеры для сведения старых счетов. Так, в 12-м Туркестанском стрелковом полку сочувствующий большевикам комбат подполковник Каменщиков попытался удалить из полка подполковника Круссера, а когда натолкнулся на противодействие командира полка, попросту создал 7 марта полковой комитет и возглавил его, после чего власть над полком, согласно Приказу № 1, автоматически перешла к нему. Но такие случаи были все же редкостью: в большинстве случаев первые комитеты были именно солдатскими по составу. Их решение считалось окончательным, командир полка не имел права отменить или обжаловать распоряжение комитета.

Только 11 марта 1917 года Ставка попыталась хоть как-то упорядочить стихийное создание комитетов в войсковых частях. В состав комитетов рекомендовалось вводить офицеров, там, где комитеты еще не были созданы, офицерам советовали взять дело их организации в свои руки. Понятно, что рвались в комитеты главным образом офицеры военного времени — те самые

прапорщики, которые до своего ускоренного курса пахали землю в деревне или сидели в университетской аудитории. Командир 37-го армейского корпуса отмечал: «Состав офицеров далеко не обладает сплоченностью — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк — “постоялый двор”. Кадровых офицеров на полк — 2—3 с командиром полка, который часто меняется “по обстоятельствам настоящего времени”… Среди столь пестрого состава офицеров немудрено и появление провокаторов и демагогов, желающих играть роль в полку в надежде стать выборным командиром. Такие типы нередко попадают в комитеты, раздувая рознь между солдатами и офицерами в своекорыстных видах».

Были, конечно, и офицеры, особенно молодые, которые искренне верили в то, что комитеты помогут создать простые, доверительные и дружеские отношения с подчиненными, упростят работу начальства. В некоторых частях, возглавляемых уважаемыми и авторитетными командирами, события действительно складывались именно так. Офицер-фронтовик капитан Б.Г. Вержболович, избранный в марте 1917-го в дивизионный комитет, вспоминал: «Командир нашего дивизиона полковник Андреев в целом был удовлетворен работой дивизионного комитета, да и комитет ничего не имел против Андреева. Командир пользовался большим авторитетом у офицеров и солдат, поэтому договориться ему и комитетчикам друг с другом было довольно легко. Конечно, фактически Андреев оставался командиром нашего дивизиона, но он внимательно прислушивался к голосу дивизионного комитета, отлично понимая, что в армию после революции пришла новая эра, и надо с этим считаться». И все же такие идиллические случаи были скорее исключением, чем правилом.

15 марта совместные офицерско-солдатские комитеты начали создаваться при штабах армий, а затем и на более низких армейских уровнях. Число солдат по отношению к офицерам в них колебалось в пропорциях от 3:1 до 6:1. Было выпущено несколько приказов, разъяснявших тонкости службы в «комитетных» частях, но на практике они выполнялись только в одном случае — если нравились солдатской массе. Если же нет, комитеты просто решали такие приказы «не применять к руководству».

Обстановку, сложившуюся в армии после издания Приказа № 1, генерал-лейтенант П.Н. Краснов характеризовал так: «До революции и известного Приказа № 1 каждый из нас знал, что ему надо делать как в мирное время, так и на войне… Лущить

семечки было некогда. После революции все пошло по-иному. Комитеты стали вмешиваться в распоряжения начальников, приказы стали делиться на боевые и не боевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему в моду тогда выражению — постольку поскольку. Безусый, окончивший четырехмесячные курсы, прапорщик или просто солдат рассуждал, нужно или нет то или другое учение, и достаточно было, чтобы он на митинге заявил, что оно ведет к старому режиму, чтобы часть на занятие не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные — от грубого ответа до убийства начальника, и все сходили совершенно безнаказанно».

Помимо создания комитетов, на протяжении марта—апреля 1917 года армию сотрясала и так называемая «тучковская чистка», когда в массовом порядке от должностей отстранялись за «недостаточную революционность» командиры уровня начальника дивизии и выше. На каждого из них заполнялась «мерзавка» — анкета, где указывались личные качества командира. Таким образом лишились должностей два главкома фронтов (А.Е. Эверт и В.В. Сахаров), пять командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников и командующих дивизиями. Чистка «сверху» смыкалась с «низовой», когда неугодные солдатской массе командиры изгонялись из своих частей комитетами. Называлось это «объявить недоверие». Причина при этом могла быть любая: немецкая фамилия командира, его «симпатии к проклятому царскому режиму», «строгость к солдатам» (то есть требования соблюдать уставы), да что угодно. А многим и никакого повода не требовалось: просто делегация солдат являлась к командиру и арестовывала его…

Одним из самых отвратительных явлений, которое пришло на фронт вместе с переменой власти в стране, стало братание. В «Истории Русской армии» А.А. Керсновский приводит страшные цифры: из 220 стоявших на фронте русских дивизий браталось 165, причем 38 из них обещали противнику не наступать!..

Советские историки умиленно описывали братания сквозь призму политической сознательности русских солдат, у которых война уже в печенках сидела. Дескать, и они, и германцы с австрийцами к весне 1917 года сообразили, что пора поворачивать оружие не друг против друга, а против собственных правительств, которые гонят на бойню трудящихся… Все это так: и сидение в окопах действительно опротивело очень многим, и отдельные политизированные головы уже соображали, как превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Вот

только чаще всего подоплека братаний была совсем иной.

Вообще первые братания на русском фронте были отмечены еще в декабре 1914-го. Более или менее массовыми они стали на Пасху 1915 года и затем повторились через год — на Пасху 1916-го. Тогдашние братания заключались в основном в обмене едой, напитками, сигаретами, поздравлениях друг друга с религиозными праздниками. Русские военачальники оценивали братания по-разному. Главком Юго-Западного фронта А.А. Брусилов издал грозный приказ, где указывал, что братание — самый страшный вид нарушения воинской дисциплины, что «враг еще раз, как и следовало ожидать, проявил присущее ему вероломство, а в поведении некоторых, к сожалению, наших офицеров и стрелков сказалась недопустимая праздничная распущенность и проглянули славянские незлобивость, беспечность и добродушие, совершенно неуместное в боевой обстановке… Некоторые прапорщики, лишенные должного руководства, растерялись, допустили ряд крупных упущений, чем дали возможность противнику безнаказанно увести наших пленных». А.И. Деникин, напротив, ничего страшного в происходящем не видел: он вспоминал, что братание «имело даже традиционный характер в дни Святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу — чувством, проявлявшимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородино, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случалось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции». О сугубо бытовой изнанке братаний писал и Ю.Н. Данилов: «На нейтральной полосе между окопами завязывается оригинальное знакомство. Сблизившиеся люди пожимают друг другу руки, обмениваются непонятными словами, газетами, папиросами… С нашей стороны наиболее смелые, влекомые все тем же любопытством, заглядывают в чужие окопы и рассказывают потом чудеса о житье-бытье немецких солдат… Так это дело братания повелось у нас на фронте уже с Пасхи 1916 г.».

Совсем иным было весеннее братание 1917 года. На головы засидевшихся в окопах людей уже свалился одурманивающий Приказ № 1. Запахло «свободой». И офицеры уже никак не могли помешать полку выйти на братание, если так постановил полковой комитет. А немцы и австрийцы, выходившие со своей стороны к колючей проволоке, шли вовсе не за тем, чтобы рассказывать потом чудеса о житье-бытье русских солдат. Они несли с собой запрещенную в России водку и прокламации, которые на русском языке призывали солдат повернуть оружие

против внутреннего врага — помещиков и капиталистов. А самое главное — это были вовсе не рядовые, а переодетые офицеры немецкой и австрийской разведок, умеющие говорить по-русски. Доступ рядовых стран Четверного союза к братанию был категорически запрещен специальной секретной директивой. А германские и австрийские рядовые всегда были народом дисциплинированным.

Спросите, зачем это было нашим противникам?.. Еще раз напомним: в начале 1917 года уже всем было абсолютно ясно, что Германия и ее союзники проиграли войну. Э. фон Людендорф, например, полагал, что последняя надежда хоть как-то выстоять — это подводные лодки, которые начали варварскую «тотальную войну», топили без разбора все суда, курсирующие между Великобританией и континентом. Дни Четверного союза — Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — были сочтены, и спасать его нужно было любой ценой. Если не удалось одолеть противника военной силой — подточить и развалить его изнутри.

Вот тут-то и пригодились сепаратисты, пацифисты и пораженцы всех мастей, откровенные наемники вроде большевиков. Но немцы и австрийцы активно действовали и сами, развращая и раскачивая русский фронт любыми методами — от даровой водки до душевных разговоров с солдатиками на тему «И зачем вам это надо? Дома на печке так хорошо, а вы тут Родину защищаете…»

И не случайно 28 апреля 1917 года в «Правде» появилась радостная статья Ленина «Значение братанья». В ней подчеркивалось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину… подчинения солдат “своим” офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы)». То есть братание — «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции».

Пока русские рядовые разговлялись забытой за три года сухого закона водкой, читали вражеские прокламации и размышляли на тему «А действительно, зачем нам эта война?», переодетые солдатами германские и австрийские офицеры внимательно изучали расположение вражеских окопов, запоминали, кое-что фотографировали. Потом прощались с русскими «братьями» и отходили на свои позиции. А назавтра или через неделю в русском полку удивлялись, как это немцы и австрияки так прицельно разнесли из пушек все наши замаскированные пулеметные гнезда?.. Красноречивый факт: только за май 1917-го и только разведки 3-й и 7-й австро-венгерских армий осуществили посредством братаний 285

разведывательных контактов!..

В России об этой стороне братаний никогда не писали. Считалось, что это была исключительно инициатива «революционного народа». О том, что организовывали братания германские и австрийские разведчики, впервые было сказано вслух только в 1997 году, в «Военно-историческом журнале».

Одним из самых главных последствий братаний для русской армии стал рост дезертирства. Ведь в листовках, которые вражеские разведчики несли с собой в русские окопы, прямо говорилось: пока вы гниете в окопах, дома делят помещичью землю. Бегите и вы по родным хатам, а то не успеете!.. И эти нехитрые приемы прекрасно работали. Если за все предыдущие годы войны из армии дезертировало 195 с лишним тысяч солдат, то только с 1 марта по 1 августа 1917-го — 150 тысяч…

30 марта 1917 года М.В. Алексеев в телеграмме главкомам фронтов категорически указывал: «Единственный ответ на попытки противника вступать в переговоры… является огонь, прочее будет считаться изменой». И нередко только пулеметный и артиллерийский огонь с русской стороны прекращал безобразные сцены братаний. Так, 25 марта ружейным и пулеметным огнем были разогнаны немцы, пытавшиеся брататься с солдатами 67-й пехотной дивизии на участке Коло-дино — Стаховцы, 2 апреля у деревни Ушивцы в 12 верстах к северо-востоку от Сморгони немцы успели обменяться с русскими хлебом, колбасой и вручить им листовки, прежде чем их отогнали огнем. 29 и 30 апреля огонь русских пушек сорвал целых три попытки братания солдат 2-й Кавказской гренадерской дивизии с немцами…

Об отношении самих солдат к братаниям красноречиво говорит письмо рядового 220-го пехотного Скопинского полка В. Перцева в Петроградский совет: «Говорят о вреде братаний с немцами. Хорош вред: в течение трех месяцев мы не понесли ни одной человеческой жертвы!» Понятно, что нижнему чину, вышедшему на фронт в 1914 году, такая логика показалась бы просто дикой. Но вооруженный народ образца 1917-го был озабочен уже не тем, как спасти Родину от врага, а тем, как бы сберечь собственную шкуру да сделать карьеру на комитетских митингах…

Массовое братание происходило в конце марта — апреле 1917 года и со второй половины мая пошло на спад. В крупных масштабах оно возобновилось уже осенью…

Параллельно со всеми этими бурными событиями развивалась подготовка к наступлению, план которого был утвержден еще Николаем II 24 января (на петроградской межсоюзнической конференции было решено провести

наступление не позднее 5—8 мая). Окончательные планы операций корпусные командиры представили главкомам своих фронтов в конце марта. Задачи, поставленные Ставкой фронтам, оставались прежними — главный удар на Юго-Западном фронте, активизация Румынского, вспомогательные операции на Северном и Западном.

Однако по мере «демократизации» русской армии становилось понятно, что наступление может потерпеть неудачу уже не по причине несокрушимой оборонительной линии противника или нехватки тяжелых снарядов, а из-за состояния собственных войск. Поэтому М.В. Алексеев отклонил требования нового главнокомандующего армией Франции Р. Нивеля начать наступление немедленно и в докладе А.И. Гучкову указал, что «ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам». В дальнейшем сроки наступления постоянно сдвигались — на 15 июня, затем на 22 июня, 3 июля и, наконец, 9 июля 1917 года.

Характерно, что отменять это наступление, заведомо обреченное на провал, никто и не думал. Ведь Россия, согласно планам западных хозяев Временного правительства, должна была оттягивать на себя как можно больше германо-австрийских войск, облегчая тем самым участь «союзников» и… приближая собственный крах (что «союзникам» и требовалось). Понятно, что знали об этом только немногие посвященные во главе с Керенским. А для «простого народа» все маскировалось трескучей фразеологией — дескать, самая свободная в мире русская армия быстро и легко разгромит империалистическую германскую…

В конце апреля в Петрограде состоялось совещание Временного правительства с представителями командования. Один из участников этого совещания вспоминал:

«Рядом со мной, поникнув седой головой, слушал мой грустный доклад Верховный Главнокомандующий русской армией генерал Алексеев. К нему подошел один из министров (министр иностранных дел П.Н. Милюков. — В. Б.).

— Михаил Васильевич, — сказал он, — меня гложет мысль о необходимости использования в интересах России обещаний наших западных союзников в отношении Константинополя и проливов. Ведь весь смысл войны и принесенных жертв в том, чтобы приблизиться к разрешению этой важнейшей для нашей Родины внешней проблемы! Нельзя ли выделить для этой задачи два-три корпуса войск?..

— Вы слышали только что доклад о состоянии армий Северного фронта, — ответил Алексеев. — В таком же положении находятся войска и на остальных фронтах. Что касается Черноморского флота, то он сохранился немногим больше, чем

Балтийский. При этих условиях ни о каких десантных операциях думать не приходится. Нам, глубокоуважаемый Павел Николаевич, “быть бы только живу”, — закончил генерал Алексеев.

Да, подумал я, хаос, неосведомленность, безволие и бессилие. Такая власть, подумал я, подменяющая дело словами, обречена на падение».

Автор этих строк — генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, который меньше двух месяцев назад вместе со своими начальниками прилагал все силы к свержению «проклятого царского режима» и радовался «торжеству демократии». Прошло два месяца — и вот уже разочарование в «такой власти»… А попутно отметим еще один штрих: в силе остаются абсолютно все военные договоренности между Россией и Антантой, кроме одной. Отменена Босфорская десантная операция, которая в марте—апреле 1917 года должна была положить к ногам России Константинополь, Босфор и Дарданеллы, вывести из войны Турцию, Болгарию, а возможно, и Австро-Венгрию. Отменена по простой причине: «Мы решили раз и навсегда прекратить в нашей стране все попытки к империализму и захвату» (Керенский)…

1 мая в Могилёве Алексеев провел еще одно совещание — на этот раз с главкомами фронтов и начальниками их штабов. Все они были единодушны: к большому наступлению русская армия не готова как в моральном, так и в боевом отношении. Встревоженные этим западные «союзники» по дипломатическим каналам немедленно поставили перед Временным правительством ультиматум: или наступление на русском фронте, или в Европу прибудет миллионная группировка японских войск, которая будет воевать на стороне Антанты. А Японии за это нужно будет подарить… Уссурийский край, все русское Приморье!..

Между тем русскую армию поджидало очередное тяжелое испытание — Декларация прав солдата и гражданина, составленная бывшим военным министром генералом от инфантерии А.А. Поливановым. Эта декларация фактически повторяла Приказ № 1, но теперь это была уже не бумага, исходившая от одного из многочисленных советов, пусть и столичного, а вполне официальный документ Военного министерства.

Несмотря на величину этого документа, фактически поставившего крест на армии, приведем его полностью.

«ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

Приказываю ввести в жизнь армии и флота следующие, согласованные с п. 2 декларации Временного правительства от 7 марта с. г., положения об основных правах военнослужащих:

1) Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2) Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.

3) Каждый военнослужащий, во внеслужебное время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно, свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

4) Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование, и принуждаем к присутствию при богослужениях, и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве необязательно.

5) Все военнослужащие, в отношении своей переписки, подчиняются правилам, общим для всех граждан.

6) Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.

7) Всем военнослужащим предоставляется право ношения гражданского платья вне службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всех военнослужащих, находящихся в действующей армии и в военных округах, расположенных на театре военных действий.

Право разрешать ношение гражданского платья военнослужащим в некоторых крупных городах, находящихся на театре военных действий, предоставляется главнокомандующим армиями фронтов, или командующим флотами. Смешанная форма ни в каком случае не допускается.

8) Взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской дисциплины, на чувстве достоинства граждан свободной России, и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

9) Особые выражения, употребляющиеся как обязательные для ответов одиночных людей и команд вне строя и в строю, как,

например, “так точно”, “никак нет”, “не могу знать”, “рады стараться”, “здравия желаем”, “покорно благодарю” и т. п. заменяются общеупотребительными: “да”, “нет”, “не знаю”, “постараемся”, “здравствуйте” и т. п.

10) Назначение солдат в денщики отменяется. Как исключение, в действующей армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом), офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового и лица, к которому он назначается, с платой также по соглашению, но не более одного вестового на каждого из упомянутых чинов.

Вестовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются как в действующей армии, так и во внутренних округах, и назначаются на тех же основаниях, как и вестовые для личных услуг.

11) Вестовые для личных услуг не освобождаются от боевой службы.

12) Обязательное отдание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется.

Для всех военнослужащих, взамен обязательного отдания воинской чести, устанавливается взаимное добровольное приветствие.

Примечание: 1. Отдание воинских почестей командами и частями при церемониях, похоронах и т. п. случаях сохраняется; 2. Команда “смирно” остается во всех случаях, предусмотренных строевыми уставами.

13) В военных округах, не находящихся на театре военных действий, все военнослужащие в свободное от занятий, службы и нарядов время имеют право отлучаться из казармы и с кораблей в гавани, но лишь осведомив об этом соответствующее начальство и получив надлежащее удостоверение личности.

В каждой части должна оставаться рота или вахта (или соответствующая ей часть), и кроме того, в каждой роте, сотне, батарее и т. д. должна оставаться еще и ее дежурная часть.

С кораблей, находящихся на рейдах, увольняется такая часть команды, какая не лишает корабля возможности, в случаях крайней необходимости немедленно сняться с якоря и выйти в море.

14) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке

начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями.

15) Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются.

Примечание: из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется.

16) Применение наказаний, не упомянутых в уставе дисциплинарном, является преступным деянием, и виновные в нем должны предаваться суду. Точно так же должен быть предан суду всякий начальник, ударивший подчиненного в строю или вне строя.

17) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут телесному наказанию, не исключая и отбывающих наказания в военно-тюремных учреждениях.

18) Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам.

Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях (приказы по воен. ведомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) принадлежит выборным войсковым организациям.

Объявляя настоящее общее положение, предписываю принять его (как и правила, установленные приказом по военному ведомству с. г. 114) в основание при пересмотре уставов и законоположений, определяющих внутренний быт и служебную деятельность военнослужащих, а равно дисциплинарную и уголовную их ответственность».

* * *

Покажите эту бумагу любому человеку в погонах, и он даже сейчас назовет ее бредом. А тогда… Можно себе представить чувства какого-нибудь пожилого полковника, которому в ответ на приказ солдат теперь должен был отвечать не «Слушаюсь, ваше высокоблагородие!», а «Постараемся, господин полковник»… И ведь отмена всяких «так точно» и «никак нет» — это еще полбеды.

Беда заключалась в том, что теперь в армию приказом военного министра впускалась политика. То есть введенные в марте комитеты уже официально становились партийными клубами, ячейками, которые могли провозглашать какие угодно лозунги — от «Война до победного конца!» до «Долой войну!» или «Мир без аннексий и контрибуций!» (кстати, этот лозунг был придуман в германском Генштабе. 17 июня командир одного из немецких корпусов отметил в своем дневнике приказ, предписывавший «спустить» этот лозунг в русские окопы, что немцы и проделали с блеском).

Всевозможные агитаторы хлынули на фронт еще в начале марта, сразу после введения Приказа № 1, но тогда с ними еще пытались бороться, арестовывали, иногда даже расстреливали. А теперь уже никто не имел права арестовать какого-нибудь Фрунзе за то, что он на митинге агитировал солдат бросить постылые окопы и идти в родную деревню — делить землю. Более того, командиров обязывали создавать этим агитаторам благоприятные условия для работы!..

Чудовищную бумагу, подрывавшую самые основы воинской службы, не стал подписывать даже не возражавший против Приказа № 1 военный министр А.И. Гучков — в знак протеста он вышел в отставку 30 апреля. «Мы хотели проснувшемуся духу самостоятельности, самодеятельности и свободы, который охватил всех, дать организованные формы и известные каналы, по которым он должен идти, — объяснял он свою позицию. — Но есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия». Вообще-то «разрушение живого, могучего организма» вовсю шло и при Гучкове и было начато именно им, но министр — теперь уже бывший — предпочел об этом не вспоминать. Новый военный и морской министр — 36-летний Александр Федорович Керенский — был полон решимости утвердить Декларацию прав солдата и гражданина…

3 мая в петроградском доме премьер-министра князя Г.Е. Львова все старшие военачальники русской армии во главе с М.В. Алексеевым собрались на совещание с единственной целью — убедить Временное правительство не подписывать декларацию. Первым взял слово главнокомандующий Западным фронтом генерал от кавалерии В.И. Гурко. Смысл его выступления свелся к одному: Декларация прав солдата и гражданина неприемлема, а армия находится на краю гибели. Следом с места поднялся Михаил Васильевич Алексеев:

— Главное сказано, и это правда. Армия на краю гибели. Еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и

ее свободы, и возврата не будет. Виновны — все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца. Мы сделали все возможное, отдаем и теперь все силы, чтобы оздоровить армию. Мы верим А.Ф. Керенскому, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь нам. Но этого недостаточно. Должны помочь и те, кто разлагал. Тот, кто издавал Приказ № 1, должен издать ряд приказов и разъяснений.

Армия — организм хрупкий; вчера она работала; завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная твердая власть; без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен.

Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмешивайтесь. Если хотите, то назначьте таких, которые будут делать перед вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что без дисциплины армия не может существовать. Дух критики заливает армию и должен прекратиться, иначе он погубит ее.

Если будет издана декларация, то, как говорил генерал Гурко, все оставшиеся маленькие устои, надежды рухнут. Погодите, время будет. То, что уже дано, не переварено за эти два с половиной месяца. У нас есть уставы, где указаны и права и обязанности; все же появляющиеся теперь распоряжения говорят только о правах.

Выбейте идею, что мир придет сам по себе. Кто говорит — не надо войны, тот изменник; кто говорит — не надо наступления, тот трус.

У вас есть люди убежденные; пусть приедут к нам и не метеором промелькнут, а поживут и устранят сложившиеся предрассудки. У вас есть печать — пусть поднимет она любовь к Родине и потребует исполнения каждым его обязанностей.

Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то вспомните, что говорил генерал Гурко о нашем международном положении. Работать мы будем; помогите же нам и вы.

Члены Временного правительства слушали генералов с брезгливыми ухмылками. Слово взял новоиспеченный военный и морской министр Керенский:

— Я должен сказать присутствующим, как министр и как член правительства, что мы стремимся спасти страну и восстановить активность — и боеспособность русской армии.

Ответственность мы берем на себя, но получаем и право вести армию, и указывать ей путь дальнейшего развития.

Тут никто никого не упрекал. Каждый говорил, что он перечувствовал. Каждый искал причину происходящих явлений. Но наши цели и стремления — одни и те же. Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ.

Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело — спасти нашу свободу.

Прошу ехать на ваши посты и помнить, что за вами и за армией — вся Россия.

Наша задача — освободить страну до конца. Но этот конец сам не придет, если мы не покажем всему миру, что мы сильны своей силой и духом.

Итоги заседания подвел министр-председатель правительства князь Г.Е. Львов:

— Цели у нас одни и те же, и каждый выполнит свой долг до конца. Позвольте поблагодарить вас, что вы приехали и поделились с нами…

Здравый смысл, доводы и логика русских военачальников для «временщиков» не значили ровно ничего. У А.Ф. Керенского были куда более могущественные хозяева — западные «союзники». Декларация должна была стать очередным шагом по разрушению России — и она стала им… 9 мая 1917 года декларация была утверждена Керенским.

Двумя днями раньше в Могилёве открыл работу Всероссийский съезд офицеров армии и флота. Он собрал 298 делегатов, в том числе 241 от фронта и 57 от тыловых гарнизонов. Работу съезда открыл Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев. Его появление на трибуне зал приветствовал громкими аплодисментами.

— В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: «Отечество в опасности», — заговорил Алексеев. — Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто читаем старую летопись о днях давно минувших и не вдумываемся в грозный смысл этой короткой фразы. Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее

территории. Его не подкупишь утопической фразой: «Мир без аннексий и контрибуций». Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу, туда, где еще никогда не был неприятельский солдат: на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, на весь правый берег нашего Днепра. А мы на что? Разве допустит до этого русская армия? Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны, а уже потом предоставим дипломатии заключить мир с аннексией или без аннексии?

Будем откровенны: упал воинский дух русской армии, еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни. Где та сильная власть, о которой горюет наше государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?

Нам говорят, что скоро будет; но пока ее нет. Где любовь к Родине, где патриотизм? Написали на нашем знамени великое слово «братство», но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии, офицерами и солдатами.

И вот, в такие минуты собрался первый съезд офицеров русской армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного и неотложного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье, чтобы общая дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва нет победы, без победы — нет спасения, нет России…

Согрейте же ваш труд любовью к Родине и сердечным расположением к солдату, наметьте пути, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того чтобы они сделались искренними и сердечными вашими товарищами! Устраните ту рознь, какая искусственно посеяна в нашей семье. В настоящее время — это общая болезнь — хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторским оком посмотреть, сколько стоит на каждой из них. Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе.

В зале снова вспыхнули единодушные аплодисменты.

Офицеры-делегаты встали, приветствуя Верховного главнокомандующего… Позже на съезде Алексеев был избран первым почетным членом только что созданного Союза офицеров армии и флота.

Однако речь Алексеева — по чести сказать, выдержанная абсолютно в духе времени и вполне безобидная для власть имущих, — многим показалась вызывающей. Так, газета «Известия» заявила: «Генерал Алексеев, служивший еще старому режиму, забыл, что он не затем оставлен на посту Верховного главнокомандующего, чтобы противодействовать политике революционного правительства». Оскорбился и Керенский, которого задел пассаж об отсутствии в России «сильной» и «мощной» власти. Новому военному и морскому министру стало ясно, что Алексеев считает себя слишком самостоятельной фигурой и не готов безоглядно выполнять все требования правительства. А поскольку альтернативная кандидатура на пост Верховного главнокомандующего присмотрена была еще в марте, церемониться с Михаилом Васильевичем долго не стали…

Ночью 22 мая 1917 года в Ставку пришла срочная телеграмма. Алексееву предписывалось сдать должность генералу от кавалерии А.А. Брусилову. Генерал-квартирмейстер Я.Д. Юзефович разбудил спавшего Главковерха и сообщил ему новость. Из глаз Алексеева потекли слезы.

— Пошляки, — с трудом проговорил он. — Рассчитали как прислугу…

Одновременно с Алексеевым был наказан «за строптивость» еще один творец Февральского переворота — главком Западного фронта генерал от кавалерии В.И. Гурко. Он еще 15 мая подал на имя Главковерха и премьер-министра рапорт, в котором заявлял, что после утверждения Декларации прав солдата и гражданина «снимает с себя всякую ответственность за благополучное ведение дела». За это Гурко 22 мая был лишен поста главкома фронта с запрещением назначать его на должность выше начальника дивизии. В июле генерал и вовсе был арестован и заключен в Петропавловскую крепость «за переписку с бывшим царем» (имелось в виду письмо, которое В.И. Гурко направил Николаю II еще 4 марта; оно носило сугубо частный характер, генерал справлялся о здоровье детей). Один из ярких примеров «демократии», царившей в России при Временном правительстве…

Сам Алексеев, согласно его письму генералу А.П. Скугаревскому, видел причины своей отставки в том, что он «оказался неудобным, неподходящим тем темным силам, в руках которых, к глубокому сожалению, находятся судьбы России,

судьбы армии. Не ведая, что творят, не заглядывая в будущее, мирясь с позором нации, с ее неминуемым упадком, они — эти темные силы — видели только одно, что начальник армии, дерзающий иметь свое мнение, жаждущий возрождения в армии порядка и дисциплины, живущий мыслью, что русская армия не имеет права сидеть сложа руки в окопах, а должна бить неприятеля и освобождать наши русские земли, занятые противником, — для них неудобен и нежелателен».

Правда, откровенно вышвырнуть Алексеева из армии Керенский все же не осмелился. В официальном сообщении было сказано, что, «несмотря на естественную усталость генерала Алексеева и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться столь ценного сотрудника, исключительно опытного и талантливого руководителя, почему он и назначен ныне в распоряжение Временного правительства».

Последний приказ М.В. Алексеева в должности Верховного главнокомандующего гласил:

«Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути русской армии к военной славе. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душою в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в высокое призвание русского народа, в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родную землю.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего главнокомандующего.

Не поминайте лихом!

Генерал Алексеев».

В конце мая 1917 года Алексеев с семьей поселился в Смоленске, в доме Пастухова на Верхне-Пятницкой улице (ныне улица Бакунина). Некоторое время он еще надеялся на новое назначение и 6 июля обратился с письмом на эту тему к премьер-министру князю Г.Е. Львову, но, узнав, что Львов уходит в отставку, а из состава правительства выходят министры-кадеты, отказался от своей идеи. Свободного времени у генерала теперь хватало, и 10 июля он начал набрасывать заметки, в которых анализировал политическую реальность и состояние вооруженных сил России накануне летнего наступления. Главным виновником происходящего в стране хаоса он считал «фигляр-

министра» Керенского и предрекал: «Или Керенский печально сойдет со сцены, доведя Россию до глубокого военного позора в ближайшее время, или он должен будет очнуться, излечиться от своего самомнения и сказать себе, что время слов прошло, что нужна палка, власть, решимость».

16 июля 1917 года Алексеев участвовал в совещании главкомов фронтов и министров Временного правительства, состоявшемся в Ставке. Очень впечатлило его резкое выступление А.И. Деникина, открыто призывавшего отринуть все попытки совместить армейские порядки и «революционную демократию». Наличие в высших военных кругах единомышленников подтолкнуло Алексеева к участию во Всероссийском государственном совещании, проходившем в Москве в августе 1917 года. 15 августа Михаил Васильевич выступил на утреннем заседании, резко осудив на нем все нововведения, сделанные в армии при Временном правительстве. Приказ № 1 он назвал «государственным преступлением», а по поводу армейских комитетов задавался вопросом: «Подняли ли они дисциплину, слили ли офицерские и солдатские составы, произвели ли они высокий нравственный подъем и порыв в армии? Нет, нет и нет! Быть может, в некоторых случаях: в деле хозяйства, в деле внутреннего управления — они сделали кое-что, но взвесьте и положите на чашу весов пользу и вред, — последняя чаша перевесит».

Речь Алексеева вызвала полярные оценки аудитории — в зале Московского университета слышались как крики «Браво!», так и «Позор!». Но в целом интерес к этому первому выступлению Михаила Васильевича в качестве политика оказался таким большим, что речь вскоре опубликовали стотысячным тиражом в виде брошюры.

Самым громким событием российской политической жизни конца лета — начала осени 1917 года стал так называемый «Корниловский мятеж». К Л.Г. Корнилову как к человеку Михаил Васильевич относился довольно сдержанно, считая его в целом талантливым, но недостаточно опытным военачальником (именно по этой причине в апреле Алексеев не согласился с Гучковым, предлагавшим Корнилову пост главкома Северного фронта). Но после назначения Корнилова 19 июля Верховным главнокомандующим Алексеев сочувственно писал: «Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование».

Тем не менее после начала «мятежа» именно Алексеев, еще в мае абсолютно не устраивавший Временное правительство, был

снова призван на высокую должность. Днем 31 августа, одновременно с тем, как А.Ф. Керенский назначил Верховным главнокомандующим русской армией самого себя, Алексеев стал начальником его штаба, то есть вновь занял пост, который занимал в августе 1915-го — марте 1917 года. При этом Михаил Васильевич поставил Керенскому условие: должность он примет только в том случае, если все предлагаемые Корниловым меры будут проведены в жизнь. Именно Алексееву была доверена миссия ареста Корнилова и чинов его штаба. 1 сентября около 22.00 в Могилёве Алексеев именем Керенского арестовал Корнилова, начальника его штаба Лукомского и еще двух офицеров Ставки. Попутно Алексеев предотвратил вооруженное столкновение между «корниловцами» и выдвигавшимся из Орши на Могилёв карательным отрядом полковника Короткова.

Сам Корнилов оценил действия Алексеева резко, бросив ему в лицо слова о «грани между честью и бесчестием». Михаил Васильевич также пришел после личного общения с Лавром Георгиевичем к окончательному выводу о том, что Корнилов — «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли». Но, считая так, Алексеев сделал все возможное для того, чтобы спасти Корнилова. Его арест имел в глазах Алексеева тайную для Временного правительства и вряд ли осознанную самим Корниловым цель — уберечь «мятежного» Главковерха и многих его соратников от самосуда обезумевшей толпы и тем самым сохранить их для будущего. С этой целью Алексеев поручил личную охрану арестованных Текинскому конному полку, офицеры и солдаты которого были безраздельно преданы Корнилову. Кроме того, Алексеев настоял на том, чтобы дело Корнилова и его соратников не попало под юрисдикцию военно-революционного трибунала.

«Россия не имеет права допустить готовящегося в самом скором времени преступления в отношении ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов, — писал Алексеев. — Корнилов не покушался на государственный строй, он стремился при содействии некоторых членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж».

11 сентября, сразу же после выполнения тяжелой миссии, Михаил Васильевич подал в отставку с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего. В своем рапорте на имя Керенского он написал: «Страдая душой, вследствие отсутствия власти сильной и деятельной, вследствие происходящих отсюда несчастий России, я сочувствую идее генерала Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности

начальника штаба». По его рекомендации эту должность занял генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин, которого Алексеев хорошо знал по штабу Киевского военного округа. А поскольку новый Верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский находился в Петрограде, управление действующей армией легло именно на плечи Духонина, который поддерживал с Алексеевым постоянную связь и информировал его обо всем происходившем в Ставке…

После тяжелого для Алексеева рубежа лета—осени 1917-го старый генерал вновь вернулся к семье в Смоленск. 12 октября 1917 года в Москве на втором заседании Совета общественных деятелей он был избран заместителем его председателя, одновременно Алексеев вошел в число членов Совета Республики (Предпарламента). К этому времени Михаил Васильевич окончательно определился в своем отрицательном отношении к политике Временного правительства и пришел к выводу о необходимости активной борьбы с ним. Однако еще больше его страшила возможность захвата власти в стране партией большевиков, стоявшей на открыто пораженческих позициях: «Я стар, но если произойдет это позорное дело, я выйду на улицу, соберу последние старческие силы, кликну клич: “Люди Русские, спасайте Родину!” И я знаю, на мой призыв отзовется все русское офицерство, и во главе с ним я погибну, но не переживу великого позора».

18—20 октября в дневнике генерала появились первые наброски структуры военной организации, которая «при неизбежном новом восстании большевиков, когда Временное Правительство окажется неспособным его подавить» должна была «добиться успеха и предъявить Временному Правительству категорические требования к изменению своей политики». Но, поскольку Алексеев принимал во внимание возможную победу большевиков, он предусмотрел и запасной вариант — переброску членов организации на Дон, к генералу А.М. Каледину.

Организация, основу которой составили лично знакомые Алексееву боевые офицеры, а также юнкера военных училищ и школ прапорщиков, была глубоко законспирированной. Ее основной единицей считалось «звено» — пять офицеров, знавших только друг друга. Эти офицеры имели право приема в организацию пятидесяти надежных солдат, за каждого из которых они несли личную ответственность. «Звенья» сводились в «роты», «роты» — в «полки». Своего рода легальными филиалами этой организации стали благотворительные общества «Белый Крест», который возглавила жена Михаила Васильевича, и «Капля молока». К концу октября в Алексеевской организации состояло

уже несколько тысяч офицеров.

День большевистского переворота, 25 октября 1917 года, Алексеев провел в Петрограде. Накануне, 24-го, он чудом избежал ареста, когда пришел в захваченный большевиками Мариинский дворец на заседание Предпарламента. 25-го Алексеев, по свидетельству В.Е. Борисова, пришел в штаб Петроградского военного округа с просьбой выделить ему группу солдат, чтобы проникнуть в осажденный большевиками Зимний дворец. Однако Борисов по телефону объяснил старому сослуживцу и другу, «что наше положение в Зимнем дворце совершенно не приспособлено к обороне и что оно не будет крепче, если усилится еще одним генералом; что ему самое лучшее бежать из Петрограда».

Большинство участников Алексеевской организации (за исключением отряда из ста человек под началом штабс-капитана В.Д. Парфенова) не приняли участия в вооруженной борьбе конца октября 1917-го — ведь сама организация создавалась отнюдь не для защиты Временного правительства, а для борьбы с ним. 30 октября, когда стало ясно, что власть в Петрограде окончательно стала советской, Михаил Васильевич отдал членам организации приказ уходить в Новочеркасск к Каледину. Сам он уезжал из столицы вечером 30-го по подложным документам, переодевшись в штатское. Генерала сопровождал его адъютант ротмистр А.Г. Шапрон-дю-Ларрэ, Генерального штаба полковник П.А. Веденяпин и Н. Щетинина — дочь добрых знакомых генерала, на квартире которых он скрывался после 25 октября.

Алексеев пробирался на Дон сложным маршрутом: через Москву, Царицын и Ростов. В дороге его несколько раз узнавали случайные попутчики, но все обошлось. Утром 2 ноября 1917 года, накануне своего 60-летия, генерал ступил на перрон Новочеркасского вокзала. Этот день считается днем рождения белой Добровольческой армии (официально она получила такое название 26 декабря)…

Но «белая эпопея» генерала от инфантерии М.В. Алексеева достойна отдельной книги, и множество таких исследований уже существует. Здесь же кратко упомянем, что в Добровольческой армии М.В. Алексеев получил пост Верховного руководителя. В ее рядах в феврале 1918-го он прошел путем 1-го Кубанского (Ледяного) похода из Ростова в Екатеринодар. «Мы уходим в степи, — писал генерал. — Можем вернуться, только если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». Один из участников похода Н.Н. Львов вспоминал: «Попробуйте вычеркнуть Алексеева из Кубанского похода, и исчезнет все значение его. Это уже будет не Кубанский поход. Одним своим

присутствием среди нас этот больной старик, как бы уже отошедший от жизни, придавал всему тот глубокий нравственный смысл, в котором и заключается вся ценность того, что совершается людьми… Судьба послала нам в лице Алексеева самый возвышенный образ русского военного и русского человека. Не кипение крови, не честолюбие руководило им, а нравственный долг. Он все отдал. Последние дни своей жизни он шел вместе с нами и освещал наш путь». Рядом с отцом сражался его сын — кавалер семи орденов уланский ротмистр Николай Михайлович Алексеев…

В последние месяцы жизни состояние здоровья М.В. Алексеева сильно ухудшилось — его медленно убивала запущенная болезнь почек. Чувствуя приближение смерти, Алексеев все чаще обращался памятью в прошлое, переоценивая свои поступки. По свидетельству генерала Н.С. Тимановского, в одном из разговоров с ним Михаил Васильевич высказался так:

— Если бы я мог предвидеть, что революция выявится в таких формах, я бы поступил иначе…

Осенью 1918-го к запущенной уремии, мучившей генерала уже несколько лет, присоединилось воспаление легких. Вечером 24 сентября Михаил Васильевич исповедался и причастился, а вечером следующего дня тихо скончался в Екатеринодарском военном госпитале. Он совсем немного не дожил до своего 61-го дня рождения…

Прощание с покойным продолжалось два дня. Тысячи людей спешили отдать последние почести полководцу. 27 сентября Алексеев был погребен в Свято-Екатерининском кафедральном соборе Екатеринодара. На одном из венков, возложенных на гроб детьми и подростками Екатеринодара, была сделана надпись «Не видели, но знали и любили».

Вступивший в командование Добровольческой армией (на момент смерти ее создателя она насчитывала около 40 тысяч штыков) А.И. Деникин отдал свой первый приказ:

«Сегодня окончил свою полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни — он принес в жертву служения Родине. Тяжелая лямка строевого офицера, ученый труд, боевая деятельность офицера Генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристальной честностью и героической любовью к Родине — великой и растоптанной.

Когда не стало Армии и гибла Русь, он первый поднял голос,

кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верой в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный подвиг до конца пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли».

Имя М.В. Алексеева, основателя Добровольческой армии, стало одним из символов Белого движения на юге России. 27 ноября 1918 года имя покойного генерала получил Партизанский пеший казачий полк, который в октябре 1919-го был развернут в Партизанскую Генерала Алексеева пехотную дивизию в составе двух пехотных полков и Алексеевской артбригады. В марте 1920 года дивизия была переформирована в Отдельную Партизанскую Генерала Алексеева пехотную бригаду, а в ноябре, уже в Галлиполи, — в Партизанский Генерала Алексеева пехотный полк. Эта часть в 1921 году была перебазирована в Болгарию, где через год прекратила существование. Отличительными чертами обмундирования «алексеевцев» были фуражки с белыми тульями и синими околышами, повторявшие цвета дореволюционных студенческих фуражек, и также синие погоны с белыми просветами и шифровкой «А».

17 октября 1919 года название «Генерал Алексеев» было присвоено кораблю Белого Черноморского флота — линкору «Воля» (до 1917 года — «Император Александр III»). В ноябре 1920 года линкор в составе русской эскадры ушел из Крыма в Бизерту, где четыре года спустя был передан французскими властями в распоряжение СССР. Однако к тому времени огромный корабль был уже непригоден для эксплуатации, восстановить его тоже оказалось невозможным, и в 1936 году «Генерал Алексеев» был разобран на металл. Восемь орудий главного калибра с него были переданы Финляндии, а в 1945-м достались Советскому Союзу и поступили на вооружение береговой артиллерии. Одно из орудий линкора «Генерал Алексеев» сегодня можно видеть в Петербургском артиллерийском музее, другое — в музее на Поклонной горе в Москве. 8 ноября 1919 года имя М.В. Алексеева было присвоено также Кубанскому военному училищу.

В 1920 году, во время отступления Вооруженных сил Юга России, вдова М.В. Алексеева Анна Николаевна настояла на том, чтобы прах ее мужа был перевезен в Королевство Сербов,

Хорватов и Словенцев и захоронен на Новом кладбище Белграда. В годы правления в Югославии И.Б. Тито над могилой Алексеева возвышался лишь скромный памятник с лаконичной надписью «Воин Михаил». Однако 12 сентября 2010 года в Белграде над местом захоронения М.В. Алексеева было установлено новое надгробие, средства на которое были пожертвованы самыми разными людьми — от школьников до известного кинорежиссера.

Семья М.В. Алексеева в марте 1949 года поселилась в Аргентине. Его сын Николай и вдова Анна Николаевна в 1960-м скончались в Буэнос-Айресе, дочь Вера умерла там же в 1992-м в возрасте девяноста трех лет. Внучка М.В. Алексеева Мария Михайловна Бауман, очень много сделавшая для увековечивания памяти деда, скончалась в Буэнос-Айресе в мае 2012 года.

…Современная историческая литература, как правило, содержит полярные оценки полководческой и политической деятельности Михаила Васильевича Алексеева. Для кого-то он в первую очередь основатель и вождь Добровольческой армии, «икона» Белого движения, талантливейший полководец Первой мировой, для кого-то — один из главных ликвидаторов Российской империи, предавший своего государя ради ложных политических химер. Однако никто не может отрицать того, что в своих действиях М.В. Алексеев никогда не руководствовался мотивами личной выгоды. Всю жизнь он защищал только интересы Родины, России — так, как он их понимал.

АЛЕКСЕЙ БРУСИЛОВ: *«Считаю долгом совести и чести действовать на пользу России»*

Род потомственных дворян Брусиловых был включен в 6-ю часть родословной книги Орловской губернии. Это означало, что он был причислен к дворянству до 1685 года. Описание герба Брусиловых в Общем гербовнике дворянских родов Российской империи звучит так: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в серебряном поле поставлено по одной башне красного цвета, а посередине на красной полосе изображен золотой крест. В нижней части в голубом поле находится серебряная палатка. Щит увенчан дворянским шлемом и короной. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом».

Согласно семейным преданиям, род Брусиловых происходит из одноименного села (ныне поселок городского типа в Житомирской области Украины), уроженец которого Андрей Брусилов во второй половине XVI века переехал в Россию. Большинство его потомков выбирали военную карьеру, но больших чинов на службе не достигали. Так, прадед и дед А.А. Брусилова Иван Иевлевич и Николай Иванович вышли в отставку секунд-майорами. А вот его отцу, Алексею Николаевичу Брусилову, суждено было стать «превосходительством». Рожденный в 1789 году, Алексей Николаевич начал службу в Коллегии иностранных дел, однако затем избрал военное поприще и 12 января 1807 года в чине штабс-ротмистра поступил в Лубенский гусарский полк. В составе Кирасирского Военного ордена полка майор Брусилов участвовал в Отечественной войне 1812 года и за храбрость в Бородинской битве был награжден боевым орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Затем он служил в Литовском и Ямбургском уланских полках, в 1821 году стал полковником, однако вскоре вышел в отставку и в течение десяти лет служил по гражданскому ведомству. Вернувшись в армию в 1839-м, А.Н. Брусилов 25 июня 1845 года был произведен в генерал-майоры и занял должность председателя полевого аудиториата Отдельного Кавказского корпуса. Среди наград А.Н. Брусилова были Знак отличия за 20 лет беспорочной службы (1835), ордена Святого Владимира 3-й степени (1842), Святого Георгия 4-й степени за 25 лет выслуги (1848), Святого Станислава 1-й степени (1849) и Святой Анны 1-й

степени (1851), а также турецкий орден «Нишан-Ифтикар» 1-й степени (1847). Уже после рождения старшего сына Алексея, 26 августа 1856 года, А.Н. Брусилов был произведен в генерал-лейтенанты и в том же году удостоен еще одного иностранного ордена — персидского Льва и Солнца 1-й степени.

Женился А.Н. Брусилов уже немолодым человеком. Его избранницей стала полька Мария-Луиза Антоновна Нестоемская, дочь коллежского асессора. 19 августа 1853 года в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия) появился на свет первенец пары — сын Алексей. Его отцу на тот момент было 64 года, матери — 28. Крестным отцом младенца стал начальник штаба войск на Кавказе генерал-лейтенант князь А.И. Барятинский — в будущем знаменитый герой кавказских войн, в 1859 году возведенный в генерал-фельдмаршалы. Затем у Брусиловых родились сыновья Борис, Александр (вскоре умерший) и Лев.

В 1859 году А.Н. Брусилов скончался от крупозного воспаления легких, а вслед за ним умерла от чахотки и его жена. Осиротевших мальчиков взяла на воспитание тетка Генриетта Антоновна, в замужестве Гагенмейстер. Она и ее муж Карл Максимович заменили братьям отца и мать и дали им хорошее образование. В итоге французским языком А.А. Брусилов владел как родным, немецкий знал очень хорошо, а английский забыл только со временем из-за отсутствия практики. «Моя тетка сама была также выдающаяся музыкантша и славилась в то время своей игрой на рояле, — вспоминал военачальник. — Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас часто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас. Но самым ярким впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны. Многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных».

До 1867 года Алексей жил у кутаисской родни, а затем сдал экзамены в четвертый класс Пажеского корпуса, кандидатом в который был зачислен еще в трехлетнем возрасте. Основанный в 1759 году корпус готовил офицерские кадры для лейб-гвардии, поступать в него могли только сыновья и внуки генералов — военных или статских. Пажей заранее приучали к придворному быту, отчего в других военных училищах Петербурга у них была репутация подхалимов. Это запечатлела насмешливая юнкерская частушка: «Пред начальством как ужи извиваются пажи».

Характеристика, составленная на Алексея в корпусе, гласила: «Характера резвого и даже шаловливого, но добр, прямодушен и

чистосердечен, никогда не скрывает своих дурных сторон и не хвалится хорошими, как к своей, так и к чужой собственности имеет полное уважение, в одежде всегда опрятен и бережлив. В разговоре несколько грубоват и резок, развит хорошо. Способности тоже хорошие, но любит лениться, а потому и успех только что порядочный». Учился Брусилов действительно неровно, в пятом классе даже не сдал переходный экзамен и предпочел взять годовой отпуск, который провел в Кутаисе. Но зато потом ему удалось сдать экзамен сразу в специальный выпускной класс. 17 июля 1872 года Брусилов был выпущен из Пажеского корпуса в 15-й драгунский Тверской полк с производством в прапорщики. Выбор полка был обусловлен тем, что он стоял в родных местах Алексея — в Царских Колодцах Сигнахского уезда Тифлисской губернии (ныне город Дедоплис-Цкаро, Грузия).

Началась жизнь молодого офицера-кавалериста — гулянки холостой молодежи, тифлисская оперетта, дуэли… 2 апреля 1874 года Брусилов был произведен в поручики. Боевое крещение офицера пришлось на 1877-й, когда 15-й драгунский Тверской полк принял участие в Русско-турецкой войне. Первое же «дело» желавшего понюхать пороху драгунского поручика разочаровало — ночью 12 апреля 1877 года его полк скрытно переправился через пограничную реку Арпачай и без единого выстрела захватил в плен крепко спавшую турецкую часть… Впрочем, скоро начались уже настоящие боевые стычки, а затем и осада турецких крепостей Ардаган и Каре. За отличие, проявленное при штурме Ардагана 4—5 мая 1877 года, молодой офицер 1 января 1878 года удостоился первого боевого ордена — Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Участие в Кавказской кампании принесло Брусилову также чин штабс-капитана (1 августа 1877 года) и еще два ордена — Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (16 марта 1878 года) и Святого Станислава 2-й степени с мечами (3 сентября 1878 года).

После войны мирная служба в полку казалась Брусилову скучной, чересчур обыденной. Поэтому когда в 1883-м его, уже ротмистра, пригласили перейти в постоянный состав Офицерской кавалерийской школы, он искренне обрадовался. Отныне и до 1906 года военная судьба Брусилова была связана с этой «лошадиной академией», как называли школу русские кавалеристы. Алексей Алексеевич последовательно занимал в ней должности адъютанта, заместителя начальника, начальника отделения верховой езды и выездки и начальника драгунского отдела. В ноябре 1898-го — феврале 1902 года он был помощником начальника школы, а с 10 февраля 1902-го по 19

апреля 1906 года возглавлял ее. Должностной рост сопровождался и ростом в чинах — 30 августа 1887 года Брусилов стал ротмистром гвардии с одноименным переименованием в подполковники, 30 августа 1892 года получил чин полковника, а 6 декабря 1900 года был произведен за отличие в генерал-майоры. Наградами за успехи в службе стали ордена Святой Анны 2-й степени (3 октября 1883 года), Святого Владимира 4-й (6 декабря 1895 года) и 3-й степеней (6 декабря 1898 года). А 6 декабря 1903 года Брусилов удостоился своей первой «звезды» — ордена Святого Станислава 1-й степени.

Годы, посвященные Офицерской кавалерийской школе, Брусилов вспоминал затем так: «Все эти годы моей петербургской жизни протекали в кавалерийских занятиях Офицерской школы, скачках, всевозможных конкурсах, парфорсных охотах, которые позднее были мною заведены сначала в Валдайке, а затем в Поставах Виленской губернии. Считаю, что это дело было поставлено мною хорошо, на широкую ногу, и принесло значительную пользу русской кавалерии… Много мне пришлось превозмочь препятствий, много мне вставляли палок в колеса, но я упорно работал, наметив себе определенную цель, и достиг прекрасных результатов». В этих словах не было ни капли хвастовства — качество подготовки офицеров-кавалеристов в «брусиловский период» резко улучшилось. Учившийся в эти годы в ОКШ К.К. Маннергейм, впоследствии ставший главой независимой Финляндии, вспоминал о Брусилове-преподавателе так: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми».

Впрочем, сохранились и другие, более противоречивые отзывы о деятельности Брусилова в должности начальника школы. «Главным образом именно ему, генералу Брусилову, Школа, а потом и вся кавалерия были обязаны введением, взамен существовавшей “бессистемности”, новой системы выездки лошадей (системы Филлиса), имевшей вначале много недоброжелателей, — вспоминал А. Левицкий. — Старым кавалеристам тех времен и не снилось, что можно было требовать от коня. Энергия Брусилова вызывала зависть, и Брусилов приобрел репутацию беспринципного карьериста и интригана.

Впрочем, для этого он сам подавал немало поводов, стремясь убрать со своей дороги двух начальников Школы генералов А. и М. Воспользовавшись промахом этого генерала, Брусилов довел до сведения Великого Князя об этом промахе. Результат — отчисленного от Школы генерала М. заменил генерал Брусилов».

Происходили перемены и в личной жизни офицера. В 1884 году Алексей Алексеевич женился на племяннице мужа своей тетки, Анне Николаевне фон Гагенмейстер. К сожалению, несколько детей в этом браке родились мертвыми, только в 1887-м на свет появился сын Алексей, который остался в живых. Жена Брусилова часто болела и в 1908 году скончалась. Ее смерть сильно потрясла глубоко любившего ее Алексея Алексеевича. Тяжким ударом стала для него и смерть в 1909-м младшего брата Льва, который закончил военно-морскую службу в чине вице-адмирала.

19 апреля 1906 года генерал-майор Брусилов был назначен командующим 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, а с производством в генерал-лейтенанты 6 декабря того же года стал ее начальником. Подобным скачком по служебной лестнице Брусилов, до этого не командовавший ни полком, ни бригадой, был обязан хорошо относившемуся к нему великому князю Николаю Николаевичу. Дивизия, в состав которой входили лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Конно-Гренадерский, лейб-гвардии Уланский и лейб-гвардии Гусарский полки, входила в элиту русской кавалерии. Однако служить в Петербургском военном округе генералу довелось недолго — 5 января 1909 года он получил перевод в Польшу, на должность командира 14-го армейского корпуса, штаб которого был расквартирован в Люблине. В состав этого корпуса входили 18-я пехотная, 13-я и 14-я кавалерийские дивизии, 1-я и 2-я стрелковые бригады, 14-й мортирно-артиллерийский дивизион и 8-й саперный батальон. Этому переводу Брусилов был только рад — слишком тяжело на душе было после недавней смерти жены, да и с сыном теплых, доверительных отношений наладить никак не удавалось: у всецело поглощенного службой отца просто не было на это времени.

И тем не менее именно Польша помогла Алексею Алексеевичу справиться с тяжелым душевным кризисом. В Варшаве ему на глаза попался военный журнал «Братская помощь», а в нем — статья Надежды Владимировны Желиховской о медицинском обеспечении армии. И Брусилов сразу же вспомнил, что был знаком с Надеждой Владимировной еще в Тифлисе, что она ему всегда нравилась. Но после стольких лет жизни порознь он долго не решался напомнить о себе. Только в конце 1910 года, возвращаясь из заграничного путешествия, генерал приехал в Одессу, где жила Желиховская, и вернулся в Люблин, по собственному признанию, «уже женатым человеком».

5 декабря 1912 года А.А. Брусилов получил перевод в Варшаву, на должность помощника командующего войсками

Варшавского военного округа генерала от кавалерии Георгия Антоновича Скалона. «Он был добрый и относительно честный человек, скорее царедворец, чем военный, немец до мозга костей, — вспоминал А.А. Брусилов. — Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что Германия должна командовать Россией… Я считал это совершенно неуместным, чтобы не сказать более. Я знал, что война наша с Германией — не за горами, и находил создавшуюся в Варшаве обстановку угрожающей, о чем и счел необходимым частным письмом сообщить военному министру Сухомлинову… В этом письме я писал Сухомлинову, что, имея в виду угрожающее положение, в котором находятся Россия и Германия, считаю такую обстановку весьма ненормальной и оставаться помощником командующего войсками не нахожу возможным, почему и прошу разжаловать меня и обратно назначить командиром какого-либо корпуса, но в другом округе, по возможности — в Киевском». Просьба А.А. Брусилова была учтена, и 15 августа 1913 года он получил под командование 12-й армейский корпус, расквартированный в Киевском военном округе. Ранее, 6 декабря 1912 года, военачальник был произведен в чин генерала от кавалерии.

Штаб корпуса размещался в Виннице. Корпус был одним из самых крупных в русской армии — в его состав входили 12-я и 19-я пехотные дивизии, 12-я кавалерийская дивизия, 3-я стрелковая бригада, 12-й мортирно-артиллерийский дивизион, 5-й саперный батальон, 4-й и 5-й обозные батальоны. «Войска были прекрасные, но ими ранее мало интересовались, и мои требования сначала казались моим подчиненным несколько тяжелыми, — вспоминал Брусилов. — Зимой я в особенности налегал на военную игру и проэкзаменовал всех начальствующих лиц в этом отношении. Громадное большинство начальников охотно пошло на мои требования и усердно занималось, насколько могло. В общем я был доволен и надеялся, что к 1914 году войска подготовятся надлежащим образом».

Жизнь в Виннице навсегда осталась в памяти Алексея Алексеевича как «последний этап нашего мирного, тихого бытия в прошлом». Концом этого бытия стал июль 1914 года. Буквально накануне объявления войны Брусилов с женой был на отдыхе в Германии и успел увидеть ревущую от ненависти толпу напротив русского посольства в Берлине. Утром 18 июля генерал вернулся в Винницу, а вечером следующего дня получил циркулярную телеграмму о начале боевых действий с Германией. 24 июля началась война и с Австро-Венгерской империей…

С началом войны генерал от кавалерии Брусилов был

назначен командующим 8-й армией, в состав которой вошли 7-й (командир — генерал от инфантерии Э.В. Экк), 8-й (командир — генерал-лейтенант Р.Д. Радко-Дмитриев), 12-й (командир — генерал от инфантерии Л.В. Леш) и 24-й (командир — генерал от инфантерии А.А. Цуриков) армейские корпуса. На вооружении армии состояли 352 пулемета, 480 орудий и 18 аэропланов. 8-я армия входила в состав Юго-Западного фронта (главнокомандующий — генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов) и занимала южный его участок от границы Румынии до города Проскурова (ныне Хмельницкий, Украина).

Кампания сразу же началась очень успешно для русских войск. 5 августа 1914 года 8-я армия вместе с остальными войсками фронта перешла в наступление и через пять дней, почти не встречая сопротивления, взяла Тарнополь (ныне Тернополь, Украина), а затем по приказу командования направилась на подмогу оказавшейся в сложном положении 3-й армии Н.В. Рузского. Середина месяца была отмечена для 8-й армии удачными боями у Подгайцев и Рогатина, где противником Брусилова стал командующий 2-й австро-венгерской армией Эдуард фон Бём-Эрмоли. Русские войска сражались с большим воодушевлением и мужеством. Так, когда 34-я пехотная дивизия столкнулась с трудностями при переходе через болотистую долину, вперед, на линию огня, вышли все командиры — начдив генерал-лейтенант Никита Михайлович Баташев, комбриг генерал-майор Евгений Яковлевич Котюжинский, комбаты 135-го пехотного Керчь-Еникальс кого полка полковники Николай Афанасьевич Файдыш и Александр Николаевич Рагозин… Вскоре генерал Баташев был ранен, но из боя не вышел. Воодушевленные примерами командиров, пехотинцы рванулись в атаку, выбили противника с позиций и взяли больше тысячи пленных. И подобных примеров было в те дни немало.

18 августа 1914 года А.А. Брусилов докладывал в штаб фронта: «Трехдневное сражение отличалось крайним упорством, позиция австрийцев, чрезвычайно сильная по природе, заблаговременно укрепленная двумя ярусами, считавшаяся, по показаниям пленных офицеров, неприступною, взята доблестью войск». Русские войска взяли свыше 20 тысяч пленных и 32 орудия, 20 августа вошли в город Галич, а 24-го — в Миколаев. Крупным успехом стало занятие 21 августа Лемберга (Львова), который австро-венгры оставили без боя. Но на Брусилова неприятное впечатление произвело поведение командующего соседней 3-й армией Н.В. Рузского, который приписал заслугу взятия Львова себе, да еще подчеркнул, что город взят после ожесточенных боев. В письме жене Алексей Алексеевич делился

своими чувствами: «Ты намекаешь в своих письмах про разные интриги против меня, которые порождаются завистью. Я стараюсь всеми силами души их не замечать, ибо интриги и зависть — очень низменные вещи, унижающие человека, я просто борюсь и отгоняю от себя, с Божиею помощью, эту пакость… История разберет вскоре после войны, как действительно было дело, а теперь главное — победить. Охотно уступаю лавры Рузскому, но обидно за войска армии».

Победы 8-й армии принесли ее командующему почетнейшую боевую награду — орден Святого Георгия 4-й степени. Им А.А. Брусилов был награжден 23 августа 1914 года. Н.В. Рузский же за «взятие» его войсками Львова в один день получил сразу два ордена Святого Георгия более высоких степеней — 3-й и 2-й…

После занятия Львова 8-я армия получила задачу охранять левый фланг фронта, «маневрируя войсками сообразно обстановке». Брусилов, однако, считал более целесообразным продолжить наступление и атаковать вражеские войска, размещавшиеся на Городокской позиции. Запросив по телеграфу штаб фронта, Алексей Алексеевич вскоре получил разрешение от Н.И. Иванова на проведение этой операции. Однако австро-венгры не собирались мириться с потерей Львова и 25 августа предприняли попытку вернуть утраченные позиции. В итоге в тяжелом встречном бою сошлись две русские и три австро-венгерские армии. Продвинуться вперед русским войскам не удалось, они понесли большие потери и начали окапываться. Наиболее тяжелое положение сложилось на участке 48-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова — с большими потерями она была отброшена за реку Гнилая Липа. Однако самоотверженность бойцов 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта А.М. Каледина, получившего от Брусилова приказ «умереть, причем не сразу, а до вечера», спасла фронт. 30 августа в Городокском сражении наступил перелом: русские 7-й и 8-й корпуса перешли от обороны к наступлению. В штаб фронта командарм доложил: «Долгом службы и совести считаю свидетельствовать, что войсками было проявлено высшее напряжение, о стойкость и доблесть их противник разбился».

За руководство Городокским сражением 18 сентября 1914 года А.А. Брусилов был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Он стал одним из шестидесяти человек, удостоенных этой награды во время Первой мировой войны.

Но плодами победы в Галицийской битве русская армия не сумела воспользоваться. В распоряжении Юго-Западного фронта было 24 кавалерийские дивизии, но разгромленных австрийцев никто не преследовал. В итоге потерпевшие поражение, но не

добитые вражеские армии просто уходили из Галиции, а следом, отставая на несколько дней, с трудом продвигались по размытым дождями дорогам русские войска.

После Галицийского сражения 8-й армии была поставлена задача оборонять предгорья Карпат от Верхнего Сана до Верхнего Днестра. 28 сентября пополненные резервами 2-я и 3-я австро-венгерские армии начали наступление на фронте от Хырова до Стрыи (оба города ныне в составе Украины). В течение двадцати пяти дней австрийцы отчаянно пытались сбить русские 8-й, 12-й и 24-й корпуса с их позиций, однако офицеры и солдаты 8-й армии стояли насмерть. 22 октября Хыровское сражение завершилось — австрийцы прекратили попытки прорвать русский фронт. В русский плен попало 150 офицеров и 15 тысяч солдат противника, трофеями стали 22 орудия и 40 пулеметов. Воодушевленные удачей русские войска перешли в ответное наступление: 3-я армия, которой с сентября командовал болгарин по национальности, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, энергичный и талантливый генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев, и брусиловская 8-я армия вышли в предгорья Карпат. 6 ноября 12-й армейский корпус взял Дуклу (ныне Польша) и, невзирая на плохие погодные условия, горную местность и яростное сопротивление противника (особенно стойко сражались венгерские части), продолжал продвигаться вперед. «Ежедневным упорным и настойчивым движением вперед, ежедневной боевой работой, по лесистым кручам Карпат, без полушубков, в изодранных по камням сапогах, вы, русские чудо-богатыри, не знающие устали, последовательно сбивали противника, — обращался командарм А.А. Брусилов к своим войскам. — Я счастлив, что на мою долю выпала честь и счастье стоять во главе вас, несравненные молодцы».

Передовые части уже начали спуск в Венгерскую равнину, хотя соответствующий приказ отдан не был. Брусилов объявил за это самоуправство выговор комкору Цурикову и начдиву Корнилову и запретил развивать наступление, так как согласно директиве главкома фронта главные силы 8-й армии срочно перебрасывались к Кракову, на помощь 3-й армии, а в Карпатах оставались только «заслоны».

Алексей Алексеевич прекрасно понимал, что командование противника попытается любой ценой восстановить положение и ликвидировать наметившийся прорыв. И действительно, в декабре 1914 года на карпатских перевалах завязались тяжелые бои: 3-я австро-венгерская армия отбросила назад русский 12-й армейский корпус и едва не прорвала фронт всей 8-й армии. Однако даже в таких тяжелейших условиях войска Брусилова,

вовремя усиленные 29-м армейским корпусом, смогли сдержать противника и к 13 декабря полностью восстановить положение, причем за пять дней в плен было захвачено 10 тысяч вражеских офицеров и солдат.

Перед 8-й армией открывался поистине «золотой мост» в сердце Венгрии — оставалось только преодолеть Карпатский хребет. Видя это, Брусилов буквально умолял командование своего фронта настоять в Ставке на решающем ударе. «По моему убеждению, для нанесения противнику наиболее полного поражения необходимо теснить, не останавливаясь по северную сторону Карпат, овладеть выходами в Венгерскую равнину, на которой может быть продуктивно использована наша многочисленная конница, и продолжать наступление по Венгерской равнине», — докладывал он Н.И. Иванову. Брусилов полагал, что силами 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий вполне возможно дойти до Будапешта. Однако ни первый брусиловский доклад Иванову, состоявшийся 4 декабря, ни второй, девять дней спустя, успеха не имели. Мнение главкома фронта гласило: «Наступление на Будапешт при современном состоянии средств не обещает многого, а отвлечет много сил». Свой резон в этом мнении был, так как декабрьские бои сильно истощили 8-ю армию: большинство ее дивизий насчитывало по 5—6 тысяч бойцов, были и дивизии по 3 тысячи человек — впятеро меньше комплекта мирного времени… Наступление без пополнений действительно грозило обернуться масштабной авантюрой.

Кампания 1914 года завершалась для Юго-Западного фронта в целом и для брусиловской армии в частности удачно. Но А.А. Брусилов не мог не отметить двух тревожных моментов: катастрофической нехватки снарядов и патронов и ухудшение качества пополнений, приходящих в армию. Огромные потери понесло кадровое офицерство, на смену которому шли прапорщики военного времени, окончившие трехмесячные ускоренные курсы военных училищ. А в маршевых ротах, приходивших на фронт, люди зачастую не видели ни винтовки, ни пулемета. Прежде чем ставить таких «воинов» в строй, их приходилось заново обтесывать в полковых учебных командах.

7 января 1915 года боевые действия на карпатских высотах возобновились. На этот раз 2-я и 7-я австро-венгерские армии были усилены германской Южной армией под командованием генерал-полковника Александра фон Линзингена. Они планировали не только сбросить с гор русские полки, но и деблокировать крупную австрийскую крепость Перемышль (ныне Пшемысль, Польша), которую держала в осаде особая Блокадная

армия. Но русские 8-й, 12-й и 24-й корпуса выдержали удар трех вражеских армий, а прорыв немцев был ликвидирован небольшим — пять пехотных и четыре казачьих полка — отрядом генерал-лейтенанта барона В.А. Альфтана (13 марта 1915 года за этот подвиг он был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени). Особенно яростные бои развернулись на высоте 992 — Козювке, где Финляндские стрелковые полки отбивали непрерывные атаки немцев в течение двух недель. «Нужно помнить, — отмечал А.А. Брусилов, — что эти войска в горах зимой, по горло в снегу, при сильных морозах, ожесточенно дрались беспрерывно день за днем, да еще при условии, что приходилось беречь всемерно и ружейные патроны и, в особенности, артиллерийские снаряды. Отбиваться приходилось штыками, контратаки производились почти исключительно по ночам, без артиллерийской подготовки и с наименьшею затратою ружейных патронов, дабы возможно более беречь наши огнестрельные припасы».

В сложившейся тяжелой обстановке командарм 8-й армии принял весьма остроумное полководческое решение — контратаковал противника: «Таким образом по всей части Карпатских гор, нами занятой, неприятель видел бы наши стремления перенести театр военных действий к югу, в Венгерскую равнину, и ему трудно было бы определить, где нами предполагается наносить главный удар». Этот прообраз будущего Брусиловского прорыва начался 12 января 1915 года. Контратаковать приходилось в тяжелейших условиях, по пояс в снегу, и продвигались войска медленно, но тем не менее через 11 дней ими был взят город Мезолаборч (ныне Медзилаборце, Словакия). В январских боях 1915 года 8-я армия взяла 14 300 пленных, два орудия и 30 пулеметов, а всего в течение месяца, с 7 января по 7 февраля, войска Юго-Западного фронта взяли в плен 691 офицера, 47 640 солдат, захватили 17 орудий и 119 пулеметов. Наградой А.А. Брусилову за проведение этой операции стал орден Белого орла с мечами.

Тем временем главком Юго-Западного фронта Н.И. Иванов, оценив наконец заманчивость перспективы вторжения в Венгрию, 23 января 1915 года изложил Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу план наступления силами 3-й и 8-й армий. Роль тарана в этом наступлении предстояло играть войскам Брусилова, усиленным 11-м (командир — генерал от кавалерии В.В. Сахаров) и 17-м (командир — генерал от инфантерии П.П. Яковлев) армейскими корпусами.

Вторжение в Венгрию готовилось в течение февраля. Все это время шли упорные бои местного значения у Козювки, а 20 февраля 2-я австро-венгерская армия Бём-Эрмоли и Южная

германская армия Линзингена снова попытались отбросить 8-ю армию назад и деблокировать Перемышль. Силы опять были неравными — 8 русских дивизий против 19 австрийских и германских. И снова, уже в который раз, ярость атак врага разбилась о стальную стойкость русских полков. Обе стороны понесли большие потери убитыми, ранеными и пленными (русские — свыше 50 тысяч человек, австро-венгры — около 40 тысяч).

7 марта 8-я армия перешла в наступление. Три дня спустя, в ночь на 11 марта, 24-й корпус генерала от инфантерии А.А. Цурикова прорвал фронт 3-й австро-венгерской армии на горном хребте Бескид. К тому времени крепость Перемышль уже капитулировала, поэтому армия Брусилова была усилена высвободившимся 28-м армейским корпусом генерала от инфантерии Н.А. Каштелинского. 12 марта штаб фронта приказал Брусилову зайти в тыл австро-германским войскам, действовавшим против 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. В ночь на 16 марта 8-й, 17-й и 28-й корпуса армии Брусилова перешли в наступление и в течение трех дней полностью разгромили на Лубненских высотах 2-ю австро-венгерскую армию, взяв 12 500 пленных и 5 орудий. Контрнаступление противника 20 марта было отбито, и десять дней спустя русские войска, перевалив через Карпаты, спустились в Венгерскую равнину…

Казалось бы, военачальник, чьи войска добились такого успеха и стояли на пороге окончательной победы, достоин высокой награды. Однако заслуги Брусилова были оценены весьма своеобразно. Во время посещения в апреле 1915 года крепости Перемышль император Николай II пожаловал Алексея Алексеевича придворным званием генерал-адъютанта… в память того, что отобедал у него в штабе. Это произвело на Брусилова крайне неприятное впечатление: «Я никогда не мог понять, почему, жалуя за боевые отличия, царь никогда не высказывал мне, по крайней мере, своей благодарности; он как будто бы боялся переперчить и выдвинуть того, кто заслужил своей работой то или иное отличие». Впрочем, недооценивали не только Брусилова лично, но и всю его армию. «Меня всегда крайне удивляло, — вспоминал генерал, — что эта блестящая работа войск не была достаточно оценена высшим начальством и что по справедливости представленные мною к наградам начальники (между прочим, генерал Драгомиров — к вполне заслуженному им ордену Георгия 3-й степени) ничего не получили. Я лично никогда ни за какими наградами не гнался и считал их для себя излишними. Я всегда исповедовал убеждение,

что народная война — дело священное, которое военачальник должен вести, как бы священнодействуя, с чистыми руками и чистою душой, так как тут проливается человеческая кровь во имя нашей матери-родины. Но считал я также, что за геройское самоотвержение войск и мне подчиненных начальствующих лиц они должны получать должное воздаяние, дабы наша матерь-родина знала, что ее сыны сделали на пользу, славу и честь России. А между тем эта титаническая борьба в горах и заслуга спасения осады Перемышля, результатом которой была сдача противником этой крепости, была не только не поощрена, но прямо скрыта от России».

Общий урон противника во время Карпатской операции составил 400 тысяч человек убитыми и ранеными, в плен было взято 2 тысячи офицеров и 148 тысяч солдат. Но и потери Юго-Западного фронта достигли 200 тысяч человек. Сил для покорения Венгрии в распоряжении фронта уже не было, а Ставка подкреплений не давала — все они уходили на Северо-Западный фронт, где разгорелось тяжелое Праснышское сражение. В итоге на Юго-Западном фронте сложилось странное положение, когда из 16 корпусов 13 стояли в Карпатах, в буквальном смысле одной ногой на вражеской территории, но решительных действий не предпринимали. Конечно, последнее слово здесь было за Ставкой, но Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не проявил весной 1915-го ни полководческой мудрости, ни политической прозорливости. Направь Ставка на Юго-Западный фронт необходимые резервы — и в апреле армия Брусилова штурмовала бы Будапешт. Если добавить к этому планировавшийся как раз на апрель захват русским десантом Константинополя, то речь могла идти о капитуляции Австро-Венгрии и Турции, а оставшаяся в одиночестве против Антанты Германия не продержалась бы долго…

Но, к сожалению, военная история не знает сослагательного наклонения. К тому же противники России, будучи крайне озабочены сложившейся в Карпатах ситуацией, тоже не сидели сложа руки. Прекрасно понимая, что затяжная война на два фронта губительна для Германии и Австро-Венгрии, они решили в кампанию 1915 года всеми силами обрушиться на Россию, разгромить ее армии, вывести страну из войны, а затем уже расправиться с войсками Антанты на Западном фронте. Основной удар по России было решено нанести именно на Юго-Западном фронте, нацеленном в «сердце» Австро-Венгрии.

Для этого немцы сняли с французского фронта 14 дивизий, образовавших 11-ю армию. Командование ею было возложено на генерала Августа фон Макензена. В строжайшей тайне армия

была переброшена в район Кракова. Чтобы обмануть русских стратегов, 14 апреля немцы предприняли демонстрационное наступление на севере, овладев портом Либава (ныне Лиепая, Латвия).

Русская Ставка еще 28 марта была предупреждена о планах противника. Британский статс-секретарь по военным делам фельдмаршал Г. Китченер телеграммой сообщил великому князю Николаю Николаевичу о том, что главный удар придется на район Горлица — Тарнов. Командующий 3-й армией генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев, занимавший этот участок, с тревогой извещал командование о том, что против него накапливаются гигантские силы, превосходящие его втрое, а по количеству артиллерии — впятеро. Но Ставка не дала согласия на отход 3-й армии…

И день 18 апреля 1915 года стал началом череды великих испытаний для русских вооруженных сил. Наступление австро-германских войск на галицийском фронте началось прежде невиданным ураганным огнем (сам этот термин был впервые использован именно тогда). Тяжелые орудия противника буквально перепахивали русские окопы, пока в них не оставалось ни одного живого существа. Затем германская пехота продвигалась вперед, артиллерия подтягивалась следом за ней, и снова начиналась чудовищная бомбардировка, равной которой не могли припомнить даже бывалые генералы…

Превосходство противника в артиллерии было колоссальным. На фронте реки Дунаец на огонь двухсот тяжелых орудий врага отвечали… четыре русских, каждое из которых имело на день десять снарядов. Немцы выпустили 700 тысяч снарядов за пять часов. Русские заводы производили такое количество за полгода…

Именно тогда в повседневный обиход русской военной речи вошло выражение «снарядный голод». Весной—летом 1915 года только ежемесячный расход снарядов на фронте был определен в 3 миллиона снарядов, в то время как по планам 1914-го на всю войну должно было хватить 5,6 миллиона. Россия была вынуждена разместить заказ на 5 миллионов снарядов, 1 миллион винтовок, 1 миллиард патронов, 8 миллионов гранат и 27 тысяч пулеметов на британских заводах «Виккерс-Армстронг». Однако этот заказ не был выполнен англичанами вовремя, причем Россию даже не сочли нужным об этом предупредить.

Фронт между Карпатами и Вислой был прорван, армия Макензена, 22 июня возведенного кайзером в генерал-фельдмаршалы, рвалась вперед. Ее продвижение было настолько быстрым, что многие русские части оказались отрезанными от

своих и попали в окружение.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не считал такую ситуацию катастрофической и высказался за переход Юго-Западного фронта к обороне. Главком фронта Н.И. Иванов, не согласный с этим, не нашел в себе мужества спорить с августейшим начальством и ограничился тем, что просто «спускал» директивы Ставки в подчиненные ему войска. И это в то время, когда 3-я армия истекала кровью в борьбе с тремя вражескими армиями, а над 8-й армией нависла смертельная угроза…

Отводить войска с добытых с таким трудом карпатских перевалов, откуда лежала прямая дорога в центр Венгрии, было, конечно, очень горько, но Брусилов понимал, что его обескровленные войска не выдержат схватки с превосходящими во много раз силами противника. Кроме того, нехватка снарядов и патронов в 8-й армии была уже катастрофической: как докладывал Брусилов в штаб фронта, «в настоящих условиях 1—2 дня боя, и не особо напряженного, приведут к тому, что армия останется без патронов». Но даже в таком положении 8-й армии удалось две недели удерживать Перемышль — Брусилов понимал, что отдать недавно захваченную крепость врагу без сопротивления — значит фактически свести на нет результаты недавней победы, прогремевшей на всю Россию. Более того, Брусилов полагал, что «оборонительные бои даже на заблаговременно укрепленных позициях не дают нам преимуществ, почему полагаю, чтобы остановить дальнейшее развитие успеха противника, нам необходимо сильно атаковать группу его». Но голос командующего 8-й армией, даже в разгар отступления планировавшего контратаки, в штабе Юго-Западного фронта не был услышан — Н.И. Иванов считал кампанию уже заведомо проигранной. Перемышль был оставлен в результате тяжелых оборонительных боев 21 мая, 9 июня пал Львов (за что старый противник Брусилова Бём-Эрмоли был произведен в генерал-фельдмаршалы). Ставка отдала приказ отходить на линию Люблин — Холм — Владимир-Волынский — Ковель — река Збруч. Общие потери армий фронта во время отступления составили 500 тысяч человек, врагу досталось 344 орудия…

В итоге почти вся Галиция вновь оказалась в руках противника. Русские войска оказались на линии государственной границы — там же, откуда они начинали продвижение вперед в августе 1914-го. В обращении командующего 8-й армией к войскам 17 июня 1915 года было сказано: «Теперь мы стоим на рубеже дорогой нам Родины. Я к вам обращаюсь, потомки тех чудо-богатырей, которые сделали славным имя русского солдата.

Государь и вся Россия, ваши отцы, матери, жены и дети ждут от вас, что вы честно исполните свое святое дело, на которые вас послали Царь и Отечество, ждут, что вы спасете их от ужаса вторжения жестокого врага, ждут, что вы защитите святые храмы от осквернения, защитите ваше добро, имущество, честь ваших жен, матерей и сестер и свято исполните свой долг так, как то обещали, целуя крест и Св. Евангелие. Твердо верю в доблестные войска 8-й армии, твердо верю в русского солдата. С нами Бог!»

Лето 1915-го впервые за всю войну оказалось для 8-й армии относительно спокойным. Основные бои шли на Северо-Западном фронте, отступавшем из Польши. Передышку Брусилов использовал для того, чтобы привести войска в порядок и организовать обучение пополнений. В качестве примера приведем здесь текст одного из брусиловских приказов по армии, датированных 23 июля 1915 года:

«…Предписываю начальникам всех степеней обратить самое серьезное усиленное внимание на обучение прибывающих пополнений, пользуясь каждым свободным часом. Вместе с обучением нижних чинов их чисто техническим солдатским обязанностям необходимо вести краткие, но частые беседы о цели, смысле и важности их назначения. При этом каждое слово, обращенное к солдату, должно исходить от сердца. Офицерское слово должно шевелить солдатские сердца, и если это будет, то наш солдат пойдет за своим начальником в огонь и воду. Обращаю на это внимание господ офицеров.

2. Господам командирам частей обратить усиленное внимание на занятия с прибывающими в части молодыми офицерами. По возможности следует на первых порах избегать назначать таких офицеров на ответственные должности командиров рот. Молодому офицеру необходимо сначала осмотреться, привыкнуть к тяжелой обстановке боя под руководством более опытных офицеров, тогда он сумеет быть ответственным и распорядительным с укрепившимися нервами начальником, а нижние чины будут ему верить и признавать его авторитет.

3. Предписываю командирам частей обратить внимание на своевременное и, главным образом, справедливое представление к наградам отличившихся нижних чинов. Это весьма серьезная данная, влияющая на психологию солдат, и ею отнюдь нельзя пренебрегать. Представление к наградам ни в каком случае не должно задерживаться.

Многократно мною замечалось, что нижние чины представлялись полковым начальством слишком поздно, эти представления задерживались в штабах дивизий

продолжительное время и иногда окончательно затеривались или застревали в штабах корпусов. Мне случалось, и довольно часто, видеть нижних чинов, представленных, например, за августовские, сентябрьские и октябрьские бои прошлого года и до сих пор не получивших еще заслуженной награды. Считаю такое явление возмутительным и вредным. Отговорку, что в штабах вследствие непрерывных боев нельзя успевать рассматривать представления к наградам, — принять не могу. Штабных работников, неуспевающих исполнять своих обязанностей, следует оттуда изгонять. Приказываю отчислять их в строй, а негодных к строю отправлять на тыловые должности. Во всяком случае, таких нерадивых офицеров отнюдь ни к каким наградам не представлять и назначать их на места с меньшим окладом содержания и без права повышения.

4. Обращаю внимание командиров частей за своевременное возвращение раненых и больных офицеров в строй. Командир полка и общество офицеров обладают достаточною нравственною силою, чтобы напомнить забывшим свой долг об их обязанностях и заставить их вернуться в часть, тотчас как только состояние здоровья это им позволит. Этим измеряется воинский дух части. Прошу помнить, что безучастное отношение господ офицеров той или иной части к подобным фактам — преступно, так как вопрос этот касается чести части и чести полкового мундира.

5. Наряду с перечисленными фактами обращаю внимание господ войсковых начальников и на справедливость донесений. Обстановка складывается иногда весьма различно. В истории каждой дивизии и каждого полка есть и блестящие страницы, встречаются и тяжелые дни, но ничто не должно быть утаено. Нужно помнить, что мы делаем одно общее дело и, скрывая тот или иной случай, мы обманываем только самих себя. Кроме того, никакое управление боем немыслимо, если старший начальник не в состоянии выяснить картину того, что происходит. Безусловно требую точных и правдивых донесений и предупреждаю, что за отклонение от истины я строго буду карать виновных, включительно до предания суду, и не остановлюсь ни перед какими мерами для достижения поставленных мною требований.

6. Подчиненные гораздо энергичнее, охотнее и правильнее работают, если видят соответствующий пример в своем начальнике и своевременно получают его указания. Случаи, как распоряжение в одном из штабов дивизий, чтобы ночью офицеров не беспокоить, я считаю фактом не только недопустимым, но и чрезвычайно преступным и могу заверить, что если такое безобразие еще раз где-либо повторится, то тяжкую

ответственность понесет начальник столь провинившегося штаба.

7. Обратить внимание на внешний вид частей. Требую, чтобы солдат походил на солдата; командирам частей проявить в этом направлении большую заботливость; в некоторых полках, например, до половины июля попадались нижние чины, еще одетые в папахи, невзирая на то, что фуражки есть в избытке и что об изъятии папах было многократно приказано. А что будут зимой носить? Кроме того, прошу помнить, что подтянутый, по форме одетый, отлично снаряженный солдат — всегда отличный боец и указывает на дисциплину и порядок в части, а распущенный мужик есть элемент деморализующий, доказывающий, что данная часть находится в негодных руках несоответствующего командира».

В середине августа 1 -я и 2-я австро-венгерские армии начали наступление на войска Брусилова от Луцка и Зборова. 26 августа Брусилов был вынужден отвести свою армию за реку Горынь, однако 31 августа — 2 сентября в боях у Вишневца, Дубно и Деражно положение было восстановлено, причем в плен попало 17 тысяч австрийских офицеров и солдат, а трофеями наших войск стали 8 орудий и 33 пулемета. 10 сентября 1915 года 4-я стрелковая дивизия (командующий — генерал-майор А.И. Деникин) ворвалась в Луцк, взяв в плен 128 офицеров, 6 тысяч солдат, захватив 3 орудия и 30 пулеметов. К сожалению, «благодаря» вмешательству в ситуацию Н.И. Иванова город скоро был оставлен, но победы «железных» стрелков это обстоятельство умалить не могло. А.И. Деникин за взятие Луцка был награжден Георгиевским оружием. В своих воспоминаниях Брусилов так отзывался о своем подчиненном: «Деникин, который играл такую большую роль впоследствии, был хороший боевой генерал, очень сообразительный и решительный, но всегда старался заставить своих соседей порядочно поработать в свою пользу, дабы облегчить данную им для своей дивизии задачу; соседи же его часто жаловались, что он хочет приписывать их боевые отличия себе». Но это писалось уже после революции, когда генералы оказались по разные стороны баррикад. В годы же Первой мировой войны 4-я стрелковая бригада, в 1915-м развернутая в дивизию, заслужила на фронте неофициальное наименование Железной, а Брусилов высоко ценил Деникина как талантливого и опытного военачальника дивизионного уровня.

На протяжении сентября—октября в расположении 8-й армии шли постоянные бои местного значения, иногда очень упорные, но почти все они заканчивались в пользу русских войск. Завершилась тяжелая кампания 1915 года для 8-й армии попыткой шестидневного наступления у Раранчи (ныне Редковцы,

Украина), где 19-я и 32-я пехотные дивизии взяли 1850 пленных. По итогам кампании командующий 8-й армией А.А. Брусилов 27 октября 1915 года был удостоен Георгиевского оружия.

«Великое отступление» 1915-го, начавшееся в апреле, окончательно завершилось к октябрю. Русские войска понесли тяжелейшие потери в живой силе и технике, врагу достались значительные территории — Польша, половина Белоруссии, половина Прибалтики, завоеванная с таким трудом Галиция. Но при этом противники России не добились главной цели, которую ставили, начиная кампанию 1915 года, — разгрома вооруженных сил страны и выхода ее из войны. Более того, теперь именно Россия притягивала к себе основное количество германских и австро-венгерских войск.

На рубеже 1915—1916 годов 8-я армия генерала от кавалерии А.А. Брусилова включала в себя следующие соединения: 30-й (командир — генерал-лейтенант А.М. Зайончковский), 32-й (командир — генерал от инфантерии И.И. Федотов), 39-й (командир — генерал от инфантерии С.Ф. Стельницкий), 40-й (командир — генерал-лейтенант С.Н. Дельвиг) армейские корпуса, 4-й (командир — генерал-лейтенант Я.Ф. фон Гилленшмидт) и 5-й (командир — генерал-лейтенант Л.Н. Вельяшев) кавалерийские корпуса. В резерве находился 8-й армейский корпус генерал-лейтенанта В.М. Драгомирова. Этими силами командарм планировал организовать в весеннюю кампанию 1916 года наступление на Луцк. Однако Алексей Алексеевич не подозревал о том, что судьба его круто изменится в ближайшее время…

17 марта 1916 года Высочайшим приказом генерал от кавалерии А.А. Брусилов был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Его предшественник на посту главкома Н.И. Иванов зачислялся в распоряжение Ставки. Отчисление Иванова было связано с провалом декабрьского наступления Юго-Западного фронта на реке Стрыпе, где 7-я армия генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева потеряла 25 тысяч человек убитыми и ранеными.

Уходить с поста командующего армией Брусилову было трудно — за полтора года он по-настоящему сроднился со своими войсками, познал с ними и радость побед, и горечь Великого отступления. В целом 8-я армия заработала высочайшую боевую репутацию. Однако сам военачальник считал, что заслуги его армии в истории Первой мировой войны были оценены недостаточно, более того, в штабе Юго-Западного фронта к ней относились предвзято. «Я до настоящего времени не могу никак понять такое странное, ничем не объяснимое отношение к моей

армии, — вспоминал Брусилов. — В войсках моих ходили чрезвычайно тяжелые пересуды. Мне передавали, что в штабе Юзфронта было обычно выражение: “Брусилов выкрутится”, или: “Пусть выкручивается”. Это, конечно, сплетня, но характерная сплетня». Такое странное положение во многом объяснялось личной неприязнью главкома Юго-Западного фронта Н.И. Иванова к Брусилову. Весной 1915 года Брусилов даже специально приехал к Иванову и прямо поинтересовался, пользуется ли он его доверием и что Иванов имеет против него лично. Не ожидавший такой прямоты Иванов смутился и ушел от ответа, но есть все основания полагать, что он действительно видел в Брусилове своего потенциального преемника на посту главкомфронта и нарочно «нагружал» конкурента и его армию неподъемными задачами.

8-ю армию принял генерал-лейтенант (с 10 июня 1916 года генерал от кавалерии) Алексей Максимович Каледин, который, по мнению Брусилова, «был человеком очень скромным, чрезвычайно молчаливым и даже угрюмым, характера твердого и несколько упрямого, самостоятельного, но ума не обширного, скорее, узкого, что называется, ходил в шорах. Военное дело знал хорошо и любил его. Лично был он храбр и решителен». Впрочем, Каледин, по мнению Брусилова, был отличным начдивом, не более; даже с командованием корпусом он справлялся не вполне. Поэтому сам Алексей Алексеевич хотел видеть на посту командующего «родной» ему 8-й армии генерала от инфантерии Владислава Наполеоновича Клембовско-го. Но Ставка распорядилась по-своему — Клембовский стал начальником штаба Юго-Западного фронта, а 8-ю армию получил Каледин. Впоследствии Брусилов раскаивался в том, что не смог настоять на кандидатуре Клембовского…

Вечером 23 марта в Бердичеве, где размещался штаб фронта, состоялась передача дел от старого главкома новому. Сцена получилась тяжелой: седобородый Иванов плакал навзрыд, искренне не понимая, за что его лишили должности. «Я также не мог ему разъяснить этот вопрос, так как решительно ничего не знал, — вспоминал А.А. Брусилов. — Про дела на фронте мы говорили мало; он мне только сказал, что, по его мнению, никаких наступательных операций мы делать не в состоянии и что единственная цель, которую мы можем себе поставить, это предохранить Юго-Западный край от дальнейшего нашествия противника. В этом я с ним в корне расходился, что и высказал ему, но его мнения упорно не критиковал, находя это излишним; в дальнейшем не он, а уже я имел власть решать образ действий войск Юго-Западного фронта, а потому я нашел излишним

огорчать и без того морально расстроенного человека».

24 марта Брусилов впервые предстал в новом качестве перед Верховным главнокомандующим — императором Николаем II, прибывшим в Каменец-Подольск. Император поинтересовался, имеет ли что-либо Брусилов ему доложить.

— Так точно, Ваше величество, я имею доклад, и весьма серьезный, — ответил Алексей Алексеевич. — В штабе фронта я узнал, что мой предшественник категорически донес в Ставку, что войска Юго-Западного фронта не в состоянии наступать, а могут только обороняться. Я лично не согласен с этим мнением. Напротив, я твердо убежден, что ныне вверенные мне армии после нескольких месяцев отдыха и подготовительной работы находятся во всех отношениях в отличном состоянии, обладают высоким боевым духом и к 1 мая будут готовы к наступлению, а потому я настоятельно прошу предоставления мне инициативы действий, конечно, согласованно с остальными фронтами. Если же мнение, что Юго-Западный фронт не в состоянии наступать, превозможет и мое мнение не будет уважено, как главного ответственного лица в этом деле, то в таком случае мое пребывание на посту главнокомандующего не только бесполезно, но и вредно, и в этом случае прошу меня сменить.

«Государя несколько передернуло, вероятно, вследствие столь резкого и категорического моего заявления, тогда как по свойству его характера он был более склонен к положениям нерешительным и неопределенным, — вспоминал Брусилов. — Никогда он не любил ставить точек над i и тем более не любил, чтобы ему преподносили заявления такого характера. Тем не менее он никакого неудовольствия не высказал, а предложил лишь повторить мое заявление на военном совете, который должен был состояться 1 апреля, причем сказал, что он ничего не имеет ни за, ни против и чтобы я на совете сговорился с его начальником штаба и другими главнокомандующими».

Военный совет, о котором упомянул Николай II, состоялся в Могилёве, в Ставке Верховного главнокомандующего. Первое совещание началось в 10.00. В нем приняли участие все главкомы фронтов: Северного — генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, Западного — генерал от инфантерии А.Е. Эверт, новый военный министр генерал от инфантерии

135 Д.С. Шуваев, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев, генерал от артиллерии Н.И. Иванов и полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович. На совете решался вопрос — какой из русских фронтов станет основным в кампанию 1916 года.

Первым высказался М.В. Алексеев, заявивший, что главную роль в 1916-м предстоит сыграть Западному фронту, Северному отводится вспомогательная роль, а Юго-Западный должен действовать «строго оборонительно». Такая диспозиция была основана на том, что именно Западный фронт располагал наибольшим численным превосходством над противником. Однако Эверт и Куропаткин хором заявили, что в успех наступления не верят и настаивают на обороне. Пессимизм обоих главкомов объяснялся провалом только что закончившейся Нарочской наступательной операции — отчаянной, но неудачной попытки выбить противника из Белоруссии. Следом слово было предоставлено Брусилову, сидевшему слева от императора.

— Несомненно, желательно иметь большее количество тяжелой артиллерии и тяжелых снарядов, — начал Алексей Алексеевич, — необходимо также увеличить количество воздушных аппаратов, выключив устаревшие, износившиеся. Но и при настоящем положении дел в нашей армии, я твердо убежден, мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться. Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы лишить противника возможности пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом, и в количественном отношении. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина.

Присутствующие переглядывались. Император, по обыкновению, молчал, не вмешиваясь в ход совещания.

— В принципе у меня никаких возражений нет, — ответил Брусилову Михаил Васильевич Алексеев. — Но я считаю долгом предупредить, Алексей Алексеевич, что вы ничего не получите вдобавок к имеющимся у вас войскам: ни артиллерии, ни

большего числа снарядов.

— Я ничего и не прошу, — отозвался Брусилов. — И никаких особых побед не обещаю, буду довольствоваться тем, что у меня есть. Но войска Юго-Западного фронта будут знать вместе со мной, что мы работаем на общую пользу и облегчаем работу наших боевых товарищей, давая им возможность сломить врага.

«На это никаких возражений не последовало, — вспоминал Брусилов, — но Куропаткин и Эверт после моей речи несколько видоизменили свои заявления и сказали, что они наступать могут, но с оговоркой, что ручаться за успех нельзя». Впрочем, какое настроение на самом деле владело коллегами Брусилова, свидетельствует доверительный разговор, с которым за обедом обратился к новому главкому Юго-Западного фронта Куропаткин:

— Вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадает счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться крупным неприятностям, может быть, смене с должности и потере того военного ореола, который вам удалось заслужить до настоящего времени? Я бы на вашем месте всеми силами открещивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении дела могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут.

— Я о своей личной пользе не мечтаю и решительно ничего для себя не ищу, — ответил Брусилов, — и нисколько не обижусь, если меня за негодность отчислят, но считаю долгом совести и чести действовать на пользу России.

В ответ Куропаткин только пожал плечами и с сожалением посмотрел на Брусилова. Кстати, уже после совещания к императору подошел предшественник Брусилова на посту главкома фронта Н.И. Иванов и со слезами на глазах попросил не отдавать войск, которыми командовал с начала войны, на убой Брусилову!.. Император сказал, что помочь ничем не может, и посоветовал обращаться к Алексееву.

Итак, итогом первоапрельского совещания стало следующее распределение задач между фронтами: Западный — основной удар в направлении Ошмян и Вильно; Северный — вспомогательный удар на Свенцяны; Юго-Западный — демонстрационный удар из Ровненского района. Таким образом, фронту Брусилова предстояла в кампании 1916 года самая скромная роль. Наступление было назначено на 18 мая.

В состав Юго-Западного фронта в то время входило четыре армии, располагавшиеся по фронту в следующем порядке: 8-я (командующий — генерал-лейтенант, с 10 июня 1916 года

генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин), 11-я (командующий — генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров), 7-я (командующий — генерал от инфантерии Дмитрий Григорьевич Щербачев) и 9-я (командующий — генерал от инфантерии Платон Алексеевич Лечицкий; в начале апреля он болел и его временно замещал генерал А.И. Крымов). Все командармы были весьма опытными и заслуженными военачальниками: все они, как и Брусилов, являлись кавалерами ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, кроме этого, Каледин был кавалером Георгиевского оружия, Сахаров — Золотого оружия «За храбрость», а Лечицкий — Золотого оружия «За храбрость» и Георгиевского оружия с бриллиантами.

2 апреля на совещании командармов в Волочиске Брусилов сообщил им о предстоящем наступлении. В ответ Щербачев осторожно возразил, что наступление производить очень рискованно и нежелательно. В том же духе высказался и Каледин. Но Брусилов резко оборвал подчиненных:

— Я собрал вас не для того, чтобы решать вопрос о пассивных или активных действиях фронта, а для того, чтобы лично отдать приказания к подготовке к атаке, которая бесповоротно мною решена. Никаких колебаний и отговорок ни от кого ни в каком случае я принимать не буду…

План, который главком фронта изложил своим подчиненным, на первый взгляд казался парадоксальным. Внимательно проанализировав ход мартовской Нарочской операции и многочисленные попытки прорыва фронта на западном театре военных действий, Брусилов пришел к выводу, что следует отказаться от попытки «проломать» укрепленную полосу обороны противника в каком-то одном месте. Позиции врага к весне 1916 года успели «затвердеть» настолько, что и многодневная артподготовка, и яростные атаки в лоб приводили лишь к многочисленным жертвам. Тактический же успех при этом был минимален. Так, на Нарочи в марте 1916-го ценой 78 тысяч жизней русских офицеров и солдат были освобождены всего лишь 10 квадратных верст территории. Поэтому Брусилов не стал собирать в одном месте своего фронта огромный «кулак», усиленный артиллерией и отлично видимый врагу, а приказал готовить наступление во всех армиях. И Каледин, и Лечицкий, и Сахаров, и Щербачев должны были наступать одновременно, без длительной артподготовки, и в том направлении, которое выбирал сам командарм. 14 апреля 1916 года все они представили в штаб фронта свои планы наступления.

Основную роль Брусилов отвел бывшей «своей» 8-й армии, которой предстояло наступать на направлении Ковель — Брест-

Литовск. Это было обусловлено тем, что армия занимала правый фланг Юго-Западного фронта, смыкавшийся с Западным. А «ударная» роль в кампании 1916-го, как мы помним, отводилась Ставкой именно ему. Военный историк А.А. Керсновский писал об этом решении Брусилова: «Он все время помнил, что роль Юго-Западного фронта — второстепенная, и все свои стратегические расчеты подчинял выработанному в Ставке плану, сознательно принося в жертву главное направление своего фронта — Львовское, на котором стояла 11-я армия. Эту дисциплину стратегической мысли надо поставить ему в большую заслугу». Учитывая роль 8-й армии, она была насыщена пехотой (13 дивизий из имевшихся на фронте 38,5) и артиллерией (19 батарей из 39). В свою очередь, А.М. Каледин на острие главного удара разместил левофланговые 8-й, 39-й и 40-й армейские корпуса генералов В.М. Драгомирова, С.Ф. Стельницкого и Н.А. Каштalинского, которые должны были наступать на Луцк.

Командарм 11-й армии В.В. Сахаров наметил прорыв в направлении Львова силами левофлангового 6-го армейского корпуса генерала А.Е. Гутора. 7-я армия Д.Г. Щербачева должна была атаковать севернее Язловца 2-м армейским корпусом генерала В.Е. Флуга. В планах командарма 9-й армии П.А. Лечицкого был удар в юго-западном направлении, к Карпатам. Надо сказать, что Лечицкий заранее оценивал наступательные возможности своей армии весьма скептически, на что Брусилов заметил: «Заранее предрешать, будет ли удар серьезным или нет, — нежелательно. Лишь бы удар был правильно подготовлен, правильно нанесен и успех от сердца использован кавалерией. Не всегда численное превосходство решает дело, умение и счастье — элементы серьезные».

Намечавшиеся на Юго-Западном фронте четыре отдельных сражения никак не были согласованы между собой, и развивать успех в случае его достижения должна была только 8-я армия, да и то ее действия целиком подчинялись логике событий «ударного» Западного фронта.

Задача осложнялась тем, что брусиловским войскам противостоял закаленный, опытный и сильный противник. На участке 8-й армии стояли входившие в так называемую Группу войск Линзингена конный корпус генерала Гауэра, сводный корпус генерала Фата, 4-я армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Против 11-й армии были развернуты 1-я армия генерала Пухалло и 2-я армия генерал-фельдмаршала Бём-Эрмоли. 9-й русской армии противостояла 7-я армия генерала Пфланцер-Балтина. Таким образом, основным противником Брусилова была австро-венгерская армия. Только войскам Щербачева предстояло

сражаться с немцами — Южной армией генерала фон Ботмера.

В целом русским 39 пехотным и 13 кавалерийским дивизиям предстояло прорывать оборону 38 пехотных и 11 кавалерийских дивизий противника. Для сравнения: на Западном фронте генерала А.Е. Эверта для решающего удара был собран громадный «кулак», превосходящий противника более чем вдвое, — 106 пехотных и 26 кавалерийских дивизий против вражеских 49 пехотных и 13 кавалерийских.

Подготовка к наступлению началась немедленно. Во всех армиях проводилась рекогносцировка местности, а русские самолеты-разведчики тщательно фотографировали всю линию обороны противника. «На основании всей этой работы выяснилось, что неприятельские позиции были чрезвычайно сильно укреплены, — вспоминал Брусилов. — По всему фронту они состояли не менее как из трех укрепленных полос в расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 верст. В свою очередь, каждая полоса состояла из нескольких линий окопов, не менее трех, и в расстоянии одна от другой от 150 до 300 шагов, в зависимости от конфигурации местности. Все окопы были полного профиля, выше роста человека, и везде в изобилии были построены тяжелые блиндажи, убежища, лисьи норы, гнезда для пулеметов, бойницы, козырьки и целая система многочисленных ходов сообщения для связи с тылом. Окопы были сооружены с таким расчетом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем».

Выполненные на основе этих работ схемы вражеских укреплений получили все начальствующие лица вплоть до командиров рот. В тылу возводились многоверстовые учебные полосы — там были построены точные копии австрийских и германских окопов, и войска учились ориентироваться в них заранее. Ударной силой наступления были созданные еще в конце 1915 года гренадерские взводы — небольшие (1 офицер и 52 нижних чина) соединения, на которых возлагалась задача захвата вражеских позиций и ближнего боя в окопах с помощью гранат. Велись многочасовые занятия по преодолению проволочных заграждений. Эта задача была сложной и опасной — перед каждым участком австрийской обороны размещалось по 20 рядов толстой наэлектризованной «колючки», усиленной небольшими фугасами. На участках всех корпусов развернулись земляные работы, которые дезориентировали противника — даже австрийские разведчики не смогли бы теперь понять, где именно будет нанесен главный удар. Благодаря ночным инженерным работам передовым линиям русской пехоты удалось скрытно приблизиться к противнику на 400 шагов, а в некоторых местах и

на 200 шагов. Во время атаки боец мог пробежать такое расстояние за полторы минуты, а значит, первый удар получился бы внезапным. За несколько дней до начала атаки в эти окопы были переведены гренадерские взводы и тщательно замаскированная артиллерия, заранее пристрелянная по конкретным целям. За ходом работ постоянно наблюдал сам Брусилов, регулярно выезжавший в войска. Многим «старожилам» фронта это казалось удивительным — ведь предыдущий главком Иванов был в подчиненных ему войсках всего-то два раза за всю войну!..

В целом Юго-Западный фронт был готов к наступлению 10 мая. Однако его действия целиком зависели от поведения «ударного» Западного, а его главком генерал А.Е. Эверт все никак не мог определиться с датой начала наступления. В конце концов он попросил у Ставки разрешения перенести начало атаки с 18 на 31 мая — и М.В. Алексеев, сообщив Эверту, что «дорог каждый час», тут же предоставил ему двухнедельную отсрочку… На эту дату предстояло ориентироваться и Брусилову. Но тут вмешались непредвиденные обстоятельства: 2 мая австро-венгры нанесли сильное поражение в Тироле итальянским войскам. Итальянский главнокомандующий генерал Л. Кадорна обратился к М.В. Алексееву: «Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте». О том же просил Николая II и король Италии Виктор-Эммануил III. А поскольку к подобным «вежливым» просьбам союзников русская Ставка всегда относилась более чем внимательно (так, Нарочская операция 1916-го была предпринята только затем, чтобы помочь французам под Верденом), Брусилову было предписано переходить в наступление немедленно…

18 мая Ставка отдала директиву, согласно которой роли фронтов несколько видоизменялись: основной по-прежнему поручался Западному, Юго-Западному теперь поручался «вспомогательный, но сильный удар», а Северному — демонстрационные действия. Брусиловский фронт должен был атаковать 22 мая, Западный — неделю спустя.

Но буквально накануне операции Ставка в лице начальника штаба М.В. Алексеева начала буквально бомбардировать штаб Юго-Западного фронта депешами, убеждавшими Брусилова… отказаться от его идеи удара всеми армиями сразу. «Мое глубокое убеждение сводится к повелительной необходимости собрать на одном избранном участке подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту», — утверждал М.В. Алексеев. Такое поведение

начальника штаба Верховного не могло не изумить Брусилова: ведь на совещании 1 апреля все обо всем договорились, что значит эта перемена мнения в последнюю минуту?!.. Главком Юго-Западного фронта телеграфировал в Могилёв, что он считает «существенно необходимым нанесение частных, хотя бы слабых ударов на фронтах всех армий… Ходатайствую усердно не отлагать атаки, все готово, каждый потерянный день ведет к усилению противника, нервирует войска». Вечером 21 мая, буквально накануне атаки, Алексеев снова попробовал настоять на том, чтобы Брусилов наступал только на одном участке фронта. На это Алексей Алексеевич отвечал уже с вполне понятной резкостью: «Изменить мой план не считаю возможным, и если мне это категорически приказывают, то прошу меня сменить. Откладывать день наступления также не нахожу возможным». Когда Алексеев попытался сослаться на распоряжение императора, который к тому времени уже лег спать, Брусилов отреагировал: «Сон Верховного Главнокомандующего меня не касается, речь идет о судьбах всей кампании, и думать мне нечего. Прошу дать ответ сейчас».

Наконец начальник штаба Верховного понял, что Брусилова не сломить. Напрямую он приказать ему ничего не мог, поэтому ограничился сухим ответом: «Ну, Бог с вами, делайте как знаете, а я о нашем разговоре доложу государю императору завтра».

22 мая 1916 года по всему Юго-Западному фронту началась артиллерийская подготовка, на разных участках продолжавшаяся от восьми часов до двух суток. Заранее пристрелянная русская артиллерия работала великолепно — в большинстве мест первые линии австрийских укреплений были сметены с лица земли, в колючей проволоке образовались широкие бреши, позволявшие пехоте атаковать почти беспрепятственно.

Первой нанесла удар 11 -я армия В.В. Сахарова. Ее 6-й корпус натолкнулся на сильное сопротивление противника и в боях у Воробьевки 22—26 мая понес большие потери — около 15 тысяч убитыми и ранеными. Зато в 17-м корпусе успех сопутствовал 3-й пехотной дивизии (начальник — генерал-лейтенант А.Г. Шольп), прорвавшей фронт 1-й и 2-й австро-венгерской армий у Сопанова. В боях особенно отличился 10-й пехотный Новоингерманландский полк полковника Николая Ивановича Сапфирского, который 25 мая один выдержал удар пяти вражеских полков (25 ноября 1916 года Н.И. Сапфирский был награжден Георгиевским оружием). В боях у Сопанова русскими войсками было взято в плен 190 офицеров, 7600 солдат, 5 орудий, 58 минометов и бомбометов, 38 пулеметов.

В 9-й армии П.А. Лечицкого удачно наступали 41-й и 11-й

армейские корпуса, взявшие у Онуты и Черного Потока 12 800 пленных, 14 орудий и 18 пулеметов, но это был только пролог к блестящим действиям армии 28 мая — так называемому Доброноуцкому сражению. Введя в бой 33-й армейский корпус генерала от инфантерии К.А. Крылова, Лечицкий добился решающего успеха, буквально разорвав противостоявшую ему 7-ю австро-венгерскую армию Пфланцер-Балтина надвое. Воодушевленно наступавшие русские войска проявляли массовый героизм и самоотверженность. Так, раненые офицеры 9-го и 10-го пограничных Заамурских пехотных полков приказывали солдатам нести себя впереди шедших в атаку цепей, офицеры 46-го пехотного Днепровского полка, имея по три-четыре раны, отказывались идти на перевязку и оставались в бою, командир 48-го пехотного Одесского полка полковник Федор Иванович Корольков вел свой полк в атаку верхом на коне под убийственным огнем врага, атаку 11-й пехотной дивизии лично возглавил ее начальник генерал-лейтенант Михаил Львович Бачинский… Всего в Доброноуцком сражении в русский плен были взяты 1 генерал, 754 офицера, около 38 тысяч солдат, трофеями русских стали 49 пушек, 32 миномета и бомбомета, 120 пулеметов. Убитыми и ранеными австро-венгры потеряли 70 тысяч человек, потери 9-й армии составили 14 тысяч.

«Родная» Брусилову 8-я армия А.М. Каледина пошла в наступление 23 мая. Атаковавшие на Ковельском направлении 30-й и 39-й корпуса в трехдневных боях заставили отойти за реку Стырь 2-й австро-венгерский корпус, на Луцком же направлении 40-й и 8-й корпуса полностью разгромили 4-ю австро-венгерскую армию. 25 мая 4-я Железная стрелковая дивизия А.И. Деникина уже второй раз за время войны взяла Луцк (за повторное взятие Луцка начдив был награжден Георгиевским оружием с бриллиантами). В целом за два дня 23— 25 мая 8-я армия захватила в плен 922 офицера, 43 628 солдат, 66 орудий, 71 миномет и бомбомет, 150 пулеметов. Потери противника в Луцком сражении составили 82 200 человек — больше половины всех войск, бывших в распоряжении генерала фон Линзингена. Армия Каледина потеряла пятую часть своего состава — 417 офицеров и 32 957 нижних чинов убитыми и ранеными.

Безусловно, количество пленных и трофеев могло бы быть гораздо больше — вся австрийская артиллерия, почти триста орудий, и все неприятельские штабы остались без прикрытия после разгрома и бегства своей пехоты. Но единственная кавалерийская дивизия 8-й армии не имела приказа преследовать противника. Ее начальник генерал-лейтенант К.К. Маннергейм не рискнул проявить инициативу, запросил разрешения у Каледина

и… получил отказ. Тем временем нужное для преследования и окончательного разгрома врага время было безвозвратно упущено.

Последней из всего брусиловского фронта, 24 мая, перешла в атаку 7-я армия Д.Г. Щербачева. Ему противостоял наиболее сильный противник — Южная германская армия, имевшая более чем двойное превосходство в артиллерии. Позиции этой армии у Язловца сами немцы считали настолько неприступными, что демонстрировали их модели на выставках в Берлине и Вене. Но эти позиции были прорваны 3-й Туркестанской стрелковой дивизией генерал-лейтенанта А.И. Тумского в первый же день наступления. Форсировав реку Стрыпу, все три корпуса 7-й армии обрушились на неприятеля. В преследовании разгромленных австро-венгров особенно отличились кавалеристы 9-го уланского Бугского и 9-го драгунского Казанского полков (командующий первым полком генерал-майор Виктор Захарович Савельев в сентябре 1916 года был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени, а командир второго, полковник Павел Петрович Лосьев, в ноябре 1916-го получил Георгиевское оружие, а в январе 1917 года — орден Святого Георгия 4-й степени).

Конец мая — начало июня прошли для 7-й армии в тяжелых боях с отчаянно пытавшимися восстановить исходное положение на фронте австро-германскими войсками. Всего 24 мая — 4 июня армия Щербачева взяла в плен 900 офицеров, 37 тысяч солдат, 41 орудие, 25 минометов и 180 пулеметов.

Итак, большой успех в первые же дни операции сопутствовал всем четырем армиям Юго-Западного фронта. Случилось то, чего еще не добивалась в Первой мировой войне ни одна из воюющих сторон — прорыв сильно укрепленной оборонительной линии противника, причем сразу в нескольких местах. Ошеломленные и деморализованные вражеские войска отходили по всему фронту, 4-я и 7-я австро-венгерские армии были полностью разгромлены, 1-я и 2-я австро-венгерские и Южная германская понесли огромные потери. К вечеру 1 июня 1916 года только пленными русские войска захватили 150 тысяч человек!..

В эти дни вся Россия, все страны Антанты с надеждой и радостью следили за тем, как стремительно сдвигается на запад линия брусиловского фронта. 25 мая газета «Русское слово» писала: «Наступление генерала Брусилова разразилось как гром среди ясного, — по крайней мере, в германском освещении, — неба австро-германского наступления у Вердена и в Трентино. Тринадцатый штурм Вердена, едва ли не самый упорный из всех бывших доселе и продолжавшийся почти беспрерывно две недели, сразу потух… Австрийское наступление в Трентино также

замерло… Как видно из сегодняшнего донесения нашего штаба, за два дня, 22 и 23 мая, нами взято в плен почти 26 000 человек (в том числе 480 офицеров), 27 орудий и более 50 пулеметов… Со времени великой галицийской битвы 1914 года еще ни разу за два дня подряд не было захвачено такого громадного количества пленных». «Русскому слову» вторила газета «Утро России»: «Получены многочисленные телеграммы из разных городов империи о том, что сообщения о новых блестящих победах русского оружия повсеместно вызывают огромный энтузиазм среди местного населения. В церквах совершаются благодарственные молебствия. На улицах и в общественных местах царит ликование. Телеграммы расхватываются у газетчиков в несколько секунд и влекут новый подъем патриотических чувств». В штаб Юго-Западного фронта пришла телеграмма от Николая II: «Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность». А президент Франции Р. Пуанкаре телеграфировал Николаю II: «Блестящая победа, одержанная Россией, дает совместным операциям, намеченным союзными штабами, мощный толчок к общему успеху… Франция затрепетала от радости при этом счастливом известии, и я прошу Ваше Величество принять за Себя и за Вашу армию мои горячие поздравления». От Пуанкаре Брусилов получил высшую награду Франции — Большой крест Почетного легиона.

Казалось, полная победа над Австро-Венгрией лежит перед войсками Брусилова буквально «на блюдечке». Но, вместо того чтобы немедленно развивать наступление, главком фронта 26 мая отдал приказ «придержать» вырвавшиеся вперед 8-й и 40-й корпуса калединской 8-й армии и «подравнять» по ним остальные. Развивать Луцкий прорыв Брусилов не собирался…

Многие военные историки ставили это в вину полководцу, упрекая его в отсутствии инициативы и суворовской дерзости. «Луцкий прорыв обещал полную и близкую победу, — писал автор «Истории Русской армии» А.А. Керсновский. — Его надлежало немедленно развить — искрошить и сокрушить надломленные неприятельские армии и молниеносным ударом 8-й и 11-й армий от Луцка и Сопанова на Раву-Русскую — во фланг и в тыл всему неприятельскому расположению — вывести из строя потрясенную и заколебавшуюся Австро-Венгрию! Наступил полководческий момент». Действительно, что мешало Брусилову добить ошеломленного прорывом врага?..

Этой помехой оставалась второстепенная задача, которая

изначально ставилась Юго-Западному фронту. Казалось, увидев, что на нем обозначился блестящий успех, Ставка должна, обязана была мгновенно переиграть все свои старые планы, передать Западному фронту вспомогательную роль, а Юго-Западному — главную и, усилив его резервами, бросить все силы на скорейший разгром Австро-Венгрии. Но… ничего этого сделано не было. В Ставке по-прежнему упрямо видели главную перспективу летней кампании 1916 года в Белоруссии, а не на Волыни, и с надеждой смотрели на нерешительного и вялого А.Е. Эверта. Правда, 30 мая Брусилов все же получил от М.В. Алексеева директиву, предписывавшую наступать на Раву-Русскую, но при этом роль его фронта оставалась прежней.

«Для того чтоб требовать от армий Юго-Западного фронта производства широких стратегических операций, надо было прежде всего развязать этим армиям руки, — с горечью констатировал А.А. Керсновский. — Этого Алексеев как раз и не догадался сделать. Директива 30 мая отнюдь не отменяла предыдущие. Главный удар… оставлялся за армиями Западного фронта, и в этом случае Юго-Западному фронту невозможно было задаваться самостоятельной широкой операцией, для которой к тому же не было предоставлено необходимых средств».

Если до 31 мая Ставка еще могла питать какие-то иллюзии по поводу Западного фронта, то этот день, казалось, должен был их развеять. Предпринятое силами Гренадерского корпуса наступление Западного фронта на Столовичи закончилось провалом и стало своего рода прологом грядущего неудачного сражения. Но даже после этого фиаско Эверта Брусилов должен был всего лишь помогать ему, не более того. Резкое недовольство главкома Юго-Западного фронта вызвала полученная из Ставки информация о том, что Эверт перенес дату начала своего наступления на 5 июня, а затем вообще переориентировал свой фронт с Вильно на Барановичи, сдвинув начало атаки еще на две недели. Брусилов вполне справедливо опасался того, что наступление Юго-Западного фронта, не поддержанное соседями, просто захлебнется. Как вспоминал Брусилов: «Я просил доложить государю мою настоятельную просьбу, чтобы был дан приказ Эверту атаковать теперь же и на издавна подготовленном участке. Алексеев мне возразил: “Изменить решения государя императора уже нельзя” — и добавил, что Эверту дан срок атаковать противника у Барановичей не позже 20 июня. “Зато, — сказал Алексеев, — мы вам пришлем в подкрепление два корпуса”. Я закончил нашу беседу заявлением, что такая запоздалая атака мне не поможет, а Западный фронт опять потерпит неудачу по недостатку времени для подготовки удара и

что если бы я вперед знал, что это так и будет, то наотрез отказался бы от атаки в одиночку. Что касается получения двух корпусов в подкрепление, то по нашим железным дорогам их будут везти бесконечно и нарушат подвоз продовольствия, пополнений и огнестрельных припасов моим армиям; кроме того, два корпуса, во всяком случае, не могут заменить атак Эверта и Куропаткина. За это время противник по своей железнодорожной сети и со своим многомиллионным подвижным составом по внутренним линиям может подвезти против меня целых десять корпусов, а не два.

Я хорошо понимал, что царь тут ни при чем, так как в военном деле его можно считать младенцем, и что весь вопрос состоит в том, что Алексеев, хотя отлично понимает, каково положение дел и преступность действий Эверта и Куропаткина, но, как бывший их подчиненный во время японской войны, всемерно старается прикрыть их бездействие и скрепя сердце соглашается с их представлениями».

Позже командующий 4-й армией Западного фронта генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза рассказал Брусилову о мотивах такого поведения Эверта: «По его убеждению, громадные успехи, которые сразу одержали мои армии, необыкновенно волновали Эверта, и ему кажется, что Эверт боялся, как бы в случае неуспеха он как военачальник не скомпрометировал себя, и полагал, что в таком случае вернее воздержаться от боевых действий, дабы не восстановить против себя общественного мнения. Впоследствии до меня дошли сплетни, будто Эверт однажды сказал: “С какой стати я буду работать во славу Брусилова”… Будь другой верховный главнокомандующий — за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время, в армии безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки».

Брусилову, правда, удалось убедить М.В. Алексеева передать в состав Юго-Западного фронта бездействовавшую в Белоруссии 3-ю армию генерала от инфантерии Л.В. Леша (это произошло 10 июня), но при этом Эверт… вывел из состава этой армии четыре корпуса из пяти. В итоге Брусилову пришлось фактически создавать для себя новую 3-ю армию, добавив к ее «исконному» 31-му корпусу 46-й армейский и 4-й кавалерийский.

Между тем австро-венгры и немцы спешно латали образовавшуюся под Луцком гигантскую брешь. Из Франции на Волынь были быстро переброшены восемь германских дивизий, еще восемь находились в пути, и еще восемь дивизий австро-венгры снимали с итальянского фронта. Король Италии мог вздохнуть с облегчением — его вооруженные силы получали передышку, а участь русского фронта его нисколько не волновала… Уже 2 июня свежие австро-германские войска атаковали русскую 8-ю армию у Киселина, надеясь отбросить ее на исходные позиции. Командующий армией А.М. Каледин пал духом, ему уже казалось, что его войска обречены. Но по приказу Брусилова 8-я армия была усилена 1-м и 23-м корпусами, и к 10 июня все попытки противника свести результаты Луцкого прорыва на нет оказались проваленными. Потери русских войск превысили 40 тысяч человек убитыми и ранеными и 11 587 пленными, потери австро-германцев — около 35 тысяч человек убитыми и ранеными и 6750 пленными.

Между тем другие армии Юго-Западного фронта продолжали развивать наступление. 11-я армия В.В. Сахарова захватила Радзивиллов, Почаев и Берестечко. Главным героем Берестечского боя стала 101-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Константина Лукича Гильчевского, а в ней — 404-й пехотный Камышинский полк, которым командовал 58-летний ветеран Русско-турецкой и Русско-японской войн, кавалер Анненского и Георгиевского оружия полковник Петр Яковлевич Татаров. Во время форсирования реки Пляшев-ки Татаров был поражен пулей в сердце. В последний миг он успел крикнуть: «Умираю! Камышинцы, вперед!» Яростным штыковым ударом Камышинский полк буквально отшвырнул три австрийских полка и ворвался в Берестечко, захватив 75 офицеров, 3164 солдата, 3 пушки и 8 пулеметов. За свой подвиг полковник П.Я. Татаров посмертно был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в генерал-майоры…

Для 7-й армии Д.Г. Щербачева, как мы помним, начало июня было ознаменовано оборонительными боями против пытавшегося восстановить положение противника, а 9-я армия П.А. Лечицкого развивала успех под Доброноуцами: 5 июня заняла Черновицы

(ныне Черновцы, Украина), 10-го — Сучаву (ныне на территории Румынии), 12-го — Кымполунг (ныне Кымпулунг-Мусчел, Румыния).

К 12 июня общее число трофеев Юго-Западного фронта составило 219 орудий, 196 минометов и бомбометов, 644 пулемета (число пулеметов было в реальности гораздо больше, так как войска часто оставляли трофейные «Шварцлозе» у себя, переделывая их под русский патрон). В плен было захвачено 4013 офицеров и 194 041 солдат противника, потери австро-германских войск убитыми и ранеными превысили уже 400 тысяч человек. Юго-Западный фронт также понес большие потери в живой силе. Отдали жизнь за Родину в бою 739 офицеров и 40 659 солдат, ранено было 3118 офицеров и 212 904 солдата, пропали без вести 163 офицера и 31 715 солдат.

Во второй половине июня австро-венгерские и германские войска, противостоявшие армиям Брусилова, были перегруппированы. Против 8-й и 11-й армий сосредоточилась мощная группа войск под общим командованием генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга — главнокомандующего всеми германскими силами на Востоке. Этим подчеркивалось важное значение, которое немцы придавали Юго-Западному направлению. Против 7-й и 9-й армий была направлена группа войск под общим командованием наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Карла. Сражения на двух флангах фронта развернулись практически одновременно.

Особенно энергично действовал командующий 9-й армией П.А. Лечицкий. В Коломейском сражении (15—24 июня) он не только разгромил противостоявшие ему австро-венгерские войска, но и, не дожидаясь подхода своих резервов, отбросил спешившие на выручку союзникам немецкие. Урон противника составил около 60 тысяч человек убитыми и ранеными, 31 тысяча человек попала в плен. Потери 9-й армии составили 25 тысяч офицеров и солдат. Соседняя с 9-й 7-й армия Д.Г. Щербачева в эти дни вела вспомогательную операцию на реке Коропце, захватив 6 тысяч пленных.

В то же время с 17 по 22 июня объединенная австро-германская группировка А. фон Линзингена отчаянно пыталась прорвать фронт 8-й и 11-й армий. Ярость атак немцев поражала даже бывалых фронтовиков. Так, 20-я германская пехотная дивизия, имевшая почетное наименование Стальной, за четыре дня атаковала позиции русской 4-й Железной стрелковой дивизии 44 (!) раза. Но все попытки немецкой «стали» согнуть русское «железо» оказались тщетными — в германских полках осталось по 300 штыков… Прорыв немцам удалось осуществить

на участке 126-й пехотной дивизии. Плохо обученные ополченцы, из которых в основном состояли ее полки, дрогнули, и перед неприятелем открылась прямая дорога на Луцк… Положение спасли брошенные в бой прямо с автомобилей резервы. Особенно отличились 27-й пехотный Витебский полк, 57-й пехотный Модлинский полк, 7-я и 10-я артиллерийские бригады, 1-й и 2-й пограничные Заамурские конные полки. 21 июня с подходом 6-й Сибирской стрелковой дивизии кризис был окончательно преодолен.

В эти нелегкие дни Алексей Алексеевич писал жене: «На фронте моем чрезвычайно тяжело. Несу громадные потери и атакуют нас сильно… Держимся и удерживаем захваченное… но вперед двигаться не можем. Хочу, однако, попробовать и завтра перейду в общее наступление. Не рассчитываю на особую удачу, но кое-где, может быть, удастся и, во всяком случае, это лучше, чем стоять на месте и отбиваться. Надеюсь, что станет легче, так как итальянцы перешли в наступление. Французы тоже, а сегодня и Эверт раскачался. Один Куропаткин все сомневается и не решается… Настолько решающее время: кто выиграет войну? Ни о чем другом думать не могу. Работаю и весь поглощен своим тяжким долгом».

Обещанное в этом письме наступление действительно состоялось. Испытанная 8-я и «новая» для Юго-Западного фронта 3-я армия Л.В. Леша были нацелены на Ковель. «Дебют» 3-й армии получился удачным, но только отчасти — разгромленная у Галузии, Волчецка и Маневичей группа Гауэра добита не была и смогла закрепиться на рубеже реки Стоход. В 8-й армии успешно действовали 1-й Туркестанский корпус С.М. Шейдемана и 30-й корпус А.М. Зайончковского. 25 июня войска Линзингена отошли за Стоход, который на другой день был форсирован русскими. Во время преодоления водной преграды особенно отличились 7-й и 8-й Туркестанские стрелковые полки, которые преодолели семь рукавов Стохода под ураганным огнем врага, и 283-й пехотный Павлоградский полк, командир которого, кавалер Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й степени полковник Павел Григорьевич Канцеров первым перебежал Стоход по горящему мосту. Общие потери противника в стоходских боях составили более 40 тысяч человек, 671 вражеский офицер и 21 145 солдат попали в плен, было взято 55 орудий, 16 минометов и 93 пулемета.

Развить Стоходскую победу Брусилову помешало отсутствие резервов. Уже 27—28 июня войска Линзингена отбросили туркестанских стрелков на правый берег Стохода. Вторичная попытка форсировать реку не удалась, но и у немцев уже не было

сил развивать наступление. К концу июня общее число пленных, захваченных русскими войсками, составило уже 272 тысячи человек…

…В конце июня, в те дни, когда «второстепенный» Юго-Западный фронт вписывал на полях Волыни славные страницы в русскую военную историю, наконец вступил в бой и «первостепенный» в глазах Ставки Верховного главнокомандующего фронт — Западный. Его 4-я армия под командованием генерала от инфантерии А.Ф. Рагозы в течение 20—25 июня отчаянно и самоотверженно пыталась штурмовать успевшие за год «закаменеть» германские позиции под Барановичами и развить наступление на Брест-Литовск. Но наступление обернулось лишь крошечным тактическим успехом и громадными потерями — 50 тысяч убитых, 70 тысяч раненых. Только 26 июня Ставка, убедившись в невозможности прорыва германской линии обороны под Барановичами, наконец отказалась от химеры «ударного» наступления в Белоруссии и, предписав Эверту «энергично удерживать врага», передала инициативу Брусилову Только 26 июня, через месяц после начала победоносного наступления, главкому Юго-Западного фронта развязали руки, признав его направление приоритетным… «Раньше середины июля генерал Брусилов не смог возобновить своего наступления, — писал А.А. Керсновский. — Неприятелю было подарено три недели, драгоценные три недели, за которые он накопил силы, устроил войска, подтянул резервы и превратил долину Стохода и Ковельский район — и так трудно проходимый от природы — в неприступную крепость».

Но при этом, передавая Юго-Западному фронту ведущую роль, Ставка ориентировала его на заведомо невыигрышное направление — на Ковель и далее на Брест-Литовск и Пружаны, в тыл Пинской группы войск противника. Войскам Брусилова предстояло схватиться с отборными вражескими дивизиями, расположенными в практически непроходимом районе. В преддверии нового наступления в начале июля на Юго-Западный фронт прибыли подкрепления — Гвардейский отряд генерала В.М. Безобразова, 3-й армейский и 4-й Сибирский армейский корпуса. Однако даже с этими пополнениями русские войска ненамного превосходили противника по численности — 63 русские пехотные дивизии против 63,5 австро-германских, 21 русская кавалерийская дивизия против 14,5 вражеских. К тому же австро-германские войска успели капитально закрепиться на своих позициях, а по числу орудий превосходили русские более чем вдвое…

Первой атаковала противника 11-я армия В.В. Сахарова. 3

июля 1916 года она семью корпусами пошла в наступление на фронте реки Стыри и в дальнейшем не выходила из боев на протяжении двенадцати дней. Трофеями армии стали 58 орудий, 36 минометов и бомбометов, 49 пулеметов, в плен попало 762 офицера и 30 387 солдат противника. 15 июля к 11-й армии присоединились остальные войска Юго-Западного фронта. Относительно успешно действовала 3-я армия Л.В. Леша, столкнувшаяся через четыре дня с сильным сопротивлением врага. Удачно работал Гвардейский отряд Безобразова, в частности, 2-й Гвардейский корпус генерала Г.О. Рауха, захвативший в плен 2 генералов, 400 офицеров, 20 тысяч солдат и взявший 56 орудий. Правда, Безобразов не дал своим войскам воспользоваться плодами победы и не развил наступление.

Вновь отличилась 8-я армия А.М. Каледина — 15 июля в сражении при Кошеве 8-й и 40-й корпуса после 15минутной артподготовки в течение трех часов полностью разгромили 4-ю австро-венгерскую армию (от нее уцелело только 6 тысяч человек). Блестяще действовали 55-й пехотный Подольский и 56-й пехотный Житомирский полки, каждый из которых вышел победителем из боя с дивизией противника, 15-й и 16-й стрелковые полки. В русский плен попали 2 генерала, 320 офицеров, 9 тысяч солдат, было захвачено 46 орудий и 90 пулеметов…

К сожалению, развить эту победу помешал своей армии ее командующий — А.М. Каледин. Находясь далеко от линии фронта, он узнал о блестящем успехе своих войск слишком поздно и приказал продолжать наступление лишь 17 июля. Но к этому времени противник уже успел залатать образовавшуюся на месте исчезнувшей 4-й австро-венгерской армии дыру. Попытка 3-й и 8-й армий и Гвардейского отряда атаковать на Ковельском направлении 26—29 июля успеха уже не принесла (после этой неудачи 3-я армия была снова передана Западному фронту). Особенно тяжелые потери понесли гвардейцы, сражавшиеся воодушевленно, но неумело, и к тому же возглавляемые командирами, не имевшими опыта реальных боевых действий. Сменить их Брусилов не имел права, так как гвардейские командиры назначались лично императором. Только после настойчивых просьб Брусилова, обращенных к М.В. Алексееву, на основе Гвардейского отряда была сформирована новая Особая армия, которую 14 августа возглавил талантливый и энергичный генерал от кавалерии В.И. Гурко — человек, которого не хватало Юго-Западному фронту еще в мае.

9-я армия П.А. Лечицкого 15—16 июля отбросила стоящего перед собой противника, но наступление не развила. Ответный

удар австро-венгерской армии Пфланцер-Балтина последовал 20 июля, и на протяжении шести дней войска Лечицкого отражали атаки. 7-я армия Д. Г Щербачева вела бои местного значения с Южной германской армией. В конце июля трем южным армиям фронта — 7-й, 9-й и 11-й — было приказано объединить усилия: войска Сахарова и Лечицкого должны были ударить по флангам германской группировки, сковывавшей армию Щербачева. Эта общая операция закончилась успехом русских войск, которые к началу августа захватили около 50 тысяч пленных.

Положение, которое сложилось на Юго-Западном фронте к августу, А.А. Брусилов описывал так: «К 1 августа для меня уже окончательно выяснилось, что помощи от соседей, в смысле их боевых действий, я не получу; одним же моим фронтом, какие бы мы успехи ни одержали, выиграть войну в этом году нельзя. Несколько большее или меньшее продвижение вперед для общего дела не представляло особого значения; продвинуться же настолько, чтобы это имело какое-либо серьезное стратегическое значение для других фронтов, я никоим образом рассчитывать не мог, ибо в августе, невзирая на громадные потери, понесенные противником, во всяком случае большие, чем наши, и на громадное количество пленных, нами взятых, войска противника перед моим фронтом значительно превысили мои силы, хотя мне и были подвезены подкрепления. Поэтому я продолжал бои на фронте уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно более сберегать людей, а лишь в той мере, которая оказывалась необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам — итальянцам и французам».

Относительно того, что интенсивность боев на фронте уже не была прежней, Брусилов покривил душой — была она по-прежнему высокой, просто результативность этих сражений далеко уже не могла сравняться с майскими победами. 16 августа 1916 года все армии Юго-Западного фронта одновременно перешли в наступление. Атака 8-й армии на Ковель закончилась безрезультатно, 11-я армия имела тактический успех у Зборова. 9-я армия П.А. Лечицкого вела тяжелые встречные бои с армией Пфланцер-Балтина. Удачнее всего августовское наступление сложилось для 7-й армии Д.Г. Щербачева, которая после восьмичасовой артподготовки прорвала австро-венгерский фронт на реке Золотая Липа, а 25 августа отбросила германскую Южную армию и поддерживавшие ее две турецкие дивизии за реку Гнилая Липа. Потери противника в сражении на двух Липах были огромны — так, 13-й австро-венгерский корпус из десяти тысяч бойцов потерял девять, все его дивизии были сведены в

батальоны. Русские войска взяли 29 тысяч пленных, 25 орудий, 30 минометов и 200 пулеметов.

Сентябрь для Юго-Западного фронта начался неудачно. С 1 по 7 сентября 8-я армия А.М. Каледина снова пыталась наступать на Ковель, но потеряла 30 тысяч человек убитыми и ранеными и не достигла успеха. То же касалось 11-й армии. Только теперь Ставка Верховного главнокомандующего начала разочаровываться в Ковельском направлении, и М.В. Алексеев рекомендовал Брусилову перенести «центр тяжести» его фронта на юг — сделать ударными армиями 7-ю и 9-ю, тем более что этого требовала стратегическая обстановка (14 августа в войну на стороне России вступила Румыния). Но Брусилов непонятно по какой причине пренебрег советами Алексеева и уже в пятый раз попытался взять Ковель, одновременно поручив наступать и южным армиям своего фронта. Ковельское направление усилила переброшенная с Западного фронта Особая армия, командовал которой генерал от кавалерии В.И. Гурко.

В итоге 7-я армия Д.Г. Щербачева попыталась атаковать Львовское направление, схватившись под Диким Ланом с отборными турецкими войсками, а 8-я армия А.М. Каледина и Особая армия В.И. Гурко 19 сентября безрезультатно атаковали неприятельские позиции у Ковеля. Штурм этот, как и предыдущие, велся с большим мужеством (56-я и 104-я пехотные дивизии атаковали вражеские окопы 12 раз подряд), но закончился безрезультатно. Теперь Ставка уже настоятельно порекомендовала А.А. Брусилову прекратить бесплодные попытки овладеть Ковельским районом и сосредоточить внимание на Буковине и Карпатах. И снова, уже во второй раз главнокомандующий Юго-Западным фронтом упрямо игнорировал рекомендации Ставки. Он лишь реформировал управление своими войсками, включив 8-ю армию в состав Особой. Теперь в подчинении В.И. Гурко находилось целых 12 пехотных и 2 кавалерийских корпуса. Эту огромную воинскую структуру Гурко условно разделил на северную и южную группы — и снова энергично попытался штурмовать Ковель. Шестая попытка (25—28 сентября) оказалась такой же бесплодной, как предыдущие…

В октябре—ноябре 1916 года центр тяжести Юго-Западного фронта наконец сместился на юг, где растянутая на 300 верст 9-я армия П.А. Лечицкого вынуждена была бороться с 3-й и 7-й австро-венгерской армиями. Ее положение осложнялось тем, что Лечицкий вынужден был помогать союзным румынским войскам, сразу же оказавшимся в очень сложном положении. Героизм 9-й армии на целый месяц отсрочил падение Бухареста. Но Юго-

Западный фронт просто физически не мог «держать на себе» всю Украину и Румынию, и в конце концов 24 ноября по настоянию Брусилова был создан новый фронт — Румынский (4-я, 6-я и 9-я армии), во главе которого формально встал король Румынии Фердинанд I, а фактически — генерал от кавалерии В.В. Сахаров. Стабилизировать положение на Румынском фронте удалось лишь к самому концу 1916-го…

…Кампания Юго-Западного фронта 1916 года получила различные оценки военных историков. Со временем вокруг Брусиловского прорыва, как и вокруг каждой легендарной боевой операции, сложился некий миф, ныне воспринимаемый многими как аксиома. В кратком изложении этот миф звучит так: Брусиловский прорыв стал колоссальным успехом русской армии, оказавшим решающее влияние на дальнейший ход войны, австро-венгерская армия была фактически разгромлена, а А.А. Брусилов показал себя блестящим полководцем суворовской школы, не знавшим ни одного поражения.

Нечего и говорить, что эта предельно упрощенная картина неверна. Такой миф сложился во многом на основе мемуаров самого А.А. Брусилова и был окончательно сформирован советскими военными историками в 1940—1980-х годах. Тогда Брусилов был единственным русским полководцем Первой мировой, чье имя можно было активно упоминать и пропагандировать в печати, и неудивительно, что авторами подчеркивались именно достоинства военачальника, а не его недостатки. Однако истинное уважение к памяти любого военного деятеля состоит в том, чтобы помнить все стороны его деятельности, а ошибкам уделять не меньше внимания, чем достижениям…

Бесспорно, Брусиловский прорыв стал единственной за все время Первой мировой войны удачной стратегической наступательной операцией с прорывом сильно укрепленных позиций противника. Это признают военные историки всего мира, и недаром само словосочетание «Брусиловский прорыв» официально принято в историографии всех стран — участниц Первой мировой войны. Ни один полководец тех лет, кроме Брусилова, не удостоился того, чтобы наступательная операция была названа в его честь, а не в честь местности, в которой она проводилась. Во многом новаторским было само осуществление операции — тщательная подготовка к ней, четкое взаимодействие различных родов войск между собой, взаимосогласованные действия разных армий одного фронта. Русские войска показали примеры высокого воинского духа, мужества, несгибаемой стойкости. Прекрасно проявили себя и командующие армиями

Юго-Западного фронта — в первую очередь П.А. Лечицкий, затем В.И. Гурко, В.В. Сахаров, Д.Г. Щербачев и А.М. Каледин. К сожалению, в дальнейшем их имена оказались полностью в тени имени Брусилова. Этому способствовали и личные судьбы талантливых военачальников: Каледин покончил с собой в 1918 году, Сахаров был расстрелян в 1920-м, вступивший в Красную армию Лечицкий умер в тюрьме в 1921-м, а Щербачев и Гурко закончили свои дни в эмиграции…

В ходе операции русскими войсками были заняты Буковина, Волынь и часть Галиции. Огромны были и трофеи, взятые русской армией летом 1916 года. В плен попало 8924 офицера, 408 тысяч солдат, было захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Общие потери противника составили около 800 тысяч человек, в том числе 200 тысяч убитыми и ранеными. Стратегическим последствием Брусиловского прорыва было вступление в Первую мировую войну Румынии на стороне Антанты. Брусиловский прорыв значительно облегчил положение западных союзников Российской империи — с итальянского и французского фронтов на Юго-Западный были переброшены 34 дивизии.

Однако говорить о Брусиловском прорыве как об операции, изменившей весь ход войны, все же неправомерно. Как бы ни был силен урон, нанесенный австро-венгерской армии, она сумела восстановить положение и к концу 1916 года разгромить Румынию. Урон, который понесли в ходе боев 1916-го русские войска, тоже был огромным: 116 тысяч убитых, 673 тысячи раненых и больных, 96 тысяч пропавших без вести.

Что касается полководческого таланта главкома Юго-Западного фронта, то бои второй половины лета 1916 года свидетельствуют о том, что А.А. Брусилов фактически перестал адекватно оценивать обстановку на своем фронте. Такое утверждение может показаться излишне жестким, но как еще объяснить две попытки Брусилова овладеть неприступным Ковельским районом уже после того, как Ставка Верховного главнокомандующего указала главкому на другое, более выгодное направление?.. Ковель уже превратился для Брусилова в самоцель, и ничем иным, кроме как упрямством главкома фронта и его желанием «утереть нос Ставке», точнее, императору и М.В. Алексееву, продолжение Ковельского сражения не объяснить. Об этом периоде в полководческой биографии Брусилова обычно стараются не упоминать, не случайно во многих книгах о нем рассказ о действиях Юго-Западного фронта заканчивается июлем 1916-го. А ведь кровавая Ковельская бойня продолжалась еще два месяца — весь август и весь сентябрь!..

Военный историк А.А. Керсновский так оценивал значение Брусиловского прорыва: «Стратегического решения это политически выгодное и тактически удавшееся наступление не принесло. Сперва его не требовали, а затем его не сумели добиться. Для России и русской армии вся эта грандиозная наступательная операция в конечном счете оказалась вредной.

Победы мая—июня были утоплены в крови июля—октября. Было перебито 750 000 офицеров и солдат — и как раз самых лучших. Превосходный состав юго-западных армий был выбит целиком… Заменить их было некем…

Была упущена последняя возможность окончить войну выводом из строя Австро-Венгрии, предупредив этим близившиеся великие внутренние потрясения. Враг содрогнулся от страшного удара. Ему дали время оправиться, а затем стали наносить удары в самые крепкие его места, вместо того чтобы бить в самые слабые. И лавры Луцка сменились терновым венцом Ковеля…»

В то же время А.А. Керсновский в своем труде отводит все упреки, адресуемые А.А. Брусилову: «Брусилова обвиняют в том, что, произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Использовать прорыв было делом не главнокомандующего Юго-Западным фронтом (которому было указано только демонстрировать), а Ставки. Ставка же оказалась совершенно неспособной принять полководческое решение и упустила все предоставлявшиеся возможности». Об этом же с горечью писал и сам Брусилов: «Если бы у нас был настоящий верховный вождь и все главнокомандующие действовали по его указу, то мои армии, не встречая достаточно сильного противодействия, настолько выдвинулись бы вперед и стратегическое положение врага было бы столь тяжелое, что даже без боя ему пришлось бы отходить к своим границам, и ход войны принял бы совершенно другой оборот, а ее конец значительно бы ускорился».

Но так или иначе, Брусиловскому прорыву суждено было остаться в истории русского военного искусства как наиболее выдающейся стратегической операции Первой мировой войны. Да и на уровне массового сознания Алексей Алексеевич Брусилов закрепился в народной памяти как герой. Во всяком случае, именно его в России вспоминают в первую очередь, если речь заходит о сражениях Первой мировой. «Каковы бы ни были его последовавшие заблуждения, вольные или невольные, Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову, — писал А.А. Керсновский. — Когда после несчастий пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую

веру в русского офицера и русского солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед».

…Заканчивался 1916-й, год всероссийской и всемирной славы Брусилова, громких его побед — и одновременно год его полководческих ошибок, год жестоких разочарований в главкомах соседних фронтов и верховном руководстве русской армии, год глубокой обиды на тех, кто помешал ему окончательно разгромить противника. Можно спорить о том, когда именно А.А. Брусилов начал разочаровываться в личности Верховного главнокомандующего — императора Николая II. Скорее всего, это чувство возникло на фоне изначально сдержанного отношения государя к Брусилову. Будучи о себе высокого мнения, Алексей Алексеевич считал, что его недооценивают — и его в принципе вполне можно понять. Например, когда 8-я армия Юго-Западного фронта в августе 1914 года одержала первые успехи, командующего буквально завалили поздравительными телеграммами. Бывший тогда Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич, например, прислал такую: «Поздравляю, целую, обнимаю, благословляю». А сдержанная телеграмма от императора пришла лишь через несколько дней. «Такие впечатления не сглаживаются, и я унесу их с собой в могилу», — вспоминал Брусилов об этом случае.

Но еще больнее уязвила полководца ситуация с его несостоявшимся награждением орденом Святого Георгия 2-й степени. Эту награду он должен был получить по итогам Брусиловского прорыва по представлению Георгиевской думы. Но представление не утвердил лично Николай II. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался император, когда не разрешал награждать Брусилова этим орденом. Вполне вероятно, что он просто не хотел «перехваливать» и без того популярного военачальника, амбиции которого ему были хорошо известны. В результате 20 июля 1916 года Брусилов получил Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами. Награда тоже очень почетная, высокая и редкая (за всю войну ее удостоились всего восемь человек), вот только на Юго-Западном фронте она уже была у двух военачальников, подчиненных Брусилову — генерала от инфантерии П.А. Лечицкого и генерал-лейтенанта С.Ф. Добротина. И Брусилов наверняка воспринял эту награду как унижение…

Личная обида накладывалась на нервное ожесточение после длинных и часто бессмысленных переговоров со Ставкой, на раздражение против «соседей» — императорских фаворитов Эверта и Куропаткина, на видимые невооруженным глазом

недостатки в снабжении армии, на слухи, а позднее — возмущенные разговоры в полный голос о засевшей в правительстве «немецкой партии» и императрице-изменнице… Словом, во второй половине 1916 года Алексей Алексеевич уже вполне разделял самые распространенные среди верхушки русской армии убеждения. Они сводились к тому, что внутренняя политика России — «никуда не годная», что императрица Александра Федоровна и Распутин оказывают на Николая II гибельное влияние, а с ролью Верховного главнокомандующего император не справился. В октябре Брусилов изложил свое видение дела великому князю Георгию Михайловичу, который вполне согласился с генералом и тут же написал подробное письмо императору. Содержание этого письма Брусилов передает в мемуарах так: «В такое время, какое мы переживаем, правительству нужно не бороться с Государственной думой и общественным мнением и не отмахиваться от желания всего народа работать на пользу войны, а всеми силами привлекать всех сынов отечества для того, чтобы пережить эту страшную военную годину; что не только можно, но и необходимо дать ответственное министерство, так как вакханалия непрерывной смены министров до добра довести не может, а отстранение от дружной работы общественных сил на пользу войны поведет ее по меньшей мере к проигрышу». Однако никакой реакции на это письмо не последовало. Ничем закончился и разговор Брусилова в январе 1917 года с братом Николая II великим князем Михаилом Александровичем. Тогда генерал «резко и твердо обрисовал положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которых современная жизнь неумолимо требует». В ответ великий князь сказал, что уже не раз пытался говорить с братом на эту тему, но всегда безуспешно…

…К началу 1917 года Юго-Западный фронт генерала от кавалерии А.А. Брусилова включал в себя 11-ю армию (командующий — генерал от инфантерии В.Н. Клембовский), 7-ю армию (генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев) и 8-ю армию (генерал от кавалерии А.М. Каледин). О планах фронта на новый год главком сообщил в Ставку Верховного главнокомандующего 1 декабря 1916-го. По мысли Брусилова, его фронт должен был взять на себя основную роль в кампании предстоящего года. Главный удар на Львов поручался 7-й и 11-й армиям, Особая и 3-я армия были ориентированы на Владимир-Волынский и Ковель, 8-я армия должна была содействовать румынской армии в Карпатах. Во время совещания в Могилёве 17—18 декабря Брусилов попытался провести свою идею в жизнь, но встретил сильное противодействие главкомов Западного и Северного

фронтов — А.Е. Эверта и Н.В. Рузского. В итоге совещание окончилось ничем, что произвело на Брусилова удручающее впечатление: «Я уехал очень расстроенный, ясно видя, что государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и без командира».

Неудивительно, что 2 марта 1917 года, в день, когда решалась судьба Николая II, Брусилов выступил единым фронтом с теми, кто сделал все для того, чтобы монарх не смог больше оставаться на троне. Текст телеграммы, отправленной главнокомандующим Юго-Западным фронтом главному координатору отречения М.В. Алексееву, гласил: «Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет — отказаться от Престола в пользу Государя наследника Цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. Генерал-адъютант Брусилов».

Брусилов искренне надеялся на то, что отречение императора волшебным образом встряхнет страну, улучшит ее во всех смыслах, поможет выиграть войну в кратчайшие сроки. Заблуждение, за которое миллионы людей заплатили впоследствии судьбой, честным именем, жизнью своей и своих близких, будущим страны…

У людей, вставших у руля новой «демократической» России, Брусилов пользовался немалым авторитетом, и это понятно — он был известным и популярным в стране военачальником, автором самой громкой победы 1916 года. Неудивительно, что кандидатура Алексея Алексеевича после Февральского переворота сразу же была выдвинута Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего. Мотивируя свой выбор, М.В. Родзянко писал: «Для меня совершенно ясно, что только Юго-Западный фронт оказался на высоте положения. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкого полета мысли и ясного понимания дела, которая руководит всем этим движением. Я имею в виду генерала Брусилова, и я делаю из наблюдений моих при многочисленных своих поездках по фронту

тот вывод, что единственный генерал, совмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно генерал Брусилов». Но против этого возразил А.И. Гучков, продвигавший свою креатуру — М.В. Алексеева. В итоге после своеобразного «междуцарствия» Верховным путем голосования высших военачальников выбрали все же Алексеева (Брусилов отозвался о нем так: «По своим знаниям подходит вполне, но обладает важным недостатком для военачальника — отсутствием силы воли и здоровья после перенесенной тяжелой болезни»). Брусилов остался на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом и 11 марта 1917 года в Бердичеве вместе со своими войсками принес присягу Временному правительству…

Началась служба в «армии свободной России» (такое название носили русские вооруженные силы в марте—ноябре 1917 года). В каждой армейской части был создан комитет, обладавший всей полнотой власти и имевший право отменить приказ командира, началось массовое отстранение от должностей офицеров, не вызывавших доверие у солдат, мутным потоком хлынула в армию антивоенная пропаганда… Очень быстро началось противостояние между офицерским корпусом и солдатами. Сам Брусилов в мае 1917 года так описывал состояние офицеров своего фронта: «15—20% офицеров быстро приспособились к новым порядкам по убеждению. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75% не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать».

Высшие военачальники реагировали на грандиозные перемены в жизни страны и своих войск также по-разному. Кто-то, будучи верным старой присяге, не пожелал служить Временному правительству и подал в отставку (таких было очень немного), кто-то пытался командовать «по-старому» и был отстранен начальством или подчиненными за симпатии к «проклятому царизму». А кто-то пытался встроиться в новую реальность: надел на китель красный бант, обтянул кокарду «романовских цветов» красной материей, здоровался с солдатами за руку, произносил речи на митингах… Мотивы при этом, понятно, были самые разные. Одни, страшась революции и ее последствий, старались угодить новой власти, зарекомендовать себя лояльным и чувствующим «требования момента», другие надеялись вместо дивизии получить корпус, а вместо корпуса — армию, третьим было все равно кому служить, четвертые уже

давно ждали перемен и искренне надеялись на какое-то быстрое волшебное обновление всех сфер российской жизни, в том числе и армейской. А многие руководствовались тем соображением, что Родину нужно защищать при всяком правительстве — война-то продолжается, и если не мы, то кто же?..

К какой категории относился Алексей Алексеевич Брусилов?.. Можно предположить, что он радовался отстранению от власти Николая II и одновременно огорчался падению монархии, страшился неизведанного и в глубине души надеялся на повышение, надеялся «встряхнуть» застоявшуюся армию и встретить в 1917-м желанную Победу… Многое намешано в человеке, и очень просто замазать его какой-то одной краской: черной, белой или красной.

Очень точно о Брусилове весны—лета 1917 года сказал современный военный историк В.Н. Суряев: «Есть люди, которые в период более или менее стабильной обстановки в стране, являясь частью государственного аппарата, добросовестно выполняют свои обязанности. Но когда происходят экстраординарные события, например революция, привычный жизненный уклад рушится. В этой ситуации они начинают подстраиваться к новым политическим реалиям… Отсутствие гражданского мужества в сочетании с беспринципностью не позволяли им даже критиковать анархию, захлестнувшую армию и страну. О том же, чтобы противодействовать хаосу и подвергнуться тем самым обвинениям в контрреволюционности, не могло быть и речи: это грозило опасностью для жизни».

Свою позицию главнокомандующий Юго-Западным фронтом четко обозначил в интервью корреспонденту газеты «Новое время», данном 9 марта. Тогда Брусилов сообщил, что, по его мнению, в армии до окончания войны «не должно существовать никаких партийных или политических споров». Однако на деле придерживаться этой единственно верной позиции оказалось крайне сложно — политика уже хлынула в армию, и Брусилову приходилось считаться с новой обстановкой. Насколько это удавалось, можно судить хотя бы по таким примерам — уже в начале марта солдаты Юго-Западного фронта выходили на митинги с плакатами «Да здравствует народный герой генерал Брусилов!», а вступительную речь генерала на съезде фронтовых комитетов 7 мая встретили такими овациями, что сам Брусилов с трудом убедил присутствующих перестать аплодировать…

Впрочем, у большинства высших и старших офицеров такая готовность Брусилова служить новой власти вызывала только отторжение. Биограф А.И. Деникина Д.В. Лехович писал: «Безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова,

его погоня за революционной репутацией лишали командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке». А генерал-майор А.В. Геруа относил Брусилова к числу людей, которые «перекрашивались в соответственные модные цвета, не останавливаясь даже перед разложением государственной вооруженной силы».

Сам Брусилов старался не обращать внимания на кривотолки и заниматься прямыми обязанностями — руководством боевой работой фронта. Поначалу главком был настроен вполне оптимистично, во всяком случае, на военном совете Юго-Западного фронта 18 марта 1917 года было принято главное решение: «Армии желают и могут наступать». Это мнение разительно контрастировало с пессимизмом главкомов других фронтов. В рапорте, направленном в Ставку 20 марта, Брусилов настаивал на том, что «мы должны атаковать противника, так как это единственный выход при создавшейся обстановке. При обороне мы будем непременно разбиты, ибо противник легко может прорвать наше расположение в любой точке, — и тогда мы все потеряли». Эта убежденность Брусилова в силах своего фронта заставила Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева поверить ему, и 30 марта была отдана директива о подготовке нового наступления.

Однако провести эту директиву в жизнь оказалось крайне сложно. Армией руководили уже не дисциплина и не стремление разгромить противника, а политические реалии момента. Описывая свое посещение 3-й Заамурской пехотной дивизии, Брусилов 24 апреля 1917 года сообщал военному министру А.И. Гучкову: «Я лично убедился, что разрушительная пропаганда мира пустила глубокие корни и тлетворно отразилась на духе этой, прежде геройской, дивизии. Солдаты отрицают войну, не хотят и думать о наступлении и к офицерам относятся с явным недоверием, считая их представителями буржуазного начала. Такое состояние частей действует на соседей, как зараза». В одном из полков Брусилов услышал вполне откровенное высказывание одного из солдат: «Зачем теперь мы будем умирать? Нам дана свобода, обещана земля, зачем же мы будем калечиться? Нам надо сохранить себя, и мы и семьи наши будут этим довольны. Нам нужен мир».

В итоге 1 мая 1917 года на совещании главкомов фронтов в Могилёве Брусилов высказал убеждение, что наступление на его фронте возможно не ранее чем через полтора месяца. А три дня спустя вместе с коллегами он принял участие в совещании Временного правительства в Петрограде, на котором русские военачальники пытались убедить нового военного и морского

министра А.Ф. Керенского не подписывать Декларацию прав солдата и гражданина — документ, окончательно лишавший офицерство власти над солдатской массой. Тем не менее декларация, этот «последний гвоздь в гроб старой русской армии», была принята…

12 мая на Юго-Западный фронт прибыл Керенский. В то время нового военного министра России многие с иронией называли «главноуговаривающим» — главная функция Керенского сводилась к произнесению зажигательных речей перед войсками. Поскольку популярность министра в то время была на пике, солдаты с удовольствием слушали Керенского и дружно клялись ему умереть за Родину и свободу. О дальнейшем Брусилов писал так: «Солдатская масса встречала его восторженно, обещала все, что угодно, и ни разу не выполнила своего обещания».

Тем не менее тесное общение с Керенским сказалось на карьере Брусилова в самые краткие сроки. Убедившись в «недостаточной революционности» Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева, Керенский 22 мая настоял на его отставке и замене его Брусиловым. Иными словами, Алексей Алексеевич получил тот пост, на который его продвигали еще три месяца назад. Впоследствии Керенский вспоминал: «Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознававших свою ответственность за судьбу страны… По главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали, и мы оба полностью отвергали господствующую в верхних эшелонах власти идею, что “русской армии больше не существует”. Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости наконец проявить мужество и взять на себя риск. В ту поездку в Тарнополь мы успели обговорить много важных вопросов, связанных с предстоящим наступлением, и я тогда же решил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать от Алексеева Брусилову».

Со сложными чувствами генерал принимал высшую в русской армии должность. Брату Борису он писал: «Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ищу, но

от всей души желаю и имею лишь одну цель — спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны…

У меня глубокая внутренняя убежденность, что мы победим и с честью выйдем из титанической борьбы. В таком тяжелом положении Россия еще никогда не была, но чувствую, что мы выйдем из него обновленными и крепкими и все устроится хорошо. Старое правительство действовало безумно и довело нас до края гибели, и это безумие ему простить нельзя. Затхлая и невыносимо гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно, чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная Россия с ее лучезарным будущим. Теперь же Россия больна, но этого пугаться не нужно, ибо ее здоровый организм вынесет эту болезнь, необходимую для ее развития».

Был ли генерал искренен в этом письме?.. В какой-то степени безусловно да. В то время Брусилов еще верил в свою способность совместить в войсках революцию и дисциплину и привести страну к победе. Иначе не санкционировал бы формирование принципиально новых армейских частей — ударных, созданных на добровольческой основе. По мысли Брусилова, они должны были составить костяк новой, «здоровой» русской армии. И одновременно, всей душой веря в светлое будущее, Алексей Алексеевич не мог не понимать, что Россия и армия катятся в пропасть. Именно в такой момент отчаяния он признался Деникину:

— Антон Иванович, думаете, мне не противно постоянно размахивать красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю.

Военный историк А.А. Керсновский так комментирует эти фразы: «По Брусилову выходило, что для успешного лечения болезни врач должен сам притвориться больным. Эта тактика разделялась очень многими старшими начальниками. Она оказалась ошибочной и не дала решительно никаких результатов». Но это стало понятно много позже, а тогда, угарным летом 1917-го, Брусилову предстояло работать в условиях, в которые он был поставлен…

Сам Брусилов впоследствии так вспоминал это время: «Я вполне сознаю, что с самого начала революции я мог и неизбежно делал промахи. При таких трудных обстоятельствах, как война и революция в одно время, приходилось много думать о своей позиции, для того чтобы быть полезным своему народу и родине. Среди поднявшегося людского водоворота, всевозможных течений — крайних правых, крайних левых, средних и т. д., среди разумных людей, увлекающихся честных идеалистов, негодяев, авантюристов, волков в овечьих шкурах, их интриг и

домогательств — сразу твердо и бесповоротно решиться на тот или иной образ действий было для меня невозможно.

Я не гений и не пророк и будущего твердо знать не мог; действовал же я по совести, всеми силами стараясь тем или иным способом сохранить боеспособную армию. Я сделал все, что мог, но, повторяю, я не гений и не оказался в состоянии привести сразу в полный порядок поднявшуюся народную стихию, потрясенную трехлетней войной и небывалыми потерями. Спрашивается, однако: кто же из моих соседей мог это исполнить? Во всяком случае, мой фронт держался твердо до моего отъезда в Могилёв, и у меня не было ни одного случая убийства офицеров, чем другие фронты похвастаться не могли. А затем могу сказать, что войска верили мне и были убеждены, что я — друг солдата и ему не изменю. Поэтому, когда бывали случаи, что та или иная дивизия или корпус объявляли, что более на фронте оставаться не желают и уходят домой, предварительно выгнав свой командный состав и угрожая смертью всякому генералу, который осмелится к ним приехать, — я прямо ехал в такую взбунтовавшуюся часть, и она неизменно принимала меня радостно, выслушивала мои упреки и давала обещание принять обратно изгнанный ею начальствующий состав, слушаться его и не уходить с позиции, защищаясь в случае наступления противника».

…24 мая 1917 года в Каменец-Подольске Брусилов попрощался с работниками штаба Юго-Западного фронта и отбыл к новому месту службы — в Могилёв. Выразительную картину встречи нового Верховного главнокомандующего в Ставке оставил А.И. Деникин: «Могилёв принял нового Верховного Главнокомандующего — необычайно сухо и холодно. Вместо обычных восторженных оваций, так привычных “революционному генералу”, которого толпа носила по Каменец-Подольску в красном кресле, — пустынный вокзал и строго уставная церемония. Хмурые лица, казенные фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкие, но характерные эпизоды еще более омрачили наше настроение. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным израненным командиром их, полковником Тимановским и офицерами и долго жал руки солдат, посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые “на караул”».

Первый приказ нового Верховного гласил: «Скоро три года, что мы ведем эту беспримерную войну, которую пора кончить, и свободная наша Россия имеет право требовать от своих революционных армий и фронта полного напряжения всех наших

сил и средств, дабы разбить коварного и непреклонного врага… Я призываю вас, всех русских воинов, сплотиться вокруг красного стяга с девизом: “свобода, равенство и братство” и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм, давящий своей безумной тяжестью народы всего мира… Итак, будьте готовы жертвовать собой, чтобы закрепить во что бы то ни стало наше достояние, а там, где это окажется нужным, по первому приказу, броситься на врага и разбить его».

11 июня 1917 года в газете «Утро России» была опубликована статья журналиста Т. Ардова, побывавшего в Ставке и встретившегося с новым Верховным главнокомандующим. «Почему-то я привык представлять себе Брусилова высоким человеком, — писал Ардов. — А он ростом невелик. И это поразило меня. Впрочем, и весь он поразил меня — вся его сухая и удивительно пропорциональная и оттого кажущаяся легкой и моложавой фигура и особенно его лицо, тоже сухое, нервное, худое, подтянутое, с впалыми щеками… Хотя лицо у А.А. Брусилова не длинное, с большим, четко очерченным лбом, захватывающим с боков часть черепа, на голове, выдаваясь мыском вперед ровной щеткой, густо торчат почти седые волосы. Но что особенно поразило меня, это взгляд его серых глаз… глаза Брусилова горят каким-то странным огнем, когда он улыбается… Смысл его слов… все “образуется”, нужны только такт, умение и смелость… Как, неужели только он, вот этот маленький сухонький человек, этот скромный, обыкновенный генерал, не блещущий ни академической ученостью, ни величием государственной карьеры, один только знает, как спасти армию, один только нащупал правильный путь? Должен сказать, что во многих кругах эта смелость вызывает сомнение. Качают головами: “Дай Бог ему, но только…” и не договаривают… А я сидел и задавал себе вопрос: “Ведь если взялся, так, значит, знает? Ведь иначе-то не может быть”. А он все повторял: “Я не пророк. Я только исполняю долг, а остальное не от нас. Но уповаю, что все будет успешно…” Я не знаю, что будет. Может быть, упования генерала не сбудутся. “Это не от нас”. А.А. Брусилов взял управление армией в такую минуту, при таких условиях, что если даже успех и не увенчает его работу, вина не на нем. Все равно, даже тогда он принесет пользу России».

Главной заботой Брусилова на посту Главковерха стала подготовка давно обещанного союзникам по Антанте летнего наступления. Сроки его постоянно сдвигались. В каком состоянии находились русские армии, которым предстояло наступать, можно судить по результатам совещания, проведенного 9 июня главнокомандующим Западным фронтом генерал-лейтенантом

А.И. Деникиным: «3-я армия. Армейский комитет по составу удовлетворительный… Дивизионные комитеты настроены хорошо и являются помощниками начальников дивизий… По настроению впереди других стоит артиллерия; наступление ею приветствуется. В пехоте настроение более пестрое. Лучше других 20-й корпус… Несколько слабее пехота 15-го корпуса. Еще слабее 35-й корпус… 10-я армия… Лучше других настроена артиллерия. Наиболее крепким следует считать 1-й Сибирский корпус… 2-й Кавказский корпус особенно болезненно переживает переход от старого режима к новому и, по оценке командующего армией, 2-я Кавказская гренадерская, 51-я и 134-я дивизии по своему настроению небоеспособны… 38-й армейский корпус настроен спокойнее… Численность армии продолжает заметно уменьшаться. Общее отношение солдат 10-й армии к наступлению скорее отрицательное… 2-я армия. Армейский комитет малоинтеллигентный, несамостоятельный, слепо идет за фронтовым комитетом, даже и в его крайних проявлениях… Настроение вполне хорошее в артиллерии, в пехоте пестрое, но вообще гораздо худшее, чем в других армиях… Дезертирство с фронта почти прекратилось. Братание наблюдается редко, одиночными людьми. Укомплектования поступают на фронт так скверно, что некомплект угрожающе прогрессирует». На этом докладе Брусилов наложил красноречивую резолюцию: «При таком настроении стоит ли подготовлять тут удар».

И тем не менее «подготовляли». Чтобы понять, в какой обстановке готовилось летнее наступление, достаточно упомянуть, что 8 июня съезд фронтовых комитетов Западного фронта высказался против проведения операции, 18 июня — за и 20 июня — снова против. Попутно свое мнение высказывали также другие комитеты, например Минский совет рабочих и солдатских депутатов (постановил не наступать), дивизионные (в 169-й дивизии — постановил считать наступление изменой революции) и т. п. И такая ситуация была на всех фронтах. Работа по подготовке операции фактически легла на плечи офицеров, которые должны были одновременно заниматься своими прямыми служебными обязанностями и буквально упрашивать солдат идти в наступление.

В ближайшем тылу на импровизированных трибунах захлебывались от крика ораторы, призывавшие солдат проявить сознательность и защитить завоевания революции от германского империализма. Не раз на позиции в роли «главноуговаривающего» выезжал и Верховный главнокомандующий А.А. Брусилов. Однако с его посещениями частей нередко выходили конфузы. Один из них описан в мемуарах А.И. Деникина: «Штаб

армии ошибочно уведомил войска, что едет Керенский. Невольный подмен вызвал сильное неудовольствие и брожение в войсках; многие части заявили, что их обманывают, и, если сам товарищ Керенский лично не велит им наступать, то они наступать не будут. 2-ая Кавказская дивизия послала даже делегацию в Петроград за справкой. С трудом удалось успокоить их обещанием, что товарищ Керенский приедет на днях. Пришлось пригласить военного министра. Керенский приехал с неохотой, уже разочарованный неудачным опытом словесной кампании на Юго-Западном фронте. Несколько дней объезжал он войска, говорил, пожинал восторги, иногда испытывал неожиданные реприманды; прервал объезд, будучи приглашен в Петроград 4 июля, вернулся с новым подъемом и новой темой дня, использовав в полной мере “нож, воткнутый в спину революции”. Но, окончив объезд фронта и вернувшись в Ставку решительно заявил Брусилову:

— Ни в какой успех наступления не верю».

Самого Брусилова поездка по фронтам не в пример военному министру взбодрила — он пришел к выводу, что «солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись». О том, какой именно эффект имели на этих «хороших» солдат речи Верховного главнокомандующего, говорит такой факт. Выступление Брусилова было восторженно принято полками 1-го Сибирского армейского корпуса. Однако после отъезда Верховного митинг продолжился. И ораторы, призывавшие не слушать «старого буржуя Брусилова» и крывшие его трехэтажным матом, имели не меньший успех, чем за полчаса до этого сам Брусилов!.. Точно такая же картина была и с Керенским: восторженные овации, «ура», клятвы умереть за Родину, а через час после отъезда оратора — категорическая резолюция «Не наступать»…

Будь на месте «армии свободной России» Русская Императорская армия — и летнее наступление 1917-го вошло бы во все учебники военной истории как пример блестящей наступательной операции. Подавляющее (на иных участках — восьмикратное!) численное превосходство над уставшим, деморализованным противником, мощные ударные «кулаки» из артиллерии, в избытке снарядов и патронов (о «снарядном голоде» двухлетней давности не было и помину), во главе вооруженных сил страны — самый инициативный и «наступательный» русский военачальник… Казалось бы, достаточно одного мощного удара по врагу, и победа достигнута. Но… никакая сила не заставит повести армию в бой, если она этого просто не хочет. Неудивительно, что летнее наступление провалилось на всех фронтах…

На Юго-Западном (главнокомандующий — генерал от инфантерии А.Е. Гутор, вскоре смененный генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым) оно началось 18 июня. Успех обозначился сразу, но уже через два дня наступавшие войска замитинговали, развить наступление 8-й армии оказалось некому, а после германского контрудара «самая демократическая армия мира» просто побежала, и после падения 12 июля Тарнополя фронт превратился в хаос. На Западном фронте (главнокомандующий — генерал-лейтенант А.И. Деникин) трехдневная артподготовка смела все германские укрепления, противостоять нашей пехоте на многих участках было некому. Перед 10-й армией открывалась прямая дорога на Вильно и дальше, в Восточную Пруссию. Но лихой порыв отдельных верных присяге частей никто не поддержал: из 14 дивизий пошли в атаку 7, из них полностью боеспособными оказались 4. На Северном фронте (главнокомандующий — генерал от инфантерии В.Н. Клембовский) безрезультатные бои шли в течение одного дня 10 июля…

Общие потери русской армии в ходе летних боев, так называемого «наступления Керенского», составили 1968 офицеров и 36 361 солдат убитыми, ранеными и пленными. Среди раненых было много «палечников» — солдат, нарочно стрелявших себе в ладонь, чтобы не воевать…

Неудачная летняя кампания совпала с попыткой большевиков захватить власть в Петрограде. Начавшись 4 июля, уже 5-го восстание было подавлено, а Керенский получил пост главы Временного правительства, сохранив за собой и должность военного и морского министра.

По итогам наступления 16 июля в Могилёве состоялось заседание Ставки с участием Керенского, Брусилова и главнокомандующих фронтами (отсутствовал только Л.Г. Корнилов). Собравшиеся пришли к очевидному горькому выводу — ни на какие наступательные операции армия больше не способна. Керенский начал понимать, что столь любезная ему и западным «союзникам» «демократизация» армии может в итоге привести к тому, что войска станут попросту неуправляемыми. А в этом европейские хозяева Временного правительства заинтересованы пока еще не были — ведь Россия должна была продолжать оттягивать на себя большую часть австро-германских войск. Поэтому начало июля 1917 года ознаменовалось целым рядом правовых актов, призванных вернуть в русскую армию хотя бы элементарные начала дисциплины. Непосредственными причинами для принятия таких решений послужили большевистский мятеж и телеграмма, которую 7 июля прислал с

Юго-Западного фронта Л.Г. Корнилов.

Так, уже 7 июля Керенский издал приказ об аресте «всех лиц, ведущих агитацию с призывами к насилию, свержению Временного правительства, дезорганизации армии, а также агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства». Тогда же было запрещено распространение в войсках большевистских газет — «Правды», «Окопной правды» и «Социал-демократа». 12 июля военному министру и управляющему МВД было дано право закрывать такие издания.

9 июля появился совместный приказ Керенского и Брусилова о расширении власти главкомов фронтов: «При всяких попытках к неисполнению приказов командного состава, касающихся боевой подготовки войск и боевых распоряжений, виновные, как отдельные чины, так и целые войсковые части, должны немедленно приводиться к повиновению не стесняясь применением оружия». Комитетам категорически запрещалось вмешиваться в распоряжения командного состава. Этот запрет Брусилов еще раз подтвердил своим приказом от 12 июля.

10 июля приказом Брусилова в районе боевых действий запрещалось проведение митингов и общих собраний. В случае попыток собрать таковые предлагалось «считать их незаконными сборищами, направленными против родины и свободы, и рассеивать их силой оружия».

Венцом этого творчества стало постановление Временного правительства от 12 июля, вновь вводившее смертную казнь на фронте (она была отменена в первом угаре «свободы», 12 марта 1917 года). Расстрел полагался за военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с фронта, уклонение от сопротивления противнику, а также за подговор и подстрекательство к этим действиям, насильственные действия по отношению к начальникам и сопротивление исполнению их боевых приказов. Для рассмотрения дел по важнейшим преступлениям при дивизиях было приказано учредить военно-революционные суды.

Параллельно приняли меры против большевиков, попытавшихся в начале июля устроить переворот в Петрограде. Лидер партии Ленин скрылся в своем знаменитом шалаше, главных его соратников арестовали, отряды Красной гвардии были разоружены. О запрете газет уже говорилось выше.

Что тут скажешь?.. Меры, конечно, правильные. Вот только вводить их надо было не в июле. К тому же многие из них остались на бумаге. К примеру, «репрессии» против большевиков на Западном фронте, по воспоминаниям современника, были

такие: «Никого из видных большевистских деятелей в Запобласти не арестовали. Минский комитет большевистской партии помещался там же, где и раньше, заседал открыто, в минском Совете большевики также выступали открыто». А арестованные на фронте за большевистскую пропаганду солдаты спокойно разгуливали по городу. Иногда с охраной из двух-трех солдат, а чаще — без.

В итоге все принятые Временным правительством меры по ликвидации большевистской угрозы оказались весьма странными. Большинство арестованных большевиков вскоре выпустили по личному приказу Керенского, разоружение отрядов Красной гвардии прекратили. 26 июля — 8 августа в центре Петрограда, на Большом Сампсоньевском проспекте, прошел VI съезд РСДРП, в котором участвовал Ленин, и никто этот съезд в полном составе не арестовал… Все эти события могут показаться странными, если не иметь в виду того, что Керенский и Ленин фактически работали в одной «связке». Глава Временного правительства должен был подготовить лидеру большевиков «почву», а затем сдать ему власть для дальнейшего развала страны, что и произошло в октябре. Потому-то многие действия Временного правительства и кажутся сейчас вопиюще недальновидными и абсурдными.

Но вернемся в июль 1917-го, к череде дисциплинарных указов. Вместо того чтобы, как мыслили Керенский и Брусилов, испугаться военно-революционного суда, прийти в себя и взяться за службу, «армия свободной России» подняла возмущенный рев: «За что боролись?» И полетели во всевозможные всероссийские и центральные советы десятки писем и телеграмм «снизу» в таком духе: «Полковой комитет, обсудив в экстренном порядке приказ по Военному Ведомству за № 536 и телефонограмму о смертной казни за № 155228 за подписью Керенского, горячо протестует, ибо это уничтожает достоинство Революционной армии, в частности, и позор для человечества вообще. Где великий дар Русской революции — отмена смертной казни?» И т. д., и т. п.

Внешне серия приказов 7—12 июля 1917 года сильно облегчила службу строевому офицерству — теперь солдат формально не мог митинговать сколько душе угодно, уходить в тыл во время боя или читать «Правду». Однако на деле все привело к еще большему обострению отношений между офицерами и рядовыми. А нововведения (военно-революционные суды) «работали» далеко не всегда и не везде — многие части попросту отказывались их у себя создавать, ссылаясь на все те же «достоинство Революционной армии» и «великий дар Русской революции». Если суды и создавались, то действовали весьма

специфически — например, арестованных за антивоенную пропаганду большевиков отпускали по требованию солдат, а из 160 взбунтовавшихся чинов 63-го Сибирского стрелкового полка суд оправдал 159. Словом, все эти громкие приказы о расстрелах и военно-революционных судах в реальности практически не работали.

После летней катастрофы на всех фронтах Брусилов прекрасно понимал, что его дни на посту Верховного главнокомандующего сочтены. Правда, через неделю после своей отставки он уверял журналистов в том, что «ни одной секунды не думал об уходе», а в мемуарах описывал некий странный разговор с неназванным лицом, в котором у Брусилова якобы интересовались, не согласится ли он взять на себя роль военного диктатора?.. В реальность такого разговора верится с трудом: за те два месяца, что генерал находился на посту Главковерха, никакого намека на «диктаторство» он не проявил, напротив, стремился угодить всем подряд — и Керенскому, и солдатской массе. Тем более что подходящая кандидатура на роль «диктатора» у Керенского уже имелась. Эту роль предстояло сыграть генералу от инфантерии Л.Г. Корнилову, который в 2 часа ночи 19 июля 1917 года сменил Брусилова на посту Верховного главнокомандующего…

Алексей Алексеевич узнал об этом в 11 часов утра того же дня. Телеграмма из Петрофада предписывала не дожидаться Корнилова и сдать дела начальнику штаба Верховного. Оскорбленный такой поспешностью, Брусилов уехал из Могилёва вечером 19 июля. Поселился он в Москве, в собственной квартире, находившейся в доме № 4 по Мансуровскому переулку (ныне в этом здании располагается посольство Сирии в Российской Федерации).

В отличие от большинства высших русских военачальников, в той или иной степени одобривших действия Л.Г. Корнилова во время так называемого Корниловского мятежа, Брусилов нового Верховного главнокомандующего не поддержал, так как относился к нему без всякой симпатии («Корнилов своего рода Наполеон, но не великий, а малый… Он полководцем не был и по свойству своего характера не мог им быть… Бедный человек, он запутался сильно»). Хотя сторонники Корнилова, видимо, искренне надеялись использовать авторитет Брусилова в армии в случае удачи. Как явствует из воспоминаний М.Л. Нестерович-Берг, Брусилов намечался на роль главы восстания Московского гарнизона. Однако делегации, явившейся к нему, генерал заявил: «Вы не первые ко мне с таким предложением, но должен вам сказать, как всем вашим предшественникам, что почитаю всю эту

затею авантюрой, во главе которой я, генерал Брусилов, стоять не намерен. Довольно того, что генерал Корнилов оказался изменником и, собрав бунтовщиков, пошел против правительства». «Никто не предполагал тогда, что Брусилов окажется тем, чем он оказался впоследствии: изменником», — заключает М.Л. Нестерович-Берг…

Дни Октябрьского переворота 1917 года старый генерал провел в Москве. На протяжении нескольких дней в Первопрестольной шли упорные бои между немногочисленными группами верных присяге офицеров и юнкеров и революционными отрядами. Через улицы и бульвары протянулись свежевырытые окопы, гремели пулеметные очереди и разрывы снарядов, гибли под пулями случайные люди… Первое, пока еще условное деление на «красных» и «белых»… Брусилов в происходящее не вмешивался из принципа. Сам он потом писал: «Я всегда был противником излишнего и бессмысленного пролития крови, и с самого начала революции, предвидя, какие потоки крови могут пролиться от моего малейшего неверного шага, я принужден был поступать так, чтобы избегать этого… Для меня была важна общая конечная цель, и только. Я старался приблизиться к народной толще и понять психологию масс. Последующие события показали, что я был прав». Но все это писалось задним числом, когда «общая конечная цель» Брусилову была уже понятна. Тогда же, в последние дни октября 1917-го, когда судьба Москвы решалась с оружием в руках, бывший Верховный главнокомандующий, как большинство городских обывателей, просто сидел в четырех стенах, ожидая, чем кончится дело.

Вечером 2 ноября в квартиру Брусилова попал снаряд, выпущенный из «красной» мортиры по «белому» штабу Московского военного округа. Несколько осколков застряли в правой ноге генерала. Утром следующего дня ему сделали операцию в частной клинике Руднева, и на восемь месяцев Брусилов оказался прикованным к больничной койке. Он, не получивший ни одной раны за все годы Первой мировой, встретил ее завершение, будучи раненным в одном из первых боев куда более страшной войны — Гражданской…

…«Советский» период биографии А.А. Брусилова хорошо известен и, собственно, именно благодаря ему имя полководца в СССР, в отличие от всех его коллег и соратников, всегда звучало громко. Брусилов был далеко не единственным полным генералом Русской Императорской армии, добровольно пошедшим на службу к большевикам, но его всероссийская слава 1916 года, помноженная на авторитет Верховного

главнокомандующего 1917-го, делали его уникальной по масштабу фигурой. Выбор у старого генерала был: при желании его могла вывезти на Дон, в Добровольческую армию та же самая М.Л. Нестерович-Берг. Но когда она пришла в клинику к раненому генералу, тот сначала «сказал, что рана не так серьезна, но он ей нарочно не дает зажить, чтобы оставили в покое и большевики, и небольшевики», а минутой позже на предложение Нестерович тайно бежать на Дон отчеканил: «Никуда не поеду. Пора нам всем забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным».

Мог Брусилов уехать и на ставшую независимой Украину, где жили родственники его жены. Хватало у него бывших однополчан и соратников, горевших желанием помочь генералу бежать из Совдепии. Но… «Я считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это не стоило… Это тяжко, конечно, но иначе поступить я не мог, хотя бы это стоило жизни. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным». Жизнь частного лица в советской Москве оказалась нелегкой — в 1918-м Брусилова арестовывали в порядке «красного террора», потом уплотнили его квартиру каким-то комиссаром, в котором генерал узнал… бывшего солдата, которому два года назад лично заменил расстрел на каторгу за антивоенную агитацию. Теперь этот хозяин жизни беспробудно пил и буянил в соседней комнате. «Вот уж отменил ему расстрел на свою голову», — сетовал Брусилов…

Впрочем, твердо отвергнув возможное участие в Белой борьбе, старый генерал долгое время не вступал и в ряды Красной армии. Возможно, от решительного шага удерживала его судьба единственного сына Алексея: Брусилов-младший поступил в РККА добровольно, командовал кавалерийским полком, но под Орлом попал в плен к белым. В точности его дальнейшая судьба неизвестна: по одной версии, он был расстрелян, по другой — поступил в Вооруженные силы Юга России и вскоре умер от тифа.

Лишь 18 апреля 1920 года А.А. Брусилов подал заявление с просьбой зачислить его «в число сотрудников по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.». Однако чисто теоретической работой при советской власти военачальник занимался очень недолго — уже 5 мая «Правда» опубликовала список состава «Особого совещания по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции». Председателем этого совещания назначался Брусилов, а в состав вошли многие русские военачальники Первой мировой войны — бывшие генералы

В.Н. Клембовский, А.А. Поливанов, П.С. Балуев, А.Е. Гутор,

А.М. Зайончковский, А.А. Цуриков, Д.П. Парский. Особое совещание состояло при главнокомандующем РККА С.С. Каменеве и ведало деятельностью тыловых служб советского Западного фронта. Конечно же «Правда» не преминула щегольнуть таким крупным «козырем», как Брусилов, который «самим фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхетской Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право ждать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания».

23 мая 1920 года в «Правде» был напечатан, пожалуй, самый знаменитый документ, составленный Брусиловым лично — воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». В нем бывший Верховный главнокомандующий русской армией призывал: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию».

Воззвание Брусилова (под ним стояли подписи и других бывших генералов, но автором текста был именно Алексей Алексеевич) окончательно разделило современников генерала, а затем и пишущих о нем историков на два лагеря — тех, для кого Брусилов стал изменником и предателем, и тех, для кого он остался со своей страной в самых тяжелых обстоятельствах. Общее мнение первых выразил А.И. Деникин: «Вероятно, нет более тяжелого греха у старого полководца, потерявшего в тисках большевистского застенка свои честь и достоинство, чем тот, который он взял на свою душу, дав словом и примером оправдание сбившемуся с пути офицерству, поступавшему на службу к врагам русского народа». Здесь Деникина стоит поправить — ни в каких особенных «тисках большевистского застенка» Брусилов не находился…

Однако события осени 1920-го показали, что его сотрудничество с советской властью было далеко не таким однозначным, как могло показаться стороннему наблюдателю. Началась эта любопытная история 8 сентября 1920 года, когда член Реввоенсовета Юго-Западного фронта С.И. Гусев информировал Ленина о перебежчике из Русской армии барона П.Н. Врангеля — неком поручике Яковлеве. Этот Яковлев, выступая от имени группы штабистов Русской армии, предлагал свой план устранения Врангеля и преобразования его армии в Красную Крымскую во главе с… Брусиловым. Условием Яковлев выдвигал гарантии полной безопасности для всех военнослужащих армии, а попутно обещал сдать органам ЧК подчиненную Врангелю антисоветскую организацию в Москве. В Кремле предложение Яковлева восприняли «архисерьезно», и 12 сентября было составлено «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», которое подписали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, М.И. Калинин, С.С. Каменев и А.А. Брусилов. 16 сентября 1920 года приказом Реввоенсовета Республики № 689 за подписью Л.Д. Троцкого и С.С. Каменева А.А. Брусилов был назначен «командующим всеми войсками, находящимися в настоящее время под командованием барона Врангеля с переименованием этих войск в Красную Крымскую Армию. Приказ вступает в силу по устранении барона Врангеля от командования». Впрочем, обещанной Яковлевым «сдачи» антисоветской подпольной сети не произошло, и проект преобразования врангелевской Русской армии в брусиловскую Красную Крымскую армию затух сам собой. Приказ № 689 так никогда и не вступил в силу…

Но интересно то, что Брусилова предложение заместителя наркома по военным и морским делам Э.М. Склянского возглавить вооруженные силы Крыма воодушевило не на шутку и навело на мысли о собственной политической игре по-крупному. Сохранилось следующее признание генерала: «Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс те, кто предан мне внутри страны и в рядах Краской армии. Конечно, я поеду на юг с пентограммой, а вернусь с крестом и свалю захватчиков или безумцев в лучшем случае». Другими словами, Брусилов всерьез рассчитывал прибыть в Крым, возглавить армию Врангеля и начать боевые действия против большевиков. Этим планом он поделился с несколькими соратниками — состоявшими на советской службе бывшими генералами В.Н. Клембовским,

А. М. Зайончковским, П.П. Лебедевым.

Нечего и говорить, что даже при самой благоприятной для Брусилова раскладке этот утопический проект был обречен на неудачу. Тем более что заговор против П.Н. Врангеля внутри

Русской армии не осуществился, и надежды Брусилова на резкую перемену судьбы так и остались надеждами. А для В.Н. Клембовского и А.М. Зайончковского дело вообще закончилось плохо — ЧК весьма оперативно вывела посвященных в заговор бывших генералов на чистую воду Брусилова, тем не менее, не тронули.

Во времена СССР «крымский план» Брусилова был тщательно засекречен, иначе он дискредитировал бы всю «советскую» часть жизни полководца. Но само наличие этого плана говорит о том, что даже после формального поступления на службу в РККА Алексей Алексеевич, как и многие военспецы, не оставлял надежд на перемены в политическом строе родной страны.

Так или иначе, а единственная «реальная» составляющая сентябрьского проекта под общим названием «Красная Крымская армия» — «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля» — отразилась на жизнях многих людей самым серьезным образом. Воззванию, обещавшему полную амнистию всем офицерам армии Врангеля, которые сложат оружие, верили, слово Брусилова имело вес. Участь людей, не пожелавших уйти с Врангелем за границу и оставшихся на родной земле, оказалась ужасной — в течение ноября 1920-го — мая 1921 года в Крыму было расстреляно 52 тысячи офицеров, военных чиновников и солдат Русской армии. Сколько из них не стали эмигрировать, прочитав брусиловское воззвание и поверив ему, уже никто никогда не узнает…

До Брусилова о массовых казнях в Крыму дошли только неясные слухи. «Право, не знаю, могу ли я обвинять себя в этом ужасе, если это так было в действительности, — писал он. — Я до сих пор не знаю, было ли это именно так, как рассказывали мне, и в какой мере это была правда. Знаю только, что в первый раз в жизни столкнулся с такой изуверской подлостью и хитростью и попал в невыносимо тяжелое положение, такое тяжелое, что, право, всем тем, кто был попросту расстрелян, несравненно было легче. Если б я не был глубоко верующим человеком, я мог бы покончить самоубийством. Но вера моя в то, что человек обязан нести все последствия своих вольных и невольных грехов, не допустила меня до этого. В поднявшейся революционной буре, в бешеном хаосе я, конечно, не мог поступать всегда логично, непоколебимо и последовательно, не имея возможности многого предвидеть, уследить за всеми изгибами событий; возможно, что я сделал много ошибок, вполне это допускаю. Одно могу сказать с чистой совестью, перед самим Богом — ни на минуту я не думал о своих личных интересах, ни о своей личной жизни, но все время в помышлениях моих была только моя Родина, все поступки мои

имели целью помощи ей; всем сердцем хотел я блага только ей».

После расформирования в мае 1921 года Особого совещания Брусилов был назначен на пост главного инспектора Центрального управления коннозаводства, а 1 февраля 1923-го — на должность инспектора кавалерии РККА. В этом же году Алексей Алексеевич закончил мемуары, которые впервые увидели свет уже после его смерти. 15 марта 1924 года 70-летний военачальник был назначен «для особых поручений при РС Республики». Благодаря командующему Московским военным округом Н.И. Муралову А.А. Брусилову была назначена персональная пенсия.

Весной 1925 года Алексей Алексеевич с женой отправился на лечение на чехословацкий курорт Карловы Вары. Многочисленные русские эмигранты, мгновенно узнавшие военачальника, даже в церкви «с любопытством, а иногда с высокомерием и злобой» поглядывали на него и перешептывались. А вот министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш принял генерала очень гостеприимно и в имении Лани устроил ему встречу с президентом страны Т. Масариком. За обеденным разговором Брусилов изумил присутствующих, призвав «всю старую Европу и весь мир» к «самым решительным мерам против нашей атеистической и коммунистической заразы».

Но, несмотря на это высказывание, на «глоток свежего воздуха», которым могла показаться Европа после советской реальности, невозвращенцем Брусилов все же не стал. «Уж лучше ехать обратно, в свою несчастную, обездоленную, но все же Россию к своим настоящим друзьям священникам-христианам, без политики, к своим измученным, но понимающим меня русским людям», — заметил он.

Вскоре после возвращения из Чехословакии Брусилов заболел крупозным воспалением легких. Организм старого человека не справился с болезнью, и в ночь на 17 марта 1926 года Алексей Алексеевич скончался на 73-м году жизни в доме № 4 по Мансуровскому переулку.

***

Хоронили Брусилова 19 марта на кладбище Новодевичьего монастыря. За его гробом шли самые разные люди — делегация Реввоенсовета во главе с А.И. Егоровым и С.М. Буденным, дипломаты Финляндии и Чехословакии, представители духовенства. В «Правде» был опубликован некролог за подписью наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова, где говорилось: «Рабочие и крестьяне Советского Союза не забудут А.А. Брусилова. В их памяти будет окружен светлым ореолом облик полководца старой армии, сумевшего понять значение

происшедшего социального сдвига».

На протяжении долгого времени Алексей Алексеевич Брусилов оставался единственным русским полководцем Первой мировой войны, чье имя можно было упоминать в печати без боязни навлечь на себя гнев руководства. Всплеск интереса к личности и наследию Брусилова начался во время Великой Отечественной войны — тогда вышло сразу несколько популярных брошюр о полководце, целый ряд статей о нем, причем биографический очерк В.В. Мавродина содержал такую фразу: «Пусть вдохновляет нас в дни Великой Отечественной Войны с кровавым германским фашизмом светлый образ А.А. Брусилова». Более того, в 1943—1947 годах в СССР появилось сразу несколько художественных произведений о генерале «царской армии», что прежде представлялось немыслимым, — романы «Брусиловский прорыв» С.Н. Сергеева-Ценского и «Брусилов» Ю.Л. Слезкина, пьесы «Генерал Брусилов» И.Л. Сельвинского и «Русский генерал» И.В. Вахтерова и А.В. Разумовского…

Некоторое «охлаждение» к Брусилову наметилось в 1948 году, когда в Чехословакии была обнаружена вторая часть его мемуаров, вывезенная за рубеж вдовой генерала. Она содержала весьма нелицеприятные отзывы о советской власти и по предложению министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова была засекречена. Тогда же изъяли из открытых фондов библиотек и уже изданную ранее первую часть воспоминаний полководца. Однако несколько экспертиз, проведенных в конце 1940-х — начале 1960-х годов, пришли к выводу о том, что авторство второй части мемуаров принадлежит вдове Брусилова, а не ему самому. В записке Отдела административных органов ЦК КПСС от 6 июля 1962 года было признано, что «необоснованное изменение оценки роли Брусилова в истории первой мировой войны произошло в 1948 г. вследствие неправильной информации бывшего МВД СССР». После этого военачальника опять «помиловали» — появились журнальные публикации о нем, новое издание мемуаров, в 1964 году вышла первая посвященная ему научная монография, а в 1980-м именно Брусилов стал первым русским военачальником Первой мировой, которому была посвящена отдельная книга в серии «Жизнь замечательных людей» — «Брусилов» С.Н. Семанова. Впрочем, дальнейшие исследования рукописи воспоминаний полководца показали, что он является автором большей части текста своих мемуаров. В 1989 году в СССР были опубликованы первые «крамольные» фрагменты из второй части воспоминаний Брусилова, а самое полное на данный момент их издание вышло в 2004-м.

Деятельность полководца продолжала и продолжает вызывать крайне разноречивые оценки в исторической литературе, но в том, что А.А. Брусилов — в высшей степени интересная и характерная для своей эпохи фигура, один из крупнейших военачальников XX столетия, не сомневается никто. 1 декабря 2006 года в украинской Виннице была открыта мемориальная доска с изображением А.А. Брусилова, а 14 ноября 2007 года в Санкт-Петербурге в сквере на пересечении Шпалерной и Таврической улиц был открыт памятник генералу — первый в России. Имя прославленного полководца носят улицы в Москве, Воронеже, Краснодаре, Рубцовске, а с 2000 года в Йошкар-Оле действует кадетский корпус имени Брусилова.

ЛАВР КОРНИЛОВ: *«Чем тяжелее положение, тем смелее вперед»*

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 года в два года как получившем статус города Усть-Каменогорске Семипалатинской области (ныне — на территории Казахстана). Его отец Георгий (Егор) Николаевич служил переводчиком при 7-м Сибирском казачьем полку, к 1862 году дослужился до хорунжего, однако затем вышел из казачьего сословия и, «переименовавшись» в коллежские регистраторы, поступил на должность письмоводителя в усть-каменогорскую полицию. Его женой была простая казашка Мариам, в 14 лет перешедшая в православие и принявшая имя Марии Ивановны, — волевая, умная женщина, глубоко преданная мужу и семье. Именно по материнской линии будущий генерал получил характерный «восточный» разрез глаз и тип лица.

В Усть-Каменогорске семья обзавелась небольшим домиком на берегу Иртыша, где и родился будущий Верховный главнокомандующий. Но в 1872-м Корниловы переехали в Каркаралинскую станицу (ныне город Каркаралинск, Казахстан), откуда был родом отец Г.Н. Корнилова, и детство Лавра прошло именно там. Поэтому в некоторых служебных документах место его рождения обозначено как «станица Каркаралинская».

В семье было 13 детей, причем по военной линии попробовали пойти шестеро братьев Корниловых, но успехов удалось добиться только Лавру. Он рано научился читать и после переезда семьи в 1882 году в город Зайсан (ныне в Казахстане) начал самостоятельно готовиться к поступлению в Сибирский кадетский корпус, расположенный в Омске. Хотя вступительный экзамен по французскому мальчику сдать не удалось (репетитора в провинциальной глуши взять было негде), его все же зачислили в корпус «приходящим», а через год перевели на «казенный кошт». Учился Лавр отлично. Его кадетская характеристика, подписанная директором корпуса генерал-майором С.А. Пороховщиковым, гласит: «Развит, способности хорошие, в классе внимателен и заботлив, очень прилежен. Любит чтение и музыку… Скромен, правдив, послушен, очень бережлив, в манерах угловат. К старшим почтителен, товарищами очень любим, с прислугою обходителен».

Особенно ярко проявились в корпусе филологические

дарования Корнилова. Уже в седьмом классе он перевел с французского на русский роман Б. де Сен-Пьера «Поль и Виргиния», а в старших классах, в дополнение к знакомому с детства казахскому, выучил монгольский, на который перевел учебник физики. Впоследствии Корнилов в совершенстве овладел также английским, немецким, персидским, китайским, туркменским, киргизским и татарским языками, а общаться мог еще на добром десятке восточных языков и диалектов.

После окончания корпуса юноша сделал дальнейший выбор в пользу Михайловского артиллерийского училища. Первое и самое престижное из существовавших к 1917 году четырех русских артиллерийских военных училищ, Михайловское было основано в 1820-м, а имя получило 29 лет спустя после смерти младшего брата Николая I, великого князя Михаила Павловича. Учебный план заведения заметно отличался от других военных вузов страны — юнкера-михайловцы, помимо общеобязательных дисциплин наподобие Закона Божьего, иностранных языков и военной истории, изучали также аналитическую геометрию, дифференциальное и интегральное исчисления, физику, химию, тактику артиллерии.

В это учебное заведение Лавр Корнилов был зачислен 25 августа 1889 года. Как и в корпусе, в училище он был одним из лучших учеников, в ноябре 1891-го получил на погоны лычки старшего портупей-юнкера. Начальство отмечало, что, «будучи очень самолюбивым, любознательным», Корнилов «серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером». 4 августа 1892 года, за две недели до своего 22-летия, юноша окончил училище по 1-му разряду и надел заветные золотые погоны подпоручика, став, таким образом, личным дворянином.

Перед блестяще учившимся Корниловым открывались прекрасные служебные возможности. Но он предпочел распределение в далекий Туркестанский военный округ, поближе к родным местам. Во время службы на 5-й батарее Туркестанской артиллерийской бригады, расквартированной в Ташкенте, Корнилов готовился к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба и осенью 1895 года с лучшим среди всех поступавших баллом — 10,93 из 12 возможных — был зачислен на ее курс. Накануне поступления, 10 августа 1894 года, Лавр Георгиевич был произведен в поручики, на старшем курсе академии, 13 июля 1897 года, стал штабс-капитаном. После окончания дополнительного курса Корнилов удостоился малой серебряной медали, чина Генерального штаба капитана (17 мая 1898 года) и особой почести — его имя было занесено на

мраморную доску в конференц-зале академии. Многие однокурсники Корнилова, окончившие академию вместе с ним, затем вписали свои имена в историю Первой мировой и Гражданской войн. Это Ф.Ф. Абрамов, А.П. Архангельский, Л.М. Болховитинов, М.Д. Бонч-Бруевич, А.В. Геруа, П.Н. Ломновский, А.С. Мадритов, А.А. Самойло…

Благодаря петербургской учебе молодой офицер обзавелся подругой жизни — в 1896 году он женился на 22-летней Таисии Владимировне Марковиной, дочери титулярного советника. Семейная жизнь капитана-генштабиста была очень скромной. «Все свои свободные минуты брат посвящал жене, — вспоминала сестра Л.Г. Корнилова Анна. — Оба мечтали иметь большую семью. Средства их были очень ограниченны… 20-го делали подсчет и если оставались лишки, шли покупать халву — любимое лакомство Таи и позволяли себе пойти в театр». Со временем мечты молодой пары о большой семье осуществились — у Корниловых родились дочь Наталья и сыновья Дмитрий (скончавшийся в возрасте полутора лет от менингита) и Юрий.

Казалось, после блестящего окончания академии Корнилов выберет менее трудное место службы, но он вернулся в Туркестанский округ. Свадебное путешествие Корнилову и его жене заменил переход по пустыне в Ташкент. В ноябре 1898 года Лавр Георгиевич получил назначение в урочище Термез, в распоряжение известного исследователя Средней Азии генерал-майора М.Е. Ионова. Внешне цель командировки выглядела вполне мирно — провести учения с офицерами местного гарнизона. Однако на деле молодой генштабист, блестяще владевший восточными языками, получил опаснейшее разведывательное задание — составить схему укреплений на другом берегу Амударьи и собрать информацию об афганской крепости Дейдади, расположенной в ущелье Гиндукуша в 50 верстах от границы. Эту рискованную операцию офицер осуществил довольно авантюрным способом: обрился наголо, отпустил бороду, переоделся в восточную одежду и, вместе с тремя спутниками переплыв Амударью на бурдюке, смог под видом туркмена, желающего вступить в армию эмира Абдурахмана, углубиться на афганскую территорию. Разоблачи его местные власти — и Корнилова ждала бы немедленная смерть. Но разведчик не только смог составить подробную схему местности, где размещалась крепость Дейдади, но и сделать пять фотографий этого засекреченного объекта. Кроме того, он составил планы еще двух крепостей — Шор-Тепе и Тахтапуль, набросал чертежи афганских казарм и артиллерийских позиций. Возвращение Корнилова к своим было триумфальным, генерал

М.Е. Ионов, восхищенный выдумкой и храбростью капитана, представил его к боевому ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Однако в Главном штабе остались крайне недовольны корниловской «партизанщиной» и отклонили это представление.

С августа 1899 года Корнилов служил в должности старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. На этом посту ему была поручена одна из крупнейших разведывательных операций, проведенных в русской армии на рубеже веков, — составление «стратегического очерка» Восточного Туркменистана (Кашгарии). Согласуя работу с российским консулом Н.Ф. Петровским, Корнилов в течение семи месяцев предпринял масштабное исследование слабо изученного до этого времени региона, в котором пересекались интересы Российской и Британской империй. Прежде всего его интересовал военный потенциал края — состояние и численность гарнизонов местных крепостей, наличие и качество дорог и источников воды, переправы через реки, потенциальные места стоянок войск, наличие провианта и фуража, умонастроения и боевые качества населяющих край народов. Нарядившись купцом и ничем не выделяясь из толпы местных жителей благодаря внешности и блестящему знанию языков, русский офицер собирал материалы для масштабного (500 страниц) исследования «Кашгария, или Восточный Туркестан», которое и по сей день не утратило научного значения. Некоторые регионы, например иранский Дашти-Наумед (Степь Отчаяния), были описаны Корниловым впервые — до него там не бывал ни один европеец. Научные заслуги офицера Императорское Географическое общество оценило малой серебряной медалью.

Во время Кашгарской экспедиции уже во второй раз дали себя знать качества Корнилова, которые затем сопровождали его всю жизнь, — самостоятельность (часто на грани своеволия), умение брать на себя ответственность, нетерпимость по отношению к тем, кто мешает работать. Когда русский консул Н.Ф. Петровский упрекнул Корнилова в том, что собранная им информация недостоверна, офицер подал рапорт с просьбой уволить его от дальнейшей работы и объяснил мотивы своего поступка: «Меня вынудили к этому не тягость службы, не боязнь ответственности. От службы, какова бы она ни была, я никогда не уклонялся, ответственность, как бы тяжела она ни была, никогда меня не пугала… Меня вынудило просить об отчислении искреннее убеждение, что дальнейшее мое пребывание здесь не принесет никакой пользы делу… Взгляды Петровского и мои в данном вопросе расходятся диаметрально».

Этот конфликт все же удалось уладить миром, и по возвращении в Ташкент 31-летний Корнилов получил чин Генерального штаба подполковника (6 декабря 1901 года), первый орден Святого Станислава 3-й степени и первую иностранную награду — бухарский орден Золотой Звезды 3-й степени. В течение года офицер-генштабист отбывал цензовое командование ротой в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне. Удачно выполненное задание повлекло за собой новое — под видом ученого-географа Корнилову предстояло провести рекогносцировку пограничной полосы «в сфере областей Персии, Афганистана, Британской Индии и России». В результате этой командировки Корнилов пришел к выводу о том, что Великобритания намерена расширять свое влияние в этом регионе, и границы России там необходимо укреплять. По итогам экспедиции Корнилов был удостоен орденов Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени. В ноябре 1903 года Лавр Георгиевич предпринял служебную поездку в еще более отдаленные края — в Индию. Но эта командировка была уже вполне официальной и на фоне предыдущих могла показаться отдыхом — английские офицеры знакомили Корнилова с организацией Индо-Британской армии и с оборонительной линией по реке Инд.

Находясь в Пешаваре, Корнилов узнал о начале Русско-японской войны. По возвращении в Россию и сдаче отчета о командировке офицеру сообщили, что ему предстоит перевод в Петербург, на должность столоначальника Главного штаба. Но деятельная натура Корнилова не захотела мириться со штабной рутиной: он начал засыпать начальство просьбами отправить его на фронт и в конце концов получил должность штаб-офицера при управлении 1-й стрелковой бригады. В декабре 1904 года Сводно-стрелковый корпус, в который входила эта бригада, прибыл на Маньчжурский фронт.

Бригада Корнилова приняла участие в сражении под Сандепу и Мукденских боях января—февраля 1905 года. До сих пор не имевший случая попробовать себя в настоящей схватке, Лавр Георгиевич показал себя отчаянным храбрецом. 25 февраля 1905-го, когда 1-й, 2-й и 3-й стрелковые полки были окружены превосходящими силами японцев, подполковник Корнилов под шквальным огнем, с тяжелым боем вывел бригаду из опасного положения, сохранив при этом все знамена, орудия и пулеметы. Доблесть офицера в бою была отмечена высокими наградами — орденом Святого Георгия 4-й степени (8 сентября 1905 года), мечами к ранее полученному ордену Святого Станислава 2-й степени, Золотым оружием «За храбрость» (9 мая 1907 года) и

чином Генерального штаба полковника (26 декабря 1905 года). Таким образом, Корнилов стал «дважды потомственным дворянином» — по ордену Святого Георгия и по чину

По возвращении в Петербург Корнилов получил должность делопроизводителя Первого отделения 2-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Он вел отдел «иностранной азиатской статистики» и курировал разведработу в южных военных округах России. В это время Корнилов находился в постоянном контакте с генштабистами, пытавшимися реформировать русскую армию, — Ф.Ф. Палицыным, М.В. Алексеевым, И.П. Романовским, С.Л. Марковым. Как вспоминал современник, «полковник Корнилов принадлежал к числу главных участников этой небольшой, вполне лояльной группы молодых военных деятелей, горячих, искренних, беспокойных новаторов, проникнутых любовью к своему ремеслу, пламенных патриотов по духу, прогрессистов по убеждениям». В частных беседах «Корнилов подвергал весьма суровой оценке и общий порядок государственного управления, и в борьбе самодержавия с представительным учреждением, в лице Думы, находился, бесспорно, на стороне последней».

И все же штабная служба тяготила Корнилова. В конце концов он подал рапорт, где говорилось: «Вследствие отсутствия работы я не считаю свое дальнейшее пребывание в Управлении Генерального штаба полезным для Родины и прошу дать мне другое назначение». Иной мог бы поплатиться за свою дерзость, но молодому полковнику-герою рапорт, что называется, сошел с рук. Новой должностью Корнилова стал ответственный и важный пост военного агента (атташе) в Китае — там Лавр Георгиевич провел 1907—1910 годы. Завершил свою военно-дипломатическую карьеру он огромным (6 тысяч верст) путешествием по маршруту Китай — Монголия — Восточный Туркестан и обширным сообщением «Военные реформы в Китае и их значение для России», зачитанным в Главном штабе.

24 февраля 1911 года Лавр Георгиевич вступил в должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного в польской крепости Новогеоргиевск (ныне Модлин, Польша). Но на этом посту Корнилов задержался буквально на несколько месяцев. Дело в том, что генерал-лейтенант

186 Е.И. Мартынов предложил ему должность начальника 2-го отряда Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, входившего в структуру Министерства финансов. По численности отряд примерно равнялся дивизии и состоял из 3-го и 4-го пограничных Заамурских пехотных и 1-го, 2-го и 5-го

пограничных Заамурских конных полков. Штаб округа размещался в Харбине, оклад составлял 14 тысяч рублей в год, служить предстояло в хорошо знакомых и любимых Корниловым местах, поэтому он согласился на перевод и 26 декабря 1911 года был произведен в чин генерал-майора.

Впрочем, спокойной «генеральской» жизни у Лавра Георгиевича в Харбине не получилось. Сам он описывал ситуацию, в которой оказался, так: «В конце 1913 года у нас в округе начались проблемы по части довольствия войск, стали кормить всякою дрянью. Я начал настаивать, чтобы довольствие войск было поставлено на других основаниях, по крайней мере, у меня в отряде. Мартынов поручил мне произвести расследование по вопросу о довольствии войск всего округа. В результате открылась такая вопиющая картина воровства, взяточничества и подлогов, что нужно было посадить на скамью подсудимых все Хозяйственное Управление Округа во главе с помощником Начальника Округа генералом Савицким. Но последний оказался интимным другом премьер-министра Коковцова и генерала Пыхачева, которые во избежание раскрытия еще более скандальных дел потушили дело. В результате Мартынова убрали, а я, несмотря на заманчивые предложения Пыхачева, плюнул на пограничную стражу и подал рапорт о переводе в армию». На деле все выглядело не совсем так просто, как в этом отрывке — в результате прекращенного по приказу начальства следствия Корнилова, что называется, «взяли на заметку» и убрали с глаз долой, начальником бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии (33-й и 34-й Сибирские стрелковые полки). Штаб дивизии дислоцировался на острове Русский недалеко от Владивостока. Генералу также понизили оклад, ограничили доступ к разведывательной информации, а Корнилов, просматривая оглавление очередного «Списка Генералам по старшинству», не мог не отметить, что его фамилия в этом списке попросту отсутствует… Генералу же Е.И. Мартынову еще предстояло сыграть в жизни Корнилова особую роль.

«Условия весьма тяжелые, — делился Лавр Георгиевич впечатлениями с сестрой, — занимаем небольшую квартирку в неотстроенном доме, квартира сырая, климат здесь суровый, крайне резкий. Таиса и Юрка стали болеть… Таисе необходимо серьезно полечиться, так как у ней болезнь почек, которая под влиянием климата и др. неблагоприятных условий жизни сильно обострилась… Я остаюсь здесь, т. к. мне придется до октября (1914 года. — В. Б.) командовать дивизией… В конце октября выяснится окончательно, — останусь ли я здесь или же перевожусь в Европейскую] Россию: мне обещан перевод или в

строй или в Гл[авное] Управление Генерального Штаба. Но в канцелярию меня не особенно тянет, и лично я здешними местами очень доволен: тяжеловато, но зато приволье и дело живое; у нас несмотря на суровые холода, — всю зиму шли маневры, боевые стрельбы и пр., а я до всего этого большой охотник».

Лавр Георгиевич не догадывался, что «боевые стрельбы», до которых он был «большим охотником», вскоре начнутся для всей России. С началом Первой мировой войны генерал-майор Корнилов отбыл со своей бригадой на Юго-Западный фронт и 12 августа 1914 года впервые вступил в бой. В ходе сражения на реке Гнилая Липа бригада 9-й Сибирской стрелковой дивизии заняла город Галич, и командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов счел нужным поощрить Корнилова — 19 августа тот был назначен командующим 48-й пехотной дивизией, входившей в состав 24-го армейского корпуса генерала от инфантерии А.А. Цурикова. Неофициально дивизия называлась также Суворовской, так как ее полки носили названия легендарных побед А.В. Суворова: 189-й пехотный Измаильский, 190-й пехотный Очаковский, 191-й пехотный Ларго-Кагульский и 192-й пехотный Рымникский. До войны дивизия дислоцировалась в Казанском военном округе.

Именно тогда фронтовая судьба свела Корнилова с его будущим соратником по Белому делу — генералом Антоном Ивановичем Деникиным. «С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914-го, когда он принял 48 пех. дивизию, а я — 4 стрелковую (железную) бригаду, — вспоминал Деникин. — С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжких боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова — военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, — высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, — свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части». Отменная репутация, которую завоевала корниловская 48-я дивизия, вскоре принесла ей второе неофициальное название —

Стальная.

Высокую оценку А.И. Деникина подтверждают многие другие люди, знавшие Корнилова в бою. Один из рядовых бойцов 48-й дивизии отзывался о генерале так: «С офицерами он был офицер, с солдатами — солдат». Доблесть военачальника была отмечена высокими наградами — чином генерал-лейтенанта (16 февраля 1915 года со старшинством с 26 августа 1914 года) и орденом Святого Владимира 3-й степени (19 февраля 1915 года). Однако были у Корнилова и недоброжелатели, считавшие его самонадеянным честолюбцем, который думает только о личном успехе. Так, А.А. Брусилов в своих воспоминаниях отмечал: «Странное дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она имела ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили». Общий вывод Брусилова о Корнилове звучал так: «Очень смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость».

Апрель 1915 года, месяц начала Великого отступления русской армии, стал месяцем великого испытания для 48-й Стальной дивизии. Не получив своевременного приказа об отходе, дивизия до последнего держала горный перевал в Карпатах и отступила только в последний момент, причем не раз пыталась прорвать кольцо врагов отчаянной контратакой. Ответственность за катастрофу, постигшую 48-ю дивизию, Лавр Георгиевич и не думал перекладывать на вышестоящих начальников: подчеркнув несвоевременность приказа об отходе, он прямо говорил и о своих ошибках в командовании, о неправильной оценке им сложившейся ситуации. Это отмечал и корпусной командир Корнилова А.А. Цуриков, по мнению которого Корнилов свою дивизию «направил по наиболее опасному и невыгодному направлению». Резче всех о действиях Корнилова в апреле 1915 года высказался уже в советское время его первый биограф, бывший генерал Е.И. Мартынов: «За такое деяние, во всякой благоустроенной армии, начальник дивизии подлежал бы преданию суду, но в царской России, с ее извращенными понятиями “о воинском долге” и всеобщей наклонностью к реляционному вранью, сумели и это преступление обратить в “геройский подвиг”». Не менее красочно очернил подвиг Корнилова и другой военный деятель, перешедший на службу в Красную армию, — А.И. Верховский: «Корнилов с группой штабных офицеров бежал в горы, но через

несколько дней, изголодавшись, спустился вниз и был взят в плен австрийским разъездом. Генерал Иванов (тогда главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта) пытался найти хоть что-нибудь, что было бы похоже на подвиг и могло бы поддержать дух войск. Сознательно искажая правду, он прославил Корнилова и его дивизию за их мужественное поведение в бою. Из Корнилова сделали героя на смех и удивление тем, кто знал, в чем заключался этот “подвиг”».

Однако эти тенденциозные оценки не имеют ничего общего с действительностью. Отрезанный от своих Корнилов действовал сообразно обстановке и до конца пытался выправить сложнейшее положение, в котором оказалась его дивизия. В итоге к своим удалось пробиться 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. С собой они вынесли из окружения знамена всех полков дивизии. Корнилов же лично остался прикрывать отход своих частей во главе батальона 192-го пехотного Рымникского полка. В итоге тяжелейшего арьергардного боя от этого батальона осталось семь человек, в том числе раненный в руку и ногу генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов…

Четыре дня пятеро солдат, санитар и раненый генерал скитались по карпатским горным лесам, надеясь пересечь линию фронта. Вечером 29 апреля 1915 года их, истекающих кровью, вконец обессилевших без пищи и воды, взяли в плен австрийцы. Корнилов не знал о том, что днем раньше, 28 апреля, по представлению главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала от артиллерии Н.И. Иванова он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, став одним из шестидесяти человек, получивших эту высокую награду во время Первой мировой войны. И сделано это было вовсе не с целью «сознательного искажения правды», а в воздаяние мужества и доблести военачальника, чья 48-я дивизия ценой своей гибели спасла весь отступающий 24-й корпус А.А. Цурикова…

К пленным русским генералам (всего таковых насчитывалось 73) противники России в Первой мировой войне относились вполне уважительно. Не стал исключением и Корнилов — его разместили сначала в замке Нейгенбах недалеко от Вены, а затем перевели в замок князя Эстергази, расположенный в венгерском селении Лека. Там в распоряжении Лавра Георгиевича были отдельная комната, хорошее питание, медицинский уход, собственный денщик. Генерал мог свободно общаться с другими пленными, в числе которых оказался и его старый знакомый по Заамурскому пограничному округу — генерал-лейтенант Е.И. Мартынов. Сначала бывшие сослуживцы обрадовались друг другу,

но вскоре рассорились на почве того, что Мартынов, по мнению Корнилова, был чересчур критично настроен по отношению к российской действительности.

Почти сразу же Лавр Георгиевич начал вынашивать планы побега из плена. Среди них были и весьма экзотические, например угон австрийского самолета с ближайшего аэродрома. Однако удачной оказалась только четвертая попытка, предпринятая Корниловым в июле 1916 года. В это время он содержался в госпитале для военнопленных венгерского города Кёсег. Помощниками Корнилова стали его денщик Цесарский и лечивший его пленный русский врач Гутковский. Именно Цесарский сумел завязать знакомство с фельдшером, чехом по национальности Франтишеком Мрняком, который вызвался помочь Корнилову за 20 тысяч крон (эти деньги он должен был получить уже по прибытии генерала в Россию). Мрняк оформил для Корнилова увольнительную из госпиталя, достал для него форму солдата австро-венгерской армии, паспорт на имя Стефана Латковича, револьвер и компас, для конспирации выбрил голову и удалил родинку под глазом.

В итоге побег блестяще удался. На поезде Мрняк и Корнилов добрались до городка Карансебеш на границе Австро-Венгрии и Румынии (сейчас на территории Румынии). Там Мрняка задержал австрийский пограничный патруль (впоследствии фельдшер был осужден на 20 лет каторги, а в 1918 году освобожден), а Корнилов, уверенный в том, что напарник погиб, сумел скрыться в горном лесу и три недели блуждал по нему, сбивая со следа погоню. Наконец 28 августа 1916 года ему удалось на бревне переправиться через Дунай. Румыния две недели как вступила в войну на стороне Антанты, и беглецу уже более ничего не грозило… В плену Корнилов находился 1 год 3 месяца и 19 дней.

31 августа Корнилову устроили торжественную встречу в Бухаресте, откуда он через Киев выехал в Могилёв — в Ставку Верховного главнокомандующего. Появление единственного русского генерала, который смог бежать из вражеского плена, было обставлено как можно эффектнее: Корнилов появился перед высшими чинами Ставки и представителями союзников по Антанте во время обеда, будучи одетым в лохмотья, с одиноким орденом Святого Георгия 4-й степени на груди. Строевым шагом подойдя к начальнику штаба Ставки генералу от инфантерии М.В. Алексееву, Лавр Георгиевич четко отрапортовал:

— Честь имею явиться Вашему Высокопревосходительству, генерал Корнилов.

На следующий день Лавра Георгиевича принял император Николай II, который вручил ему орден Святого Георгия 3-й

степени.

В краткий срок имя Корнилова стало известным и популярным во всей России. О храбреце-генерале, бежавшем из австрийского плена, писали газеты и журналы, его чествовали в Михайловском артиллерийском училище, а земляки из станицы Каркаралинской прислали ему золотой нательный крест, освященный в местном храме. Кроме того, Корнилова избрали почетным казаком станицы и присвоили его имя Каркаралинскому высшему начальному училищу.

4 сентября 1916 года Лавр Георгиевич приехал в Петроград, где смог наконец после двухлетней разлуки обнять жену и детей, живших в общежитии для офицерских семей. Но встреча оказалась короткой — уже 13 сентября генерал-лейтенант получил назначение на должность командира 25-го армейского корпуса. Это соединение включало в себя 3-ю гренадерскую и 46-ю пехотные дивизии, 46-ю артиллерийскую бригаду, 25-й мортирно-артиллерийский дивизион и 25-й саперный батальон. В командование корпусом Лавр Георгиевич вступил 19 сентября.

На посту комкора Корнилову отличиться не довелось по объективным обстоятельствам. 25-й корпус входил в состав Особой армии генерала от кавалерии В.И. Гурко и с 10 сентября 1916 года действовал на Юго-Западном фронте, принимая участие в безуспешных наступательных операциях в районе Ковеля (особенно тяжелые бои корпус Корнилова вел 25 сентября). 10 ноября Особая армия была передана Западному фронту, который вел позиционную войну в Белоруссии. Линия фронта там не менялась в течение двух лет, и 25-й корпус, как и другие части, не имел сколько-нибудь крупных боевых столкновений с противником.

В должности командира корпуса генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов встретил Февральский переворот 1917 года. Изменение государственного строя отразилось на армейской карьере генерала самым прямым образом. Когда Петроград охватили массовые беспорядки, кандидатура Корнилова была выдвинута начальником Главного штаба генералом от инфантерии Н.П. Михневичем с целью замены полностью дискредитировавшего себя во время столичных беспорядков главы Петроградского военного округа С.С. Хабалова. Но выгодность для них Корнилова на посту столичного гарнизона быстро оценили и «авторы» переворота. 2 марта председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко телеграфировал в Ставку: «Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего

Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно среди населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград». Одним из последних своих распоряжений накануне отречения император Николай II назначил Корнилова на должность главнокомандующего Петроградским военным округом. Вечером 2 марта Лавр Георгиевич получил из Могилёва предписание немедленно отправляться к новому месту службы, а на столичных улицах появились объявления, извещавшие о том, что петроградский гарнизон возглавит генерал, «несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России».

Весть о падении монархии Корнилов встретил с неоднозначными чувствами. Сохранилось немало свидетельств о том, что монархистом генерал не был, о свержении династии не сожалел, считая, что она сыграла роковую роль в жизни страны, и никогда не помышлял о возвращении Романовых на политическую сцену. В то же время Лавр Георгиевич говорил: «Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом…» На вопрос, что Корнилов станет делать, если Учредительное собрание вновь провозгласит Россию монархией, генерал отвечал: «Подчинюсь и уйду».

Утром 5 марта, сдав должность комкора генерал-лейтенанту В.В. Болотову, Корнилов прибыл в Петроград. Первым заданием, полученным им от Временного правительства, стал арест императрицы Александры Федоровны — акция, которая для многих монархистов-поклонников Корнилова поставила на нем жирный крест. Однако «предательством» и «изменой» действия Лавра Георгиевича могли показаться лишь на первый взгляд. Не следует забывать, в каком опасном положении находилась тогда императорская семья, фактически запертая в Царскосельском дворце. Гарнизон Царского Села вышел из повиновения еще 28 февраля, 1 марта мятеж перекинулся даже на некоторые части личной охраны царской семьи — Конвоя Его Императорского Величества и Сводно-Гвардейского полка. С 3 марта власть в Царском Селе принадлежала местному совету, который в любую минуту мог отдать приказ о расправе над семьей «отрекшегося

тирана». Так что арест семьи Николая II, который Корнилов произвел утром 8 марта 1917 года, на самом деле был для нее спасением. Отныне караул во дворце несли части, подчиненные главкому округа, а не местному совету. Сама императрица, кстати, оценила поступок Корнилова такими словами: «Я рада, что именно вы, генерал, объявили мне об аресте, так как вы сами испытали весь ужас лишения свободы».

Конечно, Лавру Георгиевичу исполнять это поручение было очень тяжело. По свидетельству полковника С.Н. Ряснянского, в сентябре 1917 года Корнилов «в кругу только самых близких лиц поделился о том, с каким тяжелым чувством он должен был, во исполнение приказа Временного правительства, сообщить Государыне об аресте всей Царской Семьи. Это был один из самых тяжелых дней его жизни».

Еще одной акцией, вызвавшей неоднозначное отношение к Корнилову в армии и стране, стало награждение Георгиевским крестом 4-й степени старшего унтер-офицера лейб-гвардии Волынского полка Т.И. Кирпичникова — якобы за убийство собственного командира, начальника полковой учебной команды штабс-капитана И.С. Лашкевича. Однако формулировка в приказе по Петроградскому военному округу № 120 от 1 апреля 1917 года звучит совершенно иначе: крест вручался Кирпичникову «за то, что 27 февраля, став во главе учебной команды батальона, первым начал борьбу за свободу народа и создание Нового Строя, и несмотря на ружейный и пулеметный огонь в районе казарм 6-го запасного Саперного батальона и Литейного моста, примером личной храбрости увлек за собой солдат своего батальона и захватил пулеметы у полиции». Здесь, разумеется, можно спорить о том, насколько награда соответствовала Статуту Георгиевского креста 1913 года, но факт остается фактом — об убийстве Лашкевича речь не шла.

Как и большинство современников февральских событий 1917 года, какое-то время Корнилов испытывал прилив радости, надежд на всеобщее преображение. Однако когда прошел хмель от первого «глотка свободы», Лавр Георгиевич обнаружил, что нести службу при новой власти практически нереально. Начать хотя бы с того, что властей в Петрограде было две — Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, и приказы по округу нужно было согласовывать с обоими. И хотя Корнилову, по словам военного министра А.И. Гучкова, «были даны неограниченные полномочия в области личных назначений на все командные должности в частях Петроградского округа», а «в его распоряжение были отпущены большие кредиты для организации пропаганды порядка и

дисциплины в войсках», он не справился даже с задачей-минимум — «оздоровлением» столичного гарнизона и созданием частей, верных исключительно правительству, то есть законной, в представлении Корнилова, власти. Это отнюдь не значит, что генерал бездарно провалил порученное ему дело — просто в обстановке хаоса весны 1917-го справиться с таким заданием было невозможно. Лишивший офицеров власти Приказ № 1, упавшая до нуля дисциплина, бесконечные митинги — лицо демократии оказалось вовсе не таким привлекательным, как это многим представлялось в последние годы «царского режима»…

Очень быстро деятельность Корнилова по поддержанию боеспособности войск вступила в противоречие с приказами местного совета. Так, когда 7 марта Лавр Георгиевич приказал убрать из Петрограда разложившиеся запасные полки и заменить их фронтовыми частями, «советские» деятели заявили, что это невозможно — «запасные» останутся в городе и будут «защищать завоевания революции». А когда 20 апреля Корнилов попробовал вывести войска на Дворцовую площадь для противодействия антивоенной демонстрации, исполком Петросовета сообщил, что право вывода войск на улицы есть только у него, но никак не у командующего округом.

Эта наглость стала для Корнилова последней каплей. 23 апреля он подал на имя военного министра рапорт с просьбой о переводе его в действующую армию. А.И. Гучков предложил Корнилову должность главнокомандующего армиями Северного фронта, однако натолкнулся на резкое противодействие Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева. Указав, что назначение Корнилова подорвет «в корне общие основы иерархических взаимоотношений» и обидит более заслуженных генералов, он подчеркнул при этом, что «армию Корнилов может получить любую». В итоге главкомом Северного фронта 29 апреля стал генерал от инфантерии А.М. Драгомиров, а Корнилов в тот же день сменил генерала от кавалерии А.М. Каледина на посту командующего 8-й армией Юго-Западного фронта.

Внешне это назначение выглядело вполне лестным — 8-я армия, которой в 1914—1916 годах командовал А.А. Брусилов, имела высочайшую репутацию и на протяжении всей войны не выходила из тяжелых боев, покрыв себя славой во время Брусиловского прорыва. Но, принимая армию, Корнилов знал и другое — время было уже не то. Удастся ли повести войска в давно запланированное летнее наступление?.. На этот вопрос ответа не было даже у такого опытного военачальника, как Лавр Георгиевич…

Один из его подчиненных, Генерального штаба капитан М.О. Неженцев, так вспоминал первый день, проведенный Корниловым в 8-й армии: «Знакомство нового командующего с личным составом началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения “буржуазной” войны, ведомой “милитарщиками”… Когда генерал Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, которую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи. Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разъединялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями… Появление генерала Корнилова было приветствуемо… группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией… Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил:

— Я был бы бесконечно счастлив — быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание.

На участке соседнего полка командующий армией был встречен… бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши “брательщики” — солдаты. Генерал со словами “Это измена!” повернулся к стоявшему рядом офицеру, приказав передать “брательщикам” обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий.

Дисциплинированные германцы прекратили игру… и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они еще долго митинговали, жалуясь на “притеснения контрреволюционными начальниками их свободы”…» И это касалось не только двух полков, увиденных Корниловым в первый же день, а всей армии.

Конечно, были и исключения. Так, именно в летние дни 1917-го появилась на фронте первая ударная часть русской армии — 1-й добровольческий ударный отряд под командованием Генерального штаба капитана М.О. Неженцева. В нем числился 91 офицер и 1763 солдата. В соответствии с приказом Верховного главнокомандующего № 578 от 8 июня 1917 года отличительными знаками ударных частей стали черно-красный шеврон на правом рукаве и «Адамова голова» (череп со скрещенными костями) вместо кокарды. Отряд прекрасно проявил себя в боях и 11 августа был преобразован в

трехбатальонный Корниловский ударный полк, став, таким образом, своеобразной «личной гвардией» полководца.

Другой безраздельно преданной Лавру Георгиевичу частью зарекомендовал себя Текинский конный полк, укомплектованный туркменами из племени теке. Огромное впечатление на них произвело то, что Корнилов в совершенстве владел их родным языком. Среди текинцев Корнилов получил почетное прозвище «уллу бояр» — великий воин.

…25 июня 1917 года 8-я армия генерал-лейтенанта Л. Г Корнилова пошла в наступление, нанося вспомогательный удар на город Галич. Это направление генерал выбрал сам, проигнорировав приказ Ставки наступать на Рогатин — атаку Галича Корнилов счел более выигрышной и не просчитался. За шесть дней 8-я армия продвинулась на 18 верст, отбросила 7-ю австро-венгерскую армию и спешившие ей на помощь германские резервы, взяла в плен 834 офицера и 35 809 солдат противника, захватила 121 орудие, 99 минометов и бомбометов, 403 пулемета. Получили боевое крещение «ударники», чья блистательная атака австрийских позиций под Ямницей стала одной из самых ярких страниц истории Первой мировой войны. Потери 8-й армии составили 352 офицера и 14 456 солдат убитыми и ранеными. 27 июня, в день взятия 1-й и 4-й Заамурскими стрелковыми дивизиями города Галича, Корнилов был произведен в чин генерала от инфантерии. На рассвете 28 июня части 164-й пехотной дивизии без боя заняли город Калуш…

Однако успех корниловской армии был сведен на нет поведением ее соседей — частей 7-й и 11-й армий. Добившись первоначального успеха, войска быстро выдохлись, начали митинговать, обсуждая боевые приказы или вовсе отказываясь выполнять их. А после первого же контрудара в панике покатились назад, сдавая Галич, Калуш, Тарнополь… Начался общий отход Юго-Западного фронта. Его главнокомандующий генерал от инфантерии А.Е. Гутор выправить ситуацию уже не мог.

В такой обстановке 7 июля Гутор был отстранен Ставкой от командования и передал полномочия Корнилову. 10 июля Лавр Георгиевич вступил в должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта официально. Таким стремительным взлетом по карьерной лестнице Корнилов был обязан комиссару 8-й армии М.М. Филоненко и комиссару Юго-Западного фронта Б.В. Савинкову. Они сообщили военному и морскому министру А.Ф. Керенскому, что «операции должны быть объединены командованием того из начальников, действия которого увенчались во время июньских боев успехом»; по их мнению,

«успех этот обусловлен не только стратегическими талантами генерала Корнилова… но и умением заставить солдат повиноваться отдаваемым приказаниям, что было редкостью в других армиях Юго-Западного фронта». Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А.А. Брусилов пытался помешать назначению Корнилова, указывая на нежелательность смены главкомов в разгар операции, но его возражения Керенский во внимание не принял: фронт надо было срочно спасать, и никто другой, кроме Корнилова, на должность спасателя на годился.

В первый же день командования фронтом Лавр Георгиевич отдал следующий приказ: «Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях не колеблясь применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду». Этот приказ, шокирующе звучавший на фоне уже ставших привычными революционных «свобод», стал только началом целого комплекса мер по выправлению ситуации на Юго-Западном фронте. В тылу были спешно сформированы заградотряды из юнкеров и бойцов ударных батальонов, которым были даны права на месте расстреливать дезертиров и мародеров. Одновременно новый главком фронта жестко поставил перед Временным правительством вопрос о восстановлении в армии отмененной еще в марте 1917 года смертной казни и военно-полевых судов. «На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования, — писал Корнилов. — Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов».

При этом Лавр Георгиевич обращался к правительству в тоне, который вряд ли мог себе в то время позволить кто-либо из русских генералов: «Я заявляю, что Отечество гибнет, а потому, хоть и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии… Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима государственно-революционная власть. Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по

действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя обязанности командующего».

Безусловно, А.Ф. Керенского уже тогда насторожил резкий ультимативный тон корниловских заявлений. Однако выбирать не приходилось — в катастрофические для фронта дни Корнилов был необходим. 9—12 июля все предложенные им меры были официально утверждены Временным правительством и Верховным главнокомандующим. И эти жесткие меры — запрет митингов и революционной агитации, введение смертной казни — действительно помогли. Ценой неимоверных усилий Корнилов смог спасти Юго-Западный фронт, задержать бегущие в панике войска на линии старой государственной границы России — на линии реки Збруч. За четыре дня были потеряны все территории, которые русская армия оплатила своей кровью в 1914—1916 годах. Убитыми и ранеными наши войска потеряли 20 тысяч человек, пленными — 41 тысячу, трофеями австрийцев стали 257 орудий, 191 миномет и бомбомет, 546 пулеметов, но линия фронта перестала сдвигаться на восток, и это было действительно все, что мог сделать Корнилов в катастрофической ситуации. «Заслуга предотвращения окончательного крушения принадлежит по праву тому, кто в дни Галича и Калуша командовал 8-й армией, а в дни Тарнополя возглавил агонизировавший фронт и вернул его к жизни на скалистых берегах Збруча, — писал в своей «Истории Русской армии» А.А. Керсновский. — В неслыханно трудной обстановке держал здесь Корнилов экзамен на полководца и выдержал его».

Лавр Георгиевич был единственным главнокомандующим фронтом, который отсутствовал в Могилёве во время совещания Ставки по итогам летнего наступления. Но именно на том совещании 16 июля Керенский убедился в том, что Корнилов как никогда подходит на пост Верховного главнокомандующего русской армией. Занимавший эту должность с 22 мая А.А. Брусилов, искренне веривший в возможность совмещения революционной «свободы» и дисциплины и в результате растерявший свой авторитет, больше не устраивал Временное правительство. Естественно, назначение на высший армейский пост 46-летнего Корнилова, который еще три недели назад был генерал-лейтенантом, армией командовал чуть больше двух месяцев, а фронтом — девять дней, ломало все существующие правила старшинства и заслуг среди генералитета, но такие мелочи Керенского никогда не волновали. Корнилов был ему нужен — и 19 июля 1917 года он стал Верховным главнокомандующим…

Почему же новый министр-председатель Временного правительства, одновременно остававшийся военным и морским министром, так «вцепился» в Корнилова?.. На этот вопрос существуют два ответа. Самый простой, «внешний», звучит так: фигура Корнилова действительно очень годилась на роль «главного генерала» России. Молодой, храбрый, решительный, знаменитый на всю страну еще с 1916-го, безоговорочно приемлющий революцию, буквально за неделю выправивший катастрофическую ситуацию на Юго-Западном фронте. Комиссары фронта Б.В. Савинков и М.М. Филоненко так описывали Корнилова в письме Керенскому: «Генерал Корнилов заслужил доверие российского офицерства, особенно фронтового, и честно защищает завоевания революции. Он стремится также к примирению офицерского корпуса с Временным правительством. Его правильно направленная энергия и организаторский талант должны послужить республиканской России не завтра, а сегодня. Завтра, господин министр-председатель, может быть реально поздно».

Но была и вторая, скрытая причина стремительного выдвижения Керенским Корнилова. Верховным он был назначен вовсе не потому, что Керенский мечтал видеть на этом посту талантливого генерала-патриота и наконец отыскал такого. Не забудем, что Керенский, как и все Временное правительство, существовал не сам по себе, а выполнял задание организаторов Февральского переворота, «хозяев» и «союзников» по Антанте, преследовавших одну цель — развалить Россию и вывести ее из войны. А для этого прежде всего нужно было развалить русскую армию. Именно поэтому самым первым документом новой власти, созданным 1 марта, еще до отречения императора, был подрывавший основы офицерской власти Приказ № 1, который в мае был дополнен «Декларацией прав солдата и гражданина». Два этих документа подкосили русскую армию так, как ни одно самое кровопролитное сражение до этого. Но даже будучи смертельно больной, армия еще продолжала жить и сражаться. Еще оставались тысячи, десятки тысяч верных присяге генералов, офицеров и солдат, выполнявших свой долг, были готовые умереть за Родину бойцы ударных батальонов. И одним махом вычеркнуть их, списать со счетов просто так, без всякого повода, было невозможно.

Единственным средством оставался… мятеж. Военных, открыто проявивших недовольство разрушением страны и армии, легко можно было объявить вне закона. Но чтобы они пошли на такое выступление, им нужен был авторитетный вождь, лидер. Ни мягкий по натуре М.В. Алексеев, ни стремившийся угодить всем

подряд А.А. Брусилов на эту роль не годились. Таким лидером и должен был стать, по мысли Керенского, активный, пользующийся огромным авторитетом в армии Л.Г. Корнилов. Назначив его на пост Главковерха, Керенскому можно было не беспокоиться — рано или поздно энергичный Корнилов начал бы действовать, и его действия неизбежно вошли бы в противоречие с политикой правительства. После этого Главковерха можно было объявить мятежником и под этим предлогом окончательно разгромить армию изнутри…

Обо всем этом Лавр Георгиевич, конечно, не подозревал, но с самого начала догадывался, что с его назначением что-то нечисто. Во всяком случае, он решил подстраховаться и сразу же поставил перед Керенским условия, на которых соглашался занять пост Главковерха — ответственность перед своей совестью и народом, полное невмешательство правительства в оперативные распоряжения и назначения высшего комсостава, распространение недавно введенной на фронте смертной казни и запретов на митинги на те местности тыла, где расположены армейские пополнения. Требования звучали весьма резко, при желании Корнилова можно было обвинить в намерении стать военным диктатором. Но пока в планы Керенского это не входило, поэтому он согласился со всеми выдвинутыми Корниловым условиями.

Уже 30 июля на совещании с министром путей сообщения и продовольствия Лавр Георгиевич изложил свою программу вывода армии и страны из кризиса: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготовляющую для армии фронта все необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту». Эта схема затем применялась дважды уже в Советской России — во время Гражданской и Великой Отечественной войны. Именно так и только так мог сработать лозунг «Всё для фронта, всё для победы».

Но для пораженной многими вирусами России такие разумные (а вообще говоря, элементарные для любой воюющей страны) методы уже казались не чем иным, как военной диктатурой. «Левая» пресса, в которую попали предложения Корнилова, подняла вой, обвиняя генерала в «бонапартизме». В то же время все здоровые силы России связывали свои надежды именно с ним. 13 августа 1917 года прибывшему на Государственное совещание в Москве Верховному устроили триумфальную встречу на Александровском вокзале — под бурные аплодисменты и крики «Ура Корнилову!» офицеры на

руках вынесли его с перрона на площадь. О том, как было встречено появление Корнилова на совещании, вспоминал П.Н. Милюков: «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя верховного. Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: “Хамы! Встаньте”. Оттуда неслось презрительное: “Холопы!” Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Во время выступления Лавр Георгиевич заявил: «Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины и верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя… Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

Правда, надежда Корнилова на то, что опираться в проведении этих мер нужно исключительно на Временное правительство, быстро рассеялась. Произошло это после совещания, на котором Корнилов докладывал Керенскому и другим министрам о подготовке операций Юго-Западного фронта. Но когда речь зашла о сугубо секретных подробностях, Керенский внезапно прервал генерала и перевел разговор на другие темы. А потом уже Лавру Георгиевичу объяснили, что один из членов правительства, министр земледелия В.М. Чернов… работает на германскую разведку, и в его присутствии никаких военных вопросов лучше не обсуждать. При этом никто Чернова не арестовывал и даже не собирался этого делать…

Этот случай на многое открыл Корнилову глаза. Раньше он полагал, что источник всех бед России — расплодившиеся после марта советы и комитеты, но теперь понял, что и в самом правительстве открыто заседают предатели. А обстановка в стране становилась тем временем все более тревожной, причем в самых разных сферах. В тылу нарастал хаос — продолжали обесцениваться деньги, сокращалось промышленное производство, анархия, погромы и беспорядки захлестывали все и вся. 14 августа 1917 года произошел огромный взрыв пороховых заводов и складов в Казани, было уничтожено 542 здания, почти два миллиона пудов нефти, около миллиона снарядов, 12 тысяч пулеметов (чуть меньше половины того количества, что русская промышленность изготовила за всю войну). Через шесть дней в результате локального германского наступления на Северном фронте пала Рига, распропагандированные войска, ее

оборонявшие, отступали в такой панике, что немцы не успевали их преследовать. Ободренное успехом германское командование начало планировать наступательную операцию на Ревель (Таллин) и Петроград. А контрразведка сообщила Корнилову о том, что на конец августа в столице запланировано вооруженное восстание большевиков. Все говорило Верховному главнокомандующему о том, что медлить больше нельзя…

Однако не следует думать, что Лавр Георгиевич затевал что-то втайне от Временного правительства или против него. Да, после случая с Черновым он был уверен, что в Кабинете министров есть явные враги, но ведь от них можно избавиться и создать новый, «честный» кабинет. В течение 24—25 августа в Могилёве Корнилов изложил свое видение дел доверенному лицу Керенского — управляющему Военным министерством Б.В. Савинкову. Керенскому Верховный главнокомандующий предлагал временно перебраться в Ставку, а Петроград (а затем и всю страну) перевести на военное положение и подвергнуть жесткой «чистке»: арестовать продавшихся неприятелю министров, распустить советы, милитаризировать заводы и железные дороги, запретить забастовки и стачки, вывести из крупных городов вконец разложившиеся гарнизоны. В столице эту операцию должны были осуществить войска Отдельной Петроградской армии, которая подчинялась бы напрямую Верховному. Ее командующим сначала должен был стать генерал от инфантерии И.П. Войшин-Мурдас-Жилинский, однако затем Корнилов предложил кандидатуру генерал-лейтенанта А.М. Крымова. Костяк новой армии должны были составить 3-й кавалерийский корпус, командиром которого был Крымов, и Кавказская Туземная конная дивизия.

Еще раз повторимся: этот план Корнилов изложил Савинкову, а тот сообщил его Керенскому. Министр-председатель Временного правительства все начинания Корнилова одобрил, и 26 августа 1917-го Отдельная Петроградская армия двинулась к столице. Вечером того же дня в Ставке Корнилов обсудил с М.М. Филоненко и А.Ф. Аладьиным проект реформы правительства, которое должно было получить название «Совет народной обороны». Возглавить СНО должен был Корнилов, министром-заместителем намечался Керенский, участниками намечались также М.В. Алексеев, А.В. Колчак, Б.В. Савинков. Словом, речь шла о «коллективной диктатуре», жестком правительстве военного времени. Тем же вечером Корнилов переговорил по прямому проводу с Керенским, еще раз пригласив его переехать в Могилёв на время, пока Отдельная Петроградская армия будет наводить порядок в столице, и услышал заверения премьера в

том, что в Ставку он выедет на следующий же день…

Таким образом, вся затевавшаяся Корниловым реформа, вернее, целый комплекс реформ, выглядела абсолютно легальной и производилась с ведома и одобрения правительства. С его санкции шли разговоры о диктатуре, с его санкции двигался на Петроград корпус генерала Крымова. Тем страшнее оказался предательский удар, нанесенный Лавру Георгиевичу Керенским…

Прологом для него послужил неожиданный визит 25 августа в Ставку В.Н. Львова — в недавнем прошлом обер-прокурора Святейшего синода, политика, знакомого Корнилову лишь шапочно. С порога назвавшись представителем Керенского, он заявил Верховному главнокомандующему следующее: если дальнейшее участие Керенского в управлении страной вредит интересам России, премьер готов уйти из правительства и хочет знать мнение Корнилова на этот счет. В ответ Лавр Георгиевич обрисовал кризисную ситуацию в стране и на фронте и заметил:

— По моему глубокому убеждению, единственным исходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и объявление страны на военном положении. Я лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам Александр Федорович Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо.

— Такое решение ввиду тяжелого положения страны не исключается, — заявил Львов, — и, думаю, правительство само придет к необходимости диктатуры и, весьма возможно, предложит обязанности диктатора вам.

— Если бы так случилось, я не отказался бы от такого предложения, — сказал Корнилов. — Я всегда считал, что страну может спасти только твердая власть. Но прошу вас передать Керенскому, что участие в управлении страной его и Савинкова я считаю безусловно необходимым.

Тем диалог и закончился. Как видим, ничего заговорщического в его содержании не было — речь шла исключительно о том, как бы спасти Временное правительство и страну путем санкционированной этим самым правительством диктатуры, которая, как мы уже видели выше, предполагалась отнюдь не личной, а коллективной, в виде Совета народной обороны.

А дальше начался почти криминальный сюжет. Вернувшись 26 августа в Петроград, Львов немедленно направился к Керенскому и сообщил, что Корнилов намеревается… отстранить его, Керенского, от власти и стать диктатором. Керенский вызвал Корнилова к прямому проводу и попросил подтвердить верность

сказанных им Львову слов (не уточняя при этом, каких именно). Не ожидавший никакого подвоха Корнилов подтвердил, что сказанные им Львову слова верны, после чего Керенский немедленно собрал срочное заседание Временного правительства, объявил действия Корнилова военным мятежом, Львова арестовал как его посланца (!), приказал задержать 3-й кавалерийский корпус на подступах к Петрограду и потребовал у правительства диктаторских полномочий, которые ему были тут же предоставлены. 27 августа о Корниловском мятеже узнала вся Россия. На следующий день Лавр Георгиевич был отчислен от должности с преданием суду за мятеж. После того как Верховным главнокомандующим отказались стать генералы В.Н. Клембовский и А.С. Лукомский, 1 сентября 1917 года эту должность занял сам Керенский…

Реакцию честного и прямодушного Корнилова на все это можно только вообразить. Он ведь считал, что действует заодно с Керенским, и 3-й конный корпус двигался к столице с его ведома и одобрения!.. А тут — абсолютно необъяснимое поведение премьера. Шокированный происшедшим, Лавр Георгиевич отказался покидать свой пост и 28—31 августа обратился из Могилёва с рядом воззваний к армии: «Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевицкого большинства Советов, действует в полном согласии с планами Германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает Армию и потрясает страну изнутри…» Но даже в этих пропитанных чувствами оскорбленного человека воззваниях, сжигавших мосты между Корниловым и Временным правительством и явно составленных наспех (так, слова «…вынужденный выступить открыто» давали повод думать, что какой-то тайный заговор в Ставке действительно был), содержались призывы к власти одуматься и создать Совет народной обороны.

Воззвания поддержали несколько военачальников — начальник штаба Верховного главнокомандующего А.С. Лукомский, главком Юго-Западного фронта А.И. Деникин, его начальник штаба С.Л. Марков, командующий Особой армией И. Г Эрдели. Вообще говоря, в той или иной степени Корнилова поддержали (хотя бы морально) все главнокомандующие русскими фронтами (за исключением главкома Кавказского фронта М.А. Пржевальского). Горячо приветствовало выступление Корнилова и обожавшее его фронтовое офицерство. Могилёв и десятиверстная зона вокруг него были объявлены Корниловым на осадном положении.

Однако реальных сил в распоряжении Верховного главнокомандующего не было. Две дивизии 3-го кавкорпуса, двигавшиеся на Петроград, «мятежными» считаться не могли по той простой причине, что были выдвинуты в столицу не для борьбы с Керенским, а для его поддержки и наведения порядка в столице, еще до провокации. Тем более что в этих войсках быстро начались беспорядки, а генерал Крымов, обманом завлеченный Керенским в Петроград, покончил с собой. Верные же Корнилову ударные части — своего рода ядро новой русской армии в его понимании — были слишком немногочисленны и разбросаны по разным фронтам. В распоряжении самого Главковерха, в Могилёве, дислоцировались только Корниловский ударный полк, 1-й ударный революционный полк, Текинский конный полк и Отдельный батальон обороны Ставки, который после «мятежа» оказался целиком на стороне Временного правительства.

План Керенского блестяще сработал — русское общество удалось-таки натравить на армию. Выдуманная им «корниловщина» оказалась тем самым жупелом, которого подсознательно страстно желали все русские «демократические» силы — от большевиков до эсеров, от националистов до интернационалистов, от беспартийных солдат до честолюбивых прапорщиков, мечтающих командовать корпусами. В стране были амнистированы немногочисленные еще не выпущенные из тюрем большевики, за правительственный счет спешно вооружались отряды Красной гвардии, которые только в Петрограде через три дня составили не меньше 25 тысяч человек. Воспрянули притихшие было комитеты, создавались новые, носившие пышные названия «спасения Родины и Свободы». Россию захлестнула настоящая волна истерии: «Защитим завоевания революции! Не дадим новому Бонапарту Корнилову прорваться к власти!» В Орше спешно формировался антикорниловский отряд под командованием полковника Короткова, куда стекались добровольцы из Орши, Витебска, Смоленска, желавшие «защищать революцию». Набралось 3 тысячи штыков и 800 сабель при трех батареях артиллерии и 30 пулеметах.

Но на деле «защита революции», как и планировал Керенский, вылилась в очередные массовые расправы над офицерами. Термин «корниловец» теперь применялся ко всем неугодным — главным образом к тем, кто, ссылаясь на приказы 7—12 июля, требовал дисциплины на фронте и к бойцам ударных частей. Достаточно было солдатского доноса с обвинением в «контрреволюционности», чтобы офицера или генерала отстранили от должности. Тех, кто отказывался дать подписку в том, что не поддерживает Корнилова, просто убивали. Так 29

августа погибли генералы Орановский, Гиршфельд, Васильев, Степанов, Максимович, полковники Дунин и Карпович, подполковники Бородин и Кирениус, на флоте — лейтенант Тизенко и мичманы Михайлов, Кондратьев и Кандыба. С расправами «снизу» смыкалась расправа «сверху», особенно пострадал после «мятежа» Юго-Западный фронт, который возглавляли «идейные корниловцы» — А.И. Деникин и С.Л. Марков.

«Разгром» талантливо срежиссированной Керенским «корниловщины» (оба эти слова можно употреблять только в кавычках) привел к положению, которое образно описал генерал Н.Н. Головин: «Произошел окончательный разрыв между двумя лагерями: офицерским и солдатским. При этом разрыв этот доходит до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими». И солдаты, и офицеры утратили всякую веру во Временное правительство, хотя мотивы у них были, понятно, разными. Солдаты ненавидели правительство, которое продолжало окончательно осточертевшую войну, офицерство же после расправы над Корниловым поняло, что оно фактически брошено на произвол судьбы и ждать помощи от государства не стоит.

Политическая ситуация в стране, вроде бы разрядившись, на самом деле накалилась до предела. Временное правительство, в сущности, стало фикцией, на него уже просто не обращали внимания. Еще раз напомним, что А.Ф. Керенский, неизменно укреплявший свое положение во власти начиная с марта (сначала министр юстиции, затем военный и морской министр, премьер-министр, с 1 сентября — премьер-министр с диктаторскими полномочиями), «играл» в одной команде с большевиками, которым он должен был передать власть. И то, что идея государственного переворота буквально витала в воздухе, неудивительно. К этому перевороту Россию подводила вся логика событий лета—осени 1917-го…

История не знает сослагательного наклонения, но сегодня мы не можем не задаваться вопросом: а что бы было со страной, если бы задуманные Корниловым реформы удались?.. На этот вопрос попытался ответить в своей «Истории Русской армии» А.А. Керсновский: «Выступление Корнилова было последней попыткой предотвратить крушение великой страны. Удайся оно, Россию, конечно, ожидали бы еще потрясения. Прежде всего немцы попытались бы утвердить своего Ленина штыками, и нашим не окрепшим еще армиям пришлось бы в сентябре—октябре выдержать жестокий натиск и отступить вглубь страны. Затем надо было считаться с тем, что за шесть месяцев керенщины

анархия успела беспрепятственно пустить глубокие корни в народную толщу При всех своих достоинствах героя Корнилов не был государственным человеком и правителем. Его убогое окружение было только немногим выше Временного правительства. Выздоровление России было бы долгим и тяжелым. Но она осталась бы Россией…

Оставшись в Могилёве и не возглавив лично шедшие на Петроград войска, Корнилов совершил роковую ошибку. Некоторым оправданием для него была полная неожиданность провокации. Пассивность Верховного предрешила неудачу спасительной контрреволюции…

Трагически сложившаяся обстановка потребовала от главы Временного правительства выбора между Корниловым и Лениным. И Керенский выбрал Ленина… Корнилов говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственник по воззрению, он был ему трижды непонятен, трижды неприятен, трижды чужд, тогда как Ленин был своим. Конечно, Керенский не одобрял Ленина, возмущался его “аморальностью”, негодовал на братоубийственную проповедь марксистского изувера. Но это были только частности. И тот, и другой поклонялись революции. Один воскуривал ей фимиам, другой приносил ей кровавые жертвы. И Ленин, и Керенский говорили на одном и том же языке. Разница была лишь в акценте.

Керенский предпочел своего Ленина чужому Корнилову. И отдал Ленину Россию на растерзание. В выборе между Россией и революцией он не колебался, ставя выше революции только себя самого.

Корнилов отдал жизнь за Родину. Керенский отдал Родину за жизнь. История их рассудила».

…После всколыхнувшей страну волны ненависти к офицерству и армии, после последовавшего разгрома чудом уцелевших в хаосе марта—июля 1917-го командных кадров расправа, безусловно, ожидала бы и самого главного «мятежника» — Лавра Георгиевича Корнилова. Спас его человек, который, казалось бы, уже ушел с политической и военной арены — бывший Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Именно он взял на себя щекотливую миссию ареста Корнилова и его сподвижников, взял с тайной целью спасти их от расправы дикой толпы. Впрочем, расправа могла последовать и от вполне официальных лиц — одновременно с Алексеевым в Могилёв выдвигался из Орши карательный отряд полковника Короткова, призванный усмирить «корниловский» гарнизон города. А поскольку «ударники» и текинцы тоже были грозной силой, бой был бы неизбежен. К счастью, Алексееву

удалось перехватить Короткова в Орше и убедить его остановить поход на Ставку. А отправленные на подавление «мятежа» два корпуса Московского военного округа до Могилёва дойти просто не успели.

Убедившись в том, что сил в его распоряжении нет, Лавр Георгиевич скрепя сердце принял решение не оказывать сопротивление представителям власти, предотвратив тем самым гражданскую войну и сохранив Ставку — ведь боевые действия с внешним врагом продолжалась, и ими нужно было руководить. 1 сентября 1917 года Корнилов передал полномочия Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву. Сцена получилась тяжелая. «Вам трудно будет выйти с честью из создавшегося положения, — сказал Корнилов Алексееву. — Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая ваша уступка Керенскому толкнет вас на бесчестный поступок… В лучшем случае или вы сами уйдете, или вас попросят уйти». Вечером Алексеев объявил Корнилову, начальнику его штаба А.С. Лукомскому и генерал-квартирмейстеру И.П. Романовскому о их аресте. Лавр Георгиевич до конца жизни так и не смог простить М.В. Алексееву участия в этой акции, и отношения двух генералов были напряженными даже на Дону, когда оба они уже стояли во главе нарождавшегося Белого дела.

Сначала арестованных генералов разместили в могилёвском отеле «Метрополь», но в ночь на 12 сентября из соображений безопасности отправили в расположенный в 50 километрах к югу от Могилёва городок Быхов. Там пленников разместили в здании женской гимназии. Этот двухэтажный, ничем не примечательный внешне дом сохранился до наших дней, сейчас он выкрашен в унылый бледно-красный цвет и выглядит очень запущенным. До недавних пор там размещалась автошкола.

28 сентября прибыли из Бердичева арестанты с Юго-Западного фронта — Деникин и Марков: «Покружили по грязным улицам еврейского уездного города и остановились перед старинным зданием женской гимназии. Раскрылась железная калитка, и мы попали в объятия друзей, знакомых, незнакомых — быховских заключенных, которые с тревогой за нашу судьбу ждали нашего прибытия.

Явился к Верховному.

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — говорил, обнимая меня, Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы; я и Марков расположились в комнате генерала Романовского. Все пережитое

казалось уже только скверным сном. У меня наступила реакция — некоторая апатия, а самый молодой и экспансивный из нас — генерал Марков писал 29-го в своих летучих заметках: “…Нет, жизнь хороша. И хороша — во всех своих проявлениях!..”».

На 2 октября 1917 года в Быховской тюрьме находились 10 генералов (генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, генерал от кавалерии И.Г. Эрдели, генерал-лейтенанты А.И. Деникин, А.С. Лукомский, Е.Ф. Эльснер, Г.М. Ванновский, генерал-майоры И.П. Романовский, В.Н. Кисляков, С.Л. Марков, М.И. Орлов), 3 подполковника, 3 капитана, 1 есаул, 1 штабс-капитан, 1 поручик, 2 прапорщика, 1 военный чиновник, 1 журналист и 1 член Государственной думы. Охрану тюрьмы несли военнослужащие Отдельного батальона обороны Ставки Верховного главнокомандующего (бывший Георгиевский батальон; внешняя охрана) и Текинского конного полка (внутренняя охрана). Последние, как мы помним, еще с лета 1917-го были безгранично преданы Корнилову, обожали его, считались его «личной гвардией». Отношения между текинцами и георгиевцами не сложились. Текинцы не раз на ломаном русском говорили своим «коллегам»: «Вы — керенские, мы — корниловские: рэзать будем…» В ответ георгиевцы постоянно сигналили во всевозможные комитеты о том, что текинцы фактически все вопросы охраны Корнилова замкнули на себе, и просили разобраться в таком странном положении дел. Но поскольку текинцев было вшестеро больше (300 штыков против 50), георгиевцы волей-неволей вынуждены были вести себя корректно. Кроме того, роль сдерживающей силы выполняла расквартированная в Быхове 1-я Польская стрелковая дивизия генерал-майора Г В. Остаповича.

Режим для узников был установлен достаточно вольготный. А.С. Лукомский вспоминал, что «официально мы все время, кроме необходимого на пищу и предоставляемого для прогулки, должны были сидеть по своим комнатам, но в действительности внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому. Денежного содержания лишили, но пищу нам разрешено было готовить на казенный счет такую же, как давали в офицерских собраниях. Из Ставки в Быхов был прислан повар, и нас кормили вполне удовлетворительно… Прогулка нам разрешалась два раза в день во дворе, вокруг костела. Впоследствии для наших прогулок отвели большой сад, примыкавший к дому, в котором мы помещались».

И в тюрьме Корнилов продолжал пользоваться непререкаемым авторитетом среди товарищей по несчастью. «Его любили, уважали, верили и на него надеялись, питая к нему

безграничную преданность, — вспоминал адъютант Корнилова поручик Р.Б. Хаджиев. — При его появлении все… сидящие и лежащие вскакивали и с затаенным дыханием ждали, что скажет Верховный. Ни шепота, ни вздоха, руки вытянуты по швам, безмолвная команда “смирно”».

Надо сказать, что осенью 1917-го и многие жители России по-прежнему видели в Корнилове не «изменника» и «мятежника», а лидера, вождя, способного сплотить нацию и вывести ее на путь истинный. Недаром Лавр Георгиевич именно тогда стал адресатом стихотворения Константина Бальмонта:

В стране, что ложью обессилена,
Средь жалких умственных калек,
Где, что ни слово, то извилина,
Ты прямодушный человек.
Как белый лебедь, полный гордости,
Плывет, и им светла волна,
Твой лик твердил: «Нам нужно твердости,
Любовь к России нам нужна».
Перед тобой склонен в восторге я.
Он предрешенный твой удел:
Ведь имя Лавра и Георгия
Герою битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут.

Время заключения «быховцы» проводили с пользой, работая над так называемой «корниловской программой» — перечнем из шести пунктов, которые включали в себя политические представления заключенных о будущем России: созыв Учредительного собрания, война «до заключения скорейшего мира», создание боеспособной армии и организованного тыла. О побеге никто не думал, хотя при желании Корнилов и его соратники могли бежать из Быхова хоть на другой день — слишком много у него было помощников и сторонников. «Хотя побег из Быховской тюрьмы не представлял затруднений, — писал А.И. Деникин, — но он недопустим по политическим и моральным основаниям и может дискредитировать наше дело. Считая себя — если не юридически, то морально — правыми перед страной, мы хотели и ждали суда. Желали реабилитации, но отнюдь не “амнистии”. И когда в начале октября нам сообщили, что… суда не будет вовсе, это обстоятельство сильно

разочаровало многих из нас. Побег допускался только в случае окончательного падения власти или перспективы неминуемого самосуда. На этот случай обдумывали и обсуждали соответствующий план, но чрезвычайно несерьезно».

«Быховское сидение» закончилось с приходом к власти в стране большевиков. После бегства из Петрограда премьер-министра Временного правительства и Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского обязанности Главковерха принял на себя начальник его штаба — генерал-лейтенант Н.Н. Духонин. В ночь на 9 ноября 1917 года, отказавшись начать по приказу В.И. Ленина переговоры с немцами о заключении мира, Духонин был отстранен от должности Советом народных комиссаров «за неповиновение предписаниям правительства». Новым Главковерхом был назначен большевик прапорщик Н.В. Крыленко. Было ясно, что в ближайшем будущем последует разгром Ставки, и судьба «быховских узников» повисла на волоске — в случае захвата власти большевиками арестантов ждал немедленный и жестокий самосуд.

В этой ситуации Духонин 18 ноября согласился отправить заключенных из Быхова в Новочеркасск — об этом просил атаман Донского казачьего войска генерал от инфантерии А.М. Каледин. Но, получив информацию о том, что Крыленко уже выехал в сопровождении революционных отрядов из Петрограда в Могилёв, Духонин отменил свой приказ и отдал новый — о немедленном освобождении арестантов. Утром 19 ноября в Быхов прибыл полковник П.А. Кусонский и объявил заключенным:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилёв, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Первыми оставили город С.Л. Марков, И.П. Романовский, А.И. Деникин и А.С. Лукомский. Переодевшись в штатское, с подложными документами, они разными путями отправились на Дон. В первом часу ночи 20 ноября 1917 года, в день захвата большевиками Ставки и жестокого убийства Н.Н. Духонина, покинул Быхов и Лавр Георгиевич Корнилов. С ним уходил Текинский конный полк в составе трех эскадронов и пулеметной команды — всего 24 офицера и 400 всадников.

Дорога на Дон — почти 900 километров — была тяжелой не только потому, что зима 1917-го выдалась ранней и суровой, а карт, провианта и фуража у Текинского полка не было. Опасность подстерегала и со стороны первых большевистских воинских частей. 26 ноября у села Писаревка полк нарвался на красную засаду и понес большие потери. В конце концов Корнилов, чтобы

не подвергать преданную ему часть опасности, приказал текинцам добираться на Дон самостоятельно. На станции Холмечи переодетый в крестьянскую одежду генерал с паспортом на имя беженца из Румынии Лариона Иванова сел на поезд, идущий в Новочеркасск. В казачью столицу бывший Верховный главнокомандующий русской армией Л.Г. Корнилов прибыл 6 декабря 1917 года…

Но это уже другая история — история нарождавшегося Белого движения. Недаром слово «быховец» среди белых воинов было одним из самых почетных определений — оно значило, что человек стоял у самых истоков Белого дела вместе с Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным и С.Л. Марковым.

Возглавив созданную М.В. Алексеевым белую Добровольческую армию, Лавр Георгиевич Корнилов оставался в ее главе до самой своей гибели. 31 марта 1918 года в 7.20 (по другим данным — в 6.40), во время штурма добровольцами Екатеринодара, 47-летний генерал был убит разрывом артиллерийского снаряда, попавшего в стену дома, где находился Корнилов. Сильная взрывная волна отбросила Лавра Георгиевича на стенку печи, напротив которой он сидел, сверху рухнули балки перекрытия, посыпалась штукатурка… Один осколок поразил генерала в правое бедро, второй — в висок. Подчиненные отнесли Корнилова на бурке на берег реки Кубани, омыли его лицо от белой штукатурной пыли… Через десять минут, не приходя в сознание, генерал скончался.

Известие о гибели обожаемого вождя глубоко поразило всех добровольцев: «Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых стали закрадываться страх и мучительное сомнение…» Штабс-капитан А. Тюрин так описывал реакцию на гибель Корнилова основателя Добровольческой армии М.В. Алексеева: «Тело генерала Корнилова было завернуто в бурку, положено на артиллерийскую повозку и отправлено в станицу Елизаветинскую, расположенную в 14 верстах. На середине пути печальный кортеж повстречал едущего на ферму генерала Алексеева. Он вышел из коляски, встал на колени и земно поклонился телу своего боевого товарища. Затем, встав, он подошел к артиллерийской повозке и приподнял бурку. Долго смотрел он в лицо покойного и поцеловал его в лоб. Он понял, какой удар был нанесен Добровольческой армии. Командование было передано генералу Деникину, такова была воля покойного. Генерал Алексеев

официально подтвердил это».

В связи с гибелью Корнилова по Добровольческой армии был издан следующий приказ:

«Пал смертью храбрых человек, который любил Россию больше себя и который не смог перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!»

Похороны Л.Г. Корнилова состоялись в ночь на 2 апреля 1918 года на пустыре за немецкой колонией Гначбау в 50 верстах севернее Екатеринодара. Могилу вырыли преданные телохранители Корнилова — всадники Текинского полка. Одновременно с генералом хоронили его бывшего подчиненного, погибшего днем ранее полковника М.О. Неженцева — «первого ударника» русской армии. Место погребения было засекречено — на нем не установили ни креста, ни памятного знака, координаты захоронения, нанесенные на карту, были известны только трем людям, а войска, отдавая последние почести генералу, проходили стороной. Но такие предосторожности не помогли сохранить могилу Л.Г. Корнилова от осквернения. Колония Гначбау была оставлена добровольцами в тот же день, 2 апреля, а уже 3-го тело генерала было вырыто из могилы большевиками, искавшими «кадетские» драгоценности. В отчете Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков сохранилось описание дальнейших событий, составленное действительным статским советником Г.А. Мейнгардтом:

«Тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина, на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами. Воздух оглашался отборной бранью. Ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не

тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогали. Настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти, Золотарев, появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографы, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части, и обрывки разбрасывались кругом. “Тащи на балкон, покажи с балкона”, — кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: “Не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве”. Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. “Тетя, да он совсем голый”, — с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине. Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп, без сомнения, принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. “Посмотрите и увидите”, — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, “а так простых солдат не хоронят”, — заключил он. И действительно, приходится считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом именно генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади перед гостиницей Губкина продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: “Стой, буду стрелять из пулемета!” — и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя

бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось. К трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки, жгли и растаптывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивших труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженых; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег “на помин души Корнилова”».

О глумлении над телом покойного в Добровольческой армии известно не было. Когда белые войска через четыре месяца взяли Екатеринодар, на 6 августа 1918 года была намечена церемония торжественного перезахоронения Л.Г. Корнилова в кафедральном соборе. Но после вскрытия могилы обнаружилось, что она пуста. Потрясенная гибелью супруга и его посмертной судьбой вдова генерала Таисия Владимировна пережила его совсем ненадолго — она скончалась через полгода после гибели Лавра Георгиевича. Ее похоронили на берегу реки Кубани, рядом с тем местом, где оборвалась жизнь генерала, там же был установлен символический надгробный памятник Корнилову. Его снесли в 1920 году, уже при советской власти.

Память о Корнилове свято сохранялась в белой армии. Уже в 1919-м в доме, где он погиб, был создан музей военачальника. В сентябре того же года название «Генерал Корнилов» получил крейсер Белого Черноморского флота «Очаков» — тот самый «Очаков», на котором в 1905-м поднял восстание П.П. Шмидт. 14 ноября 1920 года именно на «Генерале Корнилове» ушел из Крыма главнокомандующий Русской армией и Правитель Юга России барон П.Н. Врангель. По иронии судьбы, корабль, считавшийся символом русской революции, покидал Россию как флагман Белого флота… В 1933 году крейсер «Генерал Корнилов» был разобран в тунисской Бизерте.

Своеобразным «памятником» белому вождю стало существование в структуре Добровольческой армии элитных Корниловских частей. Как мы помним, Корниловский ударный полк появился еще в составе русской армии 11 августа 1917 года. Однако вскоре после «мятежа», 10 сентября 1917 года, он был переименован в 1-й Российский ударный, а затем в Славянский ударный. В Добровольческой армии полк был восстановлен под своим прежним названием. 21 июля 1919-го был сформирован 2-й Корниловский, а 27 августа того же года — 3-й Корниловский ударный полки, которые в сентябре были сведены в бригаду, а 14 октября 1919 года — в Корниловскую ударную дивизию. В январе 1920 года в состав дивизии входили 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловский запасной полк, Корниловский отдельный и Горско-Мусульманский конные дивизионы, Корниловская артиллерийская бригада в составе трех батарей, Корниловская отдельная инженерная рота, дивизионный транспорт и лазарет. После ноябрьской эвакуации из Крыма остатки дивизии были сведены в Корниловский ударный полк и Корниловский артдивизион, которые в 1921 году были вывезены в Болгарию и год спустя прекратили существование. Отличительным знаком корниловцев оставалось присвоенное этой части еще в 1917-м обмундирование черно-красной расцветки и «ударный» шеврон на правом рукаве. Считаясь своего рода гвардией в рядах Вооруженных сил Юга России, корниловцы всю Гражданскую войну практически не выходили из боев, проявили выдающуюся храбрость и понесли большие потери.

Семья Лавра Георгиевича — дочь Наталья Лавровна и сын Юрий Лаврович — приняли участие в начальном периоде Белого дела вместе с отцом и впоследствии эмигрировали. Наталья Лавровна, в замужестве Шапрон-дю-Ларрэ, скончалась в Брюсселе в июле 1983 года в возрасте восьмидесяти пяти лет, Юрий Лаврович поселился в США, где умер после 1980 года. Родной брат Л.Г. Корнилова, полковник Петр Георгиевич, был расстрелян в Ташкенте в 1920 году после попытки поднять в городе восстание. Сестру Л.Г. Корнилова Анну расстреляли в Луге в 1926-м за антисоветскую агитацию. Просить о помиловании она отказалась, заявив, что готова умереть так же, как ее брат…

В Советском Союзе имя Корнилова было демонизировано так же, как имена других белых вождей — Деникина, Врангеля, Юденича и Колчака. Ему было посвящено немало исследований (первым стала книга бывшего начальника Корнилова — генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова), однако их авторы видели в Корнилове исключительно тирана, готового залить Россию кровью, рвавшегося к власти военного диктатора и лютого врага

«трудового народа». Такое восприятие деятельности генерала прижилось настолько, что и сейчас слово «корниловщина» в русском языке носит явно выраженный отрицательный оттенок, хотя вряд ли кто-нибудь сможет внятно объяснить, в чем именно его смысл… Заслуги Корнилова в области географии, военной разведки и военной дипломатии, наконец, его деятельность во время Первой мировой войны были забыты напрочь. Только в конце XX века в России начались первые попытки объективно изучить сложную биографию Лавра Георгиевича. Своеобразным прорывом стала вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга А.И. Ушакова и В.П. Федюка (2006). А в апреле 2011 года было принято решение о создании мемориального комплекса в память о Л.Г. Корнилове в Краснодаре. В апреле 2013-го в городе был установлен первый в России памятник Корнилову. А еще раньше, в ноябре 2012-го, Краснодар стал первым русским городом, в котором появилась улица Корнилова…

…Во время «быховского сидения» один из арестантов, полковник С.Н. Ряснянский, попросил своих коллег записать на память несколько слов в его альбом. Эту реликвию он сумел сохранить и опубликовал в 1927 году. Автограф, оставленный Корниловым 26 сентября 1917-го, заканчивался примечательным афоризмом: «Чем тяжелее положение, тем смелее вперед». Эту фразу можно считать девизом всей жизни видного ученого-географа, разведчика, военачальника, политического деятеля, выдающегося патриота России — Лавра Георгиевича Корнилова.

НИКОЛАЙ ЮДЕНИЧ: *«Только тот достоин жизни этой, кто на смерть всегда готов»*

Сведения о происхождении рода Юденичей противоречивы. В большинстве открытых источников можно прочесть, что Юденичи были дворянами Минской губернии, но в «Алфавитном списке дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года» такая фамилия не значится. А вот священников с фамилией Юденич в Белоруссии и на Смоленщине всегда было много, некоторые из них — например епископ Чебоксарский и Чувашский Владимир, в миру Василий Дмитриевич Юденич, — становились видными церковными иерархами. Кстати, и второй русский генерал времен Первой мировой, носивший эту фамилию, — командующий Сводной Пограничной пехотной бригадой генерал-майор Михаил Семенович Юденич (1867— 1921), — происходил именно из семьи священнослужителя. Так что вполне возможно, что во время одного из «разборов шляхты», проводившихся в конце XVIII века в только что вошедших в состав России западных губерниях, Юденичи не смогли доказать свое благородное происхождение и были переписаны в другие сословия.

Ветвь рода, из которой происходил в будущем прославленный полководец, к началу XIX столетия осела в Москве. О деде Н.Н. Юденича Иване Николаевиче известно немногое. В 1839 году он был коллежским регистратором, то есть носил низший гражданский чин 14-го класса Табели о рангах, и жил по адресу Новинский вал, 136, в доме Путиловой. Спустя восемь лет он в чине коллежского секретаря служит журналистом в Московской провиантской комиссии Военного министерства. Во время Крымской войны И.Н. Юденич занимал должность дистанционного смотрителя провиантских магазинов Московской губернии и умер в 1856 году в чине титулярного советника.

Об одном из двух его сыновей, Николае Ивановиче, родившемся в 1826 году, автор биографической книги «Юденич: генерал суворовской школы» (2004) А.В. Шишов сообщает следующее: «Он сумел дослужиться до чина коллежского советника, что по петровскому Табелю о рангах 1722 года соответствовало званию армейского полковника. За усердную службу был награжден орденами Святых Станислава и Анны — орденами сугубо гражданскими, “без мечей”. Последней

должностью Юденича-старшего, дворянина Минской губернии, был пост директора московского Землемерного училища».

В этом фрагменте буквально каждая фраза содержит фактическую ошибку. На самом деле Николай Иванович Юденич достиг в жизни куда более значительных высот. По прошению отца он был зачислен в московский Константиновский межевой институт и по его окончании получил чин прапорщика. Это было связано с тем, что Межевой корпус Министерства юстиции России в 1849—1867 годах был военизированной организацией, и его служащие носили армейские чины и мундиры военного покроя. В дальнейшем Н.И. Юденич преподавал геодезию, астрономию, арифметику и геометрию в различных учебных заведениях Москвы, был инспектором Константиновского межевого института, редактировал журнал «Межевой вестник», а в конце жизни возглавлял Курское (1886— 1889) и Тифлисское (1889—1891) землемерные училища. К этому времени Н.И. Юденич дослужился до чина действительного статского советника (гражданский аналог чина генерал-майора), что давало ему право на потомственное дворянство, и был удостоен орденов Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 3-й степени. Забегая вперед скажем, что с 1885 года Николай Иванович Юденич страдал приступами стенокардии; во время его пребывания в Тифлисе болезнь обострилась, и он умер на своей даче в Перерве 2 июня 1892 года в возрасте шестидесяти шести лет.

Женой Н.И. Юденича стала его ровесница, дочь чиновника, москвичка Агния Никитична Даль. Во многих источниках утверждается, что она доводилась двоюродной сестрой знаменитому составителю толкового словаря Владимиру Ивановичу Далю, однако это не так: отец В.И. Даля был по происхождению датчанином, а отец А.Н. Даль — французом. Ее дед Франсуа Даль переселился в Россию из Франции в 1770-х годах, а в 1839-м род Далей был внесен в 3-ю часть родословной книги Московской губернии. Мать Агнии Никитичны, урожденная Гениште, приходилась родной сестрой популярному в начале XIX века русскому композитору чешского происхождения И.И. Гениште. В браке Николая Ивановича и Агнии Никитичны родились две дочери — Александра (в 1860-м, в замужестве Лаврентьева) и Клавдия (в 1868-м, в замужестве Паевская) — и сын Николай. На момент его появления на свет, 18 июля 1862 года, Н.И. Юденич служил ротным офицером Школы межевых топографов в чине подпоручика.

С юности посвятивший себя межевому делу, Николай Иванович и единственному своему сыну прочил такую же мирную

карьеру. Именно в Константиновский межевой институт и поступил по настоянию родителей семнадцатилетний Николай. Однако вскоре юноша понял, что его призвание все же в другом и, преодолев сопротивление отца, 6 августа 1879-го перевелся в 3-е Александровское военное училище. Его красивое старинное здание занимало квартал между московской улицей Знаменкой и Пречистенским бульваром (сейчас в этом сильно перестроенном доме размещается Министерство обороны России). Это учебное заведение, основанное в 1863 году на базе Александровского сиротского кадетского корпуса, дало «путевку в жизнь» таким разным людям, как русские полководцы Первой мировой А.Е. Эверт, В.А. Ирманов, В.Н. Клембовский, Н.Н. Духонин и советские военачальники П.П. Лебедев, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский…

Быт Александровского училища прекрасно описан его выпускниками — А.И. Куприным (в романе «Юнкера») и Б.С. Зайцевым (в очерках «Мы, военные…»). День юнкера был подчинен строгому режиму. В половине седьмого утра — подъем, утренняя молитва, гимнастика, утренний осмотр, чай, амбулаторный осмотр доктором юнкеров, нуждающихся в совете врача, и прогулка. Дальше начинались занятия в классах (по средам и субботам — с 8.00 до 12.10, в остальные дни с 8.00 до 11.35) с десятиминутными переменами. Затем полчаса отводилось на завтрак, после которого юнкера отправлялись на строевые занятия. В 16.00 следовал обед, с 16.30 до 17.30 — свободное время, после которого два часа выделялось на приготовление домашних заданий. Раз в неделю с 18.00 до 20.00 юнкера занимались гимнастикой и фехтованием. В 20.30 садились за вечерний чай, через 15 минут начинались перекличка, вечерняя молитва и «заря», после которой юнкера могли по своему усмотрению или заниматься до 23.00, или укладываться спать. Такой порядок был неизменным с 1 сентября по 1 апреля. Весной, когда в училище начинались экзамены, строевых занятий не было. А летом юнкеров выводили для практических занятий в Ходынский лагерь, где расписание дня находилось в зависимости от строевых занятий и стрельб.

Однокашникам Юденич запомнился «тонким худеньким юношей со светлыми вьющимися волосами, жизнерадостным и веселым». На протяжении всей учебы юнкер Юденич показывал блестящие успехи, 8 августа 1880 года был произведен в портупей-юнкера, а год спустя, 8 августа 1881-го, выпущен из училища в чине подпоручика. Впрочем, поскольку первым местом службы юного офицера стал лейб-гвардии Литовский полк, он в тот же день был переименован в прапорщики гвардии. Служа в Варшаве, Юденич решил не останавливаться на достигнутом —

он усиленно готовился к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба и в 1884-м сдал вступительные экзамены.

В академии Юденич учился настолько впечатляюще, что 30 августа 1885 года был произведен в поручики «за отличные успехи в науках». 7 апреля 1887 года Юденич окончил Николаевскую академию по первому разряду с присвоением чина Генерального штаба капитана. Для 25-летнего офицера такое продвижение по служебной лестнице можно было назвать блестящим. Из Петербурга он вернулся к прежнему месту службы — в Варшаву, где был назначен старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса, одновременно отбывая цензовое командование ротой в лейб-гвардии Литовском полку. 22 мая 1889 года офицер был награжден первым орденом — Святого Станислава 3-й степени. В январе 1892 года последовал перевод из Польши в Туркестанский военный округ. В Ташкенте Николай Николаевич, которому 5 апреля 1892 года был присвоен чин Генерального штаба подполковника, в течение четырех с половиной лет занимал должность старшего адъютанта штаба округа и штаб-офицера при управлении Туркестанской стрелковой бригады. В 1894 году он участвовал в Памирской экспедиции в должности начальника штаба Памирского отряда. К этому времени относятся первые воспоминания о Юдениче его сослуживцев. Как писал генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, молодой подполковник-генштабист славился «прямотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам».

В 1895 году Николай Николаевич связал свою судьбу с уроженкой Ташкента, 24-летней Александрой Николаевной Жемчужниковой — дочерью покойного к тому времени подполковника Николая Павловича Жемчужникова, одного из главных героев взятия Ташкента в 1865-м. 24 марта 1896 года Н.Н. Юденич был произведен в чин Генерального штаба полковника с формулировкой «за отличие». Во время службы в Туркестанском военном округе он стал кавалером орденов Святой Анны 3-й степени (30 августа 1893 года), Святого Станислава 2-й степени (9 июня 1895 года) и Святой Анны 2-й степени (22 июля 1900 года).

16 июля 1902 года, за два дня до своего сорокалетия, Николай Николаевич был назначен командиром 18-го стрелкового полка, расквартированного в городке Кальвария Сувалкской губернии (ныне Калвария, Литва). В его главе он и вышел на Русско-японскую войну 1904—1905 годов. С началом войны Юденичу предложили должность дежурного генерала в

хорошо знакомом ему Туркестанском военном округе, но быстрому производству в генерал-майоры и спокойной тыловой жизни Николай Николаевич предпочел фронт. Незадолго до этого события Юденич был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени за выслугу 25 лет.

Боевым крещением 43-летнего офицера стало сражение при Сандепу, на которое полковник Юденич вывел всю 5-ю стрелковую бригаду (ее командир генерал-майор А.Е. Чурин повредил руку, упав с лошади, и по старшинству бригаду временно принял Юденич). Обстоятельства боя были тяжелыми — японцы атаковали участок обороны, занимаемый 17-м и 20-м стрелковыми полками. Ночью Николай Николаевич прибыл на правый фланг и обратился к строю 20-го полка с вопросом: есть ли охотники контратаковать японцев?.. Желающих не обнаружилось. «Я сам буду командовать охотниками», — произнес тогда Юденич и с револьвером в руках первый двинулся на противника. За ним последовали сначала офицеры штаба бригады, а затем и рядовые стрелки. Порыв был настолько дружным, что японцы не выдержали напора и побежали. До Сандепу оставалось всего 600 шагов, когда Юденича настиг приказ командира корпуса, предписывавший… отойти на исходные позиции. Позднее Юденич получил от комкора строгий выговор за «неуместную самостоятельность». Сразу скажем, что в дальнейшем именно самостоятельность и умение брать на себя ответственность станут главными чертами Юденича-полководца.

Спустя несколько дней, 20 января 1905 года, Юденич возглавил наступление 5-й стрелковой бригады на японское укрепление в излучине реки Хунь-Хе. Эта атака происходила «в связке» с 1-й стрелковой бригадой (ее начальником штаба был будущий Верховный главнокомандующий русской армией Л.Г. Корнилов). Юденич снова лично возглавил цепь атакующих и одержал блестящую победу. 4 февраля полковник получил ранение в руку, но остался в строю.

В середине февраля вернулся к исполнению обязанностей комбриг генерал-майор А.Е. Чурин, а Юденич отбыл в свой 18-й стрелковый. В ночь с 21 на 22 февраля 1905 года полк покрыл себя славой во время обороны редута Янсытунь, прикрывавшего стратегически важную железнодорожную станцию. Николай Николаевич возглавил ночную контратаку, сражаясь рядом со своими стрелками с винтовкой в руках. В яростной схватке он получил пулевое ранение в шею. Штыкового удара русских стрелков японцы не выдержали, и редут был удержан…

Кстати, с этим ранением Юденича был связан вещий сон, который незадолго до сражения увидела его младшая сестра

Клавдия. Свое видение она описала так: «Поле сражения, масса раненых, среди которых и Н. Н., а над ним Пресвятая Богородица, покрывающая его своим Омофором». Так и случилось в реальности — пуля, попавшая Юденичу в шею, прошла рядом с сонной артерией, и, хотя на перевязочный пункт его доставили без сознания, рана оказалась неопасной для жизни.

19 июня 1905 года Николай Николаевич был произведен в генерал-майоры с одновременным назначением командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Награды за проявленную на Русско-японской войне доблесть нашли его несколько позже — орден Святого Владимира 3-й степени с мечами был вручен ему в сентябре 1905-го, а Золотое оружие с надписью «За храбрость» и орден Святого Станислава 1-й степени с мечами — в феврале 1906 года. Коллективную награду за мужество получил и весь 18-й стрелковый полк — его офицерам были пожалованы особые нагрудные знаки с надписью «За Янсытунь 19—23 февраля 1905 г.».

После Русско-японской Юденичу пришлось долгое время находиться в госпитале: давали себя знать последствия ранения в шею. Только после излечения и отпуска он получил новое назначение. 10 февраля 1907-го генерал-майор Юденич простился с Виленским военным округом. Новым местом его службы стал Тифлис (ныне Тбилиси, Грузия), где Николай Николаевич получил должность генерал-квартирмейстера штаба округа. Интересно, что за 15 лет до этого в Тифлисе успел послужить и отец Юденича. С 1907 по 1917 год вся воинская служба генерала была связана с Кавказом, за исключением декабря 1912-го — февраля 1913 года, которые он провел на должности начальника штаба Казанского военного округа.

Подчиненные быстро оценили достоинства нового начальника. «От него никто не слышал, как он командовал полком, так как генерал не отличался словоохотливостью; георгиевский темляк да пришедшие слухи о тяжком ранении красноречиво говорили, что новый генерал-квартирмейстер прошел серьезную боевую страду, — вспоминал служивший в штабе Кавказского военного округа генерал-майор Б.П. Веселовзоров. — Скоро все окружающие убедились, что этот начальник не похож на генералов, которых присылал Петербург на далекую окраину, приезжавших подтягивать, учить свысока и смотревших на службу на Кавказе, как на временное пребывание… В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием “генералин”, снисходительный, он быстро завоевал сердца…

Работая с таким начальником, каждый был уверен, что в случае какой-либо порухи он не выдаст с головой подчиненного, защитит, а потом сам расправится как строгий, но справедливый отец-начальник… С таким генералом можно было идти безоглядно и делать дела. И война это доказала: Кавказская армия одержала громоносные победы, достойные подвигов славных предков». А служивший под руководством Юденича Д.П. Драценко так вспоминал манеру работы начальника штаба округа: «Он всегда и все спокойно выслушивал, хотя бы то было противно намеченной им программе… Никогда генерал Юденич не вмешивался в работу подчиненных начальников, никогда не критиковал их приказы, доклады, но скупо бросаемые им слова были обдуманны, полны смысла и являлись программой для тех, кто их слушал».

Генералы и офицеры штаба быстро оценили и гостеприимство Николая Николаевича: «Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных сотоварищей по службе, строевое начальство и их семьи, радостно спешивших на ласковое приглашение генерала и его супруги. Пойти к Юденичам — это не являлось отбыванием номера, а стало искренним удовольствием для всех, сердечно их полюбивших». Кстати, во время Первой мировой войны Александра Николаевна Юденич не покладая рук трудилась в созданном ею лазарете, оборудованном в соответствии с последними достижениями хирургии. Она же организовала трудовую помощь женам мобилизованных солдат и офицеров и создала несколько мастерских по пошиву обмундирования, причем при них действовали бесплатные ясли для детей работниц.

Во время непринужденных бесед во внеслужебной обстановке начальник штаба присматривался к своим подчиненным, выделяя для себя широко и оригинально мыслящих, способных на самостоятельный поступок, инициативу, риск. Именно таких Юденич выдвигал на руководящие посты в своем штабе. Так, когда весной 1914 года он создал при управлении генерал-квартирмейстера оперативное отделение, то во главе его поставил 38-летнего полковника Евгения Васильевича Масловского. В разведывательном отделении штаба округа служили также подполковник Даниил Павлович Драценко, капитаны Павел Николаевич Шатилов и Борис Александрович Штейфон. Все они в дальнейшем сыграли заметные роли в боевых кампаниях Кавказского фронта, а затем заняли видные посты в белых армиях во время Гражданской войны — Д.П. Драценко командовал 2-й Русской армией, начальником штаба которой был

Е.В. Масловский, П.Н. Шатилов был начальником штаба Кавказской Добровольческой армии и Русской армии барона П.Н. Врангеля, а Б.А. Штейфон возглавлял штаб группы войск Н.Э. Бредова.

Заслуги Н.Н. Юденича на посту начальника штаба округа в мирное время были отмечены чином генерал-лейтенанта (6 декабря 1912 года) и двумя высокими наградами — орденами Святой Анны 1-й степени (6 декабря 1909 года) и Святого Владимира 2-й степени (24 апреля 1913 года).

Начало Первой мировой войны напрямую не коснулось Кавказского военного округа — Турция хранила нейтралитет до конца октября 1914 года. Поэтому с Кавказа на европейский театр военных действий были переброшены 2-й и 3-й Кавказские армейские корпуса. Но в том, что войну Турция рано или поздно начнет, ни для кого не было секретом. Хотя султан Махмуд V категорически не желал конфликта с Россией и считал, что «одного ее трупа будет достаточно, чтобы нас сокрушить», его мнение в стране ничего не решало — с 1908 года власть в Османской империи принадлежала триумвирату политиков-«младотурок» во главе с талантливым и энергичным Энвер-пашой, ярым сторонником союза с Германией. В грядущей войне он рассчитывал вернуть Турции все территории, потерянные страной в предыдущих войнах с Россией, поднять против русских все мусульманское население империи и в итоге создать некое «Туранское царство», объединившее бы мусульман от Казани и Самарканда до Суэцкого пролива. Этот план казался честолюбивым турецким политикам легкоосуществимым — ведь основные силы России были скованы боями с Германией и Австро-Венгрией…

И действительно, после ухода на европейский фронт двух корпусов сил у русских на Кавказе оставалось немного. В распоряжении военачальников были только 1-й Кавказский армейский корпус генерала от инфантерии Г.Э. Берхмана (20-я, 39-я и 66-я пехотные дивизии), переброшенный из Туркестана 2-й Туркестанский армейский корпус, штаб которого во главе с командиром Л.В. Лешем убыл на Юго-Западный фронт (4-я и 5-я Туркестанские стрелковые бригады), три кавалерийские дивизии, две пластунские бригады и пограничные части — всего свыше 170 тысяч человек при 350 орудиях. Эти силы 30 августа 1914 года были сведены в Отдельную Кавказскую армию, занимавшую Офомный 700-километровый фронт от Черного моря до персидского озера Урмия. Непосредственная задача охраны границы от возможного турецкого вторжения была возложена на шесть групп войск, получивших названия Саракамышского,

Ольтинского, Кагызманского, Эриванского, Макинского и Азербайджанского Отрядов. Номинально главнокомандующим армией стал 77-летний наместник на Кавказе генерал от кавалерии граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, однако фактически вся полнота власти сосредоточилась в руках его помощника по военной части — генерала от инфантерии Александра Захарьевича Мышлаевского. Начальником штаба Отдельной Кавказской армии стал Н.Н. Юденич.

Между тем по ту сторону турецкой границы была сосредоточена мощная 3-я турецкая армия под командованием Гасан-Изет-паши, состоявшая из трех корпусов по три дивизии в каждом плюс две отдельные дивизии и вспомогательные части. Начальником штаба армии стал германский генерал-лейтенант Фридрих Бронсарт фон Шеллендорф (да и вообще немецких инструкторов в турецкой армии были сотни). Согласно плану Энвер-паши, с началом боевых действий 11-й турецкий корпус должен был опрокинуть русские войска на Эрзерумском направлении, а 9-й и 10-й корпуса — обойти противника с правого фланга и выйти на город Саракамыш (ныне — Сарыкамыш, Турция), чтобы отрезать русским путь к отступлению на Каре. Уничтожив кавказскую группировку русских войск, Энвер-паша планировал двинуться на Баку и поднять на Кавказе антироссийское восстание под исламскими лозунгами.

Многие в то время считали кавказский театр военных действий чем-то «несерьезным» по сравнению с европейским, а турецкую армию называли неравноценным противником русской. Это видно хотя бы по многочисленным карикатурам, на которых русский солдат изображался великаном, со снисходительной иронией взирающим на злобного карлика-турка. Но такое заблуждение было очень опасным. Имевшая славное боевое прошлое, оснащенная современным оружием, армия Турции во время Первой мировой войны сражалась стойко, умело и храбро, блестяще проявив себя во время Галлиполийской и Месопотамской операций. Достаточно сказать, что британские военачальники не решались вступать в схватку с турками, даже имея втрое больше сил, и в 1918 году маршал Алленби начал операцию против турецкой армии в Палестине, только обеспечив себе десятикратное (!) превосходство над врагом. Так что России на Кавказском фронте противостояли отнюдь не разрозненные полудикие орды, а вполне современные, сильные и превосходно обученные войска, ведомые опытными военачальниками.

Боевые действия между Россией и Турцией начались после вторжения германо-турецкого флота в Черное море и варварского обстрела русских торговых портов и военно-морских баз —

Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска. Получив телеграмму об этом, граф И.И. Воронцов-Дашков отдал короткий приказ: «Войскам вверенной мне армии перейти границу и атаковать турок». 20 октября 1914 года 39-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта В.В. де Витта пересекла границу Турции, Эриванский отряд генерал-лейтенанта П.И. Огановского (вскоре переименованный в 4-й Кавказский корпус) захватил Баязет, Каракилисс и Алашкертскую долину, а Азербайджанский отряд генерал-майора Ф.Г. Чернозубова занял Тавриз и Урмию в Северной Персии. Но череда успехов быстро сменилась для русской армии серьезными трудностями — в тяжелом четырехдневном бою 26—29 октября 3-я армия Гасан-Изет-паши отбросила 1-й Кавказский армейский корпус в долину Аракса. Наши потери составили 10 тысяч убитыми и ранеными, турки потеряли 7 тысяч человек. Продвижение противника смогли остановить лишь спешно брошенные в бой части 2-го Туркестанского корпуса.

В конце ноября на фронт прибыл Энвер-паша. Отстранив от командования Гасан-Изет-пашу, возражавшего против проведения дальнейшей операции, он лично возглавил 3-ю турецкую армию и двинул ее против русской. 8 декабря 1914 года 10-й турецкий корпус, преодолев трехдневное сопротивление Ольтинского отряда, открыл себе дорогу на Сарыкамыш. Этот населенный армянами и осетинами город был практически беззащитен перед врагом — в нем находились две ополченские дружины (всего четыре батальона, укомплектованных призывниками старших возрастов и вооруженных устаревшими винтовками системы Бердана), несколько взводов туркестанских стрелковых полков и такие же разрозненные артиллерийские части, направлявшиеся на формирование в Тифлис. Начальник гарнизона генерал-лейтенант Н.М. Воропанов быстро потерял контроль над ситуацией и не знал, что предпринять…

Положение спас оказавшийся в городе проездом из отпуска начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Николай Адрианович Букретов, успевший в свое время послужить старшим адъютантом в штабе Юденича. Не растерявшись, Букретов взял дело обороны Сарыкамыша в свои руки — отправил в бой кадровые взводы туркестанских полков, посланные с фронта для формирования новых частей, и сто только что выпущенных из Тифлисского военного училища подпоручиков. Столкнувшись с энергичным отпором, турки были озадачены (особенно их удивил артиллерийский обстрел — по их данным, артиллерии в Сарыкамыше вообще не должно было быть), решили, что город обороняется мощным гарнизоном, и

командующий 9-м турецким корпусом Исхан-паша 13 декабря почел за благо отложить наступление до подхода основных сил своей армии.

Между тем в штабе Кавказской армии не смолкали споры между Юденичем и Мышлаевским. Николай Николаевич убеждал начальника, что штаб армии должен немедленно выдвигаться на фронт, но Мышлаевский упрямо считал, что ситуацией вполне можно руководить из Тифлиса. В конце концов Юденич смог уломать нерешительного генерала, и 10 декабря штаб выехал в пограничное село Меджингерт в 20 километрах от Сарыкамыша. Здесь Мышлаевский под давлением Юденича принял на себя обязанности командующего всеми русскими войсками под Сарыкамышем, а сам Николай Николаевич возглавил временно оставшийся без заболевшего командира 2-й Туркестанский корпус. Служивший тогда в штабе этого корпуса Б.А. Штейфон вспоминал:

«11 декабря 1914 г. стало совсем темно, когда прибыл Юденич в сопровождении своих доблестных помощников — полковника Масловского и подполковника Драценко. Засыпанные снегом, сильно промерзшие, они спустились в саклю-штаб. Непослушными от мороза руками Юденич сейчас же придвинул к огню карту, сел и, не развязывая даже башлыка, коротко приказал: “Доложите обстановку”. Его фигура, голос, лицо — все свидетельствовало об огромной внутренней силе. Бодрые, светящиеся боевым азартом лица Масловского и Драценко дополнили картину. Одобрив наше решение не отходить, Юденич немедленно отдал директивы продолжать сопротивление на фронте и организовать в тылу оборону Сарыкамыша».

День 12 декабря принес тяжелую новость — А. З. Мышлаевский под впечатлением информации о том, что турки окончательно отрезали Сарыкамыш от основных сил русских, приказал командиру 1-го Кавказского корпуса А.Г. Берхма-ну отводить свои войска по единственной оставшейся свободной дороге. Узнав новость от Берхмана, уже дисциплинированно начавшего отход, Юденич пришел в настоящую ярость. Ведь отступление в 20-градусный мороз по обледеневшей горной дороге означало потерю всей артиллерии и обозов.

А кроме того, если 1-й Кавказский корпус еще мог бы оторваться от преследования противника, то 2-й Туркестанский в случае отхода был попросту обречен на истребление. В результате перед турками открылась бы прямая дорога на Тифлис и Баку… Для себя Юденич сформулировал это так: «Если мы будем отступать, то в конечном итоге будем разбиты обязательно; если мы будем вести решительный бой до конца, то можем или быть

разбиты, или победить; т. е. в первом случае результат будет обязательно отрицательный; во втором может быть и положительный».

В ночь на 14 декабря Юденич в сопровождении полковника Е.В. Масловского и подполковника Д.П. Драценко прибыл в Меджингерт и сумел убедить Мышлаевского отменить свое распоряжение. Но, согласившись со своим подчиненным, Мышлаевский буквально через день изменил мнение и в 8 часов утра 15 декабря, запиской передав командование Сарыкамышским отрядом Берхману и подчинив ему корпус Юденича, выехал в Тифлис, фактически бросив свои войска на произвол судьбы. При этом он не известил Юденича ни о своем отъезде, ни о передаче командования Берхману. Одновременно Мышлаевский приказал отступать даже тем русским войскам, которые не подвергались турецким атакам, — 4-му Кавказскому корпусу и Азербайджанскому отряду!.. О степени паники, в которой пребывал Мышлаевский, можно судить по тому, что в Тифлисе на встрече с бывшим городским головой Хатисовым он набросал для него схему наступления турок, из которой следовало, что Отдельная Кавказская армия уже практически разбита и неизбежно капитулирует в ближайшем будущем.

Можно только попробовать представить себе эмоции, которые испытал Юденич, узнав о новом приказе Мышлаевского… Вечером 15 декабря Николай Николаевич созвонился с Берхманом и попробовал уговорить его не отводить свои войска. Но просьба Юденича показалась Берхману неубедительной по одной причине: ведь Юденич был «всего-навсего» генерал-лейтенантом, а Берхман — генералом от инфантерии. На отправленную 16 декабря Юденичем телеграмму Берхман тоже не отреагировал. Тогда, потеряв терпение, 17 декабря 1914 года Юденич отправил в штаб 1-го Кавказского корпуса подполковника Д.П. Драценко со сложной миссией — убедить Берхмана прекратить отступление.

— Докажите генералу Берхману необходимость задержаться, — сказал Юденич подчиненному перед отъездом, — а если он все же будет настаивать на своем, то доложите ему, что я, как начальник штаба армии, согласно положению о полевом управлении войск, вступаю в командование войсками группы.

Свою поездку в штаб 1-го Кавказского корпуса Д.П. Драценко описал так: «Во время моего доклада генералу Берхману о необходимости отменить приказ об отходе в комнату вошел полковник Карганов (начальник штаба 39-й дивизии), и генерал Берхман, увидев его, сказал: “Да вот обратитесь к полковнику Карганову, он начальник штаба дивизии и скажет вам, что

отменить приказ уже нельзя". Я немедленно обратился к Карганову, и он, выслушав мои доводы, сказал, что остановить войска еще можно. В этот момент вошел генерал де Витт, и генерал Берхман, недовольный ответом Карганова, направил меня к нему за объяснениями. После переговоров с де Виттом последний тоже сказал, что остановить войска еще можно». В конце концов Берхман с большим неудовольствием согласился задержать отход на три дня. К счастью, этих трех дней оказалось достаточно, чтобы в героической обороне Сарыкамыша наступил перелом…

Яростные атаки турок так и не смогли сломить стойких защитников Сарыкамыша. В осажденный город почти каждый день прибывали подкрепления — 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады, 154-й пехотный Дербентский и 155-й пехотный Кубинский полки, 1-я Кавказская казачья дивизия… 16 декабря турки ворвались было в Сарыкамыш, но были выбиты оттуда. А в душе Юденича росла уверенность в том, что русские войска могут взять инициативу в свои руки. «Нам мало отбросить турок от Саракамыша, — писал он Берхману. — Мы можем и должны их совершенно уничтожить. Настоящим случаем должно воспользоваться, другой раз он не повторится». В правоте своих мыслей полководец убедился уже на следующий день: 17 декабря по приказу Юденича все русские войска перешли в наступление и мгновенно превратили турок из хозяев положения в обороняющихся. За два дня в наших руках уже было больше пяти тысяч пленных и шесть трофейных орудий.

Надо отдать туркам должное — сопротивлялись они мужественно и стойко. Но это было мужество обреченных. Последней попыткой противника перехватить инициативу у русских было наступление 11-го турецкого корпуса на позиции 1-го Кавказского корпуса. Энвер-паша лично возглавлял яростные штыковые атаки своих полков. О том, насколько тяжелыми были бои, свидетельствует только один эпизод: в 14-м Туркестанском стрелковом полку из восьми пулеметов было разбито пять, погибли все пулеметчики, и на позиции остался единственный командир взвода — подпоручик Короткевич. Сжимая в правой руке «наган», а в левой — рукоять пулемета, бесстрашный офицер до последнего патрона вел меткий огонь по наступающим турецким цепям… Но ни присутствие Энвер-паши, ни невыносимо тяжелые погодные условия не помогли туркам сбить русские полки с позиций. Ударный отряд под командованием полковника Ричарда Иосифовича Термена (153-й пехотный Бакинский и 15-й Туркестанский стрелковый полки) мощной контратакой опрокинул врага, и это было началом конца 11-го турецкого

корпуса…

Заключительная часть Сарыкамышского сражения уложилась в неделю — с 21 по 29 декабря. В середине этой недели, 25 декабря 1914 года, на основании положения о полевом управлении войск главнокомандующий Отдельной Кавказской армией граф И.И. Воронцов-Дашков назначил Н.Н. Юденича командующим Сарыкамышским отрядом — таким образом, он получил уже официальное право самостоятельно продолжать операцию, не завися от решений Берхмана.

Надо сказать, что преследование противника происходило в тяжелейших условиях — по труднодоступным горным дорогам, в мороз и метель. Так, бойцы 18-го Туркестанского стрелкового полка под командованием полковника Стефана Антоновича Довгирда пять суток шли в снегу выше человеческого роста при 20-градусном морозе, преодолевая максимум два километра в день… Зато и разгром противника оказался полным. Блестящий подвиг совершил командир 14-й роты 154-го пехотного Дербентского полка капитан Тарас Давидович Вашакидзе, возглавлявший небольшой отряд из сорока солдат. Штыковым ударом взяв восемь турецких орудий и четыре пулемета, он захватил в плен командира 9-го турецкого корпуса Исхан-пашу с его штабом, начальников трех турецких дивизий, 107 офицеров и две тысячи рядовых. Вашакидзе не сразу понял, кто именно перед ним, — настолько оборванными и подавленными выглядели турецкие генералы и офицеры, жавшиеся к разложенным в снегу кострам. Будучи окружен многократно превосходящими силами противника, Вашакидзе заявил, что он — парламентер и что если турки не сложат оружие, находящиеся за ближайшим лесом русские полки не пощадят никого. Военная хитрость удалась блестяще — деморализованные турецкие силы безропотно сдались в плен горстке русских солдат. Т.Д. Вашакидзе, впоследствии дослужившийся до чина полковника, 7 января 1916 года был награжден за свой подвиг орденом Святого Георгия 4-й степени.

В итоге 9-й турецкий корпус перестал существовать полностью, а обмороженные и израненные остатки 10-го были добиты 23 декабря под Ардаганом 3-й Кавказской стрелковой дивизией. 27 декабря были окончательно разгромлены и остатки 11-го турецкого корпуса. К 5 января 1915 года русская армия продвинулась на 45 километров вглубь вражеской территории.

В итоге Сарыкамышской операции Отдельная Кавказская армия, отрезанная от своих баз, в тяжелейших условиях смогла полностью разгромить превосходящую ее по численности турецкую армию. Из 150 тысяч своих офицеров и солдат турки

потеряли под Сарыкамышем 63 тысячи убитыми и ранеными и 15 тысяч пленными. Из 63 тысяч русских офицеров и солдат, участвовавших в операции, 20 тысяч было убито и ранено, а 6 тысяч обморожено. Погибших могло быть намного больше, но многие раненые были спасены самоотверженно трудившимися медиками русских лазаретов.

Победа над врагом была одержана полная и безоговорочная. И главная заслуга в этом принадлежала мужественному, широко мыслившему и не боявшемуся взять ответственность на себя военачальнику — Николаю Николаевичу Юденичу. 13 января 1915 года он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за то, что, «вступая 12 минувшего декабря в командование 2-м Туркестанским корпусом и получив весьма трудную и сложную задачу — удержать во что бы то ни стало напор превосходных турецких сил, действовавших в направлении Сонамер — Зивин — Караурган, и выделить достаточные силы для наступления от Сырбасана на Бардус, с целью сдержать возраставший натиск турок, наступавших от Бардуса на Саракамыш, выполнил эту задачу блестяще, проявив твердую решимость, личное мужество, спокойствие, хладнокровие и искусство вождения войск, причем результатом всех распоряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под г. Саракамышем». Также к георгиевским наградам было представлено свыше тысячи офицеров и нижних чинов Отдельной Кавказской армии.

Важным последствием операции стало и изменение расстановки сил на кавказском театре военных действий. 24 января 1915 года Н.Н. Юденич был официально назначен командующим Отдельной Кавказской армией (главнокомандующим продолжал числиться престарелый граф И.И. Воронцов-Дашков) с одновременным производством в чин генерала от инфантерии. Главные отрицательные герои Сарыкамыша генералы Мышлаевский и Берхман лишились своих должностей — Мышлаевского уволили со службы по состоянию здоровья, а Берхмана зачислили в распоряжение Юденича. Кстати, Берхман был крайне возмущен тем фактом, что «отцом» Сарыкамышской победы все единогласно признали Юденича, и потребовал создания специальной комиссии по этому вопросу. В итоге проведенного этой комиссией расследования 21 июля 1916 года Берхман был… награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, то есть получил за Сарыкамыш такую же награду, что и Юденич!..

Сарыкамыш мгновенно сделал имя Юденича известным и популярным в России. Подчиненные генерала так характеризовали его: «Каждый смелый маневр генерала Юденича

являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, какая присуща только большим полководцам» (Б.А. Штейфон); «Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца» (Е.В. Масловский).

После Сарыкамышской победы Юденич провел реорганизацию штабной работы своей армии. Им был создан небольшой полевой штаб под управлением генерал-квартирмейстера генерал-майора П.А. Томилова. Штаб состоял всего из двух отделений — оперативного (полковник Е.В. Масловский, подполковник Н.А. де Роберти) и разведывательного (подполковник Д.П. Драценко, подполковник Б.А. Штейфон). Именно эти люди разрабатывали в дальнейшем все операции Отдельной Кавказской армии. Штаб разместился в крепости Каре. Его работу журналисты описывали так:

«В небольшом, довольно грязном и неприветливом городишке стоит двухэтажный дом с двумя часовыми у подъезда с развевающимся над фронтоном флагом. Из-под крыши его выбегает целый пучок телефонных проводов, на дворе постоянно пыхтят автомобили. До поздней ночи, когда небольшой городок уже засыпает, светятся окна дома. Это ставка командующего Кавказской армией. Здесь помещение штаба, квартира генерала Юденича, ряда офицеров управления, точнее, кабинеты, в углу которых стоят кровати.

С вечера курьерами, по телефону и телеграфу поступают донесения. Некоторые из них немедленно докладываются командующему. Общий же доклад генерал-квартирмейстер обычно делает в 10 часов утра. Затем подается завтрак. Он проходит в общей столовой — отношения в ставке чисто товарищеские. После завтрака все приступают к работе.

Ее много. Она своеобразна. Дело в том, что отдельные армейские отряды по существу являются самостоятельными объединениями, небольшими армиями. Для каждого из них приходится оборудовать тыл, налаживать связь, думать об их усилении за счет армейских резервов. Если к этому еще прибавить, что турки сохраняют численное превосходство, что

действовать нашим войскам приходится зачастую среди воинственного мусульманского населения, то вся сложность работы генерала Юденича станет еще понятнее.

В 18 часов командующий и штаб сходятся за обедом. Он тянется недолго. После обеда генерал Юденич нередко выезжает в войска. Чаще же после часовой прогулки он возвращается в ставку, где до поздней ночи принимает доклады о снабжении войск, организации тыла, о решении кадровых вопросов».

…К июню 1915 года численность Отдельной Кавказской армии составляла 132 тысячи штыков, 36 тысяч сабель и 356 орудий. Правда, Ставка потребовала отправить на европейский фронт недавно созданный 5-й Кавказский армейский корпус и 20-ю пехотную дивизию, в результате чего в резерве армии осталась лишь одна дивизия — только что сформированная 4-я Кавказская стрелковая. К этому времени турки уже «созрели» для реванша за Сарыкамышское поражение. Хотя разгром на Кавказе фактически поставил крест на военной карьере Энвер-паши (в Константинополе ему больше не доверяли), наголову разбитая зимой 3-я турецкая армия была возрождена (150 тысяч человек при 360 орудиях), а ее новый командующий Махмуд-Камиль-паша задумал атаковать 4-й Кавказский корпус с последующим выходом во фланг и тыл основных русских сил. Не дожидаясь, когда турки приступят к осуществлению своего плана, Юденич сам решил перейти в летнее наступление. 28 июня 1915 года 4-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта П.И. Огановского атаковал противника в долине реки Евфрат, но, слишком распылив свои силы, к 13 июля был оттеснен противником на границу. Огановский просил Юденича о подкреплениях, но получил отказ. Увлекшись преследованием, турки между тем не заметили, как попали в ловушку — по приказу Юденича на флангах наступающего врага были скрытно сосредоточены 4-я Кавказская стрелковая и 1-я Кавказская казачья дивизии, 153-й пехотный Бакинский полк и 2-й дивизион 20-й артиллерийской бригады под общим командованием генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова. Сосредоточение происходило в полной тайне даже от тифлисской ставки, откуда Юденича засыпали встревоженными запросами. Операция была крайне рискованной — нужный момент для нанесения удара мог быть упущен…

Но Юденич точно рассчитал время. В ночь на 23 июля он по телефону отдал приказ наступать, и группировка Н.Н. Баратова внезапным мощным ударом обрушилась на фланг и тыл турок. Одновременно в контрнаступление перешел 4-й Кавказский корпус. Не ожидавшая этого армия Махмуд-Камиль-паши ударилась в бегство…

31 июля Евфратская операция закончилась победой русских войск. Пленными турки потеряли 1 генерала, 81 офицера и 5209 солдат, трофеями русских стали 12 орудий. 4 августа 1915 года Николай Николаевич Юденич за проведение этой операции был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, став одним из 60 человек, которым эта высокая награда была вручена во время Первой мировой войны. Кроме того, ему был вручен также орден Белого орла с мечами.

Осень 1915 года ознаменовалась несколькими важными событиями. Во-первых, 11 сентября в Тифлис из Могилёва прибыл новый наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельной Кавказской армией — бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. В отличие от своего предшественника И.И. Воронцова-Дашкова, великий князь был полон энергии, обладал большим боевым опытом и пользовался немалым авторитетом в армии. Поэтому во время его визита в Каре Н.Н. Юденич сообщил новому наместнику, что готов полностью передать ему руководство войсками. Но великий князь заявил, что Юденич по-прежнему имеет полную свободу действий, и лишь перед началом крупных операций должен будет испрашивать разрешение на их проведение. А во-вторых, стало сильно ощутимым влияние на Кавказский фронт союзника России — Великобритании. Потерпев крупные неудачи на Дарданелльском фронте, где 55-тысячная английская армия была разгромлена 25-тысячной турецкой, и в Месопотамии, где турки разбили экспедиционный корпус Таунсенда, англичане потребовали от России вторжения в Персию. Эта экспедиция была возложена Юденичем на Кавказскую кавалерийскую и 1-ю Кавказскую казачью дивизию под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Одновременно турки готовились начать переброску против Отдельной Кавказской армии опытных и воодушевленных победами над англичанами войск из Галлиполи. Чтобы не допустить увеличения турецкой армии, Юденич принял стратегически верное решение: упредить противника, разгромить его окончательно и захватить главные базы вражеских войск — крепость Эрзерум (ныне Эрзурум) и порт Трапезунд (ныне Трабзон), нанеся внезапный удар в самое неподходящее, с точки зрения противника, время — на Рождество. 18 декабря 1915 года военный совет Отдельной Кавказской армии утвердил план нового наступления.

На период подготовки к операции Юденич перенес свой полевой штаб в селение Караурган, поближе к войскам. Подготовка велась в строжайшей тайне: перемещение войск совершалось только по ночам, а днем войска демонстративно

«уходили» с позиций, создавая тем самым у турок впечатление, что численность армии сокращается. Интенданты, получая новые приказы, пребывали в уверенности, что армия просто тщательно готовится к зимовке (среди экипировки бойцов Отдельной Кавказской армии были валенки, полушубки, стеганые ватные шаровары, варежки и даже темные очки, защищавшие от слепящего горного солнца). В этом же были уверены работники всех семнадцати армейских метеостанций, ежедневно анализировавших состояние погоды в горах. Незадолго до Рождества в Тифлис из разных частей было откомандировано множество офицеров и солдат для закупки рождественских елок и подарков. Более того, в армии специально распространялся вполне правдоподобный слух о предполагаемой весной экспедиции в Персию… Словом, в Отдельной Кавказской армии только несколько человек знали о том, что готовится крупная наступательная операция. Первая в истории русских вооруженных сил кампания по дезинформации противника удалась блестяще…

Вечером 22 декабря 1915 года Юденич поездом выехал из Карса в Тифлис на встречу с великим князем Николаем Николаевичем. Выслушав доклад генерала, наместник, поколебавшись, дал согласие на проведение операции.

Командиры корпусов узнали о том, что именно им предстоит, за сутки до начала наступления, причем каждый из них был уверен, что именно он нанесет противнику решающий удар. 29 декабря 1915 года после мощной артподготовки пошел в наступление 2-й Туркестанский армейский корпус (командующий — генерал-лейтенант М.А. Пржевальский), на следующий день его поддержал 1-й Кавказский армейский корпус (командующий — генерал от инфантерии П.П. Калитин).

Турки совершенно не ожидали наступления — об этом можно судить хотя бы по тому, что командующий их 3-й армией Махмуд-Камиль-паша находился в отпуске в Константинополе. Однако противник быстро оправился и оказал русским войскам ожесточенное сопротивление, особенно 29 декабря у горы Гейдаг и 31 декабря на Азанкейской позиции. Азанкейское плато было кратчайшим путем к Эрзеруму, поэтому неудивительно, что именно здесь турки сражались особенно отчаянно и именно сюда направлялись все резервы. Ночью одетые в белые маскхалаты бойцы 153-го пехотного Бакинского полка быстро захватили первую линию обороны врага, но затем натолкнулись на сильное сопротивление и весь следующий день вели на плато тяжелейший бой, потеряв больше двух тысяч человек убитыми и ранеными, но не отступив при этом ни на шаг. Сражавшийся левее Бакинского 154-й пехотный Дербентский полк лишился всех своих штаб-

офицеров и его повел на приступ позиции протоиерей отец Павел (Смирнов). После двух неудачных атак он с крестом в руках возглавил батальон полка и взял сильное турецкое укрепление у села Тарходжа, причем был настолько тяжело ранен, что священнику пришлось ампутировать ногу. За этот подвиг отец Павел 7 ноября 1916 года был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Ярость боев на Азанкейском плато заставила турок поверить в то, что главный удар наносится русскими именно здесь. Между тем Юденич, пристально следивший за ходом сражения, бросил в прорыв ударную группу генерал-лейтенанта Н.М. Воробьева — 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию, усиленную 261-м пехотным Ахульгинским, 262-м пехотным Грозненским и 263-м пехотным Гунибским полками. В метельную ночь на новый, 1916 год эта группа прорвала фронт турок в труднодоступном районе Меслагат, где противник не ожидал атак, и вышла во фланг и тыл 11-му турецкому корпусу. Известие об этом вызвало в рядах турок панику (они вообразили, что в прорыв пошли несколько свежих русских корпусов), и в ночь на 4 января турецкие 9-й и 11-й корпуса обратились в бегство. 6 января с ходу была взята крепость Гасан-кала, куда Юденич немедленно перенес свой полевой штаб. Потери турецких войск составили 25 тысяч человек убитыми и ранеными и 7 тысяч пленными, русских — 20 тысяч убитыми и ранеными. 17 января 1916 года по итогам операции Н.Н. Юденич был награжден орденом Святого Александра Невского с мечами.

Но окончательная цель сражения достигнута еще не была. Азанкейская позиция открыла путь к Эрзеруму — «сердцу» турецкой армии, но отдавать его без сопротивления противник, даже деморализованный недавним поражением, не собирался. Учитывая высочайший моральный дух своих войск, воодушевленных победой, и хаос в рядах полуразбитой 3-й турецкой армии, Н.Н. Юденич принял решение немедленно штурмовать крепость и тем самым добить турецкие вооруженные силы на Кавказе.

Для этого необходимо было пополнить боезапас, и Юденич обратился к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой разрешить использовать восемь миллионов патронов, хранившихся на складах крепости Каре. Но наместник на Кавказе придерживался иного мнения. Полагая, что осада горной крепости в разгар зимы обернется только огромными потерями, он отказал Юденичу в его просьбе и приказал отводить войска на зимние квартиры. С самолетом из Тифлиса прибыла следующая директива от великого князя:

«Указываю Вам на нижеследующее. 1… Дарованный Вам успех надо использовать, но планомерно, не увлекаться, и все должно быть в общей связи… Хотя я уверен, что управление Вы держите твердо в своих руках, но считаю все же нужным подтвердить важность действовать планомерно… 2. Я вполне уверен, что войска, проявившие столько доблести, поборовшие такие неимоверные трудности, способны к проявлению высочайше-геройских подвигов, но… общая обстановка не позволяет нам решиться двинуться на штурм Эрзерума без тщательной подготовки и во всеоружии необходимых для этого средств. Помимо малого количества ружейных патронов, у нас нет соответствующей артиллерии для успешной борьбы с тяжелой турецкой артиллерией, фортами и долговременными укреплениями; наш общий резерв сравнительно слаб, база наша отдалена, и подвоз, как Вы сами сообщили мне, далее Кеприкея затруднен… Может быть, турецкая армия и не в состоянии в данное время оказывать нам сопротивление в поле, но мы не знаем, к чему она способна на верках крепости, при поддержке сотен орудий. Ввиду сказанного, не считаю себя вправе разрешить производство этой операции».

Командующий попробовал убедить великого князя в правильности своей точки зрения, но в ответ получил уже категорический приказ — отходить. Скрепя сердце генерал вынужден был согласиться и для организации отхода 8 января 1916 года направил на фронт двух своих подчиненных — полковника Е.В. Масловского и подполковника Б.А. Штейфона. Но когда оба офицера прибыли в войска и убедились воочию в том, как велик масштаб победы, как воодушевлена армия и насколько сломлены турецкие пленные, они единодушно доложили Юденичу, что штурм Эрзерума откладывать нельзя. Возможно, другие офицеры повели бы себя по-другому и просто выполнили поставленную перед ними задачу. Но Масловский и Штейфон были достойными учениками Юденича, всегда поощрявшего в подчиненных самостоятельность.

Не теряя времени, командующий Отдельной Кавказской армией позвонил в Тифлис. К телефону подошел генерал-майор Л.М. Болховитинов.

— Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство.

— Здравствуйте. Доложите Августейшему Главнокомандующему мою настоятельную просьбу отменить приказ об отводе войск на Кеприкейские позиции и разрешить мне штурмовать Эрзерум. Штурм этот желательно и возможно произвести по условиям создавшейся обстановки. Я буду ожидать ответа у аппарата.

Последовала длинная пауза: Болховитинов докладывал информацию великому князю. Наконец в трубке раздалось:

— Ваше Высокопревосходительство, Его Императорское Высочество отказал вам в вашей просьбе и потребовал исполнить его первоначальный приказ.

— Доложите Августейшему Главнокомандующему, что я лично ручаюсь за успех всей операции, — настойчиво произнес Юденич. — Если мы не воспользуемся моментом сейчас, другого такого может не возникнуть!

Снова тишина в трубке, и наконец Болховитинов взволнованным голосом отозвался:

— Ваше Высокопревосходительство! Его Императорское Высочество дал вам разрешение на операцию, но с условием, что вы возьмете на себя всю ответственность за последствия, которые могут произойти в случае неудачи…

Юденич вытер платком вспотевший лоб, поднял глаза на висевшую в углу икону и перекрестился.

— Доложите Его Императорскому Высочеству, что я принимаю на себя всю ответственность, — коротко произнес он и повесил трубку…

Бывший свидетелем этой сцены Е.В. Масловский вспоминал: «Генерал Юденич ясно понимал, какое крупное решение им принято и какую величайшую ответственность он берет на себя. Не трудно себе представить, как тяжко отразилась бы внутри страны и на самой армии неудача, если бы таковая последовала. Вот почему уже одно решение генерала Юденича произвести штурм Эрзерума, беря на себя и всю ответственность за последствия, являет собой высочайший подвиг, достойный, чтобы быть отмеченным историей особо».

Правда, еще несколько дней потом Юденичу и чинам его штаба докучал прибывший из Тифлиса генерал от инфантерии Федор Федорович Палицын, бывший в 1905—1908 годах начальником Генерального штаба. Он обстоятельно и подробно доказывал Юденичу невозможность взятия Эрзерума штурмом. Как вспоминал Юденич в 1921-м, Палицын присылал об этом «записки с подробным анализом обстановки карандашом и мелко написанные, я их не читал, передавал своему начштаба, который их тоже не читал и в свою очередь передавал кому-то».

Справедливости ради надо отметить, что Ф.Ф. Палицын был далеко не одинок в своем мнении. Эрзерум представлял собой расположенную в глубокой долине между двумя параллельными горными хребтами крепость, а точнее, целую систему искусно вписанных в местность и отлично вооруженных крепостей и фортов общей протяженностью 40 километров. Ключевую роль в

обороне Эрзерума играл укрепленный английскими и германскими военными инженерами район Деве-Бойну. Окружающие Эрзерум горы признавались ведущими военными аналитиками непригодными для ведения боевых действий, тем более в разгар зимы. Наконец, сам по себе гарнизон Эрзерума, обнесенного мощными стенами, имел на вооружении около 350 орудий различных систем и калибров и представлял собой грозную силу. Все любители военной истории хорошо помнили о том, какой неудачей обернулась попытка штурма Эрзерума русскими в октябре 1877 года…

Неудивительно, что Юденич сам проводил тщательные рекогносцировки местности, где предстояло действовать его войскам. Он решил разместить ударный артиллерийский «кулак» напротив форта Чобан-Деде, «запиравшего» собой вход на позицию Деве-Бойну. 17 января из крепости Каре на грузовиках были доставлены восемь 107-миллиметровых и восемь 152-миллиметровых пушек, шесть 152-миллиметровых мортир и двенадцать 122-миллиметровых гаубиц, а на конных фургонах — снаряды к ним. Честь первыми ворваться на турецкие позиции заслужили три полка закаленной боями 39-й пехотной дивизии — 153-й Бакинский, 154-й Дербентский и 156-й Елисаветпольский. Эта дивизия была выделена в отдельный боевой участок и подчинена непосредственно командующему армией.

На плато Каргабазар сосредоточилась 4-я Кавказская стрелковая дивизия. Уже сам подъем на это высокогорное плато был для офицеров и солдат подвигом: приходилось по пять часов двигаться по узкой обледенелой тропе, неся в руках части орудий. Само плато было завалено двухметровым слоем слежавшегося снега, в котором приходилось прорубать коридоры и расчищать площадки. По ночам на плато стояла такая лютая стужа, что людям приходилось постоянно двигаться — даже краткий сон в такую температуру грозил обернуться вечным…

Всего для штурма Эрзерума было сосредоточено 88 батальонов пехоты, 9 с половиной ополченских дружин, 70 с половиной казачьих сотен и четыре саперные роты — две трети Отдельной Кавказской армии.

В полдень 26 января старшие командиры армии собрались в штабе Юденича. Генералы не ждали, что командующий будет произносить длинные речи: немногословность Юденича уже вошла в поговорку. Но должно же быть хотя бы краткое напутственное слово!.. Вместо этого Юденич пригласил всех… пообедать с ним и за едой говорил о чем угодно, только не о предстоящем сражении. Лишь после десерта Николай Николаевич неторопливо, как бы между прочим, произнес:

— Ну, господа, к делу… Получили мой приказ о штурме Эрзерума? Так вот, назначаю часом начала атаки 8 часов вечера 28 января.

И замолчал. Присутствующие начали ошеломленно переглядываться. Первым не выдержал командир 1-го Кавказского армейского корпуса, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин. Он резко поднялся со своего места:

— Ваше Высокопревосходительство, но это невозможно! До начала операции остается всего полтора дня, мой корпус еще не готов. Настоятельно прошу вас отсрочить наступление хотя бы на неделю!..

— Отсрочки! Просим отсрочки! — раздались еще голоса. Юденич, помолчав, ответил:

— Хорошо, господа, откладываю на один день: начинайте в 8 часов вечера 29 января.

В комнате поднялся общий гул. Один из немолодых генералов встал и нервно начал убеждать Юденича в том, что подготовка к штурму еще не завершена и все может закончиться крахом. При этом генерал ссылался на свой огромный боевой опыт времен Русско-японской войны. Юденич нервно забарабанил пальцами правой руки по столу.

— У нас тоже есть опыт взятия укрепленных позиций, — наконец резко оборвал он жалобщика. — Будете стрелять — отлично, не будете — обойдемся без вас! Кто еще требует отсрочки?

В комнате воцарилась тишина. Неожиданно Юденич обратился к сидевшему в дальнем углу начальнику штаба 4-й Кавказской стрелковой дивизии подполковнику Квинитадзе:

— Что, Георгий Иванович, много снега на Каргабазаре? Офицер встал и молча показал рукой себе по шею.

— Спуститесь? — тихо спросил командующий.

— Надо, Ваше Высокопревосходительство.

— Да, надо, — повторил Юденич. — Все свободны…

В полдень 29 января 1916 года 34 русских орудия открыли шквальный огонь по турецким фортам Чобан-Деде и Далангез. В сумерках артподготовка смолкла, а в 20.00, в полной темноте и тишине, одетые в белые маскхалаты полки 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов ринулись на приступ турецкой цитадели…

Первым отличился доблестный 153-й пехотный Бакинский полк. Его 3-й батальон и две роты 4-го под общим командованием подполковника Даниил-Бека Пирумова смяли передовые части врага и овладели фортом Далангез. Первым ворвался в форт

командир 10-й роты прапорщик Навлянский; в схватке он погиб и посмертно был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. (Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов этот форт тоже был взят именно 10-й ротой 153-го полка, командир которой штабс-капитан Томаев погиб во время штурма.) Одновременно с бакинцами атаковал неприятеля 154-й пехотный Дербентский полк, взявший в плен целиком 103-й полк турецкой армии во главе с командиром. Под впечатлением первых успехов русских атак турки поспешили сами взорвать форт Карагюбек, остатки которого были захвачены туркестанскими стрелками. Преодолевая бешеное сопротивление врага и прокладывая перед собой дорогу в двухметровом снегу, медленно продвигалась вперед 4-я Кавказская стрелковая дивизия…

Между тем турки начали предпринимать отчаянные попытки вернуть захваченный Бакинским полком форт Далангез. 30 января в течение всего дня они непрерывно обстреливали его из орудий и шесть раз пытались взять форт штурмом. Но отрезанные от своих бакинцы во главе с подполковником Пирумовым стояли насмерть. Последние запасы воды отдавали не раненым, а пулеметам. Когда турки пошли в седьмую атаку, в полку не оставалось уже ни одного патрона, но Пирумов обратился к солдатам:

— Что смущаетесь, разве вы не русские? Да, патронов у нас нет, но есть еще штыки и гранаты. За мной!

Защитники форта с дружным «ура» рванулись на подошедшего вплотную врага и яростной штыковой контратакой буквально отшвырнули его от стен Далангеза. А восьмую атаку отбили уже дружным огнем — в форт под ураганным обстрелом смог пробраться солдат-бакинец, доставивший на ослике запас патронов для однополчан. Стреляли по врагу все, даже тяжелораненые, которым винтовки в руки вкладывали их товарищи…

Форт Далангез так и остался в руках 153-го Бакинского полка. Из оборонявших его более 1400 русских офицеров и солдат погибло 1100, оставшиеся в живых 300 человек в большинстве своем были ранены. Главный герой этого боя, Даниил-Бек Пирумов, дослужившийся в русской армии до чина полковника, а в армянской — до чина генерал-майора, был расстрелян в 1921 году в тюрьме Рязани. Рядового-бакинца, доставившего в форт патроны, Юденич хотел лично наградить Георгиевским крестом, но никто из солдат не признался в совершенном подвиге…

День 31 января ознаменовался началом тяжелого штурма форта Чобан-Деде. 156-й пехотный Елисаветпольский полк и 2-й батальон Бакинского несли громадные потери, но упрямо

пытались выполнить поставленную задачу. После восьмого безуспешного штурма командиру елисаветпольцев полковнику Михаилу Яковлевичу Фененко предложили увести часть в тыл на отдых, но тот отказался — и девятый штурм оказался успешным. Воодушевленный победой елисаветпольцы вслед за Чобан-Деде взяли еще два Палантекенских форта, а шедший во второй линии 154-й пехотный Дербентский полк (командир — полковник князь Константин Константинович Нижерадзе) захватил 28 стрелявших в упор орудий. 1 февраля 4-я Кавказская стрелковая дивизия проломила фронт врага и ступила в Эрзерумскую долину. Вечером того же дня мощным ударом 17-го Туркестанского стрелкового полка (командир — полковник Вячеслав Евгеньевич Кириллов) был взят форт Тафта.

В полдень 2 февраля вернувшийся из разведывательного полета летчик поручик Мейер доложил в штабе армии, что на улицах Эрзерума им было замечено большое движение — по-видимому, началась эвакуация тыловых учреждений. Н.Н. Юденич немедленно отдал приказ о начале общего штурма Эрзерумских позиций, и к вечеру 2 февраля русским войскам сдались сразу семь прикрывавших Эрзерум фортов. Турки еще оказывали сопротивление, но в их действиях чувствовались растерянность и нервозность.

3 февраля 1916 года конвойная сотня штаба 1-го Кавказского корпуса во главе с есаулом Матвеем Адриановичем Медведевым на плечах бегущего противника первой ворвалась в Эрзерум. Сам город никто защищать не стал — когда первые русские части через Карсские ворота входили в город, через Трапезундские ворота еще продолжали поспешно уходить последние уцелевшие турецкие солдаты. В Эрзеруме горели дома, площадь перед штабом 3-й турецкой армии была устлана толстым слоем бумажного пепла. Время от времени гремели взрывы: это в объятых пламенем складах рвались турецкие патроны и снаряды…

Преследование врага продолжалось еще пять дней. Убитыми и ранеными турецкая армия потеряла около 60 тысяч человек. Число сдавшихся в плен турок составило 27 580 (из них 235 офицеров и 12 753 солдата сдались в самом Эрзеруме), трофеями нашей армии стали 9 знамен, более 450 орудий (из них в Эрзеруме захвачено 323), огромные запасы продовольствия, инженерного и интендантского имущества. Потери русской армии были вчетверо меньшими — 14 450 офицеров и солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из них более 6 тысяч — обмороженными.

Передовые части русской армии громким «ура»

приветствовали своего командующего, который въехал в павший Эрзерум верхом на казачьем коне в сопровождении полковников Масловского и Драценко и адъютанта поручика Лаврентьева. Приказав немедленно локализовать возникшие пожары и взять под охрану брошенное турками имущество, Юденич через несколько часов вернулся в свой штаб в Гасан-калу, откуда телеграфировал в Тифлис о победном завершении операции.

Через неделю в Эрзерум прибыл наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич. Подойдя к выстроенным войскам, он обеими руками снял с головы папаху, повернулся к Юденичу и поклонился ему до земли, а затем обернулся к войскам и крикнул:

— Герою Эрзерума генералу Юденичу — ура!

Дружное «ура!» огласило захваченную турецкую крепость. Великий князь обнял и расцеловал Юденича. А генерал Ф.Ф. Палицын, незадолго до начала штурма доказывавший его невозможность, молча пожал Юденичу руку, признавая тем самым его правоту…

8 февраля 1916 года великий князь Николай Николаевич в телеграмме на имя императора Николая II так характеризовал Юденича: «Заслуга его велика перед Вами и Россиею. Господь Бог с поразительной ясностью являл нам особую помощь. Но, с другой стороны — все, что от человека зависимо, было сделано. Деве-Бойна и Эрзерум пали благодаря искусному маневру в сочетании со штурмом по местности, признанной непроходимой. По трудности во всех отношениях и по результатам, взятие Эрзерума, по своему значению, не менее [важно] чем операции, за которые генерал-адъютант Иванов и генерал-адъютант Рузский были удостоены пожалованием им ордена Святого Георгия 2-й степени. Моя священная обязанность доложить об этом Вашему Императорскому Величеству. Просить не имею права». Ответная телеграмма из Могилёва пришла быстро: «Очень благодарю за письмо. Ожидал твоего почина. Награждаю Командующего Кавказской Армией генерала Юденича орденом Святого Георгия 2-й степени. Николай».

Официальное сообщение о награждении пришло в Тифлис 16 февраля 1916 года. Оно гласило: «Государь Император, в 15-й день сего февраля, Всемилостивейше изволил пожаловать командующему Кавказской Армиею Генералу от Инфантерии Николаю Юденичу орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, 2-й степени, в воздаяние отличного выполнения при исключительной обстановке боевой операции, завершившейся взятием штурмом Деве-Бойнской позиции и крепости Эрзерум».

Во время Первой мировой войны орден Святого Георгия 2-й

степени вручался до этого всего четыре раза. 4 октября 1914 года им был награжден главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов. Спустя 17 дней такой же орден получил главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский. 27 ноября 1914 года высокой награды удостоился за победу на Марне маршал Франции Жозеф Жоффр. В следующий раз орден был вручен 9 марта 1915 года Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Юденич стал пятым кавалером этой награды времен Первой мировой. В то время никто не мог предположить, что именно ему суждено оказаться 124-м по счету и предпоследним человеком, который будет награжден орденом Святого Георгия 2-й степени (последним в декабре 1916-го станет маршал Франции Фердинанд Фош). Николай Николаевич отправил в Ставку благодарственную телеграмму: «Повергаю к стопам Вашего Величества чувство глубочайшей благодарности за высокомилостивую оценку моей работы и великого труда Кавказской армии. Да поможет Бог и впредь радовать боевыми успехами своего обожаемого Верховного Вождя и великую родину — Россию».

Высоко оценили заслуги Н.Н. Юденича и союзники России. Правительство Великобритании наградило генерала Большим Крестом ордена Святых Михаила и Георгия, а правительство Франции — орденской Звездой Большого Креста Почетного легиона.

Падение Эрзерума стало для Турции катастрофой национального масштаба. Во избежание паники среди населения газетам было запрещено публиковать информацию о сдаче крепости. А для России взятие Эрзерума имело не только огромное военное, но и политическое значение. Ведь линия фронта сдвинулась на 300 километров вглубь турецкой территории, и это повлияло на ход дипломатических переговоров с союзниками, которые вел министр иностранных дел России С.Д. Сазонов. 19 февраля 1916 года он получил согласие Великобритании и Франции на то, что «город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос — Мидия будут впредь включены в состав Российской империи». Сами же области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса аннексировались Россией по праву победителя.

Одновременно со штурмом Эрзерума 4-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта В.В. де Витта проводил вспомогательную операцию, захватив города Муш и Битлис, причем в плен попали

59 вражеских офицеров и 1427 солдат. Эти бои плавно перетекли в следующую операцию, которой руководил Юденич, — Трапезундскую. Через черноморский порт Трапезунд шло снабжение всех турецких войск на кавказском театре военных действий, через него же могли быть быстро переброшены на Кавказ свежие вражеские силы с Галлиполийского полуострова. Конечно, по чести говоря, задачу ликвидации Трапезундской базы мог бы взять на себя Черноморский флот, однако к началу 1916-го он так и не смог полностью взять под свой контроль морские коммуникации.

Трапезундской операцией руководил лично Н.Н. Юденич, находившийся на борту транспорта «Великий князь Александр Михайлович». Благодаря мужеству бойцов небольшого Приморского отряда, командиром которого был временно назначен комендант Михайловской крепости генерал-майор Владимир Платонович Ляхов, и десантников Кубанских пластунских бригад сильно укрепленный рубеж обороны противника на левом берегу реки Кара-Дере был взят быстро и без больших потерь. Особенно отличился 19-й Туркестанский стрелковый полк (командир — полковник Борис Нилович Литвинов), который форсировал Кара-Дере под убийственным огнем противника. Мост через реку турки взорвали как раз в тот момент, когда его пересекали бойцы 6-й роты. Но это не помешало остаткам доблестной роты выбраться на берег и могучим ударом выбить ошеломленного врага с позиций… 5 апреля Трапезунд пал.

Турецкое население бежало из города, а греческое и армянское радостно вышло приветствовать своих освободителей. Офицеров и солдат забрасывали цветами. Н.Н. Юденич в сопровождении чинов своего штаба пешком направился в старинный собор Святой Софии, где был отслужен молебен о здравии императора России и о даровании окончательной победы русским войскам, а затем принял делегацию почетных граждан города.

Невзирая на тяжелейшее поражение, которое турецкие вооруженные силы потерпели под Эрзерумом, они чрезвычайно быстро, уже в мае 1916 года, начали предпринимать попытки вернуть утраченные на Кавказе позиции. В третий раз была возрождена из небытия 3-я армия, по железной дороге на Эрзерумское направление была переброшена сильная 2-я армия, воодушевленная недавними победами над англичанами. Военачальники Османской империи прекрасно осознавали стратегическую важность Эрзерумского района и порта Трапезунд и были полны решимости как минимум отбросить войска

Юденича на исходные позиции, как максимум — выбить их за пределы государственной границы Турции и уничтожить.

На рассвете 16 мая турки обрушились на позиции 15-го Кавказского стрелкового полка, сломили его сопротивление и двинулись на Эрзерум. Но дорогу врагу перекрыли закаленные сражениями полки 39-й пехотной дивизии. На протяжении трех дней, с 21 по 23 мая, 153-й пехотный Бакинский полк, которым с 7 апреля командовал полковник Е.В. Масловский, один держался против четырех вражеских дивизий, отразив две кавалерийские атаки и потеряв убитыми и ранеными 15 офицеров и более 900 нижних чинов.

13 июня два корпуса 3-й турецкой армии начали мощное наступление на Трапезундском направлении. Положение здесь спасли герои Трапезунда — стрелки 19-го Туркестанского полка, который в течение двух суток сражался с двумя дивизиями. В этом беспримерном бою только убитыми турки потеряли 6 тысяч человек, но и потери 19-го Туркестанского были огромны: из 60 офицеров погибли 43, а из 3200 солдат — 2069. Оборона переросла в наступление: 1-й Кавказский корпус отбросил 9-й и 11-й турецкие корпуса, а 2-й Туркестанский корпус вел бои с 10-м турецким. 2 июля русскими войсками был взят город Байбурт, 10-го — город Эрзинджан. 3-я турецкая армия была разгромлена Отдельной Кавказской уже в третий раз подряд, в плен попали около 17 тысяч вражеских офицеров и солдат, было взято около 20 орудий и 50 пулеметов.

Но оставалась еще свежая, сильная и обладавшая огромным боевым опытом 2-я турецкая армия под командованием Ахмет-Изет-паши. 20 июля она перешла в наступление, которое развивалось вполне успешно для турок. Закаленные боями с англичанами 3-й, 4-й и 16-й турецкие корпуса атаковали энергично, с большим подъемом, и через пять дней русские войска под их ударами отошли на старую линию государственной границы. Впервые после сарыкамышского кризиса Отдельная Кавказская армия находилась в таком сложном положении. Возникла реальная угроза потерять все, что было добыто в боях 1915—1916 годов… Но в этой трудной ситуации полководческий талант Юденича снова — уже в который раз! — оказался на высоте. И в августе 1916-го на Кавказском фронте вторично была использована удачная схема Евфратской операции годичной давности. 6 августа ударная группа генерал-лейтенанта Н.М. Воробьева, включавшая в себя 4-ю и 5-ю Кавказские стрелковые дивизии и 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду, отбросила от города Огнота 3-й и 4-й турецкие корпуса. Не желая мириться с поражением, Ахмет-Изет-паша бросал свои войска в яростные

контратаки, но ход Огнотского сражения изменить уже было невозможно. Перед турецкими храбрецами были не английские войска, а русские — и сломить их оказалось невозможно…

Тяжелая для обеих сторон Огнотская операция 1916 года закончилась в начале сентября полной победой русских войск. Из 50 тысяч русских офицеров и солдат погибло и было ранено 20 тысяч. Потери турок были неизмеримо выше — от 150-тысячной 3-й турецкой армии осталось 36 тысяч человек, от 120-тысячной 2-й армии — 64 тысячи… Воссоздавать свои вооруженные силы в четвертый раз Османская империя уже не могла — все возможные человеческие резервы в стране были исчерпаны. Это означало неизбежный и скорый выход Турции из войны…

Всего на протяжении 1914—1916 годов Отдельная Кавказская армия потеряла 22 тысячи человек убитыми, 71 тысячу человек ранеными, 6 тысяч пленными и 20 тысяч обмороженными. Общие потери турецкой армии в Сарыкамышской, Эрзерумской, Трапезундской и Огнотской операциях составили 250 тысяч человек убитыми и ранеными и 100 тысяч пленными. Турки захватили в качестве трофеев 8 русских орудий, русские — 650 турецких. Без преувеличения можно считать кавказский театр военных действий самым успешным для России на протяжении всей Первой мировой войны. Из всех сражений со стойким, опытным и закаленным противником русские войска выходили победителями, освободив к концу 1916 года территорию, превышающую современные Грузию, Армению и Азербайджан вместе взятые. И все эти блестящие победы были одержаны благодаря кавалеру ордена Святого Георгия 4-й, 3-й и 2-й степеней генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Юденичу…

В конце 1916 года на кавказском театре военных действий наступила оперативная пауза. Дальнейшие масштабные наступательные операции Н.Н. Юденичем не планировались — в них не было необходимости. Коммуникации армии и так растянулись на полтысячи километров, и снабжать ее было уже крайне сложно. Начались трудности с фуражом, отчего начался падеж лошадей и верблюдов в тыловых транспортах. Как следствие, ухудшилось снабжение войск продовольствием, кое-где начался настоящий голод. Плохо стало и с топливом, и солдаты разбирали на дрова покинутые местными жителями жилища. К тому же войска страдали от болезней — только за декабрь 1916-го из рядов армии по причине цинги и тифа выбыло 30 тысяч человек, больше, чем армия потеряла убитыми за два года боевых действий.

В довершение всех бед зима 1916/17 года на Кавказе

выдалась самой суровой за всю войну. Генерал-майор Г И. Квинитадзе так описывал это время года в горах: «В начале декабря 1916 года солнце спряталось и повалил снег… Все дороги завалило им. Расчищать их было невозможно, так как расчищенный участок сейчас же снова заносило. Снег стоял стеной до 3—4 саженей, ветер страшный, метель. В 20 шагах ничего не видно… Часто утром было нельзя открыть землянку, так как вся она, до верха, оказывалась засыпанной снегом. Зимой поели ишаков, кошек и собак. Иной раз солдаты варили бульон из хвостов и ели его. Лошади отъедали друг у друга хвосты и гривы. Обозы стояли на перевалах, занесенные снегом».

Все эти факторы, которые нельзя было сбрасывать со счетов, сказывались на планах Отдельной Кавказской армии на 1917 год. К тому же в январе 1917-го Юденича посетил представитель начальника Генерального штаба армии Великобритании и передал просьбу генерала Фредерика Мода о проведении наступательной операции в Персии. А поскольку просьбы союзников по Антанте всегда воспринимались командованием русской армии как безусловный приказ, отказать британскому визитеру Юденич не мог, хотя прекрасно понимал все невыгоды этого похода для своей армии. Начало Персидской операции пришлось на первые дни февраля 1917 года. Ее итогом стало взятие англичанами Багдада, к чему они стремились уже несколько лет. А расплатились за английскую победу своей кровью русские офицеры и солдаты…

Предвидя дальнейшие бои в Персии и не желая больше ослаблять свою армию в угоду англичанам, Юденич вошел в Ставку с предложением — создать 2-ю Кавказскую армию, предназначенную специально для действий на Персидском фронте. Однако ответа из Могилёва он уже не получил…

В общем, можно сказать, что в течение двух лет почти непрерывных боев Отдельная Кавказская армия полностью выполнила все стоявшие перед ней задачи. Ключ к победе над Турцией теперь находился не на Кавказе, а в Константинополе. На апрель 1917-го Ставкой Верховного главнокомандования была назначена Босфорская десантная операция, в ходе которой турецкая столица должна была быть захвачена. Это означало бы конец войны для Османской империи, которая и так после нескольких лет изнуряющей войны и тяжелых поражений на Кавказе дышала на ладан.

К сожалению, февральские события 1917 года поставили крест на победоносной истории Отдельной Кавказской армии, обесценили все принесенные ей жертвы и свели на нет все ее достижения. Поначалу, правда, ничто не предвещало беды —

внешне положение Н.Н. Юденича даже упрочилось. Как и абсолютное большинство русских военачальников, к новой власти он проявил лояльность и присягнул Временному правительству. Одним из последних приказов Николая II до его отречения на пост Верховного главнокомандующего русской армией был снова назначен великий князь Николай Николаевич (он был уволен Временным правительством 11 марта, успев издать в новой должности лишь один приказ), и Юденич 3 марта 1917 года стал исправляющим должность главнокомандующего Отдельной Кавказской армией. Ровно через месяц, 3 апреля, был образован новый Кавказский фронт, и Юденич стал его главнокомандующим. «Чистки» командного состава, которые сотрясали русскую армию в марте—апреле 1917 года, его не коснулись. Да и боеспособность Отдельной Кавказской армии, активно действовавшей всю войну, пока оставалась на высоте, несмотря на нововведения революционного времени — комитеты, созданные в каждой части.

Тем временем Персидская кампания генерала Н.Н. Баратова развивалась далеко не так успешно, как хотелось бы. Английские союзники отказались помочь русским продовольствием, просьбы Юденича были проигнорированы. Прекрасно понимая, что Персидский фронт выгоден только англичанам и может свести на нет все успехи Кавказского фронта, Н.Н. Юденич пытался доказать, что развивать дальше наступление не стоит, а ключ к неизбежной победе над Турцией находится не в Персии, а в Константинополе. Но Босфорская десантная операция, которая еще в апреле 1917-го могла поставить точку в войне на Кавказе, была отменена Временным правительством, а доводы опытного полководца услышаны не были. Принципиальность эрзерумского победителя не понравилась новой политической элите России — его обвинили в «игнорировании требований момента», и 31 мая 1917 года Юденич был уволен со своего поста военным и морским министром А.Ф. Керенским. Когда уже в Петрограде он спросил Керенского о причинах своей отставки, тот откровенно ответил ему:

— Вы слишком популярны в своей армии…

Такие военачальники — любимые подчиненными, самостоятельно мыслящие и волевые — Временному правительству нужны не были. По иронии судьбы, оказавшись в должности, которая больше всего соответствовала талантам Н.Н. Юденича, он пробыл на ней всего два месяца и ничем не успел себя проявить. Но его вины в том не было: безвозвратно изменилась страна, которой служил генерал. На прощание чины штаба фронта преподнесли Юденичу на память о совместной

службе золотую шашку, осыпанную драгоценными камнями.

Кавказский фронт у Юденича принял его старый боевой соратник, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Пржевальский. Забегая вперед скажем, что при нем на кавказском театре военных действий крупных сражений уже не происходило.

В октябре 1917 года фронт принял генерал от инфантерии И.З. Одишелидзе. Боевые действия между Турцией и Россией — уже Советской — прекратились 18 декабря 1917 года с подписанием перемирия…

Вместе с женой Николай Николаевич переехал из Тифлиса в Петроград, где поселился на Каменноостровском проспекте, во временно пустующей квартире своего хорошего знакомого вице-адмирала А.А. Хоменко. Когда генерал пришел в банк, чтобы снять со своего счета небольшую сумму, управляющий узнал эрзерумского героя и посоветовал ему забрать все средства наличными, а также срочно продать дом в Тифлисе и земли в Кисловодске. Генерал последовал неожиданному совету постороннего человека и вскоре убедился в его правоте: на вырученные средства семья Юденичей жила потом еще несколько лет.

Николай Николаевич все еще надеялся, что его огромный боевой опыт будет востребован: ведь война продолжалась, а служить под руководством Юденича почли бы за честь на любом фронте. 17 июня 1917 года генерал лично приехал в Могилёв, в Ставку Верховного главнокомандующего, с надеждой на новое назначение. Но А.А. Брусилов принял Юденича холодно и дал ему только невнятное поручение «ознакомиться с настроениями в казачьих областях». По всей видимости, именно летом 1917 года, став свидетелем развала европейского театра военных действий и нарастающего в армии хаоса, Николай Николаевич пришел к выводу о необходимости борьбы с новыми правителями России. В августе 1917-го он участвовал в работе московского Государственного совещания, поддержал выступление Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова, в это же время сформировалось его резко отрицательное отношение к большевикам.

Октябрьский переворот 1917 года застал Юденича в Москве. Скоро он вернулся в Петроград и, сразу перейдя на нелегальное положение, некоторое время пытался создать подпольную офицерскую организацию для борьбы с большевиками. Но, убедившись в невозможности поднять восстание в столице, Юденич согласился переехать с женой в Финляндию — с тем, чтобы продолжать борьбу уже оттуда. Свою поддержку ему

предоставил инженер М.Ф. Гарденин, занимавшийся тайной переправкой офицеров через советско-финскую границу. В 20-х числах ноября 1918 года Николай Николаевич, снабженный поддельными документами, в сопровождении жены и адъютанта капитана Н.А. Покотило прибыл из Петрограда в Гельсингфорс. И почти сразу же начал вести переговоры о формировании армии, которая могла бы освободить Россию от большевизма…

Именно тогда, на рубеже 1910-х и 1920-х годов, фамилия «Юденич» стала вторично известна всей России — но уже не в качестве непобедимого покорителя турецких твердынь, чьи портреты печатались в популярных журналах, а в качестве «вождя», способного освободить север России от красных — или же «белого зверя», готового залить кровью трудовой Петроград. Военная и политическая деятельность Н.Н. Юденича на протяжении 1918—1920 годов слишком обширна и многогранна, чтобы изложить ее в рамках краткого биографического очерка. Поэтому коротко заметим, что апогеем «белого дела» Николая Николаевича Юденича стали октябрьские бои 1919 года, когда его маленькая (18 500 штыков и сабель, 57 орудий, 6 танков, 4 бронепоезда) Северо-Западная армия прорвала фронт советской 7-й армии, овладела Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и стояла в 20 километрах от Петрограда. Но одержать последнюю, главную победу своей жизни Юденичу не было суждено: Красная армия отбросила Северо-Западную и разгромила ее. Впрочем, не стоит думать, что за прошедшие с момента Сарыкамыша и Эрзерума четыре года талантливейший русский полководец внезапно растерял все свое мастерство, просто наступление армии Юденича на Петроград было предпринято в самой невыгодной для нее обстановке, под жесточайшим давлением британских «союзников». О том, какого рода помощь эти «союзники» оказывали Юденичу, свидетельствует воевавший в Северо-Западной армии писатель А.И. Куприн: «Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулеметы — и к ним несоответствующие ленты; орудия — и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты. Однажды они прислали тридцать шесть пароходных мест. Оказалось — фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки… Ружья, присланные ими, выдерживали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его можно было только в мастерской». Никакой поддержки не дождался Юденич и от британского флота, а вот в разгроме шедшей через Латвию на соединение с войсками Юденича армии П.Р. Бермондта этот флот принял самое активное участие… Конец Северо-Западной армии

был страшен — прижатые красными к границе Эстонии, ее остатки были «интернированы», то есть частью заточены в эстонские «трудовые лагеря», частью вымерли от тифа и голода.

22 января 1920 года армия была официально распущена, а в ночь на 28 января Юденич был арестован в ревельском отеле «Коммерц» С.Н. Булак-Балаховичем и эстонскими полицейскими. По вполне резонному предположению жены генерала, этот шаг был вызван желанием правительства Эстонии выторговать что-то у советской стороны в обмен на выдачу ей Юденича. Правда, осуществить этот план эстонцам не удалось: вскоре генерала освободили, и после недолгого пребывания на территории британской военной миссии он смог в специальном поезде уехать в Латвию, а оттуда в Швецию. В Стокгольме к нему присоединилась жена. Через Копенгаген супруги отбыли в Великобританию, а затем во Францию — родину предков Юденича по материнской линии (напомним, что его прапрадед был французом).

Разумеется, эмигрантские военные круги рассчитывали привлечь знаменитого военачальника к своей деятельности, причем надежды на него возлагались очень большие. Так, согласно рассекреченной в начале 2000-х годов сводке Иностранного отдела ГПУ, хранящейся в архиве Службы внешней разведки Российской Федерации, на состоявшемся в марте 1922 года в Белграде совещании высшего командного состава Русской армии барона П.Н. Врангеля были намечены кандидатуры для планирующегося вторжения в Советскую Россию. В сводке говорилось: «Намечается вторжение в Россию трех групп: группы Врангеля с юга, группы войск “Спасения Родины” и Западной группы под командой Краснова. Все три группы будут объединены под единым командованием… К предстоящим операциям намечен следующий командный состав: Верховный главнокомандующий и временный верховный правитель — вел. князь Николай Николаевич, его помощник — ген. Гурко, начальник штаба — ген. Миллер, главком — ген. Юденич, начальник конницы — ген. Врангель». То, что на пост главнокомандующего армией вторжения намечался именно Н.Н. Юденич, говорит об огромном авторитете, которым он пользовался в кругах военной эмиграции.

Впрочем, сам Николай Николаевич к этим планам не имел ни малейшего отношения. Неудача, постигшая Северо-Западную армию, заставила его разочароваться в идее вооруженной борьбы с советской властью. В 1924 году он сам разъяснил свою позицию в беседе с бароном П.Н. Врангелем. По мысли Юденича, у Русского общевоинского союза, который возглавлял Врангель, не

было для интервенции в СССР ни сил, ни финансов, а на помощь бывших союзников по Антанте рассчитывать больше не стоило. Три года спустя, в 1927-м, когда в момент острого политического кризиса в Европе Великобритания и Франция обсуждали возможность создания экспедиционного корпуса для вторжения в Советский Союз, на пост его командира снова намечался Юденич. И снова Николай Николаевич категорически отклонил это предложение.

Не помогли даже уговоры старого соратника еще по Кавказскому фронту генерала Е.В. Масловского. Словом, политическая позиция, занятая Юденичем в годы эмиграции, вполне укладывалась в краткие слова отчета агента ГПУ: «Бывший белый генерал Юденич от политической деятельности отошел».

С конца мая 1920 года чета Юденичей жила на юге Франции. Сначала они остановились в отеле «Люксембург» на Английском бульваре Ниццы, а затем приобрели небольшую ферму «Питчунетто» в предместье Ниццы, городке Сен-Лоран-дю-Вар. Жизнь пожилой русской пары была размеренной и спокойной и состояла в основном из хозяйственных забот и работы на ферме. По воскресеньям Юденичи принимали у себя ветеранов Кавказской и Северо-Западной армий, которых в те годы жило во Франции немало. Чаще всего в доме генерала бывали бывший начальник штаба Кавказской армии П.А. Томилов, сослуживец Юденича еще по Туркестану Д.В. Филатьев, генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев.

Многим своим знакомым генерал оказывал материальную помощь. П.А. Томилову он помог с покупкой и ремонтом дома. А старый соратник Юденича по Отдельной Кавказской армии Е.В. Масловский со временем просто стал членом его семьи. Узнав, что Масловский начал работу над большим историческим трудом о Кавказском фронте, Юденич приобрел для него пишущую машинку, а в августе 1930 года, когда Масловский перенес тяжелое заболевание глаз и сердца и больше не мог трудиться на автозаводе «Панар-Левассор», настоял на его переезде в Сен-Лоран-дю-Вар.

На протяжении 1920-х годов Николай Николаевич участвовал в деятельности ниццского Кружка ревнителей русской истории, дважды выступал на его заседаниях с докладами о Кавказском фронте. Навещал он и русскую гимназию «Александрино», открывшуюся в Ницце в 1925 году и получившую название в память об Александровском лицее. Инспектором гимназии был бывший Генерального штаба полковник М.И. Изергин, который перед приездом Юденича выстраивал учеников перед входом в

здание, и те лихо приветствовали полководца дружным «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!». Николая Николаевича это всегда очень трогало, однажды он даже прослезился. Сохранилось письмо Юденича от 21 октября 1931 года, в котором он благодарил гимназию за теплый прием: «Пусть Господь поможет Вам и Вашим помощникам вести столь ответственное, трудное, но бесконечно важное для будущей России дело подготовки нового поколения русских людей, любящих и знающих свою далекую Родину, а учащейся молодежи даст силы, здоровья, знания и любовь к Родине для будущего служения последней».

Помогал Юденич гимназии не только словом, но и делом. В июле 1932 года директор «Александрино» А.Н. Яхонтов обратился к Юденичу с письмом: «В беседе нашей Вы изволили упомянуть, что могли бы в крайнем случае выделить на потребности “Александрино” 2000 фр. Разрешите мне усердно просить Вас сделать это. Сейчас положение настолько остро, что каждую минуту можно ждать осложнений, и возникает необходимость, хотя бы частично, ублажить наиболее насущных кредиторов… К числу таковых относятся булочник и молочник… Очень совестно и тяжко беспокоить Вас. Непривычно мне выступать в качестве назойливого просителя. Вынужден на это ради дела, которое не бесполезно для общих наших русских стремлений». На этом письме сохранилась пометка рукой Николая Николаевича: «Послал чек на 2000 фр. при ласковых словах. Н. Ю.».

В 1931 году в Париже было торжественно отмечено 50-летие пребывания Н.Н. Юденича в офицерских чинах. В юбилейный комитет вошли генералы П.Н. Шатилов, П.А. Томилов, Е.В. Масловский, М.Е. Леонтьев, Б.П. Веселовзоров. 22 августа 1931 года в парижском зале «Жан Гужон» председатель Русского общевоинского союза Е.К. Миллер открыл торжественное собрание, посвященное юбиляру. На нем прозвучали четыре доклада, были зачитаны приветствия от Общества офицеров Генерального штаба, Военно-морского союза, Союза ливенцев, Союза Кавказских войск. Николай Николаевич сидел в первом ряду между Е.К. Миллером и А.И. Деникиным, с которым в тот день впервые встретился и познакомился очно.

В августе—сентябре 1931 года юбилейные вечера, посвященные Н.Н. Юденичу, состоялись также в Ницце, Загребе, Белграде, Софии, Шанхае и Детройте. Обстоятельные статьи о его жизни и боевом пути поместили многочисленные эмигрантские издания — «Вестник военных знаний», «Русский инвалид», «Часовой», «Возрождение», «Царский вестник», «Русский голос», «Россия и славянство». Тогда же небольшим тиражом вышел

посвященный Юденичу юбилейный сборник.

В начале 1932 года состояние здоровья Николая Николаевича ухудшилось, он начал страдать от болей в кишечнике, но, не желая беспокоить жену, молчал о своем нездоровье. Тем не менее Александра Николаевна, преодолев сопротивление мужа, повезла его на воды в Виши. Оттуда Юденич вернулся 3 октября уже совершенно больным. Точный диагноз врачи определить так и не смогли, но несколько месяцев генерал не вставал. Только весной 1933-го он несколько оправился и мог сидеть в кресле в саду. К этому времени Е.В. Масловский уже закончил свой капитальный труд «Мировая война на Кавказском фронте». Юденич внимательно прочел его еще в рукописи, внес несколько поправок и попросил автора немедленно отправляться в Париж — начинать переговоры об издании. «А когда книга будет закончена, — добавил он, — возвращайтесь к нам навсегда».

25 июня 1933 года Масловский начал переговоры с парижским издательством «Возрождение», и вскоре оно выпустило его книгу тиражом тысяча экземпляров. 23 сентября Масловскому передали первые отпечатанные экземпляры. На следующий день автор уже был в Ницце и сразу же отправился в клинику Гудзиевской, где лежал Юденич. Николай Николаевич пожал Масловскому руку и слабым голосом поблагодарил за книгу. Через несколько дней Масловский прочел Юденичу вслух несколько отрывков из нее.

Николай Николаевич Юденич тихо скончался в Ницце 5 октября 1933 года. Ему был 71 год.

Похоронили выдающегося русского военачальника в крипте возведенного в Каннах в 1894 году православного храма Архангела Михаила. Четырьмя годами раньше там же был похоронен еще один кавалер ордена Святого Георгия 2-й степени, бывший начальник Юденича — великий князь Николай Николаевич. Отпевание происходило 6 октября. На погребение Юденича съехались многие военные эмигранты, понимавшие, что хоронят последнего великого полководца императорской России. Многие вспоминали любимый девиз Юденича, который он часто повторял: «Только тот достоин жизни этой, кто на смерть всегда готов». Как кавалеру ордена Почетного легиона, Юденичу полагались воинские почести от французской армии, но военный министр Франции Эдуар Даладье запретил проводить церемонию.

Александра Николаевна Юденич надолго пережила мужа. Она активно участвовала в жизни русской колонии Ниццы, в 1956 году была избрана почетным председателем собрания, посвященного 40-летию взятия крепости Эрзерум. Со временем у нее не стало средств, чтобы вносить большой ежемесячный налог

на содержание могилы мужа в каннской церкви, и Александра Николаевна организовала перенесение праха Н.Н. Юденича на православное кладбище Кокад в Ницце. Скромная траурная церемония состоялась в орденский праздник Святого Георгия, 9 декабря 1957 года. На ней присутствовали представители Русского общевоинского союза, префектуры Ниццы, бывшие офицеры Кавказской и Северо-Западной армий. 12 марта 1962 года в той же могиле упокоилась вдова генерала, не дожившая двух месяцев до своего 91 -летия…

В Советском Союзе фамилия «Юденич» долгие годы если и упоминалась в печати, то лишь в сочетании со словом «белогвардейщина» или с фамилиями других вождей Белого движения: Корнилова, Деникина, Колчака, Врангеля. Хотя, как ни странно, из этого списка именно Юденич «удостоился» того, что его фамилия была вынесена в название советского художественного фильма «Разгром Юденича», снятого на киностудии «Ленфильм». Широкая известность этому фильму не была суждена — в прокат он вышел 24 апреля 1941 года, за два месяца до начала Великой Отечественной. Роль Юденича сыграл первый народный артист СССР среди киноактеров В.Р. Гардин — в прошлом сам офицер русской армии, участник Первой мировой войны. Интересно, что еще в 1914-м Гардин снялся в немой киноленте под названием… «Энвер-паша — предатель Турции».

Ну а о том, что Николай Николаевич Юденич был одним из талантливейших полководцев Первой мировой, кавалером ордена Святого Георгия трех степеней, о героической обороне Сарыкамыша и штурме Эрзерума, в СССР помнили лишь немногочисленные военные историки. Да и то в посвященных Кавказскому фронту советских исторических трудах роль Н.Н. Юденича в руководстве войсками описывалась подчеркнуто сухо, без эмоций или же просто замалчивалась. Как будто русскими войсками, одерживавшими блестящие победы на Кавказе, никто и не руководил…

Между тем эмигрантский военный аналитик А.А. Керсновский так охарактеризовал роль Н.Н. Юденича в истории русской армии: «Убежденный сторонник национального естества военного дела, генерал Юденич свой яркий талант сочетал с огромной силой духа. Отметая псевдонаучный рационализм, твердо вел он свою армию от победы к победе. В то время как на Западном нашем театре войны русские военачальники, даже самые лучшие, пытались действовать сперва “по Мольтке”, а затем “по Жоффру”, на Кавказе нашелся русский полководец, пожелавший действовать по-русски, по Суворову… Это был тот полководец, которого не хватало в Ставке весной и летом 1916

года для победы над Германией и Австро-Венгрией».

…Могила Юденичей на городском кладбище Ниццы выглядит скромно. Серая каменная плита, потускневшая от времени и яркого южного солнца, над ней такой же серый каменный крест. И простые, уже полустершиеся от времени надписи: «Главнокомандующий Войсками Кавказского фронта Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич» и «Александра Николаевна Юденич, рожденная Жемчужникова».

КОЗЬМА КРЮЧКОВ:
Казак, ставший легендой

Если попробовать составить самый краткий список самых известных и популярных героев Первой мировой войны, имя донского казака Козьмы Фирсовича Крючкова неизбежно войдет в этот перечень, каким бы кратким он ни был. Его имя стало легендой, устойчивым словосочетанием, которое до сих пор фигурирует в русской разговорной речи, а сам Крючков — былинным персонажем, наподобие Ильи Муромца или Добрыни Никитича. Многие удивляются, узнав о том, что Козьма Крючков — это не собирательный образ, не выдумка, а вполне реальный человек. Впрочем, как и у каждого мифологического персонажа, его биография до сих пор изобилует противоречащими друг другу эпизодами и лакунами.

Начать хотя бы с того, что в литературе встречаются целых три варианта даты рождения героя — 12 января 1888, 1890 и 1893 года. Правильным является последний вариант. Козьма Фирсович Крючков увидел свет на хуторе Нижне-Калмыковка Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа Войска Донского в старообрядческой семье казачьего урядника Фирса Петровича Крючкова. Отслужив положенный срок в 12-м Донском казачьем полку, Фирс Петрович обзавелся хозяйством на родном хуторе, завел большую семью: кроме Козьмы, у него было еще двое сыновей и две дочери. Все они получили образование в хуторской школе и с детства работали в поле, помогая отцу по хозяйству. Козьма уже с пяти лет пас овец, лошадей, был погонщиком волов во время пахоты. Отец рано начал учить его верховой езде и обращению с оружием. К коню маленького казака приучали с трех лет, винтовку дали в руки в семь лет, шашку — в десять. Такая ранняя практика позволяла выращивать прирожденных воинов, воспринимавших свою жизнь как непрерывное служение Богу и Отечеству.

На фоне своих братьев Козьма Крючков с малых лет выделялся своей драчливостью. Хуторской атаман лично порол его розгами, чтобы вразумить, но малолетнего забияку это не останавливало. Да и отец, для порядка ругая Козьму, втайне был доволен тем, что из среднего сына растет настоящий боец.

В возрасте 13 лет Козьму женили на 15-летней девушке с соседнего хутора Большого — Марии Аверьяновой. Такие ранние браки в староверческих казачьих семьях тогда никого не удивляли: в больших казацких хозяйствах лишние рабочие руки

ценились всегда. В 1911-м в семье Крючковых родился сын, в 1912-м — дочь. Впрочем, мирная семейная жизнь молодого казака оказалась непродолжительной: пришло время послужить царю и Отечеству…

Согласно положению о воинской повинности Области Войска Донского, введенному в 1875 году, любой донской казак, достигший 19-летнего возраста, зачислялся в так называемый «приготовительный разряд», приобретал на свои средства коня и всю необходимую экипировку и в течение года обучался в своей станице военному делу — стрельбе, джигитовке, рубке, владению пикой. А поскольку это было обучение не с «нуля», а скорее совершенствование уже имевшихся к тому времени навыков, к моменту призыва на действительную военную службу казак был уже вполне подготовленным воином, готовым немедленно отправиться в бой.

С двадцати лет казак переходил в «строевой разряд», который делился на три четырехлетних отрезка — 4 года действительной службы (служба 1-й очереди) и 8 лет так называемой «льготы» (службы 2-й и 3-й очереди). Действительную службу казаки проходили в казачьих полках, входивших в состав кавалерийских дивизий регулярной армии. В мирное время таких полков было 19—17 армейских и 2 лейб-гвардейских (забегая вперед скажем, что во время Первой мировой Донское казачье войско выставило на фронт 60 полков, 126 отдельных сотен и 37 артбатарей, всего более 113 тысяч человек). «Льготники» жили дома и занимались своими повседневными делами, однако участвовали в военных сборах (2-я очередь — ежегодно, 3-я — один раз) и в случае необходимости были обязаны немедленно явиться в свою часть при коне и в полном боевом облачении, приобретенном за собственный счет. После «строевого разряда» казак переводился на пять лет в «запасной разряд», а затем в ополчение.

Для Козьмы служба 1-й очереди началась в январе 1913 года, когда 20-летний казак был зачислен в команду пополнения и направлен в 3-й Донской казачий Атамана Ермака Тимофеевича полк, укомплектованный уроженцами Усть-Медведицкого округа. Этот полк был сформирован в мае 1835 года и с тех пор несколько раз принимал участие в боевых действиях—в 1840-х годах на Кавказе и в 1863—1864 годах в Польше.

3-й Донской входил в состав 3-й кавалерийской дивизии, базировавшейся в Вильно (ныне — Вильнюс, Литва). Как и прочие казачьи полки, 3-й Донской делился на шесть сотен, которые, в свою очередь, включали две полусотни и четыре взвода. Командир полка, полковник Евгений Васильевич Кочетов, определил Козьму в 6-ю сотню, которой командовал опытный

есаул Попов.

Во время действительной службы Крючков быстро выделился в своей сотне как великолепный наездник и стрелок. Блестяще владел он и холодным оружием. В декабре 1913 года за отличную службу казак был произведен в следующее звание — приказный (оно соответствовало званию ефрейтора).

Начало Первой мировой войны застало 3-й Донской казачий полк в Вильне. Согласно мобилизационному плану полк покинул казармы, погрузился в эшелон и был направлен в приграничный район, к небольшому городку Кальвария Сувалкской губернии (ныне Калвария, Литва). Выгрузившись, 6-я сотня полка была направлена в распоряжение штаба 3-го армейского корпуса, расквартированного в местечке Белая Олита (ныне Алитус, Литва). Там командир сотни получил приказ направиться походным порядком в пограничное селение, которое в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» упоминается как «Пилекалие».

На этом «Пилекалие» стоит остановиться немного подробнее. Шолоховеды уже давно гадали, что скрывается под этим топонимом, и вроде бы раскрыли эту загадку. Так, Ф.Ф. Кузнецов в своем исследовании «Рукопись “Тихого Дона” и проблема авторства» (2003) пишет: «В романе “Тихий Дон” подробно описан бой Козьмы Крючкова… Бой этот, пишет Шолохов, произошел в районе местечка Пеликалие — на границе между Россией и Пруссией… В “Стратегическом очерке войны 1914—1918 гг. Часть 1” в схеме № 6 зафиксирован факт близкого соседства… двух мест — Сталупенен и Пилькаллен. В памяти воевавшего в этих местах Михаила Иванкова, от которого и получил информацию о боях в Восточной Пруссии Шолохов, названия этих двух мест сохранились, но — в искаженной форме: Столыпин и Пеликалие».

Итак, по версии Ф.Ф. Кузнецова, «Пеликалие» — это вроде бы искаженное название немецкого городка Пилькаллен. Звучит на первый взгляд убедительно, но загвоздка в том, что Пилькаллен (ныне Добровольск Калининградской области России) находился, во-первых, не «на границе России и Пруссии», а в 23 километрах к западу от этой границы, а во-вторых, в добрых 70 километрах к северо-западу от описываемого места действия. Так что под словом «Пеликалие» явно скрывается какой-то другой населенный пункт.

Между тем загадка решается с помощью справочника «Списки населенных мест Сувалкской губернии, как материал для историко-этнографической биографии края», изданного в Санкт-Петербурге в 1901 году. С его помощью легко установить, что шолоховское «Пилекалие» — это не что иное, как литовский

топоним Пилекальне (ныне Пилиакалняй, Литва). Небольшое селение Лубовской гмины Кальварийского уезда, в котором жили около семидесяти литовцев-католиков, размещалось примерно в 25 километрах к северо-западу от Кальварии. (Справедливости ради отметим, что немецкое «Пилькаллен» и литовское «Пилекальне» имеют одинаковое происхождение и восходят к литовскому слову, обозначающему укрепленную возвышенность.)

В Пилекальне командир сотни распорядился выставить вдоль русско-германской границы десять наблюдательных постов, которые должны были содействовать частям Отдельного корпуса пограничной стражи. В 19 часов 24 июля в Пилекальне в подкрепление казакам прибыли 2-й батальон 108-го пехотного Саратовского полка и шестиорудийная артбатарея.

В ночь на 27 июля по приказу есаула Попова на один из новых наблюдательных постов были назначены казаки 3-го Донского полка Астахов, Иванков, Щегольков, Попов, Рвачев и Крючков. Командиром поста назначили старшего по званию приказного Крючкова. (Сразу уточним: широко распространенное утверждение, что командовал постом Василий Астахов, который недавно закончил учебную команду и ждал представления к званию младшего урядника, основано исключительно на тексте романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». В приказе войскам 1-й армии № 36 от 2 августа 1914 года о награждении Астахова и других казаков георгиевскими медалями говорится четко и определенно: «…как бывший в разъезде под начальством приказного Козьмы Крючкова». Насколько можно доверять тексту «Тихого Дона» как историческому документу, подробнее будет сказано ниже.)

Пост разместился в большом селе Лубове — центре одноименной гмины Кальварийского уезда. (В литературе встречаются разные вариации этого названия, но на старых картах Сувалкской губернии зафиксирован именно вариант «Лубово».) В Лубове, от которого до границы с Германией было порядка восьми верст, проживало около полутора тысяч человек, в основном евреи и поляки. На современной карте бывшее Лубово отыскать нетрудно — это литовское село Лиубавас, расположенное в нескольких километрах от границы с Польшей. Никто из донцов не знал, что совсем скоро казакам предстоит боевое крещение, которое навсегда запечатлит их имена в истории Первой мировой…

Как ни удивительно, до сих пор в военно-исторической литературе не было попыток предпринять детальную реконструкцию боя, который состоялся между донскими казаками и германским конным разъездом 30 июля 1914 года, и

предшествовавших ему событий. Эта задача затруднена тем, что существует несколько версий случившегося, значительно различающихся между собой в деталях. Мы постараемся восстановить истину, опираясь на первоисточники: письмо Козьмы Крючкова родителям, датированное 3 августа 1914 года, запись его же устного рассказа, сделанная однополчанином Ф.С. Родиным 4 августа 1914 года, краткий рассказ К. Крючкова, опубликованный в русской прессе, и официальное донесение командира 6-й сотни 3-го Донского казачьего полка есаула Попова от 30 июля 1914 года.

Итак, утром 27 июля 1914 года шестеро казаков прибыли на пост № 3 в Лубово и приступили к выполнению обязанностей. Вечером 27 июля пост с донесением о ходе боевого дежурства покинул Попов, дни 28 и 29 июля прошли спокойно, а вечером 29 июля местные жители сообщили казакам, что с германской территории границу перешел вражеский лазутчик. Ночь на посту прошла в тревожном ожидании, дежурил Крючков. В 7 часов утра 30 июля он сварил себе на завтрак картошки, поел и улегся отдыхать после ночного дежурства, но вскоре был разбужен товарищами: на пост снова пришли местные крестьяне, на этот раз с сообщением, что к посту приближается конный разъезд германцев. Он насчитывал 27 драгун во главе с офицером.

На счастье пятерых казаков, они знали, что к посту № 3 из Пилекальне уже направлялась рота 108-го пехотного Саратовского полка. Крючков верхом выехал навстречу пехотинцам и доложил командиру роты о приближении немцев. По приказу командира рота быстро рассредоточилась, залегла и встретила германских кавалеристов огнем, а казаки подключились к бою с фланга. Убедившись, что захватить пост с налету не удастся, вражеские кавалеристы повернули вспять и направились на север вдоль русско-германской границы. Послав Рвачева с донесением начальству, Крючков принял решение пойти немцам наперерез и преследовать их вдоль границы с целью вывести на соседний казачий пост № 2, на котором было шестеро казаков 6-й сотни. Этот пост размещался на фольварке Александрове. Но о каком именно фольварке идет речь, сейчас выяснить трудно, поскольку в Кальварийском уезде Сувалкской губернии было целых три селения с таким названием.

Преследуя противника, четверка казаков разделилась: Крючков с Иванковым ехали вслед за конным разъездом противника, а Астахов с Щегольковым отправились наперерез. В погоне некоторое время участвовали еще двое русских всадников — солдат (видимо, 108-го пехотного Саратовского полка) и пограничник, но вскоре они отстали. По свидетельству К.

Крючкова, преследование продолжалось около 12 верст (почти 13 километров) к северу, прежде чем казаки и германцы снова вошли в боевое соприкосновение. Таким образом, учитывая конфигурацию тогдашней русско-германской границы, можно предположить, что местом решающей схватки противников стала холмистая местность недалеко от пограничной деревни Выгреляй Сувалкской губернии (ныне на границе Литвы и Польши).

Спрашивается, почему всемеро больший по численности немецкий разъезд целых 12 верст уходил от четырех казаков?.. Видимо, здесь сработала примененная донцами военная хитрость: преследуя врага, казаки увеличили дистанцию друг между другом, чтобы противник принял их за дозор идущих позади частей. Германские кавалеристы, видимо, так и думали — их уводило от казаков именно нежелание вступать в бой с многократно превосходящими русскими силами. Когда же немцы наконец сообразили, что казаки — это не авангард своего полка, они тут же развернулись и сами пошли в атаку на русских храбрецов.

Ближний бой сразу начался удачно для казаков: Василию Астахову удалось метким выстрелом сразить единственного вражеского офицера. Но положение все равно оставалось отчаянно трудным: четверо против двадцати шести, к тому же драгуны были вооружены стальными пиками трехметровой длины, а у казаков были только винтовки и шашки. Донцы решили уходить порознь, чтобы затруднить преследование: Крючков направил коня прямо, Астахов с Щегольковым бросились направо, а Иванков налево. Но немцы догнали Иванкова и пустили в ход пики. Увидев, что товарищ попал в трудную переделку, остальные казаки немедленно повернули коней и бросились на выручку.

Сам Козьма схватился сразу с тремя драгунами, к которым на подмогу бросилось еще восемь немцев. Казак вскинул было винтовку, но, как на грех, патрон в затворе заклинило. Драгунский вахтмайстер рубанул Крючкова палашом по пальцам, тот вовремя парировал удар, подставив винтовку. Попробовал отбиваться шашкой, но ей работать против всадников, вооруженных пиками, было трудно. Тогда Крючков поднял коня на дыбы, вырвал у одного из драгун его пику и начал отбивать удары разъяренного противника…

В кратком изложении самого К. Крючкова картина боя выглядит так: «Нас было четверо — я и мои товарищи: Иван Щегольков, Василий Астахов и Михаил Иванков. Начали подыматься на горку и наткнулись на немецкий разъезд в 27 человек, в числе их офицер и унтер-офицер. Сперва немцы

испугались, но потом полезли на нас. Однако мы их встретили стойко и уложили несколько человек. Увертываясь от нападения, нам пришлось разъединиться. Меня окружили одиннадцать человек. Не чая быть живым, я решил дорого продать свою жизнь. Лошадь у меня подвижная, послушная. Хотел было пустить в ход винтовку, но второпях патрон заскочил, а в это время немец рубанул меня по пальцам руки, и я бросил винтовку. Схватился за шашку и начал работать. Получил несколько мелких ран. Чувствую, кровь течет, но сознаю, что раны неважные. За каждую рану отвечаю смертельным ударом, от которого немец ложится пластом навеки. Уложив несколько человек, я почувствовал, что с шашкой трудно работать, а потому схватил их же пику и ею поодиночке уложил остальных. В это время мои товарищи справились с другими. На земле лежали двадцать четыре трупа, да несколько нераненных лошадей носились в испуге».

В более подробном рассказе, известном в записи Ф.С. Родина (он был опубликован в феврале 1965 года в парижском журнале «Родимый край»), Крючков сообщал также, как именно закончился для него беспримерный бой: «Вырвал я… пику и стал ею отбиваться. Немцы, не ожидавшие этого, стали отскакивать, и тут мне удалось выскочить из их кольца. Немцы погнались за мной. Тут я попал в болото, конь с трудом выбрался из него. Но немцы, настигшие меня, перед трясиной остановились, спешились и начали по мне стрелять. Обливаясь кровью, выбрались мы из болота, и конь мой весь был в крови. От потери крови голова моя стала кружиться, повесил я пику на луку седла, а сам, чтобы не свалиться с коня, обнял его за шею. Конь мой шел сам, а куда, я сам не знаю. Поляк, случайно ехавший навстречу на подводе, снял меня с коня, положил на свою подводу, а дальше я уж ничего не помню».

Разные источники приводят разные итоги кавалерийского боя 30 июля 1914 года. Сам К. Крючков, как мы видим, говорил о 24 убитых, но более точными являются следующие данные: из 27 германцев убито было 22 (из них 11 — Крючковым), двое ранено и попало в плен (вероятно, именно их Крючков и принял за убитых), трем удалось бежать с поля боя. Сам Козьма получил 16 колотых ран и 17-ю рубленую (удар палашом по трем пальцам правой руки), его конь был ранен 11 раз, но сумел пронести всадника после боя целых шесть верст. Иванков получил две легкие колотые раны, Щегольков — две, Астахов — одну. Как видим, больше всех отличился в бою именно Крючков (трое остальных казаков, вместе взятые, уничтожили столько же врагов, сколько он в одиночку), но ему же и досталось больше всего.

Всех героев боя немедленно отправили в лазарет,

расположенный в Белой Олите, но крепкая казачья порода сдюжила — через трое суток Крючков уже сообщал родителям, что скоро вернется в полк. 27 августа 1914 года его письмо домой было опубликовано в газете «Донские областные ведомости», и здесь мы приведем этот документ полностью, сохраняя все особенности орфографии оригинала:

«1914 г. 3 дня августа Господи Благослови писмо написать до натихой дон послать родной сямьи здрастваитя дорогая мая семия я помилости Господа Бога нахожуся жив и здоров чево и вам желаю получить от Бога скорого успеха делах рук ваших затем понискому и усердному поклону посылаю в сем родным и знакомым ниска кланиюсь высему тихому дону ниска кланиюся всем православным християнам помолитесь Богу обнос висех воинох. Затем мы были посланы выразиветь из местечка Колвери к границы 10 верст 5 розвездов 6 человек выразвезди вынашим вразезди был приказной Козьма Фирсавич Крючков Иван Щеголков Василий Астахов Сыхутора Астахов Михаил Иванков схутора Киригина двое увезли донесение 29 июля амы асталися ночь баялися 30 июля 7 чесов утра наварили картошки поели я лох спать немного уснул мене бу-дют ставай Фирсавич я скачил что тут вон немцы и взял бинок посмотрил 27 человек селимы ноконие поехали надграницай отбили их атграницы и погнали верст 12 прогнали 1 офицер немцы забутовалися офицера убили мы немцы иию абутовалися товарищи мои поскакали двоя выправо один вылево а я один остални немцы зачали мене колоть пиками, а я выхватив шашку шашкою рубил шашку вложил вырвал у немца пику до пикою доколол 11 человек приехал высотню мине осмотрели сочли у мине 16 ран коня 11 ран отправили мене выбольницу приехал командочий войсками выбольницу снел себе 1 степени Геворгиское крест повесил на мене теперя идут камне господа офицеры полковники хоружи заручку берут астаюся жив и здоров как сам так конь день 5 пробуду выбольницы потом поеду высотню»».

Заслуженная награда действительно нашла Козьму Фирсовича прямо на лазаретной койке. 1 августа 1914 года командующий 1-й армией генерал от кавалерии П.К. фон Ренненкампф лично вручил ему в лазарете Георгиевский крест 4-й степени. Приказ № 17 об этом был подписан на следующий день. Текст приказа гласил: «Поздравляю славный 3-й Донской казачий Ермака Тимофеевича полк, — приказный 6-й сотни Козьма Крючков, начальствуя разъездом из четырех орлов-донцов, атаковал и опрокинул немецкий разъезд из 22 всадников, получив при этом 16 ран пикой. На основании п. 7 параграфа 67 Статута Георгиевского креста приказный Козьма Крючков

награждается Георгиевским крестом 4-й степени, номер которого, по получении крестов, будет уточнен дополнительно. Подписал: Командующий 1 армией, Генерал-Адъютант, Генерал от Кавалерии Фон-Ренненкампф». Это был первый солдатский «Георгий», врученный во время Первой мировой войны. Астахова, Щеголькова и Иванкова приказом войскам 1-й армии № 36 от 11 августа 1914 года наградили георгиевскими медалями 4-й степени на основании пункта 3 Статута 145 этой медали (в этом пункте сказано, что медаль полагается тому, «кто из нижних чинов строевой части выделится блистательным и доблестным выполнением своего долга в бою, в обстоятельствах исключительной трудности»). Поздравляя войскового наказного атамана Войска Донского, П.К. фон Ренненкампф сообщал: «Поздравляю славное Донское войско с награждением первым Георгиевским крестом в армии гордости Усть-Хоперской станицы казака хутора Нижне-Калмыкова Козьмы Крючкова, который один побил одиннадцать немцев, получив 16 ран пикой в себя, одиннадцать в лошадь. Чувствует себя молодцом, поправляется». В ответной телеграмме генерал от кавалерии Василий Иванович Покотило писал: «От лица Донского войска горячо благодарю Ваше Высокопревосходительство за радостную весть о подвиге доблестного Крючкова. Сейчас рассылаю Вашу телеграмму по всем станицам, дабы скорее доставить радость всем казакам от старика до малолетка. Не откажите передать Крючкову благодарность и любовь родного Дона. Дай Бог ему скорее поправиться».

Стоит заметить, что Крючков, хотя и стал самым первым кавалером Георгиевского креста за всю историю этой награды, получил крест с номером 5501. Это объясняется тем, что заранее отчеканенные Георгиевские кресты (такое название официально было присвоено этой награде в 1913 году) были разосланы на фронты большими партиями. Северо-Западный фронт, на котором действовала 1-я армия, как раз и получил партию крестов, номера которых начинались с цифры 5501. Что касается Георгиевского креста 4-й степени № 1, то он еще до войны был оставлен «на усмотрение Его Императорского Величества». И Николай II лично вручил его только 20 сентября 1914 года рядовому 41-го пехотного Селенгинского полка Петру Черному-Ковальчуку, захватившему в бою австрийское знамя.

(Здесь уместно будет напомнить о том, что Георгиевский крест — награда исключительно для нижних чинов. Но русские журналисты 1914-го, не искушенные в военных тонкостях, зачастую «награждали» Крючкова офицерским орденом Святого Георгия. Так, во втором выпуске московского иллюстрированного

альманаха «Великая война в образах и картинах» говорилось: «Вызывает всеобщий энтузиазм громкий подвиг казака Крючкова, открывшего длинный ряд случаев награждения нижних чинов орденом Святого Георгия за выдающиеся подвиги личной храбрости». Да и на цветных плакатах рядом с портретом Крючкова часто помещалось изображение именно ордена Святого Георгия, а не Георгиевского креста.)

В конце августа 1914 года подвиг Крючкова быстро получил широчайшую известность в России. Имя героя было увековечено в песнях, его биография была растиражирована в виде небольших брошюр — их известно как минимум 20 (и не только на русском, существовало даже эстонское издание). Поэт, работавший под псевдонимом Дэг, посвятил казаку поэму «Подвиг казака Крючкова», вышедшую в Петрограде отдельным изданием. Портреты героя печатались на обложках журналов, в цирках ставились конные представления «Подвиг Козьмы Крючкова», во всех музыкальных магазинах появились граммофонные пластинки с «Вальсом Козьмы Крючкова», кондитерская фабрика А.И. Колесникова выпустила конфеты «Геройские» с портретом казака на обертке, а ростовская папиросная фабрика Кушнарева начала продажу папирос «Донской казак Козьма Крючков». Широко были распространены лубочные картинки, на которых Козьма изображался в виде сказочного богатыря, наколовшего на свою пику не меньше десятка врагов. Рядом обычно помещались стихи наподобие этих:

Храбрый наш казак Крючков
Ловит на поле врагов,
Много ль, мало ль — не считает,
Их повсюду подцепляет.
Как догонит — не милует,
Сзади, спереди шпигует
По возможности елику —
Сколько влезет их на пику.

Существовала и такая поэтическая версия боя 30 июля:

Четыре русских казака,
А немцев было тридцать два.
И вот один казак Крючков
Вдруг в кучу врезался врагов.
Три остальных за ним спешат
И немцев вкруг себя крошат.
И вот чрез несколько минут

Настал для немцев уж капут.
Хоть и залит Крючков весь кровью,
Но не моргнет он даже бровью.
Он смело вкруг себя рубил,
Одиннадцать врагов убил
И получил шестнадцать ран,
Без помощи доехал в стан.
За храбрость стал казак донской
Теперь известен как герой.

Подвиг донца задорно воспевался и в частушках:

Ай да ловко! Это дело!
Немцам здорово влетело!
Вся Германия в конфузе
От геройской битвы Кузи.

Первого георгиевского кавалера буквально заваливали дорогими подарками и знакомые, и незнакомые люди. Так, дирекция Русско-Азиатского банка преподнесла ему золотую казачью саблю, сотрудники газет «Новое время» и «Вечернее время» — шашку с гравировкой «Удальцу Козьме Крючкову», общественность Петрограда и Москвы — шашки в золотой оправе, ростовчане — большую золотую чашу, городской голова Одессы — серебряный ларец… Подарки присылали и родителям героя. Отец Козьмы с недоумением рассказывал: «Кувшины разные позолоченные, стоят в горнице на полочке, красуются. Чего с ними делать, не знаем. Стоят!»

Популярность героя была такой, что в России появились «лжекозьмы Крючковы». Об одном таком самозванце, выдававшем себя за настоящего Крючкова в декабре 1914 года, рассказывал в своих воспоминаниях генерал И.И. Золотарев.

После излечения Козьма Фирсович вернулся в родной полк и принял активное участие в боях в Восточной Пруссии. Так, 31 октября 1914 года он «в бою под деревнями Зееберг и Аннберг под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника был послан снять пулеметы с позиции, которая сильно обстреливалась противником, благодаря чему пулеметы были вовремя сняты, а еще ранее им же установлена связь с начальником дивизии» (за этот подвиг Крючков 8 февраля 1916 года приказом № 64 по 3-му армейскому корпусу был удостоен Георгиевского креста 3-й степени № 92481). Но вскоре его по настоянию начальства перевели в штаб 3-й кавалерийской дивизии, на должность

начальника казачьего конвоя. Впоследствии с «легкой» руки М.А. Шолохова широко распространилась легенда о том, что Крючкову роль «свадебного генерала» льстила, что его в надежде на близкое знакомство осаждали «влиятельные дамы», и т. п. На эту злобную выдумку можно сказать одно: в реальности шумиха вокруг собственного имени Крючкову категорически не нравилась. Так, когда служивший при штабе 3-й кавалерийской дивизии П.А. Аккерман попытался расспросить Крючкова о его подвиге, он заметил, что казаку «или надоело, или, по скромности, неприятно распространяться о своем геройстве. Достаточно поузнав его за время совместного пребывания в нашем штабе, — я склонен думать, что причиной была его скромность». О том, что донской герой был вовсе не склонен щеголять своей известностью, свидетельствует и более поздний случай, описанный в воспоминаниях Н.Н. Каледина: «В 1917 году 3-й Донской казачий полк стоял на отдыхе недалеко от Одессы. Для надобностей полка было отправлено несколько подвод в Одесское интендантство. За старшего ехал К. Крючков. В Одессе, в интендантстве Крючкова разыскал какой-то господин и представился ему как директор Одесского городского театра. Этот директор, в присутствии казаков, высказал свое желание представить Крючкова Одесской публике, в городском театре, и само собой разумеется, за денежное вознаграждение. Крючков весьма терпеливо выслушал этого предприимчивого директора и под улыбки присутствующих казаков ответил ему так: “Прошу вас, господин хороший, убирайтесь отсюда подобру-поздорову и в другой раз с подобными предложениями ко мне не обращайтесь, а то вам весьма не поздоровится. Я вам не медведь, чтобы меня всякий желающий выводил на показ публике”».

Что же касается «влиятельных дам», которые осаждали Козьму Фирсовича в надежде на близкое знакомство, то они действительно были. Вот только реакция Крючкова на таких поклонниц была достойной уважения. Интересную зарисовку оставила знаменитая певица Н.В. Плевицкая, в январе 1915 года работавшая сестрой милосердия в госпитале: «На дворе мы увидели, между прочим, чубатого, с тонким, красивым лицом казака, который учился ездить на велосипеде. Он не обращал на нас внимания, а упрямо одолевал стального коня. Впрочем, этот конь то и дело сбрасывал казака в снег… Так мы увидели Крючкова, портретами которого уже пестрили все журналы. Княгиня казака сфотографировала. Он позировал неохотно. Генерал Леонтович заметил, что Крючков “не очень дисциплинирован”. Когда Крючков хочет идти в разведку, а генерал не разрешает, он упрямо трясет чубом, повторяя: “А

почему, а почему?”». Добавим, что когда с Крючковым захотела сфотографироваться сама Плевицкая, чья известность тогда уже была очень велика, он наотрез отказался, заявив, что женат и не может фотографироваться с другими женщинами. Автор статьи «Кузьма Крючков», опубликованной в газете «Донские областные ведомости» в № 31 от 8 февраля 1915 года, также свидетельствовал о том, что реакция казака на осаждавших его поклонниц была весьма неодобрительной: «Между прочим, пришлось видеть и то, с каким совершенно искренним удивлением реагирует он на внимание, которое ему уделяют общество и печать. Его привели почти в детский восторг подарки Петрограда и Донского банка — шашки, оправленные в серебро, и кованый пояс — от Нижегородской ярмарки. И озадачили письма петроградских дам, нашедших необходимым выразить признательность казаку Кузьме Крючкову.

— Чего это оне? — сказал как-то раз казак. — Ведь у меня женка осталась на родине и двое детей: один — четырех, другой — трех лет».

Конечно, у шумихи, окружавшей имя Крючкова — а он враз удостоился почестей, которых до него не получал ни один рядовой солдат русской армии, даже самый заслуженный, — была и оборотная сторона. Несведущие в тонкостях военной службы журналисты зачастую сочиняли «по мотивам» боя 30 июля 1914 года такие небылицы, что реальная драматическая картина неравной схватки становилась каким-то полуанекдотом-полубылиной, а сам национальный герой № 1 превращался в пропагандистский трафарет, очень далекий от прототипа, — этакий типичный «воин из народа», простой, скромный, но при этом обладающий богатырской силой и храбростью. Неудивительно, что в таком изложении подвиг Крючкова воспринимался с изрядной долей скептицизма и иронии, как некая фронтовая байка, не имеющая отношения к настоящей войне. Знаменитым стало высказывание Максима Горького: «Подвиги Козьмы Крючкова больше от надуманности, чем от действительности». Именно в таком лубочном, гротескном, разменянном на конфетные обертки виде герой, к сожалению, и запомнился многим современникам: «На календарях, папиросных коробках, открытках, на бонбоньерках храбрый казак Кузьма Крючков бесконечно варьирует свой подвиг. Выпустив чуб из-под сбитой набекрень фуражки, он расправляется с разъездом, с эскадроном, с целой армией немцев…» (Л. Кассиль. «Кондуит и Швамбрания»); «Уже давно я хранил в своем волшебном ящике множество бумажек от конфет, — портреты генералов — Рузский, Брусилов, Иванов, Алексеев, Козьма Крючков, повторенные

тысячей конфетных зеркал, — все это не имело для меня никакого значения…» (В. Шаламов. «Берданка»).

Но мифы — мифами, а своей дальнейшей фронтовой службой реальный, невымышленный донской казак Козьма Крючков доказал, что был вполне достоин тех авансов, которыми его наградили осенью первого военного года. Воюя в своем полку, он вовсе не был неким «символом части», которого на всякий случай не пускали на передовую. Получил три ранения, одно из них тяжелое. Журнал «Нива» в 1915 году так живописал боевую службу Крючкова: «Нужно было разведать расположение германских войск. Крючков и еще человек десять вызвались произвести эту разведку. Подъехали к деревушке М., в которой расположился отряд, человек в двадцать, германцев-кавалеристов. Недолго думая, они ворвались в деревню, половину перебили, остальных забрали в плен и нашли у них ценные документы относительно расположения германских войск. Затем Крючков участвовал в больших боях, получил три раны, из которых одна в бок — самая опасная. Крючков в настоящее время имеет все четыре степени ордена Св. Георгия (полный бант) и получает 50 р. ежемесячного жалованья».

Последняя фраза в этой публикации — типичное для тех лет преувеличение пополам с журналистской безграмотностью (в 1915 году у Крючкова был всего один Георгиевский крест 4-й степени, к тому же эта награда спутана с орденом Святого Георгия). Но сама боевая работа донца описана верно. И, что интересно, ошибка петроградского журналиста («все четыре степени») на деле обернулась пророчеством — храбрость казака была действительно оценена по достоинству. Про Георгиевский крест 3-й степени, полученный им в феврале 1916-го, мы уже упоминали. Вторую степень Георгиевского креста Крючков получил тоже в 1916-м за бой 13 ноября 1915 года, а крест 1-й степени № 5801 нашел его в 1917-м. Удостоился храбрый казак и трех Георгиевских медалей — 4-й, 3-й и 2-й степеней. Так, медаль 4-й степени № 1093246 он получил приказом по 10-й армии от 5 апреля 1917 года за подвиг, совершенный еще 31 января 1915 года. Тогда у деревни Людвиново «под сильным и действительным огнем противника Крючков обслуживал связь с кавалерийской дивизией, доставляя приказания, и тем содействовал успеху наших боевых действий» (кстати, находилось Людвиново буквально в 20 километрах от той местности, где Крючков принял бой 30 июля 1914 года; ныне это Людвинавас, Литва). Так гласят официальные данные Российского государственного военно-исторического архива.

Впрочем, именно с георгиевскими наградами Крючкова

связан еще один не вполне ясный момент его биографии. Дело в том, что сам Крючков считал, что у него только… два Георгиевских креста. Об этом свидетельствует сценка лета 1919 года, когда Козьма Фирсович, будучи уже хорунжим Донской армии, общался с одним из старших офицеров. «Но ведь Вы полный бантист?» — спрашивал тот («полный бант» — набор из четырех Георгиевских крестов и четырех Георгиевских медалей). «Никак нет, у меня только два креста», — отвечал Крючков. «Как два креста? Да ведь все говорят, что Вы полный бантист…» «Никак нет, господин полковник, у меня только два креста», — повторил Крючков. С чем связано такое положение дел, точно неясно до сих пор. С одной стороны, «полным бантистом» Козьма Фирсович действительно не был (для этого ему не хватало Георгиевской медали 1-й степени), с другой — крестов у него было все же не два, а четыре, да и Георгиевские медали нельзя списывать со счетов. Единственное объяснение: в вихрях 1917—1918 годов приказы о награждениях, а тем более сами кресты и медали, попросту могли не дойти до Крючкова. Так и ушел он из жизни, будучи уверенным в том, что является кавалером только двух Георгиевских крестов…

К концу войны мужественный донец дослужился до подхорунжего (сверхсрочного унтер-офицера казачьих войск). Февральский переворот 1917 года подхорунжий Крючков, как и абсолютное большинство военнослужащих русской армии, встретил с энтузиазмом, был даже избран председателем полкового комитета. Однако от дальнейшей «свободы» Козьма Фирсович явно не пришел в восторг, потому что в конце апреля 1918 года вместе с есаулом Г.И. Алексеевым организовал на Дону «белый» партизанский отряд численностью в 70 бойцов. 10 мая 1918 года этот отряд после жестокого боя освободил от красных станицу Усть-Медведицкую, а со временем влился в ряды белой Донской армии. Служить Козьме Крючкову выпало в 1-й сотне 17-го Донского Назаровского конного полка, который входил в состав 10-й Донской конной бригады. Полк был невелик — он насчитывал всего 545 сабель при пяти пулеметах.

За храбрость, проявленную в боях с красными во время Вешенского восстания, К.Ф. Крючков вскоре был произведен в первый офицерский чин хорунжего (равен подпоручику в пехоте и корнету в кавалерии). Весть о своем производстве в офицеры казак принял, судя по всему, без особого ликования. Как вспоминал тогдашний командир Крючкова, начальник 10-й Донской конной бригады полковник А.Н. Лащенов, «вызываю как-то его к себе и передаю весть о представлении в офицеры. Благодарит, но просит не делать этого, “потому что 'чернильный'

офицер к офицерской среде не подойдет, а от своей братвы он не хочет отрываться, да и грамотный-то плохо". Через месяц он получает чин хорунжего. Страшно смущен. Получает отпуск, из которого возвращается раньше времени, потому что "стыдно в тылу"».

Один из сослуживцев Крючкова по 17-му Назаровскому полку Н. Мельников так вспоминал встречу с легендарным героем летом 1919 года: «Просторная горница была полна народу. Тут же были и начальники разъездов, ожидавшие приема. Командир бригады сидел за столиком в небольшой смежной комнате, дверь в которую была открыта. Когда адъютант стал вызывать начальников разъездов, первым вошел офицер Назаровского полка, громким голосом отрапортовавший: "На-заровского полка, хорунжий Крючков" — полковник Якушов внимательно посмотрел на вошедшего и спросил: "Вы не родственник нашему знаменитому герою Козьме Крючкову?" — "Я и есть Козьма Крючков…" — ответил хорунжий. При этих словах в горнице как-то стало сразу тихо и все, находившиеся в ней, в том числе и пишущий эти строки, случайно оказавшийся в этот момент в штабе бригады, поспешили подойти поближе к дверям комнатушки, чтобы лучше слышать интересный разговор. Перед нами был офицер среднего роста, слегка сутуловатый, с мелкими редкими рябинами на лице, с коротко стриженной, с проседью, головой. Сходства с теми портретами, которые мы привыкли видеть и которые украшали чуть ли не каждую избу громадной Российской Империи, очень мало. "Да неужели вы — знаменитый Крючков? Да где же ваш чуб?" — с некоторым волнением спросил командир бригады. "Революция съела…" — улыбаясь, ответил Крючков».

Во время Гражданской войны герой продолжал пользоваться всеобщим уважением — подчиненные почтительно именовали его только по имени-отчеству, а местное население всегда радо было повидать легендарного казака. В воспоминаниях командира Крючкова, полковника А.Н. Лащенова, содержится следующий выразительный эпизод:

«Спрашиваю:

— Видали ли вы когда-нибудь Козьму Крючкова?

— На портретах видели, а вот как бы живого посмотреть.

Вызываю Крючкова. Неописуемая радость на лицах. Сбежались все бабы. Затопили печи, и скоро появились куры на столе… И много-много раз присутствие Козьмы Крючкова заставляло испуганное население проявлять свое хлебосольство и выручать полк от излишней голодовки. Достаточно было сказать:

— Дедушки, бабушки, молодки, накормите казаков, а я вам

покажу живого Козьму Крючкова! — и откуда все бралось! Да и измученный народ веселел. И все потому что Козьма Крючков с ними».

Сослуживцам хорунжий Крючков запомнился не только как отчаянный храбрец, но и как остроумный рассказчик, и как непримиримый противник мародерства. Один из пленных красноармейцев рассказывал: «Когда нас захватили, то кое-кто из казаков стал собирать по повозкам разную мелочь. Вдруг слышим: Козьма Крючков скачет… Ну, думаем, значит, конец пришел. И… Боже! Вместо нашего расстрела крестит коекого из казаков плетью, быстро отогнав их от нас. Некоторые из нас приготовили кошельки в подарок, а он как запустит “по матушке, по Волге”: Что же вы, е., думаете, что и мы такие же продажные? И так начал нас стыдить, так мы не знали, куда глаза прятать».

Достоверными сведениями о том, как именно ушел из жизни Козьма Крючков, военные историки долгое время не располагали. Было известно лишь, что Крючков погиб в 1919 году (по одной из версий — в схватке с красными кубанскими казаками, по другой — нарвавшись в бою на пулеметную очередь). Только в августе 1964 года в журнале «Казачья жизнь», издававшемся в США, были опубликованы воспоминания Н.Н. Каледина, которые пролили свет на обстоятельства смерти Козьмы Крючкова:

«В 1919 году, в конце августа, по выздоровлении после ранения, я получил назначение в Донской конный полк, имени Атамана Анатолия Михайловича Назарова (имеется в виду 17-й Донской Назаровский конный полк. — В. Б.). По прибытии в полк я был зачислен в первую сотню, где находился хорунжий Козьма Крючков… Точной даты смерти хорунжего К. Крючкова я не помню, но помню, что это было в конце августа. Наш полк, утомленный ночным набегом, отдыхал в селе Лопуховка Саратовской губернии. Район расположения нашей сотни находился около речки, перегороженной плотиной, там же была и водяная мельница. Было 4—5 часов после полудня, когда из талов, с противоположного берега, раздалось несколько ружейных выстрелов. Возмущенный за нарушенный покой, хорунжий К. Крючков решил пойти по плотине, на другой берег, и узнать, кто там стреляет. На мое предостережение — не делать этого, пока наши пулеметчики не обстреляют талы, он только рассмеялся, добавив, что вся эта сволочь уже разбежалась.

Покуда пулеметчики возились около пулемета, К. Крючков уже шел по плотине. Не успел он дойти до конца плотины, как из талов раздался залп и Крючков упал. Сейчас же открыл огонь наш пулемет, и под прикрытием его огня, я, вахмистр Калмыков и казаки К. Попов и Е. Малахов пошли и принесли хорунжего

Козьму Крючкова. Он был еще живой, но рана его была ужасна. Речушка была узкая, и красные русские коммунисты стреляли чуть ли не в упор. Весь залп пришелся хорунжему Крючкову немного выше пояса. Все внутренности начали вываливаться наружу. На попытки доктора сделать перевязку бинтами, Крючков еще имел мужество заметить: “Доктор, не портите бинты, их и так мало, мне перевяжите какой-либо тряпкой, лишь бы из средины ничего не вывалилось, а я уже отвоевался!”

Через полчаса хорунжий Козьма Крючков скончался. Наскоро сколотили казаки из подручных досок гроб, положили в него бездыханный труп Козьмы Фирсовича Крючкова и повезли в родимый хутор Калмыков, станицы Усть-Хоперской, Всевеликого Войска Донского».

Жизнь великого героя Первой мировой оборвалась 18 августа 1919 года возле села Лопуховка (ныне Аткарский район Саратовской области). Было мужественному казачьему офицеру всего 26 лет. Тело Крючкова погребено на кладбище его родного хутора.

Тем не менее и сейчас продолжают время от времени всплывать ни на чем не основанные истории о гибели Крючкова. Одна из них гласит, что тяжело раненный Козьма Фирсович был зарублен лично С.М. Будённым после того, как отказался встать в присутствии красного командарма. Другая была опубликована в 2007 году в украинской газете «Время» и выглядит уж совсем анекдотично: «В 1920 году, во время войны с поляками, погиб и первый георгиевский кавалер мировой войны Козьма Крючков. В это время он служил в конной армии Будённого, состоящей почти сплошь из красных и бывших белых казаков. Под Дубно будённовцы столкнулись с польской кавбригадой. Казаки стали задирать поляков, вызывая их на поединок: Кто из вас не побоится сразиться с самим Козьмой Крючковым! Из рядов поляков выехал ротмистр-заморыш алкогольной наружности с пропитой рожей и, увернувшись от пики Крючкова, зарубил его насмерть. По польской версии, казаки после этого загалдели: “Крючкова убили! Крючкова убили!”, развернулись и дали деру. Смерть прославленного головореза подорвала их боевой дух».

Впрочем, наличие таких баек — необходимая составляющая любого мифа. Как, к сожалению, и наличие «альтернативных версий», которые клубком опутывают любое громкое событие, тем более подвиг. А точнее, всегда найдутся любители развенчать героя и облить его грязью. Нашлись завистники и у Козьмы Крючкова. Еще во время Первой мировой о нем ходило множество грязных слухов, сводившихся, как правило, к тому, что четверо всадников ну никак не могли выстоять в бою с семикратно

превосходящим и великолепно подготовленным противником, а значит, и боя такого не было и быть не могло. Кстати, слухи о том, что весь бой 30 июля 1914 года был попросту плодом пропаганды, благополучно дожили до наших дней. Типичный пример современной клеветы на Козьму Фирсовича: «Достоверность такого размаха душегубства Крючкова вызывает сомнения. Германская регулярная кавалерия была хорошо подготовлена и убивать себя с такой бездарностью просто не позволила бы. По-видимому, реальная стычка конных пикетов была раздута пропагандой до небывалых размеров».

Что на это можно ответить?.. Давайте просто вспомним, что еще до войны Козьма Крючков славился в 3-м Донском полку как виртуозный стрелок, фехтовальщик и мастер фланкировки (боя на пиках). Боец, который впервые сел на коня в пять лет, а взял в руки шашку в десять, вполне мог расправиться с множеством врагов, что он и сделал. И никакие блестящие качества германской регулярной кавалерии не помогли ей выстоять против донского казака.

Кстати, выдающуюся боевую выучку русские казаки демонстрировали в неравном бою неоднократно. Например, 29 августа 1914 года у деревни Лувча старший урядник 13-го Донского Генерал-Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленского казачьего полка Матвей Федорович Плешаков, преследуя вражеских разведчиков, был окружен тринадцатью австрийскими кавалеристами. Орудуя шашкой, он в одиночку расправился с шестью нападавшими. Казак-богатырь продолжал отбиваться даже после того, как выпущенная вражеским офицером пуля попала ему в рот, пробила язык и выбила несколько зубов!.. Подоспевшие на выручку Плешакову однополчане убили еще троих австрийцев, остальные бежали с поля боя. Получивший 16 сабельных и одно пулевое ранение Плешаков был удостоен Георгиевского креста 4-й степени. В середине августа 1914 года в сходных обстоятельствах отличились воины 2-го Оренбургского казачьего полка — старший урядник Андрей Прочанкин и казаки Александр Игнатенков, Андрей Ковешников, Ефим Репьев, Петр Русанов, Михаил Толкачев, Иван Чернев, Егор Щербинин и Феоктист Подтихов. Будучи отрезаны от своих превосходящими силами противника, они не только в отчаянном бою прорвали кольцо, но и спасли штандарт своего полка, за что все были удостоены Георгиевских крестов 4-й степени.

Но печальнее всего, что отрицательная легенда о Крючкове пережила и Первую мировую войну, и самого Козьму Фирсовича и нашла воплощение на страницах одного из самых выдающихся русских романов XX века. Имеется в виду «Тихий Дон», автор

которого М.А. Шолохов фактически оклеветал Крючкова, причем неоднократно. Интересно, что девятилетним мальчишкой Шолохов любил… играть в Козьму Крючкова, то есть герой Первой мировой был для будущего писателя идеалом храброго казака. Однако со временем оценка Шолоховым Крючкова изменилась. В результате на страницах «Тихого Дона» читателя ожидает встреча с весьма неприглядным персонажем по имени Козьма Крючков.

Возьмем, к примеру, фрагмент, в котором описывается довоенная служба Крючкова: «Крючков, по прозвищу Верблюд, чуть рябоватый, сутулый казак, придирался к Митьке. Крючков был “старый” казак, то есть дослуживавший последний год действительной, и по неписаным законам полка имел право, как и всякий “старый” казак, гонять молодых, вымуштровывать, за всякую пустяковину ввалить пряжек. Было установлено так: провинившемуся казаку призыва 1913 года — тринадцать пряжек, 1914 года — четырнадцать. Вахмистры и офицеры поощряли такой порядок, считая, что этим внедряется в казака понятие о почитании старших не только по чину, но и по возрасту…» Чуть ниже Шолохов сообщает, что Крючков зло передразнивал командира сотни (к тому же величая его «Ваше Благородие»).

В сущности, этот фрагмент — сплошное нагромождение клеветы. К началу Первой мировой Крючков вовсе не «дослуживал последний год действительной» — он сам, как мы помним, был «казаком призыва 1913 года» и, следовательно, успел отслужить лишь два с половиной года (оставалось еще полтора). Что же касается «дедовщины» в казачьих частях, то ее не существовало в принципе. Дело в том, что все казачьи полки, и 3-й Донской в их числе, комплектовались уроженцами одного округа, то есть земляками, одностаничниками, а часто и родней. Сплошь и рядом в одном полку служили соседи, друзья, родные и двоюродные братья, дядья с племянниками и более отдаленные родственники и свойственники. Неудивительно, что между ними существовала крепчайшая казачья «спайка», отношения в части были почти родственными, в том числе между офицерами и нижними чинами, и передразнивать «своего» есаула, который в мирное время жил на соседней улице, а на службе был настоящим «батей» для родной сотни, никому и в голову не пришло бы. Тем более один из лучших служак в полку Крючков уж наверняка отлично знал, что к офицеру в чине есаула положено обращаться не «Ваше Благородие», а «Ваше Высокоблагородие».

Злобную клевету на героя Первой мировой представляет собой и пассаж, касающийся службы К. Крючкова после июля

1914 года: «Крючков, любимец командира сотни, по его реляции получил Георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петрограда и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа офицеры. Дамы ахали, дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале порол их тысячным матом, а после, под благотворным влиянием штабных подхалимов в офицерских погонах, сделал из этого доходную профессию: рассказывал о “подвиге”, сгущая краски до черноты, врал без зазрения совести, и дамы восторгались, с восхищением смотрели на рябоватое разбойницкое лицо казака-героя. Всем было хорошо и приятно».

Что на это можно ответить?.. О том, что штабная служба Крючкова была очень непродолжительна и сильно его тяготила, мы уже рассказали. Георгиевские кресты, служа в штабах, получить было просто невозможно — чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно ознакомиться со Статутом этой награды. Тем более в архиве сохранились документы, рассказывающие, за какие именно боевые подвиги Крючков получил все свои кресты. Соратники Козьмы — казаки Василий Астахов, Михаил Иванков и Иван Щегольков — вовсе не «остались в тени»: их наградили также весьма и весьма почетными Георгиевскими медалями, им тоже посвящали восторженные статьи в газетах, очень известной была фотография, где герои боя 30 июля позировали все вместе, плечом к плечу. Про «тысячный мат», которым Крючков якобы «порол» заезжих дам, даже говорить не хочется, такое в голову не пришло бы никакому нижнему чину, даже самому разнузданному.

Но основательнее всего была «переписана» автором «Тихого Дона» история легендарного боя 30 июля 1914 года. «Альтернативная версия» Шолохова базировалась на устных воспоминаниях казака Михаила Павловича Иванкова (1891 — 1969) — одного из участников неравной схватки. Однако к 1920-м годам, когда Шолохов расспрашивал Иванкова о былом, тот успел повоевать во время Гражданской на стороне красных и наверняка хорошо усвоил, что можно, а чего нельзя говорить пролетарскому писателю. Кроме того, он, вероятно, чувствовал себя обойденным по итогам боя и во время бесед с Шолоховым постарался представить события в выгодном для себя свете. Да и уже после выхода «Тихого Дона» Иванков не стеснялся во всеуслышание рассказывать, что немецкого офицера во время схватки убил не Астахов, а он, Иванков…

В результате фрагмент романа, посвященный событиям 30 июля 1914 года, получился крайне далеким от исторических и военных реалий тех дней. Так, писателем было искажено

название содействовавшего казакам пехотного полка (108-й Саратовский полк почему-то стал у него 108-м Глебовским), а в английском переводе «Тихого Дона» реальный казак Василий Астахов и вовсе был назван Мрыхиным.

Начинается шолоховская «альтернативная версия» подробным описанием мирной жизни поста № 3 в селе Лубове. С самого начала читателю сообщают, что командовал этим постом Василий Астахов (в реальности, как мы помним, командиром был Крючков). При этом в самом неприглядном свете выставлен опять-таки не кто-нибудь, а именно Козьма Крючков. Он, по версии Шолохова, отправляется в местную корчму на поиски выпивки: «Крючков шлепком высадил пробку… Крючков приплясывал и грозил кулаком в окна…» В то же время о других казаках нам сообщается значительно больше — они и несут дозорную службу, и косят траву, и общаются с проезжающими через Лубово пограничниками, словом, заняты делом. В итоге у читателя начинает складываться образ Крючкова как пьяницы, лентяя и вообще персонажа, от которого мало что зависит.

Усиливается это впечатление после появления в романе германского разъезда. Тут Шолохов щедрой рукой вручает все «бразды правления» боем Василию Астахову. Именно он в «Тихом Доне» сообщает о появлении немцев русской пехоте, отдает приказ преследовать врагов, затем обстреливать их, он же вообще действует наиболее энергично — «Астахов первым вскочил на коня», «Первый подскакал Астахов». Нет никакого сомнения в том, что реальный Василий Астахов действовал в бою 30 июля грамотно, умело и храбро. Но Шолохов абсолютно намеренно подчеркивает придуманное им старшинство Астахова — это необходимо писателю затем, чтобы лучше оттенить ничтожность Козьмы Крючкова. Более того, именно Астахову Шолохов приписывает действия, которые решили исход боя: «Астахов прорвал кольцо… За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, потеряв офицера, рассыпались, отошли». На самом же деле офицер был убит Астаховым в самом начале схватки, и это отнюдь не помешало немцам всеми силами навалиться на четверку казаков. Кроме того, как мы помним, противник донцам попался в высшей степени стойкий — оставшиеся в живых израненные немцы отнюдь не «рассыпались, отошли», а упорно продолжали обстреливать загнанного в болото Крючкова…

В фрагменте романа, посвященном бою, Астахов упоминается целых 14 раз. Но и своего собеседника Иванкова писатель тоже не

обидел, упомянув его ни много ни мало 18 раз, хотя в романной версии боя его роль отнюдь не «руководящая». Что же касается Козьмы Крючкова, то он упомянут всего 7 раз, причем его действия и реплики носят чисто иллюстративный характер («“Успел!” — крикнул Крючков, занося ногу в стремя», «Курнуть бы, — шепотом сказал Крючков», и т. п.). Четвертому участнику боя, Ивану Щеголькову, в «Тихом Доне» и вовсе «не повезло» — Шолохов упоминает его всего-навсего дважды.

Сама картина неравного боя написана Шолоховым так: «Иванков ехал шагом, приподнимаясь на стременах, заглядывая в низ котловины. Сначала он увидел колышущиеся кончики пик, потом внезапно показались немцы, повернувшие лошадей, шедшие из-под склона котловины в атаку… Спиной до боли ощутил Иванков щиплющий холодок смерти. Он крутнул коня и молча поскакал назад.

Астахов не успел сложить кисет, сунул его мимо кармана.

Крючков, увидев за спиной Иванкова немцев, поскакал первый. Правофланговые немцы шли Иванкову наперерез. Настигали его с диковинной быстротой. Он хлестал коня плетью, оглядывался. Кривые судороги сводили ему посеревшее лицо, выдавливали из орбит глаза…

“Вот! Вот! Догонит!” — стыла мысль, и Иванков не думал об обороне; сжимая в комок свое большое полное тело, головой касался холки коня…

Озверев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию… Обеспамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались».

Таким образом, героический бой, неравная доблестная схватка, из которой русские воины вышли победителями, преподносится как нелепая, бестолковая сшибка, а казаки, каждый из которых, в отличие от немцев, еще до призыва на действительную службу был отлично подготовленным бойцом и держал оружие в руках с семи лет, выглядят «озверевшими от страха» трусами, чувствующими лишь «щиплющий холодок смерти». Естественно, и здесь автор романа не упустил возможности отдельно «пнуть» Крючкова — в его изображении именно он первый поворачивает коня, завидев противника…

Сам факт схватки Крючкова с множеством вражеских всадников Шолохов замолчать не смог, но все же не удержался от того, чтобы снизить число немцев с 11 до 8, а саму картину боя постарался «подать» сухо, без особых эмоций: «В стороне человек восемь драгун огарновали Крючкова. Его хотели взять живьем, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой

до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближайшего немца пику, он развернул ее, как на ученье. Отхлынувшие немцы щепили ее палашами». Согласитесь, никаким особенным «героизмом» от этого фрагмента не пахнет — просто кавалерийская сшибка с врагом. Количество убитых Крючковым драгун Шолохов не сообщает, равно как не говорит и о том, сколько ранений получил каждый участник сражения.

Таким образом, в своем описании событий 30 июля Шолохов постарался, во-первых, опошлить и принизить героический неравный бой казаков с немцами, превратив его в бессмысленную свалку ошалевших от страха людей, во-вторых, сделал этот бой как можно более «коллективным», отдав «руководящую роль» Астахову и фактически приписав ему победу над немцами, а командира разъезда Крючкова опустив до уровня рядового, ничем не примечательного участника боя. А в-третьих, завершается романная версия событий 30 июля 1914 года следующим пассажем: «А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать руку на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе, натыкались, ошибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей, и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъезжались, нравственно искалеченные. Это назвали подвигом». Комментировать этот явно написанный в подражание Льву Толстому фрагмент текста даже не хочется. В таком духе можно опорочить любое героическое деяние.

Встает вопрос: зачем же понадобилось безусловно талантливому Михаилу Шолохову клеветать на покойного к тому времени казака и излагать читателю чрезвычайно подробную, но притом ложную версию реальных событий?.. Ответ очевиден: Козьма Крючков был наиболее известным, хрестоматийным русским героем Первой мировой войны, своего рода символом героизма Русской Императорской армии. Его имя в 1928—1932 годах (время первой журнальной публикации романа) еще помнило множество людей, да и казаки, знавшие семью Крючковых лично, еще жили на белом свете. Но после революции Крючков занял «не ту» сторону, да и вообще принадлежал к ликвидированному как особое сословие казачеству, которое в начале 1930-х если и упоминалось, то исключительно в качестве «опоры царизма» и «душителей революции». Так что положительную легенду о «хорошем казаке», Крючкове-богатыре, в одиночку уложившем 11 немцев, требовалось развенчать, заменить легендой отрицательной. А от развенчания конкретного героя всего один шаг до развенчания самого события — Первой мировой войны: если уж «самый главный» герой этой войны

оказывается вполне заурядным, а подвиг его — придуманным, то каковы же были все прочие герои и подвиги?.. Именно затем Шолохов и уделил в «Тихом Доне» столько места событию, никак не связанному с основным сюжетом романа. К тому же у него наверняка были «личные счеты» с Крючковым. Ведь свой первый и последний офицерский чин тот получил не за что-нибудь, а за бои с красными во время восстания в родной станице Шолохова — Вешенской.

Надо сказать, что усилия Шолохова по развенчанию образа Крючкова увенчались успехом. Достаточно сказать, что в советской литературе легендарный казак если и именовался героем, то только в ироническом, издевательском смысле, а само слово «герой» заключалось в кавычки. И печальнее всего даже не то, что ложное описание событий 30 июля 1914 года обречено на бесчисленные переиздания (из песни слова не выкинешь, из «Тихого Дона» — тем более), а то, что шолоховская злая выдумка до сих пор принимается многими за истину в последней инстанции и тем самым подменяет историческую реальность. Так, в книге Ф.Ф. Кузнецова «“Тихий Дон”: судьба и правда великого романа» (2005) подвиг К. Крючкова назван «подвигом» в кавычках, а о самом герое говорится так: «За этот бой Крючков, любимец командира сотни, получил Георгия, его перевели в штаб дивизии, там добавили еще три Георгия, а товарищи по схватке остались в тени». То есть шолоховская клевета просто переписывается уже в качестве истины, воспроизводится полный набор той грязи, которая сопровождала Козьму Фирсовича еще при его жизни… Увы, защититься от нее он не может.

…Доблестный донец Козьма Крючков стал далеко не единственным казаком, навсегда вписавшим свое имя в летописи Первой мировой войны. Эти герои-воины, с молоком матери впитавшие любовь к Родине и по первому ее зову вставшие на ее защиту, исчисляются сотнями тысяч. Так, Донское казачество в Первую мировую войну дало более 113 тысяч вышедших на фронт казаков, Кубанское — 90 тысяч, Оренбургское — более 36 тысяч, Терское — 18 тысяч, Забайкальское — около 14 тысяч, Уральское — свыше 13 тысяч, Сибирское — 11 500, Семиреченское — 4600, Амурское — 3500, Астраханское — 2600, Уссурийское — 2500. Очень высоким был среди воюющего казачества процент георгиевских кавалеров. Так, из 113 тысяч донцов георгиевские награды получили 15 тысяч, из 90 тысяч кубанцев — 12 тысяч, из 36 тысяч оренбуржцев — 3700 человек, из 2500 уссурийцев — 528. За годы войны более полутысячи офицеров казачьих войск были удостоены ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия. Из более чем 368 тысяч казаков, участвовавших в боевых

действиях Первой мировой, 8314 отдали жизнь за Родину, 30 032 были ранены, 6453 пропали без вести и попали в плен.

Назовем здесь только несколько имен казаков, отмеченных высшими государственными наградами за храбрость в боях с врагом. Надеемся, что читатель увидит за сухими строками наградных реляций и ярость схваток, и опасность, которой подвергались герои, и мужество, с которым они шли в бой за Отечество…

Петр Редьков, хорунжий 4-го Сводного Кубанского казачьего полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени посмертно «за то, что в бою 9 декабря 1915 года у села Рабат-Керим, командуя взводом 1-й сотни в составе Тегеранского отряда и находясь на крайнем правом фланге, по своей инициативе выдвинулся вперед под губительным огнем противника, занял охватывающее положение, заставил неприятельский резерв развернуться и, сдерживая во много раз превышающие силы персидских жандармов, дал возможность отряду броситься в конную атаку; в решительный момент боя, бросившись во главе взвода в штыки, был убит и смертью своей запечатлел содеянный подвиг».

Семен Петрович Байболотов, казак 16-го Оренбургского казачьего полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за то, что «28 июля 1916 г. у деревни Коросцятынь лихо влетел на батарею противника, стрелявшую картечью, изрубил часть прислуги, а остальных обратил в бегство, чем заставил батарею замолчать».

Александр Псарев, хорунжий 1-го Сибирского Атамана Ермака Тимофеевича казачьего полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за то, что «4 февраля 1916 года, после атаки сотней отступавшего противника от села Кара-Арз, по собственному почину, бросился с полусотней по дороге к селу Абелянд и дальше усмотрел отступавшую неприятельскую артиллерию, с конным прикрытием; стремительной атакой принудил прикрытие бросить артиллерию, захватил 4 полевых орудия, отбил метким огнем спешенной полусотни атаку сувари и, после увоза казаками захваченных орудий, отошел сам».

Сергей Гурьевич Курин, есаул 8-го Уральского казачьего полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что в бою 29 мая 1916 г. у урочища Крачатицы (Галиция), когда крупные силы австрийцев повели наступление в образовавшийся прорыв между 162-м Ахалцихским и 161-м Александропольским пехотными полками и положение 162-го полка из-за обхода фланга стало критическим, командир 1-й сотни 8-го Уральского казачьего полка есаул Курин, оценив серьезность обстановки, по

собственному почину бросился в лихую атаку и, смяв противника, обратил его в бегство, чем и спас положение. Во время атаки противнику был нанесен крупный урон».

Константин Иосифович Ледорубов, казак 15-го Донского Генерала Краснова казачьего полка. Родился в 1889 году. За доблесть в боях был удостоен Георгиевских крестов всех четырех степеней и Георгиевских медалей двух степеней. 4-ю степень креста получил за то, что «…в августе 1914 г., преследуя отступавших австрийцев, невзирая на ураганный артиллерийский обстрел, группа донских казаков во главе с урядником Недорубовым ворвалась в расположение неприятельской батареи и захватила ее вместе с прислугой и боекомплектом», 3-ю степень — за то, что 16 декабря 1914 года во время разведки в одиночку взял в плен 52 австрийца, 2-ю степень — за храбрость, проявленную во время Брусиловского прорыва, 1-ю степень — за захват с группой казаков штаба германской дивизии вместе с генералом. Закончил Первую мировую войну в звании подхорунжего. В Гражданскую войну сражался сначала на стороне белых, затем в Красной армии. В годы Великой Отечественной командовал эскадроном в гвардейском кавалерийском полку. В октябре 1943 года удостоен звания Героя Советского Союза, став одним из пяти в истории России обладателей четырех степеней Георгиевского креста и звания Героя Советского Союза одновременно (четверо других — Маршал Советского Союза С.М. Будённый, генерал армии И.С. Тюленев, генерал-майор И.С. Лазаренко и комиссар Тульского рабочего полка Г.А. Агеев). Скончался в 1978 году.

…Со временем подлинный, реальный подвиг Козьмы Фирсовича Крючкова почти забылся. В России нет ни одного памятника легендарному герою, о нем не поют песни и не снимают фильмы, в его честь не называются улицы и площади, не существует больше родной хутор казака, заросло травой забвения кладбище, на котором затерялась его могила… И все-таки лихому донцу удалось остаться в народной памяти. И по сей день сказанная с ироническим оттенком фраза «Ишь ты, какой Козьма Крючков выискался!» понятна в России почти всем. Эти имя и фамилия и сейчас обозначают легендарного, почти былинного воина-богатыря, в одиночку расправившегося с множеством врагов.

ОЛЕГ РОМАНОВ:
«Бывают минуты в жизни, когда вдруг сильным и страстным порывом поймешь, как любишь Родину…»

15 ноября 1892 года в одном из красивейших зданий Санкт-Петербурга — Мраморном дворце — появился на свет мальчик, о рождении которого жителям имперской столицы возвестил артиллерийский салют. Так полагалось, когда прибавление происходило в правящей династии — большом семействе Романовых. 3 января 1893 года состоялись крестины младенца, его восприемниками стали императрица, супруга правящего государя Александра III Мария Федоровна и ее сын, наследник цесаревич великий князь Николай Александрович, будущий Николай II. Мальчику дали редкое для царственной династии имя Олег — раньше среди русских великих князей оно не встречалось.

Впрочем, великим князем младенец, родившийся в Мраморном дворце, не был. Согласно принятому в январе 1885 года указу, правнуки императора именовались «князьями императорской крови» и пользовались титулом «Ваше Высочество» (в отличие от великих князей — братьев, сыновей или внуков императора, которые титуловались «Ваше Императорское Высочество»). А Олег был именно правнуком Николая I. Его дед — генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич (1827—1892), а отец — великий князь Константин Константинович. Матерью мальчика была великая княгиня Елисавета Маврикиевна — такое имя в России носила германская принцесса Элизабет-Аугуста-Мария-Агнес Саксен-Альтенбургская.

Олег был уже пятым по счету ребенком в семье. До него у Константина Константиновича и Елисаветы Маврикиевны родились Иоанн (1886), Гавриил (1887), Татьяна (1890) и Константин (1891). Впоследствии в великокняжеской семье появилось еще несколько детей — Игорь, Георгий и Вера. В честь каждого из них отец высаживал молодой дубок.

Глава семейства, великий князь Константин Константинович, которому в год рождения Олега исполнилось сорок четыре, был необыкновенно одаренным и глубоко духовным человеком. Многие считали его самым выдающимся представителем династии Романовых за всю ее историю. По семейной традиции он состоял на военной службе (в молодости был моряком, с 1882 года служил в армии и с апреля 1891-го в чине полковника

командовал лейб-гвардии Преображенским полком), но истинное призвание его было не в этом. Константин Константинович страстно увлекался искусством: сочинял музыку, прекрасно играл на фортепиано, коллекционировал живопись, уделяя особое внимание Шишкину, Левитану и Куинджи, переводил Шиллера, Гете и Шекспира (в любительской постановке своего перевода «Гамлета» он сам исполнял главную роль) и был известен в поэтических кругах России под псевдонимом К.Р. Стихотворения великого князя пользовались большой популярностью: одно из них, «Умер бедняга в больнице военной…» стало народной песней, другое, «Растворил я окно…» — классическим романсом на музыку П.И. Чайковского. Советы и дружбу великого князя ценили такие мастера слова, как А.А. Фет, Я.П. Полонский и И.А. Гончаров. С 1889 года Константин Константинович был также президентом Императорской Академии наук.

Военный министр А.Ф. Редигертак вспоминал великого князя: «Это была личность особенно светлая и симпатичная. Чрезвычайно умный, очень начитанный, добрый, деликатный и благовоспитанный, великий князь производил на всех, имевших с ним дело, чарующее впечатление… Везде его чрезвычайно любили за доброту и приветливость. Он до тонкости знал все внешние обязанности строевого начальника и любил всю парадную сторону гвардейской службы, любил офицеров и нижних чинов, но сам остался в душе поэтом, смотревшим на всё крайне благодушно, но не способным проводить настойчиво какие-либо требования, а тем более карать. Отлично зная все внешние обязанности строевого начальника, он в душе оставался штатским».

Жена Константина Константиновича души не чаяла в своем супруге. Но сам он с годами постепенно отдалялся от Елисаветы Маврикиевны, осознавая, что в духовном плане она ему совсем не пара. «Со мной у нее редко бывают настоящие разговоры, — признавался великий князь в дневнике. — Она обыкновенно рассказывает мне общие места. Надо много терпения. Она считает меня гораздо выше себя и удивляется моей доверчивости. В ней есть общая Альтенбургскому семейству подозрительность, безграничная боязливость, пустота и приверженность к новостям, не стоящим никакого внимания. Переделаю ли я ее на свой лад когда-нибудь? Часто мною овладевает тоска».

И тем не менее внешне в семье все выглядело идеально. Как свидетельствует А.Ф. Редигер, «…великий князь был отличный семьянин. Он меня несколько раз звал к себе к завтраку, и тут мне приходилось видеть в сборе всю его многочисленную семью с воспитателями детей. Дети были очень благовоспитанны, но

держали себя весело и свободно». Впрочем, эта свобода вовсе не подразумевала вседозволенности. Князь Гавриил Константинович вспоминал: «Отец был с нами строг, и мы его боялись. “Не могу” или “не хочу” не должны были для нас существовать. Но отец развивал в нас и самостоятельность: мы должны были делать все сами, игрушки держать в порядке, сами их класть на место. Отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски».

Неудивительно, что для Олега прекрасно образованный и разносторонний отец с детства был образцом для подражания. Во многом его и воспитывали как отца. Даже первая няня Олега, Варвара Петровна Михайлова, которой было уже за семьдесят, когда-то нянчила самого Константина Константиновича. Затем ее сменила воспитательница Екатерина Федоровна Спиридонова. Она придумала для маленького Олега целую серию увлекательных рассказов про вымышленную девочку Веру и на ее примере мягко, ненавязчиво учила жизни: как нужно правильно молиться, о чем говорить за завтраком, как готовиться к Пасхе, как вести себя на отдыхе… Воспитательнице маленький Олег запомнился своей любознательностью: «Все его интересовало, все оставляло в нем след».

Летом семья великого князя переезжала из Мраморного дворца в загородное имение — Павловск. Старый парк, дворец, буквально переполненный произведениями искусства, — все это волновало душу впечатлительного Олега. Заметив его интерес, отец сам водил его по дворцу и рассказывал о картинах, скульптурах, портретах предков, постепенно приобщая мальчика к осознанию того, что он не из простой семьи, что ему надлежит выполнить в жизни высокое предназначение. Эти уроки глубоко запали Олегу в душу. Уже потом, в 1912 году, он напишет отцу, что именно его высокое происхождение заставляет его думать о том, как «сделать много добра Родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь».

В 1898 году шестилетний Олег начал заниматься с домашними учителями. Ими руководил маститый ученый, академик А.С. Лаппо-Данилевский, лично разработавший для мальчика систему обучения. Учился Олег арифметике, чтению, письму, Закону Божьему. Одновременно отец, сам прекрасный пианист, начал понемногу обучать сына игре на фортепиано. Позже Олег признавался: «Музыка — лучший врач. Когда я чувствую себя несчастным, я сажусь за рояль и обо всем забываю».

День маленького князя был подчинен строгому расписанию: в половине седьмого утра — подъем и чтение Евангелия, в восемь

— начало занятий. Уроки перемежались гимнастикой, ручным трудом, рисованием, прогулками и верховой ездой. Вечером — чтение на иностранном языке и молитва. При ней присутствовал отец, который следил за тем, как мальчик читает молитву, и поправлял его, если он ошибался.

Зима 1899 года для младших Константиновичей выдалась невеселой — все дети в семье подхватили коклюш, и весной их отправили на лечение в Швейцарию. Первое заграничное путешествие очень впечатлило Олега. Лето прошло в Павловске, а осенью маленький князь снова приступил к занятиям. Тогда же его начали допускать к участию в литературных «четвергах», которые устраивал в Мраморном дворце известный историк литературы Н.К. Кульман. Эти «четверги» происходили в непринужденной обстановке. Дети собирались в комнате княжны Татьяны Константиновны вокруг большого стола, истопник растапливал камин, профессор Кульман раскладывал на столе книги… Началом «четверга» служило восклицание детей: «Мы слушаем, мы слушаем!» И начиналось чтение вслух. Так Олег впервые познакомился с произведениями Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Чехова, Короленко.

Май 1901 года ознаменовался поездкой семьи в усадьбу Нижние Прыски, находившуюся недалеко от Оптиной пустыни. Великий князь Константин побывал в обители в 1887-м и с тех пор хотел привезти туда жену и детей. В первый же день Константиновичи вместе с родителями поехали в Оптину. По правилам великокняжескую семью полагалось встречать в монастыре торжественно, но великий князь Константин попросил обставить встречу как можно проще. Олег впервые увидел монастырский быт, подошел под благословение старца Иосифа… Именно лето 1901 года впервые по-настоящему открыло для него родную страну. Живя в Нижних Прысках, он, как и его братья и сестры, носил простую рубаху и штаны, бегал по траве босиком, ходил с крестьянскими мальчишками Гришкой и Капитошкой в лес за грибами, начал учиться ездить верхом. Его наставником в этой науке стал брат отца, великий князь Дмитрий Константинович, которого Олег ласково звал Дяденькой.

Через два года в Мраморный дворец пришло письмо от крестьянина Капитона Чуркина. Это был тот самый Капи-тошка, с которым успел сдружиться за лето Олег. Капитон писал, что его семья разорилась, и просил помощи. «Для Олега Константиновича, — вспоминал его воспитатель, — день получения этого письма был одним из счастливейших в жизни. Он был вне себя от сознания, что на его долю выпало счастье выручить из тяжелого положения бедную крестьянскую семью и

того самого Капитошку, с которым он играл в Прысках. Князь собирает все свои деньги, от конторы Двора отпускается еще особая сумма, и в тот же день помощь посылается в Прыски».

Тогда же Олег по совету отца начал вести дневник. Свои «грехи» на его страницах он отмечал точками, а праведные поступки — крестиками. Со временем в дневнике появились рассуждения о смысле жизни, впечатления о встречах с запомнившимися людьми. Так, очень понравился Олегу ответ на вопрос, который он задал генералу В.А. Шильдеру: «А вы куда готовите своего сына?» «Я его готовлю в хорошие люди», — ответил генерал. С тех пор Олег на вопрос, кем он хочет быть в будущем, говорил, что хочет прежде всего быть хорошим человеком. Привилегии, которые полагались ему по происхождению, нисколько не обольщали юного князя. Так, получив медаль в память царствования Александра III, он записывает: «Первая медаль в моей жизни. Но заслужил ли я ее? Нисколько. Отчего я ее получил? За то, что я лицо царской фамилии. Значит, я должен за все эти привилегии поработать».

Вместе с осенью пришел очередной год занятий. Сохранились воспоминания одного из преподавателей Олега: «Помню его сидящим за учебным столиком; взоры устремлены прямо в глаза учителю. Время от времени появляются у него на лбу весьма заметные складки: это Олег Константинович особенно усердно трудится над разрешением какого-нибудь вопроса. И вот он начинает волноваться… Учитель приходит на помощь. На полпути их мысли встречаются — и как бы само собой получается приятная развязка запутанного вопроса. Глазенки смеются от восторга, все личико сияет: сам выпутался!»

В ноябре 1902 года царственному отроку исполнилось десять лет. По традиции Олегу предстояло получить военное образование — штатских в роду Романовых не бывало. Соответственно и воспитатель у князя появился новый — адъютант его отца Константина Константиновича, подполковник (с 1905 года полковник, с 1911-го — генерал-майор) Николай Николаевич Ермолинский. Это был талантливый педагог, имевший большое влияние на своего ученика и со временем ставший ему другом. Как вспоминал князь Гавриил Константинович, Ермолинский «понимал, что Олег незаурядный человек, и всячески содействовал его развитию и образованию. Они вместе играли в четыре руки, увлекаясь музыкой. Олег много читал, и Ермолинский знакомил его с интересными и образованными людьми, могущими отвечать на его запросы».

Но Ермолинский должен был лишь подготовить Олега к поступлению в кадетский корпус. Выбор самого учебного

заведения должен был сделать отец Олега, с 1900 года исполнявший обязанности главного начальника военно-учебных заведений России. При желании он мог бы отдать Олега в любой столичный кадетский корпус, но Константин Константинович остановился на учебном заведении, размещавшемся в небольшом белорусском городе Полоцке.

Выбор именно на этот корпус пал не случайно. Великий князь Константин уже трижды — в мае 1900-го, феврале—марте и октябре—ноябре 1901 года — посещал Полоцкий корпус и остался глубоко впечатлен высочайшим уровнем подготовки, который получали кадеты-полочане, и духом воинского братства, который царил в корпусе. В знак особой милости Константин Константинович подарил корпусу несколько экземпляров своего портрета и прислал в корпусную библиотеку трехтомное собрание своих сочинений. В декабре 1902 года великий князь прибыл в Полоцк на празднование корпусного праздника и задержался в корпусе уже надолго, пристально знакомясь с учебным процессом. Он уже тогда сделал для себя вывод, что именно в это учебное заведение отдаст своего любимца — Олега. А Елисавета Маврикиевна прислала в корпус поздравительную телеграмму, в которой говорилось: «Наш будущий маленький Полочанин Олег очень жалеет, что он еще не кадет».

Впрочем, полноценный переезд князя в Полоцк так и не состоялся — весной 1903 года Олег подхватил тяжелое воспаление легких и потому вступительные экзамены сдавал в Петербурге. Успешно выдержав испытание, он 14 мая 1903 года приказом № 37 по военно-учебным заведениям был зачислен в списки 1-го отделения 1-го класса Полоцкого корпуса. В этот день в 14 часов кадеты-полочане выстроились в Александровском зале корпуса, и его директор, генерал-майор Евгений Семенович Гутор, огласил телеграмму, полученную от великого князя Константина: «Сегодня Олег выдержал экзамен на поступление в первый класс Полоцкого кадетского корпуса. Прошу Полочан считать мальчика своим». Зал огласился громовым «ура», и вскоре кадеты отправили в Петербург поздравительную телеграмму, которая завершалась словами: «Сердечный привет от семьи Полочан Полочанину Олегу». 17 мая 1903 года Е.С. Гутор также послал Олегу красные погоны с белым кантом и желтой шифровкой П. К., и два дня спустя великий князь Константин ответил телеграммой: «Маленький новичок Полочанин очень, очень рад погонам, гордится ими и благодарит за доброе внимание своего директора».

Олег действительно был очень горд тем, что принадлежит теперь к великой семье русской армии. Он с удовольствием

облачился в черный форменный мундир с черными брюками и черную фуражку с красным околышем и щеголял в новенькой форме на придворных церемониях. 15 сентября 1903 года князь впервые встретился со своими однокашниками — в Петербург приехала небольшая делегация из Полоцка во главе с директором корпуса Е.С. Гутором. Было в ней и трое обычных кадет. Представившись «своему» директору, Олег вместе с братьями Константином и Игорем показал гостям Зимний дворец, а на другой день вместе с ними побывал в цирке Чинизелли.

С началом кадетской жизни Олега программа обучения в корпусе изменилась. Можно сказать, что с 1903 года Полоцкий корпус стал своеобразным «полигоном», на котором отрабатывались новые методики преподавания военных дисциплин. Об этом свидетельствуют мемуары выпускника Полоцкого корпуса 1909 года В.Г. Вержболовича: «Когда Константин Константинович решил отдать учиться одного из своих многочисленных сыновей, Олега, в Полоцкий корпус, он ввел в действие новую опытную программу для кадетских корпусов, в которой были увеличены разделы по русской литературе, упразднен славянский язык и к нему грамматика. Зато увеличены программы по физике, химии и биологии».

В 1903-м в жизнь князя Олега вошло не только кадетское братство. Его отец, давно уже подыскивавший себе в Подмосковье усадьбу, приобрел в 15 верстах от Волоколамска небольшое поместье Осташёво. Усадьбу в Осташёве возвели в конце XVIII века по заказу князя А.Н. Урусова, затем она была во владении семейств Муравьевых, генералов Н.П. Шипова и А.А. Непокойчицкого. В Осташёве сохранились прекрасный двухэтажный дом с бельведером и четырехколонным портиком, живописный парк с множеством построек, среди которых выделялась проездная башня, выстроенная в псевдоготическом стиле. Вокруг простирались луга и поля, близко к усадьбе подходила речка Руза — приток Москвы-реки… Осташёво сразу полюбилось всем Константиновичам и стало их своеобразным «гнездом». А сам владелец усадьбы посвятил ей следующие строки:

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,

И островки с густыми тополями.
…Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут…
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Надо сказать, что Романовы не только любовались своей подмосковной, но и делали много хорошего для местных жителей. На средства Константина Константиновича была открыта церковно-приходская школа, для которой выстроили отдельный дом, открыт больничный корпус на 75 мест, библиотека, в селе Колышкине созданы детские ясли. В 1914 году началось строительство шоссе Волоколамск — Осташёво. На его постройку Государственная дума по настоянию Константина Константиновича выделила два миллиона рублей.

…Летом 1905 года у князя Олега появилась настоящая мечта. Он прочел книгу В.П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» и загорелся страстным желанием поступить в лицей. Эту идею поддержал воспитатель князя Н.Н. Ермолинский. «Я так люблю книгу “Юношеские годы Пушкина”, что мне представляется, что я также в Лицее, — записывал Олег в дневнике. — В этой книге моя душа». Детское восторженное увлечение Пушкиным со временем окрепло, превратилось в настоящую большую любовь. Тем более что сам Олег уже не впервые втайне пробовал силы в сочинении прозы. Сначала это была стилизация под Гоголя «Запорожец Храбренко», попытка «тургеневского» рассказа «Ковылин». Но постепенно в рабочих тетрадях юного князя появились и наброски на более серьезные, самостоятельные темы. Так, познакомившись в Осташёве с сельским священником отцом Иоанном, Олег стал другом его семьи и ее историю «положил в основу» своей повести «Отец Иван».

Начал Олег писать и стихи. Первым опытом стала поэма-сказка «Царство царя Крота». Втайне князю мечталось о тех временах, когда он станет таким же известным поэтом, как отец. Именно Константин Константинович — вернее, поэт К. Р., — наряду с Пушкиным, и стал главным поэтическим учителем Олега. Всего им было написано около семидесяти стихотворений.

О, дай мне, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь.

О, дай мне кротость и смиренье,
Восторги, песни и любовь.
О, дай мне смелый взгляд орлиный,
Свободных песен соловья,
О, дай полет мне лебединый,
Пророка вещие слова.
О, дай мне прежних мук забвенье
И тихий, грустный, зимний сон,
О, дай мне силу всепрощенья
И лиры струн печальный звон.
О, дай волнующую радость,
Любовь всем сердцем, всей душой…
Пошли мне ветреную младость,
Пошли мне в старости покой.

Но Олег прекрасно осознавал: для того чтобы осуществить мечту о лицее, нужно сначала получить начальное военное образование. Он с еще большим усердием засел за книги, чтобы не подвести отца и своих однокашников, гордившихся царственным соучеником. Одновременно он следил за событиями Русско-японской войны, пытался анализировать Дальневосточную кампанию. Записи в дневнике по этому поводу трогательно простодушны и в то же время полны искренней горечи: «До чего мы дожили!.. Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем на авось. Это авось нас делает виноватыми. Когда же, наконец, пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы. А немцам до нас нет дела. И понятно, оттого-то русские везде и проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходят ненужные люди для отечества. С малолетства себя воспитывать надо».

27 августа 1907 года стало для Олега памятным днем — он наконец впервые лично прибыл в свой корпус. Приехал он вместе с отцом, и на перроне их встречали все первые лица Витебской губернии. Но Олег повел себя как обычный кадет: отдав рапорт начальнику корпуса, тут же отправился на занятия в свое 1-е отделение 5-го класса, где к тому времени числился. Конечно, кадеты с любопытством косились на князя императорской крови, к которому они обязаны были обращаться «Ваше Высочество». Но Олег категорически настаивал на том, чтобы его звали просто по имени, и к этому скоро все привыкли. Тем более одной из незыблемых традиций полочан был демократизм: все ученики и выпускники корпуса, невзирая на чины и заслуги, были между

собой на «ты».

Полноценной корпусной жизнью Олег жил до 7 сентября: ранние побудки, общая молитва, ранний завтрак, состоявший из куска черного хлеба с солью, занятия в классе, маршировки на плацу, гимнастика… В свободное время кадеты показывали ему достопримечательности Полоцка: собор Святой Софии, возвышающийся на берегу Западной Двины, памятник героям Отечественной войны 1812 года, провели по главным улицам — Верхне- и Нижне-Покровской, Витебской, Спасской…

Летом 1908-го Олег с отцом и братьями предпринял большое путешествие по Волге. Семья посетила Тверь, Углич, Романов-Борисоглебск, Ярославль, Ростов, Кострому, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль и Москву. От Твери до Нижнего путешествовали на пароходе, от Нижнего до Москвы — в поезде, дальше на лошадях. Как вспоминал князь Гавриил Константинович, «больше всех из нас проявлял интерес к древностям брат Олег. Он взбирался по древней лестнице внутрь стены Золотых ворот, на остатки помоста, с которого в древности лили кипяток, сыпали камни и пускали стрелы в осаждавших врагов. Он внимательно осматривал уцелевшие гнезда для балок помоста и, видимо, желал возможно яснее представить себе картину боя с татарами». В путешествии семью сопровождал большой знаток русской старины В.Т. Георгиевский. Во Владимире он невольно стал свидетелем молитвы Олега перед гробницами погибших в 1237 году владимирских князей: «Среди полумрака древнего собора одинокая коленопреклоненная фигура Князя надолго врезалась мне в память… Я не хотел мешать его молитве… Отступив вглубь храма, я видел затем, как Олег Константинович подошёл к гробнице великого князя Юрия Всеволодовича, еще раз склонился перед его мощами и надолго припал своей головой к рукам святого страдальца за землю русскую, как бы прося его благословения». Именно поездка по Волге, знакомство с древними русскими городами и их святынями окончательно выявили «глубокий интерес к гуманитарным наукам», который начал характеризовать Олега, по словам его преподавателя П.Г. Васенко, зимой 1908/09 года. Этот интерес был виден невооруженным глазом на литературно-художественных «субботниках», проходивших в доме Н.Н. Ермолинского, — только Олег выступал на них в нескольких амплуа: и как чтец, и как мелодекламатор, и как пианист.

16 мая 1910 года Олег снова приехал в Полоцк вместе с братом Игорем и сразу же начал готовиться к выпускному экзамену по законоведению. 19 мая в своем дневнике великий князь Константин Константинович записал: «Отэкзаменовали

Олега по законоведению. Это было в Николаевском зале в присутствии директора… Я задавал много вопросов. Олег волновался сильно, но отвечал прекрасно, видимо, он твердо усвоил предмет». В тот же вечер Олег участвовал в состязании на рапирах, фехтуя в паре с кадетами Сапуновым и Савицким, но оба боя проиграл.

На следующий день Олег принял участие в церемонии открытия памятника знаменитому выпускнику Полоцкого корпуса — герою Порт-Артура генерал-майору Р.И. Кондратенко. Юный князь так переволновался, что ему стало плохо, но с церемонии он уйти отказывался — ведь он был знаменосцем своего батальона!.. Его руку, державшую древко знамени, пришлось разжимать буквально силой. 21 мая Олег был знаменосцем и на параде, состоявшемся в честь тезоименитства его отца, а 22 мая участвовал в переносе мощей Святой Евфросинии Полоцкой в Спасский монастырь. Воскресенье 23 мая прошло для него в подготовке ко второму экзамену — по истории. Получив на испытании отличную оценку, 25 мая с утренним поездом Олег вместе с братом Игорем уехал в Петербург. На перроне его провожали кадеты первой роты.

К этому времени уже состоялось зачисление Олега в Александровский лицей. На это потребовалось разрешение императора, так как никто из дома Романовых до этого не получал образование в этом сугубо «штатском» учебном заведении. Наставник князя Н.Н. Ермолинский горячо поддерживал его затею. «Ермолинский находил, что Олег, как способный человек, должен получить высшее образование, и нисколько не смущался тем, что лицей — гражданское заведение и что до сих пор ни один член Императорского Дома не носил гражданского мундира, — вспоминал князь Гавриил Константинович. — Сам Олег не стремился на военную службу, он гораздо больше интересовался литературой и музыкой. Я лично тоже стоял за то, чтобы Олег поступил в Лицей».

Правда, врачи категорически запретили князю постоянно жить в здании лицея. Причиной тому были слабые легкие. Олег страшно негодовал по этому поводу, но делать было нечего: пришлось заниматься в Павловске, а в Петербурге (там лицей размещался с 1843 года) только сдавать переходные экзамены. Но после третьего курса князь добился того, что ему разрешили ездить на все занятия в лицей.

Лето 1910-го прошло для Олега в большом зарубежном путешествии — он посетил Турцию, Болгарию, Сербию, Черногорию и Германию. Особенно впечатлил его Константинополь, которому Олег написал стихи:

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,
Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан —
Вы здесь, свидетели былого,
Стоите в грозной тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене…
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут Крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устрашит еретиков.

На Родину князь возвращался с радостью. Об этом свидетельствует его письмо отцу: «В окне тянулась мимо меня однообразная немецкая равнина. Она вся обработана, вся засеяна — нет живого места, где глаз мог бы отдохнуть и не видеть всей этой, может быть, первоклассной, но скучной и назойливой культуры… Теперь я подъезжаю к милой России. Да, через час я буду в России, в том краю, где все хранит еще что-то такое, чего в других странах нет… Там, где по лицу земли рассыпаны церкви и монастыри… Там, где в таинственном полумраке старинных соборов лежат в серебряных раках русские угодники, где строго и печально смотрят на молящегося темные лики святых… В том краю, где сохранились еще и дремучие леса, и необозримые степи, и непроходимые болота…» Даже не верится, что эти слова написаны наполовину немцем по происхождению!.. А ведь это правда — мать Олега была чистокровной немкой, да и его бабка по отцовской линии, великая княгиня Александра Иосифовна, в девичестве была принцессой Саксен-Альтенбургской.

После возвращения на Родину Олег с головой окунулся в лицейскую учебу, параллельно работая над своим первым романом «Влияния». Как и в корпусе, преподаватели и соученики по лицею звали его не «Ваше Высочество», а по имени-отчеству. Никаких поблажек во время учебы князю не делали, к тому же экзамены в лицее были публичными, и ответы Олега могли оценивать все желающие. Один из его преподавателей, профессор Ф.В. Тарановский, вспоминал: «Прилежание Его Высочества было выше всякой похвалы. В соединении с отличными природными способностями оно обеспечивало вполне успешное усвоение

курса науки, который мы проходили. Всякое одобрение и похвала со стороны учителя, как и отличные баллы на экзаменах, действовали на князя Олега Константиновича самым благотворным образом: видимо, доставляли ему удовольствие, но не повергали его в спокойное самоудовлетворение, а напротив того, поднимали его энергию и побуждали его к еще более напряженной работе».

В 1911 году Олег выступил с интересной инициативой — к 100-летию со дня основания лицея (оно отмечалось в октябре) переиздать в виде факсимиле все рукописи Пушкина. При всей внешней несложности это была серьезнейшая научная задача, и Олег подошел к ней со всей тщательностью. Он скрупулезно выверял уже готовые оттиски, поражая своей педантичностью даже профессиональных филологов П.Е. Щеголева и В.И. Саитова. По словам Щеголева, «для Князя издание рукописей Пушкина является молитвенной данью культу Пушкина». К сожалению, в 1912 году успел увидеть свет только первый выпуск задуманной Олегом серии книг — факсимиле семнадцати лицейских стихотворений Пушкина, хранившихся как реликвия в Александровском лицее. Издание было выполнено на высочайшем полиграфическом уровне — книга полностью воспроизводила оттенок чернил, цвет и даже фактуру бумаги оригинала. Тираж издания составил 1000 экземпляров, из них 890 Олег подарил лицею. Пресса отозвалась на работу князя искренними похвалами. Так, журнал «Русская мысль» отмечал: «Издание дает прямо эстетическое наслаждение, и первое, что думаешь, любуясь им, это что надо его иметь в лучших русских средних школах». Полностью замысел князя Олега был осуществлен только в 1999-м, к 200-летию со дня рождения поэта…

15 ноября 1912 года в Петербурге было торжественно отмечено двадцатилетие Олега. В письме отцу он радостно признавался: «День моего совершеннолетия был одним из самых радостных дней всей моей жизни: твои и мама подарки, чудный молебен, завтрак со всеми старыми и наличными служащими Мраморного и Павловска, икона, которой благословил меня митрополит Флавиан (Киевский), икона от служащих, икона от прислуги, картина Шишкина, которую мне подарили братья, удавшийся вечером реферат, представление “Севильского цирюльника” и, наконец, телеграмма от Государя — все это меня так радовало и трогало, что и сказать трудно». Но день рождения дал повод и для серьезных размышлений. Чем ближе становился день выпуска из лицея, тем чаще Олег задумывался о том, чем заниматься в жизни дальше. Он попеременно собирался то стать юристом, то посвятить себя военной службе, то сосредоточиться

на писательской карьере. Но прежде всего он думал о том, как «сделать много добра Родине». «Нет, прошло то время, когда можно было почивать на лаврах, ничего не знать, не делать нам, Князьям, — писал он и продолжал, цитируя своего прадеда Николая I: — Мы должны высоко нести свой стяг, должны оправдать в глазах народа свое происхождение. В России дела так много!» Его больно ранило то, что некоторые члены семьи Романовых относились к службе как к синекуре, основное внимание уделяя светским развлечениям. Олег хотел противостоять этому образу жизни. «Я увлекаюсь мечтой, что, в конце концов, в царской семье образуется с течением времени остров, — писал он. — Несколько человек будут проводить в жизнь реакцию по отношению к безобразиям сегодняшней жизни. И мало-помалу опять появятся настоящие люди, сильные и здоровые духом, и, во-вторых, и телом. Боже, как мне хочется работать на благо России». Тогда же к Олегу пришло осознание того, что жизнь — это высокая обязанность, священный долг: «Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие. Да, моя жизнь — не удовольствие, не развлечение, а крест».

Такие размышления выливались и в стихотворные строки:

В моей душе есть чувства благородные,
Порывы добрые, надежды и мечты;
Но есть в ней также помыслы негодные,
Задатки пошлые, ничтожные черты.
Но я их затопчу, и с силой обновленною
Пойду вперед с воскреснувшей душой.
И пользу принесу работой вдохновенною
Моей Отчизне милой и родной.

В конце концов Олег пришел к выводу, что больше всего пользы Отечеству принесет на военной службе. «Мое настроение чудесно, — доверительно делился он с сестрой Татьяной. — Я поступаю в полк. Эта зима — последний год в Лицее… Опять сочинения, рефераты и т.д. К Рождеству думаю дать второй выпуск моего издания, куда войдет вся проза Пушкина, находящаяся в Лицее. Видишь, как много планов. Самое трудное — хорошо их выполнить, на что я надеюсь с Божьей помощью».

Торжественный выпускной акт в лицее, на котором 69-й выпуск расстался со своим учебным заведением, Олег пропустил — у него снова обострилась болезнь легких. Лицей он окончил с серебряной медалью, а его выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист» получило Пушкинскую медаль.

Вчерашний лицеист приступил к изучению армейских уставов. Олег собирался поступать в армию на правах вольноопределяющегося (рядового-добровольца с высшим образованием) и с 18 по 23 мая каждый день ждал приказа о своем производстве, но его все не было. Наконец император пожаловал его чином корнета лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Вот как сам Олег описал этот день в очерке «Сцены из моей жизни»:

«Наступил праздник Вознесения. Уже за несколько дней перед ним Игорь и я были приглашены ехать с Романом и Надей (дети великого князя Петра Николаевича. — В, Б.) в Знаменку, играть в теннис. Предполагалось собраться у них после 12-ти и выезжать из Петербурга на моторах. В этот день меня как-то особенно тянуло в церковь. Я как будто предчувствовал, что со мной должно произойти что-то необыкновенное, и перед этим мне хотелось помолиться. Подчиняясь этому влечению, я направился утром в храм-памятник (собор Воскресения Христова на Крови на месте покушения на Александра II. — В. Б.), пришел к началу, стал в толпе, но постоянная давка, входящие и выходящие, мешали мне сосредоточиться. Я давно был знаком сторожу, и он меня охотно впустил в алтарь, где я и простоял обедню…

Когда мы приехали в Знаменку и вошли в дом, то увидали, что в столовой уже наливала чай Анна Алексеевна. Все садились, двигали стульями, смеялись, разговаривали…

— Ваше Высочество! Вас просят к телефону из Петербурга генерал Ермолинский, — сказал подошедший к столу лакей.

Сердце у меня екнуло. Я поспешно встал, прошел маленький коридорчик и очутился в комнате, где был телефон… Я взял трубку.

— Николай Николаевич, это вы?

— Да, получена телеграмма от князя Орлова, что Государь Император зачислил вас корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

— Что?

— Корнетом в Гусарский полк. Поздравляю!..

— Не может быть! Неправда! Ура-а-а!

При этих радостных криках влетают в комнату Роман и Надя.

— Что? Что такое? Что случилось?

— Государь меня зачислил в Гусарский полк корнетом… Только это ошибка, нечему радоваться, — и, обратившись к телефону, я спросил: — Николай Николаевич, кем я зачислен?

— Корнетом.

— Эстандарт-юнкером?

— Корнетом, кор-не-том.

— Это ошибка!

— Никакой ошибки, сущая правда.

Надя и Роман стояли в дверях, изумленные не менее моего.

— Только, ради Бога, — сказал я им, — не говорите никому про то, что слышали… О своем производстве я решусь сказать только Игорю. Пойдем его искать.

Игорь, только что приехавший, стоял в это время в уборной спиной ко мне и мыл руки.

— Господин паж, — обратился я к нему строго. — Позвольте вас спросить, по какому праву вы стоите ко мне спиной?

— Что? Ты с ума…

— Потрудитесь молчать! С вами говорит корнет Гусарского полка.

— Что? Неправда!

— Нет, правда. Получена телеграмма от Орлова.

— Ну?!..

Сердце мое было переполнено. Я бросил всю компанию и ринулся в сад… Перескочив разом несколько ступеней крылечка флигеля, я побежал по дорожке, вдоль чудных кустов сирени, которая была в полном цвету».

На другой же день новоиспеченный офицер явился в свой полк. Олег с волнением и восторгом рассматривал новенькие золотые погоны с «гусарским зигзагом», двумя серебряными звездочками и золотым вензелем императора. В белом ментике, алом доломане, темно-синих чакчирах и особенных гусарских сапогах с розетками юный корнет выглядел очень эффектно. Особенно радовало его то, что служить предстояло вместе с братом — князь Гавриил служил в 4-м эскадроне лейб-гусар (впоследствии в этот же полк был зачислен и князь Игорь).

Но так радужно начавшаяся служба прервалась, практически не успев начаться. Олег успел только нанести визиты командиру, генерал-майору Георгию Ивановичу Шевичу, и всем офицерам полка и отдежурить по части, как сильнейшее воспаление легких — уже не первое в его жизни — свалило его с ног. В сентябре 1913-го его отправили на лечение в Крым. Своего имения у Константиновичей там не было, поэтому Олег гостил в имении великого князя Георгия Михайловича «Харакс» и почти ежедневно бывал во дворце великого князя Петра Николаевича «Дюльбер». Компанию ему составляли его троюродные брат и сестра — князья крови Роман и Надежда.

Надежде Петровне, для которой «Дюльбер» был малой родиной, суждено было стать единственной любовью князя Олега. Это было юношеское увлечение, чистое и невинное с обеих

сторон. На автомобиле Олега, роскошном французском «Делоне-Бельвилле», молодые люди объездили весь Крым, побывали в Судаке, Коктебеле, Феодосии, Евпатории, Бахчисарае, Симферополе. Мать Олега Елисавета Маврикиевна полагала, что Надя могла бы стать хорошей партией для сына. Но против этого брака выступала мать Надежды, великая княгиня Милица Николаевна — для нее Олег был… недостаточно знатным. В конце концов родители Олега согласились на обручение влюбленных, хотя Милица Николаевна своего одобрения так и не дала. Наде было всего 16, но Олег сказал, что будет ждать столько, сколько потребуется…

Зиму 1913/14 года князь Олег провел в имении Осташёво, изучая архив деда, великого князя Константина Николаевича. Он задумал написать его биографию. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. К тому же и здоровье оставляло желать лучшего: кашель продолжал мучить юношу почти постоянно. Перезимовав в Подмосковье, Олег был вынужден просить у командира полка разрешения продолжить лечение в Италии.

Отдых князь совместил с выполнением поручения отца. Среди многочисленных должностей великого князя Константина был и пост председателя Русского императорского православного палестинского общества. Состоял в нем и Олег. Отец поручил ему произвести подробный осмотр строящегося в итальянском городе Бари храма Святого Николая и дома для паломников. 3 июля 1914 года Олег прибыл в Бари и, несмотря на удушающую жару, сразу же включился в работу: участвовал в заседаниях строительной комиссии, общался с архитектором, заключил договор с подрядчиком Камышовым на сооружение черепичной крыши над странноприимным домом. По настоянию Олега в доме для паломников и самом храме было устроено пароводяное отопление.

Между тем вся Европа с тревогой наблюдала за развитием русско-германского конфликта, связанного с гибелью эрцгерцога Франца Фердинанда. Словно предчувствуя надвигавшиеся события, Олег отказался от дальнейшего отдыха на юге Италии и 10 июля, за два дня до предъявления австрийского ультиматума Сербии, выехал из Бари в Россию.

13 июля Высочайшим приказом были отменены отпуска для русских офицеров. Сразу же по приезде в Россию Олег явился в свою часть, несмотря на то что чувствовал себя по-прежнему плохо. В дневнике он записал: «Утром 18-го явился в полк. Мне сообщили, что в состав полка я не записан и что мне советуют, ввиду слабого здоровья и незнания строевого дела, зачислиться ординарцем в Главную Квартиру. Я пошел ругаться и даже,

кажется, переубедил В». (имеется в виду командир 5-го эскадрона ротмистр граф Альфред Сигизмундович Велепольский). В полку Олегу разрешили остаться, но назначили в штаб: «Командир сказал: “Я вам специально сообщаю, что вы будете вести дневник полка и будете моим корреспондентом”. “Надеюсь, что я у вас долго не останусь”, — отвечал я, на что командир возразил: “Это уж мое дело!”».

20 июля в 15.30 все семейство Романовых собралось в Зимнем дворце. После молебна Николай II огласил манифест о начале войны между Россией и Германией.

Этот документ гласил:

«Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагая все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно станут все верные наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение».

На Дворцовой площади уже собралась многотысячная толпа с национальными флагами, портретами императора и императрицы, лозунгами «Победа России и славянству», «Боже, Царя храни», «Свободу Карпатской Руси».

«Громовое “ура” наполнило дворец и покатилось ответным эхом в толпе на площади, — вспоминал председатель Государственной думы М.В. Родзянко, бывший свидетелем этого события. — После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое “ура” огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями “Да здравствует Россия и славянство!” склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды затихли, но шум толпы, несмолкавшее “ура” не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покои. Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: “То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут слишком медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами”».

Затем император сказал несколько теплых слов тем родственникам, которые собирались на фронт. Подойдя к Олегу, Николай II с сомнением в голосе поинтересовался у своего крестника, сможет ли он воевать. Вопрос вовсе не звучал странно — после недавно перенесенной тяжелой болезни князь выглядел очень исхудавшим и бледным. Но Олег твердо отвечал: «Могу, Ваше Императорское Величество!» «Такого человека, как Олег, нельзя было удержать дома, когда его полк уходил на войну, — писал видевший эту сцену брат Олега Гавриил. — Он был весь порыв и весь проникнут чувством долга».

Из Зимнего трое братьев Константиновичей, трое гусар-однополчан — Гавриил, Олег и Игорь — поехали в часовню Спасителя, оттуда в Петропавловскую крепость, где помолились у могил своих предков, затем на Смоленское кладбище — на могилу Блаженной Ксении Петербургской. Потом завернули в Мраморный дворец проститься с дядей — практически ослепшим к тому времени великим князем Дмитрием Константиновичем.

Там Олега встретил его знакомый М.Г. Гаршин: «Он был буквально потрясен тем, что видел и слышал в Зимнем дворце. Бросившись ко мне, он обнял меня и сказал: Вы знаете, такие минуты бывают раз в жизни, и счастлив тот, кому Бог дал их пережить… Я не дождусь отъезда на войну… Вот теперь пришло мое время».

В Павловской дворцовой церкви братья-однополчане заказали раннюю обедню. В пустом храме, где причащались князья, было только несколько человек, в том числе какая-то случайно зашедшая незнакомая женщина, которая громко плакала и причитала во время молитвы…

22 июля лейб-гвардии Гусарский полк участвовал в молебне на Софийском плацу. С речью к гусарам обратился Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Олег был в строю 5-го эскадрона на своей собственной лошади по имени Диана. На следующий день утром он вместе с братьями пришел проститься с родителями. Великий князь Константин Константинович только что вернулся из Германии, где застала его весть о начале войны. Он, его жена и свита с трудом избежали интернирования.

Каждого из сыновей великий князь ставил на колени перед иконами, благословлял и говорил: «Помните, кто вы, соответственно держите себя и служите добросовестно. Мой отец говорил мне то же самое, когда я уезжал на турецкий фронт в 1877 году». Матери Олег отдал обручальное кольцо и попросил вернуть его княжне Надежде Петровне. Он прекрасно сознавал, какой опасности он будет подвергаться на фронте, и не хотел связывать девушку обязательствами.

В тот же день Олег попрощался с другими дорогими ему людьми. Видный юрист А.Ф. Кони вспоминал: «Я вижу перед собою с той отчетливостью, которая свойственна скорби, князя Олега Константиновича в походной боевой форме, с его милым лицом и мягким, устремленным задумчиво вдаль взором “говорящих” глаз, — сердечно прощающегося со мною 23 июля, в день его отъезда в действующую армию… Нас соединяла любовь к Пушкину, к которому он относился восторженно, проницательно и трудолюбиво. В Пушкине, рукописи которого были начаты им с таким успехом, — для него олицетворялось все, чем сильна, своеобразна, дорога и по праву может быть горда Россия. И когда эта Россия позвала Олега Константиновича на брань, он отдал ей все силы и помышления, сознавая, что есть исторические минуты, когда родина, видоизменяя слова Писания, должна сказать: Да оставит человек отца и матерь свою и прилепится ко мне».

«Мы все пять братьев идем на войну со своими полками (кроме Олега, Гавриила и Игоря, ушли на фронт также Иоанн и Константин Константинович-младший. — В. Б.), — записывал сам Олег в те дни. — Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером идем на войну».

После погрузки на станции Александровской полк наконец отправился в путь. Офицеры ехали в отдельном вагоне. Вместо картинной формы мирного времени лейб-гусары были облачены в полевое обмундирование цвета хаки, ничем не отличавшееся от формы других кавалерийских полков. Настроение у всех было приподнятое, в вагонах звучали песни, на станциях эшелон криками «ура» приветствовали толпы народа. Олег с однополчанами изучал карты местности, где предстояло действовать полку. Лейб-гвардейские гусары входили в состав 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, которая, в свою очередь, была включена в конный отряд генерал-лейтенанта Хана Гуссейна Нахичеванского. Этот отряд находился на правом фланге русской 1-й армии под командованием П.К. фон Ренненкампфа, выдвигавшейся в Восточную Пруссию. Главной целью армии был Кенигсберг.

Вечером 25 июля эшелон прибыл на станцию Пильвишки (ныне — Пилвишкес, Литва), полк стал биваком в четырех верстах от станции. И вскоре началась настоящая походная жизнь, очень далекая от той красивой и необременительной «гвардейской» службы, к которой привыкли князья Романовы. Переходы под проливным дождем по глинистой раскисшей земле, ночевки в скирдах соломы, насквозь промокшие сапоги, запрет разводить огонь… 27 июля полк вышел на русско-германскую границу. Маленькая речка Шешупа, через которую был переброшен пограничный мост, отделяла русский городок Владиславов Сувалкской губернии (ныне — Кудиркас-Науместас, Литва) от немецкого «соседа» — городка Ширвиндт (в ходе Первой и Второй мировых войн он был полностью уничтожен и сейчас не существует). На следующий день в 6 часов утра лейб-гусары впервые ступили на вражескую землю. Ширвиндт был пуст — германская армия оставила городок без боя. Русские офицеры не могли не отметить чистоту, царившую на улицах. Гусары с любопытством рассматривали немецкие вывески, брошенные жителями дома, памятник императору Вильгельму I на главной площади. Многие заходили в кирху, причем снимали фуражки и крестились, оказывая уважение и чужой вере.

Первая крупная стычка лейб-гусар с противником состоялась 1 августа. Практически весь этот месяц гвардейские кавалеристы не выходили из боев. 5 августа конная группировка Хана Нахичеванского была направлена на Инстербург (ныне — Черняховск, Калининградская область России) и вошла в боевое соприкосновение со 2-й бригадой германского ландвера. На другой день произошел бой под Каушеном, во время которой состоялась знаменитая атака в конном строю 3-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка под командованием ротмистра барона П.Н. Врангеля, будущего героя Белого движения.

Но в целом действия гвардейской кавалерии поздним летом — ранней осенью 1914 года в Восточной Пруссии иначе как вялыми и малоудачными не назовешь. И виной этому были отнюдь не низкие боевые качества наших кавалеристов. Русские военные историки в голос винят в неудачах старших командиров, в частности Хана Нахичеванского. «Стратегическая разведка оказалась Хану и подчиненным ему кавалерийским начальникам совершенно не по плечу — и 70 эскадронов лучшей в мире конницы решительно ничего не дали своей армии», — с горечью констатировал автор «Истории Русской армии» А.А. Керсновский. Ему вторит современный исследователь М.В. Оськин: «Действия русской стратегической кавалерии в крупном сражении, судьбоносном сражении, не только не способствовали достижению победы, но даже едва не послужили причиной поражения».

Под натиском врага русская 1-я армия начала отходить к границам Ковенской губернии. 11 сентября лейб-гвардии Гусарский полк едва не попал в окружение, оказавшись прижатым к болоту. Все это время князь Олег по-прежнему находился в штабе полка, исполняя обязанности полкового летописца. «Приходится много работать и бывать под огнем, — писал он своему воспитателю Н.Н. Ермолинскому. — Но все же хотелось бы встрой».

В конце концов князю удалось уговорить перевести его из штаба во 2-й эскадрон полка. Олега назначали командиром 3-го взвода. С офицерами у него сразу же сложились отличные отношения. 11 сентября Олег отправил отцу большое письмо, в котором благодарил за посылку и описывал свою жизнь: «Не знаю, как и благодарить Вас, наши милые, за все, что Вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с теплыми вещами и с разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому, офицеры трогательны. К сожалению только, многие забывают, что нас много и потому какая-нибудь

тысяча папирос расхватывается в одну минуту и расходуется очень, очень скоро. Надо посылать много. У солдат нет табака, папирос, на что они очень часто жалуются: “Вот бы табачку али папирос!” Мы живем только надеждой, что на нашем фронте немцы скоро побегут, — тогда дело пойдет к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к Вам. А иногда к Вам очень тянет! Часто, сидя верхом, я вспоминаю Вас и думаю, вот теперь Вы ужинаете, или Ты читаешь газету, или Мама вышивает. Всё это тут же поверяется взводному, который едет рядом. Взводный мечтает в это время о том, что Бог поможет разбить немцев, а потом скоро придет время, когда и он, наконец, увидит семью. Такие разговоры с солдатами происходят часто. Иногда очень хочется увидеть Вас, побыть с Вами.

Я теперь так сильно чувствую это и думаю, и знаю, что Вы там, далеко, вспоминаете нас, стараетесь нам помочь. Это очень нас всех ободряет…

Были дни очень тяжелые. Одну ночь мы шли сплошь до утра, напролет. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валился на бок, но просыпался, к счастью, всегда вовремя. Самое неприятное — это дождь. Очень нужны бурки, которые греют больше, чем пальто… Все за это время сделались гораздо набожнее, чем раньше. К обедне или ко всенощной ходят все. Церковь полна.

Маленькая подробность! Недавно я ходил в том же белье 14 дней. Обоз был далеко и все офицеры остались без белья, без кухни, без ничего. Варили гусей чуть не сами. Я сам зарезал однажды на собрание двадцать кур. Это, может быть, противно и гадко, но иначе мы были бы голодны.

Никогда в жизни не было у нас такого желания есть, как теперь. Белого хлеба нет! Сахару очень мало. Иногда чай бывает без сахару.

На стоянках картина меняется. Там мы получаем вдруг шоколад, даже какао, чай, папиросы и сахар. Все наедаются, а потом ложатся спать. Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем минут на пять. Вдруг команда: “К коням!” Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, может быть, уже три дня не ела овса, и катишь дальше… Диана сделала подо мной около 1000 верст по Германии. Она немного хромает на правую переднюю, так как случайно растянула связки пута. Иногда хромота проходит. Ей пришлось прыгать в день по сотне канав, и каких канав! Идет она великолепно, и я всегда сам ставлю ее в закрытое помещение… Молитесь за нас. Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу».

20 сентября, в день именин Олега, лейб-гусары снова

оказались в тех же местах, что и в конце августа, — рядом с городком Ширвиндт. Олег начал новую тетрадь полкового дневника: «Сегодня, 20 сентября 1914 года, обновляю эту книжку, снова увидев немецкую границу». Три дня спустя он записывал: «На север от Владиславова, впереди, ночью и утром гремят пушки. Мы отбили Ширвиндт, который сейчас занят нашей стрелковой бригадой. По словам прошедшего только что мимо нас раненого, немцы пытались вчера овладеть Ширвиндтом два раза».

24 сентября: «Идет бой под злополучным Ширвиндтом… Раух (начальник дивизии генерал-лейтенант Г О. Раух. — В. Б.) находится с главными силами где-то сзади и копается. Нам нужны еще пушки… Ночевали сегодня в Жарделе… Наш маршрут: Жарделе, Печиски, Блювы, Гудой-Це, Раугали, Рудзе, Бойтеле и Атмонишки». 25 сентября: «Сегодня мы выступили в 8 часов. Мороз. Делали рекогносцировку на Радзен. Шел только один наш полк со взводом артиллерии. Передовые части вошли в город, из которого в это время выехало несколько велосипедистов. Дозорные по собственной инициативе поехали вплотную на велосипедистов. Убиты двое. Совсем непонятно, отчего вся дивизия не принимает участия в этой совсем бестолковой операции». 26 сентября: «Выступили в 8 часов утра. Предположено идти в Дайнен затыкать дыру, образовавшуюся между Стрелковой бригадой и 56 дивизией, с целью зайти немцам, сидящим в Шукле, в тыл. Конечно, мы знали, что это не будет сделано. Мы сейчас сидим в одном фольварке уже 11 часов, не дойдя еще до Владиславова. Слышны пулеметы и артиллерийские выстрелы… Стрельба чаще. Пехота отходит. Команда: “К коням!” Нам было приказано прикрывать лавой отходящую пехотную дивизию… Когда подошли лавой, то заняли фольварк… Додик и я на третьем, Голицын на втором, а Кушелев на первом (взводе)». На этом записи в дневнике обрывались.

На следующий день, 27 сентября 1914 года, 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, в авангарде которой шел лейб-гвардии Гусарский полк, начала наступление на Владиславов. Лейб-гусары форсировали речку Шешупу у деревни Дваришкен, дошли до деревни Леполаты, а затем повернули на север, к деревне Шарвинишки (все эти населенные пункты ныне на территории Литвы, называются соответственно Дваришкяй, Лиепалотай и Шарвинишкяй). В 16.00 недалеко от Шарвинишек гусары боковой заставы увидели стоявший у отдельного хутора вражеский кавалерийский разъезд и обстреляли его. Бросившись в сторону, германцы выскочили прямо на 4-й эскадрон полка, шедший в голове колонны. Грянули выстрелы, немцы снова отпрянули, но

теперь натолкнулись на заставу под командованием корнета Безобразова. Огнем его взвода половина немцев была убита, остальные попытались ускользнуть. В этот момент князь Олег подъехал к своему эскадронному командиру графу Павлу Алексеевичу Игнатьеву:

— Господин ротмистр, разрешите с моим взводом захватить зарвавшихся немцев…

— Там справятся без вас, Ваше Высочество, — резко ответил офицер.

Олег покраснел:

— Опять при штабе? Сколько же можно быть в тылу?!.. Неужели за этим я отправлялся на фронт?!..

Смутившись, эскадронный командир уступил. Воодушевленный князь козырнул и радостно обернулся к гусарам своего взвода:

— Шашки вон, марш-марш!..

Дальнейшее произошло очень быстро. Преследуя врагов, Олег пришпорил свою лошадь, и Диана послушно понесла его вперед. Немцы на скаку отстреливались, пули свистели вокруг, но Олег ничего не замечал. Он первым с шашкой в руках настиг противника. В результате короткой стычки пятеро германцев были зарублены, остальные начали поднимать руки, сдаваясь в плен… Бой был закончен.

Олег обернулся к своим подчиненным. Его лицо освещала самая счастливая улыбка, которую только можно было представить. Наконец-то он по-настоящему, на деле, служил своей Родине, защищал ее от врагов!..

В этот момент один из раненых немцев, лежавших на земле, поднял свой карабин. Грянул одинокий выстрел. Олег вскрикнул и повалился с лошади…

Первыми к нему подлетели вольноопределяющийся граф Бобринский и два унтер-офицера, Василевский и Потапов. Последнего послали за фельдшером, а Бобринский и Василевский начали перевязывать раненого. Как оказалось, пуля попала ему в правую ягодицу. «Вам не больно?» — спросил Бобринский, на что князь отрицательно покачал головой. Раненого перенесли на ближайший хутор, где фельдшер сделал ему новую перевязку. Вскоре на взмыленном коне примчался брат Олега Игорь Константинович. Слабо улыбнувшись ему, Олег попросил перекрестить его. Через несколько минут прискакал и второй брат Олега, Гавриил, но задержаться надолго не смог, так как его эскадрон участвовал в наступлении.

На телеге, устланной соломой, князя отвезли на ближайшую железнодорожную станцию. Ею оказались Пильвишки — те

самые, на которых лейб-гусары разгружались 25 августа… Рана начала причинять Олегу сильную боль; чтобы не стонать, он грыз яблоко и время от времени спрашивал: «Скоро ли?» В Пильвишках раненый приобщился Святых Тайн, сказав, что теперь ему будет легче. На станции уже ожидал паровоз с одним вагоном первого класса, и вскоре Олега в сопровождении уполномоченного Красного Креста В.А. Бутурлина отправили в Вильну (ныне Вильнюс, Литва). Одновременно из Ков-ны (ныне Каунас) был вызван опытный хирург, профессор военно-медицинской академии Владимир Андреевич Оппель. В своих мемуарах он подробно описал памятный для него день 27 сентября.

«Меня разбудили в начале шестого утра и сказали, что по телефону требуют сейчас же на вокзал, что прибудет “князь”. Зачем меня требуют, кто меня требует — все это было для меня неизвестно. Ясно было одно, что я нужен для прибывающего. Я быстро оделся и отправился на вокзал.

Еду по улицам, день чуть занимается. Подъезжаю к вокзалу, спрашиваю, в чем дело. Оказывается, меня вызвал комендант вокзала. Он получил известие, что в 6 часов утра в Ков-ну прибудет раненый князь Олег Константинович, и, зная, что я в Ковне, решил меня вызвать на вокзал. Теперь все это я понял… Не успели сделать распоряжение (о доставке носилок), как к вокзалу подошел паровоз с одним вагоном первого класса. Вагон я сейчас узнал. Это был вагон, предоставленный уполномоченному Красного Креста В.А. Бутурлину. Действительно, на площадке вагона я увидел самого Бутурлина, который вез раненого из Пильвишек. Я вошел в вагон, в отделение, в котором лежал князь Олег Константинович. Он встретил меня приветливой улыбкой. Раненый лежал на спине. Он был бледен, губы пересохли. Пульс прощупывался частым и слабым… Я предложил высадить раненого в Ковне, но общее желание — как самого раненого, так и его брата (Игоря Константиновича), и доктора Дитмана, — склонялось к тому, чтобы сразу ехать в Вильну, дабы проконсультироваться с профессором Цеге фон Мантейфелем. Так как переезд предстоял небольшой, то возражать против него не было причин. Моя помощь могла выразиться в сопровождении Его Высочества до Вильны. Ровно в 7 часов утра мы тронулись из Ковны. Я поместился в отделении князя Олега Константиновича. Последний, несомненно, страдал. За время стоянки в Ковне пульс несколько улучшился, но как только поезд пошел, пульс опять упал. Князь Олег Константинович бодрился, улыбался, временами говорил, временами закрывал глаза и погружался в полусон, но, тем не менее, его постоянно беспокоили ноги: в правой ноге не

только имелись боли, но было и особенно беспокоившее раненого чувство онемения.

Такое же чувство онемения тревожило левую ногу. Последнее обстоятельство было подозрительно и не вполне объяснялось наличием правосторонней раны. Как бы то ни было, осматривать рану, делать для этого перевязку в вагоне было, понятно, невозможно. Следовало пока лишь облегчать положение раненого без перевязки.

Кое-что можно было сделать в этом отношении. Начать с того, что князь Олег Константинович очень неудобно лежал: под ним была постлана бурка, под головой ничего не было. Нашлась подушка. Этим маленьким удобством раненый остался очень доволен. Нашлось одеяло, которым укутали Его Высочество. Для подкрепления сил я поил раненого вином. Чуть успокоившись, Его Высочество пытался весело разговаривать, интересовался сведениями из газет, слушал чтение газеты вслух, но все это делал отрывочно.

В Вильну мы приехали ровно в 10 часов утра. На вокзале приезда поезда ожидали профессор Цеге-фон-Мантейфель, профессор Бурденко и доктор Фомилиант. Явился вопрос, как вынести раненого из вагона, причинив ему наименьшие страдания. Нашли, что наиболее просто сделать это, воспользовавшись окном. Князя Олега Константиновича бережно укутали, через опущенное окно вдвинули в отделение носилки, осторожно положили на них раненого и вынесли его на платформу. Затем носилки были поставлены на автомобиль, рядом с носилками в автомобиле поместились мы с профессором Цеге-фон-Мантейфелем, и через несколько минут мы уже были в Витебском госпитале Красного Креста».

Здание, в котором разместился этот госпиталь, находилось на Госпитальной улице. В мирное время его занимало Виленское реальное училище. Этот старинный двухэтажный дом сохранился в Вильнюсе до наших дней (современный адрес — угол улиц Лигонинес и Пилимо).

Снова дадим слово профессору В.А. Оппелю: «В госпитале Его Высочество был встречен профессором Мартыновым. Там была уже готова операционная и отдельная палата. Раненого сразу внесли в операционную и положили на операционный стол для исследования. Сестры милосердия заботливо сняли с раненого одежду и все тело обтерли спиртом. Затем началось исследование. Как было установлено доктором Дитманом сейчас же после ранения, на правой ягодице имелось маленькое входное пулевое отверстие. Правая ягодица припухла. Справа около заднепроходного отверстия имелась маленькая ранка, как бы

выходное отверстие пули. Кругом заднепроходного отверстия было сплошное кровоизлияние. Из ранки около заднепроходного отверстия вытекала коричневатая, с гнилостным запахом, жидкость. Пульс был част, мал и слаб. Стало сразу понятно, что общее тяжелое состояние объясняется гнилостным заражением пулевого канала и начавшимся гнилостным заражением крови. Вставал вопрос, каким образом произошло заражение. Исследование пальцем прямой кишки обнаружило, что кишка пробита навылет и подкожно почти оторвана от жома. В правой стене кишки определялось входное, в левой — выходное отверстие пули. Данные исследования разъясняли всю картину: пуля, войдя в правую ягодицу, прошла по ней, пробила прямую кишку и застряла где-то в левой ягодице. Теперь понятны стали болезненные ощущения в левой нижней конечности. Ранку справа от заднепроходного отверстия следовало рассматривать, как добавочную, образованную или осколком пули, или, быть может, осколком отскочившей кости.

Спрашивалось, что делать? На совещании, в котором приняли участие профессор Цеге-фон-Мантейфель, профессор Мартынов, доктор Дитман и я, прежде всего было признано, что состояние Его Высочества тяжелое, что, вследствие ранения, развилось заражение раны и заражение крови. Было признано, что для спасения Его Высочества возможно прибегнуть к операции, хотя и оперативное вмешательство не может гарантировать излечения. На операцию надо было смотреть, как на последнее средство, которое, быть может, остановит заражение.

Само собой разумеется, результат совещания не мог быть сообщен раненому князю Олегу Константиновичу. Князь Игорь Константинович первый должен был выслушать грустный приговор о своем брате, с которым делил все радости и тяготы похода. Князю Олегу Константиновичу сообщили только, что операция нужна; на нее он охотно дал свое согласие. Ввиду слабой деятельности сердца, было желательно произвести операцию без общего усыпления. И действительно, операция была начата под местным обезболиванием новокаином. Однако первый разрез через ранку около заднепроходного отверстия показал, что клетчатка около прямой кишки омертвела, что омертвение клетчатки идет в глубину пулевого канала, что, следовательно, требуется большой разрез, произвести который под местным обезболиванием невозможно. Потому перешли к хлороформному усыплению.

Операцию Его Высочество перенес очень хорошо. После операции он перенесен был в отдельную светлую палату, где вскоре пришел в себя.

Около трех часов дня раненый чувствовал себя очень хорошо… К вечеру состояние здоровья раненого не ухудшилось. Надежда на благополучный исход заболевания чуть усилилась».

Днем этого же дня в Вильну пришла телеграмма от императора — известие о том, что князь представлен к ордену Святого Георгия 4-й степени. В Высочайшем приказе говорилось, что награда присуждена ему «за мужество и храбрость, проявленные при атаке и уничтожении германских разведчиков, при чем Его Высочество первым доскакал до неприятеля». Эта новость очень обрадовала и взбодрила Олега. Вечером раненого навестил начальник Виленского военного училища генерал-майор Борис Викторович Адамович: «Его Высочество встретил меня как бы “не тяжелый” больной. Приветливо, даже весело, улыбнулся, протянул руку и жестом предложил сесть… Войдя, я поздравил князя с пролитием крови за родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно: “Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома”. Его Высочество мне сказал, что вчера причастился. “Но вы скажите дома, что мне никто не предлагал. Это было мое личное желание. Я причастился, чтобы мне было легче”. Оба князя сказали мне несколько восторженных слов о поведении солдат с ними вместе в боях. Князь Игорь прочитал брату телеграмму от Верховного Главнокомандующего. Выслушав, Олег Константинович перекрестился. Его Высочество был оживлен и сиял в счастливом для него сознании своих страданий. Мгновениями же были видны подавляемые им мучения».

Вскоре в госпиталь приехал воспитатель Олега, генерал-майор Н.Н. Ермолинский. Около часу ночи ему сообщили, что Олег проснулся. Ермолинского поразила мертвенная бледность его лица. Князь болезненно улыбнулся ему.

— Наконец-то, Николаус!.. Господи, как я рад!.. Теперь уже никуда не отпущу! Никуда!

— Никуда и не уйду, — стараясь не выказать волнения, ответил Ермолинский. — И здесь будем вместе, и поправляться вместе поедем.

— Да, да, будем вместе… И в Домнихе будем… — Олег упомянул имение Ермолинского Домниху, где любил гостить. Он даже посвятил Домнихе отдельное стихотворение. — Помните, как тогда? Хорошо это было!..

Генерал кусал губы, чтобы не заплакать.

— Рассказал ли все Игорь? — продолжал Олег слабым голосом. — Ведь государь мне пожаловал Георгия… Я так счастлив! Вот телеграмма… Там на столе… И от

главнокомандующего тоже…

Ермолинский сел возле кровати своего воспитанника, поправил одеяло на ногах, начал о чем-то говорить и скоро заметил, что раненый понемногу впадает в забытье. Но при всякой попытке Ермолинского встать и выйти Олег тут же открывал глаза:

— Ну вот, уже ушел… Только что начал рассказывать… Ведь сказал же, что не отпущу, и баста!

Прошло полчаса. Дыхание князя стало ровным. Ермолинский встал и, осторожно ступая по скрипучему полу, вышел из комнаты.

Наступило 29 сентября. В 11 часов утра в госпиталь пришла телеграмма, извещавшая, что в Вильну приезжают родители Олега. Эта новость очень обрадовала его.

— Вот хорошо, вот хорошо! — непрерывно повторял он.

В полдень профессор Оппель осмотрел раненого и заметил, что явных признаков заражения не видно. Но около четырех часов дня состояние Олега сильно ухудшилось: дыхание стало чаще, пульс ослабел, появились признаки сепсиса, бред. На вопросы о самочувствии он отвечал непослушным языком, с трудом выговаривая слова: «Чувствую себя ве-лико-леп-но». Когда сознание князя прояснялось, он звал к себе Ермолинского, крепко держал его за руки, но потом начинал заговариваться, кричал, чтобы ловили какую-то лошадь, преследовали бегущих немцев… Силы Олега таяли на глазах. Каждые 15 минут ему делали инъекции, давали лекарства, поддерживавшие деятельность сердца. Почему-то врачи решили, что для поддержания сил раненому надо давать шампанское. Олегу сказали, что хотят выпить за его скорейшее выздоровление…

Великий князь Константин Константинович и великая княгиня Елисавета Маврикиевна должны были приехать в Вильну в 17 часов, но пути были забиты воинскими эшелонами, и великокняжеский поезд сильно запоздал. Когда родители вошли в палату, где лежал сын, он уже почти никого не узнавал. Но когда отец, заливаясь слезами, протянул Олегу орден Святого Георгия, когда-то принадлежавший его деду, великому князю Константину Николаевичу, раненый на мгновение очнулся.

— Дедовский крест, — еле слышно прошептал он и поцеловал белую эмаль ордена.

Отец приколол крест к рубашке Олега.

«Вскоре больной стал задыхаться, — вспоминал Н.Н. Ермолинский. — По его просьбе ему подымали ноги все выше и выше, но это не помогало. Обратились к кислороду. После третьей подушки стало ясно, что бедный князь умирает. По

приказанию великого князя я позвал священника (о. Георгия Спасского) читать отходную, но по дороге успел его убедить делать это потише, чтобы умирающий не слышал. Началось страшное ожидание смерти: шепот священника, последние резкие вздохи… Великий князь, стоя на коленях у изголовья, закрывал сыну глаза; великая княгиня грела холодевшие руки. Мы с князем Игорем Константиновичем стояли на коленях в ногах. В 8 часов 20 минут окончилась молодая жизнь…» Олег не дожил полутора месяцев до своего 22-летия…

Вечером 29 сентября на семейном совете было решено хоронить Олега согласно его просьбе в его любимом поместье Осташёво. На это требовалось соизволение императора — ведь членов семьи Романовых хоронили только в Петропавловском соборе. Такое разрешение было получено. К 22 часам тело усопшего омыли и облачили в китель, на который прикололи орден Святого Георгия. «Светлое, детски чистое лицо князя было отлично освещено верхней лампой, — вспоминал Н.Н. Ермолинский. — Он лежал спокойный, ясный, просветленный, будто спал. Белая эмаль, к которой он прикоснулся холодеющими губами, ярко выделялась на его груди».

30 сентября в 14.00 гроб с останками князя Олега на руках был перенесен в храм Святых Константина и Михаила, построенный в 1913 году к 300-летию дома Романовых. По пути следования траурного кортежа стояли войска и тысячи жителей Вильны, пришедших отдать последние почести павшему офицеру… Архиепископ Виленский и Литовский Тихон (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси) служил панихиду в присутствии родителей и братьев Олега.

2 октября 1914 года в присутствии родителей и четырех братьев Олега состоялось отпевание. На вокзал гроб везли на артиллерийском лафете. На перроне владыка Тихон отслужил краткую литию, и в 14.00 специальный траурный поезд отбыл из Вильны.

3 октября на станции Волоколамск гроб с телом Олега встречала тысячная толпа народа. Там же собрались царственные родственники князя: королева Греции Ольга Константиновна, великая княгиня Елисавета Федоровна, великий князь Дмитрий Константинович, княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская, княгиня Елена Петровна, князь Георгий Константинович. Братья и дядя покойного на руках вынесли гроб из вагона. Печальный кортеж, впереди которого шли духовенство и хор певчих, двинулся в последний путь. По всему пути стояли местные крестьяне. Свыше ста венков везли на колесницах.

Генерал-майор Н.Н. Ермолинский вспоминал день

погребения своего воспитанника: «По прибытии в имение печальное шествие направилось к месту последнего упокоения почившего. Это место для могилы он сам себе избрал при жизни в поэтическом уголке, на высоком, обрывистом кургане, где растут тополя и заросшая мхом старая лиственница. С кургана, господствующего над всей округой, открывается великолепный вид на причудливые изгибы реки Рузы, на поля, уходящие в безбрежную даль, и на далеко синеющий лес». Осташёвские крестьяне на руках несли гроб по липовой аллее парка. Кто-то из местных жителей взял в руки шашку Олега, лежавшую на крышке гроба, и поцеловал эфес.

Первым горсть земли в могилу бросил отец покойного. Над могилой быстро вырос холм, покрытый венками, цветами и увенчанный деревянным крестом.

5 июля 1915 года над местом захоронения Олега началось возведение небольшого изящного храма в древнерусском стиле, по проекту архитекторов М.М. Перетятковича и С.М. Дешевова. Постройка была закончена в ноябре 1916-го, но освящения храм так и не получил.

25 декабря 1914 года первой роте Полоцкого кадетского корпуса было присвоено почетное наименование «рота Его Высочества Князя Олега Константиновича», «дабы сохранить на вечные времена среди кадет названного корпуса память об Августейшем Полочанине, положившем жизнь Свою на поле брани за Царя и Отечество». Весной 1915 года Виленскому реальному училищу, в стенах которого закончилась жизнь князя Олега, было присвоено его имя. В актовом зале установили портрет Олега, а в палате, где он скончался, разместили мраморную доску с надписью «Здесь 29 сентября 1914 г. скончался от ран, полученных в бою с германцами, Его Высочество Князь Олег Константинович. Вечная память безвременно погибшему герою, отдавшему жизнь за Родину». К сожалению, все эти знаки памяти просуществовали недолго — 5 сентября 1915 года Вильна была захвачена противником, в 1918-м стала литовским городом, в 1920-м — польским…

Гибель любимого сына сильно потрясла великого князя Константина Константиновича. «Временами нападает на меня тоска, — признавался он в дневнике. — И я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: Да будет воля Твоя». С начала 1915 года великий князь начал страдать сильными приступами

стенокардии и 2 июня того же года скончался, не дожив двух месяцев до своего 57-летия.

А печальной дневниковой записи Константина Константиновича, увы, суждено было стать пророческой — из восьми его детей умереть не своей смертью было суждено четверым. В июле 1918 года от рук большевиков под Алапаевском погибли князья Иоанн, Игорь и Константин Константинович-младший — их живыми сбросили в глубокую шахту. В ноябре 1981 года Русская православная церковь за границей причислила их к лику святых. Более благополучно сложились судьбы великой княгини Елисаветы Маврикиевны, князей Гавриила и Георгия и княжон Татьяны и Веры, которые смогли эмигрировать. Последней из братьев и сестер князя Олега скончалась Вера Константиновна — она умерла в США 11 января 2001 года, на 95-м году жизни. Долгая жизнь оказалась суждена и несостоявшейся невесте Олега, княжне Надежде Петровне — ее земной путь закончился во Франции в 1988-м…

В 1920-е годы подверглась осквернению и тихая могила героя Первой мировой войны князя Олега. Мародеры украли из гроба шашку, сняли с груди покойного орден Святого Георгия, срезали пуговицы с кителя… После этого надругательства местные жители сами решили перезахоронить останки князя на местном сельском кладбище. Гроб на руках перенесли на другой берег реки Рузы и предали земле возле храма Святого Александра Невского. В 1939-м храм был взорван, кладбище снесено, а на его месте начали строиться частные дома. Через два года сильно пострадала от немецко-фашистских оккупантов сама усадьба Осташёво. Сейчас она пребывает в полуразрушенном состоянии. А не отмеченная никаким знаком могила Олега находится, по утверждениям местных старожилов, под двумя яблонями, подойти к которым нет возможности — растут они на частном садовом участке…

Тем не менее память об Олеге Константиновиче сохраняется в его бывшей усадьбе — там регулярно проходят Романовские чтения, на здании церкви, которая была возведена над первой могилой Олега, установлена мемориальная доска. Помнят знаменитого соученика и в Полоцком кадетском училище, которое стало правопреемником кадетского корпуса.

…«Блажен, кто избран был судьбою, // Свершить великий подвиг свой…» — говорилось в одном из стихотворений, посвященных гибели Олега. Сегодня можно спорить о том, был ли подвиг Олега действительно «великим» и по заслугам ли он получил почетнейшую боевую награду русской армии — орден Святого Георгия 4-й степени. Но с одним нельзя не согласиться —

мужество совсем не военного по духу царственного юноши, которого никто не заставлял идти в армию, его желание не словом, а делом встать на защиту любимого Отечества достойно уважения и восхищения.

В 1915 году в Петрограде увидела свет небольшая книга «Князь Олег» — сборник воспоминаний о павшем герое. Там было сказано: «Во множестве сочувственных телеграмм, полученных родителями после гибели Олега, почти в каждой юноша был назван “светлым”.

И отозвались люди самых разнообразных общественных положений. И летели эти телеграммы решительно со всех концов России и далее всей Европы. Значит, каждому прежде всего хотелось поставить именно это слово, а между тем напечатаны эти телеграммы не были, и многие совсем не знали убитого лично… Его смерть вызвала целый ряд стихотворений, статей воспоминаний самых разнообразных авторов в самых разнообразных органах печати, вышедших почти одновременно. И за очень немногими исключениями везде мы видим все тот же эпитет — “светлый”».

Сегодня мы не можем не признать, что именно это слово — светлый — очень подходит к личности и всей короткой, но в высшей степени достойной жизни князя Олега Константиновича Романова.

ОТЕЦ АНТОНИЙ (СМИРНОВ): *Подвиг с крестом в руках*

С давних пор вооруженные силы России опирались на поддержку Православной церкви. Именно она подавала отечественному воинству примеры великого самоотвержения, мужества, любви к Отечеству, вдохновляла на тяжелый ратный труд. По меткому утверждению видного публициста М.О. Меньшикова, «…штыки, пушки, броненосцы, солдаты — это лишь призрак, за которым должна таиться духовная сила, строй представлений и чувств, что крепче стали. Если для флота необходима известная глубина воды, то еще необходимее известная глубина духа, позволяющая служить, работать и как на праздник идти на смерть». Все великие русские полководцы были глубоко верующими людьми, твердо уповавшими на помощь Господа в самых сложных ситуациях. Это же качество они воспитывали в своих подчиненных. Слова Суворова «Солдату надлежит быть храбру, тверду, решиму, справедливу, благочестиву Молись Богу, от Него победа» — не потеряли своей актуальности по сей день.

Во время Первой мировой войны не раз случалось, что в чрезвычайных обстоятельствах воин мирской падал духом. И тогда вперед с крестом в руках выходил воин духовный — и придавал сил утомленным бойцам. К таким воинам принадлежал и герой этого очерка…

Его жизнь не была богата внешними событиями. И это понятно — человек, связавший судьбу с монашеством, не стремится непременно оставить след в истории своей страны, запечатлеть свое имя для потомства на страницах книг или газет. Сохранилась одна-единственная фотография отца Антония, сделанная уже в немолодом возрасте, а сведения о его судьбе нужно собирать буквально по крупицам, основываясь на скупых данных плохо сохранившихся монастырских архивов.

Родился Василий Смирнов в 1843 году в Самарской губернии в семье священника, рано избрал для себя путь служения Господу и поступил в Самарское духовное училище. Это учебное заведение, в котором дети священников обучались бесплатно, готовило подростков к поступлению в духовную семинарию. По воспоминаниям знавших его во время учебы, Василий «был весьма скромен и отзывчив на нужды близких».

Окончив четыре класса духовного училища, 10 июня 1862 года 19-летний юноша впервые приехал в Мойский Свято-

Троицкий монастырь, расположенный в селе Мойки Бузулукского уезда Самарской губернии. Этой небольшой обители в то время исполнилось только три года. При кладбище имелся деревянный храм во имя Святителя и Чудотворца Николая, построенный в 1859-м владельцем села Мойки Николаем Ивановичем Христом. В монастыре были деревянный жилой корпус на восемь келий, столовая, дом настоятеля с несколькими кельями, баня, вырытая в земле кухня, скотный двор, деревянный флигель с тремя кельями, двумя амбарами, каретником и погребом. Хозяйство состояло из восьми коров и пятнадцати лошадей, при монастыре был также огромный, в тысячу деревьев, яблоневый сад, славившийся на всю округу. Имелась небольшая библиотека, насчитывавшая сто книг, выписывались два журнала — «Странник» и «Современный листок». Настоятелем обители был иеромонах Аарон (Соколов), в недавнем прошлом участвовавший в Крымской войне 1853—1856 годов. За участие в боях отец Аарон был удостоен бронзового креста на ленте ордена Святого Владимира. Неудивительно, что Василий Смирнов смотрел на своего духовного наставника с огромным уважением.

5 января 1864 года епископ Самарский и Ставропольский Феофил посвятил Василия в стихарь, а 26 мая 1865 года указом Консистории Василий Смирнов был утвержден послушником Мойского монастыря. Это означало, что в будущем Василий станет монахом. Как и полагалось послушнику, он поселился в келье с монахом-наставником. В клировых ведомостях монастыря, сохранившихся в фондах Государственного архива Саратовской области, сказано, что в 1866 и 1870 годах Василий исполнял послушания клиросного и письмоводителя. В праздности он не проводил ни минуты, ведь жизнь послушника состоит из постоянного труда, подчиненного монастырскому расписанию…

В Мойском монастыре, готовясь к постригу, Василий Смирнов провел 15 лет. 25 мая 1879 года он по собственному прошению был принят в Казанскую епархию и переведен в Седмиозерную Богородицкую пустынь, размещавшуюся в 17 верстах от Казани. Седмиозерной она называлась из-за семи озер, расположенных рядом и со временем слившихся в одно. История пустыни восходила к 1615 году, когда великоустюжский схимонах Евфимий поселился в дикой, необжитой местности, где время от времени появлялись только язычники-черемисы. Вскоре пример Евфимия привлек еще нескольких монахов и послушников, и в 1627 году был официально открыт монастырь. В его Смоленском соборе хранилась чудотворная икона Смоленской Седмиозерной Божьей Матери, принесенная схимонахом Евфимием; в 1654 году она чудесным образом спасла Казань и окружающий ее край от

моровой язвы, а в 1771-м — от чумы (сейчас эта икона находится в Петропавловском соборе Казани). В 1816 году в обители было учреждено монашеское общежитие, образцом для которого послужил устав Саровской пустыни. Постоянно там находились только 20 монашествующих.

11 июля 1881 года в этой небольшой пустыни 38-летний Василий Смирнов принял монашеский постриг под именем Антония. Как и положено, он принял обеты целомудрия, нестяжательства и послушания и облачился в монашеское одеяние: клобук, черную рясу с кожаным поясом и сапоги. 20 ноября того же года он был рукоположен в иеродиаконы (монах в сане диакона), 12 ноября 1882 года — в иеромонахи (монах в сане священника). 10 марта 1883 года стал ризничим пустыни.

В сентябре 1883 года отец Антоний был перемещен в Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь — одну из древнейших обителей Казанского края, открытую в 1594 году указом царя Федора Иоанновича. Монастырь возвышался напротив Казанского кремля, над Волгой, из его окон были видны подгорная часть Казани и Услонские горы. Отец Антоний был назначен казначеем монастыря, одновременно он состоял духовником при Казанской духовной академии и женском Казанском Богородицком монастыре. За усердное выполнение своих обязанностей 12 февраля 1885 года отец Антоний был награжден набедренником.

В Казани иеромонаху Антонию было суждено провести немного времени. 27 октября 1887 года согласно решению церковных властей он был переведен из Казанской епархии в Астраханскую, в Астраханский Иоанно-Предтеченский монастырь. Эта обитель была основана в 1688 году и к концу XIX столетия была совсем невелика — не считая игумена, в ней находились восемь монахов и пять послушников. Именно этому маленькому тихому монастырю было суждено стать пристанищем отца Антония надолго — в Астрахани провел он более пятнадцати лет. 15 мая 1897 года за усердную службу ему было преподано благословение Священного синода.

26 мая 1903 года отец Антоний переселился в Высокогорскую Успенско-Николаевскую Чуркинскую пустынь. Основанная как подворье Астраханского Троицкого монастыря, с 1762 года пустынь была отдельной обителью, знаменитой не только в Астраханской губернии, но и во всей России в первую очередь благодаря ее настоятелям — архимандритам Евгению и Паисию. В Чуркинской обители отец Антоний провел три года. 16 сентября 1906 года он был переведен в Бугульминский Александро-Невский монастырь. Можно предположить, что этот

перевод обрадовал иеромонаха — ведь небольшой город Бугульма размещался в родной ему Самарской губернии.

Из всех обителей, в которых ему довелось нести служение Господу, Бугульминская была самой молодой — этот монастырь был основан в апреле 1867 года на землях, пожертвованных местными крестьянами. Обитель возвышалась у подножия лесистых гор, у слияния рек Липовки и Сулы. На ее территории было восемь зданий — четыре каменных корпуса с кельями, трапезная, кухня, просфорня, мастерские, странноприимный дом. Имелись также скотный двор, кирпичная кузница, а в двух верстах, на хуторе деревни Никольской, — пасека и мельница. В монастыре было два храма — деревянный во имя Рождества Пресвятой Богородицы, освященный в августе 1867 года, и каменный во имя Святой Троицы, освященный в сентябре 1893-го. Монахами и местными жителями особо почиталась чудотворная икона Божьей Матери «Достойно есть», привезенная в 1870 году со Святой горы Афон. Эта икона сохранилась и сейчас находится в бугульминском храме Святого Георгия Победоносца.

Годы, наполненные трудом и молитвой, летели незаметно. В Александро-Невской обители отец Антоний встретил свое 65-летие. В сохранившихся ведомостях этого монастыря коротко отмечено: «Иеромонах Антоний (Смирнов), очень хорошего поведения».

1909 год стал переломным для пожилого монаха — отец Антоний был призван на пятилетнее служение на флоте. Надо сказать, что этой чести удостаивались только самые достойные священнослужители. Традиция иметь священника на каждом боевом корабле восходила еще к Морскому уставу 1720 года, где говорилось: «В корабельном флоте на каждом корабле иметь по одному иеромонаху». В течение XVIII—XIX веков на флоте служили именно иеромонахи, но к 1914 году их число сократилось до семи человек (одним из которых был отец Антоний). В марте 1721 года в «Инструкции флотским иеромонахам» были сформулированы обязанности корабельных священников. К началу XX века эти требования не изменились, и все 973 флотских священнослужителя России были обязаны строго их придерживаться.

Так, согласно Морскому уставу, корабельный священник должен был ежедневно совершать молитвы и богослужения в походной церкви (с 1853 года они существовали на каждом боевом корабле, а незадолго до начала Первой мировой войны оснащались по проекту, утвержденному в 1897-м). Если же флотский священник без уважительных причин не совершал службы, то, как следует из пункта 14-го главы 1-й Морского

устава, его должны были наказать материально — «за первое отбытие 1 рубль, за другое вдвое, а за третий пропуск отослан быть к начальному священнику во флоте для наказания». Кроме того, священник на корабле был «должен посещать и утешать больных и иметь попечение, дабы без причастия кто не умер», проверять сделанные врачом записи о том, какие лекарства были назначены больным, а о тяжелобольных лично докладывать капитану корабля. По боевому расписанию священник определялся в помощь к врачу и должен был находиться в его каюте, оборудованной под операционную (чтобы священник мог исполнять обязанности медбрата, он проходил на флоте десятидневные курсы). На некоторых кораблях священник при необходимости исполнял и обязанности подносчика снарядов в орудийном расчете.

В быту корабельный иеромонах должен был подавать пример христианской жизни другим. Если же священник вел себя на корабле неподобающим образом, его ждал духовный суд, который определял для него меру наказания — вплоть до лишения сана. Кроме того, в обязанности священника входило обучение матросов грамоте, забота о состоянии корабельной библиотеки, извещение родственников об обстоятельствах смерти умершего или погибшего матроса и организация материальной помощи осиротевшим семьям моряков.

Конечно, на русских боевых кораблях начала XX века служили матросы не только православного вероисповедания. Согласно данным всеобщей переписи населения, в 1897 году в Российской империи проживали 87 123 604 православных, 13 906 072 магометанина, 11 506 809 католиков, 5 215 805 иудеев, 3 762 756 протестантов. Примерно таковы же были пропорции служивших в армии и на флоте. В общении с представителями иных вер корабельный священник был обязан быть деликатным, избегать всяческих религиозных диспутов и следить, чтобы в библиотеке корабля не было книг и брошюр, содержащих резкие выражения в адрес католичества, протестантизма, иудаизма и магометанства.

По образному выражению протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского, военный священник «был учителем, воспитателем в той великой русской школе, какою являлась для огромной части русского мужского населения армия… Ежегодно принимая в свои ряды сотни тысяч молодых людей, в значительном проценте неграмотных и невежественных, армия и флот обучали их грамоте, сообщали им разные знания, дисциплинировали и культивировали их… И в отношении воспитания воинского духа, и в отношении общего обучения и

воспитания нижних чинов священник в воинской, как и в морской части мог играть выдающуюся роль».

Таким образом, любой русский военный корабль начала XX века жил в полном смысле слова напряженной духовной жизнью, которой руководил священник. И сказать, что эта жизнь тяготила моряков, мешала им, было бы глубокой ошибкой. В первый же день пребывания на корабле каждому матросу вручалось Евангелие, которое часто становилось для моряка настольной книгой. В 1910 году благочинный Севастопольского гарнизона докладывал протопресвитеру армии и флота о настроениях среди моряков Черноморского флота: «Явно неверующих не встречалось. Молятся Богу почти все, за очень немногими исключениями… В политических движениях против властей участвовал разве что один… Громадное большинство ни о сектантах, ни о политических партиях не имеет никакого представления. Из женатых 70% женам верны. Пьяниц почти не было, выпивают больше половины. Много непьющих и некурящих».

После тихой жизни бугульминского монастыря, да что там — всей жизни, прошедшей в глубине России, перевод на флот был для отца Антония разительной переменой. Чего стоил один только переезд по железной дороге из Самары в Севастополь!.. 5 июня 1909 года впервые за свою долгую жизнь иеромонах увидел Черное море. Служить ему выпало на минном заградителе «Прут» — бывшем коммерческом пароходе «Москва», спущенном на воду в 1879 году. Водоизмещение корабля — 5959 тонн, экипаж состоял из 9 офицеров, 1 военного чиновника и 296 матросов. Кроме того, на борту корабля находились минная школа и штаб начальника дивизиона заградителей контр-адмирала Николая Георгиевича Львова. «Прут» был вооружен восемью 47-миллиметровыми и двумя 37-миллиметровыми орудиями, тремя пулеметами, но его главным оружием были мины (полный минный запас составлял 900 штук). Это был единственный большой минзаг Черноморского флота, и в случае войны основная тяжесть минных постановок на море ложилась на него. С 22 апреля 1913 года кораблем командовал опытный флотский офицер, капитан 2-го ранга Георгий Александрович Быков.

Как и любому корабельному иеромонаху, отцу Антонию на «Пруте» была отведена отдельная каюта и положена особая шлюпка. Причем он имел право причаливать к кораблю с правого борта — привилегия, которой были удостоены, кроме священников, только флагманы, командиры кораблей и георгиевские кавалеры. За стол в кают-компании он садился вместе с офицерами. А вот сходить на берег флотскому

иеромонаху разрешалось только раз в неделю — в четверг после утренней молитвы. К ночи с четверга на пятницу он обязан был вернуться на корабль. Конечно, привыкнуть к такому распорядку дня немолодому священнику в первое время было сложно. Вместо привычной монастырской тишины — жесткие флотские правила, постоянные учебные тревоги, выходы в море, постановки мин, стрельбы. Вместо деревенского воздуха — черноморский ветер, ласковый летом и обжигающий зимой. Со временем «Прут» стал для отца Антония настоящим домом. В 1914 году срок его пятилетнего служения на флоте заканчивался, но вскоре в жизнь старого священника властно вторглась охватившая Европу невиданная прежде война…

…Начало Первой мировой войны для Черноморского флота не ознаменовалось крупными боевыми действиями — германских и австро-венгерских кораблей в этом регионе не было. Потенциальным противником России на Черном море могла выступить Турция, но два с лишним месяца она хранила нейтралитет. Впрочем, русских военных аналитиков подобное положение дел обмануть не могло — они прекрасно знали, что турецким флотом с 23 августа командует германский вице-адмирал Вильгельм Сушон, а ударной силой этого флота стали германские крейсеры — линейный «Гебен» и легкий «Бреслау». В Турции они получили названия «Явуз Султан Селим» и «Мидилли», но команды этих кораблей оставались немецкими, и фактически «Гебен» и «Бреслау» продолжали быть германскими кораблями, ходившими под флагом Турции. Поэтому в дальнейшем мы будем упоминать эти крейсеры под их немецкими наименованиями.

10 октября 1914 года посол России в Константинополе известил командование Черноморского флота о том, что коммерческие суда, следующие в Черное море, задерживаются турками перед входом в Босфор. Следующие тревожные сообщения поступили в штаб флота вечером 14 октября и утром 15 октября — русские пароходы «Королева Ольга» и «Великий князь Александр Михайлович» сообщали, что встретились с «Гебеном» и «Бреслау», которые шли курсом на север на меридиане Севастополя. Все сомнения по поводу намерений Османской империи рассеялись после получения 15 октября в 17.30 секретной телеграммы из МИДа России: «По достоверным сведениям, Турция решила немедленно объявить войну».

Адмирал В. Сушон планировал начать войну на Черном море вероломным нападением и на военно-морские базы России, и на ее коммерческие порты — почти одновременно обстрелу должны были подвергнуться Одесса, Севастополь, Феодосия и

Новороссийск. Операция должна была начаться в ночь на 16 октября нападением на Одессу. Но командующий Черноморским флотом адмирал Андрей Августович Эбергард имел к этому времени приказ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «не искать встречи с турецким флотом и вступать с ним в бой лишь в случае крайней необходимости» (Ставка явно надеялась на то, что Турция все же не рискнет вступить в войну, и не хотела провоцировать потенциального противника.) В соответствии с этим приказом Эбергард отказался от своего первоначального плана — вывести все наличные силы навстречу противнику и встретить его в море, — и ограничился тем, что установил постоянный дозор на подходе к Севастополю, а экипажи всех кораблей были подняты по боевой тревоге. Как выяснилось впоследствии, этих мер оказалось явно недостаточно.

…В дни, когда разворачивались все эти тревожные события, минный заградитель «Прут» находился на маневрах. В Севастополь он вернулся 15 октября, около двух часов дня, и сразу же командир корабля Г.А. Быков был вызван на линкор «Георгий Победоносец», на котором держал флаг командующий флотом. Адмирал А.А. Эбергард поставил перед «Прутом» задачу — срочно идти в Ялту, принять на борт батальон пехоты и возвращаться в Севастополь. Приказ был необычным для боевого корабля, но дело объяснялось просто: батальон, отставший от своего полка и опаздывавший на фронт, нужно было срочно перебросить к ближайшему железнодорожному узлу, ни одного готового к выходу в море транспорта на базе не было, а «Прут» стоял под парами.

Быков уже знал, что русские пароходы заметили в море крупные силы противника. В беседе с начальником охраны рейдов капитаном 1-го ранга Виктором Захаровичем Бурхановским он откровенно высказал опасение, что может напороться в море на немецкие крейсеры, но… приказ есть приказ. Перед выходом в море отец Антоний отслужил на шканцах «Прута» молебен, и в 17 часов минзаг, загруженный 710 минами, снялся с якоря. Корабль шел затемненный, без ходовых огней, а командир не сходил с мостика, напряженно вглядываясь в расчистившийся к ночи горизонт.

После полуночи перед «Прутом» завиднелись огни Ялты. Но тут из радиорубки поступило сообщение: «Ночь держаться в море. После рассвета возвращайтесь в Севастополь, вскрыв, если появится неприятель, пакет 4-III». В пакете 4-III находились распоряжения на случай войны с Турцией. По приказу Быкова «Прут» вышел на траверз Севастополя и лег в дрейф, ожидая рассвета. Командир минзага думал, что возвращение «Прута» на

базу прикроет мощный отряд русских кораблей. Ему не было известно, что командующий флотом отдал приказ «В случае появления противника поддержите “Прут”» только 1-му миноносному дивизиону, в составе которого были три однотипных устаревших миноносца — «Лейтенант Пущин», «Живучий» и «Жаркий».

Между тем намеченная адмиралом В. Сушоном операция началась. 16 октября в 3 часа 20 минут турецкие эсминцы «Гайрет-и-Ватание» и «Муавенет-и-Миллие» под покровом ночи прорвались к Одессе. Вражеские корабли были опознаны, лишь когда они уже вошли в гавань. «Гайрет-и-Ватание» в упор выпустил торпеду по русской канонерской лодке «Донец», которая почти мгновенно пошла ко дну, а затем двумя снарядами потопил угольную баржу и начал обстрел порта. Эсминец «Муавенет-и-Миллие» открыл огонь по канонерской лодке «Кубанец», но «кубанцы», не растерявшись, начали отвечать и сразу же добились двух попаданий, после чего турки быстро скрылись во мгле. Результатами 25минутного боя стали 17 погибших и 20 раненых русских моряков, повреждения получили четыре коммерческих судна и портовые постройки.

В 6.33 первые вражеские снаряды упали и на Севастополь. За 17 минут линейный крейсер «Гебен» с дистанции 40 кабельтовых выпустил по городу 59 крупнокалиберных снарядов (пострадали батарея № 16, морской госпиталь, угольные склады и жилые дома Корабельной слободки, три снаряда попали в русский линкор «Георгий Победоносец»). Одновременно вели огонь по Севастополю и сопровождавшие «Гебен» турецкие эсминцы «Самсун» и «Тасоз». В ответ восемь русских береговых батарей и «Георгий Победоносец» открыли интенсивный огонь (всего было выпущено 360 крупнокалиберных снарядов, средний темп стрельбы составил 21 выстрел в минуту), но, к сожалению, его результаты были неутешительны — только три снаряда попали в цель. В 6.50 «Гебен» прекратил огонь и начал поспешно уходить от Севастополя. Самое обидное в этом боевом эпизоде — то, что «Гебен» в течение пяти минут спокойно маневрировал… по русским минным заграждениям, которые были отключены только из-за того, что в Севастополе вот-вот ожидали возвращения «Прута»!.. Когда же заграждения догадались включить, было уже поздно.

К этому времени на «Пруте» уже знали, что боевые действия между Россией и Турцией открыты — в 5.20 на минном заградителе получили короткое сообщение, направленное всем кораблям флота: «Война началась». В половине седьмого утра в стороне Севастополя сигнальщики увидели зарево и услышали

мощную канонаду. Всем стало ясно, что база атакована противником. Чтобы не столкнуться с ним, Быков приказал полным ходом идти на Балаклаву, и вскоре слева по борту были замечены силуэты трех кораблей, в которых опознали русские миноносцы. Это спешил на помощь «Пруту» 1-й дивизион миноносцев — «Лейтенант Пущин», «Живучий» и «Жаркий»…

Командир 1-го дивизиона Черноморской минной дивизии капитан 1-го ранга князь Владимир Владимирович Трубецкой прекрасно осознавал, что его устаревшие миноносцы не смогут тягаться с огромным «Гебеном» и двумя эсминцами. Но по его приказу маленькие корабли дали «полный вперед» и, выжимая из старых машин 25 узлов, бесстрашно пошли в отчаянную атаку на уходивший от Севастополя германский линейный крейсер. В ответ загрохотали 150-миллиметровые орудия «Гебена». Четвертый залп оказался роковым для флагманского «Лейтенанта Пущина» — миноносец запылал, получил большую пробоину и, потеряв 7 членов команды убитыми и 11 ранеными, отвернул в сторону. Сильным заградительным огнем немцы не дали русским морякам выйти на дистанцию торпедного залпа, и «Жаркий» с «Живучим» тоже вышли из боя.

На «Пруте» с волнением наблюдали за этой неравной схваткой. «Гебен» находился слишком далеко, и поэтому на минном заградителе были видны только окруженные многочисленными разрывами русские миноносцы. Решив напомнить о себе, капитан 2-го ранга Быков радировал на базу новые координаты своего корабля, но никакого ответа не дождался. Вскоре русские миноносцы пропали из поля зрения, и слева сигнальщики увидели силуэт большого корабля, в котором сразу же опознали «Гебен». Следом шли «Самсун» и «Тасоз». «Прут» попробовал отвернуть в сторону, но германский линкор и турецкие эсминцы полным ходом шли наперехват, и стало понятно, что избежать встречи с противником не удастся… Вскоре на «Гебене» взвился сигнал «Предлагаю сдаться».

В сложившейся тяжелой ситуации капитан 2-го ранга Г.А. Быков принял решение затопить свой минный заградитель. «Прут» мог бы принять неравный бой, но командир опасался того, что 710 мин сдетонируют от первого же вражеского попадания, а в таком случае шансы сохранить экипаж корабля равнялись нулю. Быков приказал застопорить машину, открыть кингстоны и травить пар из котлов. По инерции «Прут» еще какое-то время скользил вперед. На корабле пробили водяную тревогу. Матросы начали грузиться в шлюпки, рубку быстро заволокло дымом — там жгли корабельные документы и шифры, а сигнальный старшина поднял на мачте ответ на предложение германского

линкора: «Погибаю, но не сдаюсь»…

После водяной тревоги на корабле должны были остаться только командир, старший офицер, старший минный офицер и несколько специалистов. Но, вопреки правилам, на палубе задержался и корабельный священник отец Антоний. С крестом в руках он благословлял матросов, которые не решались оставить родной корабль. Кроме того, по свидетельству очевидцев, он осенял крестом и корабли противника с целью обезвредить их действия.

Между тем командир «Гебена» капитан-цур-зее Рихард Аккерманн, убедившись в том, что русские моряки не собираются капитулировать, отдал приказ открыть огонь по «Пруту». В 7.35 шесть 150-миллиметровых орудий с расстояния 25 кабельтов начали обстреливать медленно погружающийся в воду минный заградитель. Первые снаряды легли с перелетом, но второй залп накрыл полубак «Прута». Погиб боцман, на тонущем корабле начался пожар. Командир «Прута» приказал офицерам оставить его в одиночестве — сам он, как и положено капитану гибнущего корабля, собирался остаться на нем до конца.

Но в этот момент рядом с палубой разорвался еще один снаряд. Осколком капитан 2-го ранга Быков был ранен в спину и контужен, а взрывной волной от следующего снаряда его выбросило за борт. Командир ухватился руками за перегруженную шлюпку, но резко отказался от предложения забраться в нее и приказал спасать в первую очередь матросов. Мест в шлюпках на всех не хватало, и вокруг тонущего «Прута» плавало множество людей, вцепившихся в пробковые койки.

Пятнадцать минут «Гебен» продолжал обстреливать беззащитный «Прут». Все это время плававшие вокруг своего корабля моряки подвергались страшной опасности — ведь минзаг уже пылал костром, и минный запас мог сдетонировать в любую минуту. Одновременный взрыв 710 мин не оставил бы никаких шансов на спасение покинувшим «Прут» людям… Но время шло, а чудовищный взрыв так и не прозвучал. А затем и «Гебен» внезапно прекратил огонь, развернулся и покинул место боя. Не молитвы ли отца Антония помогли этому?..

В перегруженных шлюпках шла перекличка. Моряки не могли найти только отца Антония. Кто-то неуверенно сказал, будто видел его в последний раз на верхней палубе минзага. И в этот момент среди клубов дыма, окутывающих горящий «Прут», показался корабельный священник. Он стоял на нижней ступеньке трапа, почти касающейся поверхности моря, и осенял крестом перегруженные до предела шлюпки. Командир корабля крикнул из воды:

— Батюшка, садитесь! Мины могут взорваться!..

К кавторангу Быкову присоединились другие офицеры и матросы:

— Спасайтесь, батюшка!

— «Прут» сейчас затонет!

— Прыгайте в воду, мы вас подберем!..

— Спасайтесь сами, — ответил седой священник. — Мест в шлюпках на всех не хватит, вы молоды, а я уже пожил на белом свете и стар.

После этих слов отец Антоний вернулся в свою каюту, облачился в ризу и, выйдя на горящую палубу с крестом и Евангелием в руках, еще раз благословил команду. Потом направился внутрь гибнущего корабля. Матросы, глотая слезы, провожали глазами любимого пастыря, офицеры поднесли руки к козырькам фуражек, отдавая честь доблестному священнику.

Над морем разгорался холодный октябрьский рассвет. На поле боя остались два турецких эсминца, которые начали подбирать уцелевших из воды. Нос «Прута» поднимался все выше и выше, пламя охватило почти весь минный заградитель. На часах было 8.40, когда пылающий «Прут» встал почти вертикально и с развевающимся на сломанной фок-мачте Андреевским флагом медленно скрылся под водой…

Турецкие эсминцы подобрали из воды трех офицеров (в том числе капитана 2-го ранга Быкова), судового врача и 69 человек команды и пошли догонять «Гебен». Остальные моряки — три офицера и 199 матросов, заполнившие до отказа весельные баркас, катер и вельбот, — направились к берегу и недалеко от Балаклавы были встречены русской подводной лодкой «Судак», которая передала спасенных госпитальному судну «Колхида».

…День 16 октября 1914 года стал трагическим в судьбе еще двух русских черноморских портов — Новороссийска (его обстреляли германский крейсер «Бреслау» и турецкий «Берк-и-Сатвет») и Феодосии (300 снарядов по беззащитному городу выпустил турецкий крейсер «Хамидие»). Но по возвращении в Константинополь контр-адмирал В. Сушон нарисовал совершенно другую картину происходившего. Он сообщил, что русский минный заградитель «Прут»… первым начал минировать вход в Босфор, а набег германских и турецких кораблей на русские черноморские порты был только ответом на эти действия. Истину помогли вскрыть допросы экипажей эсминцев «Самсун» и «Тасоз». После этого послы стран Антанты предъявили Османской империи ультиматум, требуя публично осудить проведенную Сушоном операцию и немедленно выслать из пределов Турции всех немцев. Когда ультиматум был отвергнут, Россия объявила,

что находится в состоянии войны с Турцией. Это произошло 20 октября 1914 года. 23 октября войну Турции объявила Великобритания, 24-го — Франция…

Одними из первых жертв последней Русско-турецкой войны стали погибшие 16 октября 1914 года на «Пруте» лейтенант Александр Владиславович Рогузский (посмертно он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени), мичман Константин Сергеевич Смирнов, боцман Калюжный, 25 матросов. И особой золотой строкой в историю военного духовенства России и Черноморского флота был вписан подвиг 71-летнего священника, который до конца остался верен своему кораблю. В ежемесячнике «Наставления и утешения святой веры христианской» была опубликована статья о поступке отца Антония, в которой говорилось: «В душе поднимается пламя восторга и чувство гордости за своих родных воинов, умеющих с непостижимым геройством умирать за Родину, Царя и святую веру. В то же время возникает чувство глубокой радости и благодарности скромному иеромонаху о. Антонию за духовную мощь, которая проявилась у него при преждевременной могиле на дне морском. Отец Антоний, с крестом в руке и именем Бога на устах, благословляя и осеняя святым крестом своих духовных чад, отдался в объятия смерти, спасая честь русского оружия. На скрижалях истории нынешней войны имя о. Антония, вместе с погибшими на “Пруте” героями-воинами, будет записано золотыми буквами. Неистощим героизм в русском народе».

Подвиг флотского священнослужителя был оценен по достоинству. Отец Антоний стал первым русским военным (и единственным флотским) священником, удостоенным во время Первой мировой войны высшей боевой награды России — ордена Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ об этом был подписан 4 ноября 1914 года). К тому же он стал первым священником, удостоенным этой награды посмертно.

Русские военные священники не принимали участия непосредственно в боевых действиях (в 1915 году Святейший синод издал специальный документ, категорически запрещавший священникам поступать в армию не на духовные должности). И тем не менее многие из них проявили на поле боя мужество и храбрость. Сотни раз священнослужители с крестом в руках водили в атаки «свои» полки (не только пехотные, но и кавалерийские), с риском для жизни причащали раненых на поле боя, совершали богослужения под вражеским огнем. Были и другие, поистине уникальные случаи. Так, иеромонах 311-го пехотного Кременецкого полка отец Митрофан не прекратил службу даже тогда, когда вражеский снаряд пробил крышу храма

и, не разорвавшись, упал рядом с алтарем; священник перекрестил снаряд и спокойно довел службу до конца. Священник 159-го пехотного Гурийского полка отец Николай (Дубняков) заменил убитого командира обоза и благополучно привел обоз к своим. Священник 58-го пехотного Прагского полка отец Парфений (Холодный), случайно наткнувшись на австрийский взвод, пошел к нему с иконой в руках и уговорил сдаться в плен двух вражеских офицеров и двадцать три солдата…

В годы Первой мировой в России существовал довольно сложный порядок награждения военных священнослужителей за боевые отличия и подвиги, совершенные на поле боя. Им последовательно могли быть вручены следующие знаки отличия — набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест от Святейшего синода, орден Святой Анны 3-й степени, сан протоиерея, орден Святой Анны 2-й степени, орден Святого Владимирами степени, палица, орден Святого Владимира 3-й степени, крест от Кабинета Его Императорского Величества с украшением, орден Святой Анны 1-й степени, митра. Несмотря на то, что правилами не было предусмотрено награждение священников орденами с мечами и бантом, известны и такие случаи. Всего за время Первой мировой войны священникам было вручено 304 ордена Святой Анны 3-й степени с мечами, 203 ордена Святого Владимира 4-й степени, 85 орденов Святого Владимира 3-й степени, 248 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте.

Многие священники удостаивались сразу нескольких наград. Так, протоиерей 93-го пехотного Иркутского полка отец Иоанн (Орлов) в один день 27 апреля 1915 года получил орден Святой Анны 2-й степени с мечами и орден Святого Владимира 4-й степени с мечами, а 2 июля 1915 года — золотой наперсный крест на Георгиевской ленте и орден Святого Владимира 3-й степени с мечами. Священник 6-го Туркестанского стрелкового полка отец Николай (Высоцкий) 2 июля 1915 года одновременно получил ордена Святого Владимира 4-й и 3-й степеней с мечами. Общее число священнослужителей, отмеченных в 1914—1917 годах государственными наградами за доблесть на фронте, приближается к двум с половиной тысячам. Если учесть, что через службу в армии и на флоте тогда прошло всего около пяти тысяч священников, эту цифру следует признать огромной.

Из постепенности наград был изъят орден Святого Георгия, которым священники награждались за наиболее выдающиеся подвиги. Впервые высшая воинская награда России была вручена полковому священнику 19-го егерского полка отцу Василию

(Васильковскому) 26 марта 1813 года за храбрость, проявленную во время сражений под Витебском и Малоярославцем. На протяжении XIX века этого ордена удостоились также священник Тобольского пехотного полка отец Иов (Каминский, в 1829 году), священник Могилёвского пехотного полка отец Иоанн (Пятибоков, в 1854 году) и иеромонах 45-го флотского экипажа отец Иоанникий (Савинов, в 1855 году). В 1905 году ордена Святого Георгия 4-й степени был удостоен священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отец Стефан (Щербаковский), впоследствии геройски проявивший себя и на Первой мировой.

В течение 1914—1917 годов орденом Святого Георгия 4-й степени в России было награждено 13 военных священников. Вот их имена:

священник минного заградителя «Прут» отец Антоний (Смирнов);

священник 3-го гренадерского Перновского полка отец Амвросий (Матвеев);

священник 154-го пехотного Дербентского полка отец Павел (Смирнов);

священник 209-го пехотного Богородского полка отец Филофей (Антипычев);

священник 217-го пехотного Ковровского полка отец Владимир (Праницкий);

священник 289-го пехотного Коротоякского полка отец Евтихий (Тулупов);

священник 318-го пехотного Черноярского полка отец Александр (Тарноуцкий);

священник 439-го пехотного Илецкого полка отец Михаил (Дудицкий);

священник 5-го Финляндского стрелкового полка отец Михаил (Семенов);

священник 6-го Финляндского стрелкового полка отец Андрей (Богословский);

священник 7-го Финляндского стрелкового полка отец Сергий (Соколовский);

священник 9-го драгунского Казанского полка отец Василий (Шпичек);

священник 42-й артиллерийской бригады отец Виктор (Кашубский).

Кроме того, священник 245-го пехотного Бердянского полка отец Василий (Островидов) был удостоен Георгиевского креста 4-й степени.

Отдельно стоит упомянуть священнослужителей других

конфессий. Заслуги католических и протестантских священников, как и православных, могли быть отмечены орденами, возведением в должность, наперсными крестами. Представители мусульманского военного духовенства могли быть награждены медалями «За усердие» для ношения на груди или на шее. Однако во время войны полковые муллы не раз получали ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами. Известен единственный случай награждения полкового муллы Ингушского конного полка Хаджи-Таубот Горбакова орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом — «…за то, что в бою 3 июня 1916 года, когда австрийская пехота перешла в наступление… он, въехав вперед в цепь и лаву, возбуждал и зажигал всадников своими речами и личным примером храбрости, пока не был контужен в голову разорвавшимся артиллерийским снарядом». В 1915 году орден Святой Анны 2-й степени получил бакша-лама Менько Барманжинов, окормлявший чинов Донского казачьего войска — калмыков по происхождению. Старообрядческие священники начали допускаться в армию и на флот лишь в июле 1916 года. 4 августа этого года состоялось единственное награждение такого священника орденом — крест Святой Анны 3-й степени с мечами получил Алексей Журавлев, служивший при штабе Западного фронта.

«Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии» — эти слова Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, сказанные в 1915-м, вовсе не выглядят преувеличением. Русские военные священники действительно внесли огромный вклад в укрепление боевого духа армии и флота, не только словом, но и делом поддерживали своих духовных чад, возглавляя отчаянные контратаки и возвращая в окопы упавших духом. А когда было нужно — до конца оставались на гибнущем корабле, уходившем на дно с гордо развевающимся на мачте боевым флагом. Всего в годы Первой мировой погибло 26 военных священников, умерло от ран и болезней 54, 48 было ранено, 47 контужено, 5 отравлено ядовитыми газами, более 100 попало в плен.

…История военно-морского духовенства в России завершилась 23 января 1918 года. Приказ по Морскому ведомству № 83, изданный в этот день, гласил: «Все священнослужители исключаются из списков личного состава флота по морскому комиссариату. Все церковное имущество переходит в национальную собственность Российской Советской Республики». Однако мало известен другой факт: за девять дней до этого, 14 января 1918 года, в Киеве, бывшем тогда столицей Украинской Народной Республики, был утвержден рисунок флага военно-

морского флота Украины. На нем изображался знак Святого Владимира, в навершии которого размещался золотой крест — память о подвиге отца Антония и экипажа «Прута». Так героическое деяние иеромонаха было увековечено не где-нибудь, а на военно-морском флаге страны.

На могиле отдавшего жизнь за Родину мужественного пастыря нет надгробного камня. Остов минного заградителя «Прут» покоится на дне Черного моря, на глубине 124 метра. Но память о тихой жизни отца Антония, так ярко блеснувшей в самый последний день, жива и сейчас.

БРАТЬЯ ПАНАЕВЫ:
За други своя

«Как одна звезда горит ярче другой, так и в общем изумительном подвиге доблестной русской армии выделяются высотой и святостью подвига отдельные некоторые лица. И к числу таких лиц, о подвиге которых в умилении и в счастливом изумлении узнала вся Россия, принадлежат приснопамятные братья Панаевы». Такими словами открывалась изданная в Петрограде в 1917 году книга Е. Поселянина (под этим псевдонимом писал Евгений Николаевич Погожев) «Краса русской армии братья Панаевы». И название этой небольшой книги, на нынешний слух несколько вычурное, нисколько не звучало в то время преувеличением — Панаевы действительно были красой и гордостью нашей армии, ее легендарными героями. На них призывали равняться, им подражали, на их примере воспитывали кадет и юнкеров. Увы, «умиление и счастливое изумление» их подвигом продлились очень недолго — тот самый 1917-й, в котором увидела свет книга Е. Поселянина, словно губкой смыл память о братьях Панаевых из скрижалей отечественной военной истории. Но остались описания их подвига, фотографии, запечатлевшие этих необыкновенных людей, осталась красивая и трагическая легенда, которая сегодня трогает каждого, как и сто лет назад…

Дворянский род Панаевых был внесен в 3-ю часть родословных книг Казанской, Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. По преданию, бытовавшему в семье, Панаевы происходили от новгородцев Паналимоновых, переселившихся при Иване Грозном в Казань. Описание родового герба Панаевых звучит так: «Щит пересечен. В первой, лазоревой части, золотая свирель. Во второй, серебряной части, черный бегущий соболь с червлеными глазами и языком. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Нашлемник: три серебряных страусовых пера. Намет: справа — лазоревый, с золотом, слева — черный, с серебром».

Семья на протяжении многих поколений была накрепко связана с двумя вроде бы далеко отстоящими друг от друга родами деятельности — армией и литературой. Основателем этой традиции стал прадед братьев Панаевых, Иван Иванович Панаев (1752—1796). Пятнадцатилетним юношей он поступил в чине прапорщика на военную службу, а закончил ее секунд-майором в 1781-м. В свободное от службы время Иван Иванович сочинял

философские трактаты и стихи, однако по скромности характера в печать их не отдавал. Именно ему Россия обязана «открытием» популярного в начале XIX века поэта, автора песни «Среди долины ровныя…» А.Ф. Мерзлякова.

Один из пяти сыновей Ивана Ивановича, Александр (1788 — после 1836) также рано выбрал военную службу — 18 ноября 1807 года он вступил в Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полк и 7 ноября 1808-го был произведен в корнеты. В его формулярном списке, датированном 1811 годом, сказано: «В походах и делах против неприятеля не бывал. По-российски, французски, немецки и по-латыни читать и писать умеет, фортификации, физики, натуральной истории, геометрии, географии, всеобщей истории, химии, минералогии, арифметики и фехтовать знает… В штрафах и под судом не был. Повышения достоин». Впрочем, «в походах и делах» гвардейскому уланскому корнету Панаеву 2-му довелось поучаствовать уже совсем скоро — впереди были Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии. Сражался Панаев мужественно, о чем свидетельствует врученная ему 3 июня 1813 года почетнейшая боевая награда — Золотое оружие с надписью «За храбрость». Закончил свою армейскую карьеру Александр Иванович в чине полковника. В 1834—1836 годах он занимал должность предводителя дворянства в Лаи-шевском уезде Казанской губернии, владея там 306 крепостными душами и 1145 десятинами земли.

От отца Александр Иванович унаследовал склонность к изящной словесности — он пробовал силы в литературе, публикуясь под псевдонимами «Адонис». «Древнегреческое» имя не было случайным — Александр разделял с младшим братом Владимиром, известным в 1820-х годах поэтом, увлечение Античностью и даже имена своим сыновьям дал соответствующие: Валериан, Илиодор, Аркадий, Ипполит и Кронид. Трое из пятерых братьев, как и их отец, не чуждались пера. Среди них был и Аркадий Александрович Панаев, родившийся 6 августа 1821 года. С детства по настоянию отца он выбрал военную карьеру — окончив кадетский корпус, служил в одной из самых заслуженных кавалерийских частей России — Уланском Генерал-Адъютанта Князя Чернышева полку, где занимал должность адъютанта при князе А.С. Меншикове. 25 августа 1854 года А.А. Панаев был произведен в подполковники, за участие в Крымской войне в 1855 году удостоился боевого ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом, а 5 февраля 1856-го получил такую же награду, как отец, — Золотое оружие с надписью «За храбрость». В 1859 году Аркадий Александрович

вышел в отставку с производством в чин полковника, но и после этого занимал ответственные посты — в частности, был управляющим имением императрицы Марии Александровны «Ливадия». В 1877 году в двух томах сборника «Русская старина» были опубликованы мемуарные заметки А.А. Панаева о князе А.С. Меншикове.

По воспоминаниям знавших его людей, отставной полковник Панаев «был человек до самозабвения честный и точный в исполнении служебного долга, имел нрав прямой, рыцарский. Прекрасный кавалерист, он очень любил лошадей и был в них большой знаток. Панаев был человеком во всех привычках и взглядах своих чисто русским, отличался большой набожностью».

Аркадий Александрович долго мечтал о счастливой семейной жизни, но женился уже немолодым человеком. Его избранницей стала Вера Николаевна Одинцова. Она тоже происходила из семьи с крепкими военными корнями — ее отец Николай Иванович был поручиком, дед, Иван Иванович, — секунд-майором. 14 ноября 1878 года в семье появился первый ребенок, которому дали имя Борис. Счастью 57-летнего отца не было предела: он души не чаял в своем первенце, сам купал и одевал его (для тех лет это выглядело очень необычно). Между Аркадием Александровичем и Борисом быстро установилась особая тесная связь. Знакомые Панаевых вспоминали, что седобородый полковник в отставке и малыш Боря могли часами вести тихие доверительные разговоры о чем-то, понятном только им двоим.

3 апреля 1880 года в семье родился второй сын — Гурий. От скрытного и застенчивого старшего брата он отличался ловкостью и смелостью. Уже в пятилетнем возрасте Гурий мог забраться в Ливадии на кипарис и раскачиваться на его верхушке, не боясь упасть. Запомнился в семье и такой случай: однажды на конюшню Панаевых заползла гадюка. Пока кучера и конюхи совещались, как бы подступиться к ядовитой змее, маленький Гурий невозмутимо подошел к ней с топором в руках и одним ударом разрубил гадюку пополам.

С годами семья Панаевых разрасталась: 31 августа 1882 года на свет появился сын Лев, а 10 ноября 1884 года — Платон. К этому времени Панаевы уже обосновались в дворцовом пригороде Петербурга Павловске. В 1887-м старший из сыновей, Борис, поступил во 2-й кадетский корпус, расположенный в большом старинном здании на Петербургской стороне. Желание сына связать жизнь с армией не удивило ни Аркадия Александровича, ни Веру Николаевну — они и не предполагали для своих сыновей иной судьбы, кроме как служение Отечеству.

К несчастью, тихое семейное счастье четы Панаевых

оказалось недолгим. 1 апреля 1889 года полковник в отставке А.А. Панаев скончался на 69-м году жизни и был похоронен в Павловске.

Борис, которому было уже десять, очень тяжело переживал смерть любимого отца. И без того застенчивый и сдержанный, он еще больше замкнулся в себе и словно перешел в следующий внутренний возраст: из мальчика стал сразу маленьким мужчиной, твердо знающим, чего именно он хочет от жизни. Целиком сосредоточившись на учебе, он быстро стал лучшим по успеваемости кадетом своего курса.

2-й кадетский корпус, где учился Борис, считался третьим по старшинству корпусом России. Он имел длинную и славную историю, восходившую к основанной в 1701 году Московской пушечной школе. В декабре 1762 года на ее базе в Петербурге был создан Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус, в дальнейшем не раз менявший название и в 1864-м преобразованный во 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию. 22 июля 1882 года эта гимназия стала именоваться 2-м кадетским корпусом, в котором училось 350 кадет, сведенных в три роты. Петербургские кадеты гордились именами своих великих предшественников, героев Отечественной войны 1812 года — М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, В.Г. Костенецкого, П.М. Капцевича, П.П. Коновницына, И.С. Дорохова, А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера. Сами про себя кадеты сложили такое двустишие: «Кто по строю молодецкий? То лихой Второй кадетский».

Срок обучения в кадетских корпусах с 1873 года составлял семь лет. Программа и учебный план в целом соответствовали программе обычного реального училища, но были более насыщенными. Так, на Закон Божий в корпусах было отведено 18 часов, в то время как в реальном училище — 12, на русский язык и литературу — соответственно 33 и 26, математику — 42 и 38, естественные науки — 20 и 20, историю и географию — 24 и 22. Особенно велик был разрыв в иностранных языках: кадеты налегали на них 54 часа в неделю, в то время как их «штатские» сверстники — только 27. Выпускники кадетских корпусов не были обязаны в дальнейшем поступать в военное училище, но гражданскую карьеру после корпуса выбирали только девять из ста бывших кадет.

В корпусе Борис Панаев быстро завоевал всеобщее уважение. После смерти отца никто из соучеников не видел Бориса смеющимся и редко когда — улыбающимся. Молчаливый, замкнутый подросток обращал на себя внимание своей набожностью. И еще однокашники знали, что Борис всегда придет

на помощь, выручит, о чем бы ни шла речь. Так, когда однажды кадет вели в театр, Панаев уступил свое место приятелю: ему очень хотелось попасть на спектакль, но он знал, что другу хотелось еще больше.

Первые два года Борис часто болел и, когда мать навещала его в лазарете, всех поражало, с какой заботой расспрашивал ее Панаев о своих младших братьях — можно было подумать, что он отец большого семейства. По мере того как во 2-й корпус поступали также Гурий и Лев (в 1890-м и 1892-м соответственно), Борис все свободное время уделял братьям: помогал им готовить задания, навещал, наставлял, как вести себя с соучениками и преподавателями (его девизом была фраза «С товарищами будь всегда за начальство, с начальством всегда за товарищей»). Но, в отличие от Бориса, младшие Панаевы не так выделялись в кадетской среде. Блестящих успехов добился Лев, ставший фельдфебелем, а вот Гурий, наоборот, звезд с неба не хватал и вскоре был отчислен из корпуса.

В 1894 году Борис Панаев поступил в Николаевское кавалерийское училище, которому год назад исполнилось 70 лет. Среди русских кавалеристов его называли просто «славной школой», и это было лучшим признанием заслуг училища перед армией. «Школа» готовила офицеров для регулярной кавалерии (такие юнкера были объединены в эскадрон) и казачьих войск (были объединены в сотню). Эскадрон делился на четыре взвода: в первом и третьем числились самые высокие юнкера, второй назывался «Лермонтовским» по имени самого знаменитого выпускника училища, а в четвертом, по-училищному «Малиннике», состояли левофланговые по росту юнкера.

Кавалерийский офицер В.С. Литтауэр, автор воспоминаний «Русские гусары», так описывал «славную школу» в начале 1900-х годов: «Большое, мрачное главное здание школы было построено в начале XIX века, и жизнь, проходившую внутри этого здания, нельзя назвать иначе как спартанской… В спальне с высокими потолками в два ряда стояли койки. Высокий металлический штырь, вделанный в изголовье каждой койки, предназначался для сабли и фуражки; на стоявший в ногах койки табурет ежевечерне аккуратно складывалась одежда.

У стены под углом в сорок пять градусов поднималась до потолка лестница, на которой мы по утрам перед завтраком должны были выполнять обязательное упражнение: подниматься до потолка и спускаться с помощью рук. Я всей душой ненавидел это занятие. Вдоль другой стены тянулся длинный ряд составленных в козлы винтовок. В туалетных комнатах не было ванн или душа, только тазы. Раз в неделю нас водили в русскую

баню, которая располагалась в отдельно стоящем здании на заднем дворе. Камердинеры были единственной позволенной нам роскошью — один на восемь юнкеров».

В то время в большинстве военных учебных заведений России существовал «цук», который заключался в беспрекословном подчинении кадет и юнкеров младших курсов старшим. Николаевское училище славилось своим особым цуком, с которым даже не одобрявший его Борис Панаев спорить не мог — слишком строго соблюдалась юнкерами-николаевцами эта традиция. Каждого, кто поступал в училище, старшекурсники прежде всего спрашивали, желает ли он жить «по славной училищной традиции или по казенному уставу». Если новичок выбирал устав, он не подвергался цуку, но фактически становился изгоем — его преследовало прозвище «красный», с ним общались только по официальным служебным поводам, к нему подчеркнуто строго придирался фельдфебель. Более того, бойкот «красного» продолжался и по его выходе офицером в армию — его не приглашали в офицерское собрание, не разговаривали вне службы и т. п. Жизнь такого человека становилась невыносимой. Зная об этом, практически все новички выбирали цук. Не был исключением и Борис Панаев.

Юнкеров первого года обучения в училище именовали «сугубыми зверями» (а также вандалами, скифами, сарматами, мохнатыми, хвостатыми), а второго года — «корнетами». Самым тяжелым для «зверей» был первый месяц в училище — «корнеты» гоняли их без всякой жалости. Начинался цук с того, что вновь зачисленный в училище юнкер представлялся старшекурснику: «Господин корнет, честь имею представиться: прикомандированный к Николаевскому кавалерийскому училищу кадет Нского корпуса Имярек». Если представление устраивало старшего, он сам шагал навстречу новичку, подавал ему руку и отвечал: «Очень приятно! Корнет Имярек». Если же старшему что-то не нравилось, тот командовал «Кругом, еще раз!» — и так до тех пор, пока «зверь» наконец не представлялся по всей форме…

Училищные будни «зверя» были полны разнообразных трудностей. Например, «зверь» был обязан мгновенно вскочить, если старшекурсник входил в комнату, не смел ходить по одной лестнице с «корнетами», заходить в ту же дверь, смотреться в то же зеркало. Стоило «зверю» зайти в «корнетский угол» комнаты (а такие углы были во всех помещениях училища), как его тут же окликали: «Куда вы, молодой? Это же корнетский угол! Пол провалится!» В училищной курилке «зверь» не смел переступать через черту, проведенную на полу, по преданию, шпорой самого Михаила Юрьевича Лермонтова: это была исключительно

привилегия «корнетов». Кстати, возникновение самой традиции цука приписывалось юнкерами именно Лермонтову.

Время от времени «корнеты» обращались к «зверям» с самыми неожиданными вопросами («Молодой, пулей назовите полчок, в который я выйду корнетом», «Молодой, пулей назовите имя моей любимой женщины» и т. п.). На все эти вопросы «зверь» должен был отвечать мгновенно и без запинки. Например, на фразу «Молодой, что такое жизнь сугубого вандала?» новичок обязан был быстро ответить: «Жизнь вандала есть громадный стеклянный шар, на тонком волоске висящий и разбивающийся при малейшем дуновении благородного корнета!», а на вопрос «Молодой, что такое механика?» — «Механика есть не что иное, как абстракт феноменальной глупости». Иногда вопросы «корнетов» были своего рода загадками, разгадать которые новичкам было непросто. Например, правильным ответом на вопрос «Какие подковы в четвертом эскадроне лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка?» был «В четвертом эскадроне лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка подковы обыкновенные».

Впрочем, среди вопросов, которыми «корнеты» засыпали несчастных «зверей», было много толковых, связанных с особенностями кавалерийской службы. Естественно, новички не могли сразу ответить, что такое брокдаун или шлюз, но после того, как «корнет» разъяснял им, что это болезнь лошадей и часть конской ноги, прилегающей к седлу, такие подробности застревали в памяти уже намертво.

«Зверь» был обязан также назубок знать не только основные даты русской военной истории, но и имена командиров кавалерийских полков и детали их обмундирования, так как «корнет» в любую минуту мог потребовать подробную справку на эту тему. Иногда «корнеты» развлекались и довольно экзотическими способами, например, приказывали новичкам «ходить за мной и вопить белугой», среди глубокой ночи будили их вопросами типа «Молодой, какие пирожки вы больше любите — с мясом или капустой?» или приказывали написать сочинение на тему «Влияние луны на бараний хвост». За непослушание, неверный ответ, недовольный вид или вызывающий тон «корнет» заставлял «зверя» отжиматься от пола или приседать. Обычно наказание сводилось к сотне отжиманий или приседаний, но бывало и больше — триста и даже пятьсот.

Таким образом из училища быстро отсеивались слабохарактерные, нерешительные, слишком строптивые. Училищные офицеры, в большинстве сами в свое время побывшие в шкуре «зверя», считали, что цук вырабатывает в младших уважение к старшим и одновременно боевое братство (ведь через

цук проходили все юнкера, невзирая на богатство и знатность происхождения), и не пресекали традицию. Кроме того, новичок, решивший, что «корнет» оскорбляет его личное достоинство, мог сообщить об этом в «корнетский комитет», состоявший из всех юнкеров-старшекурсников. Если этот комитет находил жалобу «зверя» справедливой, оскорбившего его «корнета» ждало быстрое и весьма суровое наказание.

Через месяц «звери» принимали присягу, и за каждым из них закреплялся «дядька» из старшекурсников, который в течение года обтёсывал новичка, знакомил его с традициями училища и внушал «племяннику» основные правила настоящего кавалериста: быть прекрасным наездником, отлично владеть шашкой, обладать находчивым и напористым характером и, главное, в случае необходимости со славой пасть в бою за веру, царя и Отечество. Через год «зверь» проходил через символическую церемонию «рубки хвостов» и сам становился «корнетом», мгновенно превращаясь из цукаемого в цукающего. Впрочем, отголоски цука встречались и среди армейских офицеров: в любом полку был «старший корнет», главенствовавший над другими, а молодых, только выпущенных из училища офицеров старшие звали «сугубыми».

Надо сказать, что такая своеобразная метода воспитания давала свои плоды. По воспоминаниям офицера-кавалериста М.Н. Мураховского, «…наша доблестная конница, насчитывающая всего 56 армейских полков, представляла как бы особую, замкнутую касту в рядах блестящей Российской Армии. Наличие всего лишь трех кавалерийских училищ вливало в наши полки вполне однородный элемент, прошедший через горнило цука, проникнутый глубокой любовью к конному делу и бесконечно гордящийся званием кавалерийского офицера».

Но вернемся к обычаям «славной школы». Николаевские юнкера по традиции относились к учебе с некоторой прохладцей. Например, на занятиях по химии николаевцы все как один сидели в белых перчатках, чтобы не запачкать рук реактивами, а на занятиях по артиллерии или управлению тылом считалось хорошим тоном получать плохие оценки. И наоборот, гиппологию (науку о лошадях) и уставы юнкера зубрили практически наизусть с большим воодушевлением вне зависимости от того, требовали или не требовали это преподаватели.

Самым торжественным днем в Николаевском училище был училищный праздник — 9 мая. Он отмечался большим обедом, на котором радушно встречали всех выпускников прошлых лет вне зависимости от чинов, а на следующий день училище выступало в летние лагеря, размещавшиеся в Красном Селе. Бараки, в которых

жили юнкера, стояли на левом берегу Дудергофского озера. Конечно, николаевцы пользовались возможностью пофлиртовать с хорошенькими дачницами, но это было рискованно: в любой момент мог появиться дежурный офицер, и нарушителю грозило лишение увольнительной…

12 августа 1896 года Борис Панаев окончил Николаевское кавалерийское училище по первому разряду. Как и все выпускники «славной школы», он надел на палец серебряное кольцо в форме лошадиной подковы, с гвардейской звездой на внешней стороне кольца и надписью «Солдат, корнет и генерал друзья навеки», выгравированной на внутренней стороне. Задолго до выпуска юнкеров знакомили со списком вакансий в кавалерийских полках. Бывший в училище вторым по успеваемости Борис мог выбрать любую престижную лейб-гвардейскую часть, но он предпочел 36-й драгунский Ахтырский полк и 31 августа 1896 года был зачислен в него эстандарт-юнкером. Полк входил в состав 12-й кавалерийской дивизии.

История Ахтырского полка восходила к 1651 году, когда в украинском городке Ахтырка впервые был сформирован его прообраз. В мае 1765 года Ахтырский полк стал гусарским и с тех пор принимал участие практически во всех военных кампаниях, которые вела Россия. Ахтырцы сражались при Ларге, Кагуле, брали Измаил. Во время Отечественной войны 1812 года полк покрыл себя неувядаемой славой в боях под Миром, Салтановкой, у Колоцкого монастыря, под Бородином, Малоярославцем, Вязьмой, Борисовом. Во время Заграничных походов русской армии полк особо отличился в сражении на реке Кацбах под прусским городом Лигниц (ночная атака ахтырцев при свете молний вошла во все учебники кавалерии) и в лейпцигской Битве народов. Часть по праву гордилась многочисленными знаками отличия, полученными за доблесть, — Георгиевским штандартом, серебряными и георгиевскими трубами, знаками на головных уборах и петлицами на воротниках, — и знаменитыми сослуживцами, самым легендарным из которых был поэт-генерал Денис Васильевич Давыдов.

Тяжелым ударом по Ахтырскому полку, как и по всей русской кавалерии, стала реформа 18 августа 1882 года. Тогда все армейские гусарские и уланские полки были преобразованы в драгунские и получили соответствующее обмундирование, вооружение и снаряжение. Так 12-й гусарский Ахтырский полк стал 36-м драгунским Ахтырским. Кавалеристы встретили эту реформу буквально в штыки. Ведь вместе со старой формой и названиями канули в Лету старинные полковые традиции, овеянные порохом Измаила и Бородина.

Видный историк русской армии А.А. Керсновский так описывал реформу 1882 года: «Вдохновителем ее был генерал Сухотин — фактический генерал-инспектор конницы… Исследуя кавалерийские рейды Северо-Американской войны, Сухотин пришел к заключению о необходимости преобразовать всю русскую регулярную конницу на драгунский лад. Против этой, в сущности здравой, мысли ничего нельзя было возразить — драгунская выучка еще Потемкиным признавалась “самонужнейшею и полезнейшей”. Однако Сухотин, человек примитивного мышления, материалист и плохой психолог, начал с того, что исковеркал славные наименования полков русской кавалерии, отобрал у них мундиры, которыми они так гордились (в глазах канцелярских утилитаристов эти “побрякушки” ничего не значили), посягнул на самую душу конницы — ее традиции. Увлекаясь американской ездящей пехотой, он прошел мимо всех сокровищ богатого и славного опыта русской кавалерии… Мода на американских ковбоев привела к упразднению пики, оставленной лишь в казачьих частях… Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, что выполнялось в порядке отбывания номера, но все-таки заметно снижало кавалерийский дух. На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения…

Условия службы в кавалерии стали неприглядными. Новые дикие наименования — “Бугские драгуны”, “Павлоградские драгуны”, “Ахтырские драгуны” — резали ухо кавалеристам и щемили их сердце. Многие офицеры покинули ряды конницы, особенно когда “подрагуненные” полки были одеты в кафтаны и армяки нового псевдорусского покроя и двинуты в захолустные стоянки на западную границу, откуда стала чувствоваться угроза. В Киевском гусарском полку, например, все офицеры подали в отставку, когда их полк, существовавший двести с лишним лет, был переименован в драгунский 27-й».

Единственной традицией, которую удалось отстоять в 1882-м ахтырцам, был… цвет их мундиров. Дело в том, что во время Заграничных походов русской армии 1813—1815 годов ахтырские гусары, сильно поизносившиеся во время боев, оказались во французском городе Аррасе, рядом с монастырем капуцинок. Именно из коричневого сукна, изъятого с монастырских складов по приказу Дениса Давыдова, было пошито новое обмундирование для полка. И на параде одетые с иголочки ахтырцы так впечатлили императора Александра I, что тот повелел полку навсегда сохранить мундиры коричневого цвета. Так что, когда в 1882-м все новые драгунские полки России

получили стандартную темно-зеленую форму, единственным исключением стали «коричневые» ахтырцы. Такими же традиционными были и масти их коней: с первого по третий эскадрон — соловые (желтые со светлыми хвостами и гривами), с четвертого по шестой — буланые (светло-рыжие с черными хвостами и гривами).

Большинство драгунских полков русской армии дислоцировалось на западных границах империи. Местом стоянки Ахтырского полка был Меджибож Летичевского уезда Подольской губернии (ныне Украина) — небольшое местечко у слияния Южного Буга и реки Бужок. В «Трудах Подольского епархиального историко-статистического комитета» за 1901 год это селение описывалось так: «Меджибож принадлежит к лучшим местечкам Подолии; местоположение его довольно красиво; некоторые улицы вымощены; среди местечка высится каменная ратуша с несколькими десятками каменных лавок, древнее здание еврейской синагоги, р.-католический костел. Некоторые каменные дома своею архитектурою несомненно указывают на давность своей постройки. В местечке есть почтово-телеграфное отделение, становая квартира, волостное правление, две аптеки. Кроме еженедельных базарных дней, здесь бывает три годовых ярмарки — 6 января, 6 и 31 марта. Лучшим украшением Меджибожа служит древний величественный замок на мысе, образуемом течениями речек Буга и Бужка… Занимая площадь почти в 300 кв. саж., в плане замок имеет форму усеченной пирамиды с башнями по углам; стены каменные, зубчатые, унизанные бойницами. С внутренней стороны к стенам примыкают постройки-флигеля, в которых в настоящее время помещаются квартиры высших местных военных властей, офицерское собрание и т. п., а посредине — замковая церковь».

С 1831 года Меджибож принадлежал военному ведомству Российской империи. Ахтырцы были связаны с этим местечком с 1877-го — в том году в Меджибоже разместился штаб полка, к которому два года спустя добавился второй эскадрон. С 1895 года в Меджибоже и его окрестностях квартировал весь полк. Его штаб размещался в старинном замке, 1-й эскадрон стоял в селе Ставница, 2-й и 5-й — в селе Русановка, 3-й — в селе Шрубково, 4-й — в селе Западницы, 6-й — в селе Ярославка. Со временем места дислокации немного менялись: так, в 1902-м в Ставнице стояли 1-й, 4-й и 5-й эскадроны, 2-й и 6-й перешли в уездный городок Летичев, а 3-й — в село Требуховцы. С 1908 года по начало Первой мировой войны 1-й, 2-й, 4-й и 5-й эскадроны стояли в Ставнице, а 3-й и 6-й — в Требуховцах.

13 августа 1897 года Борис Панаев был произведен в первый

офицерский чин корнета. А три года спустя к нему присоединился младший брат Лев. К тому времени он тоже блестяще окончил Николаевское кавалерийское училище, где был фельдфебелем. День 13 августа 1901 года стал для братьев-однополчан двойным праздником — Борис был произведен в поручики, а Лев — в корнеты. Незадолго до этого, 27 июля, «шефом», то есть покровителем, Ахтырского полка стала сестра императора Николая II — великая княгиня Ольга Александровна. Такая честь была оказана полку в связи с его 250-летием.

Кстати, судьба Ольги Александровны оказалась крепко связанной с Ахтырским полком. Забегая вперед скажем, что во время Первой мировой войны великая княгиня служила сестрой милосердия в лазарете, основанном на ее средства и расположенном на участке, где действовал полк. Она сама закрывала глаза погибшим гусарам и клала им на грудь медальон с образом Ахтырской Божией Матери и надписью «От Шефа Ахтырскому гусару». А 4 ноября 1916 года в Киеве Ольга Александровна вышла замуж за ротмистра-ахтырца Н.А. Куликовского, став таким образом единственным в истории русской армии шефом полка, который одновременно являлся бы и полковой дамой…

Третий из Панаевых, Гурий, после отчисления из кадетского корпуса все же решил последовать примеру братьев и тоже выбрал судьбу офицера-кавалериста. Правда, поступил он не в Николаевское училище, а в Елисаветградское. Там он приобрел славу прекрасного наездника, доброго и отзывчивого товарища (мог сутками не отходить от постели больного соученика), а также как непримиримый противник алкоголя и азартных игр. История о том, как младшекурсник Гурий вырвал у юнкеров-старшекурсников колоду карт и разорвал ее, стала училищной легендой. Кстати, «корнеты» вполне оценили смелый поступок «зверя» и прониклись к нему уважением. И конечно, никого не удивило, когда по окончании училища Гурий попросился не куда-нибудь, а в 36-й Ахтырский полк. В русской армии вообще было нормой, когда в одной части служили отец и сын, дядя и племянник, братья и другие кровные родственники.

С прибытием в полк Гурия он был назначен начальником учебной команды и на этой должности довел ее до такой степени совершенства, что начальник 12-й кавалерийской дивизии всегда ставил ее в пример другим полкам. Подчиненные искренне любили своего командира, уважительно называли его за глаза «дядькой». А уж мастерством Гурия Панаева как кавалериста восхищались все без исключения. Свою кобылу Вендетту он выдрессировал так, что она в зубах подавала ему форменное

пальто. Лошадей Гурий любил до такой степени, что в письме матери обычно сообщал: «Мы и лошади здоровы» или даже так: «Лошади и мы здоровы».

Так трое старших братьев Панаевых собрались в одном полку. Лишь судьба самого младшего, Платона, складывалась непохоже на них. Он с детства увлекся морем и твердо решил связать жизнь с флотом. Мать и братья одобрили его желание, и в 1902-м Платон поступил в Морской корпус, который окончил вторым по успеваемости и откуда 21 февраля 1905 года был выпущен в чине мичмана вахтенным начальником на крейсер «Россия».

Жизнь Ахтырского полка протекала так же, как в любом армейском полку, расквартированном в провинции. Будучи оторваны от суеты большого города и ограничены в общении, офицеры занимались главным образом боевой подготовкой. Братья Панаевы организовали в полку сразу несколько обществ. В «Ставническую скаковую компанию» (названа по деревне Ставница, где стоял эскадрон Панаевых) входили немногочисленные офицеры, занимавшиеся скачками профессионально и регулярно защищавшие честь полка на дивизионном и окружном уровнях. Бывали у них и более крупные успехи, например, в 1910 году Гурий Панаев на кобыле Ай-Хоп выиграл Международную барьерную скачку в Вене. «Общество любителей конского спорта» было более демократичным, включало почти всех молодых офицеров полка и действовало по праздникам и воскресеньям. Мало-помалу это общество стало неотъемлемой частью полковой жизни, и летом 1913-го ахтырцы даже учредили у себя особый иронический приз — Золотую репу за самое «красивое» падение с лошади на скаку.

В свободное время ахтырцы встречались в офицерском собрании, игравшем в жизни провинциального полка огромную роль. Это был своего рода закрытый клуб со свойственными ему строгими правилами и обычаями. Холостые офицеры полка были обязаны обедать в собрании ежедневно (женатые — два раза в неделю); на ужине присутствовать было не обязательно. Зимой в собрании еженедельно проходили «субботники» — семейные вечера с картами и танцами. Гости со стороны в собрание приглашались очень редко и с большим разбором.

На обед офицеры шли из казарм не переодеваясь, так как затем предстояли еще служебные занятия. Обедали за одним общим столом. За обедом обычно много пили — нормой считались полбутылки водки и три-четыре бутылки пива. Однако напиваться считалось крайне дурным тоном, да и вообще бытовало мнение, что «офицер не может быть пьян — он может только изменить взгляд на вещи». Обстановка царила

непринужденная, хотя чинопочитание соблюдалось неукоснительно. В половине третьего, после кофе, офицеры расходились из собрания по занятиям.

На ужин собиралось гораздо меньше народу — большинство офицеров предпочитали проводить вечера в гостях у своих семейных однополчан. Ужинали компаниями за отдельными столиками, но иногда, если веселье шло особенно хорошо, столы объединялись и офицеры вместе готовили жженку или глинтвейн. На семейных «субботниках» атмосфера царила более сдержанная — все внимание уделялось полковым дамам, которых было обычно немного, не более десяти: с ними играли в карты, танцевали, их занимали разговорами и вообще окружали всяческим вниманием. Ухаживать за женами однополчан категорически запрещалось, уличенного в этом грехе могли запросто выгнать из части.

Офицер-ахтырец А.А. Гернгросс так описывал полковое собрание 36-го Ахтырского полка: «То, что еще не привилось в училище, то молодой офицер впитывал в себя в стенах своего собрания. Собрание блистало чистотой, по стенам висели портреты русских императоров-самодержцев, создавших за несколько веков славу России. Висели портреты русских полководцев… В офицерском собрании молодой офицер воспитывался в беспредельной любви к Государю, верности Родине и обожанию своего родного полка. Войдя в полковую семью, полк становился всем: отходили на задний план и семья, и былые друзья, и полк олицетворял для офицера все самое прекрасное и благородное на свете. Столовая офицерского собрания сверкает огнями. Белоснежная скатерть, хрусталь и серебро сверкает на столе. За столом сидят по чинам. Во главе стола — командир полка, далее — штаб-офицеры, командиры эскадронов и все остальные по чинам. Засиделись за столом, и не хочется расходиться. Левый фланг, то есть корнеты и поручики, молодыми звонкими голосами запевают, обращаясь к старшим однополчанам:

Где гусары прежних лет?
Где гусары удалые,
Председатели бесед,
Собутыльники лихие?

Поют, конечно, стоя. Хриплыми от команд на морозе и ветру, от песен и вина голосами отвечает им правый фланг:

Здесь гусары прежних лет,

Здесь гусары удалые,
Председатели бесед,
Собутыльники лихие!

Вестовые вносят полковую серебряную чару, и встречает ее уже общий хор голосов. Идет вкруг стола полковая чара, и пьют из нее и седоусые старшие офицеры, и совсем юные корнеты. Но вольности не может быть никакой. Каждый помнит свое место. Дисциплина — прежде всего… Загул идет до рассвета, и только блеснут первые лучи солнца в утреннем тумане, едва позолотеют розовые облака, раздаются звуки тревоги. Это командир полка сзывает свой полк на полковое ученье. Все разбегаются по своим квартирам, и денщики льют холодную воду на головы своих господ. Через пять минут полк построен и дружно и весело отвечает на приветствие командира. Долго длится полковое ученье: командир полка знает, что делает, и муштрует своих офицеров, делая упор на тех, кто вчера слегка перебрал. Так воспитывался молодой офицер в собрании, и воспитание не было в том, чтобы приучить молодежь к вину и к тому, чтобы научиться пить не пьянея. Нет, учили тому, чтобы офицер оставался самим собой и не забывал, для чего он носит полковой мундир».

Картина очень выразительная и яркая, но как раз Бориса Панаева она не касалась. Своих сослуживцев он поражал аскетизмом — спал на досках, вместо подушки использовал седло, не употреблял мяса, строго соблюдал посты. Шумных вечеринок чурался, участвовал только в семейных «субботниках», где неизменно выбирал самую невзрачную девушку среди присутствующих и рыцарски занимал ее разговорами весь вечер. Часто Борис проводил ночь на коленях перед иконами, а во время одного из отпусков предпринял поездку в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, где провел несколько месяцев, скрыв свое имя и офицерский чин. В полку чувствовали «особенность» Бориса и уважали ее. Он никому не навязывал своих взглядов и никого не осуждал, но когда Борис входил в офицерское собрание, все легкомысленные разговоры и фривольные шутки сразу смолкали: все знали, что при Панаеве так вести себя нельзя.

Другие братья Панаевы были более «земными» людьми. Но и они тратили полученные на скачках призовые деньги не на что-нибудь, а на путешествия по близлежащим святым местам. Лев Панаев на досуге занимался иконописью. А еще он на свои средства переиздал где-то найденную им книгу 1787 года издания — «Советы военного человека сыну своему». Написанная

архаичным и немного смешным для начала XX века языком, она скоро полюбилась всем офицерам Ахтырского полка и стала для них настольной. В одной из глав этой книги говорилось: «Любите военное знание больше всех других. Любите его до исступления. Если вы не думаете беспрестанно о воинских упражнениях; если не хватаетесь с жадностью за военные книги и планы; если не целуете следа старых воинов; если не плачете при рассказах о сражениях; если не умираете от нетерпеливости быть в них и не чувствуете стыда, что до сих пор их не видали, хотя бы это и не от вас зависело, то сбросьте как можно скорее мундир, который вы бесчестите».

…В 1904 году началась Русско-японская война. Ахтырские драгуны в боевых действиях не участвовали, но Борис Панаев был откомандирован в Заамурский округ пограничной стражи для командования небольшим (всего 20 солдат) пограничным постом. В крупных боях участвовать Борису не довелось, но его пограничникам то и дело приходилось отбивать вылазки противника. В перестрелках с хунхузами поручик Панаев был дважды ранен. Приятель, посетивший Бориса в то время, вспоминал: «Во всем обиходе его жизни чувствовалось, что он и солдаты — одно. На вопрос, не скучно ли ему на посту, он отвечал, что нет, что скучать ему некогда, что “дела много”. Казалось, какое может быть дело на заброшенном посту с 20-ю человеками команды и 20-ю лошадьми. А подтверждение его слов было во всем: в той работе, которая должна быть им применена, чтобы добиться того, что он сделал из своих людей».

О том, какие чувства подчиненные питали к своему командиру, свидетельствуют тексты двух солдатских писем, опубликованных в 1917 году. Солдат, служивший на границе под началом Бориса Панаева, просил в письме: «Уведомьте нас, где наш батенька находится, в какой они сотне их благородие поручик. Мы очень об них тужим и спрашиваем друг друга, где наш учитель. Мы очень желаем к ним попасть служить. Когда мы его повидим, обцеловали бы им ноги и руки, но верно мы их недостойны видеть». А другой солдат писал коротко: «Я жизнь положу за такого командира. У меня отца такого не было».

Храбрость Бориса Панаева на Русско-японской войне была высоко оценена командованием — с границы он привез в родной полк боевые ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненское оружие). Такой набор был мечтой любого молодого офицера. 13 августа 1905 года Борис был произведен в чин штабс-ротмистра. В этот же день Лев

Панаев стал поручиком. Чуть позже он был награжден первым своим орденом — Святого Станислава 3-й степени.

Последствием Русско-японской войны, начавшейся внезапным нападением Японии на Россию, стало создание в 12-м Ахтырском полку «Общества ночных тревожников». Инициатором его учреждения стал Борис Панаев. Каждый участник общества мог в любое время поднять остальных по тревоге, запиской сообщив час и место сбора, форму одежды, вооружение и тип седловки. Когда все собирались, главный «тр-вожник» ставил задачу: найти брод через реку, догнать вражеский разъезд, расстрелять цель на скаку из револьверов. В финале тот, кто устроил тревогу, угощал других скромным, без алкоголя, ужином. Тех, кто уклонялся от неурочной тревоги, штрафовали — сначала на 50 копеек, затем на рубль, потом на три рубля, а потом исключали из общества. По воспоминаниям ахтырцев, самой эффектной была «тревога», которую Гурий Панаев устраивал на каждый Новый год. Все «тревожники» получали в восемь часов вечера записку, извещавшую, что им нужно «двигаться на взрыв». Через полчаса в глубине леса действительно раздавался отдаленный взрыв, и офицеры, ориентируясь только на звук, следовали туда. Какова же была радость всех, когда посреди поляны ахтырцы видели украшенную елку, вокруг которой стояли небольшие барьеры для лошадей. Офицеры верхом водили «хоровод» вокруг елки, а потом начиналось веселье: ели пряники и конфеты с елки, кипятили в походных котелках чай…

Осенью 1907 года Борис Панаев был командирован в Петербург, в Офицерскую кавалерийскую школу. Существовавшая с марта 1882-го, она готовила офицеров кавалерии к командованию эскадроном. Курс обучения, начавшийся 1 октября, был рассчитан почти на два года.

Переменный состав школы делился на младший и старший курсы, каждый из которых — на три смены. Офицеры распределялись по сменам в зависимости от степени выездки лошади и посадки всадника. Будучи прекрасным наездником, Борис Панаев был зачислен в первую смену. Занятия начинались в 8 часов утра и заканчивались в 16 часов. Офицеры изучали в школе тактику и историю конницы, правила верховой езды, воспитание и выездку лошадей. Ученику ежедневно требовалось объездить в манеже четырех лошадей: собственную, казенно-офицерскую, доездку и выездку. Кроме того, проводились практические занятия по фехтованию, вольтижировке, рубке, ковке лошадей.

В Офицерской кавалерийской школе Борис Панаев славился как великолепный дрессировщик. В школу он привез свою

любимую лошадь — кобылу Дрофу. Сослуживец Панаева вспоминал о том, как увидел его на занятиях в манеже: «Вдруг с его головы падает фуражка. Он отдал лошади поводья. Подъехал на ней к фуражке, лошадь зубами схватила фуражку и подала ее всаднику.

— Ого, да она у вас ученая, — сказал я, подъезжая к Панаеву.

Он сконфузился за свою любимицу.

— Это очень полезно, — сказал он мне, — в поле иногда ветром сдунет или за ветку зацепишься и уронишь фуражку. Не нужно слезать. Но она и больше умеет.

И, ездя шагом, он ронял, как бы терял, то платок, то портсигар, и лошадь сейчас же замечала потерю, останавливалась, находила и подавала всаднику.

Потом он прыгал на ней через один поставленный стул, заставлял ее ложиться.

— Моя любимица, — сказал он, слезая и нежно лаская лошадь, — мы с ней сюда вместе в вагоне ехали».

Летом школа принимала участие в маневрах в Красном Селе, а затем отправлялась на парфорсные охоты в белорусский город Поставы, где у графа Пжездецкого арендовались большие угодья с разнообразным ландшафтом. Офицеры младшего курса с 1 по 25 августа должны были выполнить двенадцать упражнений «Охота по искусственному следу», постепенно увеличивая дистанцию с 4 до 10,5 километра, офицеры старшего курса с 25 августа по 10 сентября — семь таких упражнений дистанциями от 8,5 до 21,5 километра. Тем, кто выдержал эти сложнейшие испытания, давалась краткая характеристика «Может ехать на любой лошади» — высшая оценка для кавалериста.

Выпускные экзамены в школе Панаев сдал блестяще — преподаватели говорили, что он знает предметы лучше их самих. На экзамене по ковке лошади Борис подковал все четыре ноги за то время, пока другие экзаменуемые ковали одну. Начальник школы генерал-майор Василий Александрович Химец, имевший славу одного из лучших кавалеристов России, уговаривал талантливого офицера остаться в школе штатным преподавателем, но он предпочел вернуться в родной полк, по которому очень соскучился.

За время отсутствия в части Бориса Панаева произошло радостное событие — 6 декабря 1907 года в русской кавалерии были возрождены гусарские полки. После четвертьвекового перерыва ахтырцы снова стали гусарами. В апреле 1908-го полк получил красивую форму, состоявшую из меховой шапки в виде кивера с белым султаном, однобортного доломана, на груди которого в пять рядов нашивался золотой шнур, суконных

гусарских брюк — чакчир крапового цвета и коротких сапог-ботиков с металлическими розетками. В то время как пять возрожденных гусарских полков получили обмундирование темно-зеленого и светло-синего цветов, а четыре — темно-синего, ахтырцы сохранили свой «фирменный» коричневый цвет доломанов. Забегая вперед скажем, что 26 августа 1912 года в честь столетия Бородинской битвы полку было присвоено шефство его бывшего командира Дениса Давыдова.

Приветствуя возрождение гусарских полков, Лев Панаев написал стихотворение:

Скорей наденьте доломаны,
Гусары прежних славных лет,
Вставляйте в кивера султаны
И пристегните ментишкет.
Для нас сегодня день великий.
Гусар и партизан Денис,
Услыши говор наш и клики,
Из гроба встань, сюда явись.
Ты вдохнови наш пир речами,
Коснись лохани золотой,
Чтоб, черпая вино ковшами,
Мы почерпнули гений твой.
Явись, как раньше то бывало,
Чуть песни дружбы зазвучат,
Ты тут как тут и запевало
На твой настраивает лад.
И я хочу себя настроить
На песни те, что ты певал,
Хочу тебе, Давыдов, вторить
И за тебя поднять бокал.
А мы сейчас подымем чары:
Болтать довольно, пить пора,
Итак, да здравствуют гусары,
За их здоровие, ура!

13 августа 1909 года Борис Панаев был произведен в чин ротмистра. Уже по традиции в тот же день получил повышение и брат Бориса Лев — он стал штабс-ротмистром (год спустя Лев был переименован в штабс-ротмистры гвардии). Радостное известие пришло и от самого младшего Панаева, мичмана Платона, — он получил под командование новую канонерскую лодку «Сибиряк», входившую в состав созданной год назад Амурской речной флотилии.

В начале 1910-х годов появились первые публикации Бориса Панаева в русской военной прессе. В брошюре «Офицерская аттестация» он предлагал, чтобы офицеры ежегодно аттестовались комиссией, избираемой из их же среды. А статья «Пика», опубликованная в журнале Офицерской кавалерийской школы «Вестник русской конницы», сыграла решающую роль в том, что во всей русской кавалерии был возрожден этот род оружия. Во время «драгунской реформы» 1882-го пики, ранее состоявшие на вооружении всех кавалерийских полков, были оставлены только первым шеренгам лейб-гвардейских кирасир и улан. В своей статье ротмистр Панаев так горячо доказывал несправедливость подобного отношения к пике, что в итоге его доводы были признаны Военным министерством убедительными. И в 1913 году на вооружение первых шеренг всех полков русской кавалерии была принята новая стальная пика, которая была значительно легче прежней, образца 1862-го. Ахтырские гусары искренне радовались за однополчанина, а Борис отпраздновал победу своей идеи необычным образом: из Меджибожа он верхом съездил на богомолье в город Ахтырку, где в Свято-Покровском соборе хранилась икона Ахтырской Божьей Матери. Во время этой поездки Борис все время держал в руке новую пику, чтобы показать, как она легка и удобна. (В скобках заметим, что пика образца 1910 года состояла на вооружении русской и советской кавалерии вплоть до Великой Отечественной войны.)

Своего рода квинтэссенцией размышлений Бориса Панаева об армейской службе и роли кавалерийского офицера в полку стала небольшая книга «Командиру эскадрона к бою». В ней Борис Панаев писал: «Раз решена атака, она должна быть доведена до конца, т. е. до последнего солдата. Поворот солдат во время атаки недопустим ни в каком случае, — ни проволоки, ни волчьи ямы, — ничто не служит оправданием “ретирады”. Жалок начальник, атака части которого не удалась, а он цел и невредим.

Пагубно злоупотреблять атаками: отбитые и бесполезные развращают войска. Но, когда часть уже пущена в атаку, она должна твердо помнить: “Либо победа, либо смерть”, — другой исход атаки преступен и должен караться по всей силе военного закона».

Из этих размышлений видно, что Борис Панаев серьезно готовил себя к самопожертвованию во время грядущей войны. Несомненно, первые ростки такого восприятия воинской службы были посеяны в нем еще в юнкерские годы, когда «корнеты» внушали «зверям» одну истину: нет ничего желаннее, чем смерть за Отчизну. В 25 лет Борис писал: «Убитым на войне быть — что выше, почетнее для военного… Как привлекательна смерть

впереди и на глазах своей строевой семьи. Но это смерть легкая. Есть смерть почетнее, зато и во много раз тяжелее. Это смерть кавалериста-разведчика, в одиночку и ночью и в бурю пробирающегося оврагами и лесами, вдали от своих солдат за противником.

Соблазн поберечь свою шкуру силен. Поверить, узнать, как нес он свою высокую службу, нельзя: все равно никто не увидит. Его движет вперед только долг. А там из-за куста, из-за засады уже ждет его роковая пуля.

Его смерти никто не увидит. Как исполнил свой долг, никто не узнает. Если тело найдут случайно, запишут “убитым”. А если и тела свои не увидят, зачислят “без вести пропавшим”. Так умереть я бы желал…»

…10 мая 1914 года 12-й гусарский Ахтырский полк отбыл на маневры в Красное Село под Петербургом. Подготовка к смотру в Высочайшем присутствии шла почти год: эскадронные командиры муштровали младших офицеров, те — вахмистров, вахмистры — рядовых, конский состав перевели на двойной паек. 12 июля 1914 года эскадронные и ротные маневры завершились и на Высочайшем смотре ахтырцы удостоились благодарности из уст Николая II. Но куда более сложным экзаменом был смотр в присутствии главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича — настоящего «поэта» армейской выучки. Офицер-ахтырец А.А. Гернгросс вспоминал: «И вот полк остался один на Красносельском поле. Гусары стали показывать свое строевое искусство. Показывались атаки и на сомкнутую пехоту, и на пехотные цепи, и на конницу, и применялся полк к местности, и неожиданно размыкался и складывался как гармоника, чтобы опять мгновенно развернуться. Долго и внимательно смотрел Великий Князь полк и, в конце концов, пришел в полное восхищение. Все перестроения производились на самых широких аллюрах, и ни разу не произошло ни ломок фронта, ни малейшего замешательства. Неоднократно благодарил полк Великий Князь, а отдельно, обращаясь к офицерам, изволил сказать, что давно он не испытывал такой радости, как это ему пришлось испытать сегодня, видя выучку полка. Его Высочество прибавил, что полк действительно показал себя. В заключении же сказал, что Он уверен, что Ахтырский полк… покроет новой славой свой старый Штандарт».

После маневров Бориса Панаева навестил один из петербургских родственников. Разговор зашел о том, что европейская война неизбежна, а там заговорили и о смерти на поле боя. Родственник спросил у Бориса, какая смерть, по его

мнению, самая красивая.

— Конечно, перед своим эскадроном, — убежденно ответил офицер. Но тут же задумался и после недолгой паузы возразил сам себе: — Нет, есть смерть еще лучше.

— Какая?

— А вот в дальней глухой разведке… Так, чтобы сделать свое дело, послать полезное донесение, и не вернуться…

— Чем же это лучше?

— А потому, что смерть перед эскадроном немножко театральна.

После учения ахтырцев пригласили на обед в присутствии императора, на котором он побеседовал с каждым из офицеров, произнес тост во славу полка и произвел его командира, полковника Николая Васильевича Трингама, в генерал-майоры. Сразу после обеда 17 офицеров, среди которых были и братья Борис и Гурий Панаевы, отправились в Красносельский театр, отмечавший полувековой юбилей. Но досмотреть спектакль до конца не пришлось — в конце третьего действия полковой адъютант поручик Георгий Псиол сообщил командиру текст срочной телеграммы: «Немедленно выступить на зимние стоянки. Посадка первого эшелона в Гатчине в 2 часа 40 минут ночи сего числа». Покидали театр офицеры в тревожном настроении — все понимали, что это война. В полночь в расположение части прибыла сестра императора, великая княгиня Ольга Александровна — «шеф» ахтырцев. Она благословила «свой» полк иконой Ахтырской Божьей Матери, а каждого офицера поцеловала в лоб.

Эшелоны с полком направлялись на юго-запад, где развертывались четыре русские армии. 12-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта А.М. Каледина была выдвинута южнее линии Красник — Владимир-Волынский — Проскуров. Боевой дух ахтырских гусар был чрезвычайно высоким — сказывался успех на недавних маневрах, полученное на высшем уровне одобрение. Поэтому новость о начале боевых действий с Австро-Венгрией, услышанная в полку поздним утром 24 июля, обрадовала и офицеров, и рядовых гусар.

Боевая обстановка на участке фронта, занимаемом ахтырцами, сразу же начала складываться в пользу русских войск. Первый крупный бой во время Первой мировой полк принял 13 августа 1914 года. У галицийской деревни Демня (ныне Бережанский район Тернопольской области Украины) авангард ахтырцев должен был выбить противника с позиций за длинной, около двух верст, извилистой плотиной, примыкавшей к железнодорожному полотну. Задача считалась невыполнимой, но

ротмистр Борис Панаев буквально умолял командира полка разрешить ему рискнуть. В конце концов генерал-майор Н.В. Трингам согласился с доводами подчиненного и дал приказ атаковать противника.

Прозвучала команда «Шашки вон, справа по три марш-марш!», и 2-й эскадрон во главе со своими офицерами — штабс-ротмистром Силой Чадовым, поручиком Борисом Немцовым, корнетами Николаем Ильяшенко и Иваном Сусалиным — бросился в атаку. Впереди на своей верной Дрофе мчался Борис Панаев. Старшего брата поддерживал штабс-ротмистр Гурий Панаев со своим 4-м эскадроном.

Атаковавшие в конном строю гусары сразу же попали под сильный фланговый огонь австрийцев. Летевший впереди своего эскадрона Борис буквально через минуту был тяжело ранен в ногу, но, не обращая внимания на страшную боль в раздробленной голени, первым прорвался под огнем через мост и плотину, промчался через деревню Демня и по крутому подъему повел гусар к горному лесу, где засел противник. На окраине деревни — еще одна рана, уже в живот… Чтобы не упасть, ротмистр ухватился за луку седла, где была приторочена сумка с фамильной панаевской иконой Преображения Господня. Впереди завиднелись оплетенные колючей проволокой деревья. «С Богом, за царя! Руби проволоку!» — скомандовал командир гусарам, крикнул трубачу, чтобы тот взял у него сумку с иконой, и схватился с австрийским офицером. Но в следующий миг пал, пораженный сразу двумя пулями — в висок и в сердце…

Бой закипел с еще большей яростью. В конце концов австрийская бригада дрогнула и бежала с поля сражения, потеряв 80 человек убитыми, 155 пленными, четыре зарядных ящика и много лошадей. У русских было ранено четверо рядовых гусар и погиб единственный офицер — Борис Панаев. Его смерть на виду своего эскадрона оказалась совсем не театральной, а простой и возвышенной…

Ротмистр 12-го гусарского Ахтырского полка Борис Аркадьевич Панаев стал первым офицером русской армии, удостоенным ордена Святого Георгия 4-й степени посмертно (такие награждения стали возможны после введения в 1913 году нового Статута этого ордена). Высочайший приказ о награждении был подписан 7 октября 1914 года.

Бориса похоронили в Павловске рядом с отцом. Писатель Е. Поселянин свидетельствовал: «Мне довелось быть на похоронах этого необыкновенного солдата-подвижника. Что-то торжественное, беспечальное, победное чувствовалось у его гроба, как у гроба всех чистых людей».

…Второй по старшинству брат, Лев, во время объявления войны находился в далекой командировке в Урге (ныне Улан-Батор, Монголия). Узнав о войне 22 июля, он немедленно выехал в Россию. Так как начальство не отпускало его, Лев сказал, что его укусила бешеная собака и ему нужно ехать делать прививку в Иркутск. До ближайшей железнодорожной станции молодой офицер мчался верхом несколько дней. А на фронт, в свой полк приехал буквально через день после смерти Бориса… Подробности гибели старшего брата рассказал Льву Гурий. Никто не знал, что его срок настанет буквально через две недели…

28 августа 1914 года австро-венгерские войска перешли в наступление по всему фронту. В тяжелейшем положении оказалась 48-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова — охваченная с трех сторон превосходящими силами врага, она была вынуждена отойти за реку Гнилая Липа. Командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов приказал начдиву 12-й кавдивизии А.М. Каледину спасать положение. Приказ Брусилова звучал по-суворовски коротко: «12-й кавалерийской дивизии — умереть. Умирать не сразу, а до вечера».

На помощь пехотинцам А.М. Каледин бросил три спешенных кавалерийских полка, оставив ахтырцев в резерве. Но силы были слишком неравны. И тогда, чтобы спасти от полного уничтожения остатки пехоты и спешенной кавалерии, в смертельный бой пошли четыре эскадрона 12-го гусарского Ахтырского полка. Атака в конном строю на пулеметы, артиллерию и наступающую вражескую пехоту была полным безумием, но другого выхода не было.

Свидетель этого боя описывал его так: «В 3 часа дня было получено приказание: “Ахтырскому полку атаковать пехоту”. Быстро сели на коней гусары и стали подниматься из лощины на бугор. Австрийцы, видя, как разворачиваются наши эскадроны, переместили на нас весь огонь, не желая допустить атаки. Под сильным свистом пуль, совершенно спокойно, командир полка генерал-майор Н.В. Трингам командует: “Шашки, пики — к бою, атака на пехоту, повзводно, по два взвода в одну шеренгу на 100 шагов дистанции, рысью”, а затем “галопом, марш-марш”. Лихо и стремительно пошли мы все вместе (3-й, 4-й, 5-й и 6-й эскадроны), быстро рассыпавшись в указанном направлении атаки на пехоту. Полные завета наших отцов и прадедов, и зная, что начальник дивизии верит нам и знает, что ахтырцы исполнят с честью его приказание, мы шли на не расстроенную, а, наоборот, на энергично наступавшую пехоту, наткнулись на окопы, вырытые в разных направлениях, попали под сильный

огонь пулеметов и такой же шрапнельный огонь. Пронеслись мы, поражая врага около 4-х верст, обратив австрийцев в паническое бегство, но на четвертой версте были остановлены топким болотом, преградившим наше дальнейшее продвижение. Возвращались назад спокойно, провожаемые огнем артиллерии. Наши “буланчики” быстро пронесли нас вперед, трудно их было сдерживать. Люди шли весело, с безумной храбростью, не обращая внимания на то, что наши ряды все редели и редели. Мы все находились в аду, но с честью выполнили возложенное на нас поручение, как подобает ахтырцу. Каждый думал одно: “Я — Ахтырец!”».

В этом бою участвовали двое Панаевых — командир 4-го эскадрона Гурий и командир 5-го эскадрона Лев. Сражаясь, братья старались не выпускать друг друга из виду, но схватка была слишком ожесточенной. Эскадрон Гурия прорвал две линии обороны противника. Потом под ним убили лошадь, и штабс-ротмистр продолжил сражаться уже пешим, с шашкой в руках. Ворвавшись в австрийский окоп, Гурий был смертельно ранен пулей и осколком снаряда в грудь. Офицерам 12-го уланского Белгородского полка, увидевшим, как он упал, он еще успел крикнуть: «Пошлите матери сказать, что я убит в конной атаке»…

После боя Лев долго искал тело погибшего брата. Его удалось найти только через несколько дней — в каком-то овине, ограбленным. Мародеры чудом не заметили на теле Гурия фамильную панаевскую икону Преображения — ту самую, с которой две недели назад погиб Борис Панаев…

Героическая атака ахтырских гусар 29 августа 1914 года фактически спасла 48-ю пехотную дивизию от разгрома и восстановила положение на фронте. После боя начдив А.М. Каледин поблагодарил каждый эскадрон полка по очереди, сказав: «Вы спасли положение, Вам все обязаны, Вашей атакой выиграно дело, сердечное Вам спасибо, господа». В атаке 29 августа 1914 года смертью храбрых пали четыре офицера-ахтырца, в том числе командир полка генерал-майор Н.В. Трингам, и 44 гусара. Ранены были 5 офицеров и 72 гусара, 14 человек пропали без вести. Многие были награждены за храбрость боевыми орденами. Ротмистр Лев Панаев за отличие в атаке 11 октября 1914 года был удостоен Георгиевского оружия за то, что «личным примером довел эскадрон до удара холодным оружием, несмотря на встречные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника». Такую же награду в свое время получили его отец и дед. Одновременно со Львом Георгиевского оружия были удостоены ахтырцы полковник Георгий Иванович Елчанинов, подполковник

Владимир Иванович Вишневский и ротмистр Георгий Борисович Диамбеков. А Гурий Панаев был посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Высочайший приказ об этом был подписан 13 января 1915 года…

Тело павшего героя было временно погребено в деревне Демня, затем гроб отправили для захоронения в Павловск.

Лев остался один. Принявший командование над полком полковник Николай Иванович Одинцов назначил его командиром осиротевшего 4-го эскадрона. На душе после гибели братьев было невероятно тяжело, тем более что 27 августа, за два дня до смерти Гурия, Лев лишился еще и своего ближайшего полкового друга — поручика Николая Флегонтовича Темперова. Его гибель он так описал в письме матери сослуживца: «Глубокоуважаемая Мария Николаевна, Ваш драгоценный сын, а наш незаменимый друг Николаша, умер славной смертью честного и храброго воина. Господь призвал его к себе 27 августа, в четырех шагах от меня упал Николаша во время рукопашной схватки. Мы атаковали в штыки с. Горожаны и выбили австрийцев. Николаша хотел пощадить одного из них и подбежал к нему, чтобы обезоружить, но тот не был благороден и, не обратив внимание на великодушие Николаши, выстрелом в голову убил его. Австриец этот был взят в плен, но я его расстрелял тут же, чтобы хоть немного удовлетворить себя и людей в момент тяжелой утраты. Господь Бог да пошлет Вам утешение в скорби и с праведниками упокоит чистую душу Николаши. Тело его мы похоронили в с. Демния, близ м. Николаева в ограде церкви, через три дня рядом с ним я похоронил моего брата Гурия, который погиб тоже славной смертью во время атаки. Вы знаете, что они были истинными друзьями и случайно оказались лежащими вместе. Гурий убит 29 августа. 13 августа Господь таким же образом призвал моего старшего брата Бориса. Вот какие утраты, дорогая Мария Николаевна, понесли Вы и моя мама, положив на алтарь Отечества дорогие жертвы. Господь дарует нам победу и этим посылает утешение и помогает умирать бодро. У нас среди офицеров убито 8 и ранено 4.

Ваши письма, адресованные моим братьям, я получил вчера только и поэтому решился Вам писать, хотя знаю, как тяжело Вам будет читать это письмо. Да поможет Вам в скорби Ахтырская Божья Матерь, пред крестом стоящая и взирающая на страдания своего Божественного Сына. Уважающий Вас Л. Панаев». Глубоко мучил Льва и бессудный расстрел австрийца, убившего Темперова. «Этого австрийца я велел расстрелять, но только по горячке, и мне неприятно, так как он молил о пощаде и ограждал себя крестным знамением, — писал он своей матери. — Скажи об

этом батюшке и попроси помолиться за упокой души этого несчастного австрийца. Он, видишь ли, поступил вероломно: перед тем, как выстрелить, махал платком и сдавался».

Однополчане как могли поддерживали Льва в его горе. У многих офицеров в то время сложилось впечатление, что он сосредоточенно готовится принять смерть в бою по примеру Бориса и Гурия. Все свои сбережения Лев отдал в помощь семьям погибших гусар 4-го эскадрона, а в свободное время делал наброски для полотна, посвященного братьям. Он писал: «У меня осталась заветная мечта — запечатлеть на картине подвиги братьев, особенно Гурия, так как Борис, вероятно, будет увековечен и так».

В начале января 1915 года в 12-й Ахтырский полк был командирован самый младший брат Панаев — лейтенант военно-морского флота Платон. Он практиковался в артиллерийской стрельбе по наземным целям, что было необходимо для офицера речной флотилии. Лев давно не видел младшего брата и был очень рад его приезду. Платон рассказал, что после окончания Офицерского артиллерийского класса служит в Сибирском флотском экипаже, а сейчас готовится к должности флагманского артиллерийского офицера штаба командующего Сибирской флотилией.

Два дня, проведенные в Ахтырском полку, настолько потрясли морского офицера, что тот загорелся желанием… перевестись в кавалерию. Сам Платон Панаев так вспоминал об этом: «Я пробыл в Ахтырском полку около двух дней и понял, почему знаменитая атака четырех эскадронов этого полка 29-го августа могла спасти положение на нашем левом фланге. Если во всей армии такой дух, то для нее нет ничего невозможного. Трудно перечислить все признаки, характеризующие налаженную часть, верящую в свою силу, поэтому приведу лишь то, что особенно врезалось в память. В соседней с офицерской просторной избе собрались песенники 4-го эскадрона. Пелись исключительно военные песни. Многие из них в красивых стихах излагали всю историю полка, другие — отдельные войны, 1812 год и т. п. Никогда я не забуду восторженные лица и горящие глаза песенников. Готовность на всякие подвиги, любовь и преданность к живущим с ними одной жизнью офицерам, из среды которых многие уже показали “смерти доблестной примеры”, сквозили во всех движениях… Сильно взволнованный я вернулся в нашу хату… Долго потом, вспоминая славный полк, я мысленно повторял слова песни:

Все Ахтырцы и все хваты,

Удалые все ребята,
С ними командир…»

По окончании своей командировки Платон пришел на прием к командующему 8-й армией А.А. Брусилову и подал ему рапорт с просьбой о переводе в Ахтырский полк. Брусилов отреагировал коротко: «Панаевы — героическая семья, чем их больше в полку, тем лучше». Радости Платона не было предела, Лев тоже был счастлив, что теперь будет служить вместе с младшим братом.

…Тяжелые бои на Юго-Западном фронте между тем продолжались. 19января 1915 года 4-й эскадрон 12-го Ахтырского полка получил приказ оказать помощь русской пехоте, которая не могла удержать захваченные ею вражеские окопы у села Лютовиско (ныне Старосамборский район Львовской области Украины). Гусары спешились и, увязая по пояс в снегу, двинулись на помощь пехотинцам, до которых было 500 шагов. За четвертым эскадроном поднялся в атаку шестой, затем к гусарам присоединился стрелковый полк… В морозном воздухе раздалось нарастающее «ура». Австрийцы, заметив приближающуюся русскую цепь, открыли по ней ураганный огонь. Ротмистр Лев Панаев успел пройти по снегу только 50 шагов из полутысячи. Его жизнь оборвали сразу две пули в живот… Увидев, что командир убит, командование на себя взял корнет 4-го эскадрона Александр Забелло. Под его руководством гусары достигли нужного рубежа и закрепили его за собой…

11 сентября 1915 года ротмистр Лев Панаев был посмертно удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. В Высочайшем приказе было сказано, что Лев, «командуя эскадроном, несмотря на сильный оружейный огонь противника, проявил выдающееся мужество и, увлекая своим примером других, первым бросился на неприятельский окоп, выбил противника и занял господствующую высоту, причем смертью запечатлел свой подвиг».

После смерти Льва Панаева последнего оставшегося в живых брата Платона отозвали из действующей армии в Петроград, где зачислили по Морскому ведомству. Вскоре Платон подал рапорт о переводе его на флот, его поддержала мать. Просьбу офицера удовлетворили. 8 июня 1915 года он был произведен в старшие лейтенанты, 7 декабря этого же года награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненским оружием), а 10 апреля 1916 года — орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами…

Подвиг гусарских офицеров братьев Панаевых, отдавших жизнь за Отечество, получил широкую известность в России.

Вскоре было решено удостоить особой награды и мать, воспитавшую героев, — Веру Николаевну Панаеву. Она стала первым и единственным кавалером Знака отличия Святой Ольги, учрежденного в России в 1913 году в связи с 300-летием дома Романовых.

2 апреля 1916 года, находясь в Могилёве, император Николай II издал рескрипт на имя военного министра, в котором излагались причины награждения В.Н. Панаевой:

«Братья Панаевы, проникнутые глубоким сознанием святости данной ими присяги, бесстрашно исполнили долг свой до конца и отдали жизнь свою за царя и Родину.

Все три брата награждены орденом Св. Георгия 4-й степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших грудью на защиту Меня и Отечества.

Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности престолу и Родине.

Сознание, что дети ее честно и мужественно исполнили долг свой, да наполнит гордостью материнское сердце и поможет ей стойко перенести ниспосланное свыше испытание.

Признавая за благо отметить заслуги передо Мною и Отечеством вдовы полковника Веры Николаевны Панаевой, воспитавшей героев сыновей, жалую ее в соответствии со ст. 8 Статута Знака отличия Св. Равноапостольной Княгини Ольги сим знаком 2-й степени и пожизненной ежегодной пенсией в 3000 рублей».

Память павших братьев почтили в стенах их родных учебных заведений. 5 апреля 1916 года рескрипт императора был торжественно оглашен в стенах Николаевского кавалерийского училища. Его текст был выбит на мраморной доске и размещен в одном из залов училища. А во 2-м Петроградском Петра Великого кадетском корпусе состоялось торжественное собрание памяти братьев Панаевых. Выступая на нем, писатель Е. Поселянин обратился к кадетам:

— Никогда, никогда не забывайте этих трех людей, птенцов общего с нами гнезда… Дай вам Бог прожить и прослужить, как они, и, если судит Бог, умереть в нужный час, как они.

По заказу Николаевского училища знаменитый скульптор Всеволод Лишев, сам в прошлом офицер, начал работать над бронзовым барельефом, изображавшим Веру Николаевну Панаеву в образе древнерусской боярыни, благословлявшей иконой и тремя мечами склонившихся перед ней русских витязей. К сожалению, этот замысел так и не был воплощен в жизнь.

Похоронены братья Панаевы были на городском кладбище Павловска. На их могилах появились красивые мраморные надгробия. Во время Великой Отечественной войны нацистские оккупанты демонтировали их и вывезли в Германию.

Мать героев, единственная женщина — кавалер Знака отличия Святой Ольги Вера Николаевна Панаева умерла в Павловске в 1923 году Ей выпала страшная участь — пережить всех сыновей: старший лейтенант Платон Панаев погиб в 1918-м…

…Завершая рассказ о жизни братьев-героев, автор книги «Краса русской армии братья Панаевы» Е. Поселянин восклицал: «Так жили и так умерли братья Панаевы, и неужели бесплодна была их смерть? Нет, те высоты духа, которых достигли они, манят за собой и других благородных и мужественных людей, и память об этих трех братьях-героях… не умрет в России, и будет живым примером увлекать к новым подвигам таких же, как они, благородных офицеров».

Память о братьях Панаевых продолжала жить и после того, как страна, за которую они отдали свои жизни, канула в небытие. Свято чтили своих героев в Ахтырском гусарском полку, который был восстановлен в рядах Вооруженных сил Юга России. Помнили сослуживцев те гусары, которым удалось уцелеть в жестоких вихрях XX столетия. А высочайший шеф полка и жена ротмистра-ахтырца Н.А. Куликовского великая княгиня Ольга Александровна своего второго сына, родившегося в 1919-м на Кубани, в память одного из братьев Панаевых назвала Гурием. Так внук Александра III и племянник Николая II получил имя в честь гусарского офицера, павшего на Первой мировой войне… Интересно, что Гурий Николаевич Куликовский тоже стаи гусаром, служил в датской армии и вышел в отставку в чине капитана в 1948 году.

В современной России традиции 12-го гусарского Ахтырского полка бережно воссозданы участниками военно-исторического клуба «Ахтырские гусары». А имена отдавших жизни за Родину Бориса, Льва и Гурия Панаевых, как и имя их матери Веры Николаевны, воспитавшей сыновей-героев, навсегда останутся в военной истории нашей страны.

АЛЕКСАНДР КАЗАКОВ:
Судьба первого русского аса

Так сложилось, что если сейчас в России и вспоминают военных летчиков времен Первой мировой войны, чаще всего разговор ограничивается упоминанием имени Петра Николаевича Нестерова — автора «мертвой петли», первого пилота, ценой собственной жизни таранившего противника в воздухе. А ведь в течение 1914—1918 годов «войну над крышами» вели сотни мужественных офицеров и солдат, прославившихся блистательными подвигами. Наш рассказ пойдет о самом результативном русском летчике времен Первой мировой войны — первом летчике-истребителе в полном смысле этого слова…

Военная авиация Великой войны была, пожалуй, самым элитным и в то же время самым демократичным родом войск (вернее, так говорить нельзя, поскольку формально ВВС относились к инженерным войскам). Здесь не было места карьеризму, не работали связи — в цене были только индивидуальные качества каждого летчика, его умение и мужество. Не случайно в авиацию переводились самые инициативные, дерзкие и деятельные офицеры из разных родов войск, и за штурвалом самолета можно было встретить кого угодно — от флотского лейтенанта до казачьего сотника, от рядового-вольноопределяющегося до полковника. Но охотнее всего летчиками становились кавалеристы — им нравились присущие воздушному бою скорость и лихость, роднившие авиацию с конницей.

Александр Александрович Казаков, а именно о нем пойдет речь ниже, был настоящим кавалеристом по натуре — отважным, напористым, не терпевшим рутины, холодному расчету предпочитавшим немедленное действие. Он родился 2 января 1889 года в Херсонской губернии в дворянской семье и рано выбрал военную карьеру. В десятилетнем возрасте мальчика определили в Воронежский кадетский корпус. У этого учебного заведения была уникальная история — корпус был основан на средства, пожертвованные ветераном Отечественной войны 1812 года генералом Н.Д. Чертковым, при этом сам Чертков категорически возражал против того, чтобы корпус назвали его именем. В итоге в 1845 году был открыт Михайловский воронежский кадетский корпус (11 января 1905 года он был переименован в Воронежский Великого Князя Михаила Павловича кадетский корпус). Среди его знаменитых выпускников были

создатель легендарной винтовки-«трехлинейки» С.И. Мосин, изобретатель электрической лампочки А.Н. Лодыгин, поэт Ф.Н. Берг, журналист А.С. Суворин.

Белые погоны с красивым вензелем «М», увенчанным короной, Саша Казаков носил до 1906 года. Кадетские годы закалили его, сделали подростка юношей и, самое главное, окончательно дали понять — с выбором профессии он не ошибся. Летом 1906-го 17-летний Александр поступил в Елисаветградское кавалерийское училище, которое готовило офицерские «кадры» в основном для Киевского, Одесского и Харьковского военных округов. Казаков с удовольствием облачился в положенную юнкерам этого училища драгунскую форму с алыми погонами. К строгому распорядку армейской жизни юноше было не привыкать с кадетских времен, и суровый училищный быт не был для него в тягость.

Два училищных года пролетели быстро. 5 июня 1908 года корнет Казаков был выпущен в 12-й уланский Белгородский Его Величества Императора Австрийского, Короля Венгерского Франца Иосифа полк, расквартированный в городке Проскуров Подольской губернии (ныне — Хмельницкий, Украина). Вместе с 12-м драгунским Стародубовским, 12-м гусарским Ахтырским и 12-м Донским казачьим полк входил в состав 12-й кавалерийской дивизии. Уланский Белгородский был одним из самых старых и заслуженных полков русской армейской кавалерии — белгородские уланы прославились доблестью во время участия в Заграничном походе 1813 года и Русско-турецкой войне 1877—1878 годов, а старшинство полка считалось с 9 мая 1701 года.

2 декабря 1908 года Казаков получил свою первую награду — медаль, посвященную 60-летию правления императора Австро-Венгрии Франца Иосифа. Дело в том, что Франц Иосиф был шефом 12-го Белгородского полка, и юбилейной награды были удостоены все его офицеры. 10 июня 1911 года Казаков был произведен в чин поручика, а 18 августа 1913-го удостоился первого ордена, обычного для молодого офицера, — Святого Станислава 3-й степени.

К этому времени Александр Казаков, как и многие его сверстники по всей России, глубоко увлекся новейшим по тем временам видом спорта — авиационными полетами. Впервые жители Российской империи увидели парящий в небе аэроплан в 1909 году — в июле этому зрелищу рукоплескала Одесса, в сентябре — Москва, в октябре — Петербург… Немногим позже на всю страну прогремели имена первых русских авиаторов — Михаила Ефимова, Сергея Уточкина, Николая Попова, Владимира Лебедева. К 1911 году авиаторы уже гастролировали с

публичными полетами по всей России, мужество и смелость летчиков вызывали всеобщее восхищение, их профессия казалась невероятно романтичной. Разделял эти чувства и Александр Казаков, тем более что в 12-й кавдивизии тоже служили первые пилоты-любители. Так, газета «Подолия» красочно описывала подвиги местного авиатора: «16 июля, в 7 часов 45 минут утра, войска меджибожского лагерного сбора собирались на ученье… С востока, со стороны Бердичева, раздался характерный шум мотора и полки увидели быстро приближающийся и очень красиво выделяющийся на голубом небосклоне аэроплан. Все взоры были прикованы к этой большой ласточке, которая, быстро побеждая воздушное пространство, прямо неслась по направлению собиравшихся войск; но вот мотор выключен, шум прекратился и, склоняясь к земле, аэроплан начал спускаться, достиг земли, пробежал несколько саженей, повернулся и замер шагах в 50-ти от бригады у казармы 5-го эскадрона Ахтырского гусарского полка. Это прилетел из Киева штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка Есипов на “Ньюпоре” — авиатор по призванию, весь отдавшийся своему смелому делу и уже совершивший немало блестящих и продолжительных перелетов в Бердичев, Житомир и теперь в стоянку родного полка — Меджибож».

Неудивительно, что на возможности авиации сразу же обратили внимание военные. Еще в 1908-м в газете «Русский инвалид» появилась большая статья «Военное применение аэропланов», анонимный автор которой утверждал, что в грядущей войне каждая из воюющих сторон будет бороться «за господство государства в воздушных стихиях». А в следующем году в Главном инженерном управлении Русской Императорской армии задумались об устройстве в стране первого военного аэродрома. Выбор пал на Гатчинское военное поле, и вскоре там начал действовать Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы — единственное учебное заведение, готовившее военных пилотов. Штат Авиационного отдела состоял из шести офицеров, двух военных чиновников, пятидесяти строевых нижних чинов и девятнадцати нестроевых. Начальником отдела был назначен подполковник (с 1913 года полковник) С.А. Ульянин, инструкторами — штабс-капитан Г.Г. Горшков и поручик Е.В. Руднев. Уже во время Второй международной авиационной недели, прошедшей в Петербурге 14—22 мая 1911 года, инструкторы и ученики Авиационного отдела продемонстрировали свои умения. Да и вообще эта неделя имела ярко выраженный армейский характер: летчики «бомбили» цель пакетами с мелом и приземлялись на нарисованную на земле

корабельную палубу. 7 июля 1911 года Авиационный отдел сделал свой первый выпуск — семь офицеров, ставших первыми профессиональными военными летчиками России (назовем здесь их имена: А.М. Вегенер, А.А. Карпов, С.М. Бродович, Н.Н. Данилевский, Л.А. Дацкевич, А.В. Панкратьев, Б.Н. Фирсов).

Разразившаяся год спустя Балканская война подтвердила правильность мысли о том, что в XX веке авиация станет важным военным козырем — в 1912-м родились самолеты-разведчики, самолеты аэрофотосъемки и первые бомбардировщики. Казаков с волнением следил за новостями с фронта, в которых описывались действия русского добровольческого авиаотряда, сражавшегося в составе армии Болгарии.

К концу 1913 года поручик уже твердо сделал свой выбор в пользу авиации. Противодействовать подчиненному командир 12-го Белгородского полка полковник В.М. Тусский не стал, и 23 января 1914 года Казаков согласно прошению был командирован в Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы для обучения полетам. Одновременно с ним учился другой в будущем легендарный ас Первой мировой — Евграф Николаевич Крутень.

Наставником Казакова стал сам начальник Авиационного отдела, 42-летний полковник Сергей Алексеевич Ульянин. Это был разносторонний, обладавший множеством талантов человек — пилот, изобретатель, авиаконструктор. И еще у Ульянина был дар прирожденного учителя. Он терпеливо возился с курсантами отдела, разъясняя им все тонкости техники пилотирования. И вот первый в жизни Казакова учебный полет. С собой в кабину аэроплана Александр взял маленькую иконку святителя Николая Чудотворца (и с тех пор никогда не отправлялся в полет без нее). Семь секунд разбега, последние 80 метров земли, по которым пробежали колеса шасси… И Гатчинский аэродром с расставленными на нем аэропланами уже где-то далеко внизу. Незабываемые минуты в жизни любого летчика!..

За девять месяцев учебы Казаков освоил несколько типов аэропланов — французские «ньюпор», «СПАД» и «моран-солнье», германский «Бранденбург». Тактику воздушного боя офицерам никто не преподавал — такой дисциплины просто не существовало. Но в России, в отличие от других европейских государств, роль самолетов в грядущей войне отнюдь не ограничивали только разведкой, фотосъемкой позиций противника и бомбардировкой. В 1912-м в Петербурге была опубликована книга капитана 2-го ранга Н.А. Яцука «Воздухоплавание в морской войне», автор которой утверждал, что в будущей войне летчики станут активно применять тараны, а

в утвержденных в августе 1913-го «Кратких руководящих данных для пользования аэропланами…» говорилось уже об отдельных авиаотрядах, самолеты которых предназначались бы для уничтожения вражеских аэропланов в воздухе и на земле. Это были первые, пока еще теоретические шаги к созданию истребителей.

Казаков горячо разделял эти убеждения и работал в школе серьезно, с полной самоотдачей, тем более что близость войны чувствовали все — летом 1914-го над Европой сгущались тучи. Громом прозвучал выстрел Гаврилы Принципа в Сараеве. А после того как в России была объявлена всеобщая мобилизация, Александр Казаков, как и другие ученики, жил только одним: скорей бы на фронт!.. Всех глубоко впечатлила героическая гибель выпускника Авиационного отдела 1912 года — штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова, 26 августа 1914 года ценой своей жизни таранившего австро-венгерский аэроплан. Полковник Ульянин тяжело переживал смерть своего ученика.

…Вопреки широко распространенному мнению о «технической отсталости царской России» именно она начала Первую мировую войну, имея на вооружении самый многочисленный воздушный флот среди всех воюющих держав — 244 самолета, сведенных в 39 авиационных отрядов, приданных армейским корпусам. Налицо в армии числился 221 летчик, включая 170 офицеров, 35 нижних чинов и 16 вольноопределяющихся. К 1 января 1915 года из них погибло 33 человека, в том числе 6 — в бою, 5 — в авариях, а 22 пропали без вести или попали в плен. Однако воздушные боевые действия в 1914-м сводились к разведке и реже бомбардировке: ВВС как Антанты, так и Тройственного союза еще не освоили производство самолетов, которые вскоре получили определение «истребитель».

И вот наконец настал долгожданный день 24 сентября 1914 года. Перед строем Авиационного отдела полковник Ульянин вручил поручику Казакову свидетельство об окончании курса обучения по 1-му разряду. Отныне Александр был одним из 95 русских офицеров, имевших квалификацию военного летчика (как было модно сокращать в те годы — военлета). Казаков с гордостью прикрепил на погоны введенную в июле 1913-го эмблему военного летчика — серебряного двуглавого орла с вензелем Николая II и скрещенными мечом и пропеллером, а на левую сторону кителя — знак военного летчика: серебряный венок с двумя скрещенными мечами, крыльями и щитом.

Но долгожданной отправки на фронт за окончанием курса не последовало — Казакова оставили в Авиаотделе на должности

обучающего офицера. Это объяснялось тем, что с началом войны русской армии попросту не хватало самолетов, и военлеты ждали поступления с завода «своей» машины. Казаков «встал в очередь» на хорошо известный ему по авиашколе аэроплан марки «моран-солнье» типа G. Этот моноплан, разработанный во Франции в 1912 году, был очень простым по конструкции — разобранный и упакованный в ящики «мо-ран» два механика могли вручную собрать и полностью подготовить к полету всего за 11 минут. Мощность двигателя «Гном» составляла 50 лошадиных сил. На аэроплане этой модели были выполнены нашумевшие перелеты по маршрутам Сан-Рафаэль — Бизерта, Париж — Москва и Москва — Париж (1913), Каир — Хартум — Каир (1914); в 1912-м французский пилот Ролан Гарро установил на «моране» мировой рекорд высоты, поднявшись на 5610 метров, а англичанин Густав Хэмел в 1913-м разогнал этот аэроплан до 122 километров в час. «Моран» типа G был связан и с именем П.Н. Нестерова — именно на нем великий русский летчик за пять часов преодолел расстояние от Москвы до Петербурга, на нем же совершил свой последний подвиг, стоивший ему жизни.

В России «мораны» были оценены по достоинству, и в 1914-м сразу несколько заводов наладили выпуск этих самолетов по лицензии. В Петербурге «мораны» выпускались заводами В.В. Слюсаренко, А.А. Пороховщикова и В.А. Лебедева, а в Москве завод «Дукс» ежемесячно собирал 10—12 таких аэропланов. Именно из Москвы и ждал Казаков «свой» самолет, номер которого был ему известен заранее — 316.

Наконец с «Дукса» пришло долгожданное известие о том, что казаковский «моран» готов. Полковник С.А. Ульянин пытался уговорить талантливого ученика остаться в Авиационном отделе на постоянной основе, но молодой офицер был непреклонен — только фронт!.. 15 декабря 1914 года он отбыл в IV корпусной авиационный отряд. Как следует из названия, этот отряд был придан 4-му армейскому корпусу, действовавшему в то время на территории Польши.

Корпусные авиаотряды русской армии были относительно небольшими подразделениями. Командовали ими офицеры в чине штабс-капитана или капитана, по штату в отряде числилось шесть офицеров-военлетов и 124 нижних чина. На вооружении состояли шесть самолетов (так называемая «первая линия»; еще шесть числились во «второй линии» и шесть были заранее приписаны к отряду, еще будучи в стадии постройки), 16 винтовок, 10 пистолетов и револьверов. Из транспортных средств корпусной авиаотряд располагал грузовиком, мотоциклом и 62 лошадьми. В обозе отряда числились 16 пароконных подвод,

шесть двуколок для перевозки бензина, две офицерские повозки и походная кухня. Запасы ГСМ составляли 140 пудов «легкого» и «тяжелого» бензина и 30 пудов касторового масла.

На Рождество, 25 декабря 1914 года, за неделю до своего 26-го дня рождения, поручик Александр Казаков отправился в первый боевой вылет, который едва не закончился трагедией — на «моране» загорелся двигатель, и летчику с трудом удалось посадить аэроплан. Сам самолет удалось потушить, а вот двигатель восстановлению не подлежал, пришлось устанавливать новый. Дальнейшие вылеты обходились уже без происшествий. 6 января 1915 года Александр Казаков на «моране» произвел разведку вражеских позиций в районе Скерневицы — Болилов — Мочелы — Лович. А уже на следующий день, 7 января, поручик впервые встретил в воздухе противника — австрийский самолет. Неприятельский летчик тоже заметил Казакова, но спокойно продолжал свой полет. Такое «мирное сосуществование» в небе было нормой после гибели 26 августа 1914 года Нестерова — встречаясь, пилоты воюющих держав джентльменски покачивали крыльями в знак приветствия и следовали своими курсами. Конец такому панибратству положил именно Казаков. Он резко бросил машину на врага, и ошеломленный его поведением австриец поспешно повернул восвояси. Убедившись, что враг пересек линию фронта, поручик вернулся на свой аэродром. После второго вылета он загорелся идеей создания полноценного самолета-истребителя, который мог бы бороться с вражескими аэропланами.

В течение января 1915-го военлет Казаков совершил еще семь разведывательных полетов (за них 27 января 1916 года он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость» — Анненским оружием). Все это время он обдумывал свою идею. Логичнее всего было бы установить на аэроплане пулемет, но обычный станковый «максим» был слишком тяжел для хрупкого «морана». Казаков нашел оригинальный выход. Он решил закрепить на фюзеляже своего самолета маленький якорь — «кошку» — с подвижными лапами, на которых, в свою очередь, размещалась пироксилиновая шашка. Летчик рассчитывал в бою подняться над аэропланом противника и с размаху зацепить его «кошкой», после чего взрыв шашки должен был разрушить вражеский аппарат. Чтобы испытать свое устройство, Казаков протянул между двумя деревьями трос и во время полета задел его якорем. Раздался взрыв, который уверил офицера в правильности его расчетов. Оставалось только проверить теорию в бою…

Солнечным мглистым утром 18 марта 1915 года аэродром IV

корпусного авиаотряда, размещавшийся в польском селе Гузов на правом берегу Вислы, подвергся бомбовым ударам с вражеского аэроплана. Не обращая внимания на опасность, Казаков бегом кинулся к своему оснащенному «кошкой» «мо-рану», запустил двигатель, взлетел и повел свой самолет наперехват противнику. За 17 минут русскому пилоту удалось набрать двухкилометровую высоту и занять удобную позицию над двухместным германским «альбатросом», уступавшим «мо-рану» в скорости. Но в самый ответственный момент «кошку» заклинило. «Что было делать? — вспоминал Казаков. — Два фронта, 40 000 глаз — русских и немецких — смотрели на нас из окопов. Уйти, не сделав ничего, находясь в нескольких метрах от противника, — позор перед этими 20 000 русских глаз». «Разве раздумывал в такой ситуации Нестеров?» — промелькнуло в голове у Казакова. Разозлившись на самого себя, поручик резко бросил машину в отчаянную атаку…

Сам Казаков впоследствии описывал прославивший его воздушный бой так: «Проклятая кошка зацепилась и болтается под днищем самолета… Тогда я решил ударить “Альбатрос” колесами по его верхней поверхности. Недолго думая, дал руль вниз… Что-то рвануло, толкнуло, засвистело, в локоть ударил кусок крыла моего “Морана”. Неприятельский “Альбатрос” наклонился сначала на один бок, потом сложил крылья и полетел камнем вниз… Я выключил мотор — одной лопасти на моем винте не было. Я начал планировать, потеряв ориентировку, и только по разрывам шрапнелей догадался, где русский фронт. Садился парашютируя, но на земле перевернулся. Оказывается, удар был настолько силен, что шасси было вогнуто под крылья». Весь бой занял ровно полчаса — с 11.00 до 11.30.

На родном аэродроме мужественного военлета встречали как героя. Ликовали и ставшие свидетелем беспримерной воздушной схватки русские солдаты. Еще бы!.. Это был второй в истории авиации воздушный таран и первый, после которого совершивший его летчик остался в живых и смог удачно посадить машину. Забегая вперед скажем, что таран Казакова оказался и последним в истории Первой мировой войны — больше этот прием боя не повторил ни один пилот ни одной из воюющих сторон.

28 июля 1915 года герой-летчик был удостоен за свой подвиг Георгиевского оружия. В Высочайшем приказе говорилось, что высокая награда вручена Казакову «за доблестный подвиг 18-го марта 1915 г., выразившийся в том, что по собственному почину взлетел у с. Гузов на своем аппарате, погнался за германским аэропланом, производившим разведку в нашем тылу и бросавшим

бомбы в Гузовский аэродром, настиг его близ усадьбы Воля-Шидловская и, хотя не успел опрокинуть врага особым якорем, сбил его, с явной опасностью для собственной жизни, ударом своего аппарата о верхнюю плоскость неприятельского, в результате чего было прекращение противником разведки и метания бомб». Месяцем раньше, 28 июня, Казаков был произведен в следующий чин штабс-ротмистра. А еще раньше, 2 апреля 1915-го, его наградили орденом Святой Анны 3-й степени за… успешное окончание Авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы.

20 августа 1915 года инициативного и храброго офицера назначили командиром XIX корпусного авиационного отряда, воевавшего на только что созданном Северном фронте. Фронтовая жизнь по-прежнему состояла из постоянной боевой работы — разведки, аэрофотосъемки, бомбежек вражеских позиций… Но мысль о полноценном истребителе не переставала преследовать Казакова. Он уже знал, что на фронте появились первые самолеты, вооруженные пулеметами. Да и вообще русская авиация набралась боевого опыта, стала увереннее в своих силах. Всего к концу 1915 года ВВС России насчитывали 322 боевых самолета, русские летчики сделали 9993 боевых вылета, проведя в воздухе 14 647 часов.

Реализовать мечту об истребителе Казакову удалось, лишь когда в его отряд поступил двухместный французский разведчик «Ньюпор-10AV» (в России его называли «Ньюпор-9»). Казаков решил переделать новую машину в одноместный истребитель, и в феврале 1916 года киевский механик В.В. Иордан выполнил этот необычный заказ. Правда, Иордану так и не удалось решить существенную в то время проблему — как заставить пулемет стрелять сквозь вращающийся винт. Единственное, что смог сделать конструктор, так это установить «максим» под углом 24 градуса к оси мотора. Это обусловило тактику воздушного боя Казакова на «ньюпоре» — атаковать на этом самолете можно было лишь спереди или снизу с хвоста. Большим плюсом пулемета был огромный боезапас — 700 патронов.

14 июня 1916 года Казаков сбил на «ньюпоре» свой второй вражеский самолет — уже не тараном, а с помощью пулемета. Это произошло в Белоруссии, в районе озера Дрисвяты.

А 16 июля штабс-ротмистр принял участие уже в групповой воздушной схватке — недалеко от Двинска (ныне Даугавпилс, Латвия) разгорелся бой между двенадцатью русскими и двенадцатью германскими самолетами. В тот день штабс-ротмистр уничтожил своего третьего «немца». За мужество, проявленное на должности командира XIX авиаотряда, А.А.

Казаков был награжден боевыми орденами Святого Станислава 2-й степени с мечами (4 июля 1916 года), Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (7 сентября 1916 года) и Святой Анны 2-й степени с мечами (21 апреля 1917 года).

9 августа 1916 года XIX корпусной авиаотряд штаб-ротмистра Казакова был выведен с Северного фронта в тыл, на формирование принципиально нового соединения — Особой группы (позже она была переименована в 1-ю боевую авиагруппу, БАГ). В ее рамках были объединены II, IV и XIX корпусные авиаотряды. Таким образом, в составе группы числилось 18 самолетов. Командиром 1-й БАГ стал штабс-капитан А.В. Залесский, которого затем сменил штабс-капитан П.О. Якобишвили. Но и сами эти опытные летчики, и другие офицеры группы негласно признавали старшинство Казакова, так что на деле функции командира части свелись к ведению штабной документации. Да и сослуживцы единодушно восхищались Казаковым. Так, воевавший в 1-й БАГ И.У. Павлов писал: «Казаков в моем представлении был самым крупным героем 10-миллионной царской армии. Человек с громадной силой воли, необычайно храбрый, способный в воздушном бою подходить в упор к противнику и драться до тех пор, пока тот не свалится на землю, — он вызывал восхищение в летной среде. За эти качества я уважал его, у него учился». Эта характеристика дорогого стоит, учитывая, что написана она человеком, который стал в Красной армии комкором, главным инспектором ВВС и которому ничего не стоило в своих мемуарах нарисовать Казакова типичным «царским сатрапом».

На вооружение 1-й боевой авиагруппы поступили французские самолеты «Ньюпор-11» и «СПАД-А.2». Это были уже принципиально новые боевые машины — самолеты-истребители, оснащенные пулеметом, стреляющим сквозь вращающийся винт. Впервые такую схему предложил французский летчик Ролан Гарро, а усовершенствовали ее немцы, которым достался в качестве трофея сбитый аэроплан француза. Третий год войны ознаменовался появлением на фронте грозного противника — германского истребителя «Фоккер-Е», вооруженного синхронным пулеметом. В русском небе им противостояли «ньюпоры» и «СПАДы». К концу 1916 года в России насчитывалось уже 724 боевых самолета, русские летчики сделали 15 435 боевых вылетов. К сожалению, большая часть потерь русской боевой авиации приходилась на аварии: 52 летчика из 100 погибали именно из-за неполадок техники, 18 — от зенитного огня противника и только 7 — в воздушном бою…

В конце августа 1916 года 1-я БАГ прибыла на Юго-Западный

фронт, в район Луцка. В то время в воздухе господствовала австрийская авиация, и перед русскими военлетами была поставлена внешне простая задача — изменить обстановку в нашу пользу.

Начались бои. В течение месяца, за август—сентябрь 1916-го, пилоты 1-й боевой авиагруппы сбили два и повредили восемь вражеских самолетов, при этом сами потеряли одну машину. Первым трофеем группы стал сбитый 24 августа «альбатрос». Казаков атаковал его на своем «ньюпоре», а подпоручики Г.В. Башинский и Б.А. Губер на «СПАДе» добили противника. Экипаж «альбатроса» был ранен и попал в плен.

26 августа Казаков вступил в бой сразу с семью вражескими самолетами. Один из них ушел в сторону линии фронта, оставляя за собой длинный шлейф дыма. Всего до 13 сентября Казаков совершил 12 боевых вылетов, а деятельность 1-й боевой авиагруппы удостоилась высокой оценки командования Юго-Западного фронта: «Система эскадренных воздушных боев дала блестящие результаты — ни один вражеский самолет не мог проникнуть в воздушное пространство над нашими войсками». За четыре месяца авиагруппа уничтожила восемь и повредила четырнадцать вражеских самолетов, потеряв только одну машину. Неудивительно, что у 1-й боевой сложилась устойчивая репутация лучшей авиационной части русской армии.

Вот как описывал свое прибытие в 1-ю БАГ молодой летчик Иван Смирнов: «В штабе группы я увидел склонившегося над картами невысокого худого офицера с напомаженными усами. То был Казаков. Он сказал: “А, Смирнов! Я видел ваши документы. У вас хорошие рекомендации. Вы попали в лучший отряд России, где летают только лучшие пилоты. Желаю удачи!”». Надо сказать, что такое короткое напутствие вполне вдохновило Смирнова — в апреле 1917 года он был произведен в прапорщики, за храбрость в воздушных боях удостоен Георгиевского креста всех степеней, ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, сбил 12 вражеских самолетов и стал пятым по результативности летчиком-истребителем страны…

8 декабря 1916 года, в ясный морозный день, Казаков атаковал тройку вражеских самолетов-разведчиков и после короткого боя сбил австрийский «Бранденбург-С.1». Пилот Иоганн Кольби погиб в воздухе, раненый летчик-наблюдатель Франц Вайгель с трудом посадил машину, получив при посадке травмы. За этот подвиг Александр Казаков был (правда, далеко не сразу, а только 31 июля 1917 года) удостоен высшей воинской награды России — ордена Святого Георгия 4-й степени. В Приказе по армии и флоту говорилось, что орден ему вручен «за то, что,

будучи в чине штабс-ротмистра, 8-го декабря 1916 года, вылетев на самолете “Ньюпор”, типа истребителей, для преследования немецких самолетов, появляющихся над нашим расположением, отогнал в районе Горохова двух немцев, атаковал третий самолет в районе д. Забороль, в пяти верстах к западу от Луцка, и двумя пулями в голову убил пилота. Аппарат, кое-как управляемый легкораненым наблюдателем австрийским обер-лейтенантом, упал в нашем расположении и был захвачен нашими войсками».

25 января 1917 года 1-я боевая авиагруппа была переведена на южный участок Юго-Западного фронта, в район Монастыржеско — Подгайцы — Галич — Свистельники — Козово. К сожалению, этот перевод сопровождался большой неразберихой и множеством проблем (не хватило железнодорожных вагонов и платформ), поэтому к новому месту дислокации группа прибыла лишь в конце марта. С конца февраля А.А. Казаков исполнял должность командира соединения, а с 14 марта 1917 года он стал командиром группы уже официально. В служебной характеристике, выданной Казакову в те дни, говорилось: «Выдающийся военный летчик и офицер. Своей беззаветной храбростью и решительностью всегда служит блестящим примером своим подчиненным. Технически очень хорошо подготовлен и отряд в этом отношении держит высоко». К этому времени авиагруппа была целиком перевооружена французскими истребителями «Ньюпор-17» — самыми совершенными на тот момент самолетами ВВС стран Антанты. На их килях красовались белые «Адамовы головы» — черепа со скрещенными костями на черном фоне: эта эффектная символика давала противнику понять, что ему встретился в небе опытный военлет. Надо сказать, что австрийцы и германцы хорошо знали самолеты группы Казакова «в лицо» и далеко не всегда решались вступать с ними в схватку, предпочитая ретироваться.

С 24 марта 1917 года 1-я БАГ базировалась в Монастыржеско (IV и XIX корпусные авиаотряды и штаб группы размещались в деревне Ковалювка, а II корпусной авиаотряд — на станции Брзежаны). Через два дня возобновились боевые полеты. 1917 год стал годом расцвета таланта великого летчика Александра Казакова, 10 апреля произведенного в чин ротмистра. Пять самолетов противника он уничтожил в группе со своими сослуживцами — 23 и 28 апреля, 4, 12 и 26 мая, а 7 июня 1917 года уже в одиночку сбил германский «Румплер-Ша». Стоит подчеркнуть, что в бой летчик пошел на сильно изношенном тренировочном «Ньюпоре-9», так как его собственный новый «Ньюпор-17» был в ремонте. В рапорте Казаков так описал этот бой: «Около 9 часов утра я настиг 2 неприятельских самолета,

шедших по Днестру через Бучач на Тарнополь, и атаковал одного из них в районе местечка Микулинце на “Ньюпоре-9”. Другой, будучи значительно выше, скрылся. Неприятель отстреливался, уходил на запад, и после атаки с ближней дистанции опустился восточнее Подгайцы, севернее деревни Михайлувка. Самолет системы “Румплер” № 4739 с совершенно новым мотором “Опель” № 349 в 200 л. с. поврежден при посадке: поломаны шасси, винт, нижние поверхности. Самолет имеет около 50 пулевых пробоин. Летчик-наблюдатель офицер-гусар тяжело ранен, летчик унтер-офицер ранен легко. Оба германцы. Я опустился рядом и поставил караул».

Это был пятый сбитый Казаковым в одиночку самолет. Таким образом он получил право считаться асом — во время Первой мировой так назывался летчик, уничтоживший пять и более вражеских машин (причем сбитый самолет обязательно должен был упасть на «чужой» территории; дотянувший до «своих» и упавший уже за линией фронта сбитым не считался). Кстати, само слово «ас», обозначавшее туза, бытовало только в русской, английской и французской армиях, немцы предпочитали называть своих мастеров воздушного боя «экспертами».

Жарким выдался для Казакова и день 14 июня. Вместе с напарником, прапорщиком Э.К. Неманом, он атаковал три вражеских истребителя и повредил два из них. Вернувшись на аэродром для заправки, Казаков и Леман снова вылетели на поиски противника. Один из самолетов штабс-ротмистр подбил, но тут пулеметная очередь из четырех пуль пробила ему руку. Преодолевая страшную боль, Казаков все же сумел развернуть и посадить «ньюпор». Ранение оказалось серьезным, был поврежден локтевой сустав, но уже через две недели ротмистр вышел из госпиталя.

Командование Юго-Западного фронта в отдельном приказе так описывало деятельность 1-й боевой авиагруппы: «Несмотря на незначительные, сравнительно с противником, свои воздушные средства, но сильная духом личного состава славная боевая авиагруппа с первых же дней заставила зазнавшегося противника опомниться и целым рядом лихих воздушных побед, одиночных и групповых, парализовала его активную деятельность …и прекратила его безнаказанные полеты». Во время нахождения в лазарете опытному летчику предложили спокойную тыловую должность начальника Евпаторийской школы воздушного боя. Но ответ Казакова оказался кратким и предсказуемым: «На должность начальника школы воздушного боя очень прошу не назначать. Хочу быть только в группе. Благодарю за предложение. Ротмистр Казаков».

После выписки из лазарета Казаков узнал, что с 4 июля новым местом дислокации 1-й БАГ стала южная окраина города Станислава (ныне Ивано-Франковск, Украина). Июль 1917-го стал горячим временем для авиагруппы — она четырежды меняла аэродромы (10 июля из Станислава перелетела в Коломыю, оттуда в Хотин, Ларгу и, наконец, 31 июля закрепилась в местечке Городок) и практически не выходила из боев, прикрывая отступление войск Юго-Западного фронта. 14 июля северо-западнее Коломыи Казаков сбил немецкий «альбатрос», 20 июля — австрийский «бранденбург», 27 июля в паре с подъесаулом И.А. Шангиным сбил еще один австрийский «бранденбург», а 3 августа — уже третий самолет такого типа (пилот Траян Варза был убит в воздухе, летчик-наблюдатель Франц Славик попал в плен). 8 августа Казаков и Шангин атаковали еще двух «австрийцев», но обоим удалось скрыться, а командир группы получил ранение осколком зенитного снаряда в ногу.

16 августа 1917 года над деревней Лапковцы в 20 верстах западнее Проскурова Казаков уничтожил еще один вражеский самолет — «Альбатрос-С.III». После короткого боя германский истребитель рухнул на землю, пилот обер-лейтенант Хаусхальтер и летчик-наблюдатель лейтенант Френцель погибли. Еще одну воздушную победу Александр Казаков одержал 29 августа 1917 года: «В районе Окала я увидел шедший на восток неприятельский самолет. Дав ему пройти в наш тыл, около 16 часов у Кутковец я атаковал его и сбил. Неприятельский самолет “Бранденбург” опустился у Кутковец. Самолет мало поврежден. Летчик унтер-офицер и наблюдатель офицер. Оба австрийцы 18-го авиаотряда, захвачены в плен».

В сентябре 1-я боевая авиагруппа приняла на вооружение новейшие французские истребители «СПАД-С.VII». Эти скоростные самолеты, оснащенные двигателем «Испано-Сюиза» мощностью в 180 лошадиных сил, с лета 1917 года были основными машинами французских ВВС и во всем превосходили германские и австрийские аналоги. В Россию поступило 143 таких аэроплана. Но, несмотря на новую технику, активность части снижалась с каждым днем. Причиной этому было общее падение боеспособности русской армии после Февральского переворота. Как и во всех воинских частях, в 1-й БАГ был создан свой комитет, имевший право отменять приказы командира, солдатам разрешалось исповедовать любые политические убеждения вплоть до анархизма. После провала летнего наступления Юго-Западного фронта все чаще подполковник Казаков (чин подполковника был присвоен ему 8 сентября) слышал от подчиненных вопросы «За что воюем?». Солдаты

начали относиться к офицерам недоверчиво, с неприязнью. Об этом свидетельствует такой эпизод: 1 октября 1917 года Казаков, находясь на земле, стал свидетелем того, как летчик его группы старший унтер-офицер Иван Павлов сбил вражеский «роланд». Сам Павлов так описал этот эпизод: «Минут через 50 к месту катастрофы подъехал на автомобиле Казаков. Обычно неразговорчивый, почти нелюдимый, на этот раз он заговорил: “Когда вы ввязались с немцем в драку, я был на аэродроме и наблюдал эту замечательную картину во всех ее подробностях. Вы мне своим боем доставили истинное удовольствие, и я очень рад за вас. Если бы я имел право, то только за один этот бой произвел бы вас в офицеры”. Павлов ответил резко: “Нет, благодарю вас, офицеры сейчас становятся не в моде”». Казаков молча отошел в сторону. Он уже догадывался, какую роль Павлов играет в его авиагруппе.

Тем не менее верные присяге военлеты по-прежнему отправлялись на боевые задания. 10 сентября в районе Смотрича Казаков в паре со старшим унтер-офицером А.Д. Ширинкиным (в будущем лучшим истребителем Красного Военно-воздушного флота) атаковал четыре австрийских аэроплана и вел с ними бой до тех пор, пока вражеские самолеты не ушли за линию фронта, а 11 и 23 сентября уничтожил два «Бранден-бурга-С.1».

14 октября 1917 года 1-я боевая авиагруппа перебазировалась с аэродрома Ковалювки в село Дунаевцы. 13 ноября в 13 часов Казаков и прапорщик И.В. Смирнов недалеко от Скалата (ныне Скала-Подольская, Украина) атаковали немецкий самолет, который пошел на снижение сразу за линией фронта у деревни Константиновка. Через час Казаков и Смирнов атаковали еще двух «австрийцев» южнее Скалата. Один из противников был поврежден и приземлился в своем ближайшем тылу в районе Германувки, в 30 верстах западнее Каменец-Подольска. 24 ноября 1917 года Казаков был назначен временно исполняющим обязанности командира 7-го авиадивизиона, а два дня спустя одержал свою последнюю воздушную победу в Первой мировой войне — двадцатую по счету…

Между тем политическая ситуация в стране изменилась. Октябрьский переворот на Юго-Западном фронте, далеком от Петрограда, не отразился никак, но 20 ноября было провозглашено создание Украинской Народной Республики, а Юго-Западный и Румынский фронты объединились в единый Украинский, подчиненный Киеву. Началась поголовная «украинизация» армии, те части, которые отказывались переходить под юрисдикцию Украины, снимались с довольствия. Служба в авиагруппе становилась невыносимой, солдаты уже

откровенно призывали к расправе над офицерами. 4 декабря, не желая подчиняться приказу снять погоны, выстрелом в голову покончил с собой один из лучших военлетов группы, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского креста 4-й степени прапорщик Э.К. Леман. На следующий день Казаков подписал, вероятно, самый тяжелый приказ в его жизни: «Согласно постановлению Военно-революционного комитета 7-го авиационного дивизиона приказываю прекратить всякие полеты». К этому времени уже были отменены офицерские чины и упразднены ордена, а все командные должности в армии сделаны выборными. 9 декабря общее собрание солдат 1-й боевой авиагруппы единогласно выбрало командиром бывшего старшего унтер-офицера, большевика Ивана Павлова — того самого, которого Казаков хвалил за октябрьский воздушный бой. Через три дня бывший подполковник и бывший георгиевский кавалер Казаков сдал Павлову командование группой…

Впрочем, даже в разгар хаоса, охватившего русскую армию, о Казакове не забыли бывшие сослуживцы — летчики XIX корпусного авиаотряда, входившего в 1-ю боевую авиагруппу. 17 декабря они единогласно избрали Казакова своим командиром, но службу в подобных условиях Александр Александрович продолжать уже не мог. Боевые действия на фронте не велись, летать было запрещено, а как командовать не выполняющими даже элементарных приказов солдатами, Казаков не знал. Воспользовавшись обострившимися последствиями ранений, он взял отпуск и 20 декабря 1917 года уехал для лечения в Киев, а оттуда в Москву.

Начало 1918 года прошло для Казакова, как и для многих русских офицеров, под знаком растерянности и непонимания происходящего. Ярко выраженных политических убеждений у военлета не было, а Москва была переполнена бывшими офицерами, по тем или иным мотивам служившим в новорожденной Красной армии. Под влиянием их рассказов у Казакова вполне могли появиться иллюзии по поводу того, что с советской властью можно сработаться. В итоге Казаков и его друзья-летчики С.К. Модрах, А.Н. Свешников и Д.А. Борейко добились аудиенции у наркома по военным делам Л.Д. Троцкого и предложили ему помощь по возрождению русской авиации в новом обличье. Некоторое время Троцкий, видимо, обдумывал предложение бывших офицеров, так как кандидатура Казакова рассматривалась на должность начальника Главного управления Военно-воздушного флота РСФСР. Однако возглавить советские ВВС Казакову все же не пришлось. Его и Свешникова всего лишь прикомандировали к ГУВВФ для выработки штатов, табелей и

положений о службе истребительных авиагрупп.

Неудивительно, что такое положение дел Казакова не устроило. Кроме того, очень скоро Московская ЧК заинтересовалась деятельностью комиссии, в которой трудился Казаков, и объявила ее «очагом контрреволюции». Александр Александрович перестал посещать службу и получил повестку о том, что обязан сообщить о своем местонахождении, иначе его объявят врагом революции. Выход был только один — бежать из города. Компанию Казакову составил его ровесник и друг еще по Авиационному отделу, где он заведовал моторно-авиационным классом, — кавалер Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й степени, командир 2-й, а позднее 3-й боевой авиагруппы капитан Сергей Карлович Модрах. Это был не только талантливый летчик, но и авиаконструктор — в 1917-м Модрах построил высоко оцененный специалистами истребитель СКМ, единственный экземпляр которого еще в начале 1920-х годов использовался в качестве учебного.

Друзья решили направиться в Мурманск, в то время занятый британскими войсками. Англичане появились на Русском Севере благодаря соглашению, заключенному в марте 1918-го с председателем Мурманского губернского совета А.М. Алексеевым. Тогда существовала опасность оккупации Финляндии германскими войсками, а где Финляндия — там и Мурманский край. Чтобы обеспечить его безопасность от немцев, 14—18 марта в Мурманске высадились англичане и французы. Москва сначала отреагировала на это спокойно, но в июне Алексеева объявили вне закона, а от стран Антанты потребовали вывести войска с территории России. Но к тому времени те уже видели в Советской республике союзника Германии и вместо вывода войск начали наращивать свое военное присутствие на севере. Неизбежным стало появление еще одного фронта Гражданской войны. 6-й армии красных, закрывавшей путь на юг, противостояли англо-франко-американские части и армия генерала Е.В. Миллера, формирование которой началось в Архангельске.

Сотрудник британской миссии в Москве капитан Хилл снабдил русских летчиков необходимыми документами и паролями, позволявшими без лишних проволочек установить прямой контакт с командованием. Направляясь в Мурманск, Казаков и Модрах надеялись, что англичане отправят их на европейский фронт, где продолжалась Первая мировая. Но 30 июня 1918 года полковник Моунд предложил им создать для борьбы с большевистскими войсками авиационный Славяно-Британский легион. Поразмыслив, Казаков с Модрахом дали

согласие и были зачислены в легион в звании лейтенантов Королевского Военно-воздушного флота. Офицерские звания получили еще два добровольца — штабс-капитан С.К. Шебалин и капитан А.Н. Свешников, остальных зачисляли рядовыми. Поток добровольцев был большой: из Финляндии через Швецию в Мурманск добрался штабс-капитан А.В. Слюсаренко, из Архангельска на попутном пароходе — есаул К.П. Качурин, старший унтер-офицер А.В. Кропинов, поручики Н.В. Коссовский, Л.И. Байдак, А.С. Туманов, М.Ф. Толстое, из Москвы с большим риском для жизни пробрались подполковник В. З. Барбас, капитан С.Е. Андреев, штабс-капитан Н.И. Белоусович. Всего в корпус зачислилось 34 русских военлета. Они носили британскую форму, но на тульи фуражек надевали русскую авиационную эмблему в виде двуглавого орла, снятую с погон. 1-й авиаотряд легиона возглавил Казаков, его заместителем стал Модрах. На вооружении состояли шесть «ньюпоров», отремонтированных студентами Архангельского политехникума. Машины пилотировали Казаков, Модрах, Шебалин, Коссовский, Кропинов и Свешников. Позднее авиапарк пополнился английскими машинами, и Казаков пересел на «сопвич-страттер».

15 августа 1918 года отряд прибыл на станцию Обозерская в 123 верстах от Архангельска, где был оборудован аэродром, а через три дня состоялся первый боевой вылет. 17 сентября 1-й авиаотряд Казакова перебазировался на аэродром в поселке Двинский Березник, где уже шесть дней как находился 2-й авиаотряд, тоже состоявший из шести машин. Им командовал еще один близкий друг Казакова, уроженец Омска 28-летний штабс-капитан Николай Иванович Белоусович. Судьба этого офицера заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. До мая 1916-го Белоусович служил в пехоте, командовал ротой в 37-м пехотном Екатеринбургском полку. А затем перешел в авиацию, сдал экзамен на звание военного летчика, успешно командовал авиаотрядом и лично сбил два вражеских самолета. За храбрость в воздушных боях был удостоен Георгиевского оружия («за то, что 26-го ноября 1916 г., добровольно вызвавшись на бомбометание станции Еловка в качестве офицера-наблюдателя и работая пулеметом, когда во время полета аппарат был атакован тремя аэропланами противника, мужественно и самоотверженно вступил в неравный бой, в результате которого сбил биплан “Фоккер” и, продолжая с летчиком-офицером полет на поврежденном аэроплане, исполнил возложенную на него задачу бомбардирования станции Еловка»), за доблесть в боях на земле — ордена Святого Георгия 4-й степени («за то, что, будучи в чине подпоручика, при штурме немецкой позиции к югу от озера

Нарочь в ночь с 7-го на 8-е марта 1916 г., по занятии первой линии неприятельской позиции, под губительным пулеметным и ружейным огнем, забрасываемый ручными гранатами, ворвался во вторую линию окопов со своей ротой и, переколов здесь упорно оборонявшихся защитников, захватил действующий пулемет и лично открыл из него огонь по убегавшим немцам»). Причем награда за «воздушный» подвиг нашла мужественного офицера быстрее, чем за «наземный»…

В сентябре 1918 года фронт на Русском Севере был относительно стабильным и неофициально делился на два участка: «железнодорожный», пересекавший железнодорожную линию Архангельск — Вологда, и «речной», шедший в районе впадения реки Ваги в Северную Двину. Двинский Березник был как раз на этом дальнем «речном» участке. Задачами эскадрильи Казакова были ведение разведки и бомбежка кораблей красной Двинской военной флотилии. Белым летчикам противостояли красные — авиация красной 6-й армии состояла из 1-го и 2-го истребительного и 18-го разведывательного авиаотрядов. Но серьезной войны в воздухе не получалось, воздушные бои были редкими и в своем большинстве заканчивались безрезультатно. Это объяснялось тем, что красные военлеты в 90 случаях из 100 в недавнем прошлом тоже были офицерами, а часто и сослуживцами своих противников, и вовсе не горели желанием их сбивать. Нередкими были случаи перелета красных к белым. В свою очередь, не торопились отличаться и белые летчики. Иначе чем можно объяснить тот факт, что блистательный ас Казаков, за один только 1917 год уничтоживший 16 аэропланов врага, за год своей «белой» летной эпопеи не сбил ни одного (!) самолета?.. Поверить в то, что он внезапно потерял квалификацию, сложно.

В октябре 1918 года англо-белогвардейские войска в результате удачного наступления сильно «сдвинули» конфигурацию «речного» фронта к югу, и белые авиаотряды перелетели на бывший красный аэродром Сельцо. 20 октября Казаков получил приказ срочно направиться на «железнодорожный» фронт, где красные начали контрнаступление. Положение там было более чем серьезным, и 1-й авиаотряд попал в окружение. Несколько самолетов Казаков отправил к своим, а сам, сняв с неисправных машин пулеметы, во главе небольшого отряда из летчиков отправился пробиваться через линию фронта пешим порядком. В конце концов красные зажали горстку белых военлетов в стенах старинного Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря, где оборонялись также англичане под командованием полковника Хэгглтона. Оборона монастыря продолжалась две недели и закончилась

прорывом блокады — под прикрытием сильного пулеметного огня летчики на руках выкатили из монастырских ворот свои аэропланы и устремились к своим… Ни один истребитель красным так и не достался. За этот подвиг Казаков был удостоен английского боевого ордена «За отличную службу». А результатом наступления красных стало возвращение белых военлетов на аэродром Двинский Березник.

Ноябрь 1918 года принес отряду первые потери. 12-го прямым попаданием зенитного снаряда был сбит «сопвич» капитана Коссовского и подпоручика Абрамовича; Коссовский попал в плен и позже был расстрелян, а Абрамович погиб. 24 декабря погиб капитан Свешников — в воздухе остановился двигатель его самолета. А ровно через месяц, 24 января 1919-го, над Шенкурском во время разведывательного полета получил уже третью свою рану сам Казаков, летевший на «сопвиче-страттере» в паре с английским летчиком-наблюдателем Норманом Шрайвом. Стоило самолету оторваться от земли, как выпущенная из окопов красных винтовочная пуля ранила Казакова в грудь, к счастью, не задев жизненно важные органы. Вернуться к полетам офицер смог только в марте. Этот месяц ознаменовался появлением в Славяно-Британском легионе нового командира, южноафриканца полковника ван дер Спая, который тут же «отметился» тем, что в дикий буран отправил в полет старшего унтер-офицера Кропинова и мичмана Смирнова. Оба летчика погибли в авиакатастрофе. Неудивительно, что военлеты не питали к ван дер Спаю никаких теплых чувств, и 24 апреля 1919 года, когда его самолет совершил вынужденную посадку у красных, летевший в паре с полковником Казаков не предпринял никаких попыток помочь ему. Вместо ван дер Спая командиром легиона назначили немолодого полковника Грэя, с которым у русских авиаторов установились теплые отношения.

24 марта 1919 года Казаков был удостоен очередного знака отличия — учрежденного меньше года назад британского ордена «За летные боевые заслуги». Он стал первым из пяти русских кавалеров этой высокой награды (в следующий раз она была вручена уже советским летчикам в марте 1942 года).

Англичане наградили Казакова также учрежденным в 1914 году Военным орденом, а французы — учрежденным в 1915 году Военным крестом и высшим орденом страны — Почетного легиона.

Весной авиапарк Славяно-Британского легиона пополнился новыми машинами, прибывшими из Великобритании. Русские пилоты получили четыре «Де Хэвиллэнда-ОН.9» и три «сопвича» модели «снайп». В связи с тем, что число самолетов возросло,

авиационные силы Белого Севера были преобразованы в авиакорпус, состоявший из трех дивизионов. Командиром первого был назначен получивший звание майора Королевского Военно-воздушного флота Казаков, вторым командовал майор Кэрр, третьим — майор Боумэн. Каждый дивизион делился на два отряда; первым отрядом в дивизионе Казакова командовал капитан Модрах, вторым — штабс-капитан Белоусович.

Весной 1919-го, как и раньше, белые и красные военлеты сходились в воздушных боях редко и потерь обе стороны практически не несли. Впрочем, красные считали иначе, и два их летчика — С.Ф. Смирнов и П.А. Пентко — получили за несуществующие победы ордена Красного Знамени. Кстати, бывший штабс-капитан, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени Петр Александрович Пентко во время Первой мировой служил в XIX корпусном авиаотряде и 1-й боевой авиагруппе под началом Казакова…

Вечером 17 июня 1919 года Казаков принял участие в разработанной им дерзкой атаке аэродрома Пучуга, на котором базировался 1-й истребительный авиаотряд красных. Несколько белых «сопвичей» обстреляли зажигательными пулями ангары, уничтожили два красных истребителя «ньюпор», один «СПАД» и бочки с горючим. Успех акции был повторен на следующий день, когда самолеты Славяно-Британского авиакорпуса бомбили корабли красной Двинской флотилии.

Но это были последние удачи «славяно-британских» военлетов. В июле 1919-го по белым войскам Русского Севера пронеслась тревожная весть — англичане уходят с Кольского полуострова. Такое решение приняла победившая в Великобритании партия лейбористов. Эвакуация войск Антанты означала неизбежный конец местной «белой» эпопеи.

Правда, перед уходом англичане все же провели масштабное наступление, в котором были задействованы все наличные силы белой авиации. Взмывая с аэродрома Кургомень в десяти верстах от линии фронта, истребитель Казакова на бреющем полете, с высоты десяти метров расстреливал красноармейские окопы. Летчик не обращал внимания на убийственный ружейно-пулеметный огонь и раз за разом повторял рискованный маневр. В конце концов красноармейцы, не выдержав, бросили позиции и в панике бежали. Больше ста человек было убито, полтысячи сдалось в плен. Впрочем, развивать этот успех было некому — англичан масштабная наступательная операция уже не интересовала, а белые силы были слишком малочисленны.

Для Казакова наступили тяжелые дни. Было очевидно, что без британской поддержки перспектив у Белого движения на Севере

никаких. И хотя англичане 28 июля предложили Казакову перейти на службу в Королевский Военно-воздушный флот, он не спешил принимать это предложение. Ведь в таком случае нужно было покинуть Родину навсегда…

Одновременно капитан С.К. Модрах пришел к Казакову с известием о том, что ему поступило предложение занять должность полевого начальника авиации Сибирской армии адмирала А.В. Колчака. Модрах это предложение принял. Вместе с ним отбывал в Сибирь и Н.И. Белоусович. Из Архангельска они вместе с экспедицией полярника Вилькицкого рассчитывали добраться до устья Енисея по Северному Ледовитому океану.

Казаков не отговаривал старых друзей изменить решение, но сам к Колчаку отправляться отказался. 1 августа 1919 года он решил проводить Модраха и Белоусовича в дальний путь и одновременно опробовать только что отремонтированный истребитель «сопвич-снайп» № E6350. Разбежавшись по взлетной полосе аэродрома Двинский Березняк, самолет некоторое время летел на расстоянии десяти метров от земли, затем внезапно резко начал набирать высоту, словно готовясь к выполнению петли Нестерова. Достигнув высшей точки, «сопвич» встал почти вертикально, затем неожиданно опрокинулся и с работающим мотором на полной скорости врезался в землю рядом с одной из аэродромных палаток. Раздался хруст ломающихся расчалок и шасси…

Ошеломленные страшным зрелищем сослуживцы Александра Александровича бегом бросились к дымящимся обломкам «сопвича». Но надежда на то, что Казаков каким-то чудом остался жив, не оправдалась — великий пилот скончался от перелома позвоночника.

Шума вокруг гибели самого результативного русского аса командование Славяно-Британского авиакорпуса решило не устраивать. Согласно официальной версии, причиной катастрофы послужила внезапная остановка двигателя самолета в воздухе. Но многочисленные очевидцы утверждали, что мотор «сопвича» работал до последнего мгновения без всяких перебоев. Другой причиной гибели Казакова называли ошибку в пилотировании, но траектория последнего полета «сопвича» для такого опытного пилота, как Казаков, была не «ошибочной», а попросту безумной: даже начинающий летчик никогда не стал бы набирать высоту так, что самолет в конце концов опрокинулся «на спину»…

Куда более вероятен другой вариант: не желая покидать Родину и в то же время не видя для себя никаких других перспектив, Казаков покончил жизнь самоубийством. Однако, как выяснилось, альтернатива все-таки была: в конце августа

англичане предложили тем русским летчикам, которые не желали эмигрировать в Великобританию, вступить в ряды Вооруженных сил Юга России, находившиеся тогда на пике военных успехов. Многим это предложение пришлось по душе, и 4 сентября 1919 года пароход с белыми военлетами вышел из Архангельска, чтобы ровно через месяц ошвартоваться в Новороссийске…

Но, так или иначе, величайший русский летчик-истребитель Первой мировой ушел из жизни. Казакова похоронили на кладбище возле небольшой часовни в Двинском Березнике, поставив над могилой два скрещенных пропеллера. На надгробии была сделана надпись «Мир праху твоему, герой России».

На долгие годы имя Казакова на Родине было предано забвению — белогвардеец героем быть не мог ни при каком раскладе. Тем более что в апреле 1945 года в составе Русской освободительной армии, подчиненной Власову, была сформирована 1-я истребительная авиаэскадрилья имени полковника Казакова (по-немецки Jagstaffel 5 «Oberst Kazakov») под командованием бывшего Героя Советского Союза майора С.Т. Бычкова. По горькой иронии судьбы имя Казакова получило соединение, состоявшее из предателей Родины, воевавших на стороне Германии. Конечно, сам Александр Александрович ни сном ни духом не был повинен в таком положении дел…

Сбивший 17 самолетов лично и 20 самолетов в группе Александр Казаков остался в истории русской авиации как первый и самый результативный летчик-истребитель Первой мировой войны. Он же является «отцом» русской истребительной авиации и первым летчиком, уцелевшим после выполнения успешного воздушного тарана — второго и последнего в истории Первой мировой.

* * *

Кроме подполковника А.А. Казакова в десятку самых результативных русских летчиков-истребителей Первой мировой войны входили:

штабс-капитан Евграф Николаевич Крутень (1892—1917), кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, сбил 17 самолетов врага;

штабс-капитан Павел Владимирович Аргеев (1887—1922), кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, сбил 15 самолетов врага;

капитан 2-го ранга Александр Николаевич Прокофьев-Северский (1894—1974), кавалер ордена Святого Георгия 4-й

степени и Георгиевского оружия, сбил 13 самолетов врага;

поручик Иван Васильевич Смирнов (1895—1956), кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, Георгиевского оружия и Георгиевского креста четырех степеней, сбил 12 самолетов врага;

штабс-капитан Борис Васильевич Сергиевский (1889—1971), кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, сбил 11 самолетов и 3 аэростата врага;

прапорщик Эдуард Мартынович Томсон (1891 —1917), кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, и старший лейтенант Михаил Иванович Сафонов (1893—1922) сбили по 11 самолетов врага;

поручик Иван Александрович Лойко (1892—1936) сбил 10 самолетов врага;

прапорщик Владимир Иванович Стрижевский (1894—1940) и штабс-капитан Донат Адамович Макиёнок (1890—1939) сбили по 9 самолетов врага.

Среди военных летчиков начала XX века были и люди необычных судеб. Таков «Маресьев Первой мировой» корнет Юрий Владимирович Гильшер (1894—1917). С ноября 1915 года он воевал на Западном фронте. В апреле 1916-го в результате авиакатастрофы Гильшер лишился левой ноги, но вернулся в строй и свои лучшие победы одержал в 1917 году. Был награжден орденами Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненским оружием). Погиб в неравном авиационном бою над Румынией 7 июля 1917 года.

Многие летчики Первой мировой войны впоследствии защищали Родину и во время Великой Отечественной. Такова судьба выпала кавалеру орденов Святого Георгия 4-й степени, Святой Анны 4-й степени «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом подпоручику Анатолию Адольфовичу Розенфельду (1896 — после 1956) — в 1938 году он получил звание военинженера 2-го ранга, в 1945-м был награжден орденом Красной Звезды. А подполковник Николай Александрович Мульков (1890—?), во время Первой мировой успешно командовавший XXIV корпусным и 3-м истребительным авиаотрядами, закончил службу только в 1946-м, в звании полковника Советской армии, кавалером орденов Ленина и Красного Знамени.

В рядах русского воздушного флота весьма успешно воевали и иностранные добровольцы. Например, лейтенант французской армии и поручик русской Альфонс Пуарэ был удостоен Георгиевского креста четырех степеней и Георгиевского оружия. А

на тяжелом бомбардировщике «Илья Муромец» воевал, без сомнения, самый экзотический русский летчик за всю историю войны — французский негр!.. Звали его Марсель Пля, и был он вольноопределяющимся в звании старшего унтер-офицера. Журнал «Огонек» в № 43 от 23 октября 1916 года посвятил ему отдельную заметку:

«— Здорово, Марсель!

— Здравим желаим вашскороди!

— Как живешь?

— Ничиво живем помалиньку.

Искрятся черным черные глаза, сверкают зубы и лоснится широкий негритянский нос — арап. Только как же: на голове русская солдатская фуражка, и такое отчетливое “здравим жилаим”… Русским языком он владеет отлично, только окончания заглатывает… Марсель Пля французский гражданин. Девять лет назад его мать была привезена богатыми людьми в Россию в качестве няньки и с нею курчавый и бойкий подросток. Холодная Россия стала второй родиной черному Пля, теперь он женат на русской, имеет ребенка. Когда началась война, он, как французский подданный, должен был явиться в ряды Жоффра, но остался, вступив добровольцем в русскую армию, сначала в качестве шофера, затем моториста». Кстати, воевал Марсель отменно и за храбрость был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней.

* * *

…Сейчас у каждого есть возможность почтить память первого русского летчика-истребителя. 1 августа 2009 года, в день, когда исполнилось 90 лет с момента гибели великого аса, в поселке Березник Виноградовского района Архангельской области, у здания центральной районной библиотеки были установлены мемориальная плита с портретом А.А. Казакова и два скрещенных пропеллера.

ПЕТР ЧЕРКАСОВ: *«Погибаю, но не сдаюсь»*

В 1904 году история русского военно-морского флота пополнилась одним из самых легендарных событий — боем крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящей по силам японской эскадрой. Будучи зажатыми противником в бухте корейского порта Чемульпо, корабли отказались спустить флаги и смело вступили в неравный бой, хотя и знали, что победить в нем невозможно. Чтобы корабли не достались врагу, экипажи уничтожили их: «Варяг» был затоплен, а «Кореец» — взорван. Мужество русских моряков восхищало людей по всей стране. Им были оказаны высокие почести, их судьбы легли в основу книг и фильмов. И сейчас нет в России человека, который не знал бы гордых строк песни, ставшей народной: «Наверх вы, товарищи, все по местам, / Последний парад наступает, / Врагу не сдается наш гордый “Варяг”, / Пощады никто не желает…»

Но, к сожалению, мало кто помнит о том, что во время Первой мировой войны другие русские моряки совершили не менее великий подвиг. Неравный бой, произошедший 6 августа 1915 года в ночном Рижском заливе, обессмертил имя отважного командира канонерской лодки «Сивуч» Петра Черкасова…

…Как и многие великие русские моряки, Петр Нилович Черкасов увидел свет далеко от моря — в Нижнем Новгороде. Он родился 19 июня 1882 года в семье 41-летнего капитан-лейтенанта Нила Васильевича Черкасова, выходца из дворян Тверской губернии, и его 29-летней жены Ольги Алексеевны, урожденной Турчаниновой, дочери предводителя нижегородского дворянства. Нил Васильевич Черкасов был опытным моряком — служил в офицерских чинах с 1862 года, два года провел в заграничных плаваниях, ходил на корвете «Витязь» и фрегате «Ослябя». В 1885 году получил чин капитана 2-го ранга. Забегая вперед можно сказать, что в отставку Нил Васильевич вышел в 1899 году в чине флота генерал-майора, после чего был членом правления Русско-Дунайского пароходства и владел тремя собственными коммерческими судами — пароходами «Катунки», «Вольск» и «Петр».

На момент рождения Петра Черкасовы снимали в Нижнем Новгороде второй этаж в доме купчихи Зябловой, на углу Большой и Малой Печерской улиц (ныне Большая Печерская и улица Пискунова). В этом же доме размещалась контора Общества спасения на водах, главой которого являлся Н.В.

Черкасов. Семья была большой и дружной — у Петра были старшие братья Алексей, Анатолий, Василий, Леонтий и две сестры, старшая Вера и младшая Ольга. После рождения седьмого ребенка, в декабре 1884 года, Ольга Алексеевна Черкасова заболела и вскоре скончалась. Нил Васильевич переживал смерть любимой жены очень тяжело.

Как и отец, Василий и Анатолий Черкасовы стали офицерами военно-морского флота. И неудивительно, что имея перед глазами примеры Нила Васильевича и старших братьев, Петр Черкасов тоже с детства определился с выбором будущей профессии. После окончания двух классов Александровского дворянского института он поступил в петербургский Морской кадетский корпус. Это учебное заведение было элитным — в него принимались только дети флотских офицеров и потомственные дворяне. Учебный план был чрезвычайно насыщенным — в него входили такие дисциплины, как навигация, электротехника, кораблестроение, морская съемка, физическая география, пароходная механика, минное дело, девиация компасов, морская артиллерия, теория корабля, фортификация, астрономия, морская тактика… По окончании годичного курса корпуса гардемарин Черкасов был произведен в первый офицерский чин мичмана. Это произошло в сентябре 1900 года.

Первым кораблем, на котором выпало служить юному офицеру, стал только что вступивший в строй эскадренный броненосец «Пересвет». Там же служил и старший брат Петра Василий. В составе экипажа «Пересвета» братья совершили длительное плавание — переход на Дальний Восток. Это путешествие началось 11 октября 1901 года в Кронштадте и завершилось в Порт-Артуре 5 апреля 1902 года.

Год спустя мичман Черкасов получил назначение на должность вахтенного начальника миноносца «Властный». Именно на этом корабле Петр Нилович получил боевое крещение. С началом Русско-японской войны «Властный», входивший в состав 1-го отряда миноносцев Первой Тихоокеанской эскадры, активно включился в боевые действия (только за первый месяц войны корабль выходил в море 11 раз). Особенно запомнился Черкасову бой 26 февраля 1904 года. Тогда «Властный» в составе отряда из четырех русских миноносцев нес ночное дежурство у Порт-Артура. В половине четвертого утра русские моряки заметили противника — группу из четырех «японцев». «Властный» открыл по врагам артиллерийский огонь, а затем выпустил две торпеды по японскому миноносцу «Асасиво». Как следует из рапорта командира «Властного» лейтенанта Карцева, мичман Черкасов действовал в бою умело и храбро: «Своей

хладнокровной и толковой распорядительностью под выстрелами быстро завел сперва румпель-тали, а потом произвел с не меньшей быстротой сложный переход с парового на ручной штурвал». Как вспоминал Василий Черкасов, после боя младший брат буквально рухнул без сил у него в каюте… По итогам этого ночного боя Петр Черкасов был награжден первым орденом — Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. А 6 мая 1904 года молодой офицер был произведен в чин лейтенанта. Через 18 дней последовало и новое назначение — третьим артиллерийским офицером на эскадренный броненосец «Севастополь». Старшим артиллерийским офицером на том же корабле служил Василий Черкасов.

Лето 1904 года выдалось для «Севастополя» горячим. 10 июня броненосец в составе русской эскадры из одиннадцати кораблей вышел в море с целью прорваться из Порт-Артура во Владивосток, но попытка оказалась неудачной — наши корабли встретились с крупными силами японцев и по приказу командующего В.К. Витгефта повернули назад, причем «Севастополь» напоролся левым бортом на мину, потеряв одиннадцать человек ранеными. Во время ремонта на корабле возник пожар, в ходе которого погибли два моряка. В строй броненосец удалось вернуть только 25 июля. А уже через два дня «Севастополь» принял участие во второй попытке прорыва из Порт-Артура — сражении, известном в истории флота как «бой в Желтом море». На протяжении этого боя русский броненосец выпустил по врагу 78 снарядов главного калибра и 323 снаряда калибром 152 миллиметра и сам получил несколько попаданий. Три орудия вышли из строя, один член экипажа погиб, 61 моряк был ранен. Одним из двух раненых офицеров был Петр Черкасов — он получил ранение в голову и две контузии, в голову и грудь, но из боя не вышел и отказался от медицинской помощи.

После боя в Желтом море попыток прорыва во Владивосток русский флот больше не предпринимал, а корабли фактически стали плавучими батареями, оборонявшими крепость Порт-Артур. 10 августа 1904 года, отстрелявшись по японским позициям, «Севастополь» уже во второй раз подорвался на мине. Буксировать его в гавань пришлось под сильным артиллерийским огнем противника. Во время буксировки Петра Черкасова ударило лопнувшим перлинем. Надо сказать, что лейтенанту тогда неимоверно повезло — как правило, оборвавшийся трос рассекает человека пополам. Но мужественный офицер, отделавшийся сильной травмой, отказался покинуть боевой пост.

Сентябрь, октябрь и ноябрь 1904 года прошли для Петра Черкасова в боевых действиях на берегу — он командовал

десантной ротой, в составе которой сражались 180 моряков «Севастополя». 25 ноября, когда положение оставшихся кораблей русской эскадры стало уже безвыходным, адмирал Р.Н. Вирен дал приказ перевести «Севастополь» (к тому времени все другие русские броненосцы погибли или вышли из строя) в бухту Белый Волк и готовиться к прорыву блокады. Японцы, в свою очередь, начали предпринимать все усилия для того, чтобы потопить «Севастополь». В ночь на 30 ноября семь японских миноносцев атаковали русский корабль, но севастопольцы метким артиллерийским огнем сорвали атаку, а один из вражеских кораблей был сильно поврежден. Следующая крупная атака пришлась на снежную ночь 2 декабря. 23 «японца» вновь попытались расстрелять русский броненосец торпедами, но «Севастополь» спасли вовремя установленные противоторпедные сети. Наши моряки ответили врагу пятьюдесятью залпами, в том числе девятью — из главного калибра. В обоих ночных боях действиями артиллеристов «Севастополя» умело руководил лейтенант Петр Черкасов.

Ночь на 3 декабря стала для «Севастополя» роковой. В корабль попали сразу три японские торпеды, в результате чего броненосец потерял управление. После этого корабль мог использоваться только в качестве несамоходной плавучей батареи. Артиллерийские стрельбы по врагу севастопольцы вели до вечера 19 декабря, когда на корабле был оглашен тягостный для моряков приказ — затопить броненосец в связи со сдачей крепости Порт-Артур. 20 декабря буксир «Силач» вывел «Севастополь» из бухты. К этому дню команда корабля состояла всего из сорока человек, а обязанности старшего офицера с 13 ноября исполнял Петр Черкасов. Борт обреченного корабля он покидал предпоследним. Командир «Севастополя», капитан 1-го ранга Н.О. фон Эссен, и сжимавший в руках кормовой флаг броненосца Черкасов со слезами на глазах следили за тем, как израненная в боях громада медленно погружается в волны. «Севастополь» уходил гордо, как и полагается русскому боевому кораблю, с развевающимся на мачте сигналом «Погибаю, но не сдаюсь», который поднял на стеньге фок-мачты Черкасов…

По итогам Русско-японской кампании Петр Нилович Черкасов был награжден орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Отличился в боях и старший брат Петра Василий Черкасов — в родной дом он вернулся с орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Золотым оружием «За

храбрость».

Трагическая новость пришла в семью Черкасовых летом 1904 года. 16 июня погиб в чине лейтенанта брат Петра — 30-летний Анатолий. Он служил на первой русской подводной лодке «Дельфин». Когда во время учебного погружения возникла нештатная ситуация, Анатолий отказался покинуть гибнущий корабль и остался на лодке, дав возможность спастись проходившим обучение новичкам… Похоронили верного долгу моряка на Смоленском кладбище Петербурга. Братья Черкасовы получили известие о гибели Анатолия еще на «Севастополе», отслужили по нему панихиду… Этот случай глубоко запал Петру в душу. Скорбя по брату, он вместе с тем гордился его поступком.

По возвращении с Дальнего Востока Черкасов некоторое время находился в отпуске — раны, полученные в боях с японцами, давали о себе знать. Только 24 августа 1907 года признанный годным для дальнейшей службы офицер получил новое назначение. На этот раз оно было мирным — служить предстояло на построенном в 1895 году учебном судне «Верный». Но Черкасов хотел вернуться именно на боевой корабль и два года спустя добился своего — командование предложило ему миноносец № 213. Это был построенный на петербургской Охтинской верфи трехтрубный корабль водоизмещением 205 тонн, вооруженный тремя 37-миллиметровыми пушками французского производства и тремя торпедными аппаратами. И хотя этот спущенный на воду в мае 1903-го миноносец уже считался морально устаревшим (его скорость составляла 24 узла, в то время как зарубежные аналоги в то время давали уже около 30 узлов), Петр Нилович с удовольствием согласился на предложение. 15 октября 1909 года теперь уже старший лейтенант Черкасов впервые ступил на палубу в полном смысле «своего» корабля…

«Миноносником» Черкасову довелось быть чуть меньше года. 1 октября 1910-го он был зачислен штатным слушателем Николаевской морской академии по военно-морскому отделению, а год спустя начал посещать дополнительный курс академии по отделению военно-морских наук. 6 декабря 1912 года, в день тезоименитства императора Николая II, он был произведен в капитаны 2-го ранга. В том же месяце разошлись служебные пути братьев Черкасовых — Василий, которому долгое время доводилось служить вместе с младшим братом, получил назначение на строившийся черноморский линкор «Иоанн Златоуст».

1913 год ознаменовался для Петра Ниловича радостным событием — он наконец встретил свою единственную даму

сердца, 31-летнюю Сусанну Владимировну Гильтебрандт. Ее дедом был придворный медик, а отцом — скончавшийся 30 ноября 1912 года тайный советник Владимир Аполлонович Гильтебрандт, занимавший должность врача при центральных учреждениях Морского министерства и Главного адмиралтейства. Родной дядя жены П.Н. Черкасова, Яков Аполлонович Гильтебрандт, с 1909 года имел чин адмирала. Морским офицером был и двоюродный брат Сусанны Владимировны, Кирилл Платонович Гильтебрандт, с которым П.Н. Черкасов был знаком еще по Порт-Артуру. В Первую мировую он командовал на Балтике тральщиком «Взрыв» и был убит матросами в марте 1917 года.

В мае 1913-го Петр Нилович взял отпуск и отправился с женой в родные края — в имение своей прабабушки Катунки Нижегородской губернии. Заслуженный моряк, пользовавшийся там всеобщей любовью, был избран гласным Балахнинского земского собрания. В сентябре Черкасов вернулся на Балтику и приступил к чтению лекций в Николаевской морской академии. Однако его старый знакомый Н.О. фон Эссен уговорил его принять командование над канонерской лодкой «Сивуч». Приказ о назначении последовал 23 декабря 1913 года, буквально накануне Рождества.

Прежде на канлодках Петру Ниловичу служить не приходилось. Этот класс кораблей предназначался для выполнения боевых операций в прибрежной зоне — несения патрульной службы, постановки минных заграждений. «Сивуч» был одной из четырех канонерских лодок, названных в честь погибших во время Русско-японской войны предшественниц (остальные корабли этого типа носили названия «Гиляк», «Бобр» и «Кореец»). Изначально все эти корабли строились для службы на реке Амуре и охраны дальневосточных рубежей России, но судьба распорядилась так, что все четыре канонерки остались на Балтике. «Сивуч» вступил в строй 24 июля 1908 года и с сентября 1913-го был прикомандирован ко 2-й минной дивизии Балтфлота, базировавшейся в Свеаборге (ныне Суоменлинна, Финляндия). Водоизмещение корабля — 960 тонн, экипаж состоял из 10 офицеров и 138 матросов. Канонерская лодка была вооружена двумя 120-миллиметровыми и четырьмя 75-миллиметровыми орудиями, тремя пулеметами и несла на борту 40 мин.

Конец 1913-го — начало 1914 года прошли для «Сивуча» в Учебно-минном отряде — на борту канонерки проходили практику воспитанники Морского инженерного училища. Но учебными походы балтийских канлодок оставались недолго. 20 июля 1914 года был объявлен Высочайший манифест о войне с

Германией, и для «Сивуча» начались боевые будни. С открытием военных действий канонерка перешла в состав 2-й минной дивизии Балтфлота (в апреле 1915-го она вместе с 1-й образовала единую Минную дивизию) и несла боевую службу на Або-Оландской шхерной позиции — патрулировала финские шхеры. 8 марта 1915 года командир «Сивуча» за успешную боевую работу был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

На протяжении первого полугода войны крупных сражений на русском участке Балтийского моря не было. Но в конце июня 1915-го ситуация на Балтике изменилась. Германская армия захватила Курляндию, в распоряжении немецкого флота оказались русские военно-морские базы Либава и Виндава (ныне Лиепая и Вентспилс, Латвия). Развивая наступление, войска противника вырвались к берегу Рижского залива, а юго-западнее Риги подошли к реке Западная Двина. Малочисленные на этом участке русские войска были сведены в так называемый Шлокский отряд, практически лишенный артиллерии. Для поддержки пехоты в Рижский залив были посланы «Сивуч» и «Кореец» (командиром последнего был капитан 2-го ранга И.К. Федяевский). 8 июля обе канлодки прибыли в Усть-Двинск (ныне Даугавгрива, Латвия) и перешли в оперативное подчинение капитану 2-го ранга А.В. Стеценко, который отвечал за взаимодействие морских и сухопутных сил Рижского укрепрайона.

В ночь на 12 июля 1915 года «Сивуч» вместе с эсминцами «Уссуриец», «Всадник», «Гайдамак» и «Амурец» вышел из Усть-Двинска, приблизился к берегу и, заняв позицию, в 4 часа утра открыл артиллерийский огонь по станции Кеммерн (ныне Кемери, Латвия), где, по сведениям разведки, были сосредоточены два германских полка, изготовившихся к атаке. И вскоре над черным берегом взвились сигнальные ракеты — русская пехота благодарила за огневую поддержку. Первый же налет оказался успешным — немцы понесли потери и отказались от наступления в сторону Шлока, а наши войска продвинулись западнее Кеммерна.

На протяжении всего июля 1915 года русские канонерские лодки активно поддерживали огнем наши войска на побережье Рижского залива. К ним присоединились также линкор «Слава» и эсминцы. Но наличие в заливе соединения русских кораблей не помешало командованию германского флота спланировать дерзкую набеговую операцию. Специально для этой цели к Ирбенскому проливу были стянуты крупные силы — два линкора, несколько крейсеров, соединения эсминцев и тральщиков. 25 июля германский вице-адмирал Эрхардт Шмидт отдал приказ,

согласно которому подчиненные ему корабли должны были снять русские минные заграждения в Ирбенском проливе, пройти в Рижский залив, заблокировать гавань Пернова (ныне Пярну, Эстония), обстрелять Усть-Двинск и вернуться обратно.

Начало августа ознаменовалось целым рядом боев и стычек между русскими и германскими кораблями, среди которых был блистательный 17-минутный ночной бой русского эсминца «Новик» с германскими эсминцами V-99 и V-100 (первый подорвался на мине и выбросился на берег, а второй, поврежденный огнем с «Новика», сумел уйти). 4 августа «Сивуч» и «Кореец» в последний раз обстреляли германские окопы под Кеммерном. Тем же вечером капитан 2-го ранга А.В. Стеценко с тревогой сообщил начальнику штаба флота вице-адмиралу Л.Б. Керберу, что дальнейшее пребывание канлодок в этом районе в связи с возможным прорывом немцев в залив опасно и их нужно отвести в пролив Моонзунд. С ответом Кербер промедлил, что впоследствии стало роковым для обоих русских кораблей…

Весь день 5 августа германские тральщики снимали русские минные заграждения в Ирбенском проливе. Попытка линкора «Слава» и канонерок «Грозящий» и «Храбрый» воспрепятствовать этому оказалась неудачной, превосходство германских сил было подавляющим, и русские корабли почли за благо отойти к Моонзунду. Теперь в опасной зоне оставались только «Кореец» и «Сивуч»: они согласно приказу штаба флота устанавливали минные заграждения на случай, если немцы направятся к Риге. Туманным и дождливым вечером 5 августа обе канлодки закончили постановку ста мин на подходе к устью Западной Двины и глубокой ночью вернулись в Усть-Двинск на заправку топливом. К этому времени командиры кораблей П.Н. Черкасов и И.К. Федяевский уже получили отданный А.В. Стеценко на свой страх и риск приказ немедленно уходить в Моонзунд. Но погрузка угля затянулась до рассвета.

Между тем 6 августа в 11 часов утра в Рижском заливе появились германские силы — линкоры «Позен» (на нем держал флаг вице-адмирал Э. Шмидт) и «Нассау», крейсера «Пиллау», «Бремен», «Грауденц» и «Аугсбург», эсминцы и тральщики. Через полтора часа этот отряд разделился — немецкие линкоры, крейсера и эсминцы «разбрелись» почти по всему Рижскому заливу, разведывая обстановку. Одновременно в Усть-Двинск дошли наконец официальные приказы командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.А. Канина и начальника Минной дивизии капитана 1-го ранга П.Л. Трухачева: «Сивучу» и «Корейцу» немедленно уходить в Моонзунд. В сложившейся оперативной обстановке это было равносильно самоубийству.

Можно только предположить, какие чувства испытывали Петр Нилович Черкасов и Иван Константинович Федяевский перед тем, как вывести свои корабли в Рижский залив. Надеяться можно было разве что на Божью помощь и на морское везение. Черкасову в тот день нездоровилось, и отдать прощальный визит коменданту крепости Усть-Двинск генерал-лейтенанту И.А. Миончинскому Федяевский отправился в одиночестве. Узнав о том, что канлодки идут на прорыв, Миончинский удивился:

— Но ведь неприятель уже в заливе, вы можете встретить сильнейшего врага и погибнуть совсем напрасно.

— Мы это знаем, Ваше Превосходительство, — ответил Федяевский.

— Сколько же шансов за то, что вы дойдете до Моонзунда?

— Один из ста…

Последнее совещание командиров «Сивуча» и «Корейца» было недолгим. Офицеры решили следующее: «1) В случае гибели от подводной лодки другому кораблю людей не снимать; 2) В случае встречи с более сильным и многочисленным противником не держаться соединенно». Такая тактика в случае необходимости неравного боя позволила бы уцелеть хотя бы одному кораблю из двух. Она была подсказана трагедией, случившейся 22 сентября 1914 года, — тогда германская подводная лодка U-9 пустила ко дну подряд английские крейсера «Абукир», «Хоуг» и «Кресси», которые снимали экипажи с тонущих собратьев…

В 13 часов 25 минут две канлодки согласно приказу покинули Усть-Двинск и взяли курс на Моонзунд. Головным шел «Сивуч». По приказу Черкасова на корабле заранее пробили боевую тревогу. Рижский залив был тих, русские канлодки шли курсом на норд со скоростью 10 узлов в пасмурной сырой мгле, иногда проходя сквозь полосы сплошного тумана.

Между тем из радиорубки одно за другим поступали тревожные сообщения: «15.15. Германские крейсера и эсминцы обнаружены у острова Эзель», «17.00. Германский крейсер прошел у нордовой вехи банки Кюногрунд», «17.30. Германский крейсер и два эсминца прошли мимо острова Кюно курсом на ост-норд-ост»… Стало окончательно ясно, что восточная часть Рижского залива контролируется немцами и проскочить к Моонзунду незамеченными вряд ли удастся. В 19 часов Черкасов получил телеграмму от командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.А. Канина: «“Сивучу” и “Корейцу” идти на Ost под берег, где ждать темноты, с темнотою идти в Моонзунд». Час спустя корабли застопорили машины и легли в дрейф, дожидаясь ночи.

Шли минуты. Смеркалось, сигнальщики до боли в глазах вглядывались в темнеющее на глазах море, но пока все было

спокойно. Владевшее всеми напряжение начало понемногу спадать, появилась надежда, что немцы тоже решили заночевать где-нибудь у берегов близлежащего острова Кюно (ныне — остров Кихну, Эстония) и с наступлением полной темноты удастся уйти.

И в этот момент сигнальщик Василий Кантонистов, находившийся на мостике «Сивуча» рядом с командиром, негромко произнес:

— Ваше Высокоблагородие, по правому борту с зюйд-веста дымы…

Черкасов поднес к глазам бинокль. Действительно, на горизонте тянулись к вечернему небу едва различимые столбы дыма. А сигнальщик уже уточнял информацию:

— Вижу силуэты трех кораблей, головным крейсер типа «Кольберг».

— Может, это наш минзаг «Амур» для маскировки третью трубу себе поставил? — с надеждой предположил старший офицер «Сивуча» 26-летний лейтенант Петр Алексеевич Дьяков.

Черкасов машинально взглянул на часы. Стрелки на светящемся циферблате показывали 20.50. Командир снова поднес к глазам бинокль.

— Это «Аугсбург», — медленно проговорил он после паузы. — Вторым эсминец типа V-25, концевым идет V-100 — таких кораблей у немцев только два, и один из них потоплен…

— Может, еще не заметят? — спросил вахтенный офицер, два месяца как произведенный в мичманы 25-летний Борис Иванович Шредер. Но Черкасов только покачал головой в ответ.

Сравнение с противником по всем параметрам было не в пользу «Сивуча» и «Корейца». Русские канонерские лодки могли развить 12,5 узла, «Аугсбург» же выжимал 26,7 узла, а эсминцы были еще быстрее — 37 и 38 узлов. Двенадцати русским пушкам (по шести на каждой канонерке) противостояли девятнадцать немецких (семь на эсминцах и двенадцать на крейсере)… Но отступать, просить о пощаде, склонять славный Андреевский флаг перед противником?.. Никогда!..

На канлодках прозвучал сигнал «К бою!», комендоры «Сивуча» и «Корейца» бросились к орудиям. Надежда на то, что германцы не заметят две канлодки и пройдут стороной, не оправдалась: уже через десять минут немецкие корабли запросили опознавательные. Ответа они, конечно, не дождались. Тогда с «Аугсбурга» прозвучали первые пристрелочные выстрелы. Пять снарядов упали в море за кормой шедшего вторым «Корейца». Наши канонерские лодки развили предельную скорость курсом на норд-норд-вест, не подозревая, что движутся навстречу основным силам германского флота…

Началась погоня. Через двадцать минут «Аугсбург» и эсминцы (это были V-29 и V-100, тот самый, который уцелел после схватки с «Новиком») настигли «Сивуча» и «Корейца», осветили цели прожектором и с дистанции 22 кабельтова открыли огонь. В ответ заработали орудия левого борта наших кораблей.

Артиллерийская дуэль разгоралась с каждой минутой. Немцы стреляли метко, и вскоре кормовые орудия «Сивуча» были разбиты, но канлодка продолжала яростно отстреливаться из носовых пушек. Оба германских эсминца стремительно пошли на сближение с русскими кораблями, явно собираясь потопить их торпедами. V-29 направлялся к «Сивучу», а V-100 — к «Корейцу». В холодном свете осветительных ракет, которые немцы пускали через каждые четыре-пять залпов, было видно, как узкие тела торпед плюхнулись в воду и, взбивая за собой пенные дорожки, понеслись к целям…

— Право руля на борт! — скомандовал Черкасов. Резким поворотом вправо «Сивуч» лег на обратный курс,

и торпеда прошла мимо. Умелым маневром уклонился от торпедной атаки и «Кореец». Теперь «Аугсбург» сосредоточил огонь именно на нем, «Сивуч» же, в которого вцепились оба германских эсминца, следовал в двадцати кабельтовых за канлодкой Федяевского.

Внезапно на поле боя наступила темнота. Это меткий снаряд, выпущенный русским комендором, разнес носовой прожектор на «Аугсбурге». Крейсер начал поспешно разворачиваться, чтобы освещать море прожектором с кормы. Воспользовавшись этим, Черкасов крикнул Федяевскому (канлодки шли буквально борт к борту, и командиры переговаривались без рупора):

— Уходи в Моонзунд! Я прикрою!..

Петр Нилович решил принять весь огонь на себя и тем самым спасти товарища. Федяевский в последний раз вскинул ладонь к козырьку фуражки, отдавая Черкасову честь…

Воспользовавшись моментом, «Кореец» скользнул в темноту и прекратил огонь, надеясь в суматохе боя остаться незамеченным. Как ни удивительно, это ему удалось, и «Кореец» ушел на мелководье, где 12 минут спустя натолкнулся на мель. Разгоряченные боем немцы не заметили его ухода. Когда на «Аугсбурге» снова вспыхнул прожектор, сноп света, чиркнув по верхушкам волн, выхватил из черноты только силуэт израненного «Сивуча». Теперь германский крейсер перенес огонь своих орудий на него…

Бой продолжался уже 40 минут. «Сивуч» получил многочисленные повреждения корпуса и надстроек, на корабле было множество убитых и раненых. Наконец произошло самое

страшное, что может случиться с кораблем в ходе боя, — он потерял ход. Германские корабли со всех сторон приближались к беспомощно качавшейся на волнах канонерской лодке. На «Сивуче» горело все, что могло гореть, яркое пламя отражалось в темной воде залива. Внутри корабля время от времени раздавались взрывы, его борта раскалились докрасна и, соприкасаясь с ледяной водой, окутывались шипящими клубами пара…

«Аугсбург» и два эсминца хладнокровно расстреливали гибнущий корабль в упор. А пылающий «Сивуч»… продолжал отбиваться. Казалось невероятным, что на изрешеченном, объятом пламенем корабле, уже, по сути, превратившемся в искореженный кусок металла, кто-то еще остался в живых. Но эти моряки, стоя у единственной уцелевшей носовой пушки, продолжали сражаться. А капитан 2-го ранга Петр Нилович Черкасов по-прежнему стоял на мостике, руководя своим последним боем…

В книге А. Зернина «Балтийцы. Морские рассказы», изданной в Париже в 1931 году, последние минуты героической канлодки описаны так: «Лопнули паровые трубы. Повреждены машины. Рухнул мостик, увлекая за собой раненого командира. Корабль остался без головы…

Нет. Капитан 2-го ранга Черкасов встает из-под обломков и среди растущего хаоса подымается на ростры, продолжая управлять огнем оттуда. Но умолкают орудия, перебита прислуга и, однако, бой продолжается, потому что на “Сивуче” уцелела одна 75-миллиметровая пушка. И эта пушка все еще стреляет.

На рострах вспыхивает пожар. Огненные языки тянутся к небу. Пожар разгорается, и в огненном нимбе в последний раз виден командир…

С крейсера залп, и капитан Черкасов исчезает, разорванный на части и сметенный в воду…

Пожар растет. Борт накаляется и багряно-темной полосой рдеет над водою. И через докрасна раскаленный борт все стреляет та же чудом сохранившаяся пушка. “Сивуч” весь в пламени клонится мачтами к воде, но продолжает бой».

В 22 часа к месту сражения подошли основные силы германского флота — линкоры «Нассау» и «Позен» и семь эсминцев. Вице-адмирал Шмидт приказал добить противника, и оба линкора открыли огонь с левого борта по гибнущему «Сивучу». Одновременно эсминцы S-176, S-178, S-179, V-185 и V-29 выпустили в русскую канонерку свои торпеды…

Пылающий остов «Сивуча» потряс чудовищный взрыв. Корабль опрокинулся на правый борт и мгновенно скрылся под

водой. Но перед гибелью носовая 75-миллиметровая пушка еще успела сделать свой последний выстрел по противнику. У этого орудия стоял 25-летний мичман Михаил Алексеевич Мурзин…

Холодные волны Рижского залива навсегда сомкнулись над непобежденным кораблем и его героическим экипажем. На часах было 22.10. «Сивуч» погиб у северо-западной оконечности острова Кюно.

Бой прекратился. Германцы начали подбирать из воды уцелевших моряков. Всего было спасено 48 членов экипажа «Сивуча», в том числе двое офицеров (одним из них оказался Михаил Мурзин, сделавший последний выстрел по врагу). 27 человек из спасенных оказались ранеными. Но Петра Ниловича Черкасова среди них не было. Как и положено командиру, он встретил смерть на мостике своего корабля… Кроме него, на «Сивуче» геройски погибли старший офицер лейтенант Петр Алексеевич Дьяков, старший артиллерийский офицер мичман Освальд Оскарович Проффен, штурманский офицер мичман Георгий Иванович Погожев 2-й, вахтенный начальник мичман Иван Иванович Тырин, вахтенный офицер мичман Борис Иванович Шредер, мичман Анатолий Сергеевич Семенов, младший судовой механик инженер-механик мичман Константин Павлович Огурешников и судовой врач надворный советник Иван Петрович Залесов.

Уцелевшим после боя членам экипажа «Сивуча» противник оказал самые высокие почести — на борту германского линкора «Нассау» их торжественно встретил выстроенный вдоль во фронт экипаж во главе с командиром. Корабельный оркестр исполнил в честь русских моряков «Боже, Царя храни» — случай беспрецедентный в истории мировых войн…

Судьба однотипной с «Сивучом» канонерской лодки «Кореец» сложилась тоже драматично. В темноте немцы чудом не заметили севший на мель корабль, он сумел ускользнуть и укрыться в бухте острова Кюно. Но 7 августа офицеры «Корейца» во главе с командиром на основе имевшейся у них на тот момент информации приняли решение уничтожить корабль, чтобы он не достался противнику. По странному совпадению, «Кореец» погиб точно так же, как и его предшественник, одноименная канонерская лодка времен Русско-японской войны — принял неравный бой с врагом, а затем был взорван своим экипажем… Правда, в декабре 1915 года совещание флагманов Балтийского флота признало действия капитана 2-го ранга И.К. Федяевского поспешными и запретило ему впредь командовать кораблями «из-за недостатка твердой воли и чрезмерной впечатлительности». Впрочем, под суд командира «Корейца» не отдали, «принимая во

внимание доблесть, проявленную командиром корабля в предшествующих боях под Ригой, а также в бою 6 августа».

Неравный бой «Сивуча» и «Корейца» с превосходящими силами германского флота имел неожиданно большие последствия. На следующий день, 7 августа, вице-адмирал Э. Шмидт принял решение уводить свою эскадру из Рижского залива. За свою попытку вторжения в территориальные воды России германцы заплатили дорогую цену — пять миноносцев, пять тральщиков, надолго вышли из строя линкор «Мольтке» и крейсер «Тетис». Активность противника в этом регионе снизилась на целых два года.

…Родные Петра Ниловича Черкасова долго не хотели верить в то, что его нет в живых. Сусанна Владимировна надеялась на то, что муж был подобран германскими кораблями, ждала, когда же будут опубликованы списки пленных. И только в конце сентября стало ясно, что надежды больше нет. 22 сентября 1915 года П.Н. Черкасов был исключен из списков флота, а его родственники почтили память героя панихидой в нижегородском Крестовоздвиженском соборе, где покоились его мать и дед. 26 февраля 1916 года мужественный офицер был посмертно произведен в капитаны 1-го ранга и удостоен высшей боевой награды России — ордена Святого Георгия 4-й степени. Его портрет в обрамлении лавровых ветвей был размещен в зале Николаевской морской академии.

Восторженно отозвались о подвиге Черкасова и союзники. Английская газета «Стар» 25 августа 1915 года вышла с большим заголовком «Славная морская победа России». «Пройдут годы, позабудутся события этой войны, но подвиг “Сивуча” останется в истории», — утверждала газета. В германской прессе бой «Сивуча» также получил высокую оценку: «Русский корабль, окруженный фонтанами взрывов 11-дюймовых снарядов, весь в огне и храбро отстреливаясь из всех своих орудий, опрокинулся и затонул после произведенной на него пятью миноносцами атаки».

После того как о подвиге капитана Черкасова узнала вся страна, 28 сентября 1915 года Балахнинское земское собрание приняло решение поставить герою-земляку памятник. Но отец погибшего моряка предложил открыть общедоступный Народный дом имени Петра Черкасова. Н.В. Черкасов подарил земству участок земли в Ольгине Мысовской волости Балахнинского уезда (ныне Володарск Нижегородской области) с домом и постройками. Дом был отремонтирован на средства земства и пожертвования благотворителей, открыл двери в 1916-м и действовал до 1920 года. В дальнейшем дом использовался как склад, полностью обветшал и в 2000 году его руины были

снесены. Сейчас на этом месте проложена дорога…

Судьбы родных П.Н. Черкасова сложились драматично. Его вдова Сусанна Владимировна в феврале 1942 года погибла в блокадном Ленинграде. Отец героя, Нил Васильевич, пережил его ненадолго — скончался 23 апреля 1916-го. А старший брат Василий Нилович закончил Первую мировую в чине капитана 1-го ранга и должности командира линкора «Чесма», был награжден орденами Святой Анны 2-й степени с мечами и Святого Владимира 3-й степени с мечами. После революции поступил на службу в Красный флот, но в апреле 1922 года, «как элемент, несомненно, контрреволюционный», был уволен с лишением звания командира РККФ. В марте 1929 года переехал в Ленинград, а потом в Москву, жил на Садово-Черногрязской улице. В 1937-м был арестован его сын Нил. Судьба самого Василия Ниловича неизвестна…

А вот офицеру, который сделал последний выстрел с гибнущего «Сивуча», оказалась суждена долгая жизнь. Вернувшись из плена, Михаил Алексеевич Мурзин сражался в рядах Вооруженных сил Юга России, командуя канонерской лодкой «Донец», в марте 1920 года был произведен в старшие лейтенанты. В эмиграции проживал в Югославии, Италии и Бельгии, где и умер в 1955-м…

Ныне память о герое Первой мировой войны бережно хранит его правнучатая племянница Ольга Ивановна Черкасова — председатель Общества памяти георгиевских кавалеров имени П.Н. Черкасова. В августе 2006 года в Володарске был заложен памятный камень на месте будущего памятника П.Н. Черкасову, а в октябре 2007 года Нижегородским отделением Общероссийского движения поддержки флота установлена мемориальная доска в его честь на здании Александровского дворянского института, где он учился. В 2010-м, к 95-летию подвига, в Нижнем Новгороде прошла военно-историческая конференция, посвященная памяти П.Н. Черкасова, а яхта «Барракуда» совершила поход к месту гибели «Сивуча» — эстонскому острову Кихну. Правда, вызывает удивление, что до сих пор имя героя не присвоено ни одному боевому кораблю Военно-морского флота России. Но хочется верить в то, что эсминец «Капитан Черкасов» обязательно сойдет с русских стапелей…

Вся жизнь и героическая гибель Петра Ниловича Черкасова — ярчайший пример мужества, настоящего морского характера, офицерской чести, верности воинскому долгу.

РИММА ИВАНОВА: *«Ставропольская дева»*

В 1769 году в Российской империи был учрежден орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Разделенный на четыре степени скромный крест из белой эмали с изображением святого Георгия, поражающего копьем змея, был задуман как исключительно военная награда, и русские офицеры и генералы ценили его выше любого другого ордена. Ни знатность, ни старые заслуги, ни связи при дворе, ни юбилей не вели к получению этой награды. Ее можно было заслужить только за блестящий, самоотверженный подвиг, совершенный на поле брани. Неудивительно, что количество кавалеров высших степеней ордена было весьма ограниченным. Так, 1-й степени за всю полуторавековую историю ордена удостоились всего 25 человек, 2-й степени — 125, 3-й — 650. Низшей, 4-й степени, было удостоено чуть больше десяти тысяч мужественных офицеров, зачастую оплативших свой орден кровью.

Интересно, что этим, казалось бы, исключительно «мужским» по духу орденом трижды были награждены и женщины. В 1769 году по праву основательницы знаки 1-й степени ордена возложила на себя императрица Екатерина II (она, кстати, и стала самым первым георгиевским кавалером в истории). С Георгиевской лентой императрица изображена на знаменитом портрете кисти Федора Рокотова. Кроме Екатерины II, высшая степень «Георгия» среди российских монархов была только у Александра II: в 1869-м он также возложил 1-ю степень ордена на себя в связи со столетием награды.

По странному совпадению, вторая женщина — георгиевский кавалер, как и Екатерина II, родилась в Германии. Это была королева Королевства обеих Сицилии Мария-София-Амалия (1841—1925), урожденная принцесса Баварская, дочь короля Баварии Максимилиана II. Во время четырехмесячной осады крепости Гаэта армией Гарибальди она проявила редкое мужество и 21 апреля 1861 года, через неделю после сдачи Гаэты, удостоилась от Александра II ордена Святого Георгия 4-й степени. Ей суждено было остаться в истории единственной иностранкой, награжденной этим орденом. Впрочем, своего «Георгия» королева Мария так и не получила и, соответственно, никогда его не носила.

В отличие от Екатерины II и Марии-Софии-Амалии, третья женщина — георгиевский кавалер не могла похвастаться ни

царским происхождением, ни богатством. Да и на свет она появилась вдали от европейских столиц — в южнорусском городе Ставрополе.

Этот город на несколько лет моложе ордена Святого Георгия — он был основан в 1777 году с сугубо военными целями, как крепость. По местной легенде, во время ее закладки строители откопали огромный каменный крест. Эта находка отразилась в названии города: «Ставрополь» по-гречески — город креста.

15 июня 1894 года в центре Ставрополя, на улице Лермонтовской, 28 (сейчас это проспект Дзержинского), в семье казначея Ставропольской духовной консистории, коллежского асессора Михаила Павловича Иванова и его жены Елены Никаноровны, урожденной Данишевской, родилась дочка. Имя девочке дали в честь древнего святого — великомученика Риммы, ученика апостола Андрея Первозванного. Со временем мужское имя «Римма» стало в русском языке женским.

Семью Ивановых в Ставрополе знали и уважали все. Михаил Павлович, как сказано в его формулярном списке, за отлично-усердную службу и особые труды был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Римма росла общительной и веселой девочкой, была очень близка со старшим братом Владимиром, рано научившим ее читать. Когда у детей спрашивали, кем они хотят стать, Владимир неизменно отвечал — врачом, Римма — солдатом. Для посторонних такой ответ звучал странновато, но в семье не удивлялись — ведь Данишевские, предки Риммы по материнской линии, были выходцами «из солдатских детей».

В 1902 году Римма поступила в ставропольскую Ольгинскую женскую гимназию (в здании, в котором она располагалась, сейчас находится Ставропольская средняя школа № 1). Училась она отлично, всем запомнилась как душа компании, а в последний год учебы совершила настоящий подвиг. Во время прогулки группы гимназистов в Архиерейском лесу по берегу пруда один юноша поскользнулся на мостках и упал в воду Плавать он не умел и сразу начал тонуть. Римма не раздумывая бросилась в воду и спасла утопающего. Она еще не знала о том, что это далеко не последний человек, которого она спасет…

После окончания гимназии девушка собралась поступать на Высшие экономические курсы в Петербурге, но родители отговорили ее от этого шага. И Римма отправилась работать народной учительницей в село Петровское Благодарненского уезда Ставропольской губернии (ныне г. Светлоград). Задача предстояла непростая — у земского училища, куда ее направили, не было даже помещения. И тем не менее Римма взялась за дело с таким энтузиазмом, что Петровское училище вскоре вышло в

число лучших по всей губернии.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Риммы Ивановой. Вполне возможно, ей были бы уготованы мирная жизнь, учительская работа и счастливое замужество, если бы не Первая мировая война. Высочайший манифест о ее начале, объявленный 20 июля 1914 года, перевернул жизнь мирного Ставрополя. В городе началась мобилизация, на призывных пунктах толпились сотни добровольцев… Первым желанием Риммы было тоже отправиться на фронт. В качестве примера она ссылалась на легендарную «кавалерист-девицу» Отечественной войны 1812 года Надежду Дурову. Но реакция родителей, разумеется, оказалась бурной — мать заявила девушке, что никуда ее не отпустит. Тогда Римма пригрозила, что переоденется в мужскую одежду и сбежит. В ответ отец, стараясь казаться спокойным, произнес: «Я думаю, что ты не доведешь дело до того, чтобы мы обратились за помощью к полиции, чтобы она тебя нашла и под конвоем возвратила домой».

Расчет Михаила Павловича оказался верным. Римма была не из тех, кто бестрепетно рвет отношения с родителями. К тому же они подсказали ей выход из положения: хочешь приносить пользу фронту — запишись на курсы сестер милосердия. Как и во всей стране, в Ставрополе открывались многочисленные лазареты (в городе их было 20, в губернии — 40), профессия медсестры стала одной из самых востребованных. И через десять дней после начала войны, 30 июля, Римма Иванова начала посещать курсы. Одновременно с ней занимались многие патриотически настроенные ставропольчанки — дочери губернатора Б. Янушевича, генерала П. Мачканина, купца В. Алафузова. Параллельно уже 7 сентября 1914 года Римма была направлена к первому месту службы — в ставропольский епархиальный госпиталь № 2. 20 ноября она получила свидетельство об окончании курсов за № 620, в котором говорилось:

«Ставропольское Местное Управление Российского Общества Красного Креста сим удостоверяет, что Римма Михайловна Иванова, окончившая 8 классов гимназии, девица, православного вероисповедания, 20 лет, прослушала краткосрочные курсы для подготовки сестер милосердия, организованные сообща Управлением Красного Креста и Губернским Земским Комитетом помощи больным и раненым воинам, одновременно работая практически в одном из госпиталей Комитета и, выдержав успешно соответствующий экзамен в особой испытательной комиссии, признана достойной получения настоящего свидетельства, что подписями и приложением печати удостоверяется». Под свидетельством поставили подписи

ставропольский губернатор Б.М. Янушевич, председатель губернского Земского комитета М. Поярков, исполняющий должность губернского врачебного инспектора Е. Крист и заведующий курсами Славский.

После гимназической формы Римма облачилась в одеяние сестры милосердия. Оно было официально введено в России в мае 1903 года и состояло из серого или коричневого холстинного платья с красным крестом на белом переднике. При исполнении служебных обязанностей на левый рукав надевалась белая повязка с красным крестом. Каждая такая повязка имела номер, он указывался также в удостоверении, которое сестра милосердия была обязана всегда иметь при себе.

Начались тяжелые госпитальные будни. Еще в августе 1914-го с фронта в лазарет прибыло 82 раненых воина, в сентябре — 48, в октябре — 13. Относительно небольшое количество раненых объяснялось тем, что Россия ожидала вступления в войну Турции, и ставропольские лазареты пока держали в резерве для будущего Кавказского фронта. После начала боевых действий между Турцией и Россией 18 октября 1914 года поток раненых резко увеличился. Труднее всего Римме давались обязанности операционной медсестры — больно было наблюдать мучения раненых. Зато многие из них после выздоровления продолжали благодарить Римму письмами. Одно из них, от солдата Носова, сохранилось до наших дней: «Дорогая сестрица! Не могу подобрать слов, которыми мог бы отблагодарить Вас за Вашу благодетель и ласки во время того, когда я лежал у Вас в госпитале. Я не могу, не могу! Всех тех чувств, которые питаю к Вам, описать, Вы для больных как родная сестра. Я надеюсь, каждый больной вечно будет помнить Вас, а в особенности те, которые лежали в Вашей палате. Синев прислал мне письмо с позиции и велел передать Вам тысячу благодарностей. Передавайте почтение всем сестрицам, благодарю всех вас и вечно буду помнить ваши добродетели».

Но чем дольше работала Римма в лазарете, тем отчетливее она понимала — такого служения Отечеству для нее все-таки мало. Все чаще она вспоминала свою детскую мечту — стать солдатом. И несмотря на отчаянное сопротивление родителей, 17 января 1915 года, коротко остригшись и на всякий случай изменив свое имя на мужской манер (Римма Михайлович), Римма Иванова отправилась на фронт добровольцем. Ее новой семьей стал 83-й пехотный Самурский полк. Выбор Риммы был неслучаен — до войны полк квартировал в Ставрополе, Римма не раз бывала в полковом музее и пользовалась книгами из полковой библиотеки. Полк входил в состав 21-й пехотной дивизии 3-го

Кавказского армейского корпуса, воевавшего в Польше.

83-й Самурский полк можно с полным основанием назвать одним из наиболее боеспособных частей русской армии времен Первой мировой. Достаточно сказать, что, когда в январе 1917 года в Австро-Венгрии был составлен секретный справочник для штабных офицеров, в котором анализировались действия всех русских корпусов и дивизий, особо были выделены только два полка — 81-й пехотный Апшеронский и 83-й пехотный Самурский. Австрийцы характеризовали эти части как исключительно стойкие и упорные как в обороне, так и в наступлении.

Явившись в полк, Римма раскрыла командиру свою тайну и попросила направить ее на передовую линию. Командующий полком генерал-майор Казимир Альбинович Стефанович, семья которого жила в Ставрополе, долго отговаривал землячку от этого, убеждая ее, что место барышни — на тыловом перевязочном пункте. В конце концов Римма согласилась служить там при одном условии: она будет регулярно бывать на передовой.

Немного обустроившись на новом месте, Римма села за подробное письмо родителям. Первое письмо она постаралась выдержать в беззаботном и веселом тоне: «Беспокоиться обо мне нечего. Я — вне опасности. Наш полковой околодок, где я сейчас несу обязанности, находится всегда за линией огня… Работы сейчас немного… с утра до 3—4 часов дня. С боями и работы прибавится. Чувствую себя хорошо. К солдатскому костюму и коротким волосам я уже привыкла. Звать теперь меня немного иначе… Доехала благополучно. Немного переволновалась. Принял меня командир полка очень хорошо. “Коль есть охота, так, пожалуйста, работайте”, вот его слова. Доктор доволен моей работой и теперь все настаивает, чтобы я ехала учиться после войны в медицинский институт… Устроилась очень хорошо. Уже имею лошадь. Имею походную кровать. Только у меня есть один недостаток в необходимом, и вот в чем: нет у меня белья. Вышлите мне, пожалуйста, смены четыре мужского белья, дамское неудобно стирать, пары три дешевых чулок, три наволочки, каких-нибудь две или три простыни, штуки четыре полотенец, штук шесть носовых платков».

Период, когда у Риммы было «мало работы», закончился, к несчастью, очень быстро. Во второй половине февраля 1915 года 3-й Кавказский корпус в составе 12-й армии под командованием генерала от инфантерии П.А. Плеве начал наступление с целью разгрома 8-й германской армии. Тяжелое для обеих сторон сражение завершилось победой русских войск, которые

выровняли свой фронт в Польше, отбросили 8-ю германскую армию за линию государственной границы и освободили город Прасныш. В плен попало 14 тысяч германских офицеров и солдат, в качестве трофеев русским достались 42 орудия и 96 пулеметов.

Но и наша армия понесла крупные потери. Не избежал их и 83-й Самурский полк — лишь по итогам одного-единственного дня 23 февраля 1915 года в ротах самурцев осталось по 10 человек, в 25 раз меньше комплекта. Боевое крещение Риммы оказалось тяжелейшим, но она с честью справилась с ним и вскоре делилась с родителями в письме: «Письмо ваше порадовало, потому что вы успокаиваетесь. Бой — громадный бой, эти двое суток невеселых — уже прошел. Как будет приятно вернуться домой. Ведь будет сознание, что сделала что-нибудь, помогла. Ведь, например, 22, 23, 24 февраля — за эти дни, я могу смело сказать, сделала больше, чем в госпитале за долгое время. Чувствую себя хорошо… Несу обязанности фельдшера. Мое дело — перевязка и больше ничего. Правда, перевязочный пункт находится недалеко от позиции, но всегда в безопасности — в прикрытом месте. На меня не смотрят здесь как на женщину, а видят сестру милосердия, заслуживающую большого уважения… Обед здесь и солдатский очень вкусный. О тепле — располагаемся в крестьянских избушках… Вернусь к вам здоровая и удовлетворенная. Ведь как приятно сознавать, что в этом большом деле приносишь пользу. Молюсь Богу, чтобы Он сохранил мое здоровье. Опасность далеко от меня, ее нет… Вчера мне было объявлено исполняющим временно [обязанности] командующего полком, что я буду представлена за дела 23—25 февраля к Георгиевской медали на Георгиевской ленте. Только, ради Бога, никому ни слова».

И все же родители беспокоились, с упреком цитировали в своих письмах фразу дочери «Я забываю все». В письме от 9 марта 1915 года Римма уже несколько сердито выговаривала отцу и матери: «Господи, как хотелось бы, чтобы вы поуспокоились. Да пора бы уже. Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела. “Я забываю все”. Но ведь не для шутки это я сделала и не для собственного удовольствия, а для того, чтобы помочь. Да дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо и что нужно делать. Думайте как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того, чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь, наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу. И я вернусь к вам веселой… Мои хорошие, не беспокойтесь ради Бога. Если любите меня, то старайтесь делать так, как мне лучше… Вот это и

будет тогда истинная любовь ко мне. Жизнь вообще коротка, и надо прожить ее как можно полнее и лучше. Помоги, Господи! Молитесь за Россию и человечество».

В журнале «Разведчик», № 1307 за 1915 год, была опубликована интереснейшая заметка о случае, произошедшем с Риммой на польском фронте весной 1915 года. Автор заметки, известный военный журналист полковник Д.Н. Логофет, лично знакомый с Р. Ивановой, описывает ее как «немного экзальтированную девушку с большими печальными глазами, удивительно нежную, самоотверженную, смелую до безумия». А сама история звучит так: «На перегоне Стражок, у железнодорожного моста через небольшую реку Вислок, спешно работала подрывная команда, производя работы по взрыву моста. Неприятель сильно наседал, и пехотные части наши уже отошли далеко от реки, а на высоте, на противоположном берегу, становились передовые части австрийцев. Люди волнуясь привязывали последние шашки, когда загремели первые выстрелы и пули завизжали около поезда, стоявшего в полуверсте от моста. Около моста упал один из солдат. Еще выстрелы, и снова двое раненых.

Большинство, кроме работавших на мосту, пугливо жалось в вагонах. Раненые пробовали ползти к поезду, но это им было страшно тяжело. Выстрелы между тем гремели пачками, а вместе с тем заработал пулемет…

В этот самый момент из вагона выскочила сестра Иванова. Окинув взглядом еще раз открывшуюся перед ней картину, она остановилась и стала креститься. Лицо ее прямо просветлело и было какое-то одухотворенное. Губы что-то тихо шептали, очевидно слова молитвы, а в глазах была видна такая глубокая вера в помощь Всемогущего, что она невольно поселяла уверенность и у других. С удивительной быстротой бросилась она к мосту и с огромною, откуда-то взявшейся у нее силою, подняла ближайшего раненого и осторожно повела его к поезду.

Пример заразителен, и сейчас же другая сестра побежала за ней следом, вместе с двумя нижними чинами. Пули ложились градом на берегу реки, но, несмотря на это, раненые были вынесены и никто из помогавших им не был задет.

После взрыва поезд двинулся на станцию, и по звукам ударов по стенкам вагона можно было заключить, что обстрел продолжался довольно долго.

Снова тихая, сосредоточенная, сидела сестра Иванова, окончив работу по перевязкам раненых.

— Неужели вам не страшно было, сестра? — задал ей вопрос все время волновавшийся и прятавшийся за диван

железнодорожный агент.

Сестра с удивлением смотрит на спрашивающего. Видно, задумалась сильно и сразу не понимает вопрос.

— Наверно, страшно было, сестра? — снова допрашивает агент.

— Да нет же, нисколько, — наконец отвечает она. — Ведь я же, поймите, перекрестилась и все время, когда бежала, повторяла молитву Ангелу Хранителю… Никакого страха у меня не было… Только хотелось скорее помочь…»

В заметке полковника Д.Н. Логофета не сказано, когда именно произошел этот случай. Но упоминание польской реки Вислок позволяет датировать подвиг Риммы днем 23 апреля 1915 года. Двумя днями раньше стоявший в резерве русского Юго-Западного фронта 3-й Кавказский корпус выдержал тяжелейший бой против 11-й германской армии и смог сдержать ее наступление, чем спас положение на всем фронте. 22 апреля корпус был отведен на линию реки Вислок и на другой день отступил, взорвав мосты через реку. Именно этот момент и описывает Д.Н. Логофет.

Еще более тяжкие испытания выпали на долю 3-го Кавказского корпуса в мае 1915-го. Несмотря на потери, 11 мая он атаковал противника у Сенявы и полностью разгромил 14-й австро-венгерский корпус, а 19—21 мая вел наступательные бои у Любачева. Но, несмотря на героизм русских войск, ситуация на Юго-Западном фронте в те дни складывалась не в нашу пользу, перевес сил противника был подавляющим. 83-й Самурский полк в это время не выходил из боев. После доукомплектования в нем числилось 28 офицеров и 2173 нижних чина. 29 мая согласно приказу самурцы сменили на позиции обескровленный 84-й пехотный Ширванский полк, а в 6 часов утра следующего дня австрийцы открыли по позициям полка ураганный артиллерийский огонь, который продолжался три часа. За два дня 4 офицера и 152 солдата были ранены, один офицер и 97 солдат убиты, трое офицеров и 482 солдата пропали без вести. 31 мая в 15.00 самурцы вынуждены были отойти в связи с тем, что позицию оставил соседний 82-й пехотный Дагестанский полк. «Отход совершался под натиском противника, — сообщал в штаб генерал-майор К.А. Стефанович. — Позиция ввиду малого количества штыков занята лишь отдельными группами по 4—5 человек с большими расстояниями друг от друга».

Стоны раненых, душераздирающие крики умирающих, грохот вражеских тяжелых снарядов, которыми немцы и австрийцы буквально засыпали русские позиции, сорванные голоса офицеров, грязные, бесконечно усталые лица солдат, запахи

крови и пота… Временами Римме казалось, что она не выдержит больше. Когда силы совсем оставляли ее, она обращалась к молитве. И снова шла в лазаретную палатку, где ждали ее, именно ее. Солдаты уже знали, что руки Риммы — «целебные», а ее слово может облегчить страдания не хуже любого врача.

Тревожные вести с фронта, печатавшиеся в журналах и газетах, конечно, достигали Ставрополя. Родители засыпали Римму тревожными письмами, умоляя взять отпуск и приехать домой хотя бы на время, и в конце концов она сдалась на их уговоры. В выданном ей удостоверении № 7030, составленном командующим полком генерал-майором К.А. Стефановичем и полковым адъютантом штабс-капитаном Сиротиным, было сказано: «Предъявительница сего Римма Михайловна Иванова с января месяца и по 26 июня 1915 года находилась во вверенном мне полку в качестве добровольца-санитара и числилась в списках полка под именем Риммы Михайловича Иванова. Во все время своего нахождения в полку нельзя не отметить с особой признательностью самоотверженную плодотворную деятельность г-жи Ивановой. Неустанно, не покладая рук, работала она на самых передовых перевязочных пунктах, находясь всегда под губительным убийственным огнем противника, и, без сомнения, ею руководило одно горячее желание — прийти на помощь раненым защитникам царя и Родины. Молитвы многих раненых несутся за ее здоровье к Всевышнему. За свой самоотверженный труд г-жа Римма Михайловна Иванова, а в бытность в полку доброволец-санитар Римма Михайлович Иванов, представлена к награждению Георгиевскими медалями 4-й и 3-й степеней, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется».

Так Римму нашли ее первые георгиевские награды. Вообще с августа 1913 года, когда был принят новый Георгиевский статут, их в России было немало — орден Святого Георгия, с которого мы начали наш рассказ, Георгиевское оружие, Георгиевский крест четырех степеней и Георгиевская медаль четырех степеней. Сестре милосердия заслужить эту медаль было совсем непросто. Для этого нужно было, как сказано в Статуте медали, «находясь в течение всего боя в боевой линии, под сильным и действительным огнем, проявляя необыкновенное самоотвержение, оказывать помощь раненым или, в обстановке чрезвычайной трудности, вынести раненого или убитого». Известны и имена спасенных Риммой офицеров, за которых ее и представили к наградам, — прапорщики Соколов и Гаврилов. А всего во время службы в 83-м пехотном Самурском полку она спасла с поля боя около шестисот человек.

Перед отъездом офицеры 3-го батальона 83-го пехотного

Самурского полка передали Римме такое письмо: «Многоуважаемой и многотрудной и неустрашимой героине Римме Михайловне г-же Ивановой. Все гг. офицеры батальона и нижние чины, провожая Вас, многоуважаемая Римма Михайловна, с боевого поприща, т. е. с передовой позиции, где с Вами делились горем и радостью и переносили все тяжести и лишения, и невзгоды боевой жизни, с болью в сердце всех славных самурцев выражаем глубокую душевную благодарность за понесенные Вами труды для блага дорогой нашей Родины и ддя облегчения нас самих в несчастных случаях. Вы не раз доказывали своей самоотверженностью и неустрашимостью — где лилась кровь наших бойцов, Вы туда являлись, как призрак, и насколько только возможно облегчали их участь, чем и заслужили внимание и уважение как со стороны гг. офицеров, так и нижних чинов. Командир 3-го батальона прапорщик Сахаров». Команда связи полка поднесла медсестре отдельный благодарственный лист, где говорилось: «Мы прямо скажем, что Вашими неустанными заботами и геройской смелостью многие раненые самурцы спасены от верной смерти… Примите от нас, русских солдат, земной поклон за то, что Вы для нас не щадили своей жизни».

Поезд уносил Римму из окровавленной Польши вглубь России. На ставропольском вокзале отец и мать встречали ее радостными слезами. Все, как бывает в таких случаях, — празднично накрытый стол, чаепитие, расспросы родственников о фронтовом житье-бытье, прогулки по с детства знакомым местам… Римма была тронута тем, как к ней, боевой сестре милосердия, относились в тылу. И гимназические одноклассницы, и барышни, с которыми она вместе трудилась в лазарете, и молодые люди, которые до войны претендовали на ее внимание, — все они смотрели на нее как на героиню. А ведь она не сделала пока ничего особенного. Просто выполняла свой долг перед Родиной, как это ни высокопарно звучит…

Мало-помалу мирный быт далекого от войны Ставрополя начал досаждать Римме. Все чаще и чаще она заговаривала о фронте, о родном полке. Тем более что в Ставрополе ее начали находить письма однополчан, которые рассказывали о своем житье-бытье. Больно резали по сердцу имена знакомых офицеров, которые погибли в ее отсутствие, — прапорщики Сахаров (тот самый, который подписал благодарственное письмо Римме), Коробка, Денисенко, капитан Цветков… «Приехала я домой ненадолго, — делилась Римма в письме сокровенными мыслями с братом Владимиром. — Может, с месяц побуду здесь. Исполню желание родных: приехала повидаться, но как дорого мне стоит этот отъезд из полка. Солдаты были опечалены и плакали.

Начальство тоже взгрустнуло. А главное, что солдаты уверены, что санитары без меня не будут добросовестно работать. Поднесли мне солдатики прощальный благодарственный лист. Очень тяжело было ехать. Из полка получила удостоверение, что работала верой и правдой и представлена к георгиевским наградам. Но все это неважно — важно то, что полюбили и оценили меня воины-самурцы. Наш полк лучший в корпусе… Знаешь, кажется, отдала бы все, чтобы сейчас хоть на минутку попасть в свой полк: посмотреть, все ли живы из тех, кого оставила здоровыми. Может быть, тебе покажется странным, но полк наш мне стал второй семьей».

Когда Римма объявила родителям о том, что собирается вернуться на фронт, Михаил Павлович и Елена Никаноровна пришли в ужас. Они-то были уверены в том, что их младшая, соприкоснувшись с фронтовой реальностью, вернется к нормальной жизни. В ход пошли самые разные аргументы: и то, что брат Владимир уже служит на фронте врачом, и что родной дядя Риммы, подполковник Федор Никанорович Данишевский, тяжело контужен — и значит, их семья уже принесла на алтарь Победы достаточно жертв… Но все напрасно, Римма была непреклонна. Жарким вечером 15 августа 1915 года она попрощалась с родителями на перроне ставропольского вокзала. На этот раз уже навсегда…

Путь Риммы лежал в Киев — именно там в штабе округа ей должны были оформить документы и направить в полк. Конечно, она просилась назад, в ставший ей родным 83-й Самурский, к этому времени отступивший из Польши в Белоруссию. Но по пути решила заехать в расположение 105-го пехотного Оренбургского полка, младшим врачом в котором служил ее брат. Владимир очень обрадовался Римме и приложил все усилия к тому, чтобы оставить ее в своем полку. Ее направили было в полковой лазарет, но девушка поставила условие — только передовая линия, иначе она уедет к самурцам. Скрепя сердце Владимир Иванов согласился. Римму назначили фельдшером 10-й роты полка.

В 105-м Оренбургском отношение к новой сестре милосердия с самого начала было самое теплое. Конечно, легче было и от того, что рядом находился Владимир. В начале сентября Римма писала родителям: «Мои хорошие, милые мамуся и папка! Здесь хорошо мне. Люди здесь очень хорошие. Ко мне все относятся приветливо… Дай вам Господи здоровья. И ради нашего счастья не унывайте… Чувствуем себя хорошо! Сейчас спокойно. Не беспокойтесь, мои родные. Целуем. Римма».

В 105-й Оренбургский полк, входивший в состав 27-й

пехотной дивизии 31-го армейского корпуса, Римма Иванова прибыла в самом конце августа 1915 года. Тогда обстановка на полесском участке только что созданного Западного фронта в целом складывалась благоприятно для русской армии. Наступление немцев вглубь Белоруссии начало выдыхаться, наша армия то и дело контратаковала, навязывая врагу встречные бои. Не раз бывало так, что освобожденную деревню немцы тут же отбивали назад — с тем, чтобы через несколько часов снова бежать оттуда. Сводки с театра военных действий, публиковавшиеся в журнале «Разведчик», скупо сообщали:

«4 сентября. На фронте реки Щары германцы под прикрытием тумана на понтонах переправились через названную реку у фольварка Рыщица, южнее Слонима. Передовые части противника, наступавшие между Ясельдой и Припятью, появились в районе правого берега нижней Ясельды и гор. Пинска.

5 сентября. На Щаре во многих местах шли бои за переправы. У Поречья севернее Слонима наша артиллерия разбила неприятельский понтонный мост и большую часть его потопила, часть переправлявшегося противника была взята в плен. Переправившийся южнее Слонима у фольварка Рыщица противник был атакован нами. Противник, удерживая захваченное пространство на правом берегу реки, понес чувствительные потери. В районе южной части Огинского канала была отбита атака германцев на с. Соколовка; в штыковом бою большая часть германцев была переколота. С. Логишин, в этом же районе, занято противником».

Жарким на Западном фронте выдался и день 8 сентября. В ходе ожесточенного боя был освобожден недавно захваченный германцами городок Сморгонь, где в плен были взяты 4 вражеских офицера и 350 солдат. К востоку от города Лида немцы, переправившиеся было через реку Гавья, были отброшены назад. А в Полесье восточнее Огинского канала русские войска освободили от оккупантов села Речки и Лыща, причем были взяты пленные и захвачены несколько пулеметов. Отличился и 105-й пехотный Оренбургский полк. В этот день Римма отправила матери очередное письмо от своего имени и от имени брата. Это была совсем короткая весточка: «Чувствуем себя хорошо! Сейчас спокойно. Не беспокойтесь, мои родные. Целуем. Римма. 8. IX. 15».

Следующий день, 9 сентября 1915 года, 105-й Оренбургский полк встретил на окраине деревни Мокрая Дуброва, расположенной в Пинском уезде Минской губернии (ныне Пинский район Брестской области Беларуси). Погода была сырой и прохладной, зарядил дождь. С раннего утра немцы начали

сильный артиллерийский обстрел позиций оренбургцев, в полковой лазарет один за другим начали поступать раненые. Римма не покладая рук перевязывала солдат. Брат умолял ее уйти с линии огня, но она не слушала. А может быть, и не слышала — было не до того. Ее 10-я рота готовилась перейти в контратаку.

В тумане, под настырной моросью, по сигналу командира роты цепь солдат поднялась из окопов. Римма, как и полагалось сестре милосердия во время боя, находилась в цепи, чтобы в случае необходимости оказать помощь раненым.

И тут произошло непредвиденное. Рота нарвалась на самую настоящую засаду — несколько хорошо замаскированных станковых «максимов». Первыми рухнули под пулеметными очередями шедшие впереди два офицера 10-й роты. Потом упал под пулями один солдат, другой, третий… Остальные, оставшись без командиров, начали растерянно оглядываться. Еще минута, и атака захлебнется. А немцы хладнокровно расстреляют роту в упор…

И тогда впереди поредевшей русской цепи показалась маленькая фигурка в сером холстинном платье с красным крестом на переднике.

— Братцы, за мной!..

Это было так неожиданно, что солдаты растерялись. А когда поняли, что на вражеские окопы бежит их любимая медсестра, рванулись за ней в штыки с громовым «ура». В атаку пошли даже тяжелораненые. Пулеметный огонь по-прежнему косил роту, но воодушевление оренбургцев было так велико, что вражеская позиция под Мокрой Дубровой оказалась захваченной через полминуты. Но никто в 105-м Оренбургском полку не радовался этой победе. В ходе боя Римма была смертельно ранена разрывной пулей в бедро… Ее последними словами стали «Господи, спаси Россию».

Весь полк оплакивал гибель своей любимицы. Больше всех горевал, конечно, ее брат Владимир, винивший в смерти сестры себя. В журнале боевых действий полка появилась запись: «В бою 9 сентября Римме Ивановой пришлось заменить офицера и увлечь за собой храбростью солдат. Все это произошло так просто, как умирают наши герои». 10 сентября павшую героиню отпевали в храме Святой Троицы села Доброславка, что в семи верстах от места, где погибла Римма.

Именно тогда, после отпевания, офицеры и нижние чины 105-го Оренбургского полка, потрясенные гибелью Риммы, приняли общее решение — просить Георгиевскую думу Западного фронта представить медсестру-героиню посмертно к ордену Святого Георгия 4-й степени. Эту просьбу поддержало командование

дивизии. Командир 31-го армейского корпуса генерал от артиллерии П.И. Мищенко также высказался «за», прислав на имя Владимира Иванова телеграмму: «Покойной доблестной сестре Римме Ивановой при отправлении тела воздайте воинские почести. Почту долгом ходатайствовать о награждении памяти ее орденом Св. Георгия 4-й степени и зачислении в список 10 роты 105 полка». Но командиры дивизионного и корпусного уровня сами решить такой вопрос не могли. Ведь за всю историю страны, как мы помним, георгиевским кавалером была только одна женщина — основательница ордена Екатерина II. Как же отреагирует император?..

Ситуация была тем более щекотливой, что орден предназначался для награждения только офицеров и генералов, а Римма вообще не имела никакого воинского звания или чина. Кроме того, женщины в русской армии во время Первой мировой уже успели совершить далеко не одно героическое деяние. Так, фельдшер-доброволец Елена Цебржинская с риском для жизни корректировала артиллерийский огонь, а Кира Башкирова, Клавдия Богачева и Людмила Черноусова отличились во время разведки. И все они получали за это солдатские награды — Георгиевские кресты разных степеней. Сестра милосердия Антонина Пальшина и младший унтер-офицер 3-го Курземского Латышского стрелкового полка Лина Чанка-Фрейденфелде были удостоены этой награды дважды, а казачка Мария Смирнова и сестра милосердия Надежда Плаксина — трижды. Да что там — даже самая знаменитая русская женщина-воин, легендарная «кавалерист-девица» Надежда Дурова, и та была награждена только «солдатским Георгием», а точнее, Знаком отличия Военного ордена № 5723…

По всей видимости, мы никогда не узнаем мотивов, по которым Николай II согласился с предложением фронтовой Георгиевской думы и утвердил указ о посмертном награждении Риммы Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени. Но факт остается фактом — это произошло 17 сентября 1915 года. Через день об этом со ссылкой на Петроградское телеграфное агентство написала газета «Русский инвалид»: «В 105-м пехотном Оренбургском полку сестра милосердия Мирра Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеров и брата — полкового врача, все время работала, перевязывая раненых под страшным огнем неприятеля. 9 сего сентября, когда командир и офицеры 10-й роты были убиты, собрала к себе солдат и бросилась с ними на окоп, который взяла и тут же, раненая, скончалась, оплакиваемая всем полком. Государю императору благоугодно было за столь беспримерный подвиг, сделанный сестрой

милосердия Миррой Михайловной Ивановой, запечатленный ее смертью, наградить доблестно погибшую офицерским орденом Св. великомученика и победоносца Георгия IV степени» (в тексте публикации Римма по ошибке была названа Миррой). А 20 сентября страшная весть о гибели Риммы достигла Ставрополя…

Печальная новость мгновенно разнеслась по городу. И вскоре губернатор Ставропольской губернии Б.М. Янушевич от имени ставропольцев письменно обратился к командиру 31-го армейского корпуса генералу от артиллерии Павлу Ивановичу Мищенко с просьбой разрешить похоронить девушку на родине. В своем обращении он писал: «Прошу согласно усердной просьбе родителей и представителей города и земства выслать прах Риммы Ивановой в сопровождении ее брата, врача Оренбургского полка, в Ставрополь для погребения героини, погибшей славной смертью в рядах корпуса, руководимого рыцарем-командиром, торжественно в родном городе в назидание потомству Родины. Добавлю, что героиня по документам не Мирра, а Римма Иванова». Просьба была удовлетворена. Брату Риммы Владимиру выдали специальное удостоверение: «Дано сие младшему врачу 105 пехотного Оренбургского полка зауряд-врачу Иванову в том, что ему разрешено отправить в г. Ставрополь (губернский) тело сестры его фельдшерицы-добровольца Риммы Михайловны, убитой в бою под дер. Мокрой-Дубровой 9 сентября 1915 года, что подписью с приложением казенной мастичной печати удостоверяется».

22 сентября 1915 года на имя Б.М. Янушевича из действующей армии была получена следующая телеграмма: «Государь Император 17 сентября соизволил почтить память покойной сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени. Сестра Иванова, невзирая на уговоры полкового врача, офицеров и солдат, всегда перевязывала раненых на передовой линии под страшным огнем, а 9 сентября, когда были убиты оба офицера 10-й роты 105-го Оренбургского полка, собрала к себе солдат и, бросившись вперед вместе с ними, взяла неприятельские окопы. Здесь она была смертельно ранена и скончалась, оплакиваемая офицерами и солдатами… Корпус с глубоким огорчением и соболезнованием свидетельствует уважение семье покойной, вырастившей героиню — сестру милосердия. О чем прошу сообщить родителям и родным, жительствующим на ул. Лермонтовская, 28. Командир 31-го армейского корпуса генерал-адъютант Мищенко».

24 сентября поезд с гробом Риммы Ивановой прибыл на ее родину. Несмотря на то что было уже десять часов вечера, встречать погибшую героиню здесь, на перроне вокзала,

собралось несколько сотен человек — одноклассницы Риммы по гимназии, девушки, которые вместе с ней работали в госпитале… Пришли и многие ставропольцы, лично не знавшие девушку, но желавшие отдать ей последние почести. К этому призывала газета «Северокавказский край»: «Значение этого прискорбного события слишком многогранно. Оно должно быть национальным, всенародным выражением скорби, но и торжества живой любящей человеческой души. Вместе со скорбью погребения Риммы Михайловны Ивановой пусть эти похороны будут праздником любви, торжества все выносящего русского племени над его врагом. Это торжество так красочно и выпукло воплотила в своих подвигах и в своей смерти эта девушка — героиня, противопоставившая тевтонской забронированной силе свою великую любящую душу русской женщины».

Впереди стояли убитые горем родители — Михаил Павлович и Елена Никаноровна. Чуть больше месяца назад именно здесь они расстались с любимой дочкой. Когда из вагона бережно вынесли гроб (в числе других его нес Владимир Иванов, сопровождавший тело сестры на родину), перрон огласили рыдания…

Хоронить Римму вышел весь город. Вдоль Николаевского проспекта шпалерами стояли войска Ставропольского гарнизона. После краткого слова о Римме Ивановой, произнесенного епископом Самарским и Ставропольским Михаилом, гроб с телом погибшей был поставлен на белый катафалк, запряженный в четверку лошадей в белых попонах. Уличные фонари вдоль маршрута следования катафалка были затянуты черным крепом.

Во главе траурной процессии за гробом шли ставропольский губернатор, действительный статский советник Бронислав Мечиславович Янушевич, епископ Михаил, представители дворянства, интеллигенции, купечества, гимназисты старших классов женских и мужских гимназий, учащиеся духовной семинарии. Следом — военный духовой оркестр и отрад войск со знаменем и оружием. Траурная процессия двигалась под печальный перезвон колоколов во всех церквях города. Духовенство храмов по мере приближения шествия присоединялось к нему с хоругвями и иконами.

Когда процессия подошла к зданию Ольгинской гимназии, где училась Римма, хор гимназисток исполнил траурный марш «Два мира». Далее была остановка у дома родителей Риммы, и скорбное шествие проследовало к храму Святого апостола Андрея Первозванного. Здесь у гроба Риммы Ивановой высокопреосвященным архиепископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафодором была отслужена Божественная

литургия.

На ночь гроб установили в соборе, само погребение состоялось на следующий день. В надгробной речи протоиерей Симеон Никольский сказал: «Город наш, город Ставрополь! Какой славы сподобился ты! Франция имела свою Орлеанскую деву Жанну д'Арк. Россия имеет Ставропольскую деву — Римму Иванову. И ее имя отныне будет навечно жить в царствах мира». Над гробом была оглашена также телеграмма от полкового адъютанта 105-го пехотного Оренбургского полка: «Глубоко сожалею, что обстоятельства боя лишают возможности мне, как полковому адъютанту, организовать отдание воинских почестей нашей доблестной Римме Михайловне. Постараемся имя покойной связать с доброй славой полка. Маленькой женщине, но великой душой героине наш земной поклон».

Под звуки ружейного салюта гроб опустили в могилу. Одним из первых на нее возложили венок от бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича — серебряный, перевитый Георгиевской лентой.

Власти Ставрополя сразу же озаботились увековечением памяти героини. Уже 25 сентября Пятое чрезвычайное губернское земское собрание учредило стипендию имени Риммы Ивановой в Ставропольской фельдшерско-акушерской школе и Ольгинской гимназии и заказало 20 тысяч листовок с портретом Риммы. В Ольгинской гимназии, где она училась, еще 20 сентября решили установить на здании мраморную доску с биографией и описанием подвига знаменитой выпускницы. А Благодарненское уездное земское собрание присвоило имя Риммы тому самому земскому училищу, в котором она преподавала два года назад. Протоиерей Симеон Никольский выпустил брошюру «Памяти героини долга Риммы Михайловны Ивановой», в которой прямо призывал причислить Римму к лику святых Русской православной церкви.

Пошли разговоры и об установке памятника героине. Губернское земское собрание ассигновало на эти цели три тысячи рублей. Монумент собирались устанавливать на Крепостной горке — с нее видел весь Ставрополь. Но уже 16 июня 1916 года имя Риммы Ивановой было увековечено на памятнике в другом российском городе — Вязьме. Там, на только что проложенном бульваре Второй Отечественной войны, был воздвигнут высокий обелиск, увенчанный гербом Вязьмы. Ниже значились имена героев войны, среди которых было и имя Риммы.

Военный журналист полковник Д.Н. Логофет посвятил Римме такие прочувствованные строки: «Вечная тебе память, сестра, сумевшая быть действительною сестрою для каждого

страждущего. Сила веры тебя двигала все время на подвиги, из которых последний запечатлен твоей кровью… Твоя светлая, младенчески чистая душа, не знавшая греховных помыслов, унеслась в иной мир, мелькнув ярким, бесконечно светлым воспоминанием в памяти всех знавших тебя. Пусть легка будет тебе родная земля, в которой ты лежишь среди своих братьев, веривших в Божественный промысел…» А один из офицеров-сослуживцев написал о Римме безыскусные, но трогательные стихотворные строки:

Под адский шум и визг носилась смерть над боем,
Ища все новых жертв; рекой струилась кровь,
Стон, крики и «ура» сплошным сливались воем,
И только по полю святая шла Любовь.
Шла женщина без страха и сомненья,
Склоняясь к страждущим и нежною рукой
Спешила облегчить великие мученья
Иль лаской проводить страдальца на покой…

Впрочем, не обошлось и без скандалов вокруг имени Риммы Ивановой. Во-первых, председатель Германского Красного Креста генерал Пфуль попытался дискредитировать героический поступок Риммы, заявив в прессе, что сестры милосердия в бою должны следовать Конвенции о нейтралитете медицинского персонала, а не совершать подвиги. Однако женевская штаб-квартира Международного комитета Красного Креста отклонила протест немца. А во-вторых, в ноябре 1915 года на киноэкраны России вышел спешно снятый по заказу Военного министерства фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой. Военная драма в трех частях». В Ставрополе, на родине героини, его прокат начался 26 ноября в кинотеатре «Биоскоп». В рекламе фильма говорилось, что он производит потрясающее впечатление, и неудивительно, что зрители валом повалили на картину о национальной героине.

Однако в ходе просмотра любители кино лишний раз с горечью убеждались в том, что рекламе нужно верить далеко не всегда. Один из просмотревших картину ставропольцев был настолько ею возмущен, что написал отцу Риммы письмо, в котором рассказал о своем впечатлении от фильма. «Вместо “потрясающего впечатления”, — говорилось в письме, — получилось полное разочарование и даже смех, потому что картина была инсценирована в форме грубого балаганного фарса, какие обычно демонстрируются в кинематографах и рассчитаны на самые грубые вкусы публики. Я полагаю, что святая

мученическая смерть Вашей дочери должна возбуждать высокое патриотическое чувство, а не смех, и вообще не может быть предметом самой грубой балаганной эксплуатации».

Прочитав письмо, родители Риммы сами посмотрели фильм и были страшно возмущены. На следующий же день Михаил Павлович направил протест губернатору, который тут же запретил показ фильма в Ставропольской губернии. Одновременно отец Риммы направил открытое письмо в газеты, где заявлял:

«Под именем моей дочери на экране появилось совсем другое, мне неизвестное лицо, да и сама картина не соответствует действительности… Таким образом, вместо действительного эпизода великой войны демонстрируется какой-то грубый фарс, плод фантазии антрепренера, который показывает портрет своей героини-артистки под именем моей дорогой дочери. Несомненно, что она <картина> появится и в других городах России, вводя в заблуждение патриотическое чувство русского народа».

В итоге в январе 1916 года товарищ (заместитель) министра внутренних дел тайный советник С.П. Белецкий особым циркуляром приказал изъять все копии фильма из проката. Об этом он сообщил отцу героини в личном письме: «Милостивый государь Михаил Павлович. Вследствие поданного Вами 29 декабря 1915 года на имя управляющего Ставропольской губернией прошения имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что мною сделано распоряжение о воспрещении повсеместно в империи демонстрировать в кинематографах картину, изображающую в искаженном виде лубочного фарса героический подвиг покойной дочери Вашей, сестры милосердия Риммы Михайловны. Прошу Вас принять уверения в совершенном моем почтении. Готов к услугам». Так «Героическому подвигу Риммы Ивановой» и не суждено было остаться в истории российского кино…

К сожалению, быть национальной героиней барышне из Ставрополя довелось совсем недолго. Памятник, который планировали установить ей в родном городе, так и не появился, а после революции о Римме все попросту забыли. И это неудивительно — ведь она погибла за те самые ценности, которые были разрушены до основания. Орден, которым ее наградили посмертно, был упразднен вместе с другими наградами Российской империи 16 декабря 1917 года. А родители и старший брат Риммы доживали в Ставрополе век, не имея возможности даже прийти на могилу дочери — надгробие возле собора Святого Андрея Первозванного было уничтожено…

Только сейчас, почти через сто лет после гибели Риммы,

память о ее краткой жизни и подвиге начала возвращаться к нам. На здании гимназии, где училась героиня, открыли мемориальную доску, в музее Ставрополя появилась экспозиция, посвященная героине. Восстановлено надгробие Риммы, а в новом квартале Ставрополя появилась улица Риммы Ивановой.

…В 2000 году орден Святого Георгия был возрожден в системе наград Российской Федерации. Сейчас, как и сто лет назад, это самая почетная награда, которую может получить офицер или генерал Вооруженных сил России. Но и сегодня Римма Иванова остается единственной женщиной, удостоенной этого ордена за боевой подвиг.

ЭКИПАЖ «ИЛЬИ МУРОМЦА-XVI»: *Четверо смелых*

Современные туристы, путешествующие по автомобильной трассе Минск — Вильнюс, непременно посещают расположенную в нескольких километрах от нее белорусскую деревню Боруны. Среди ее достопримечательностей — большой униатский костел постройки 1747—1757 годов, возведенный в стиле позднего барокко, и… немецкое военное кладбище времен Первой мировой войны. Таких погостов на территории современной Беларуси, где фронт был стабильным больше двух лет, сохранилось немало. Небольшое поле на окраине селения сплошь заставлено стандартными каменными крестами, многие из которых практически ушли в землю от времени. На каждом выбиты имя, фамилия, часть и дата гибели германского офицера или солдата, павшего в 1915— 1918 годах. За прошедший век кладбище не изменило свой облик, ни одна могила не была утрачена: местные жители не воюют с мертвыми…

Внимание всех, кто посещает это тихое воинское кладбище, привлекает один из крестов. Надпись на нем гласит: «4 NIEZNANYCH ROS. LOTN». (4 неизвестных русских летчика). Но почему не по-немецки, как на всех остальных могилах, а по-польски?.. Да и вообще, как могло захоронение русских летчиков оказаться на немецком воинском погосте?..

Ответ на первый вопрос найти несложно. В 1920—1939 годах Боруны находились на территории Польши, а власти этого государства к захоронениям Первой мировой всегда относились уважительно. Именно тогда, в 1930-х, и был установлен новый каменный крест на захоронении авиаторов — взамен старого, деревянного. Фамилии погибших полякам не были известны, именно поэтому они и сделали соответствующую надпись на кресте. А вот как именно могила четырех русских пилотов оказалась среди погребений их врагов, читатель узнает из этого очерка…

… В Первую мировую войну Российская империя вступила, обладая уникальным военным самолетом. Он был разработан под руководством выдающегося конструктора И.И. Сикорского и с полным правом мог считаться лучшим бомбардировщиком начала XX столетия. Самолеты такого класса появились у Германии только в 1917-м, а у Великобритании — в 1918 году. Речь идет о легендарном «Илье Муромце» — одном из символов русской бомбардировочной авиации.

Строго говоря, «Илья Муромец» даже не был первым русским тяжелым бомбардировщиком. Его предшественником являлся созданный в марте 1913-го четырехмоторный самолет «Гранд», вскоре переименованный в «Большой Русско-Балтийский», а там и в «Русский витязь». Но в сентябре 1913 года этот самолет погиб на земле из-за нелепой случайности (пролетавший над ним аэроплан… потерял двигатель, который рухнул с высоты именно на «Витязя»). На момент его гибели на авиационном отделении Русско-Балтийского вагонного завода (РБВЗ) уже строился прототип преемника «Русского витязя», который тоже получил «богатырское» имя — «Илья Муромец». Первый полет поражавшего воображения размерами четырехмоторного аэроплана состоялся 10 декабря 1913 года. И.И. Сикорский лично испытывал свое новое детище, одновременно внося в конструкцию многочисленные улучшения.

В течение полугода «Илья Муромец» установил сразу несколько мировых рекордов: грузоподъемности (1100 килограммов), количества пассажиров на борту (16 человек), высоты (два километра с десятью пассажирами на борту), длительности полета (6 часов 33 минуты) и дальности (перелет по маршруту Санкт-Петербург — Орша — Киев — Санкт-Петербург). Неудивительно, что новым самолетом сразу же заинтересовалось Военное ведомство России. Самый первый «Муромец» в мае 1914-го был переоборудован в гидросамолет и поступил в собственность Балтийского флота, одновременно Главное военно-техническое управление заключило с РБВЗ контракт на постройку еще десяти аэропланов такого типа, оборудованных для бомбометания. В связи с начавшейся вскоре Первой мировой войной наличие самолетов этого класса в армии стало особенно актуальным.

14 августа 1914 года были установлены штаты для экипажа «Ильи Муромца»: четыре офицера — командир, его помощник, артиллерийский и младший офицер, — один военный чиновник и 40 солдат обслуживающей наземной команды. Вооружение менялось в зависимости от модификации самолета. Основным оружием «муромцев» были фугасные бомбы системы Орановского и осколочные системы Гронова, самые мелкие из которых весили 5 фунтов (2,45 килограмма), а самые большие — 25 пудов (410 килограммов). Бомбы весом до пяти пудов сбрасывали из самолета вручную, а десятипудовые и больше подвешивались под фюзеляжем. Использовались также стальные стрелы длиной 118 мм и диаметром 8,3 мм, которые сбрасывались в бомболюк на пехоту и кавалерию противника и наносили при попадании тяжелые увечья.

Изначально предполагалось оборудовать «муромцы» 37-миллиметровыми пушками системы Гочкисса для борьбы с германскими дирижаблями, но на деле такими пушками были оснащены только два самолета. Оборонительным оружием бомбардировщиков стали станковые пулеметы системы Максима или Виккерса. Однако летчики предпочитали им легкие и компактные ручные пулеметы — датский системы Мадсена и английский системы Льюиса.

Первоначально предполагалось новые «Ильи Муромцы» придать корпусным авиационным отрядам, которые в русской армии имели римскую нумерацию. Потому и новые бомбардировщики, помимо обычного заводского, получали римский номер. Первым 31 августа 1914 года убыл на Северо-Западный фронт «Илья Муромец-I» под командованием штабс-капитана Е.В. Руднева. Но именно этот офицер, по злой иронии судьбы, чуть было не поставил крест на боевой карьере уникальной воздушной машины. По итогам первых месяцев эксплуатации Руднев подал начальству докладную записку, в которой доказывал, что у «муромцев» гораздо больше недостатков, нежели достоинств, а потому использовать эти самолеты на фронте нельзя. Главное военно-техническое управление заняло сторону Руднева и 28 октября 1914 года приказало снять «муромцы» с вооружения, а уже подписанный контракт на постройку еще тридцати двух таких самолетов приостановить…

Положение спас председатель совета акционерного общества Русско-Балтийского вагонного завода действительный статский советник Михаил Владимирович Шидловский. Он доказал военному министру генералу от кавалерии Владимиру Александровичу Сухомлинову, что «муромцы» попросту неправильно используют на фронте, и предложил оригинальную идею — объединение всех тяжелых бомбардировщиков в отдельную авиационную часть с подчинением ее напрямую Ставке Верховного главнокомандующего. По аналогии с флотом Шидловский, в прошлом морской офицер, предложил назвать эту часть Эскадрой воздушных кораблей (ЭВК). В.А. Сухомлинов поддержал эту идею, и М.В. Шидловский одновременно с назначением на должность начальника ЭВК был переименован из действительных статских советников в генерал-майоры, став, таким образом, первым авиационным генералом в истории России. Ему были приданы права начальника дивизии. База эскадры разместилась в польском местечке Старая Яблонна недалеко от Варшавы. С апреля 1915 года в ЭВК по штату числилось 10 аэропланов, с ноября — 20.

Таким образом «Илья Муромец», чуть было не похороненный в начале жизни рапортом штабс-капитана Руднева, был спасен. В дальнейшем производство этих машин шло по нарастающей, в ходе войны бомбардировщики постоянно улучшались и совершенствовались, получая более мощные двигатели, пулеметное вооружение, системы бомбосбрасывания и наблюдения и т. п.

Смелая новация, предложенная Шидловским, полностью оправдала себя уже в ближайшие месяцы — в течение зимы-весны 1915 года «Ильи Муромцы» завоевали славу самых грозных и эффективных бомбардировщиков мира. Отлично вооруженные (обычно в полет брали с собой 10—15 пудов, то есть 160—240 килограммов, бомб, два-три пулемета и винтовку), «муромцы» вели бомбометание с высоты три километра и больше и были, таким образом, неуязвимы для зенитного огня. А на солдат противника один вид огромного четырехмоторного самолета, гудящего в небе, действовал парализующе. Результаты налетов «муромцев» всегда были весьма впечатляющими. Так, командир «Ильи Муромца-VII» штабс-капитан Г.Г. Горшков свидетельствовал в рапорте: «“Муромец” произвел в городе и на станции Вилленберг (ныне Вельбарк, Польша. — В. Б.) следующие разрушения: разрушено станционное здание и пакгауз, шесть товарных вагонов и вагон коменданта, причем комендант ранен, в городе разрушено несколько домов, убито два офицера и 17 нижних чинов, несколько лошадей. В городе паника, жители в ясную погоду прячутся в погребах». 14 июня 1915 года во время бомбежки станции Пржеворск тот же «Муромец», но уже под командой поручика И.С. Башко, уничтожил вражеский эшелон с 30 тысячами снарядов.

Общее отступление русской армии из Польши сказалось на месте дислокации Эскадры воздушных кораблей — из Яблонны она перелетела в Белосток, 14 июля 1915 года — в белорусский город Лида, а 27 августа — еще дальше, в Псков. Туда перебазировались все корабли эскадры кроме «Ильи Муромца-III», оставленного рядом с линией фронта, в Слуцке. Оттуда бомбардировщик под командованием кавалера Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й степени штабс-капитана Д.А. Озерского в течение осени 1915 года совершал многочисленные налеты на вражеские позиции и склады в Картузберезе, Скобелевском лагере и Барановичах. 5 ноября 1915 года этот бомбардировщик стал первой боевой потерей ЭВК в Великой войне — он погиб от зенитного огня противника южнее Барановичей, недалеко от деревни Прилуки.

21 ноября 1915 года приказом штаба Верховного

главнокомандующего № 272 в структуру ЭВК было включено три боевых отряда, распределенных по разным фронтам. 1-й отряд базировался на Юго-Западном фронте, в селе Колодиевка (ныне Подволочисский район Тернопольской области Украины), 2-й отряд — на Северном фронте, в Зегевольде (ныне Си-гулда, Латвия).

3-й отряд, призванный обслуживать Западный фронт, был создан позже, в мае 1916 года. Его командиром стал опытный летчик штабс-капитан Иосиф Станиславович Башко. Аэропланы базировались в деревне Станьково в 45 километрах к югу от Минска. Сами авиаторы разместились в доме графини Ганской, палатки с самолетами находились позади парка, в поле. Тщательно замаскированный аэродром был прикрыт зенитной артиллерийской батареей (трехдюймовые орудия были установлены на специальных деревянных станках, позволявших поднимать орудийные стволы почти вертикально).

Классик советской литературы В.П. Катаев, в Первую мировую войну — вольноопределяющийся-артиллерист, вспоминал о том, как «в 1916 году, под Минском, наша батарея охраняла полевой аэродром, где базировались “Ильи Муромцы”, и я частенько туда захаживал и лазил в открытую кабину, похожую на внутренность трамвая, и трогал громадные бомбы, подвешенные под крыльями». Любопытство 19-летнего юнца понятно, а вот командиру бомбардировщика за его поведение могло, кстати, здорово влететь: «зато, что допустил на Корабль постороннюю публику», начальник ЭВК М.В. Шидловский неизменно объявлял подчиненным строгий выговор…

В состав 3-го боевого отряда вошли самолеты «Илья Муромец» № VII (командир — штабс-капитан И.С. Башко), XII (командир — штабс-капитан Е.М. Городецкий), XVI (командир — поручик Д.Д. Макшеев) и XVII (командир — поручик А.И. Беляков), имевшие заводские номера 190, 191, 188 и 192 соответственно. Это была новая, улучшенная версия «муромца», так называемая серия Г-1, оснащенная четырьмя английскими двигателями «санбим» мощностью 150 лошадиных сил каждый. Среди командиров самолетов по возрасту заметно выделялся поручик Дмитрий Макшеев — ему было уже 35, в то время как остальным офицерам отряда не исполнилось еще и тридцати.

Дмитрий родился 15 июля 1880 года в Вологодской губернии, в дворянской семье чиновника Управления удельных округов Дмитрия Сергеевича Макшеева и его жены Антонины Петровны, урожденной княжны Ухтомской (поскольку князья Ухтомские — Рюриковичи, по материнской линии Дмитрий считался потомком Рюрика в тридцатом колене). Зимой 1900-го

он выдержал экзамен на звание вольноопределяющегося 2-го разряда при Ярославском кадетском корпусе и 1 января 1901 года поступил рядовым в 11-й гренадерский Фанагорийский Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича полк, расквартированный в Ярославле. Тогда же 20-летний Дмитрий познакомился с будущей женой — 25-летней Евдокией Васильевной Гущиной, урожденной Кузнецовой. История их отношений была необычной. К тому времени мужем Евдокии Васильевны, крестьянки по происхождению, был 70-летний отставной генерал Владимир Савельевич Гущин. Будучи тяжелобольным человеком, предчувствуя скорый конец и не желая становиться молодой жене обузой, он сам познакомил Евдокию с Дмитрием, к которому относился по-родственному, и содействовал их сближению. В итоге брак В.С. Гущина был официально расторгнут, а Евдокия Васильевна вышла замуж за Макшеева, при этом старый генерал остался жить в их семье.

До 30 января 1904 года Дмитрий продолжал служить в 11-м Фанагорийском полку в звании младшего унтер-офицера. После девяти месяцев пребывания в запасе его вновь призвали на военную службу и зачислили в 6-й Сибирский запасной батальон. В августе 1905 года Макшеев успешно сдал экзамен при Омской войсковой команде на чин прапорщика запаса армейской пехоты и был назначен в 10-й Сибирский пехотный Омский полк. В феврале 1906 года последовало уже вторичное зачисление в запас, но вскоре Макшеев был призван и 22 июня переведен в «родной» ему 11-й гренадерский Фанагорийский полк. Понемногу разрасталась семья: в декабре 1905 года у Макшеевых родилась дочь Александра, спустя год — сын Юрий, в мае 1910-го на свет появилась дочь Антонина.

Возможно, Дмитрию так и суждено было бы остаться на всю жизнь пехотинцем, если бы не… передислокация Фанагорийского полка в Москву. Офицер с семьей снял квартиру в Пеговском переулке (ныне улица Серёгина), недалеко от Ходынского аэродрома, где почти ежедневно проводились авиационные полеты. И вскоре гренадер-фанагориец уже страстно «заболел» авиацией. Дмитрий поступил в Императорское Московское общество воздухоплавания и в 1912-м получил диплом летчика-испытателя под номером 85. 12 декабря того же года Дмитрию был присвоен чин подпоручика, а в марте 1913-го он был откомандирован в Гатчину, в Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы. 25 ноября 1913 года Макшеев успешно окончил курс обучения и был распределен в Гренадерский корпусной авиационный отряд.

С началом Первой мировой войны подпоручик Макшеев на

своем «моране-солнье» включился в активную боевую работу. Уже в сентябре 1914-го летчик был сбит, но во время падения уцелел. 9 ноября 1914 года за успешные воздушные разведки он получил первую боевую награду — орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Как свидетельствует послужной список, до 15 мая 1915 года Дмитрий совершил 27 боевых вылетов, пробыл в воздухе 39 часов 13 минут. 1 мая 1915 года подпоручик Макшеев был командирован в Севастопольскую военную школу, после завершения которой сдал экзамен на звание «военный летчик» (он стал одним из 128 человек, получивших это звание в Севастополе в 1915-м), и 31 августа был назначен в недавно сформированный XXXI корпусной авиаотряд, на вооружении которого состояли четыре французских биплана «вуазен». Отряд действовал на южном участке Западного фронта.

День 17 декабря 1915 года стал переломным в карьере военлета Макшеева — он получил перевод в Эскадру воздушных кораблей. Наставником Макшеева в ЭВК стал штабс-капитан Роберт Львович Нижевский — кавалер орденов Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Несмотря на то, что Нижевский был на пять с лишним лет моложе Макшеева, он обладал большим боевым опытом — на тяжелых бомбардировщиках воевал уже полгода, сначала в составе 2-го боевого отряда, где командовал «Ильей Муромцем-IX», затем в составе 3-го. Сразу же выделив Макшеева из числа других новичков, Нижевский начал готовить его к должности командира корабля, и 17 марта 1916 года Дмитрий получил свой новенький «Муромец». Та весна вообще была для Макшеева радостной — 15 апреля он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, а 19 мая произведен в чин поручика.

В мае—июне 1916-го на базе Станьково был сформирован экипаж «Ильи Муромца-XVI». Так сложилось, что все офицеры в нем оказались представителями разных армейских специальностей — кроме пехотинца Макшеева, это были артиллерист, сапер и пограничник-кавалерист. Но любовь к небу объединила их и спаяла в одно целое…

Все подчиненные Макшеева были много моложе его по возрасту. Заместителем командира стал поручик Митрофан Александрович Рахмин. Родился он 26 мая 1891 года в Киевской губернии в семье потомственных дворян. Окончил Нижегородский кадетский корпус, в 1909—1911 годах учился в 1-м Киевском Константиновском военном училище, откуда 6 августа 1911 года был выпущен в 25-й саперный батальон. Служил младшим офицером первой роты. Во время службы в

инженерных войсках молодой подпоручик проявил недюжинный интерес к техническим новинкам и 29 сентября 1913 года был командирован в Военно-автомобильную роту — первое в русской армии подразделение, оснащенное автомобилями. 8 августа 1914 года Рахмин был переведен в 3-ю автомобильную роту. Эта часть по штату включала в себя 11 офицеров и 206 нижних чинов, на вооружении роты состояли от 48 до 82 грузовых автомобилей, 6 легковых и 6 специальных. За боевые заслуги 9 апреля 1915 года подпоручик был удостоен ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 21 октября 1915-го — Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. 4 февраля 1916 года Митрофан Рахмин еще раз сменил воинскую специальность — из автомобилиста стал летчиком-бомбардировщиком. В те времена обе эти профессии считались родственными и вполне сопоставимыми по трудности и романтичности.

21 мая 1916 года на «Илью Муромца-XVI» был назначен артиллерийский офицер, который сразу обратил на себя внимание своей выразительной внешностью — смуглое лицо, восточный разрез глаз, щегольские черные усы. Его имя было Фаррух-ага Гаибов. Он родился 2 октября 1891 года в селе Гыраг-Салахлы Казахского уезда Елисаветпольской губернии (ныне — Азербайджан) в большой семье полицейского чиновника Мамеда Керима Гаибова. Фаррух рано осиротел, и мальчика воспитывал дядя Самед-ага Гаибов. Окончив в родном селе пять классов школы, десятилетний Фаррух поступил в Тифлисский кадетский корпус, из которого был выпущен с отличными характеристиками 16 июня 1910 года. Затем поступил в Константиновское артиллерийское училище, где быстро заслужил репутацию одного из самых талантливых наводчиков (за меткость во время учебных стрельб был награжден золотыми часами с надписью «Отличнику юнкеру Фаррух-ага Гаибову»). 6 августа 1913-го молодой подпоручик отправился к первому месту службы — на четвертую батарею второго дивизиона 39-й артиллерийской бригады, квартировавшей на Кавказе, в городе Александрополь (ныне Гюмри, Армения). Но мирной служба подпоручика Гаибова была недолго…

Весь 1915 год 39-я артбригада не выходила из боев — она принимала участие во всех операциях победоносной Отдельной Кавказской армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. За доблесть, проявленную в боях на кавказском театре военных действий против турецкой армии, Фаррух-ага Гаибов был 31 августа 1915 года произведен в чин поручика и удостоен двух боевых орденов — Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (8 ноября 1915 года) и Святой Анны 4-й степени «За

храбрость» (Анненского оружия, 12 декабря 1915 года). С 3 февраля 1916-го Фаррух служил в Эскадре воздушных кораблей, осваивая премудрости ведения воздушного боя, а 21 мая был назначен в экипаж «Ильи Муромца-XVI».

Последним влился в небольшой коллектив самый молодой его участник — корнет Олег Сергеевич Карпов. Он родился 9 декабря 1892 года в семье полковника. Учился сначала в Сумском кадетском корпусе, затем в Елисаветградском кавалерийском училище, откуда 6 августа 1913 года был выпущен корнетом во 2-й пограничный Заамурский конный полк, расквартированный в Харбине (ныне Китай). С началом Первой мировой войны этот полк был переведен на европейский театр военных действий, включен в состав Сводной кавалерийской дивизии и активно участвовал в боях. За проявленную в сражениях доблесть корнет Карпов был удостоен орденов Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненское оружие). 14 октября 1915 года Карпов был прикомандирован к 8-му драгунскому Астраханскому полку, действовавшему на Западном фронте, а в декабре 1915-го был откомандирован в Севастопольскую авиационную школу, по окончании курса которой 25 мая 1916 года получил звание «военный летчик». Через три недели Олег получил направление в ЭВК и в экипаже Макшеева стал офицером-наблюдателем.

Сохранилось несколько фотографий, изображающих всю стартовую команду «Ильи Муромца-XVI» в Станькове. В центре позируют военлеты — Макшеев, Рахмин, Гаибов и Карпов, вокруг толпятся механики и мотористы. Среди них и младший брат Дмитрия Макшеева Владимир — он служил в группе наземного обслуживания ЭВК в звании ефрейтора. Была у экипажа и своя любимица — маленькая черная такса по кличке Контакт, или Контик, как ее ласково звали летчики. Ее тоже запечатлели на память. Конечно, такие «мирные» снимки должны были создавать у родных и близких впечатление, что служба на «муромцах» тыловая, вовсе нетрудная, да и вообще, что может случиться с практически не уязвимым воздушным гигантом, равного которому нет больше в мире?.. Но сами летчики прекрасно осознавали, как опасен избранный ими путь. Недаром на одной из фотографий, отправленных с фронта жене, Дмитрий Макшеев написал: «Дорогой моей Досюрочке от любящего Митки-летателя. Помни, моя милая, что я до гроба твой»…

Боевым крещением для экипажа «Ильи Муромца-XVI» стал бой, который произошел 21 августа 1916 года. В тот день, возвращаясь с задания, бомбардировщик недалеко от базы был атакован германским истребителем. Но русские летчики,

вооруженные тремя ручными пулеметами, открыли шквальный огонь по вражескому самолету, за 15 минут выпустив по нему 450 пуль. «В результате, — писал Д.Д. Макшеев в докладе, — на последнем заходе с правого борта истребитель, очевидно, получив какие-то повреждения, сильно качнулся, затем пошел на снижение и скрылся». Досталось и «Муромцу»: на аэродроме в фюзеляже воздушного корабля обнаружилось десять пулевых пробоин. Следующий день, 22 августа, для экипажа машины стал радостным: корнет Карпов был произведен в чин поручика, сравнявшись по числу звездочек на погонах со своими товарищами.

11 сентября 1916 года из Станькова все «муромцы» 3-го боевого отряда перелетели в деревню Мясота, расположенную в 12 километрах к югу от города Молодечно. Башко поставил перед экипажами своего отряда задачу — атаковать находившуюся за линией фронта деревню Боруны Ошмянского уезда Виленской губернии. По данным разведки, в Борунах размещались штаб 89-й германской резервной дивизии, узел узкоколейной железной дороги, аэродром и многочисленные склады. Четверку русских бомбардировщиков должны были поддерживать 13 истребителей «вуазен» и «моран-парасоль». Общее руководство налетом осуществлял штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Западным фронтом подполковник Александр Федорович Брант.

Наступило 12 сентября. Первым, в половине шестого утра, еще в предрассветных сумерках, оторвался от земли «Илья Муромец-VII» под командованием штабс-капитана Башко (на нем в качестве пулеметчика летел Брант), следом стартовал экипаж Макшеева. Но в организации налета сразу же начались накладки: на «Муромце-XVII» поручика Белякова загорелись двигатели и он не смог взлететь, а «Муромец-XVI» штабс-капитана Городецкого так и не пересек линию фронта по причине отсутствия… «опытного помощника у командира». К тому же сопровождающие истребители начали стартовать с сильным запозданием. Но делать было нечего. Два бомбардировщика, набрав высоту два с половиной километра, на скорости примерно 60 километров в час приближались к расположению противника…

Внезапно мерный гул моторов «Муромца-XVI» изменил звучание. Офицеры тревожно переглянулись — вышел из строя крайний правый двигатель. Продолжать полет было рискованно, и Макшеев скрепя сердце принял решение повернуть на базу. Но Карпов решительно обратился к нему:

— Дмитрий Дмитриевич, позвольте мне!..

Конечно, выходить на крыло огромного биплана и

ремонтировать двигатель прямо во время полета было чрезвычайно опасно, но другого выхода не было. Спустя несколько минут улыбающийся Карпов вернулся в кабину. Неисправность удалось устранить, и «Муромец-XVI» полетел догонять скрывшегося из виду товарища.

Неожиданно из-за густых осенних облаков показался характерный фюзеляж летевшего навстречу «муромца». Это машина капитана Башко, уже успешно отбомбившаяся по Борунам, возвращалась назад. Прикрыть коллег Башко не мог — горючее у его бомбардировщика было на исходе, а возвращаться нужно было уже не в Мясоту, а на дальний аэродром Станьково. Оставалось лишь прощально покачать сослуживцам крыльями и надеяться на лучшее. Тем более что вдогонку макшеевскому «Муромцу» проследовал русский истребитель «моран-парасоль» XI корпусного авиаотряда, а это значило, что в случае опасности бомбардировщик не остался бы в одиночестве…

Борунов экипаж Макшеева достиг около семи утра. Над землей стлался густой дым — горели артиллерийские склады, пораженные сброшенными Башко пятнадцатью бомбами. Заметив еще один русский самолет, немецкие зенитки открыли ураганный огонь по нему. Но это не помогло — поднявшись на полкилометра, чтобы уйти из зоны досягаемости германских орудий, «Илья Муромец-XVI» спокойно, как на учениях, начал бомбить отмеченные на карте цели.

На перехват «муромца» с аэродрома Боруны поднялись четыре германских истребителя — два «фоккера» и два «альбатроса» 45-го истребительного авиаотряда. К несчастью, у сопровождавшего «муромца» русского «морана» вскоре заклинило пулемет и он был сбит (летчик, рядовой К. Янсон, погиб). Немцы позволили «муромцу» углубиться на три-четыре километра за линией фронта и, зайдя ему в хвост, сблизились на дистанцию атаки. Первым открыл огонь по «муромцу» с расстояния 300 метров лейтенант Вольф. Пулеметная очередь попала в крайний правый двигатель воздушного гиганта, бомбардировщик задымил и заметно снизил скорость.

Закладывая тяжелую машину на крыло, чтобы затруднить врагу прицеливание, Макшеев обернулся к боевым друзьям и коротко скомандовал:

— К пулеметам!..

Гаибов, Рахмин и Карпов бросились к «мадсенам»…

Подробности дальнейшего хода боя над Борунами содержатся в рапорте лейтенанта Вольфа: «Неожиданно в середине верхнего крыла открылся люк, в нем появился пулеметчик и открыл по нам огонь. Тем временем я приблизился на расстояние 100 метров и

мой наблюдатель начал стрелять вперед. Я расположил самолет таким образом, чтобы наблюдатель мог вести огонь по главной кабине между крыльями. Мой самолет бросало из стороны в сторону сильной воздушной струей от его винта, и мне несколько раз приходилось стабилизировать машину и держаться той же скорости, чтобы не обогнать его, потому что он мог затем атаковать меня сзади.

К этому времени я находился в 50 метрах в стороне и мог ясно видеть каждое движение членов экипажа. Стрелок исчез с верхнего крыла, неожиданно открылся другой люк в задней части кабины, и в нас стали стрелять из двух или трех пулеметов. Пули с грохотом били о мой самолет, как будто кто-то сыпал горошины на крышку стола».

В рапорте Вольф описывал действия только своего истребителя и потому не упомянул самого главного — пулеметный огонь, который вели Фаррух Гаибов, Митрофан Рахмин и Олег Карпов, оказался убийственно точным. По свидетельству русских очевидцев беспримерного боя, стрелками «муромца» буквально за несколько минут были сбиты три из четырех атаковавших самолет-гигант немецких истребителей. Один за другим беспомощно уходили в сторону помеченные большими черными крестами дымящие бипланы. А ведь в то время далеко не каждый русский истребитель отваживался вступить в схватку с такими высококлассными машинами, как «фоккер» и «альбатрос»…

Снизу, с земли, с замиранием сердца следили за неравным боем сотни глаз. С русской стороны фронта — со смесью радости и отчаяния. Радости, когда очередной «германец» заваливался на крыло и кувыркался вниз, отчаяния — когда в цель ложились немецкие пули. А на другой стороне фронта солдаты и офицеры 89-й германской резервной дивизии с изумлением смотрели за тем, как гигантский аэроплан с трехцветными эмблемами на фюзеляже, оставляя за собой шлейф черного дыма, медленно, но упрямо продолжает лететь, яростно отстреливаясь от наседающих на него истребителей…

Между тем бой продолжался уже девять минут. Три вражеских самолета были сбиты, но последний уцелевший «немец» намертво вцепился в «муромца», то резко отходя в сторону и вверх, чтобы увернуться от пуль, то снова сбрасывая газ и приближаясь, чтобы самому обстрелять бомбардировщик. Огонь уже охватил два двигателя русского самолета из четырех и постепенно подбирался к изрешеченному фюзеляжу. Смолкли пулеметные очереди — вражеские пули настигли на боевом посту Гаибова, Рахмина и Карпова. «Муромец» был уже в десяти

километрах за линией фронта и медленно снижался. Дмитрий Макшеев, несколько раз раненный, последним усилием положил бомбардировщик на обратный курс, но германский истребитель открыл шквальный огонь по кабине «Муромца»… Командир корабля выпустил из своих рук штурвал только мертвым.

Какую-то секунду «Илья Муромец» еще продолжал лететь вперед, словно выполняя волю своего погибшего экипажа. Потом огромный самолет начал раскачиваться из стороны в сторону и резко перешел в отвесный штопор…

При падении русского аэроплана взорвались от удара о землю бомбы, которые наши летчики не успели сбросить на цели. На земле запылал огромный костер…

Тем временем в двух километрах от места падения «муромца» приземлился самолет лейтенанта Вольфа, сбившего русский бомбардировщик. Посадка была вынужденной и чудом оказалась удачной — пострадавший от множества попаданий мотор «немца» остановился в воздухе. Вольф насчитал в фюзеляже своего аэроплана 70 пулевых пробоин, лопасть пропеллера была пробита дважды, из бензобака хлестал бензин, из картера — масло. Самого германского летчика от неминуемой смерти спас… стартер, в котором застряла пуля.

«Мы немедленно отправились посмотреть на обломки гигантского самолета… — писал Вольф в своем рапорте. — Основные элементы конструкции самолета еще можно было распознать, но большая часть мелких деталей была уничтожена при катастрофе. Хвостовая секция лежала примерно в тридцати метрах в стороне от крыльев, от которых было сравнительно мало повреждено и имело в длину 21 шаг, так что общий размах крыльев должен был составлять 44—48 шагов. Фюзеляж был очень длинным и тонким, покрытым клееной фанерой. Нижняя часть кабины также была сделана из фанеры, верхняя была остеклена. В верхнем крыле был люк, который позволял вести огонь с этой позиции, в кабине также были люки для пулеметов. Бортовое вооружение состояло из одного пулемета с водяным охлаждением и двух — с воздушным…

Все четыре члена экипажа были мертвы. Экипаж состоял из командира, артиллерийского капитана и первого лейтенанта из кавалерии, четвертое тело обгорело так сильно, что распознать его было нельзя. Экипаж, вероятно, был убит еще в воздухе, поскольку три офицера имели многочисленные раны в голову и грудь. Кабина была буквально изрешечена пулями».

…Между тем на аэродроме Станьково начали волноваться — время шло, а «шестнадцатый» все не возвращался. В полдень встревоженный Башко по телеграфу запросил Мясоту, а получив

неутешительный ответ, загрузил своего «Илью Муромца-VII» десятью пудами бомб, взял четыре пулемета и отправился на поиски сослуживцев. «Илья Муромец-VII» вторично прошел до Борунов, успешно бомбил их в течение пятнадцати минут (за что Башко затем был награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость»), но никаких следов машины Макшеева так и не обнаружил.

Только во второй половине дня германский аэроплан сбросил над русским аэродромом записку, в которой говорилось: «Сегодня в 7 часов утра в упорном бою был сбит немецкими аэропланами с большой высоты Боруны “Илья Муромец”, летчики убиты. Храбрые воины завтра будут похоронены с воинскими почестями». Германские авиаторы выполнили свое обещание — 13 сентября 1916 года останки павших русских офицеров были торжественно погребены на немецком воинском кладбище в Борунах. Над их могилой поставили большой деревянный крест, колеса шасси и радиаторы с обгоревших моторов «Муромца». Имен погибших немцы не знали, поэтому на кресте сделали надпись «Здесь похоронены четыре русских летчика, сбитых в воздушном бою 25. IX. 1916» (дата была дана по «европейскому» стилю).

В России же подвиг четырех авиаторов быстро приобрел широкую известность. 18 сентября «Петроградские известия» опубликовали заметку о воздушном бое над Борунами: «Из штаба Верховного главнокомандования сообщают, что на Западном фронте наш аэроплан в районе Боруны-Крево вторгся в тыл вражеских войск. Точными бомбовыми ударами были взорваны различные пункты, вызваны пожары во вражеском складе. Кроме того, разбомблены транспортные средства, железнодорожные станции, автомобили.

Во время полета поручик Фаррух-ага Гаибов со своим составом вступил в схватку с силами противника и сбил четыре германских аэроплана. После того, как они подожгли и два аэроплана “Альбатрос”, они упали на вражескую территорию и погибли».

22 сентября 1916 года на аэродроме Станьково прошла поминальная служба в память о погибших героях. За свой подвиг все члены экипажа «Ильи Муромца-XVI» — поручики Дмитрий Макшеев, Фаррух Гаибов, Митрофан Рахмин и Олег Карпов — были посмертно удостоены высшей воинской награды России, ордена Святого Георгия 4-й степени. Приказ о награждении был издан 25 марта 1917 года, уже при Временном правительстве. Кроме того, посмертно мужественных офицеров нашли еще целых восемь (!) орденов. Так, орденом Святой Анны 3-й степени с

мечами и бантом были посмертно награждены Гаибов и Карпов, орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами — Макшеев, Гаибов, Рахмин и Карпов, орденом Святой Анны 2-й степени с мечами — Гаибов, орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом — Макшеев.

Погибший над Борунами «Илья Муромец-XVI» стал единственным самолетом этого типа, который русская авиация потеряла в воздушном бою за всю Первую мировую войну. Все дальнейшие попытки противника расправиться в воздухе с русскими «летающими крепостями» были тщетны. А своеобразный реванш за гибель «Ильи Муромца-XVI» наши авиаторы взяли в бою, который состоялся в небе над белорусским городом Сморгонь 2 ноября 1916 года. Тогда оснащенный новыми пулеметными установками «Илья Муромец-VII» под командованием капитана И.С. Башко без труда расправился с тремя «фоккерами» противника и благополучно вернулся на базу…

…Тяжелым ударом стала гибель 36-летнего Дмитрия Макшеева для его семьи. Отец героя Дмитрий Сергеевич Макшеев пережил его на четыре года. А жена погибшего летчика Евдокия Васильевна, узнав о смерти мужа, временно потеряла зрение от горя. Особенно нелегко Макшеевым пришлось после 1917 года, когда Евдокия Васильевна с тремя детьми, 11-летней Сашей, 9-летним Юрой и 7-летней Антониной, осталась без средств к существованию. Чтобы заработать на жизнь, вдове героя пришлось убирать и стирать в чужих семьях. И все-таки семья Макшеевых выстояла и, самое главное, бережно сохранила память о своих корнях. Сын Д.Д. Макшеева Юрий участвовал в Великой Отечественной войне, был тяжело ранен. Старшая дочь героя-командира «Ильи Муромца» Александра скончалась в 1966 году, младшая Антонина — в 1984-м.

Остался в людской памяти и бесстрашный воздушный снайпер — поручик Фаррух-ага Гаибов. В 1979 году в журнале «Азербайджан» появился написанный А. Джафаром очерк о герое «Наш первый воздушный сокол». Первый военный летчик — азербайджанец по национальности был запечатлен в стихах его земляком Самедом Вургуном:

Во имя народа он пал, как герой,
Достойная жизнь оборвалась нежданно.
Но нет, он не умер, наш воин родной,
И жить ему вечно в воспоминаниях,
И в чистых сердцах и высоких мечтаньях,
Наподобие сказанья, наподобие дастана…

Сейчас в мире существует несколько памятных знаков в честь погибшего экипажа «Ильи Муромца». Первый из них был установлен Р.Л. Нижевским — учителем Д.Д. Макшеева и находится в кафедральном соборе Святого Александра Невского в Париже: список погибших за Отечество летчиков включает в себя фамилию Дмитрия Макшеева. В Азербайджане попытка установить памятник Фарруху Гаибову была предпринята в 1971 году. Тогда Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза Павел Степанович Кутахов прислал на родину героя в качестве памятника истребитель МиГ-15. Однако вместо планируемой на постаменте надписи «Фарруху Гаибову, первому азербайджанскому летчику» была сделана надпись в честь летчиков — участников Великой Отечественной войны. Запрещен к показу был и снятый Акрамом Джафаром небольшой документальный фильм о Гаибове. Ведь в те годы считалось, что он погиб «не за те» идеалы, да и вообще, с чего это оказывать посмертные почести офицеру «царской армии»?!..

Достойно отметить память героев стало возможно лишь в последнее время. В столице Азербайджана Баку и районном центре городе Казах имя Фарруха Гаибова получили улицы. С помощью белорусских краеведов Н.Е. Марковой, В.В. Прихача и А.М. Бумая была обнаружена на погосте в Борунах забытая со временем могила погибших героев. А в апреле 2009 года в агрогородке Боруны был торжественно открыт памятник экипажу «Ильи Муромца-XVI» (авторы — архитектор Виктор Бурый и скульптор Валерий Колесинский). Он представляет собой большой валун красного гранита, на котором установлена металлическая памятная доска. На ней изображены офицеры — члены экипажа погибшего самолета, парящий в облаках «Илья Муромец» и орден Святого Георгия, ниже — фамилии павших героев и текст на белорусском языке: «Экипажу самолета “Илья Муромец-16”, который геройски погиб 25. 09. 1916 под местечком Боруны».

…А на могиле погибших в неравной схватке героев по-прежнему стоит скромный каменный крест с польской надписью: «4 неизвестных русских летчика». И как прежде, удивляются, увидев его на немецком воинском кладбище, заезжие туристы…

ПРИЛОЖЕНИЯ

От «Русской Императорской» к «армии свободной России»: организация и структура Вооруженных сил России накануне и во время Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны Вооруженные силы Российской империи носили официальное название «Русская Императорская армия». На срочную воинскую службу в нее призывались мужчины, которым исполнилось 20 лет к 1 января того года, когда производился призыв. Срок службы в пехоте и артиллерии (кроме конной) с 1906 года составлял три, в других родах войск — четыре года, на Русском Императорском флоте — пять лет. По закону от 23 июня 1912 года ежегодный призыв производился с 1 октября по 1 ноября, но при этом допускались «отступления от указанных сроков для тех местностей, в коих призыв может быть начат, без ущерба для населения, ранее 1 октября или же начат и окончен позднее означенных сроков». Крайними пределами таких «отступлений» были даты 15 сентября — 15 ноября. Из всех призывников на действительную службу по жребию зачислялась примерно треть, остальные — в ополчение.

В армии можно было также служить добровольно. Добровольцы без среднего образования назывались охотниками, со средним и высшим — вольноопределяющимися. Согласно утвержденным 23 июля 1914 года правилам, добровольцами в армию принимались лица, подлежащие воинской повинности, но еще не явившиеся к ее исполнению, освобожденные от нее либо получившие отсрочку, ополченцы 2-го разряда и отставные солдаты. Не могли идти в армию добровольно лица моложе 18 и старше 43 лет, лишенные всех прав состояния, находящиеся под уголовным судом или следствием, лишенные судом права поступать на госслужбу, и те, кто был осужден за кражу или мошенничество. В виде исключения, с Высочайшего соизволения, добровольцами могли быть женщины, лица моложе 18 и старше 43 лет.

Очень многие категории жителей России вообще не подлежали призыву в армию. К ним относились: единственный сын в семье; единственный способный к труду сын при недееспособном отце или матери-вдове; единственный брат при круглых сиротах до 16 лет; единственный внук при недееспособных бабке и деде без взрослых сыновей, внебрачный

сын при матери (на его попечении), одинокий вдовец с детьми. Подлежали призыву в случае нехватки годных призывников: единственный сын, способный к труду, у престарелого отца (50 лет), следующий за братом, погибшим или пропавшим без вести на службе, следующий за братом, еще служащим в армии.

Целый ряд лиц освобождался от воинской повинности по профессиональной принадлежности: духовенство христианское и мусульманское (муэдзины не моложе 22 лет), ученые (академики, адъюнкты, профессора, прозекторы с помощниками, лекторы восточных языков, доценты и приват-доценты), художники Академии художеств, посланные за границу для усовершенствования, некоторые должностные лица по ученой и учебной части.

Отсрочку от призыва получали следующие категории: до 30 лет казенные стипендиаты, готовящиеся на занятие ученых и учебных должностей, после занятия которых освобождаются совсем; до 28 лет студенты высших учебных заведений с 5-летним курсом; до 27 лет студенты высших учебных заведений с 4-летним курсом; до 24 лет учащиеся средних учебных заведений; учащиеся всех школ по ходатайству и соглашению министров; на 5 лет — кандидаты в проповедники евангелических лютеран. В военное время лиц, имеющих отсрочку, брали на службу до окончания курса по Высочайшему соизволению.

Множество льгот было и по срокам службы. Служили три года в войсках лица с высшим, средним (1-й разряд) и низшим (2-й разряд) образованием, два года — лица, выдержавшие на службе экзамен на прапорщика запаса. Доктора и провизоры служили в строю 4 месяца, а затем дослуживали по специальности 1 год 8 месяцев. На флоте лица с образованием 2-го разряда (низшие учебные заведения) служили два года и семь лет состояли в запасе. Учителя и должностные лица по ученой и учебной части служили два года, а по временному 5-летнему положению с 1 декабря 1912 года — год. Фельдшера, окончившие специальные морские и военные школы, служили полтора года. Выпускники школ солдатских детей войск гвардии служили пять лет, начиная с 18—20 лет. Техники и пиротехники артиллерийского ведомства служили после окончания учебного заведения четыре года.

Все мужское население, способное носить оружие и не числящееся в войсках (на действительной службе и в запасе), до 43 лет и офицеры до 50—55 лет составляли обязательное государственное ополчение и назывались «ратниками-ополченцами» и «офицерами-ополченцами». Ратники делились на два разряда — 1-й разряд для службы в полевой армии, 2-й

разряд для службы в тылу — и пополняли войска в ходе военных действий.

Большинство (примерно 86 процентов) военнослужащих Русской Императорской армии были великороссами, малороссами и белорусами по национальности (все они объединялись под общим названием — русские). Впрочем, в России такой графы — «национальность» — не было, ее заменяли сведения о месте рождения и вероисповедании. Некоторые категории населения в армию не призывались: народности Крайнего Севера и Дальнего Востока (Камчатка, Сахалин, некоторые районы Якутской области, Енисейской губернии, Томской, Тобольской губерний), инородцы Сибири (кроме корейцев и бухтарминцев), Астраханской, Архангельской губерний, Степного края, Закаспийской области, население Туркестана и Финляндии. Некоторые инородцы Кавказского края и Ставропольской губернии (курды, абхазцы, калмыки, ногайцы) вместо воинской повинности платили денежный налог. Но при желании мусульмане Кавказа и туркмены могли добровольно служить в Дагестанском конном полку и Осетинском и Туркменском конных дивизионах.

Кроме регулярной армии, в состав вооруженных сил входили иррегулярные казачьи войска: Донское, Кубанское, Оренбургское, Терское, Забайкальское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Амурское, Астраханское и Уссурийское. Казаки были особым служилым сословием и в случае боевых действий выставляли соединения, экипированные и укомплектованные за собственный счет.

Территория страны делилась на 13 военных округов: Санкт-Петербургский, Московский, Киевский, Варшавский, Виленский, Одесский, Казанский, Кавказский, Туркестанский, Омский, Иркутский, Приамурский и Область Войска Донского. С началом Первой мировой войны, 19 июля 1914-го, были созданы Двинский и Минский военный округа.

Элитные войска России назывались лейб-гвардией. Они были сведены в Гвардейский корпус в составе Гвардейской стрелковой бригады, 1-й, 2-й и 3-й гвардейских пехотных и 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий. Каждая гвардейская пехотная дивизия включала в себя две бригады по два полка каждая, гвардейская кавалерийская дивизия — три бригады по два полка в каждой. Уже в ходе войны были созданы 1-й и 2-й гвардейские корпуса, которые в 1916 году были объединены в Особую армию. Гвардейские части комплектовались наиболее развитыми и крепкими солдатами, а в некоторые полки новобранцы традиционно подбирались и по внешним данным: в

лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Литовский полки — высокие блондины, в лейб-гвардии Семеновский и лейб-гвардии Кексгольмский — высокие шатены, в лейб-гвардии Измайловский — брюнеты, в лейб-гвардии Московский — рыжие с бородами, в лейб-гвардии Павловский — низкорослые курносые, и т. п.

Армейская пехота, составлявшая в мирное время свыше 60 процентов от общей численности вооруженных сил, делилась на 37 армейских корпусов — Гренадерский, 1— 25-й армейские, 1—3-й Кавказские армейские, 1—2-й Туркестанские армейские, 1—5-й Сибирские армейские. Корпус включал в себя управление, штаб, две пехотные дивизии, мортирный артиллерийский дивизион, парковый мортирный дивизион, авиаотряд, саперный батальон, продовольственный транспорт, расходный гурт, три хлебопекарни, полевую почтовую контору, полевое телеграфное отделение, санитарно-гигиенический отряд, санитарный полутранспорт и этапно-ветеринарный лазарет. Всего по штату 1914 года корпус насчитывал 886 офицеров, 120 врачей, 121 военного чиновника, 40 099 строевых и 6960 нестроевых нижних чинов. В ходе войны структура корпуса изменилась — он стал включать три дивизии, при его штабе появились военно-полицейские рота и команда для сбора оружия. К концу войны стандартный корпус насчитывал по штату 1248 офицеров, 147 врачей, 195 военных чиновников, 52 015 строевых и 16 062 нестроевых солдата.

Пехотная дивизия включала в себя две бригады по два полка в каждой, артиллерийскую бригаду, парковую артиллерийскую бригаду, дивизионный обоз, перевязочный отряд и два лазарета. На 1914 год в русской армии существовало 52 пехотные дивизии.

Основной единицей Русской Императорской армии был полк. На 1914 год в армии насчитывалось 208 пехотных, 16 гренадерских, 20 стрелковых, 56 Сибирских стрелковых, 22 Туркестанских стрелковых, 16 Финляндских стрелковых и 8 Кавказских стрелковых полков. Номерные стрелковые, Туркестанские и Финляндские стрелковые полки имели в своем составе по два батальона, прочие — по четыре. Пехотные, гренадерские и Сибирские стрелковые полки объединялись в дивизии, прочие стрелковые полки — в бригады. Пехотные и гренадерские полки с 1864 года имели собственные номера и названия, к примеру 61-й пехотный Владимирский полк, а некоторые — и шефство, то есть почетное наименование в честь прославленного полководца или августейшего лица, например 4-й гренадерский Несвижский Генерал-Фельдмаршала Князя Барклая-де-Толли полк. Нумерация полков была сплошной, то

есть в 15-ю пехотную дивизию входили 57-й, 58-й, 59-й и 60-й полки. Пехотные и гренадерские полки носили названия в честь городов или местностей, но это не означало, что они комплектовались уроженцами этих местностей или дислоцировались там. Исключения были крайне редкими: так, 172-й пехотный Лидский полк действительно стоял в городе Лида, а 203-й пехотный Сухумский полк — в Сухуми. Точно так же именования «Сибирский» и «Кавказский» в названиях стрелковых полков отнюдь не означало, что они укомплектованы жителями этих регионов. Так, в 41-м Сибирском стрелковом полку в 1913 году уроженцами Сибири было только 54 солдата из 100, остальные родились в Акмолинской области, Ломжинской, Гродненской и Пермской губерниях. В Туркестанских и Финляндских стрелковых полках жителей Туркестана и финнов не было вообще, так как они призыву в армию не подлежали.

Структура пехотного полка включала в себя четыре батальона по четыре роты в каждом, пулеметную команду, команду разведчиков, команду для связи, музыкантскую команду, нестроевую роту и полковой обоз. По штату пехотного полка, утвержденному 6 мая 1910 года, в нем числились командир в чине полковника, 4 батальонных командира в чине подполковника, заведующий хозяйством в чине подполковника, 16 ротных командиров в чине капитана, командир нестроевой роты в чине штабс-капитана, полковой адъютант, начальник пулеметной команды, начальник команды для связи, начальник нестроевой команды и 52 субалтерн-офицера. Военных чиновников каждому полку полагалось десять: старший и 4 младших врача, казначей, делопроизводитель по хозяйственной части, квартирмейстер, заведующий оружием, капельмейстер и классный фельдшер. В эту систему не входил полковой священник, по статусу примыкавший к офицерам. По штату каждому полку полагалось 18 фельдфебелей, 21 старший и 75 младших унтер-офицеров, 45 музыкантов, 18 полковых и ротных барабанщиков и горнистов, 329 ефрейторов, 3160 рядовых, 89 денщиков, 16 вольноопределяющихся, 10 писарей, 25 фельдшеров, 6 лазаретных служителей, надзиратель больных, церковник, закройщик, 26 старших и младших мастеровых, 46 нестроевых старшего и младшего разряда и 120 обозных рядовых. Итого в обычном армейском полку служило 78 офицеров, 10 военных чиновников и 4245 нижних чинов.

Уже в ходе войны, 20 апреля 1915 года, была утверждена структура трехбатальонного пехотного полка, в котором количество офицеров, военных чиновников и нижних чинов сократилось соответственно до 60, 8 и 3267. Естественно, в тех

частях, которые не выходили из боев, эти цифры могли существенно меняться в меньшую сторону, и батальонами в таких полках могли командовать подпоручики и прапорщики.

Кавалерия делилась на армейскую, иррегулярную и инородческую. Армейская кавалерия к 1914 году состояла из 21 драгунского, 18 гусарских и 17 уланских полков, которые ничем не различались между собой в тактике боевых действий, но сохраняли традиционные различия в обмундировании. Кавалерийская дивизия включала две бригады, в первую из которых входили драгунский и уланский, во вторую — гусарский и казачий полки (исключением была Кавказская кавалерийская дивизия, все полки которой были драгунскими). Каждый полк состоял из двух дивизионов по три эскадрона каждый, эскадрон делился на четыре взвода. В каждом эскадроне числилось 5 офицеров и 144 нижних чина (вахмистр, 4 старших унтер-офицера, 7 младших унтер-офицеров, каптенармус, 3 трубача, 8 ефрейторов и 120 рядовых).

В отличие от пехоты, кавалерийские полки носили номер своей дивизии, то есть в 5-ю кавалерийскую дивизию входили 5-й драгунский, 5-й уланский, 5-й гусарский и 5-й казачий полки. Кроме того, существовали Дагестанский конный полк, Осетинский конный дивизион и Туркменский конный дивизион (с 1914 года — Туркменский конный полк, с 1916-го — Текинский конный полк), комплектовавшиеся на добровольческой основе уроженцами соответствующих местностей.

В состав каждой пехотной дивизии входила артиллерийская бригада в составе двух артдивизионов по три восьмиорудийных батареи в каждом (стрелковой бригаде полагался артиллерийский дивизион). В состав каждой кавалерийской дивизии был включен конно-артиллерийский дивизион с двумя конноартиллерийскими шестиорудийными батареями в каждом. Каждому корпусу был придан мортирный артиллерийский дивизион. Тяжелая артиллерия была сведена в тяжелые артиллерийские дивизионы. Кроме того, в Сибири, Финляндии, Туркестане, на Украине и Кавказе дислоцировались горные и конно-горные артбатареи.

В состав технических войск входили саперные, железнодорожные, понтонные батальоны, полевые и осадные инженерные парки, телеграфные и искровые роты. Авиация считалась частью инженерных войск. Каждому корпусу был придан корпусной авиаотряд, всего в армии на начало войны насчитывалось 244 аэроплана.

Для обучения новобранцев предназначались запасные батальоны четырех- и восьмиротного состава. Срок обучения в

них составлял 4—6 недель. На 1914 год в армии было 1812 запасных батальонов. С лета 1916-го они переформировывались в запасные пехотные полки 12—16-ротного состава, в которых новобранцев готовили уже 4—5 месяцев. В конце войны в России было 359 запасных пехотных полков, из них 109 на фронтах. На 1 февраля 1916 года в запасных частях числилось 1 545 000 человек.

С начала Первой мировой войны и до конца 1914 года в действующую армию в России было мобилизовано 5 115 000 человек. Всего до начала 1918 года в стране состоялось 24 призыва в армию, под ружье встало 15 800 000 человек — примерно 8,7 процента населения страны. Большая их часть шла в пехоту (в 1915 году — 3 094 250 человек, в 1916-м — 2 336 000 человек, в 1917-м — 1 743 989 человек). В кавалерию было призвано соответственно 34, 24 и 52 тысячи, в артиллерию — 70 и 80 тысяч (по 1917 году данные отсутствуют), в инженерные войска — 22, 20 и 76 тысяч человек.

До мая 1915 года призывным возрастом по-прежнему оставался 21 год. С мая 1915 года начали призывать 20-летних, с августа 1915-го — 19-летних, с февраля 1917-го — 18-летних. Большинство призванных в армию мужчин (7 600 000) находились в возрасте от 20 до 29 лет, затем шла возрастная группа от 30 до 39 лет (4 600 000), 18—19-летние (2 500 000) и мужчины в возрасте 40—43 лет (800 000). На 1 февраля 1916 года в действующей армии находилось 4 587 145 нижних чинов.

Офицерский корпус Русской Императорской армии накануне войны насчитывал 1290 генералов, 7506 штаб-офицеров и 38 575 обер-офицеров — всего 43 371 человек. В первые два года войны кадровое русское офицерство понесло на фронтах огромные потери. Места погибших кадровых офицеров занимали выпускники ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков. Генерал В.В. Чернавин так характеризовал процесс смены офицерского состава в пехотных полках русской армии: «1. Начало войны: в строю почти сплошь кадровые офицеры. В ротах кроме ротного командира — 2—3 опытных офицера; в батальоне — 14—16 офицеров. 2. Весна 1915 года. В строю осталось от одной третьей до двух пятых кадрового состава. Батальонные командиры и большая часть ротных — кадровые; младшие офицеры — военного времени. 3. Осень 1915 года. В строю осталось от 10 до 20 процентов кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры из кадровых, значительное большинство ротных командиров — офицеры военного времени. Такой состав сохранился без существенных перемен до конца войны». Эта картина была характерной именно для пехотных

частей, в артиллерии и кавалерии кадровый офицерский состав в основном был сохранен. Несмотря на потери, число офицеров в действующей армии в течение войны постоянно росло: 1 января 1915 года — 48 886, 15 сентября 1915 года — 58 011, 1 февраля 1916 года — 89 432, 1 ноября 1916 года — 115 201, 1 марта 1917 года — 128 206, 25 октября 1917 года — 157 884.

На протяжении Первой мировой войны Русская Императорская армия претерпела множество изменений — и чисто внешних, и внутренних. Перечислить здесь все попросту невозможно, поэтому остановимся на самых очевидных.

Общее руководство боевыми действиями осуществлял Верховный главнокомандующий. В июле 1914-го — августе 1915 года эту должность занимал великий князь Николай Николаевич, в августе 1915-го — марте 1917 года — император Николай II, в апреле—мае 1917 года — генерал от инфантерии М.В. Алексеев, в мае—июле 1917 года — генерал от кавалерии А.А. Брусилов, в июле—августе 1917 года — генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, в сентябре—октябре 1917года — премьер-министр А.Ф. Керенский, в ноябре 1917 года — генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, в ноябре 1917-го — марте 1918 года — прапорщик Н.В. Крыленко. Ставка Верховного главнокомандующего в июле 1914-го — августе 1915 года размещалась в Барановичах, в августе 1915-го — марте 1918 года — в Могилёве.

Основным оперативно-стратегическим объединением войск действующей армии с началом войны стал фронт. В 1914—1915 годах существовали Северо-Западный и Юго-Западный фронты, в августе 1915-го Северо-Западный был разделен на Северный и Западный фронты. В декабре 1916 года был создан Южный фронт, практически сразу же переименованный в Румынский, а в апреле 1917-го — Кавказский фронт. Действующие на фронтах войска были объединены в армии. Всего на протяжении Первой мировой войны в России было сформировано 17 армий: 13 номерных, Особая, Добруджинская, Дунайская и Отдельная Кавказская. Состав армий мог существенно варьироваться в зависимости от выполняемых ею задач, однако в среднем армия включала в себя два-три армейских корпуса.

Состав действующей армии неизмеримо вырос количественно — в 1914 —1917 годах было сформировано более 800 новых пехотных и стрелковых полков, составивших 30 дивизий 2-й очереди, 34 дивизии 3-й очереди и 76 дивизий 4-й очереди. Они были сведены в 50 армейских, 7 Кавказских, 7 Сибирских, 2 Туркестанских и Кубано-Терский пластунский корпуса. Кавалерия была сведена в 7 кавалерийских, 2 Кавказских кавалерийских и Сводный кавалерийский корпуса. «Последней дивизией» русской

армии стала 194-я, а «последним полком» — 776-й пехотный Кустанайский. Номера гренадерских и Финляндских стрелковых полков дошли до цифры 24, стрелковых полков — до 32, Сибирских стрелковых — до 88, Туркестанских стрелковых — до 40, Кавказских стрелковых — до 28. Вновь формируемые полки вместо четырехбатальонных были уже трехбатальонными, с мая 1916 года в них были 8 команд: пулеметная, траншейных орудий, конных разведчиков, связная, саперная, учебная, полицейская, для сбора оружия.

Все стрелковые бригады в 1915-м были переформированы в стрелковые дивизии. В состав действующей армии были включены войска Отдельного корпуса Пограничной стражи. В декабре 1915 года сначала на Юго-Западном фронте, а затем и на других появились гренадерские взводы.

В течение 1916 года были сформированы 1-я — 4-я Особые пехотные бригады двухполкового состава, которые приняли участие в боевых действиях на европейском театре войны, сражаясь против германских, турецких и болгарских войск. Февраль 1916 года ознаменовался созданием элитного Батальона охраны Ставки Верховного главнокомандующего, в июне переименованный в Георгиевский батальон для охраны Ставки (все офицеры и нижние чины в них были награждены орденом Святого Георгия и Георгиевскими крестами). В 1916 году также были созданы инженерные полки, появилась ТАОН — тяжелая артиллерия особого назначения, сведенная в особый корпус и подчиненная напрямую Ставке. Кавалерийским корпусам были приданы батальоны самокатчиков (велосипедистов) и автобронедивизионы, а кавалерийским дивизиям — кавалерийские стрелковые полки. День 31 мая 1916 года может считаться днем рождения русского спецназа — тогда была сформирована Отдельная морская бригада особого назначения (ОМБОН), в составе Артиллерийского и Минных полков и Речной флотилии особого назначения.

В процессе Первой мировой войны в Русской Императорской армии начали создаваться национальные части, которые изначально комплектовались офицерами и солдатами — представителями определенной национальности. Первой, в августе 1914 года, была создана Кавказская Туземная конная дивизия в составе Дагестанского, Кабардинского, Татарского, Чеченского, Черкесского и Ингушского конных полков, которая в августе 1917 года была развернута в Кавказский Туземный кавалерийский корпус в составе 1-й и 2-й Кавказских Туземных конных дивизий.

В сентябре 1914 года началось формирование армянских

добровольческих дружин, которые затем были развернуты в шесть Армянских стрелковых батальонов, а в июле 1917-го — в шесть Армянских стрелковых полков.

В ноябре 1914 года в городе Пулавы начала создаваться польская добровольческая дружина, получившая название Пулавского легиона. В начале 1915 года части легиона были влиты в 104-ю дружину государственного ополчения, и 1 октября на ее базе началось формирование Польской стрелковой бригады в составе четырех батальонов. 24 января 1917 года бригада была развернута в Польскую стрелковую дивизию, а 23 августа того же года был создан 1-й Польский корпус в составе 1-й, 2-й и 3-й Польских стрелковых дивизий, 1-й дивизии Польских улан, 1-го Польского инженерного полка, двух артбригад, конного, паркового и минометного дивизионов и вспомогательных частей.

В январе 1915 года из пленных военнослужащих австро-венгерской армии, перебежчиков и живших в России добровольцев — чехов и словаков по национальности была создана Чехо-Словацкая добровольческая дружина. 4 апреля 1916 года на ее базе были сформированы 1-й и 2-й Чехо-Словацкие стрелковые полки, сведенные в Чехо-Словацкую стрелковую бригаду, а 6 августа 1917 года появилась Чехо-Словацкая стрелковая дивизия в составе четырех полков. 26 сентября 1917 года началось создание Отдельного Чехо-Словацкого корпуса в составе двух дивизий, который в январе 1918 года стал автономной частью французских вооруженных сил и принял активное участие в Гражданской войне на востоке России.

В апреле 1915 года в Грузии были созданы Тифлисская и Кутаисская добровольческие дружины, 19 марта 1916-го развернутые в Грузинский стрелковый полк. 31 октября того же года был создан Грузинский конный полк.

В августе 1915 года в Латвии началось создание Латышских стрелковых батальонов, которые 26 января 1916 года получили названия (1-й Латышский стрелковый Усть-Двинский, 2-й Латышский стрелковый Рижский, 3-й Латышский стрелковый Курземский, 4-й Латышский стрелковый Видземский), а 15 сентября 1916 года были развернуты в полки двухбатальонного состава, сведенные в Латышскую стрелковую бригаду. 31 октября 1916 года были сформированы также 5-й Земгальский, 6-й Туккумский, 7-й Баусский и 8-й Вольмарский Латышские стрелковые полки. В итоге все латышские части были сведены в 1-ю и 2-ю Латышские стрелковые дивизии.

В октябре 1916 года в Одессе была сформирована 1-я Сербская добровольческая пехотная дивизия в составе четырех трехбатальонных полков. В январе 1917 года началось

формирование 2-й Сербской добровольческой пехотной дивизии, которая затем была развернута в Сербский добровольческий корпус.

Последними по времени соединениями русской армии, сформированными на основе подбора национальных кадров, стали эстонские. В апреле—августе 1917 года были созданы 1-й и 2-й Эстонские пехотные полки, которые в декабре были развернуты в 1-ю Эстонскую пехотную дивизию в составе четырех полков, артбригады и инженерной роты.

Таким образом, наиболее крупными национальными формированиями русской армии на конец 1917 года были 1-й Польский корпус в составе четырех дивизий, Кавказский Туземный кавалерийский, Сербский добровольческий и Отдельный Чехо-Словацкий корпуса (каждый в составе двух дивизий), 1-я и 2-я Латышские стрелковые дивизии и 1-я Эстонская пехотная дивизия. Все они принимали участие в боевых действиях, наиболее мужественными и стойкими в сражениях показали себя офицеры и солдаты Кавказского Туземного корпуса, латышских, чехо-словацких и сербских частей.

Кроме того, в составе русской армии в боях участвовали представители стран Антанты — Экспедиционный корпус бельгийских пушечно-пулеметных бронеавтомобилей в России (1915—1917) и Русский бронеавтомобильный дивизион Королевской морской авиационной службы (1916—1917).

Наибольшее количество изменений в структуру и внешний облик русской армии внес революционный 1917 год. Русская Императорская армия ушла в небытие, ее место заняла «армия свободной России». Внешне это выразилось в отмене «царской» символики — 22 марта 1917 года было отменено шефство над частями членов императорской фамилии, 4 апреля — императорские вензеля на погонах, эфесах и клинках личного оружия. В соответствии с Приказом № 1 Петроградского совета от 2 марта 1917 года в каждом подразделении (от роты до фронта) был создан свой комитет, в который входили представители офицеров и солдат. В теории комитеты должны были заниматься поддержанием порядка и боеспособности (дисциплиной, борьбой с дезертирством), внутреннего быта части (увольнения в отпуск, взаимоотношения между офицерами и солдатами), хозяйственными (контроль над довольствием и снабжением) и просветительными вопросами. На деле же комитеты бесцеремонно вмешивались в работу командного состава: боевые приказы обсуждались, могли быть отменены и т. п. С принятием 9 мая 1917 года «Декларации прав солдата и гражданина», еще

больше расширившей права (но не обязанности) солдат, дисциплина в армии упала практически до нуля. Попытка проведения в жизнь ряда жестких дисциплинарных приказов в июле 1917 года провалилась.

Своеобразной реакцией на всеобщий развал оказалось создание в 1917 году так называемых ударных частей (другое название — «части смерти»), которые начали явочным порядком возникать на фронтах в апреле, а начиная с конца июня создавались официально. В них добровольно переводились офицеры и солдаты, желавшие воевать до победного конца. Боевое применение ударных частей было разнообразным. Главным их назначением был штурм особо важных и особо укрепленных участков вражеской обороны, то есть наиболее трудная, сопряженная с многими жертвами часть наступательной операции (отсюда, видимо, и пошло выражение «части смерти»). В обороне ударники должны были вести бой с целью улучшения своего положения, захватывать пленных и контратаковать в случае захвата противником наших позиций. Использовать ударные части в обычной обороне запрещалось.

На 15 июля 1917 года «частями смерти» в армии именовались 4 корпуса (2-й Гвардейский, Гвардейский Кавалерийский, 6-й и 7-й кавалерийские), 5 дивизий (4-я, 35-я и 155-я пехотные, 6-я Сибирская стрелковая, 7-я кавалерийская), 12 полков (4 пехотных, 1 особый пехотный, 2 Сибирских стрелковых, 1 Чехо-Словацкий стрелковый, 2 гусарских, 1 пограничный конный, 1 Кавказский пограничный), 6 артиллерийских бригад, 11 артиллерийских дивизионов, 3 броневых автомобильных дивизиона, 1 авиационный отряд, 1 воздухоплавательный отряд и значительное число менее крупных частей — отдельные батальоны, роты и эскадроны полков и батареи артбригад. Кроме того, два «корабля смерти» было на флоте — крейсер «Адмирал Макаров» и канонерская лодка «Храбрый». К октябрю 1917 года общее число «частей смерти» насчитывало 312, а их численный состав примерно равнялся 600 тысячам бойцов. Однако переломить общий процесс распада армии ударные части не могли. 9 декабря 1917 года их существование было официально запрещено.

23 мая 1917 года началось создание революционных батальонов из волонтеров тыла, в которые вступали лица не моложе 17 лет, находившиеся в тылу — юнкера, студенты, гимназисты, чиновники, военнослужащие запасных частей. Всего было сформировано 36 таких соединений. Рядовые в них именовались «волонтерами», командиры — «начальниками». Интересной особенностью таких батальонов были отсутствие

погон (на раннем этапе) и выборность начальников. Появлялись и другие добровольческие формирования, созданные с целью вылечить или по крайней мере оздоровить безнадежно больную армию: отряды добровольцев из увечных воинов, женские команды смерти. В августе 1917 года было начато формирование четырех Георгиевских пехотных запасных полков, однако создан был только 1-й, дислоцировавшийся в Киеве.

В октябре 1917 года в армии были созданы первые штрафные части. Так назывались «те отдельные части войска и их подразделения… в которых произойдут многочисленные или массовые нарушения долга службы, порядка и воинской дисциплины в виде отказа от повиновения законным властям, неисполнения приказов боевого значения, нежелания вести занятия, насильственных действий или чего-либо подобного при очевидности и важности означенных нарушений».

Характерным для 1917 года явлением стала так называемая «национализация» армии — преобразование обычных воинских частей в «национальные». «Национализация» происходила по одному сценарию — из части изымались и переводились в другие соединения все солдаты — не украинцы (не грузины, не армяне и т. п.) по национальности, а взамен часть пополнялась солдатами соответствующей национальности. Офицеры по желанию оставались на своих должностях или уходили, так что «национальными» такие части были по «солдатскому» принципу. «Национализации» подлежали воинские части всех уровней — от роты до корпуса.

Больше всего армию затронула «украинизация». Ей были подвергнуты 16 армейских корпусов целиком и 6 пехотных дивизий из других корпусов, 6 кавалерийских дивизий и 3 кавалерийских полка из других дивизий, 6 военных училищ, кадетский корпус и около 50 запасных полков. На втором месте по численности оказались «мусульманские» части — 8,5 пехотных и стрелковых дивизий и 1 конный полк, которые в декабре 1917 года начали сводиться в 1-й Мусульманский корпус. В ноябре 1917 года началось формирование Грузинского и Армянского армейских корпусов, костяк которых составили существовавшие раньше Грузинские стрелковый и конный полки и шесть Армянских стрелковых полков. Кроме того, были «грузинизированы» один пехотный, один пограничный конный и два крепостных пехотных полка, а 2-я Кавказская стрелковая дивизия была «армянизирована». На Румынском фронте была «молдавизирована» 14-я пехотная дивизия, на Кавказском — предпринята попытка формирования Эллинской Кавказской стрелковой дивизии, укомплектованной русскими греками.

Последним, в январе 1918 года, был создан Белорусский армейский корпус (бывший 4-й) в составе трех дивизий. Всего «национализации» в течение 1917 года подверглось 53,5 пехотных и стрелковых дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 6 отдельных пехотных и 5 отдельных кавалерийских полков, 7 военно-учебных заведений и множество более мелких подразделений. Их боевые качества, как правило, были очень низкими. Большинство национализированных подразделений впоследствии «легло в основу» национальных армий государств, возникших на развалинах Российской империи.

В течение всего 1917 года разложение русской армии шло по нарастающей. После большевистского переворота в начале ноября 1917 года на фронтах начали массово заключаться перемирия на «местных» уровнях, тогда же началась демобилизация, а 4 декабря в силу вступило перемирие по всему русско-германскому фронту от Балтики до Дуная. 16 декабря 1917 года Декретом Совета народных комиссаров «Об уравнении всех военнослужащих в правах» в армии были упразднены все чины, звания, ордена и знаки различия, а Декрет «О выборном начале и об организации власти в армии» вводил выборность командиров на всех уровнях. В итоге к февралю 1918 года армия фактически перестала существовать. Последние столкновения с противником были отмечены в конце февраля — начале марта 1918 года, когда германцы и австро-венгры, нарушив перемирие, перешли в наступление по всему фронту. Тогда сопротивление им оказывали не только последние, чудом уцелевшие и сохранившие боеспособность остатки старой русской армии, но и отряды Красной гвардии. Формально Первая мировая война для России закончилась 3 марта 1918 года с подписанием Брестского мира, однако отдельные бои продолжались и позже (например, 7 марта, когда 2-й Гомельский красногвардейский отряд выбил германцев со станции Добруш).

Общие потери русской армии в Первой мировой войне к 1 сентября 1917 года составили 3 637 710 человек убитыми и ранеными. Было убито, умерло от ран и болезней, погибло от несчастных случаев 685 441 человек, из них в кавалерии 3238, в иррегулярных частях 8314. Ранения и контузии получили 2 716 302 человека, в том числе в кавалерии 12 874, в иррегулярных войсках 30 032. Если учесть, что боевые действия, пусть и гораздо более вялые, чем раньше, эпизодически продолжались также на протяжении осенних и зимних месяцев 1917 года и первых двух месяцев 1918-го, общая цифра погибших и раненых приближается к четырем миллионам (по подсчетам видного историка Н.Н. Головина, сделанным в 1939 году, — 3 850 000 человек). Кроме

того, погибли и умерли от ран 1 070 000 мирных жителей России.

Очень значительными были потери русского офицерского корпуса. Большинство их пришлось на первые два года войны, когда убитыми, ранеными и пропавшими без вести армия потеряла 45,1 тысячи офицеров. В 1916-м потери сократились до 19,4 тысячи офицеров, в 1917-м — до 8,5 тысячи. Всего за годы войны русская армия потеряла убитыми 36 генералов, 271 полковника, 480 подполковников, 1187 капитанов, 927 штабс-капитанов, 1324 поручика, 2727 подпоручиков и 6884 прапорщика. Ранены и контужены были 97 генералов, 782 полковника, 1110 подполковников, 2919 капитанов, 2914 штабс-капитанов, 4134 поручика, 7426 подпоручиков и 21 105 прапорщиков. Пропали без вести 2 генерала, 26 полковников, 53 подполковника, 126 капитанов, 109 штабс-капитанов, 238 поручиков, 477 подпоручиков и 2722 прапорщика. В плен попали 73 генерала, 230 полковников, 416 подполковников, 1413 капитанов, 1001 штабс-капитан, 1268 поручиков, 2140 подпоручиков и 6681 прапорщик.

Точных цифр относительно количества русских военнослужащих, попавших в 1914—1918 годах в плен, нет до сих пор. По данным Российского общества Красного Креста, зимой 1916/17 года в странах Четверного союза находилось 2 200 000 пленных русских. Генеральный штаб русской армии на 3 октября 1917 года приводил цифру 2 043 548 человек. С этими данными значительно расходятся подсчеты Центрального статистического управления СССР (1925) — 3 409 443 пленных, и данные Центральной комиссии о пленных и беженцах (1919) — 4 153 744 пленных. Содержались пленные в лагерях. На территории самой Германии действовало ИЗ лагерей для солдат и 37 для офицеров, еще 235 лагерей существовали на оккупированных территориях. В свою очередь, русская армия в течение войны взяла в плен 1 782 966 человек, в том числе 1 587 099 австрийцев, 152 760 немцев, 42 988 турок и 199 болгар.

Количество дезертировавших из русской армии на протяжении всей войны было относительно небольшим и в течение августа 1914-го — февраля 1917 года составило 195 130 человек (в среднем 6294 человека в месяц по всем фронтам). После Февральского переворота количество дезертиров резко увеличилось и с 2 марта по 1 августа 1917 года превысило 150 000 человек (в среднем больше 30 000 человек в месяц по всем фронтам). Но это — лишь официальные данные. По мнению военного историка Н.Н. Головина, «…к 1 ноября 1917 года число явных и “скрытых” дезертиров должно исчисляться цифрой более чем в два миллиона. Таким образом, к концу войны на каждые

три чина Действующей армии приходилось не менее одного дезертира».

Итак, общие потери русской армии в Первой мировой войне значительно превысили потери союзников России по Антанте (для сравнения: Франция — 1 293 464 убитых, 2 800 000 раненых, 506 000 пленных; Великобритания — 702 410 убитых, 1 662 625 раненых, 170 389 пленных). Из всех стран — участниц войны Россия находится на втором месте по потерям после Германской империи, потерявшей 2 036 897 человек убитыми, 4 216 058 человек ранеными и 993 106 человек пленными.

«И были дружною семьею солдат, корнет и генерал…»: система воинских званий и чинов в русской армии и флоте накануне и во время Первой мировой войны

Первые воинские чины и звания появились в России в 30-х годах XVII столетия. Но в стройную систему они были сведены только во время Петра Великого, с учреждением знаменитой Табели о рангах. В 1722 году она включала ни много ни мало 43 только пехотных офицерских чина, не считая артиллерийских. С тех пор Табель не раз совершенствовалась, и к началу Первой мировой войны в ней числилось 15 офицерских и 6 генеральских чинов.

Сразу заметим, что нижние чины (говоря современным языком, солдаты, сержанты и старшины) в Табель не входили, хотя их обозначения тоже были весьма разнообразны. С них и начнем.

Солдаты-пехотинцы носили звания рядовой, ефрейтор, младший унтер-офицер, старший унтер-офицер, фельдфебель. В кавалерии звания рядового состава были такими же, за исключением того, что у кавалеристов был не фельдфебель, а вахмистр. А вот артиллеристы уже имели собственные звания: канонир, бомбардир, младший фейерверкер, старший фейерверкер. Легко заметить, что все эти звания — неславянского происхождения. Они были заимствованы из прусской армии еще в Петровскую эпоху. Самым живучим оказался «ефрейтор» (в Германии словом «Gefreitor» обозначались опытные солдаты-старослужащие, которых в качестве поощрения освобождали от строевой подготовки). В казачьих войсках рядовой состав носил свои звания: казак, приказный, младший урядник, старший урядник, вахмистр.

Такие же звания имели лица рядового состава, поступившие в армию добровольно — лица со средним или высшим образованием (вольноопределяющиеся) или без него (охотники). Рядовые производились в унтер-офицеры не ранее года выслуги и не позже чем за четыре месяца до увольнения в запас; вольноопределяющиеся — к концу года выслуги и не ранее чем за полгода до увольнения в запас.

Своеобразным промежуточным звеном между рядовым и офицерским составом являлось звание подпрапорщик. Так именовались опытные сверхсрочнослужащие унтер-офицеры,

которые могли занимать офицерские должности и пользовались рядом льгот.

Офицерские чины делились в России на обер- и штаб-офицерские. Обер-офицерами считались обладатели чинов от прапорщика до капитана/ротмистра/есаула включительно, штаб-офицерами — майоры (до 1884 года, когда этот чин был упразднен), подполковники и полковники. Первый же обер-офицерский чин давал его обладателю личное дворянство (оно передавалось жене, но не детям), а чин полковника с декабря 1856 года — потомственное дворянство (оно передавалось жене, детям, внукам и т. д.).

Самый низший офицерский чин прапорщик был общим для всех родов войск. В армии он был введен в 1711 году (в артиллерии и инженерных войсках — в 1811-м). Как нетрудно догадаться, происхождение слова «прапорщик» связано со славянским обозначением знамени (прапора). С 1884 года чин существовал только в военное время и присваивался выпускникам ускоренных курсов военных училищ или школ прапорщиков. В течение Первой мировой войны чин прапорщика получило около 220 тысяч человек — вчетверо больше, чем было офицеров в русской армии за всю ее предыдущую историю. С полным основанием можно сказать, что именно прапорщики военного времени были «становым хребтом» русского офицерства времен Первой мировой войны.

В то же время невысокое качество подготовки новоиспеченных прапорщиков породило ироническое отношение к ним как среди кадровых военных, так и среди штатских лиц. В 1915—1916 годах стала актуальной существовавшая и ранее поговорка «Курица не птица, прапорщик не офицер», зазвучали частушки: «Вчера копался в огороде я — сегодня “ваше благородие”», «Раньше был я дворником, звали все Володею, а теперь я прапорщик, “ваше благородие”»…

Вторым по значимости в армии был подпоручик. Чин был введен в 1703 году (в 1722-м он был переименован в «унтер-лейтенант», но это нововведение не прижилось). В кавалерии ему соответствовал корнет (чин введен в 1731 году), в казачьих войсках — хорунжий. С 1884 года именно чин подпоручика/корнета/хорунжего присваивался всем выпускникам юнкерских и военных училищ.

Далее шел общий для пехоты и кавалерии чин поручик (в казачьих войсках — сотник). Слово «поручик» родственно словам «ручаться», «порука», «поручитель». Изначально оно означало офицера, который сопровождал к месту службы колонну призывников и ручался честным словом, что ни один из них не

сбежит по пути. В 1722 году «поручика» попытались было заменить «лейтенантом», но чужеродное слово не прижилось и вскоре отпало само собой, при этом закрепившись на флоте (в армию «лейтенант» вернется только в 1935-м).

За поручиком по старшинству следовал штабс-капитан (в кавалерии — штабс-ротмистр). Этот чин появлялся в армии дважды — сначала его ввел в 1762 году Петр III, но после свержения императора его новацию быстро отменили. И только в 1797-м сын Петра III Павел I снова вернул чин в армию. В казачьих войсках чина, соответствовавшего штабс-капитану, не существовало до 1884 года, когда был введен чин подъесаул.

Чин капитан встречался еще в 1630-х годах. В казачьих войсках ему соответствовал есаул, в кавалерии — ротмистр (измененное немецкое «Rittmeister», то есть рыцарь-хозяин). Начиная с этого чина офицер мог быть причисленным к Генеральному штабу и в таком случае получал право на соответствующую «приставку» к своему чину (Генерального штаба капитан, Генерального штаба полковник и т. п.).

Чина майор в русской армии к началу Первой мировой войны не существовало уже 30 лет. Первые русские майоры появились в 1698 году, но уже в 1711-м чин разделился на две ступени — премьер-майор (он командовал первым батальоном полка) и секунд-майор. В 1798-м этот чин был снова объединен в один, но все равно ему «не везло»: в том же году исчезли майоры в лейб-гвардии, в 1802-м — в гвардейской артиллерии, в 1811-м — в армейской артиллерии и инженерных войсках. В 1884 году этот чин был отменен повсеместно, чтобы вернуться снова через полвека, уже в Красной армии.

Чин подполковник в русской армии встречался еще в 1630-х годах. В казачьих войсках ему с 1884 года соответствовал чин войсковой старшина, ранее равный майорскому. В лейб-гвардии чина «подполковник» не существовало, поэтому гвардейские капитаны были вынуждены ходить в этом чине на два года дольше, чем их армейские коллеги — ведь их сразу производили в полковники. С 1887 года в русской армии производство в чин подполковника совершалось только в один день — 26 февраля. Чин полковник был единым для всех родов войск, впервые он встречается еще в 1630-х годах.

Отдельной разновидностью офицерских чинов были так называемые зауряд-чины. Ими обозначались лица, занимавшие офицерские должности, но не имевшие соответствующего чина. Таких офицеров с началом Первой мировой войны было немало, особенно в Государственном ополчении. Поэтому, например, поручик запаса, командовавший ротой в Государственном

ополчении, получал чин «зауряд-капитан» и носил соответствующие знаки различия.

Первым генеральским чином, введенным в 1661 году, был генерал-майор. Чин генерал-лейтенант употреблялся с 1698 года и долгое время на равных конкурировал с более ранним (1659) «генерал-поручиком». В 1741 — 1796 годах «генерал-поручик» окончательно победил — в армии существовал только этот чин (именно его носил, к примеру, А.В. Суворов). Но в 1796 году Павел I неожиданно вернул «генерал-лейтенанта» к жизни, оказавшейся очень долгой.

Дальнейшие генеральские чины четко разделялись по родам войск — генерал от инфантерии (пехоты), генерал от кавалерии (этот чин также присваивался в казачьих войсках), генерал от артиллерии, инженер-генерал. Неофициально они были объединены под общим названием «полный генерал» (отсюда распространенная в то время шутка — «Не каждый генерал от природы полный»). Эти чины появились в 1722 году, а в 1763-м их сменил один общий чин «генерал-аншеф». В 1796 году он был упразднен, и в армии снова появилось четыре полных генерала.

Чин генерал-фельдмаршал был введен в 1699 году и присваивался 64 раза. Последним русским генерал-фельдмаршалом стал в 1898 году Д.А. Милютин, скончавшийся в 1912 году, последним человеком, которому этот чин был присвоен в почетном порядке, — король Румынии Кароль I (1912, скончался в 1914 году), а последним носителем этого чина вообще — король Черногории Николай I (скончался в 1921 году). Кроме того, вне Табели о рангах находился высший воинский чин генералиссимус. Он был присвоен всего пять раз, последним русским генералиссимусом в 1799 году стал А.В. Суворов.

Надо заметить, что множество должностей в русской армии занимали военные чиновники, носившие не военные, а штатские чины. В войсках они занимали медицинские, административные и хозяйственные должности, а также служили в Военном министерстве, военно-судебном и военно-учебном ведомствах. Ближе всего по статусу к офицерам были приближены военные врачи.

Нижние чины Русского Императорского флота на начало 1914 года носили следующие воинские звания: матрос 2-й статьи, матрос 1-й статьи, квартирмейстер, боцманмат и боцман. Промежуточным между рядовым и офицерским составом флота был класс кондукторов (ударение на последнем слоге). Это звание присваивалось унтер-офицерам главных флотских специальностей, которые, в свою очередь, обучали новобранцев. Соответственно и звание это имело множество вариаций:

кондуктора могли быть артиллерийскими, минными, машинными, трюмными, гальванерными, телеграфными, сигнальными, сигнально-дальномерными, кочегарными, рулевыми, авиационными (с февраля 1915 года), а также старшими боцманами, шкиперами, старшими баталерами, старшими машинными содержателями, старшими минно-артиллерийскими содержателями и старшими фельдшерами.

Младшим офицерским чином русского флота был мичман (искаженное английское слово midshipman). Затем следовали лейтенант и старший лейтенант. Этот чин был самым «молодым» на флоте: установленный 28 мая 1907 года как звание, 16 марта 1909 года он был преобразован в полноценный чин, а 9 декабря 1911 года фактически заменил собой упраздненный чин капитан-лейтенанта. Флотскими штаб-офицерами были капитан 2-го ранга и капитан 1-го ранга.

Адмиральских чинов на русском флоте было три: контр-адмирал, вице-адмирал и адмирал (иногда именуемый также «полным адмиралом»). Высший чин генерал-адмирал, который за всю историю флота присваивался только шесть раз, не существовал с 1908 года, когда скончался его последний обладатель — великий князь Алексей Александрович.

Кроме собственно флотских чинов, на флоте существовали и так называемые чины по Адмиралтейству. Такие чины носили солдаты, офицеры и генералы, которые несли береговую службу — например, в морской пехоте или в Морском министерстве. Солдатские звания от рядового до фельдфебеля начинались словом «морской», например морской ефрейтор, морской младший унтер-офицер и т. п. Офицерские чины были аналогичны соответствующим общеармейским чинам, но с добавлением слов «…по Адмиралтейству», например поручик по Адмиралтейству. Генералы береговой службы носили чины «флота генерал-майор», «флота генерал-лейтенант» и «флота генерал». Офицеры Корпуса морской артиллерии, Корпуса флотских штурманов и Корпуса корабельных инженеров при прохождении службы получали не флотские, а общеармейские чины.

Система чинопроизводства в армии накануне Великой войны была следующей. Первый офицерский чин (до 1884 года — прапорщик, затем подпоручик/корнет/хорунжий) присваивался выпускнику военного училища. Те, кто выпускался из училища по 1-му разряду, то есть с лучшими оценками, получали преимущество над выпускниками 2-го разряда. Важным фактором здесь являлось старшинство в чине — срок, который отсчитывался от дня Высочайшего приказа о чинопроизводстве

того или иного офицера (в случае, если чин был присвоен за боевые отличия, отсчет шел от дня совершения подвига). На свободную вышестоящую должность назначался офицер, имевший наибольшую среди других выслугу в своем чине. При этом в качестве поощрения сроки старшинства могли значительно сдвигаться. Например, офицер мог получить чин полковника в январе 1916 года, но старшинство в этом чине ему считалось с июля 1915-го. Таким образом сокращался срок выслуги в следующий чин, и полковник получал преимущество перед сверстниками. В России вплоть до Первой мировой войны ежегодно издавались списки штаб-офицеров по старшинству.

В 1900 году вакансионную систему отменили для обер-офицеров: было введено правило, согласно которому подпоручик, поручик и штабс-капитан находились каждый в своем чине по четыре года. Дальнейшее чинопроизводство по-прежнему зависело от наличия вакансий в части и аттестации начальства. В июле 1896 года были утверждены правила производства в штаб-офицерские чины. Согласно им, половина вакансий замещалась капитанами, производимыми по старшинству, и половина — производимыми по избранию начальства. Для производства в полковники с 1884 года было необходимо прослужить в предыдущем чине не менее четырех лет и быть не старше 55 лет, кроме того, обязательно требовалось наличие свободной вакансии. Производство в генеральские чины осуществлялось «за отличие» и «вне правил». Для производства в генерал-майоры и генерал-лейтенанты требовалось отслужить в предыдущем чине 8 лет (вне правил — 6 лет), а в полные генералы — 12 лет. Что касается офицеров корпуса Генерального штаба, то их производство в чины от генерал-майора и выше зависело исключительно от их личных заслуг и усмотрения начальства.

Предельные возрасты в армии были установлены следующие: для командира корпуса — 67 лет, начальника пехотной дивизии — 63 года, начальника кавалерийской дивизии — 61 год, командира артиллерийской бригады — 60 лет, командира отдельной части в пехоте — 58 лет, командира кавалерийского полка и артиллерийской батареи — 56 лет, прочие строевые штаб-офицеры — 58 лет, обер-офицеры — 55 лет, летчики — 45 лет.

Во время Первой мировой войны 1914—1918 годов схема чинопроизводства изменилась. Военные училища перешли на ускоренное обучение юнкеров, которые через 3—4 месяца (в кавалерийских, артиллерийских и инженерных — через 6—8 месяцев) подготовки получали чин прапорщика. Такой же чин получал юнкер школы прапорщиков (во время Первой мировой

была открыта 41 такая школа, всего они выпустили 109,5 тысячи офицеров). В таких школах не могли обучаться лица, «…кои сами или их родители и деды (безразлично по мужской или женской линиям) перешли в русское подданство из иностранного после 1 января 1880 г.; все происходящие из немецких колонистов (время переселения роли не играет); лица иудейского происхождения». После Февральского переворота 1917 года эти ограничения были отменены. Максимум, чего мог достичь по службе прапорщик военного времени, — это чин капитана/ротмистра/есаула.

Порядок чинопроизводства на фронте был определен целым рядом приказов по Военному ведомству, изданных в 1915—1917 годах. Они четко определяли, когда и какие именно офицеры могут быть представлены в следующие чины. Так, прапорщики и подпоручики пехоты для производства в следующий чин должны были непрерывно находиться на фронте и в строю 4 месяца (с перерывами — 9 месяцев), поручики пехоты — 6 месяцев, прапорщики кавалерии и артиллерии — 7 месяцев, корнеты, хорунжие и подпоручики артиллерии — 9 месяцев, поручики кавалерии и сотники — 9 месяцев, поручики артиллерии, штабс-капитаны, капитаны и подполковники пехоты — 12 месяцев, штабс-ротмистры, подъесаулы и все штаб-офицерские чины кавалерии — 16 месяцев.

Тем не менее на практике нередки были случаи, когда офицеров вместо повышения в чине награждали орденами, а затем в течение нескольких месяцев производили сразу в два-три новых чина (например, в ноябре 1916 года — в подпоручики, в декабре 1916 года — в поручики, в январе 1917 года — в штабс-капитаны). Случались и производства в течение двух-трех дней.

Кроме того, на фронте было произведено в офицеры 11,5 тысячи нижних чинов за боевые отличия и 8 тысяч — «по удостоению начальства». Летом 1917 года в офицеры за участие в боях произвели несколько тысяч юнкеров ударных частей вне зависимости от срока их обучения.

Все воинские звания и чины России были отменены постановлением ВЦИКа и СНК 16 декабря 1917 года. Взамен было введено единое звание — солдат революционной армии. В белых армиях во время Гражданской войны большинство старых чинов было восстановлено. Исключением стали чины «прапорщик» и «подполковник» (этот чин был отменен в Добровольческой армии в ноябре 1918 года для уравнения в правах капитанов гвардии с другими офицерами, но восстановлен в Русской армии П.Н. Врангеля в мае 1920 года).

В 1935 году в обиход Красной армии вернулись наименования трех старых чинов русской армии, теперь ставших

воинскими званиями: капитан, майор, полковник. В Красном флоте были возрождены звания «лейтенант», «старший лейтенант», «капитан 2-го ранга» и «капитан 1-го ранга». В 1939-м было восстановлено звание «подполковник», в 1940-м вернулись звания «ефрейтор», «генерал-майор» и «генерал-лейтенант» (на флоте — звания «мичман», «контр-адмирал», «вице-адмирал» и «адмирал»), в 1946-м — звание «рядовой», а в 1971-м — «прапорщик». Все эти звания сохраняются и в Вооруженных силах Российской Федерации, за исключением упраздненного в 2009 году звания «прапорщик».

От «Благородия» до «Высокопревосходительства»: система уставных обращений в русской армии и флоте накануне и во время Первой мировой войны

Нормы обращения в русской армии сто лет назад четко регламентировались Уставом внутренней службы (глава 1 — «Общие обязанности воинских чинов», раздел 26). И надо сказать, что новобранцу, незнакомому с азами воинской службы тех лет, приходилось поначалу нелегко, ведь разные категории офицеров и военных чиновников титуловались по-разному.

Среди нижних чинов была своя, довольно простая система обращений. Она заключалась в том, что рядовой всех вышестоящих по званию солдат должен был называть по званию с прибавлением слова «господин» (господин ефрейтор, господин старший унтер-офицер, господин фельдфебель). В свою очередь, фельдфебель обращался к рядовому просто «рядовой» или по фамилии. Называть нижних чинов на «вы» не полагалось (да, собственно, это никому и в голову бы тогда не пришло). Единственным исключением были вольноопределяющиеся — солдаты со средним или высшим образованием, поступившие в армию добровольно. Их нужно было называть только на «вы» и «господин вольноопределяющийся». Офицеры в шутку часто называли вольноопределяющихся «вольнопёрами».

К офицерам солдаты обращались в зависимости от чина. Прапорщик, подпоручик (корнет/хорунжий), поручик (сотник), штабс-капитан (штабс-ротмистр/подъесаул) — «Ваше Благородие». А вот штабс-капитаны гвардии из этого ряда уже выпадали — они пользовались штаб-офицерским титулованием «Ваше Высокоблагородие». Так называли также капитанов (ротмистров/есаулов), майоров (до 1884 года; тогда этот чин был упразднен), подполковников (войсковых старшин) и полковников. Надо сказать, что солдаты обращались к офицерам обычно скороговоркой, так что вместо «Ваше Благородие» получалось что-то вроде «Вашбродь», а вместо «Ваше Высокоблагородие» — «Вашсокбродь».

Обращение «Ваше Высокородие» в армии не существовало с 1798 года, когда был упразднен промежуточный между полковником и генерал-майором чин бригадира. В начале XX века так обращались только к обладателю гражданского чина

«статский советник».

Заметим, что если офицер был князем или графом, его все равно полагалось именовать по чину, а не по титулу. А вот к светлейшему князю, будь он хоть подпоручиком, уже полагалось обращаться «Ваша Светлость». Естественно, если офицер был членом императорской фамилии, он пользовался положенным ему титулованием (князь императорской крови, то есть правнук императора — «Ваше Высочество», великий князь (брат, сын или внук императора) — «Ваше Императорское Высочество»).

Друг друга старшие и младшие офицеры именовали по чину, с прибавлением слова «господин»: господин прапорщик, господин подполковник. Старшие по чину, обращаясь к младшим в служебной обстановке, называли их по чину, фамилии, а при наличии титула — и по титулу («Поручик Н»., «Корнет граф Н».) или только по чину. В официальных бумагах всегда использовалась полная титулатура. Например, подавая прошение на имя командира полка, младший офицер адресовал его «Командиру Полка, Его Высокоблагородию, Господину Полковнику Н.».

Система обращений к генералам была общей для нижних чинов и офицеров. И рядовой, и полковник обращались к ним одинаково — «Ваше Превосходительство» (к генерал-майору, генерал-лейтенанту) и «Ваше Высокопревосходительство» (к полному генералу, генерал-фельдмаршалу). Если генерал был князем или графом, его полагалось называть «Ваше Сиятельство», если светлейшим князем — «Ваша Светлость».

Система обращений к военным чиновникам (которые, в отличие от офицеров, носили гражданские чины) была довольно запутанной. Солдаты обращались к ним так же, как к офицерам: «Ваше Благородие», «Ваше Высокоблагородие». Военных чиновников в чине не ниже действительного статского советника и офицерам, и нижним чинам требовалось титуловать, как генералов. Если же, допустим, военный врач был статским советником, то любой офицер обращался к нему «господин врач», не уточняя чина, а все нижние чины — «Ваше Высокородие».

Нормы обращения в военно-морском флоте были точно такими же, как в армии. К мичману и лейтенанту обращались «Ваше Благородие», к старшему лейтенанту, капитанам 2-го и 1-го рангов — «Ваше Высокоблагородие», к контр- и вице-адмиралу — «Ваше Превосходительство», к адмиралу — «Ваше Высокопревосходительство».

Устоявшаяся за века система была резко изменена 4 марта 1917 года, сразу же после Февральского переворота. Приказ № 1 Петроградского совета, предназначенный изначально для

столичного военного округа, но быстро сделавшийся законом для всей армии, упразднял понятие «нижний чин» и запрещал называть солдат на «ты». Ушли в прошлое и старые титулования, отныне все в армии, от ефрейтора до генерала, становились «господами»: господин фельдфебель, господин поручик, господин генерал-лейтенант (на флоте — господин лейтенант, господин контр-адмирал). Система удобная и вполне уважительная по отношению друг к другу. Однако существовала она недолго — до 16 декабря 1917 года, когда декретом ВЦИКа и СНК в России были отменены все воинские чины и звания.

«Украшают мундир золотых два крыла…»: знаки различия русской армии и флота накануне и во время Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны офицерскими знаками различия в русской армии являлись эполеты и погоны. Первые с 1883 года были принадлежностью исключительно парадной формы одежды, вторые носились на повседневной и полевой. Поскольку к началу XX века число случаев, требовавших ношения формы с эполетами, свелось к минимуму, то основную нагрузку по различию военных чинов несли на себе именно погоны. Знаками различия для солдат являлись исключительно погоны, имевшие пятиугольную форму; погоны офицеров и подпрапорщиков были шестиугольными. Длина погона измерялась по плечу, но не превышала 17,6 сантиметра, ширина — 67 миллиметров.

С 1909 года погоны нижних чинов были двусторонними. С одной стороны они были окрашены в присвоенный полку или иной части цвет, с другой — в защитный. В мирное время рядовые и унтер-офицеры носили погоны цветной стороной наружу, а в военное полагалось попросту перешить погоны «наоборот» — и полевая форма готова. На мундирах и гимнастерках носились пристежные погоны, на шинелях — нашивные. В 1916—1917 годах мягкие нашивные погоны начали носить также на гимнастерках, френчах и кителях.

С помощью цветных погон можно было с первого взгляда определить воинскую принадлежность солдата. У всех лейб-гвардейских полков и артиллеристов были красные погоны, у стрелковых — малиновые, у гренадерских — желтые. Армейская пехота носила погоны красные (1-й и 2-й полк в дивизии) и светло-синие (3-й и 4-й полки в дивизии).

Звания на погонах нижних чинов обозначались поперечными нашивками — лычками шириной 11 миллиметров, изготовленными из басона (введены в 1843 году). В армии лычки были белыми, у гренадер — белыми с красной нитью, в лейб-гвардии — желтыми с двумя красными нитями; на защитной стороне погон лычки были темно-оранжевыми. Одна лычка — ефрейтор, две — младший унтер-офицер, три — старший унтер-офицер, одна широкая (в разных родах войск ширина варьировалась от 22 до 27,7 миллиметра) — фельдфебель,

широкая продольная (как у современного старшины, шириной 27,7 миллиметра) — подпрапорщик. У фельдфебелей лычка изготовлялась из особого полуштабского галуна, у подпрапорщиков — из портупейного галуна. Подпрапорщикам до 31 октября 1914 года полагались только цветные погоны. С 1909 года на погонах начали размещать спецзнаки, указывающие на род войск. Особенно много разновидностей спецзнаков было в инженерных войсках. Новые спецзнаки продолжали вводиться вплоть до осени 1917 года.

Помимо спецзнаков и лычек, на цветной стороне солдатских погон указывалась также квалификация солдата. Это касалось главным образом артиллеристов и кавалеристов. Разведчики в пехоте и кавалерии имели на погонах узкую белую продольную нашивку, наводчики орудий — узкую желтую продольную нашивку, наблюдатели в артиллерии — узкую желтую поперечную лычку, размещавшуюся ниже лычек, обозначавших звания. Одна узкая поперечная черная нашивка, размещавшаяся внизу погона, указывала на то, что солдат находится в длительном отпуске для поправки здоровья, две такие нашивки — что солдат находится в бессрочном отпуске. Все эти нашивки могли встречаться на погоне одновременно. Так что, к примеру, ефрейтор-разведчик, находившийся в бессрочном отпуске, имел на погоне сразу четыре лычки — три поперечных и одну продольную.

Квалификация указывалась и на оборотной, защитной стороне солдатских погон, но уже по-другому: разведчики-пехотинцы обозначались продольной узкой темно-оранжевой нашивкой, разведчики-кавалеристы — поперечной светло-синей нашивкой у нижнего края погона. Такая же нашивка в конной артиллерии обозначала бомбардира-наводчика. А вот в пешей артиллерии он обозначался уже темно-оранжевой нашивкой у нижнего края погона. Бомбардиры-наблюдатели имели поперечную лычку ниже ефрейторской: в пешей артиллерии — красную, в конной — светло-синюю, в крепостной артиллерии — оранжевую.

Неотъемлемой частью погон была шифровка высотой 33 миллиметра. Так называлось сокращенное обозначение воинской части, нанесенное на погон. На солдатские погоны шифровки наносились красками разных цветов по трафарету. В пехоте цвет шифровки — желтый, у стрелков — малиновый, в кавалерии и конной артиллерии — голубой, в пешей артиллерии — красный, в инженерных войсках — коричневый, в казачьих войсках — синий, в железнодорожных — светло-зеленый, в крепостных частях всех родов оружия — оранжевый, в обозах — белый, в

интендантских частях — черный. До 1909 года на погонах проставлялся номер дивизии, после — полка или иной части. Шрифт шифровок часто менялся, накануне Первой мировой войны действовали стандарты, утвержденные приказом Военного ведомства № 228 от 20 мая 1912 года. Наиболее простыми были шифровки в пехотных, стрелковых и гренадерских полках — это был номер полка, обязательно с точкой после цифры, например: 15. — 15-й пехотный Шлиссельбургский полк. Такая же схема была у инженеров и артиллеристов, например: 12. — 12-я саперная рота, 44. — 44-я артиллерийская бригада. Другие шифровки были сложнее, например: 1. Чт. — 1-й Читинский казачий полк, При. Д. — Приморский драгунский полк, 1. В.С.С. — 1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада, М.М.Л. — Московский местный лазарет, Грз. — Грузинский конный полк, П.Т. 15. — 15-й продовольственный транспорт, С.П. 8. — 8-й санитарный поезд, 4. Об. — 4-й обозный батальон, Од. Р. К.С. — Одесская рота Карантинной стражи, а. с. Зап. — автомобильный склад Западного фронта, XIV. — XIV корпусной авиационный отряд, и т. п. Обычно шифровка наносилась в одну строку, но были и громоздкие, занимавшие собой большую часть погона. Шифровка размещалась ниже спецзнака.

Солдаты частей, имевших так называемых августейших шефов — императора России или союзных ей держав, великих князей, иностранных принцев и герцогов, — вместо шифровки несли на погонах шефские вензеля. Они наносились масляной краской по трафарету. Высота вензелей с 1891 года составляла от 72 до 75 миллиметров.

Солдаты, поступившие на воинскую службу добровольно, назывались в русской армии охотниками (если имели низшее образование) или вольноопределяющимися (со средним или высшим образованием). Их погоны были обшиты по периметру узким черно-желто-белым шнуром. С 9 октября 1916 года в соответствии с приказом по Военному ведомству № 560 погоны охотников, в отличие от вольноопределяющихся, стали обшивать бело-сине-красным шнуром. Погоны сверхсрочнослужащих обшивались по периметру желтым басоном шириной 16,7 миллиметра. Таким же басоном обшивались погоны юнкеров. Лычки на них были из золотого галуна особого плетения, так называемого «пажеского буравчика». Две лычки нес младший портупей-юнкер, три — старший портупей-юнкер, одну широкую — юнкер-фельдфебель.

Офицерские погоны были введены в русской армии 29 апреля 1854 года — сначала лишь для ношения на шинели, а с 12 марта 1855 года также на повседневной форме. Сперва они были

пятиугольными, как и солдатские, а с 30 ноября 1855 года — шестиугольными. Русские офицерские погоны очень походили на современные, однако между ними имелись и существенные различия. Кроме того, стоит помнить о том, что в русской армии военные врачи и целый ряд других военных чиновников носили не армейские, а штатские чины, и погоны им полагались особенные — с чиновничьим галуном, более узкие и короткие. Звездочки на них располагались в вертикальном ряду. Коллежский регистратор носил одну звездочку на одном просвете, губернский секретарь — две, коллежский секретарь — три, титулярный советник имел погон без звездочек с одним просветом, коллежский асессор носил две звездочки при двух просветах, надворный советник — три звездочки при двух просветах, у коллежского советника на погонах с двумя просветами звездочек не было. Статский советник имел на погонах со специальным плетением одну звезду, действительный статский советник — две, тайный советник — три, у действительного тайного советника погоны были «чистые».

Технология изготовления офицерских погон была совершенно иной, нежели сейчас. Для производства офицерского погона бралась цветная суконная основа, на которую вручную нашивались куски золотого или серебряного погонного галуна (он делился на портупейный и штаб-офицерский; ширина узкого галуна — 22 миллиметра, широкого — 27,8 миллиметра). В основном российские офицеры носили именно золотые погоны. Серебряные были у 1-й Гвардейской пехотной дивизии, 2-го и 3-го полков Гвардейской стрелковой дивизии, лейб-гвардии Саперного батальона, 4-й Гренадерской дивизии и всех армейских инженерных частей (в том числе летчиков).

Галун был одинаковым для всех категорий офицеров, кроме гусар — с 7 мая 1855 года им полагался особый, очень нарядный «гусарский галун», по которому гусарского офицера сразу можно было отличить от других. Кроме гусар, такой галун впоследствии получили офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1855), 4-го Стрелкового Императорской Фамилии батальона (1906) и Георгиевского батальона охраны Ставки Верховного главнокомандующего (1916).

Существовали также погоны для офицеров запаса. Их с 1883 года отличала поперечная галунная нашивка шириной 17 миллиметров, шедшая по низу погона и обратная цвету основного галуна (то есть на золотом погоне — серебряная, на серебряном — золотая). Штаб-офицеры в отставке вместо портупейного галуна несли на погонах «гусарский галун» цвета, обратного основному цвету погона, а обер-офицеры в отставке носили

поперек плеч короткие прямоугольные контрпогоны. У офицеров, уволенных в отставку по ранению, вдоль просвета шли узкие полоски галуна, обратного основному цвету погона.

Но вернемся к технологии производства погон. Между кусками нашитого на «тело» погона галуна оставались видны узкие (5,6 миллиметра) полоски цветной основы погона. Они как бы просвечивали через галун, почему и получили до сих пор существующее название «просветы» (также их называли «дорожками»). Некоторые офицеры заказывали за свой счет цельнотканые погоны, где галун и просветы представляли собой единое целое. Цвета просветов обозначали род войск (стрелки — малиновый, гренадеры — желтый) или номер полка в дивизии (в армейской пехоте: 1-й и 2-й полки — красные просветы, 3-й и 4-й — светло-синие). Погоны могли быть и твердыми, и мягкими, вшивными. Последние особенно распространились в армии в 1916—1917 годах.

Пятиконечные звездочки (они появились на эполетах в 1827 году, а на погонах — в 1854-м) были одинакового размера для всех категорий офицеров, от прапорщика до генерала, диаметром 11 миллиметров. На эполетах звездочки были коваными, на погонах — вышитыми нитью (иногда офицеры заказывали и металлические). На золотом галуне звездочки серебряные, на серебряном — золотые. При наличии шифровки две нижние звездочки размещались по обеим сторонам шифровки (либо, при отсутствии места, над ней), а на погонах без шифровки — на расстоянии 38,9 миллиметра от нижнего их края. Если на погоне размещались шифровка и спецзнак, то звездочка вышивалась над ними (иногда сразу под погонной пуговицей, то есть гораздо выше, чем на современных погонах). Звездочки на погонах майора (до 1884 года, когда этот чин был упразднен) и подполковника размещались не на просветах, а по их бокам. (Так же размещались звездочки на погонах подполковника и полковника Красной армии в январе 1943-го — ноябре 1944 года.)

Прапорщик носил одну звездочку, подпоручик (корнет / хорунжий) и майор — две, поручик (сотник) и подполковник (войсковой старшина) — три, штабс-капитан (штабс-ротмистр/ подъесаул) — четыре, капитан (ротмистр/есаул) и полковник носили «чистые» погоны, без звездочек. Поэтому в среде офицеров часто в шутку желали друг другу «погон чистых, как моя совесть». Погон пристегивался к кителю металлической пуговицей с изображением двуглавого орла.

Генеральские погоны изготавливались из золотого (у генералов инженерных войск — серебряного) галуна с так

называемым «генеральским зигзагом» шириной 17 миллиметров, рисунок которого был введен 30 ноября 1855 года. Генерал-майор нес на погонах две звездочки, размещенные так же, как на погонах современного подполковника, генерал-лейтенант — три, размещенные так же, как у современного полковника. Полный генерал имел «чистый» погон, у генерал-фельдмаршала на погонах были скрещенные маршальские жезлы. У отставных генералов по полю погона шел зигзаг цвета, противоположного основному (по золотому погону — серебряный, по серебряному — золотой).

Как и на солдатских погонах, на офицерских помещалась шифровка с номером части, а кому положено, тот носил и спецзнаки. Шифровка, в отличие от солдатской, была металлической, золотой или серебряной. Иногда ее вышивали золотой или серебряной нитью. «Шефские» части, имевшие того или иного августейшего покровителя, вместо шифровки носили на погонах его металлический вензель. Вензеля императора на погонах носили также офицеры, состоявшие в его свите (они именовались флигель-адъютантами).

На генеральских погонах изображалась шифровка по номеру дивизии (арабскими цифрами, например 138.) или корпуса (римскими цифрами, например XIV.). Но нередки были и случаи, когда генералы носили на погонах номер полка, в котором начинали службу или которым длительное время командовали. Генералы, причисленные к Свите, носили на погонах вензеля императора и имели специальные звания «генерал-майор Свиты Его Императорского Величества» и «генерал-адъютант» (генерал-лейтенанты и полные генералы).

Знаками различия рядового состава Русского Императорского флота были погоны. На начало 1914 года они были пятиугольными, красного цвета (в Гвардейском экипаже) или черного цвета с желтыми шифровками (Ч. Ф. — Черноморский флот, Б.Ф. — Балтийский флот, С.Ф. — Сибирская флотилия, В.П. — водолазная партия, М.П. — морской полигон, М.О. — минный отряд, К.Р. — Каспийская флотская рота и т. п.). Звания обозначались поперечными желтыми лычками. Матрос 2-й статьи имел «чистый» погон, матрос 1-й статьи носил одну лычку, квартирмейстер — две, боцманмат — три, боцман — одну широкую поперечную лычку. Кроме того, на флоте существовало множество дополнительных нашивок, указывавших на специальность конкретного матроса (старший марсовый, водолазный старшина, гальванер, минер, рулевой, сигнальщик, санитар, писарь, фельдшер, музыкант, телеграфист и т. п.).

Промежуточный между рядовым и офицерским составом

флота класс кондукторов с августа 1913 года носил пятиугольные погоны с широким продольным галуном. На погоне размещался спецзнак, указывавший на квалификацию кондуктора.

Знаками различия офицеров флота были эполеты (на парадной форме одежды, которая надевалась в минимуме случаев) и погоны. Погоны офицеров флота были золотыми, с черными просветами и серебряными звездочками. Они пристегивались к мундиру пуговицей с изображением двуглавого орла (до 1904 года на пуговице изображался якорь). Мичман носил две звездочки при одном просвете, лейтенант — три, старший лейтенант имел «чистый» погон с одним просветом. У капитана 2-го ранга при двух просветах на погонах были три звездочки, капитан 1-го ранга носил «чистый» погон с двумя просветами. На адмиральских погонах размещались вышитые черной нитью двуглавые орлы с поднятыми вверх крыльями и Андреевским крестом на груди. У контр-адмирала был один такой орел, у вице-адмирала — два, у адмирала — три, расположенных в вертикальном ряду.

Необходимо заметить, что Корпус морской артиллерии, Корпус флотских штурманов и Корпус корабельных инженеров русского флота имели «сухопутные» офицерские чины, но первые носили при этом аналогичные флотским золотые погоны с черными просветами и серебряными звездочками, вторые — серебряные погоны с черными просветами и золотыми звездочками, а третьи — серебряные погоны с красными просветами и золотыми звездочками. Корпус инженеров-механиков флота носил золотые погоны с черными просветами, серебряными звездочками и красным кантом, при этом пользуясь собственными наименованиями чинов (инженер-механик мичман, инженер-механик лейтенант и т.п.) Корпус гидрографов при армейских чинах носил золотые погоны с черными просветами, серебряными звездочками и синим кантом, а у гидрографов-геодезистов погоны при армейских чинах были точно такими же, как у флотских офицеров.

Вид погон чинов по Адмиралтейству отличался разнообразием и зависел от конкретного места службы того или иного офицера. Так, офицеры по Адмиралтейству военного времени носили серебряные погоны с красным просветом, красными кантами и золотыми звездочками, а офицеры по Адмиралтейству, служащие в Морском министерстве, — такие же погоны, но с двойным красно-черным кантом. Флота генералы носили серебряные погоны с золотыми звездочками и черным кантом.

…Начало Первой мировой войны быстро положило конец

обилию блестящих деталей на русских погонах. В соответствии с приказом Военного ведомства № 511 от 11 августа 1914 года с них исчезли вензеля «вражеских» шефов — императоров Германии и Австро-Венгрии (а в октябре 1915 года и царя Болгарии). Если с офицерских погон металлические вензеля снять было просто, то с солдатских прорисованные по трафарету шифровки приходилось соскабливать, и получалось это не всегда. Кстати, сами немцы и австрийцы вензеля российских императоров на погонах отменять не стали. А 31 октября 1914 года приказом Военного ведомства № 698 для всей действующей армии были введены полевые погоны. Они шились из сукна защитного цвета (те, что носились на шинели — из шинельного сукна). Просветы обозначались молескиновыми полосками темно-оранжевого или светлокоричневого цвета, которые просто нашивались на поле погона. Так же обозначался «генеральский зигзаг». Звездочки и шифровки были металлическими, оксидированными. Прежние металлические пуговицы с изображением двуглавого орла разрешалось заменять любыми другими. Для частей, находившихся в тылу, оставлялись прежние галунные (золотые или серебряные) погоны, так что теперь настоящего фронтовика отличить можно было сразу. Полевые погоны в ВМФ введены не были, так как в них попросту не было необходимости.

Однако на деле русское офицерство крайне отрицательно восприняло введение новых защитных погон и всячески противилось этому новшеству. Были целые полки, которые за всю войну из принципа так ни разу и не надели погоны образца 1914 года. Офицеры считали их блеклыми, некрасивыми, к тому же на защитном сукне металлические звездочки защитного цвета «читались» плохо. В результате к лету 1915 года все чаще на защитных погонах стали встречаться золотые звездочки и спецзнаки с повседневных погон, а к 1916 году действующая армия практически целиком вернулась к галунным довоенным погонам — и это несмотря на то, что они служили отличными мишенями для снайперов, да и вообще демаскировали в бою. Интересно, что в тылу ситуация была обратной, и 10 февраля 1916 года командование Московского военного округа издало специальный приказ, воспрещавший ношение «фронтовых» погон офицерами в Москве и на территории округа.

Была и еще одна форма протеста против «скучных» защитных погон. Это «погоны», нарисованные прямо на плечах гимнастерки. Рисовались такие «погоны» несмываемым химическим карандашом и были очень модными среди молодых офицеров в чине прапорщика или подпоручика.

Шифровки во время войны носились по возможности. Из-за частых переводов офицеров из части в часть шифровки приходилось постоянно менять, заниматься этим было некогда. Да и где взять на фронте положенные по уставу металлические цифры и буквы?.. Поэтому некоторые офицеры рисовали шифровки химическим карандашом на погоне, а многие ходили вообще без шифровок. Начальство на такие вольности обычно смотрело сквозь пальцы.

Что касается солдатских погон, то их еще с 21 августа 1914 года полагалось «строить» одноцветными, из защитного сукна. Лычки на них были из темно-оранжевой шерстяной тесьмы. Солдатским «шиком» считались металлические офицерские спецзнаки на погонах — так любили щеголять артиллеристы, бронеотрядники, авиаторы, солдаты химических рот, пулеметных и бомбометных команд. В 1917 году среди солдат стали модными также офицерские металлические шифровки.

26 января 1915 года были введены специальные погоны для зауряд-офицеров. Их отличала поперечная галунная нашивка шириной 16,6 миллиметра на нижнем поле погона (на золотых погонах — золотая, на серебряных — серебряная).

Февральский переворот 1917 года привел к тому, что с армейских погон исчезли вензеля членов династии Романовых. А вот для русского флота перемены в политической жизни страны привели к радикальному изменению знаков различия. 16 апреля 1917 года приказом морского министра № 125 погоны для офицеров и нижних чинов флота были полностью отменены. Причем мотивировка звучала так: «В соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех свободных стран». Главным образом под «всеми свободными странами» имелась в виду Великобритания, моряки которой издавна носят нарукавные знаки различия. Именно по английскому образцу и были введены на русском флоте новые нарукавные нашивки. Их описание в приказе № 125 выглядело так:

«Сообразно чинам нашивки располагаются следующим образом:

1) у прапорщика и коллежского регистратора — одна узкая полоса галуна из 1/4 без завитка;

2) у подпоручика и губернского секретаря — один широкий галун в 3/4 с завитком;

3) у мичмана, поручика и коллежского секретаря — один широкий галун в 3/4 с завитком и один узкий без завитка;

4) у лейтенанта, штабс-капитана и титулярного советника — один широкий галун в 3/4 с завитком и два узких без завитка;

5) у старшего лейтенанта, капитана, коллежского асессора —

один широкий галун в 3/4 с завитком и три узких без завитка;

6) у капитана 2-го ранга, подполковника и надворного советника — один широкий галун с завитком и один широкий без завитка, оба в 3/4;

7) у капитана 1-го ранга, полковника и коллежского советника — один широкий галун с завитком и два широких без завитка — все три в 3/4;

8) у статского советника — один широкий галун с завитком, под ним один широкий галун без завитка: оба в 3/4 и третий галун в 1" без завитка;

9) у контр-адмирала, генерал-майора и действительного статского советника — один широкий галун в 3/4 с завитком и под ним два широких по 1 без завитков, а сверху пятиконечная звезда;

10) у вице-адмирала, генерал-лейтенанта и тайного советника такие же галуны, что и у контр-адмирала, но под ними две пятиконечные звезды;

11) у адмирала, генерала и действительного тайного советника такие же галуны, как у вице-адмирала, но под ними три пятиконечные звезды.

Золотые галуны носят офицеры флота, инженер-механики, выдержавшие полный офицерский экзамен офицеры по Адмиралтейству, прапорщики и гидрографы. Серебряные галуны носят офицеры по Адмиралтейству, не выдержавшие полный офицерский экзамен, чины судебного ведомства, корабельные инженеры и врачи».

С новыми знаками различия русские военные моряки начали походить на служащих Добровольного флота, у которых похожие нашивки были и ранее. Поэтому 21 апреля 1917 года на левом рукаве всех чинов военно-морского флота появилось дополнительное отличие — красный вышитый якорь. 23 апреля приказом морского министра № 151 было уточнено, что «Офицеры берегового состава, офицеры по Адмиралтейству, военно-морские врачи, корабельные инженеры, чины судебного ведомства и военно-морские чиновники имеют верхний галун с завитком серебряный, а нижние золотые», причем под нижний галун подшивалась выпушка (у корабельных инженеров — красная, у чинов судебного ведомства — малиновая, у врачей — голубая, у прочих чиновников — белая). 1 мая 1917 года приказом морского министра № 181 новые знаки различия были распространены также на отставных моряков, «причем для отличия последних от чинов действительной службы верхний галун на пальто, сюртуке и тужурке, а на кителе верхняя черная тесьма нашиваются волнообразно и без завитков».

В первую очередь новая система знаков различия была введена на Балтийском флоте. Интересно, что на Черноморском, которым командовал А.В. Колчак, полностью отказываться от погон не стали — там наряду с новыми нарукавными нашивками были введены также «малые черные наплечники», а фактически те же погоны, только дублировавшие рисунок нашивок. Известно, что такие «наплечники» носили и некоторые офицеры-балтийцы, так что полностью погоны с флота так и не ушли.

Подобные революционные преобразования показались интересными и в армии, поскольку 23 мая 1917 года впервые в России появились сухопутные воинские части, в которых погоны попробовали отменить, заменив нарукавными знаками различия (Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла). Впрочем, продержалась эта новация недолго и успеха не имела. Летом 1917 года появились погоны ударных частей — как правило, на них была изображена «Адамова голова» (череп и скрещенные кости). Однако в целом офицерские и солдатские погоны в российской армии не изменились и продолжали существовать до 16 декабря 1917 года, когда их ношение было официально отменено декретом ВЦИКа и СНК. Тогда же были отменены и флотские нарукавные нашивки, введенные Временным правительством.

«В воздаяние мужества и храбрости…»: российские ордена и медали накануне и во время Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны Российская империя обладала сравнительно компактной и достаточно совершенной наградной системой, формировавшейся в течение двух столетий. На начало 1914 года в стране существовало девять орденов, семь из которых могли вручаться за военные заслуги, а один был исключительно военным по статусу. Орденами могли награждаться офицеры, генералы, военные чиновники и военные священнослужители.

Сразу заметим, что ордена, вручаемые за боевые заслуги, внешне отличались от своих «мирных» аналогов. С 5 августа 1855 года к «боевым» крестам орденов Святого Станислава, Святой Анны и Святого Владимира присоединялись мечи, а с 15 декабря 1857 года — и бант из орденской ленты. Такими орденами награждались офицеры и генералы. Правило не распространялось на военных чиновников и священников — им за боевые заслуги вручались ордена с мечами, но без банта. Но 15 января 1915 года военные врачи, а 22 января 1915-го — и военные ветеринары получили право присоединять к своим боевым наградам бант. Кроме того, на практике военные священнослужители нередко удостаивались орденов именно с мечами и бантом. Если офицер получил орден до войны, а потом отличился в бою, к его «мирному» кресту мечи могли добавить отдельно в качестве награды.

Кроме того, общими для всех орденов были две особенности: с 9 августа 1844 года на орденах, жалуемых лицам не христианского вероисповедания, изображения или вензеля святых заменялись изображением двуглавого орла; кресты и звезды старших степеней всех орденов могли жаловаться с алмазами, что представляло собой как бы отдельную награду (то есть кавалер сначала мог получить орден Святого Александра Невского, а через несколько лет — алмазные знаки к нему).

Самым младшим российским орденом был орден Святого Станислава, учрежденный в 1765 году в Речи Посполитой. В 1831 году указом императора Николая I эта награда была причислена к российским. До 1839 года орден подразделялся на четыре степени, после — на три. Орденский девиз: «Награждая, поощряет». Крест 3-й степени ордена Святого Станислава носился на левой стороне груди, кресты 2-й и 1-й степеней — на шее, к 1-

й степени полагалась орденская звезда, которая носилась на левой стороне груди. Лента ордена — красная с двумя белыми полосами по краям, полагалась к 1-й степени и носилась через правое плечо. За заслуги, проявленные на поле боя, орден жаловался со скрещенными мечами (а 3-я степень — и с бантом из орденской ленты). По Статуту к ордену Святого Станислава не представлялись православные военные священники (поскольку святой Станислав был католическим святым), но случались и исключения.

В мирное время 3-я степень ордена Святого Станислава вручалась практически любому офицеру за 12 лет безупречной службы. Это был самый первый орден, которым мог украсить свой мундир молодой поручик или штабс-капитан. 2-ю степень обычно жаловали офицерам в чине капитана или подполковника, 1-я степень была «генеральской» наградой.

И все-таки престиж этого ордена среди служилого сословия был не очень велик. Об этом свидетельствует красноречивая поговорка: «В Станиславе мало славы, моли Бога за матушку Анну».

«Матушка Анна» — орден Святой Анны — тоже был нерусским по происхождению: его учредил в 1735 году герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский. Российским орден сделал в 1797 году внук Карла-Фридриха, император Павел I. До 1815 года награда имела три степени, после — четыре. Орденский девиз: «Любящим правду, благочестие, верность». Крест 3-й степени ордена носился на левой стороне груди, крест 2-й степени — на шее, 1-й — на красной с двумя желтыми каемками орденской ленте у левого бедра. К 1-й степени полагалась также орденская звезда, надевавшаяся на правую сторону груди. К ордену, жалуемому за боевые заслуги, прилагались скрещенные мечи (к 3-й степени — и бант из орденской ленты).

Учрежденная в 1815 году 4-я степень ордена Святой Анны имела особый статус. Миниатюрный знак этой степени размещался на эфесе холодного оружия, там же делалась надпись «За храбрость» (военным чиновникам оружие вручалось без этой надписи; с 15 января 1915 года право на надпись «За храбрость» на своем оружии получили военные врачи). Эту награду можно было заслужить только за доблесть, проявленную на поле боя. Орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость», называвшийся также «Анненским оружием», в Первую мировую был мечтой каждого молодого офицера. Но награждали этим орденом и заслуженных генералов, в особенности если требовалось поощрить храбреца, а все старшие по статусу награды у него уже имелись. В армии у 4-й степени ордена было свое прозвище —

«клюква» (круглый красный знак ордена, крепившийся на эфес, внешне напоминал ягодку).

В мирное время 3-ю степень ордена Святой Анны офицер получал обычно после ордена Святого Станислава 3-й степени. Два этих ордена имели, как правило, капитаны и подполковники. «Анну на шее» в мирное время получали подполковники и полковники. Орденом Святой Анны 1-й степени награждались генерал-майоры и генерал-лейтенанты.

Орден Святой Анны отличался от других тем, что имел своего рода аналог для нижних чинов — Анненскую медаль. Ею с 1888 года награждались фельдфебели, вахмистры и старшие унтер-офицеры за выслугу 10 лет. Эта медаль носилась на мундире и в том случае, если ее обладатель производился в офицерский чин.

Следующим по старшинству орденом был орден Белого орла — один из главных орденов Польши, учрежденный в 1705 году и причисленный к российским в 1831-м. Его носили на синей муаровой ленте у правого бедра, к ордену полагалась звезда на левой стороне груди. Орденский девиз: «За веру, царя и закон». Это была весьма высокая государственная награда — ею жаловались лица в чине не ниже генерал-лейтенанта. Обер- и штаб-офицеры русской армии к ордену не представлялись.

Орден Святого Владимира был учрежден Екатериной II в 1782 году в честь 20-летия ее царствования. Он подразделялся на четыре степени, к двум первым из которых полагались орденские звезды, надевавшиеся на левую сторону груди. Крест 1-й степени носился на темно-красной с двумя черными каймами ленте у правого бедра, кресты 2-й и 3-й степени — на шее, крест 4-й степени — на левой стороне груди. Орденский девиз: «Польза, честь и слава».

Орден Святого Владимира 4-й степени за боевые заслуги жаловался со скрещенными мечами и бантом из орденской ленты (3-я степень — только с мечами). Эта награда по престижности лишь немногим уступала высшей воинской награде страны — ордену Святого Георгия.

Кроме того, орден Святого Владимира был «выслужной» наградой русской армии. Ордена, жалуемые за выслугу лет, было легко отличить по надписи «25 лет» (при участии хотя бы в одной военной кампании) и «35 лет», которые делались на лучах креста. К ордену за 25 лет выслуги добавлялся также бант без мечей. Для морских офицеров, совершивших 18 кампаний и побывавших хотя бы в одном бою, существовал орден с бантом и надписью на лучах «18 кампаний», а для тех, кто совершил 20 кампаний и не участвовал в сражениях, — орден с бантом и надписью «20 кампаний».

Таким образом, с одной стороны орден Святого Владимира 4-й степени за выслугу 25 и 35 лет был одной из самых распространенных офицерских наград в русской армии, с другой — тот же самый орден с мечами и бантом был почетнейшей и достаточно редкой боевой наградой. В Первую мировую войну им награждали главным образом штаб-офицеров, хотя известно немало случаев, когда «Владимира» с мечами и бантом получали за героический подвиг юные прапорщики и подпоручики. В любом случае это свидетельствовало о выдающейся храбрости героя и незаурядности его подвига.

В мирное время нашейный орден Святого Владимира 3-й степени был наградой для полковников и генерал-майоров. Эта степень ордена с 28 мая 1900 года приносила его обладателю потомственное дворянство (хотя практического смысла в этом не было, так как все полковники и генерал-майоры в русской армии и так были потомственными дворянами). Ордена Святого Владимира 2-й и тем более 1-й степени были весьма высокими наградами, к которым представлялись лица в чине не ниже генерал-лейтенанта (редко — генерал-майора).

Как исключительно военная награда был задуман Петром Великим орден Святого Александра Невского, учрежденный в 1725 году. Однако вдова Петра, императрица Екатерина I, расширила статус награды, ее стали вручать и за достижения на гражданском поприще. Крест единственной степени ордена носился на шее, к нему полагались звезда на правой стороне груди (за военные заслуги — с мечами) и красная орденская лента. Девиз ордена: «За труды и Отечество». В начале XX века орденом Святого Александра Невского награждались военачальники в чине не ниже генерал-лейтенанта, а чаще — полного генерала.

И, наконец, высшим орденом Российской империи с 1698 года являлся орден Святого Андрея Первозванного. Он имел единственную степень в виде Андреевского креста (синий крест в форме буквы Х), носившегося на орденской цепи, и орденской звезды, носившейся на левой стороне груди. Лента ордена — голубая, орденский девиз — «За веру и верность». К ордену, жалуемому за боевые заслуги, добавлялись скрещенные мечи.

Естественно, высший орден империи жаловался только высшим ее сановникам. В армии его могли получить только полный генерал или генерал-фельдмаршал. В течение Первой мировой войны произошло только четыре награждения этим орденом, но к армии ни один из кавалеров отношения не имел. 1 июля 1998 года орден Святого Андрея Первозванного был возрожден в качестве высшей государственной награды

Российской Федерации.

Мы намеренно не коснулись самых почетных боевых наград российской армии — георгиевских. И это неудивительно, ведь им можно посвящать отдельную книгу. А кроме того, орден Святого Георгия не был включен в общую систему старшинства российских наград — награждение им зависело исключительно от важности совершенного кавалером подвига, а потому этот орден мог стать и самой первой наградой доблестного офицера.

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия был учрежден Екатериной II в 1769 году. Императрица, по праву основательницы, и стала первым кавалером ордена. Он сразу задумывался как исключительно боевая награда и подразделялся на четыре степени. Девиз ордена: «За службу и храбрость». Низшая, 4-я степень, представляла собой скромный крест из белой эмали с изображением святого Георгия, поражающего копьем дракона (для иноверцев изображение святого с 1844 года заменялось изображением двуглавого орла). Крест носился на левой стороне груди, правее всех прочих наград, на черно-оранжевой ленте, символизирующей цвета дыма и пламени. Крест 3-й степени был несколько больше по размеру и носился на шее, выше всех прочих нашейных орденов. Там же носился и крест 2-й степени, еще больший по размеру, чем предыдущие, но к нему уже полагалась орденская звезда — четырехугольная по форме, что резко выделяло ее на фоне прочих российских орденских звезд. Крест 1-й степени, самый большой по размеру, носился на левом бедре, к нему полагались орденская лента через правое плечо и звезда. В отличие от всех других орденов, младшие степени «Георгия» не снимались при наличии старших (это правило ввели в 1856 году) и вообще носились при любых обстоятельствах.

Орденом могли награждаться генералы, офицеры и военные священнослужители. Фактически «Георгий» стал первым русским орденом, который в теории мог получить любой офицер независимо от чина и срока службы. Награждение любой степенью ордена приносило его обладателю потомственное дворянство и немалые льготы в чинопроизводстве; например, если «Георгия» получал прапорщик, его производили в подпоручики. Обер- и штаб-офицеры, как правило, удостаивались 4-й степени ордена, 3-я и 2-я степени были «генеральскими» наградами, а 1-я — «фельдмаршальской».

Сразу заметим, что старшие степени ордена Святого Георгия были исключительно редкими даже среди высших военачальников. Так, 1-ю степень за всю историю ордена получили всего 25 человек, 2-ю — 125. Этими степенями

награждал лично император. Полными кавалерами ордена стали всего четыре человека: генерал-фельдмаршалы светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, князь М.Б. Барклай де Толли, граф И.И. Дибич-Забалканский и граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский.

Орден Святого Георгия сразу же после учреждения стал почетнейшей боевой наградой страны. Неудивительно, что обладатели скромного белого креста на мундире пользовались в армии огромным уважением. С 1849 года их имена заносились на мраморные доски на стенах Георгиевского зала в Большом Кремлевском дворце.

Справедливости ради надо заметить, что в истории ордена Святого Георгия были и свои неприглядные моменты. 1-й степенью «Георгия» иногда награждали «нужных людей» исключительно по политическим мотивам — так, ее получили не имевшие никакого отношения к русской армии австрийские полководцы И. Радецкий и эрцгерцог Альбрехт, король Швеции Карл XIV Юхан, император Германии Вильгельм I, французский герцог Луи Ангулемский. 2-ю степень «Георгия» имели император Германии Фридрих III, король Румынии Кароль I, король Черногории Николай I, 3-ю степень — будущий английский король Эдуард VIII, король Сербии Петр I, король Румынии Фердинанд 1. В 1877 году 1-й степени ордена удостоились сразу два русских великих князя — братья Александра II Михаил и Николай Николаевичи, хотя их воинские заслуги никоим образом не соответствовали такой высокой награде.

Во время Первой мировой войны действовал Статут ордена Святого Георгия, утвержденный 10 августа 1913 года. В нем были подробно расписаны все случаи, за которые офицер мог быть удостоен «Георгия». В сухопутных войсках таких случаев насчитывалось 72, на флоте — 42. Приведем в качестве примеров несколько пунктов Статута. Итак, «Георгием» награждался тот, кто:

«…отобьет наше орудие или пулемет, неприятелем захваченные;

Кто в бою возьмет в плен командующего армией, корпусного командира или начальника дивизии неприятельского войска;

Кто, находясь в полном окружении, на предложение сдачи будет отвечать твердым и непоколебимым отказом, не прекращая боя, доколь сознание ему не изменит;

Кто, управляя воздухоплавательным прибором, уничтожит с боя воздухоплавательный прибор или с боя овладеет им».

Такая четко расписанная структура подвигов позволяла избегать «отсебятины» при представлениях, особенно в условиях

войны. Появился в Статуте 1913 года и еще один важный пункт — отныне «Георгием» за блестящие подвиги начали награждать и посмертно (раньше это не практиковалось).

Во время Первой мировой войны орден Святого Георгия сохранил свой исключительно высокий статус. Он по-прежнему вручался только за блистательные подвиги на поле боя и за руководство выдающимися военными операциями. 1-й степени ордена за четыре года войны не удостоился никто, 2-я была вручена четырем военачальникам, которые по иронии судьбы все носили имя «Николай», — генералам Н.И. Иванову, Н.В. Рузскому (в 1914 году), великому князю Николаю Николаевичу и Н.Н. Юденичу (в 1915 году), а также двум иностранцам: маршалам Франции Ж. Жоффру (в 1914 году) и Ф. Фошу (в 1916 году). 3-ю степень получили 60 человек, из них в 1914 году — 12, в 1915-м — 33, в 1916-м — 15. Число кавалеров 4-й степени исчисляется несколькими тысячами.

Во время Первой мировой войны было отмечено несколько уникальных случаев, связанных с награждением орденом Святого Георгия. Во-первых, во второй раз за историю ордена его 3-й степени был удостоен офицер в чине капитана — С.Г. Леонтьев (награжден посмертно 9 июля 1916 года с одновременным производством в подполковники за блестящую партизанскую операцию по освобождению фольварка Невель; предыдущим кавалером был капитан И.И. Бишев, получивший орден в 1770-м). Во-вторых, 4-й степенью ордена впервые была посмертно награждена женщина, к тому же не имевшая никакого воинского звания или чина (сестра милосердия 105-го пехотного Оренбургского полка Р.М. Иванова, чьей судьбе в этой книге посвящен отдельный очерк). И, наконец, одна и та же степень «Георгия» в первый и последний раз была вручена дважды — штабс-капитану 73-го пехотного Крымского полка С.П. Авдееву (первое награждение — 20 февраля 1916 года, второе — 5 июня того же года).

После Февральского переворота 1917 года орден Святого Георгия сохранился в наградной системе страны. Награждения двумя высшими степенями не производились, а 3-й степени ордена в период с февраля по октябрь 1917 года были удостоены семь человек: полковник К.И. Гоппер, генерал-майоры Н.Н. Духонин, А.Е. Снесарев, А.С. Карницкий, М.Д. Удовиченко, Н.А. Лохвицкий и генерал-лейтенант В.И. Соколов, причем первые пятеро получили свои ордена за подвиги, совершенные еще в 1916 году.

С 24 июня 1917 года орденом Святого Георгия могли награждаться также солдаты и матросы, но лишь в том случае,

если в момент совершения им подвига награждаемый исполнял обязанности офицера. При этом на орденскую ленту крепилась белая металлическая лавровая веточка. Правда, обладателями такой награды стали всего два человека — подпрапорщик 71-й артиллерийской бригады Иосиф Фирсов и подпрапорщик Осетинского конного полка Константин Сокаев.

Орден Святого Георгия был упразднен декретом ВЦИКа и СНК 16 декабря 1917 года вместе со всеми другими наградами Российской империи. Однако на фронтах некоторое время награду еще продолжали вручать. Самым последним георгиевским кавалером стал полковник П.Н. Шатилов, который удостоился «Георгия» 3-й степени 27 марта 1918 года за подвиг, совершенный в феврале 1916-го. 8 августа 2000 года орден Святого Георгия был восстановлен в наградной системе Российской Федерации.

Очень близким по статусу к ордену Святого Георгия считалось также Золотое оружие с надписью «За храбрость». Награждение холодным оружием практиковалось в русской армии еще со времен Петра Великого, но свой окончательный вид эта награда приобрела в начале XIX века. Это была шпага (позднее — сабля, шашка, у моряков — кортик) с темляком георгиевских цветов и позолоченным эфесом, на котором делалась надпись «За храбрость». С 1869 года кавалеры такого оружия были причислены к георгиевским, а по Статуту 1913 года сама награда получила официальное название Георгиевское оружие. С этого времени на эфесе изображался крест ордена Святого Георгия. Георгиевским оружием могли награждаться штаб-офицеры и те обер-офицеры, у которых уже были Анненское оружие или орден Святого Георгия.

Георгиевское оружие ценилось несколько ниже ордена Святого Георгия, но считалось тем не менее весьма почетной боевой наградой. Статут 1913 года определял 30 случаев в сухопутных войсках и 32 — на флоте, которые влекли за собой награждение таким оружием. Так, Георгиевскую шашку или кортик мог получить тот, кто:

«…с опасностью для жизни, спасет знамя или штандарт и доставит их из плена;

Кто, во время боя, с отрядом не свыше батальона или эскадрона прорвется сквозь сильнейшего противника;

Кто, командуя разведчиками, разъездом или иною командою, захватит в плен число людей, равное разъезду или команде;

Кто, с явной опасностью для жизни, уничтожит на фронте, фланге или в тылу неприятеля необходимую для него переправу и тем поможет нашим войскам одержать успех над неприятелем».

Отдельной разновидностью этой награды было Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами. Оно жаловалось только за самые выдающиеся победы. Его кавалерами в 1914—1916 годах стали восемь человек — великий князь Николай Николаевич, генералы от артиллерии В.А. Ирманов и С. Мехмандаров, генералы от инфантерии П.А. Лечицкий и П.П. Калитин, генерал от кавалерии А.А. Брусилов и генерал-лейтенанты С.Ф. Добротин и А.И. Деникин.

И наконец, в 1917 году появилась третья, весьма специфическая георгиевская награда для офицеров. Речь идет о Георгиевском кресте с лавровой ветвью. Эта награда была учреждена 29 июня 1917 года и представляла собой солдатский Георгиевский крест, поверх ленты которого с 19 августа 1917 года крепилась металлическая лавровая веточка (на крестах 3-й и 4-й степеней из белого металла, на крестах 2-й и 1-й степеней — из желтого). Вручался такой крест «за подвиги личной храбрости» офицерам «по удостоению общего собрания» солдат части и носился на левой стороне груди выше всех других орденов, исключая орден Святого Георгия. С 25 июля 1917 года такие кресты могли вручаться и офицерам флота «по удостоению общего собрания личного состава корабля».

Наиболее заслуженным георгиевским кавалером среди всего русского офицерства Первой мировой войны по праву считается выходец из крестьян села Павловского Барнаульского уезда Томской губернии, штабс-капитан, воевавший в 23-м Сибирском стрелковом и 504-м пехотном Верхнеуральском полках, Александр Абрамович Алябьев (1878—1921). Военную службу он начал в 1900 году, пять лет спустя уволен в запас. На Первую мировую призван в чине зауряд-прапорщика и за храбрость на поле боя произведен в прапорщики. Он был награжден Георгиевскими медалями четырех степеней, Знаком отличия Военного ордена 4-й и 3-й степеней, Георгиевским крестом 2-й и 1-й степеней, Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой ветвью (18 сентября 1917 года) и орденом Святого Георгия 4-й степени (18 сентября 1916 года). Интересно описание подвига, за который он получил этот орден: «За то, что, будучи в чине Прапорщика, в бою 13-го и 14-го Июля 1916 года близ линии д. д. Клекотув — Опарипсы командуя 6-й ротой, входящей в состав 2-го батальона, когда названный батальон, двинувшись в атаку и будучи встречен у проволочных заграждений убийственным огнем, не выдержал и отхлынул обратно на свои позиции, то Поручик АЛЯБЬЕВ с винтовкой в руках бросился с криком “ура” на проволочные заграждения со своей 6-й ротой; рота, увлекаемая доблестным командиром, разметала проволоку и ворвалась в

окопы, австрийцы же бежали, но оправившись перешли в контратаку, охватывая 6-ю роту справа; в роте оставалось около 30—35 человек и Поручик АЛЯБЬЕВ взятые окопы уступил, но расположился с остатками роты (10—15 человек), перед проволочными заграждениями, окопался, отбивая огнем пытавшихся его окружить. Поручик АЛЯБЬЕВ посылал стрелков с донесениями, но посланные, проползши несколько шагов, уничтожались огнем противника. На другой день артиллерия противника открыла огонь по 6-й роте, наша же артиллерия, не зная о судьбе остатков 6-й роты, открыла огонь по месту ее расположения, имея целью разрушить проволочные заграждения. На неоднократные предложения сдаться Поручик АЛЯБЬЕВ, оставшись всего лишь с тремя стрелками, отвечал молчанием, а пытавшихся приблизиться встречал огнем. В таком положении пробыл до 22-х часов 14-го Июля, пока 22-й и 23-й Сибирские стрелковые полки не бросились в атаку и не освободили эту горсть доблестных героев». Кроме десяти георгиевских наград, Алябьев имел также ордена Святой Анны 4-й степени «За храбрость», Святого Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами, Святой Анны 3-й и 2-й степеней с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, две медали. Во время Гражданской войны герой в чине капитана служил в 1-й бригаде охраны железных дорог в Барнауле, затем жил в селе Стукове Барнаульского уезда. В феврале 1920 года был арестован Алтайской ЧК и 8 июня 1921 года приговорен к расстрелу за участие в контрреволюционной организации «Крестьянский союз». По семейной легенде, расстрелян он не был, сумел скрыться и бежал за границу. 8 октября 1997 года был посмертно реабилитирован.

Немногим уступает А.А. Алябьеву по числу георгиевских наград его ровесник, уроженец города Илимска Иркутской губернии капитан Иосиф Андреевич Козлов (1878— 1963). Службу он начал рядовым в 1900 году, 10 ноября 1915 года был произведен в прапорщики, служил в 82-м обозном батальоне и 657-м пехотном Прутском полку. За мужество в боях И.А. Козлов был удостоен Георгиевских крестов 4-й, 3-й и 2-й степеней, ордена Святого Георгия 4-й степени «…за то, что в бою у города Августова, в ночь с 4 на 5 августа 1915 г., лично довел командуемую им роту до штыкового удара и взял действующий германский пулемет, причем сам был ранен» (27 сентября 1916 года), Георгиевского оружия «…за то, что в бою 16 июля 1917 г. у деревни Зулучье, командуя учебной командой, занимал позицию по островам реки Черемош. Когда соседние части 660-го Черновицкого полка под натиском противника отошли и фронту

165-й пехотной дивизии угрожал прорыв, подпоручик Козлов, быстро оценив положение, бросился во главе команды в контратаку, выбил противника из занятых им окопов, захватив при этом 2 пулемета и до ста пленных. До восстановления боевой линии отбил 6 атак противника» (2 сентября 1917 года) и Георгиевского креста 4-й степени с лавровой ветвью (13 сентября 1917 года). Кроме того, И.А. Козлов был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и четырьмя медалями. После войны герой жил в Томске, Илимске и Свердловске, в 1937 году был арестован, однако вскоре освобожден благодаря содействию бывшего однополчанина, служившего в НКВД. Во время Великой Отечественной войны кавалер шести георгиевских наград преподавал огневую подготовку в Свердловском областном военкомате, затем работал в ЖЭКе. Могила выдающегося героя России, бесстрашного офицера Первой мировой войны находится на Ивановском кладбище Екатеринбурга.

Но вернемся к георгиевским наградным знакам. Однажды уникальной наградой стала Георгиевская лента. За блестяще проведенную мобилизацию 1914 года она была пожалована генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому к уже имевшемуся у него ордену Святого Владимира 4-й степени. Таким образом, он стал обладателем единственной в истории награды — «Владимира» на Георгиевской ленте. Остряки дали этому ордену прозвище «Владимир Георгиевич».

Для военных священнослужителей существовала особая награда — Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Это была вторая георгиевская награда, появившаяся после ордена Святого Георгия. Ее учреждение связано с героическим штурмом турецкой крепости Измаил в 1790 году Тогда в самом разгаре боя погибли все офицеры Полоцкого пехотного полка, атака оказалась на грани срыва. И вот во главе колонны появился полковой священник отец Трофим (Куцинский), который с крестом в руке возглавил штурм. Воодушевленные видом любимого пастыря солдаты рванулись в атаку… После взятия Измаила А.В. Суворов сообщал П.А. Потемкину: «Сегодня у нас будет благодарственный молебен. Его будет петь Полоцкий поп, бывший с крестом перед сим храбрым полком». Отец Трофим и стал первым кавалером Золотого наперсного креста на Георгиевской ленте. награда была не только почетной, но и очень редкой — до 1903 года ее удостоились всего лишь 194 армейских священнослужителя. В годы Первой мировой войны Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте был вручен военным пастырям 248 раз (11 человек удостоились его посмертно). Также

два раза была вручена панагия на Георгиевской ленте (икона Божьей Матери для ношения на груди). 26 февраля 1915 года ее удостоился епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), а 1 июля 1916 года — епископ Кременецкий Дионисий (Валединский).

С орденом Святого Георгия неразрывно связана и почетнейшая награда для русских солдат — Георгиевский крест. Его прообраз был учрежден 13 февраля 1807 года императором Александром I под названием «Знак отличия Военного ордена». Им награждались за мужество в бою наиболее отличившиеся рядовые и унтер-офицеры. Первым кавалером знака стал унтер-офицер лейб-гвардии Кавалергардского полка Егор Митрохин. Внешний вид этого знака повторял крест ордена Святого Георгия, лента тоже была Георгиевской, но изготовлен знак был из серебра, а не из белой эмали. На обороте знака с 1809 года выбивался его порядковый номер. Кроме того, знак никоим образом не расценивался как орден, и офицеры к нему не представлялись. Единственное исключение — генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович, который был награжден лично Александром I за храбрость в сражении под Лейпцигом (1813).

Тем не менее в солдатской среде знак сразу же приобрел столь же высокий статус, как в офицерской — орден Святого Георгия. Более того, в обиходе его начали называть «солдатским Георгием» или «Георгиевским крестом», а награжденные именовались георгиевскими кавалерами. О том, насколько высоким был статус награды, свидетельствует тот факт, что награжденные знаком, но не имевшие возможности получить сам крест из-за военных действий (например, во время обороны Севастополя в 1854—1855 годах), носили на форме только Георгиевскую ленточку, и это расценивалось как полный аналог награды.

Как и орден Святого Георгия, Знак отличия Военного ордена носился на форме всегда и во всех обстоятельствах. В том случае, если обладатель знака был произведен в офицеры, он продолжал носить свою награду (она размещалась левее всех орденов, но правее медалей). С 1844 года для иноверцев изображение святого Георгия на знаке заменялось двуглавым орлом.

В 1856 году Статут Знака отличия Военного ордена был изменен. Теперь он подразделялся на четыре степени. Две первые изготавливались из золота, третья и четвертая — из серебра. При этом к 1-й и 3-й степеням добавлялся бант из Георгиевской ленты. Все степени носились на левой стороне груди. При наличии всех четырех степеней знака надевались только 1-я и 3-я,

при наличии 2-й, 3-й и 4-й надевались 2-я и 3-я, при наличии 3-й и 4-й надевалась только 3-я.

Следующее изменение Статута произошло 10 августа 1913 года. С этого времени Знак отличия Военного ордена назывался Георгиевским крестом, а награжденные им также официально назывались георгиевскими кавалерами — как и кавалеры ордена Святого Георгия, которым награждались только офицеры и генералы.

Внешне Георгиевский крест образца 1913 года практически не отличался от прежних знаков отличия Военного ордена. Разница состояла в том, что теперь на обороте перед порядковым номером размещался знак «№», а сами кресты благодаря улучшенной обработке и качеству штамповки стали более легкими и изящными.

Степеней по-прежнему было четыре. Награждение, как правило, производилось от младшей степени к старшей. С 1913 года Георгиевский крест мог также присуждаться посмертно.

Статут 1913 года скрупулезно перечислял случаи, за которые нижний чин мог быть представлен к Георгиевскому кресту. В сухопутных войсках таких случаев насчитывалось 46, на флоте — 11. Например, Георгиевского креста мог быть удостоен тот, кто:

«…за убылью всех офицеров, приняв команду во время боя, удержит или восстановит порядок в роте, эскадроне, сотне, батарее или команде;

Кто, при штурме укрепленного неприятельского места, первым взойдет в оное;

Кто, будучи разведчиком, с явною личною опасностью, добудет и доставит важное о противнике сведение;

Кто в бою возьмет в плен неприятельского штаб-офицера или генерала».

Награждали крестом и за верность присяге, проявленную вне боя. Так, 25 мая 1915 года Георгиевского креста 3-й степени № 224 был удостоен рядовой 150-го пехотного Таманского полка Василий Терентьевич Водяной. 27 апреля во время разведки под городом Шавли (ныне Шяуляй, Литва) он был схвачен немцами и во время допроса отказался сообщить им сведения о расположении своей части. Немецкий унтер-офицер тесаком отрезал Василию оба уха и половину языка, но мужественный солдат так и не выдал военной тайны.

Награждение Георгиевским крестом влекло за собой и повышение в звании. Рядовой, получивший «Георгия» 4-й степени, становился ефрейтором, а 3-й степени — младшим унтер-офицером.

В отличие от Знака отличия Военного ордена, нумерация

Георгиевских крестов началась заново, с № 1. Георгиевский крест 4-й степени № 1 был вручен лично императором Николаем II 20 сентября 1914 года рядовому 41-го пехотного Селенгинского полка Петру Черномуковальчуку, который в бою захватил австрийское знамя.

В отличие от орденов, Георгиевским крестом не раз награждались и женщины-военнослужащие. Так, 18 марта 1916 года георгиевским кавалером посмертно стала 17-летняя доброволица из 3-го Сибирского стрелкового полка Екатерина Воронцова. В представлении сказано, что во время наступления под озером Нарочь она «своим примером воодушевила весь полк, повела его, заражая своим энтузиазмом, в атаку». Становились георгиевскими кавалерами и дети. Так, кресты 4-й степени получили 10-летний Степан Кравченко и 12-летний Николай Смирнов. Среди иностранцев, воевавших на стороне России и получивших георгиевские награды, выделяются французский летчик, поручик русской армии и лейтенант французской Альфонс Пуарэ (1883—1922), награжденный Георгиевским оружием и Георгиевскими крестами четырех степеней, и чешский по происхождению доброволец поручик (на 1918 год — полковник) Карел Вашатка (1882—1919), который имел поистине уникальный набор наград — Георгиевские медали 4-й, 3-й и 2-й степеней, Георгиевские кресты четырех степеней, Георгиевский крест 4-й степени с лавровой ветвью, орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие.

26 мая 1915 года согласно императорскому указу Георгиевские кресты 1-й и 2-й степеней начали производить из золота пониженной пробы — теперь они содержали только 60 процентов золота. Серебряные кресты остались прежними. Но уже с 10 октября 1915 года все «Георгии» начали чеканить из сплавов, внешне повторяющих драгоценные металлы. А с июня 1916 года в связи с тем, что количество награжденных крестом превысило миллион, была изменена система нумерации: на верхнем луче креста проставлялся знак «1/м» (1 миллион), а прочие цифры выбивались на поперечных лучах.

После Февральского переворота 1917 года награждения Георгиевскими крестами продолжались. Впрочем, теперь их вручали далеко не только за боевые подвиги. Например, лидер Временного правительства А.Ф. Керенский, не имевший ни малейшего отношения к армии, стал георгиевским кавалером целых два раза. Крест 4-й степени ему, «как неустрашимому Герою Русской Революции, сорвавшему знамя царизма», преподнесла в мае 1917-го делегация 8-го пограничного Заамурского пехотного полка, а крест 2-й степени — делегация 3-

го Кавказского армейского корпуса. Конечно, такие случаи резко понижали статус почетнейшей солдатской награды.

Всего за годы Первой мировой войны было произведено 33 тысячи награждений Георгиевским крестом 1-й степени, 65 тысяч — 2-й степени, 289 тысяч — 3-й степени, а 4-ю степень получили более 1 миллиона 200 тысяч бойцов. Самым заслуженным георгиевским кавалером времен Первой мировой среди нижних чинов стал подпрапорщик лейб-гвардии 3-го стрелкового полка Григорий Иванович Саламатин — кавалер Георгиевских медалей всех степеней (1-й степени — дважды), двух Георгиевских крестов 4-й степени, двух Георгиевских крестов 3-й степени, Георгиевского креста 2-й степени и двух Георгиевских крестов 1-й степени. Итого 12 георгиевских наград!..

Георгиевский крест был упразднен вместе со всеми знаками отличия России 16 декабря 1917 года. В апреле 1944 года был подготовлен проект постановления СНК СССР, разрешавший ношение Георгиевских крестов на советской военной форме. Проект гласил: «В целях создания преемственности боевых традиций русских воинов и воздания должного уважения героям, громившим немецких империалистов в войну 1914—1917 гг., СНК СССР постановляет: 1. Приравнять б. георгиевских кавалеров, получивших георгиевские кресты за боевые подвиги, совершенные в боях против немцев в войну 1914—1917 гг., к кавалерам ордена Славы со всеми вытекающими из этого льготами. 2. Разрешить б. георгиевским кавалерам ношение на груди колодки с орденской лентой установленных цветов. 3. Лицам, подлежащим действию настоящего постановления, выдается орденская книжка ордена Славы с пометкой “б. георгиевскому кавалеру”, каковая оформляется штабами военных округов или фронтов на основании представления им соответствующих документов (подлинных приказов или послужных списков того времени)». Официально это постановление в силу не вступило, однако в конце Великой Отечественной войны многие георгиевские кавалеры носили свои награды рядом с советскими.

До 1917 года существовала еще одна солдатская награда — Георгиевская медаль, подразделявшаяся на четыре степени. Она была учреждена в 1878 году под названием «За храбрость». Однако поскольку носилась медаль на Георгиевской ленте, в обиходе ее чаще всего называли «Георгиевской». Это название официально узаконил Статут 10 августа 1913 года. Две первые степени медали были золотыми, 3-я и 4-я — серебряными, к 1-й и 3-й степеням полагался бант. На лицевой стороне размещалось профильное изображение Николая II, на оборотной — надпись

«За храбрость» и порядковый номер. Медаль носилась на форме при всех обстоятельствах. Ее кавалеры, произведенные в офицеры, также продолжали носить медаль (левее всех орденов и Георгиевского креста, но правее всех других медалей).

В отличие от Георгиевского креста, Георгиевская медаль могла вручаться и лицам, не состоящим на военной службе, а кроме того, ею награждались и в мирное время. Например, медаль можно было получить за спасение жизни командира в стычке с вооруженными бандитами, захват судна с контрабандистами, мужественную оборону поста.

После Февральского переворота 1917 года Георгиевская медаль изменила свой внешний вид. С 24 апреля 1917 года изображение Николая II на ней заменило изображение святого Георгия, поражающего копьем змея. Старые, дореволюционные медали с портретом императора было разрешено носить только оборотной стороной наружу. Всего было произведено более 1,5 миллиона награждений медалью.

В завершение нашего рассказа заметим, что формально «полным Георгиевским кавалером», или обладателем «полного банта» мог называться только тот военнослужащий, который был награжден четырьмя степенями Георгиевской медали и Георгиевского креста. Однако на деле полными кавалерами часто называли и тех, кто имел по четыре степени только медали и только креста.

8 августа 2000 года Георгиевский крест в качестве высшей награды для солдат, сержантов, старшин и младших офицеров был возрожден в наградной системе Российской Федерации. В отличие от дореволюционных аналогов, он носит официальное название «Знак отличия — Георгиевский крест» и имеет орденскую планку.

Отдельно стоит упомянуть еще одну интересную награду, появившуюся в России накануне Первой мировой войны. Это женский Знак отличия Святой Ольги, учрежденный в честь 300-летия Дома Романовых 21 февраля 1913 года. (Статут был утвержден 11 июля 1915 года.) Во многих источниках этот знак ошибочно именуется орденом. Надо сказать, что подобный разнобой царил еще во время существования знака: так, в оглавлении официального справочника Н.Н. Трофимова «Высочайшие награды» (Петроград, 1916) говорится о «знаке ордена», а в тексте той же книги — уже о «знаке отличия».

Такой разнобой был вызван тем, что Знак отличия Святой Ольги был очень близок к орденам и по внешнему виду, и по предназначению. В сущности, это был некий «народный аналог» женского ордена Святой Екатерины, существовавшего в России с

1714 года: в отличие от этого ордена, к которому представлялись только высшие придворные дамы (за всю историю состоялось всего 724 награждения), Знак отличия Святой Ольги был предназначен для массовых вручений. Женщины могли быть награждены им за «заслуги, свидетельствующие о беззаветной преданности Церкви, Престолу и Отечеству, подвиги личного самоотвержения, сопряженные с явною для жизни опасностью, служение делу помощи ближним», заслуги в области народного образования, сельского хозяйства, науки и искусства. Пункт 8 Статута гласил, что знаки «могут быть также жалуемы матерям героев, оказавших подвиги, достойные увековечения в летописях отечества».

Знак состоял из трех степеней. Все три степени носились на белом банте на левом плече. Девиз: «На пользу ближнему».

К сожалению, история знака оказалась очень короткой, а его кавалером стала одна-единственная женщина — Вера Николаевна Панаева, потерявшая на фронте Первой мировой трех сыновей-офицеров: Бориса, Льва и Гурия. Героям братьям Панаевым в этой книге посвящен отдельный очерк.

Стоит упомянуть также роль в наградной системе Российской империи начала XX века медалей. Как правило, они подразделялись на два типа: учрежденные в память войн или конкретных боевых эпизодов и учрежденные в память событий. Медали изготавливались из серебра, светлой бронзы или меди, носились на шее или на груди и котировались намного ниже самого младшего по Статусу ордена.

О двух самых почетных медалях России мы уже рассказывали выше — это Георгиевская и Анненская медали, которые считались своего рода дополнением к соответствующим орденам. Кроме того, одной из самых распространенных российских медалей была «За усердие», делившаяся на множество разновидностей. Награждение медалью «За усердие» происходило в такой последовательности: нагрудная серебряная на Станиславовской ленте; нагрудная серебряная на Анненской ленте; нагрудная золотая на Станиславовской ленте; нагрудная золотая на Анненской ленте; шейная серебряная на Станиславовской ленте; шейная серебряная на Анненской ленте; шейная серебряная на Владимирской ленте; шейная серебряная на Александровской ленте; шейная золотая на Станиславовской ленте; шейная золотая на Анненской ленте; шейная золотая на Владимирской ленте; шейная золотая на Александровской ленте; шейная золотая на Андреевской ленте. Такими медалями могли награждаться многие категории военнослужащих — прослужившие 7 лет подпрапорщики, унтер-офицеры, прослужившие 20 лет, из

которых 15 — в унтер-офицерском звании, отставные военнослужащие, удостоенные Знака отличия Военного ордена, и некоторые другие.

Кроме этих медалей, накануне Первой мировой войны на мундирах российских военнослужащих можно было увидеть следующие юбилейные медали: «За поход в Китай в 1900—1901 годах», «За бой “Варяга” и “Корейца”», «В память 50-летия обороны Севастополя», «За Русско-японскую войну 1904—1905 годов», «За деятельность по Красному Кресту в Русско-японскую войну», «В память 200-летия Полтавской победы», «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия битвы при Гангуте». Последней медалью Российской империи, учрежденной уже в ходе войны, стала медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года».

…Описанная выше стройная наградная система четко действовала только до Первой мировой войны. В мирное время орденом мог быть награжден офицер в чине не ниже поручика, причем он не мог быть представлен к следующему ордену раньше чем через три года после награждения предыдущим (к орденам Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени — через четыре года, к орденам Белого орла и Святого Александра Невского — через 5 лет). Ордена вручались в следующей последовательности: орден Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени за выслугу лет. Очень часто этим всё и ограничивалось. Даже орден Святого Владимира 3-й степени имели далеко не все полковники. Ну а дальше уже шел «генеральский набор» — ордена Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Святого Владимира 2-й степени, Белого орла, Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского, Святого Андрея Первозванного, причем для обычного генерала-строевика, командира бригады или начальника дивизии он ограничивался, как правило, первыми двумя. А встречались генералы и вовсе без «звезд», то есть не имевшие 1-й степени ни одного ордена. К таким, как ни удивительно, относился один из самых легендарных военачальников Первой мировой, Верховный главнокомандующий русской армии Л.Г. Корнилов.

Достаточно широко было распространено и награждение русских офицеров иностранными орденами. На их ношение нужно было испрашивать Высочайшее разрешение. Чаще всего на мундирах русских офицеров можно было увидеть французские, сербские, черногорские, болгарские, румынские, итальянские и

германские ордена, распространены были также экзотические награды — персидские, японские, бухарские. Все иностранные ордена носились ниже самого младшего по статусу российского.

Правила ношения наград на форме в России были очень сложны и зависели от множества обстоятельств. Но одно правило действовало всегда: младшая степень ордена не надевалась при наличии старшей. Исключение делалось для орденов с мечами. Скажем, если у офицера были ордена Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, то он носил только крест 2-й степени, но если 3-я степень была с мечами, то надевалась и она. Орден Святого Георгия любой степени, Георгиевские кресты и Георгиевские медали надевались на все виды одежды всегда и при любых обстоятельствах.

Такой подход позволял не загромождать мундир «иконостасом» наград, форма даже на заслуженном офицере смотрелась просто и скромно: два-три, максимум четыре ордена.

К тому же к началу Первой мировой войны на службе состояло относительно небольшое число офицеров, успевших поучаствовать в боевых действиях и отличиться — от Русско-японской войны страну отделяло уже 10 лет, от Русско-турецкой — и вовсе 36. Так что абсолютное большинство офицеров носило немногочисленные «мирные» ордена.

В целом наградная система Российской империи к 1914 году была устроена таким образом, что фактически ни один человек, состоящий на государственной службе, в том числе и военной, не мог быть обойден той или иной наградой. С одной стороны, это позволяло поощрять отличившихся без лишней бюрократической волокиты, с другой — порождало отношение к орденам, особенно к младшим, как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся.

Первая мировая война во многом сломала устоявшийся за века порядок. Прежде всего ушла в прошлое четкая очередность награждений. Известно множество случаев, когда офицер получал сразу орден Святой Анны 3-й степени, минуя орден Святого Станислава 3-й степени, или орден Святой Анны 2-й степени, минуя Святого Станислава 2-й степени. Если первой наградой офицера становился орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, то следующим он получал, как правило, орден Святого Станислава 2-й степени, а если первой наградой был орден Святого Георгия 4-й степени, то следующей становился орден Святой Анны 2-й степени. Одной из самых распространенных боевых наград стал орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненское оружие). В августе 1914 года в армии было запрещено ношение наград Германии и Австро-

Венгрии, в октябре 1914 года — наград Турции, в октябре 1915 года — наград Болгарии. В то же время выросло число генералов и офицеров, удостоенных орденов союзных России стран — Великобритании, Франции, Сербии, Италии, Румынии. В свою очередь, союзников щедро награждали русскими орденами.

Широко практиковалось и поощрение орденами вместо производства в чине. Известно множество случаев, когда молодые прапорщики и подпоручики имели орденский «набор», который до Первой мировой был только у подполковников — то есть ордена Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 3-й и 2-й степеней. Начали происходить, хотя и нечасто, случаи двойного награждения одной и той же степенью одного ордена, что исключалось ранее.

Естественно, во фронтовых условиях оперативно наградить офицера за подвиг соответствующим по статусу орденом получалось не всегда. Поэтому бывали ситуации, когда герои получали одновременно сразу два ордена, а нередко награда (или даже несколько) находила своего владельца уже посмертно. Иногда герои ждали заслуженную награду по нескольку лет. Так, капитан 16-го гренадерского Мингрельского полка Георгий Александрович Джуджиев удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени за подвиг, совершенный 22 ноября 1914 года, только 5 августа 1917 года.

В теории во время Первой мировой войны офицер русской армии в чине полковника за храбрость в боях мог быть удостоен следующих наград: орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (Анненское оружие), Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 3-й степени с мечами, Святого Георгия 4-й степени, Георгиевское оружие (с 1917 года — еще и Георгиевский крест с лавровой ветвью). В реальности такой набор имели только наиболее выдающиеся офицеры, участвовавшие во многих боях и совершившие блестящие подвиги.

В окопах Первой мировой войны офицеры носили только самые почетные награды — ордена Святого Георгия и Святого Владимира, ордена с мечами, Георгиевские кресты (плюс, естественно, Анненское и Георгиевское оружие). Нижние чины всегда носили Георгиевские кресты и медали. Колодок с орденскими ленточками в русской армии не существовало. Единственным исключением была Георгиевская лента, надевавшаяся в зимнее время поверх борта шинели.

После Февральского переворота 1917 года все императорские

ордена сохранились в наградной системе страны. Правда, в марте—апреле в армии ходили упорные слухи об отмене всех орденов с целью уравнения в правах офицеров и солдат. В конце концов военный министр А.И. Гучков был вынужден выступить со специальным опровержением этих слухов. В августе 1917 года награды лишь слегка изменили свой внешний вид — в частности, с двуглавых орлов, украшавших орден Святого Станислава, исчезли короны, а на ордене Белого орла корону заменил бант из синей ленты. Награждения высшими орденами страны в марте—декабре 1917 года были ограничены до минимума. 16 декабря 1917 года все российские ордена были упразднены декретом ВЦИКа и СНК.

ХРОНОЛОГИЯ основных событий на русском фронте первой мировой войны 1914-1918 годов [1]

1914, 15 июня — убийство в Сараеве членом организации «Молодая Босния» Гаврилой Принципом наследника австро-венгерского трона эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. 15 июля — Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

18 июля — в России объявлена всеобщая мобилизация.

19 июля — Германия объявила войну России. Созданы Северо-Западный и Юго-Западный фронты.

20 июля — император Николай II обращается к народу с балкона Зимнего дворца с манифестом о начале войны. Верховным главнокомандующим назначен великий князь Николай Николаевич, ставка которого размещена в городе Барановичи.

21 июля — Германия объявила войну Франции.

22 июля — Великобритания объявила войну Германии. 24 июля — Австро-Венгрия объявила войну России.

30 июля — разъезд из четырех казаков 3-го Донского казачьего полка во главе с приказным К.Ф. Крючковым одержал победу над 27 германскими кавалеристами, уничтожив 22 из них и взяв в плен 2.

1 августа — К.Ф. Крючков награжден Георгиевским крестом 4-й степени, став первым георгиевским кавалером времен Первой мировой войны.

4 августа — 1 сентября — Восточно-Прусская операция Северо-Западного фронта.

6 августа — 13 сентября — Галицийская битва Юго-Западного фронта.

13 августа — во время конной атаки 12-го гусарского Ахтырского полка геройски погиб ротмистр Б.А. Панаев (посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени).

23 августа — командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

29 августа — в бою геройски погиб штабс-ротмистр 12-го гусарского Ахтырского полка Г.А. Панаев (посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени).

6 сентября — начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант М.В. Алексеев награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

15 сентября — 26 октября — Варшавско-Ивангородская операция Северо-Западного фронта.

18 сентября — командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

27 сентября — во время боя с германскими кавалеристами смертельно ранен корнет лейб-гвардии Гусарского полка князь императорской крови Олег Константинович (удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени).

29 сентября — князь императорской крови Олег Константинович скончался в Вильне.

16 октября — обстрел германскими и турецкими кораблями Севастополя, Одессы, Феодосии и Новороссийска. Гибель на минном заградителе «Прут» корабельного священника отца Антония (Смирнова), посмертно награжденного орденом Святого Георгия 4-й степени.

20 октября — Россия объявила войну Турции.

20—25 октября — Кеприкейская операция Отдельной Кавказской армии.

23 октября — Великобритания объявила войну Турции.

24 октября — Франция объявила войну Турции.

29 октября — 6 декабря — Лодзинская операция Северо-Западного фронта.

30 октября — Турция объявила «священную войну» (джихад) России, Великобритании и Франции.

9—25 декабря — Сарыкамышская операция Отдельной Кавказской армии.

25 декабря — совершил первый боевой вылет первый русский летчик-истребитель А.А. Казаков.

1915, 9 января — 22 марта — Карпатская операция Юго-Западного фронта.

13 января — командующий Отдельной Кавказской армией генерал-лейтенант Н.Н. Юденич награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

19 января — в бою геройски погиб ротмистр 12-го гусарского Ахтырского полка Л.А. Панаев (посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени).

9 марта — русские войска взяли австро-венгерскую крепость Перемышль.

14 марта — генерал от инфантерии М.В. Алексеев назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом.

26 января — 8 февраля — Августовская операция Северо-Западного фронта.

15 февраля — открыто Московское братское кладбище.

17 февраля — конец марта — Праснышская операция Северо-Западного фронта.

18 марта — поручик А.А. Казаков совершил второй и последний в истории Первой мировой войны воздушный таран, за который был удостоен Георгиевского оружия.

18 апреля — Горлицкий прорыв на Юго-Западном фронте и начало Великого отступления. «Снарядный голод» в русской армии.

28 апреля — начальник 48-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

29 апреля — Л.Г. Корнилов взят в плен.

10 мая — Италия объявила войну Австро-Венгрии.

8 июня — в Барановичах открыт первый в Российской империи памятник героям Первой мировой войны (снесен в 1950-х годах).

13 июня — 7 августа — германское наступление в Польше и Прибалтике.

26 июня — 21 июля — Алашкертская операция Отдельной Кавказской армии.

4 августа — разделение Северо-Западного фронта на Северный и Западный фронты. Главнокомандующим Западным фронтом назначен генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Командующий Отдельной Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

6 августа — в Рижском заливе в неравном бою с германскими линкорами и эсминцами геройски погибла русская канонерская лодка «Сивуч» под командованием капитана 2-го ранга П.Н. Черкасова (посмертно удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени). Император Николай II принимает решение стать Верховным главнокомандующим.

8 августа — Ставка Верховного главнокомандующего перенесена из Барановичей в город Могилёв.

10 августа — Италия объявила войну Германии.

18 августа — генерал от инфантерии М.В. Алексеев назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего.

23 августа — новый Верховный главнокомандующий император Николай II прибыл в Могилёв.

27 августа — 6 сентября — Свенцянский прорыв германской кавалерии на русском Западном фронте и его ликвидация.

9 сентября — на Западном фронте геройски погибла в бою сестра милосердия Р.М. Иванова — единственная женщина, посмертно удостоенная ордена Святого Георгия 4-й степени.

4 октября — в Царском Селе освящен храм Божьей Матери «Утоли моя печали», посвященный памяти павших на Первой мировой войне (снесен в 1938 году).

6 октября — Болгария объявила войну России. Октябрь — стабилизация всего русского фронта от Балтики до Карпат. Начало позиционной войны.

1915, 28 декабря — 1916, 3 февраля — Эрзерумская операция Отдельной Кавказской армии и взятие турецкой крепости Эрзерум.

1916, 15 февраля — командующий Отдельной Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич награжден орденом Святого Георгия 2-й степени.

23 января — 5 апреля — Трапезундская операция Отдельной Кавказской армии и захват турецкого порта Трапезунд.

5—18 марта — Нарочская операция Западного и Северного фронтов.

17 марта — генерал от кавалерии А.А. Брусилов назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

2 апреля — мать братьев Панаевых Вера Николаевна награждена Знаком отличия Святой Ольги 2-й степени, став единственным обладателем этой награды.

22 мая — 16 июля — победоносное наступление Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв).

9—27 июня — наступление турецкой армии и контрнаступление русской Отдельной Кавказской армии.

16 июня — в Вязьме открыт памятник героям Первой мировой войны (снесен в 1920-х годах).

20 июня — 16 июля — Барановичская операция Западного фронта.

20 июля — главнокомандующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов награжден Георгиевским оружием с бриллиантами.

23 июля — 29 августа — Огнотская операция Отдельной Кавказской армии.

14 августа — Румыния объявила войну Австро-Венгрии.

15 августа — Германия и Турция объявили войну Румынии.

19 августа — Болгария объявила войну Румынии.

12 сентября — в неравном воздушном бою над местечком Боруны геройски погиб экипаж русского тяжелого бомбардировщика «Илья Муромец-XVI» — поручики Д.Д. Макшеев, М.А. Рахмин, Ф. Гаибов и О.С. Карпов (посмертно удостоены орденов Святого Георгия 4-й степени).

13 сентября — бежавший из плена генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов назначен командиром 25-го армейского корпуса.

24 ноября — создан Румынский фронт.

1917, 23 февраля — начало Февральского переворота в России.

2марта — отречение императора Николая II и создание Временного правительства. Издание Приказа № 1, вводившего в русской армии комитеты. Главнокомандующим Петроградским военным округом назначен генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов.

24 марта — вступление США в войну на стороне Антанты.

2 апреля — Верховным главнокомандующим назначен генерал от инфантерии М.В. Алексеев.

3 апреля — создан Кавказский фронт, главнокомандующим которого назначен генерал от инфантерии Н.Н. Юденич.

Март—апрель — массовые братания на фронте, «гучковская чистка» высшего командного состава русской армии.

29 апреля — генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов назначен командующим 8-й армией.

9 мая — А.Ф. Керенским подписана «Декларация прав солдата и гражданина».

22 мая — Верховным главнокомандующим назначен генерал от кавалерии А.А. Брусилов.

31 мая — главнокомандующий Кавказским фронтом Н.Н. Юденич отстранен от должности.

16 июня — вступление в войну Греции на стороне Антанты.

18 июня — 30 июля — безуспешное «наступление Керенского» на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах.

27 июня — в русской армии созданы первые ударные части.

7—12 июля — серия приказов, направленных на восстановление дисциплины в армии.

10 июля — генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

19 июля — генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов назначен Верховным главнокомандующим.

20 августа — германские войска заняли Ригу.

27 августа — Корниловский мятеж.

31 августа — Верховным главнокомандующим становится премьер-министр России А.Ф. Керенский, а его начальником штаба — М.В. Алексеев.

1 сентября — в Могилёве М.В. Алексеевым арестованы Л.Г. Корнилов и его соратники.

11 сентября — М.В. Алексеев уходит с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего.

12 сентября — арестованный Л.Г. Корнилов переведен в тюрьму города Быхова.

25 октября — государственный переворот в Петрограде, власть захватывает партия большевиков во главе с В.И. Лениным.

26 октября — принят Декрет о мире, предлагающий правительствам всех воюющих стран начать мирные переговоры.

30 октября — М.В. Алексеев уезжает из Петрограда на Дон.

3 ноября — обязанности Верховного главнокомандующего исполняет генерал-лейтенант Н.Н. Духонин.

9 ноября — за отказ начать переговоры о мире Н.Н. Духонин отстранен советским правительством от должности.

10 ноября — начало демобилизации армии, на фронте заключаются первые перемирия на местном уровне.

12 ноября — Верховным главнокомандующим назначен большевик прапорщик Н.В. Крыленко.

20 ноября — захват Ставки Верховного главнокомандующего большевиками, расправа над Н.Н. Духониным, уход Л.Г. Корнилова и его соратников на Дон и первый бой Гражданской войны у станции Красный Берег. Начало переговоров о перемирии между делегацией РСФСР и Центральными державами в Брест-Литовске.

26 ноября — летчик-истребитель подполковник А.А. Казаков одержал свою последнюю воздушную победу, уничтожив 20-й по счету самолет противника.

30 ноября — вступило в силу положение о демократизации армии, вводившее выборность командиров.

4 декабря — вступило в силу 28-дневное перемирие по всему фронту от Балтики до Дуная. Официально разрешено братание.

9—15 декабря — первый раунд мирных переговоров в Брест-Литовске.

16 декабря — в русской армии отменены чины, ордена и погоны.

27 декабря — второй раунд мирных переговоров в Брест-Литовске.

1918, 15 января — провозглашено создание Красной армии.

28 января — безрезультатное завершение мирных переговоров в Брест-Литовске.

31 января — в России введен «новый стиль», сразу наступает 14 февраля.

18 февраля — начало наступления германских войск по всему русскому фронту, в ходе которого немцами были захвачены Минск, Киев, Псков и Ревель (Таллин).

19 февраля — обращение советского правительства к Центральным державам с просьбой о мире.

1 марта — возобновление мирных переговоров.

3 марта — подписание между РСФСР и Центральными державами мирного договора в Брест-Литовске (Брестский мир). По его условиям от Советской России отторгалась территория

площадью 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек (Польша, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Финляндия, Карсская и Батумская области); армия и флот демобилизовывались, причем Черноморский флот полностью передавался Центральным державам; РСФСР обязывалась выплатить Германии и ее союзникам 6 миллиардов марок.

5 марта — упразднена должность Верховного главнокомандующего.

7 марта — последние боевые действия Первой мировой войны на русском фронте.

16 марта — ликвидирована Ставка Верховного главнокомандующего.

31 марта — гибель в Екатеринодаре Л.Г. Корнилова.

Апрель—май — наступление австро-венгерских войск на юге и захват ими Одессы, Николаева, Херсона, Харькова, Таганрога, Ростова-на-Дону, Белгорода.

25 сентября — смерть в Екатеринодаре М.В. Алексеева.

29 сентября — капитуляция Болгарии.

30 октября — капитуляция Турции. 3 ноября — капитуляция Австро-Венгрии.

11 ноября — заключено Компьенское перемирие между представителями Антанты и германского командования. Германия отказывается от условий Брестского мира. Окончание Первой мировой войны.

13 ноября — Брестский мир аннулирован.

Декабрь — последние германские и австро-венгерские войска покидают территорию России.

1919, 1 августа — в Двинском Березнике погиб в авиакатастрофе А.А. Казаков.

1926, 17 марта — в Москве скончался А.А. Брусилов.

1932 — закрыто Московское братское кладбище героев Первой мировой войны.

1933, 5 октября — в Ницце скончался Н.Н. Юденич.

1964—1966 — в СССР воздвигнуты первые памятники героям Первой мировой войны (д. Сташаны и д. Крево, Белоруссия).

2000, 11 ноября — в Льеже (Бельгия) открыт памятник русским воинам Первой мировой войны.

2004, 1 августа — открытие мемориального комплекса на месте Московского братского кладбища героев Первой мировой войны.

2008, 11 ноября — открыт первый в России памятник героям Первой мировой войны (г. Пушкин).

2010, 4 сентября — в Реймсе (Франция) открыт памятник воинам Русского экспедиционного корпуса.

2011, 11 июня — в Париже открыт памятник воинам Русского экспедиционного корпуса.

14 августа — открыто Минское братское кладбище героев Первой мировой войны (существовало в 1915—1937 годах).

2012, 31 декабря — Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина день 1 августа объявлен в России Днем памяти воинов, погибших в Первой мировой войне.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 140, 393, 555, 579, 1780, 1789, 1807, Р-5829, Р-5881, Р-5972, Р-6435, Р-6683, 10 017, 10 098.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 55, 162, 318, 366, 400, 409, 544, 2000, 2003,2007, 2008, 2067, 2077, 2134, 2697,3509, 14 371,16 196.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11, 28 361, 33 989, 39 540.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф.417, 609.

Государственный архив Саратовской области. Ф. 32.

Государственный архив Ставропольского края. Ф. 311.

Ставропольский государственный объединенный краевой музей. Ф. 78.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РА Н.Ф. 214.

Электронные ресурсы

Материалы сайтов «Русская армия в Великой войне» (www grwar. ru), «Великая война 1914—1917. Форум истории и реконструкции» (http://1914. borda.ru), «Русская Императорская армия» (www. regiment, ru), «Август 1914-го…» (http:// august-1914. ru), «Кортик. Флот, история, люди» (www. kortic. spb. ru), «Military Ukraine» (http://milua. org), «Военно-историческое объединение 49-я пехотная дивизія» (http://bergenschild. ru), «Всероссийское Генеалогическое древо» (www. vgd. ru), «Военно-исторический клуб “Ахтырские гусары”» (www. gusa. ru), «Память чести» (www. white-guard.ru), «Военная литература» (www. militera. lib. ru), www. sammler. ru.

Материалы периодической печати

Материалы периодических изданий «Военный сборник», «Военно-исторический журнал», «Вопросы истории», «Искры», «Летопись Великой войны 1914—1917», «Огонек», «Разведчик», «Русские ведомости», «Русский инвалид», «Русское слово», «Утро России».

1917. Разложение армии. М., 2010.

Аверченко С.В. Авиаторы — георгиевские кавалеры // Военно-исторический журнал. 2006. № 6.

Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. М., 1995. А.Л. Козьма Фирсович Крючков в гражданской войне // Казачий путь. 1926. № 90.

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003.

Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993.

Александров Б.Ю. А.А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877—1924. М., 2009.

Алексеев М.В. Дневники, письма, записки // Грани. 1982. № 125.

Алексеева-Борель В.М. Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1992. № 9—12; 1993. № 3, 7, 10.

Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах Русской Императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

Алешин А. Награды Первой мировой. М., 2009.

Алфавитный список дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года. Минск, 1903.

Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914—1917. Ереван, 1971.

Базанов С.Н. Судьба первого георгиевского кавалера Первой мировой // Военно-исторический журнал. 2001. №11.

Балк В. Развитие тактики в мировую войну. Пг, 1923.

Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.) Т. 1—4. М., 1948-1949.

Белаш Е. Мифы Первой мировой. М., 2012.

Белой А. Галицийская битва. М., 1929.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986.

Б-кий Д. Станица Усть-Хоперская (письмо в редакцию) // Донские областные ведомости. 27.8.1914. № 194.

Бондаренко В.В. Утерянные победы Российской империи. Минск, 2010.

Бонч-Бруевич М.Д. Потеря Галиции в 1915 году. Ч. 1. М., 1920; Ч. 2. М., 1926.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004.

Бубнов А.Д. В царской ставке. СПб., 1995.

Буравченков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической

революции. Киев, 1988.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

Бурский П.Д. Армия свободной России. М., 1917.

Бурский П.Д. Революция и офицеры. М., 1917.

Вадимов Е. Корнеты и звери (славная школа). Нью-Йорк, 1954.

Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914-1918 гг. Ч. 1-2. М., 1928.

Васин И. Армия и революция. М., 1973.

Вебер Ю. Брусиловский прорыв. М., 1941.

Вержховский Д. В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. Военно-исторический очерк. М., 1964.

Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940.

Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк, 1910.

Виноградов А.П. Воинские чины и звания русской армии и флота (1722-1917 гг.). М., 2009.

Владимирова И. Контрреволюция в 1917 г. Корниловщина. Л., 1924.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936.

Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Биобиблиографический справочник. М., 2004.

Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. Кн. 1-3. М., 2008.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2004.

Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864—1917: история военных училищ. М., 2002.

Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914—1918 гг. М., 1994.

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. М., 2001. Т. 20.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. СПб., 1993.

Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — февраль 1917 г.) М., 2003.

Генерал А.А. Брусилов (очерки о выдающемся русском полководце). Тула, 2010.

Героический подвиг донского казака К.Ф. Крючкова. М., 1914.

Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.,

2001.

Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. Париж, 1930.

Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006.

Госданкер В. Дева из старинного альбома // Ставропольская правда. 2000. 4 августа.

Гофман М. Записки и дневники (1914—1918 гг.). Л., 1929.

Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914-1918 гг. Рязань, 2010.

Гурко В.И. Война и революция в России. Воспоминания командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007.

Давыдов В.Д. Славное казачество во Вторую Отечественную войну. Новочеркасск, 1915.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924.

Джолл Д. Истоки Первой мировой войны. Ростов н/Д., 1998.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1—2. М., 2003.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1931.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2006.

Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917—1922. Белые армии. М., 1998.

Дерябин А., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917— 1922. Национальные армии. М., 2000.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003.

Документы из архивов царского и Временного правительства. 1914— 1917. Т. 1-10. М.; Л., 1931-1938.

Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2.

Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977.

Жданов Н.Н. Русские военнопленные в мировой войне. М., 1920.

Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000.

Зайончковский А. Л/. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М, 2003.

Звегинцов В.В. Русская армия 1914 года. Подробная дислокация. Формирования 1914—1917 года. Регалии и отличия. Париж, 1959.

Зверства немцев в войну 1914—1918 гг. Л., 1943.

Зернин А.Л. Балтийцы. Морские рассказы. Париж, 1931.

Иванов И.Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965.

Иванова Г.П., Шендриков Е.А. Ставка Верховного главнокомандующего в борьбе против развала русской армии (июнь—июль 1917 г.)// Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Вып. 33. Воронеж, 2004.

Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

Иоффе Г. З. Семнадцатый год. Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000.

История Великой войны. М., 1916.

История Первой мировой войны 1914—1918. Т. 1—2. М., 1975.

История флотского духовенства. М., 1993.

Каледин Н. Козьма Фирсович Крючков (Воспоминания) // Казачья жизнь. 1964. № 138.

Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX — начала XX века. Справочные материалы. М., 2008.

Капков К.Г. Священники — кавалеры Императорского Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.; Белгород, 2012.

Капустин М. И Заговор генералов. Из истории корниловщины и ее разгрома. М., 1968.

Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002.

Карпущенко С.Б. Быт русской армии XVIII — начала XX века. М., 1999.

Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005.

Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1—2. Смоленск, 2004.

Керсновский А.М. Мировая война (Краткий очерк). К 25-летию объявления войны (1914—1939). Белград, 1939.

Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914—1917 гг.). М.; Л., 1926.

Князь Олег. Пг., 1915.

Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 2011.

Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008.

Кондзеровский Л.К. В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967.

Константинов С. В., Оськин М.В. Русские офицеры военного

времени. 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2008. № 8.

Корниш Н. Русская армия 1914-1918. М., 2005.

Коробенкова О. В., Лукина Н.В. Родственные и дружеские связи представителей вологодских фамилий Зубовых, Ухтомских и Макшеевых // www. booksite. ru/fulltext/zub/ovy/006/2. htm.

Корсун Н.Г. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. М., 1940.

Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946.

Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция. М., 1935.

Корсун Н.Г. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915-1916 гг. М., 1938.

Котков В.М. Военное духовенство России: страницы истории. Т. 1—2. СПб., 2004.

Краснов В.Н. Балтийский «Варяг» // Природа. 2005. № 7.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить! М., 2003.

Кузнецов Б.И. Кампания 1916 г. на фронтах Первой мировой войны. М., 1941.

Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005.

Курдюк А.А. Комплектование и расстановка офицерского корпуса русской армии в годы Первой мировой войны. М., 1998.

Лазарев С.А. Герои Великой войны. СПб., 2007.

Лашков А. Ю., Носовский Г.П. Воздушные тараны 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2002. № 2.

Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск, 2003.

Ленивое А. К. Бессмертный казачий герой Козьма Крючков// Казачья жизнь. 1965. №176-178.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855—1918. М., 1998.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914-1918 гг. М., 1935.

Литтауэр В.С. Русские гусары. Воспоминания офицера императорской кавалерии. 1911—1920 гг. М., 2006.

Логофет Д.Н. С театра военных действий (Впечатления) // Разведчик. 1915. № 1307.

Лукин А.П. Русские моряки во время Великой войны и революции. Париж, 1934.

Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 1-12.

Луцкий прорыв. Труды и материалы. М., 1924.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918. М., 2005.

Мавродин В.В. Брусилов (очерк боевой деятельности). М., 1944.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914— 1918. Ч. 1-3. М., 1920-1923.

Марков О.Д. Русская армия 1914-1917. СПб., 2001.

Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927.

Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927.

Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Париж, 1933.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003.

Месснер Е.Э. Луцкий прорыв. К 50-летию Великой победы. Нью-Йорк, 1968.

Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). М., 1990.

Мировая война. Маневренный период 1914—1915 годов на русском (европейском) театре. М.; Л., 1929.

Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934.

Мировые войны XX века. Кн. 1—2. М., 2003.

Митюрин Д., Медведько Ю. Летающие тузы. Российские асы Первой мировой войны. СПб., 2006.

Муратов Х. И. Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1958.

Мураховский М.Н. Былое (Воспоминания офицера Российской Императорской Конницы). Буэнос-Айрес, 1972.

Навоев П. Герои офицеры и солдаты второй Отечественной войны. Пг., 1916.

Нарочницкая Н А. Великие войны XX столетия. М., 2010.

Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года. Сборник документов мировой войны. М., 1940.

Нелиповин С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006.

Ненахов Ю.Ю. Кавалерия на полях сражений XX века. 1900—1920. Минск, 2004.

Нестеровинберг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931.

Неустрашимый герой донской казак Козьма Крючков и его славные победы над врагами, как он один убил 11 немцев. Ростов н/Д., 1914.

Нешкин М. С, Шабанов В.М. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов. М., 2006.

Никольские С. Н. и М. Н Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. М., 2008.

Никольский В.П. Сарыкамышская операция 12—24 декабря ст. ст. 1914 года. София, 1933.

Никольский С. Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой. Ставрополь, 1916.

Нотовин Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1-2. М.; Л., 1947.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 2006.

Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009.

Оськин М.В. Крушение германского блицкрига в 1914 году. М., 2007.

Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.

Оськин М.В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. М., 2007.

Отечественная война 1914 года. Ч. 1—2. М., 1915.

Павлович М. Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Л., 1925.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Прусии в 1914 г. // Рейтар. 2009. № 3.

Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

Первая мировая война. Указатель литературы 1914—1993. М., 1994.

Первый Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001.

Покровский М. Н Империалистическая война. Сборник статей. М., 1931.

Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М., 1964.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. М., 1924.

Поликарпов В.В. 22—23 февраля 1917 года в Петрограде // Вопросы истории. 2005. № 10.

Португальский Р. Л., Алексеев П. Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М, 1994.

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М, 2004.

Поселянин Е. Краса русской армии братья Панаевы. Пг., 1917.

Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, входе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М, 2006.

Пронин А. Генерал Суворовской школы // Независимое военное обозрение. 2000. № 44.

Родин Ф.К. Козьма Фирсович Крючков // Родимый край. 1965. № 56.

Рождественский Л/. Луцкий прорыв. М., 1938.

Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М, 1925.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М, 2001.

Росту нов И.И. Генерал Брусилов. М, 1964.

Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М, 1976.

Рохмистров В. Авиация Великой войны. М., 2004.

Рубец И.Ф. Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в Первую мировую войну// Военная быль. 1964. № 68.

Рудая Е.Н. Забытая война и преданные герои. М., 2011.

Рутын Н.И. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М, 2002.

Рутын Н.И. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002.

Семанов С.И. Брусилов. М.,1980.

Сенин А. С Военное министерство Временного правительства. М., 1995

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

Силин А. С. Преступление империализма — трагедия народов. Очерки войны 1914—1918 гг. М, 1964.

Скворцов А.В. Канонерские лодки Балтийского флота «Гиляк», «Кореец», «Бобр», «Сивуч». СПб., 2000.

Соколов Ю.В. Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. М., 1994.

Солнцева С.А. Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 2.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1917 г. Минск, 2004.

Списки населенных мест Сувалкской губернии, как материал для историко-этнографической биографии края. СПб., 1901.

Списки Генералам по старшинству. СПб., 1856—1914.

Списки Полковникам по старшинству. СПб., 1855—1916.

Списки Подполковникам по старшинству. СПб., 1855—1913.

Списки Ротмистрам армейской кавалерии по старшинству. СПб., 1890-1913.

Справочная книжка для офицеров. М, 1917.

Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. М, 2010.

Стариков Н.В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб., 2010.

Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982.

Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 1—7. М., 1920—1923.

Строевой пехотный устав. Высочайше утвержден 6 апреля 1908 г. Исправлен и дополнен по 1 февраля 1916 г. Пг, 1916.

Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.

Судавцов Н.Д. «…Героиня, противопоставившая тевтонской забронированной силе свою любящую душу русской женщины» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3.

Суряев В.Н. Офицеры Русской Императорской армии. 1900—1917. М., 2012.

Сыцянко А.И. К 200-летнему юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб., 1900.

Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М., 1999.

Трамбицкий Ю.А. Чины и звания русской армии // Военно-исторический журнал. 1991. № 9.

Трофимов Н.Н. Высочайшие награды. Наградные правила, Высочайше утвержденные 1-го Августа 1898 года, с последовавшими в 1900, 1904, 1908, 1909, 1912 и 1915 гг. дополнениями, необходимые извлечения из т. I, III и IX Свода Законов, циркуляра, разъяснения и пр. Пг, 1916.

Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1—2. М., 1997.

Трут В.П. Казачество в период Первой мировой войны. Ростов н/Д., 1990.

Уорт Р. Антанта и русская революция 1917—1918. М., 2006.

Уткин Л.И. Первая мировая война. М., 2001.

Ушаков Л. И., Федюк В.П. Корнилов. М., 2006.

Федосеев С. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009.

Флот в первой мировой войне. Т. 1—2. М., 1964.

Фостен Д., Мэррион Р. Германская армия 1914—1918. М., 2003.

Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929.

Хайрулин М.А. «Илья Муромец». Гордость русской авиации. М., 2010.

Хайрулин М. А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008.

Храбрейшие герои казак Кузьма Крючков и другие казаки и их геройские подвиги. М., 1914.

Храбрейший герой Великой Отечественной войны, первый георгиевский кавалер, славный казак Тихого Дона Козьма Крючков и 12-ти летний мальчик герой георгиевский кавалер Андрюша Мироненко. М., 1914.

Христинин Ю.Н. Сестра милосердия. Ставрополь, 1987.

Христинин Ю. Н. …Не ради наград, но ради токмо родного народу // Военно-исторический журнал. 1994. № 1.

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.

Царская Россия в мировой войне. Л., 1926.

Цветков В. Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1.

Цветков В. Ж. Николай Николаевич Юденич // Вопросы истории. 2002. № 9.

Чаадаева О.Н. Корниловщина. М., 1930.

Черниловский А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. Брянск, 2005.

Чернобаев Л. А., Чертищев А.В. Действующая армия и власть в 1917 году// Военно-исторический журнал. 2006. № 7.

Чернушкин А.В. Русская армия XIX — начала XX века. М., 2004.

Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800-1917 гг. СПб., 1999.

Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1—2. М., 1996.

Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество. М., 2003.

Шацилло В.К. Последняя война царской России. М., 2010.

Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политики. М., 2000.

Шацилло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг.). М., 1974.

Шигин В.В. Последние герои империи. М., 2013.

Шишов А.В. Алексеев: последний стратег. М., 2004.

Шишов А.В. Корнилов: несостоявшийся диктатор. М., 2003.

Шишов А.В. Юденич: генерал суворовской школы. М., 2004.

Эйдеман Р. Армия в 1917 г. М.; Л., 1927.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 2003.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Верховный главнокомандующий
великий князь Николай Николаевич
2. Генерал от инфантерии М. В. Алексеев
3. Генерал-адъютант Н. И. Иванов
4. Начальник штаба Верховного главнокомандующего,
генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич
5. Генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов
6. Генерал-адъютант Н. В. Рузский

Демонстрация перед Зимним дворцом в день объявления войны с Германией. 20 июля 1914 г.

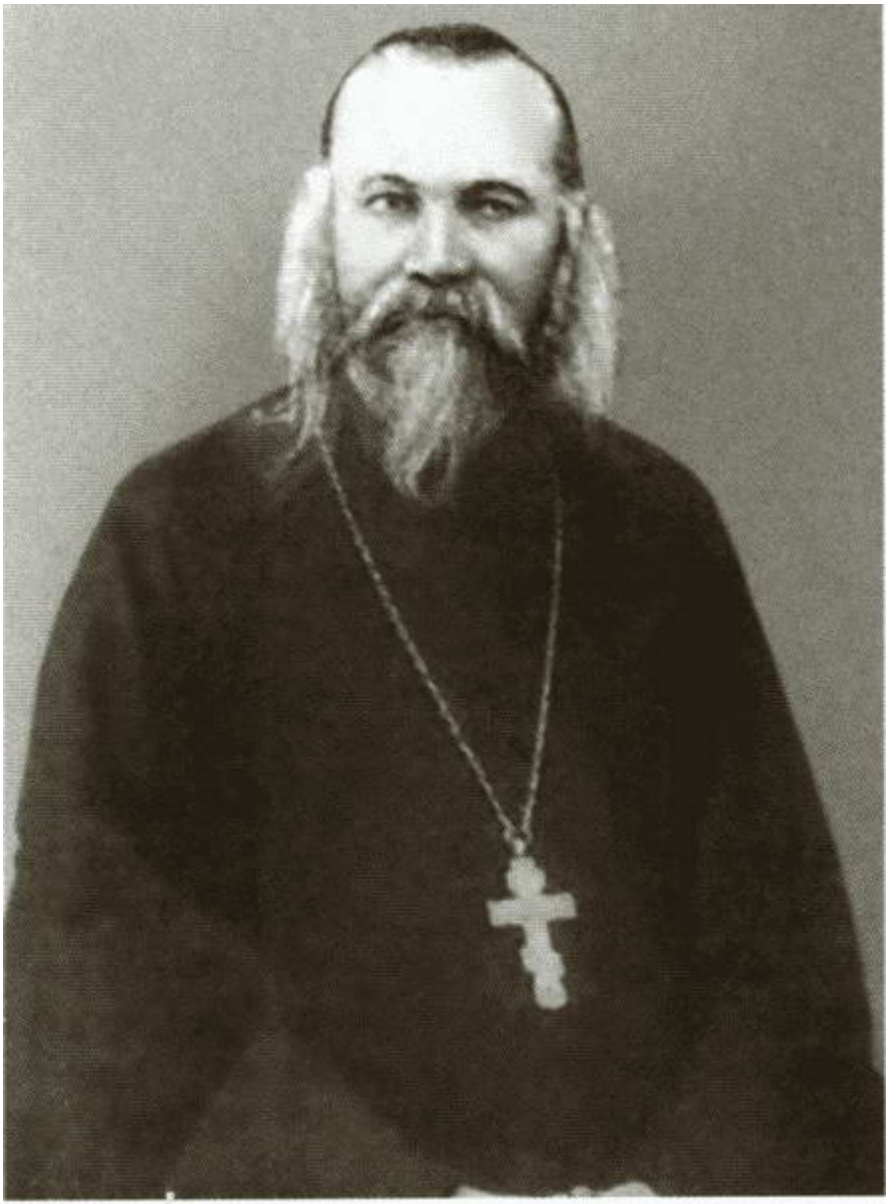
Русская кавалерия на марше

Мобилизация. Молебен перед выступлением в поход. Июль 1914 г.

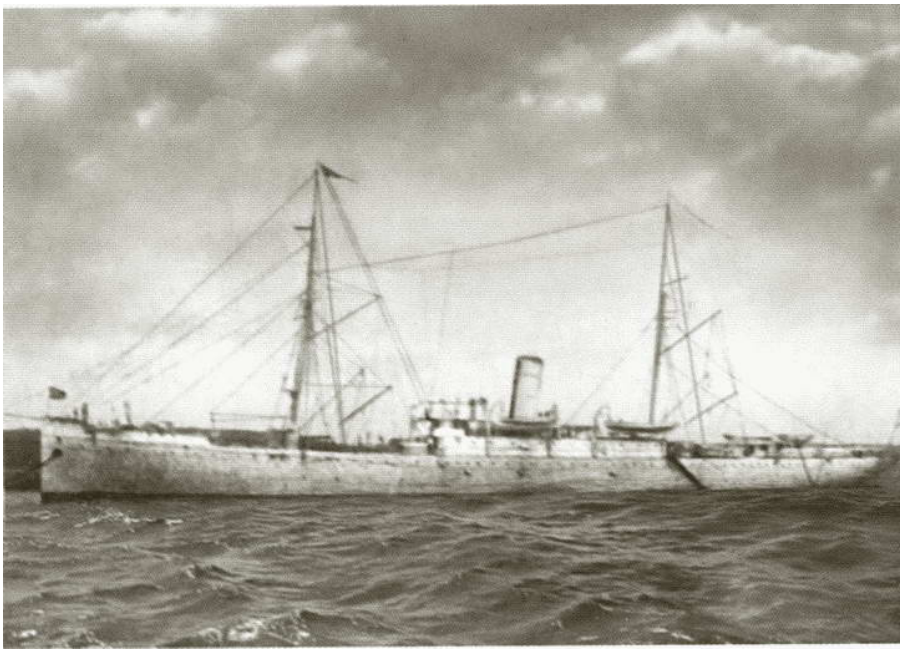
Русские войска вступают во Львов. 21 августа 1914 г.

Козьма Фирсович Крючков — первый георгиевский кавалер Первой мировой

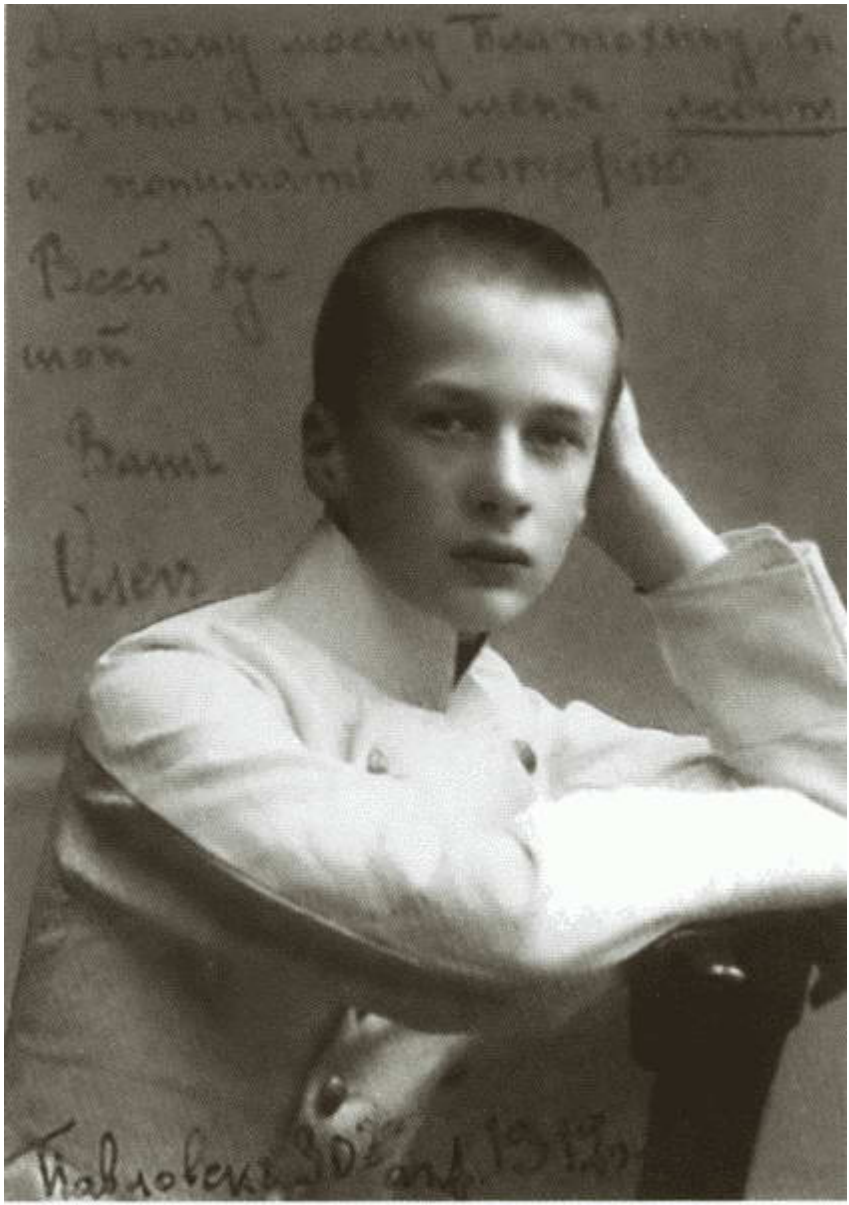
Бой Козьмы Крючкова 30 июля 1914 года



Отец Антоний (Смирнов)



Русский минный заградитель «Прут»



Князь императорской крови Олег Константинович. Павловск. 30 апреля 1912 г.

В атаку! В.В. Мазуровский. 1915 г.

Князья императорской крови (слева направо) Игорь, Иоанн и Олег Константиновичи на фронте. 7 сентября 1914 г.

Император Николай II и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в Ставке. Барановичи. 1915 г.

Александр Александрович Казаков — первый русский летчик-истребитель

Германская пехота на марше

Поручик Казаков таранит германский «Альбатрос» 18 марта 1915 года. М. Корнинг

Захват австро-венгерской батареи. Н.В. Самокиш

Братья Панаевы: (слева направо) Борис, Гурий и Лев — офицеры 12-го гусарского Ахтырского полка, посмертно награжденные орденами Святого Георгия 4-й степени

Позиции 132-го пехотного Бендерского полка на Северном фронте

Вера Николаевна Панаева — мать братьев Панаевых

Австрийские траншеи в Галиции

Расчет трехдюймового орудия 2-й батареи 34-й артиллерийской бригады на позиции

Русский расчет ведет огонь из пулемета системы «браунинг»

Атака русской пехоты

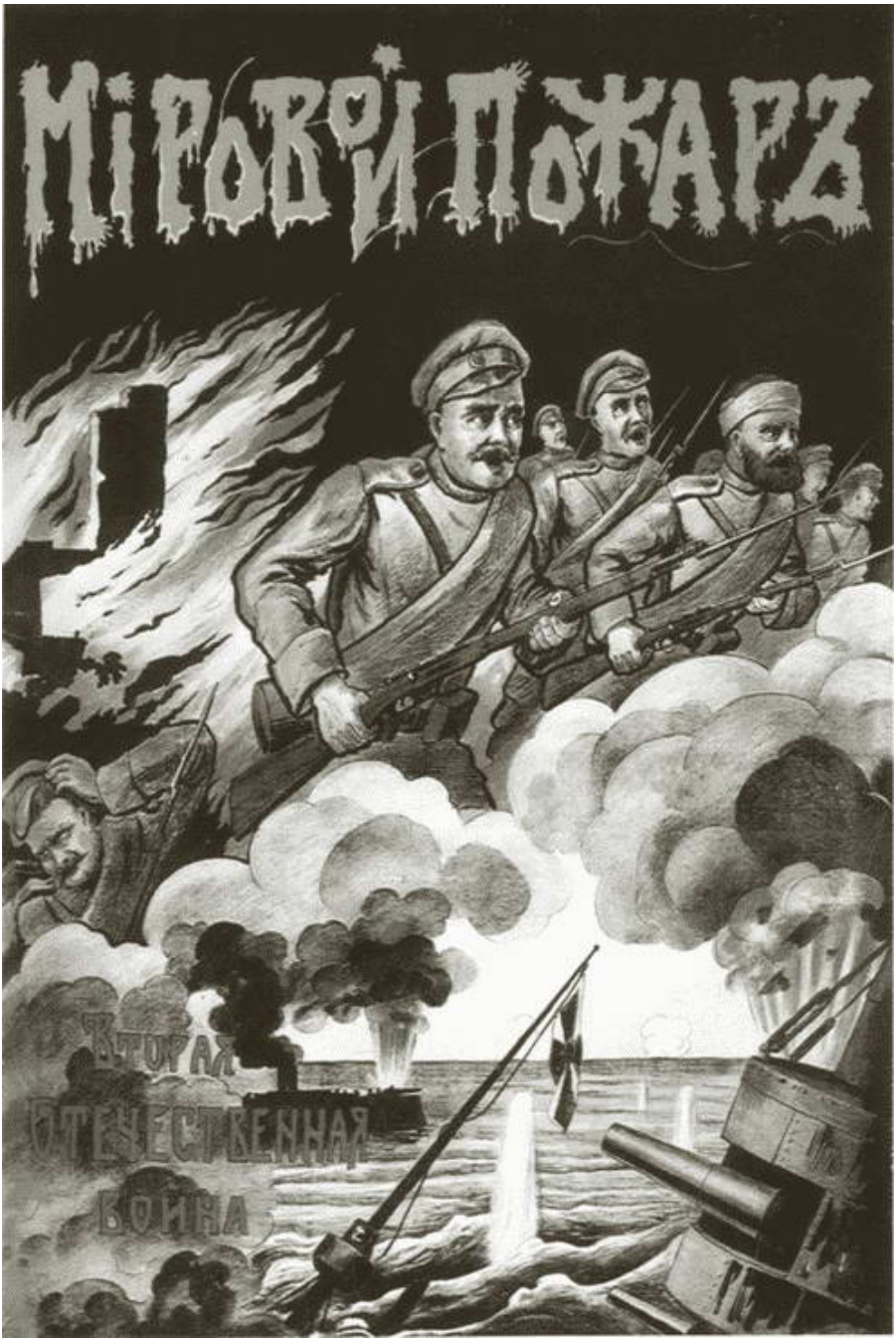
Похороны павших за Родину

Римма Иванова во время учебы в гимназии

Римма Михайловна Иванова с однополчанами незадолго до гибели

Разрушенная Брестская крепость. Август 1915 г.

Спасаясь от «германа»… Беженцы. Август 1915 г.



Мировой пожар. Вторая Отечественная война. Русский плакат. 1914 г.

Русские солдаты с трофейными знаменами, взятыми в Эрзеруме. 1916 г.

Николай Николаевич Юденич с офицерами своего полевого штаба

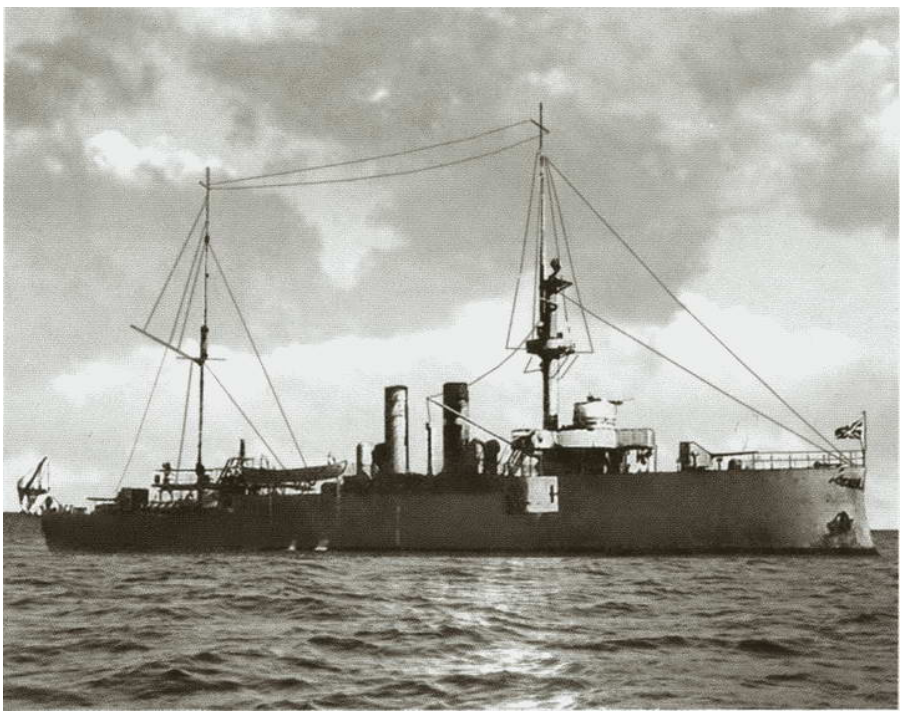
Русские позиции на Кавказском фронте

Н.Н. Юденич (третий слева) и великий князь Николай Николаевич (в центре) с генералами и офицерами Отдельной Кавказской армии после взятия Эрзерума

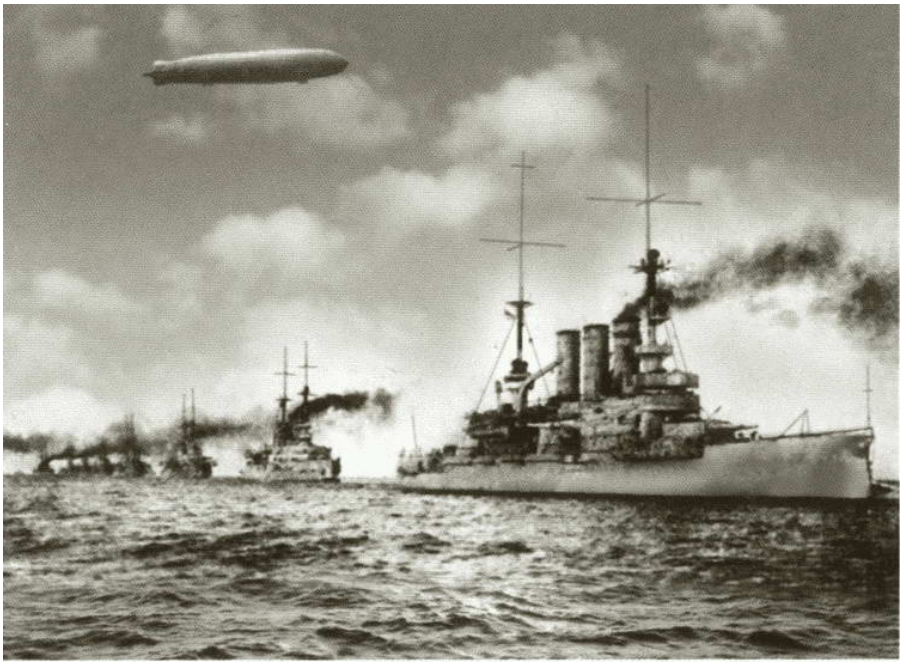
Штурм Эрзерума. Февраль 1916 г.

Капитан 2-го ранга Петр Нилович Черкасов — командир канонерской лодки «Сивуч»

Нижний Новгород. Дом, где родился П.Н. Черкасов. Фото О.И. Черкасовой. 2013 г.



Русская канонерская лодка «Сивуч»



Цеппелин над германскими военными кораблями

Атака германской пехоты

Фронтовики 1916-го. Офицеры 8-го стрелкового полка

Русская пехота в цепи

Германцы в захваченном городе

Совещание в Ставке 1 апреля 1916 года

Молебен перед наступлением в 37-й пехотной дивизии

Верховный главнокомандующий император Николай II, генерал-майор М.С. Пустовойтенко и генерал от инфантерии М.В. Алексеев в Ставке

Здание Ставки Верховного главнокомандующего. Могилев

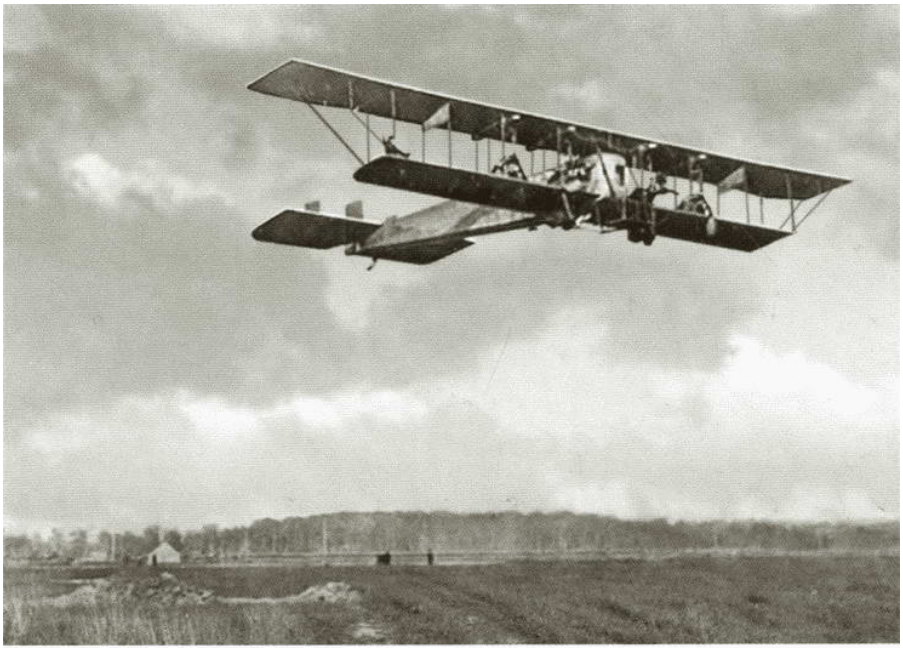
Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов с сыном Алексеем и офицерами штаба фронта

Русские гренадеры атакуют под шрапнельным огнем

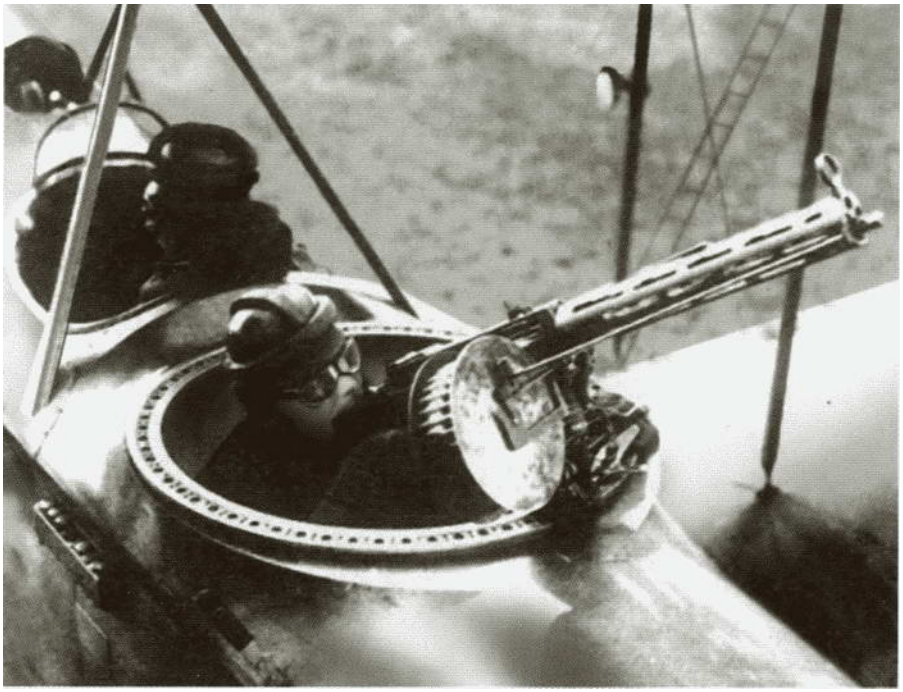
Пленные австро-венгерские солдаты

Трофейные австро-венгерские пушки

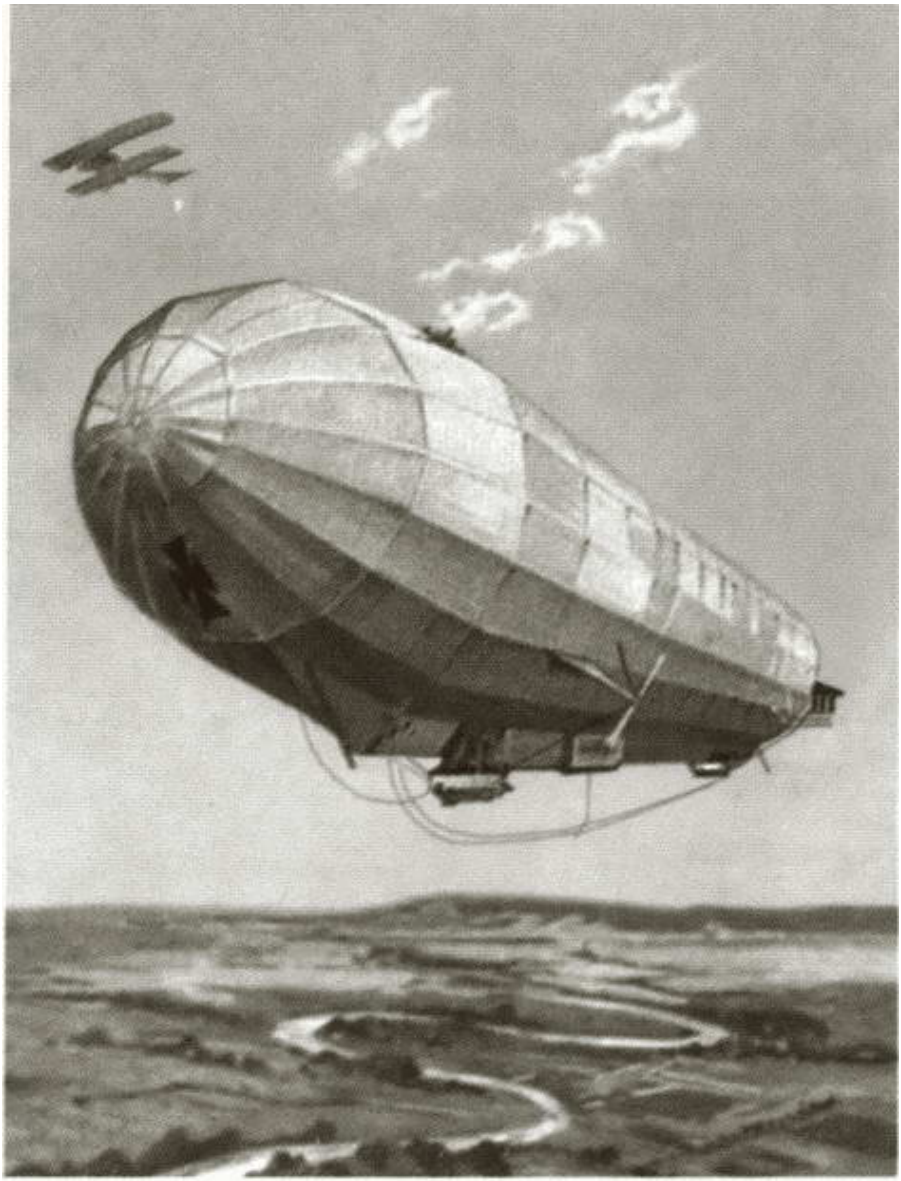
Экипаж самолета «Илья Муромец-XVI» незадолго до гибели В центре (слева направо) — поручики Ф. Гаибов, М.А. Рахмин, Д.Д. Макшеев и О.С. Карпов. Сентябрь 1916 г.



Русский тяжелый бомбардировщик «Илья Муромец» в полете



Германский пилот ведет огонь из авиационного пулемета MG.14 «Парабеллум»



Цеппелин в полете. Почтовая открытка. Германия. 1916 г.

Митинг под лозунгом «Да здравствует свободная армия!». Март 1917 г.

Братание. Русские и германские солдаты танцуют на позициях. Март 1917 г.

Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов

Быховские узники. Сентябрь 1917 г.

Памятник героям Первой мировой войны (снесен в 1920-х годах). Вязьма. 1916 г.

ISBN 978-5-235-03657-4

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

До 31 января 1918 года даты указаны по старому стилю, после — по новому.